

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ОБРАЗОВАНИЕ,

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ,

посвященный вопросам женскаго и мужскаго
воспитанія и обученія.

1/468
4:4-6

Образование (LSI)
в 4, № 4. (035)

А П Р Ъ Л Ъ.

1895 г.

Четвертый годъ изданія.

LIBRARY
DEC 21 1961
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
BERKELEY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Училища Глухонѣмыхъ. Гороховая, 18.

Слѣдующіе № № 5 — 6 „Образованія“ (Май — Іюнь) выйдутъ въ одной двойной по объему книжкѣ въ концѣ Іюня.

СОДЕРЖАНІЕ 4-го №.

	СТРАН.
I. Правительственныя распоряженія: А. По С. Е. И. В. Канцелярїи по учрежденіямъ Императрицы Марїи. Б. По Министерству Народнаго Просвѣщенія	15— 20
I отдѣль.	
1. Думы интеллигентной матери. Юліи Марковой	317—323
2. Изъ Пешта въ Вѣну. (Педагогическія замѣтки). Ольги Мутафиной	324—342
3. Обязательность и всеобщность начальнаго образованія. А. Н. Страннолюбскаго.	343—374
4. Воображеніе и его видоизмѣненія дѣтей. Ф. Кейра. Перев. Е. Максимовой.	375—387
5. О чтеніи вслухъ. Перев. Н. Леонтьевой	388—395
6. Гигиеническая обстановка закрытыхъ учебныхъ заведеній (преимущественно женскихъ). Д-ра А. Виреніуса	396—406
7. Критика и библиографія: 1. Александръ Введенскій. О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. А. Нечаева. — 2. Т. Рибо. Современная германская психологія. Его-же. — 3. Федоръ Шперкъ. Философія индивидуальности. Его-же. — 4. С. И. Шохоръ-Троцкій. Цѣль и средства преподаванія низшей математикѣ съ точки зрѣнія требованій общаго образованія. Е. Литвиновой	406—416
II отдѣль.	
1. Физиологическое направленіе въ современной русской эстетикѣ. А. Нечаева.	197—206
2. Школьные лѣтнія поѣздки. Е. Свѣшниковой	207—214
3. С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ. А. С.	214—216
4. Вопросникъ для психологическаго изслѣдованія о первыхъ воспоминаніяхъ дѣтства. Викторъ Анри.	216—217
5. Учительскій трудъ и вознагражденіе. (Письмо въ редакцію).	217—219
6. Два юбилея. (В. Г. Васильевскаго и А. Н. Веселовскаго). В. В. С.	220—221
7. О пріютѣ для глухонѣмыхъ. (Письмо въ редакцію).	222—223
8. Изъ жизни и литературы; (Хроника). 1. Торжественное открытіе Ксеніинскаго института. 2. Потребность въ высшемъ женскомъ образованіи. — О провинціальному просвѣщенію. — Къ вопросу объ обязательности начальнаго образованія. — Противъ тѣлесныхъ наказаній. — Общество школьныхъ дачъ для учениковъ	223—230
9. Къ статистикѣ образованія: 1. Народное образованіе въ Канадѣ въ 1893—94 г. 2. Статистика народнаго образованія въ Орловской губерніи за 1894 г. 3. Національный союзъ учащихся въ Англіи. 4. Бюджетъ города С.-Петербурга на народное образованіе въ 1894 г. 5. Статистическія данныя о преступности.	230—233
10. Разныя извѣстія и сообщенія: 1. Культура нравственности. 2. Крестинъ въ антропологическомъ обществѣ. 3. Пожертвованія на школы.	235—238
11. Изъ области знаній: 1. Вліаніе электрическаго свѣта на нервную систему. 2. Превращеніе морской воды въ прѣсную. 3. Новый способъ химической очистки воды. 4. Планета Марсъ. 5. Железныя дороги въ одинъ рельсъ. 6. Губительное дѣйствіе холода на рыбу. 7. Взрывчатые плоды. 8. Обработка каменной сжатимъ воздухомъ. 9. Гиганскій дубъ. 10. Покровительство чибезамъ. 11. Электрическія швейныя машины	238—244
12. Указатель вновь вышедшихъ книгъ	
14. ПРИЛОЖЕНІЕ. Умственное и нравственное развитіе ребенка. Компаре. (Переводъ съ французскаго С. Исаевой и Л. Макухиной)	63— 71
15. Листовъ объявленій. 1. «Сѣверный Вѣстникъ». 2. «Вопросы философіи и психологіи». 3. «Дѣтское Чтеніе». 4. Новыя книги и брошюры Изданія журнала «Образованія».	

L 51
035
v. 4: 4-6

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

А. По С. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

І. ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

1) Объ утвержденіи описанія и рисунка знака для служащихъ по дѣтскимъ пріютамъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, 14 августа 1894 года, Высочайше соизволилъ утвердить описаніе и рисунокъ знака для служащихъ по дѣтскимъ пріютамъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи: золоченаго для попечителей и попечительницъ пріютовъ, помощниковъ ихъ и помощницъ, директоровъ дѣтскихъ пріютовъ и почетныхъ членовъ совѣтовъ и попечительствъ, серебрянаго для почетныхъ старшинъ пріютовъ. Знаки эти, имѣющіе на оборотной сторонѣ фамилію лица, носятся на правой сторонѣ груди; ношеніе ихъ не обязательно; они выдаются желающимъ при особомъ дипломѣ со взносомъ платы, установленной главноуправляющимъ.

0 таковомъ Высочайшемъ повелѣніи Министръ Юстиціи, 4 ноября 1894 года, предложилъ Правительствующему Сенату.

(Собр. узак. и Распор. Пр. 1895 г. № 38 ст. 254).

2) О награжденіи книгами и похвальными листами ученицъ, оканчивающихъ курсъ въ С.-Петербургскихъ Маріинскихъ женскихъ училищахъ.

Существующія въ С.-Петербургѣ два четырехклассныя Маріинскія женскія училища хотя и даютъ воспитывающимся въ нихъ законченное элементарное образованіе (безъ иностранныхъ языковъ), но ученицамъ, получившимъ аттестаты объ успѣшномъ окончаніи въ нихъ курса, не присвоено никакихъ правъ, подобныхъ правамъ дѣвицъ, оканчивающихъ курсъ въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Поэтому, для большаго поощренія прилежныхъ ученицъ Маріинскихъ училищъ, Опекунскій Совѣтъ призналъ полезнымъ награждать лучшихъ изъ нихъ при окончаніи курса книгами и похвальными листами или просто похвальными листами и одобрилъ составленныя на сей предметъ правила слѣдующаго содержанія:

1) Ученицы, оканчивающія курсъ С.-Петербургскихъ Маріинскихъ училищъ, могутъ быть, по представленіямъ мѣстныхъ конференцій, съ утвержденія Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, награждаемы: 1) похвальными листами и книгами и 2) одними похвальными листами.

2) Число всёх награждаемых не должно превышать $\frac{1}{3}$, а число удостоиваемых награжденія книгами— $\frac{1}{3}$ общаго числа оканчивающихъ курсъ учениць.

Примѣчаніе. Дроби, получаемыя при дѣленіи числа учениць на 3 и на 9, принимаются за цѣлыя единицы.

3) для удостовѣренія упомянутыхъ въ ст. 1 наградъ ученицы должны удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ:

а) въ поведеніи за каждый изъ 2 послѣднихъ годовъ ученія имѣть полный балль—12;

б) въ среднемъ выводѣ изъ отгѣтокъ за успѣхи въ наукахъ и рукодѣліяхъ имѣть за послѣдній годъ въ отдѣльности не менѣе 10, а за 2 послѣдніе года вмѣстѣ взятые: для полученія права на похвальный листъ и книгу не менѣе 11, а на одинъ похвальный листъ не менѣе 10;

в) ни по одному изъ научныхъ предметовъ и рукодѣлій не имѣть за 2 послѣдніе года менѣе 8, а за рисованіе и чистописаніе за послѣдній годъ менѣе 7, и

г) въ каждомъ изъ 2 старшихъ классовъ оставаться не долѣе одного года.

Примѣчаніе. Изъятіе изъ сего правила (п. г.) можетъ быть допущено въ томъ лишь случаѣ, если ученица была оставлена на второй годъ въ томъ же классѣ вслѣдствіе болѣзни, препятствовавшей ей цѣлое полугодіе посѣщать училище.

На приведеніе изложенныхъ правилъ въ дѣйствіе съ нынѣшняго учебнаго года Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи, согласно положенію Опекунскаго Совѣта, всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 24 день февраля 1895 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

(Собр. узак. и Распор. Пр. 1895 г. № 54 ст. 368).

Б. По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіе учебнаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: 1) «Д-ръ Кончинемъ Гейки. Жизнь и ученіе Христа. Переводъ съ англ. свящ. *Мисаила Оувейскаго*. Вып. I. Москва. 1893. Стр. XIV+304, цѣна 1 р. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 коп.»— 2) «Очевидныя истины христіанства въ ихъ отношеніи къ современной мысли. Апологетическія лекціи *Роу*, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ. Переводъ съ англійскаго священника *Мисаила Оувейскаго*. Москва. 1892. Стр. IV+209, цѣна 1 рубл.»—одобрить для фонд. библ. ср. учебн. заведеній мин. нар. просвѣщенія.

— «Русская хрестоматія для старш. кл. ср. учебн. заведеній. Часть IV. Посobie при изученіи теоріи прозы.—Часть V. Посobie при изученіи теоріи поэзіи. Сост. *Н. Покровский*. Москва. 1894. Ч. IV, стр. 748, цѣна 1 р. 50 коп.—Ч. V. Стр. 873+79, ц. 1 р. 60 коп.»—допустить въ ученич. библ. ср. учебн. заведеній и городскихъ училищъ, а также учительскихъ институтовъ и семинарій.

— «Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ, для постепеннаго изученія роднаго языка, въ четырехъ отдѣлахъ, съ приложеніемъ текста церковно-славянскаго языка. Сост. *Конст. Федор. Петровъ*. Изд. 6-е, исправл. и дополн. Москва. 1893. Стр. VIII+224, цѣна 40 коп., въ перепл. 50 коп.»—допустить для употребленія въ низшихъ классахъ ср. учебн. заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также для народныхъ школъ.

— «Гай Саллюстій Криспъ. Полное собраніе сочиненій. Перевелъ и объяснилъ *В. Рудаковъ*. Спб. 1894. Стр. 290+20.»—одобрить для фонд. библ. ср. учебн. заведеній.

— «Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV вѣка по Р. Хр. Составилъ *Я. Г. Мищенко*. Изданіе, исправленное по указанію ученаго комитета. Кіевъ. 1893. Стр. 253, цѣна 1 р. 50 коп.»—рекомендовать для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста гимназій и реальныхъ училищъ.

— «Систематическій сборникъ ариметическихъ задачъ для гимназій и прогимназій мужскихъ и женскихъ, реальныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій. Составили *В. Арбузовъ, В. Мининъ, А. Мининъ, Д. Назаровъ*, преподаватели Московскихъ гимназій. Изданіе 6-е. Москва. 1894. Стр. IV+240, цѣна 60 коп.»—одобрить какъ учебное пособие въ ср. учебн. заведеніяхъ.

— «Методы рѣшеній вопросовъ элементарной геометріи. *Въри Шиффъ*. Спб. 1894. Стр. 113, цѣна 1 р.»—рекомендовать для фонд. и ученич., для старшаго возраста, библиотекъ ср. уч. заведеній.

— «Собраніе геометрическихъ теоремъ и задачъ. Составилъ *Е. Пржевальскій*, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Изданіе 6-е, исправленное. М. 1891. Стр. 366, цѣна 1 р. 60 коп.»—одобрить для ученич. библ. ср. учебныхъ заведеній.

— «Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ на построеніе и Сборникъ геометрическихъ задачъ съ полными и краткими рѣшеніями. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній (для старшихъ классовъ). Составилъ *К. Александровъ*, преподаватель Тамбовской гимназій. Изданіе 5-е, исправл. М. 1894. Стр. 168, цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 коп.»—одобрить какъ учебн. пособие для средн. учебн. заведеній.

— «Сборникъ геометрическихъ задачъ, съ приложеніемъ тригонометріи. Для учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ (примѣнительно къ правиламъ объ испытаніяхъ учениковъ, утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія 1891 года). Составилъ *Н. Сорокинъ*, преподаватель Кіево-Печерской гимназій. Изданіе 4-е, значительно дополненное противъ третьяго. Кіевъ. 1894. Стр. 61, цѣна 50 коп.»—одобрить какъ учебное пособие для двухъ старшихъ классовъ гимназій.

— «Краткій курсъ прямолинейной тригонометріи. Составилъ *К. Тороповъ*, преподаватель Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища. Пермь. 1894. Стр. 115, цѣна 75 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— «Иллюстрированные романы *В. Скотта*. Айвено. Изданіе 2-е. Спб., цѣна 1 р. 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

— «Рѣчи Демосеена противъ Филиппа. Для учениковъ гимназій объяснилъ *Иосифъ Добіашъ*. Выпускъ III. Введеніе и рѣчи, вторая и третья противъ Филиппа. Нѣжинъ. 1894. Стр. XXX+134, цѣна 1 руб.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку въ гимназіяхъ министерства.

— *Н. Раевскаго* подъ общимъ заглавіемъ: «Краткій учебникъ географіи. Изданіе 5-е, исправленное. Спб. 1894. Часть I. Описаніе земаго шара. Съ 60-ю рисунками и 3-мя раскрашенными картами. Стр. 65, цѣна 50 коп. Часть II. Европейскія страны. Съ 4-мя раскрашенными картами и 64 фигурами въ текстѣ. Стр. 92, цѣна 65 коп. Часть III. Западная Европа. Съ 4-мя раскрашенными картами и 54 фигурами въ текстѣ. Стр. 102, цѣна 65 коп.»—одобрить въ видѣ руководства для мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— *П. П. Надеждинъ*. Кавказскій край. Природа и люди. Изданіе 2-е, совершенно вновь обработанное и дополненное. Тула. 1895. Стр. 448, цѣна 2 р. 50

коп.»—рекомендовать для фонд. и ученич. библиотек старшаго возраста, мужских и женских ср. учебн. заведений, а также и для народных читаленъ.

— «*В. Витковский*. За океанъ. Путевыя записки. Спб. 1894. Стр. 558, цѣна 3 р. 50 коп.»—рекомендовать для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста ср. учебн. заведений, мужскихъ и женскихъ, учительскихъ институтовъ, а также для библиотекъ учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ.

— Брошюру: «Французскій языкъ. Сантаксическое изложение правилъ употребленія временъ и наклоненій. Составилъ *В. Канж*. Москва. 1894. Стр. 60, цѣна 35 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Курсъ электричества, Эрика Жерара, (читанный въ электро-техническомъ институтѣ Монтефиоре, при университетѣ въ Лютыхъ). Томъ II. (Часть практическая, продолженіе). 257 рисунковъ въ текстѣ. Переводъ съ третьяго французскаго изданія *М. А. Шателена*, подъ редакціей *А. И. Садовскаго*. Изданіе *Ф. В. Щепанскаго*. Спб. 1894. Стр. 676. Цѣна за полное изданіе, въ двухъ томахъ, 8 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библиотекъ учительскихъ институтовъ.

— Таблицу полезныхъ птицъ, книгоиздателя *Лебе* (*P. D. Lebet*) въ Лозаннѣ, одобрить для всѣхъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: «Собраніе сочиненій Андерсена. Переводъ съ датскаго подлинника *А. и П. Ганзель*. Спб. 1894. Томъ I, выпуски I—IV. Стр. 513. Томъ II, выпуски V—VIII, стр. 521. Томъ III, выпуски IX—XII, стр. 518. Томъ IV, выпуски XIII, стр. 123.»—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) «*Der neue deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch von E. Mittelsteiner, Oberlehrer. Erster Kursus für die I und II Klasse der Realschulen. Dritte verbesserte Auflage. Учебникъ нѣмецкаго языка по практическому методу. Методика и учебникъ. Составилъ Э. Миттельштейнеръ. Первый курсъ для I и II классовъ реальныхъ училищъ. Третье изданіе. Москва. 1893. Стр. VIII+225. Цѣна 80 коп.*» 2) «*Der neue deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch von E. Mittelsteiner. Zweiter Kursus für die III und IV Klasse der Realschulen. Zweite vollständig umgearbeitete Auflage. Учебникъ нѣмецкаго языка по практическому методу. Методика и учебникъ. Составилъ Э. Миттельштейнеръ. Второй курсъ, для III и IV классовъ реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, совершенно переработанное. Москва. 1894. Стр. 240+XII. Цѣна 80 коп.*» и 3) «Алфавитный словарь, содержащій весь запасъ и отдѣльныя группы словъ для учениковъ I—IV классовъ. Приложение ко второму курсу учебника. Alphabetisches Lexicon enthaltend den gesamten Wortvorrat der I—IV Klasse nach Stämmen geordnet nebst Wortgruppen. Москва. 1895. Стр. 64. Цѣна 20 коп.» — допустить первую какъ руководство, а вторую съ алфавитнымъ словаремъ какъ пособіе по нѣмецкому языку для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: «Пособіе при обученіи чистописанію. Составилъ *В. Савеловъ*. I. Прописи русскія. Москва. 1895. Цѣна 20 коп.»—одобрить въ качествѣ весьма полезнаго пособія для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Начальствомъ Московскаго учебнаго округа разрѣшено открыть въ городѣ Судогдѣ, Владимірской губерніи, съ 1-го августа сего года двухклассное городское училище по положенію 31-го мая 1872 года.

— 21-го минувшаго февраля состоялось открытіе въ городѣ Евпаторіи Александровскаго караимскаго духовнаго училища, въ составѣ одного перваго класса, при 32 учащихся.

Думы интеллигентной матери.

Каждый разъ, задумываясь при чтеніи журналовъ надъ разными педагогическими совѣтами, я прихожу къ невеселымъ, удручающимъ меня, мыслямъ.

Мнѣ кажется, что педагоги слишкомъ много ожидаютъ отъ труда интеллигентной матери въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и слишкомъ много придаютъ значенія ея вліянію въ семьѣ.

Мнѣ кажется, будь интеллигентная мать хоть семи пядей во лбу, знай она наизусть всѣ обращенныя къ ней педагогическія статьи, пойми душу ребенка, какъ свою, наконецъ, задайся цѣлью возсоздать въ дѣтяхъ идеалъ правды, добра и труда,—все равно она немного сдѣлаетъ въ окружающихъ ее условіяхъ общественной и семейной жизни. Какимъ образомъ интеллигентная мать научить, напр., труду, когда дѣти ни въ семьѣ, ни въ окружающемъ обществѣ труда не видятъ? Они знаютъ, что у отца есть деньги, которыя появляются въ карманѣ точно по мановенію какого-то волшебнаго жезла; видятъ отца за обѣдомъ, чаемъ, съ гостями, играющимъ въ карты, но чтобы отецъ дѣлалъ передъ ними что-то такое, передъ чѣмъ они должны остановиться и подумать, что жизнь—не одно удовольствіе, забава и отдыхъ, подобныхъ впечатлѣній наши дѣти не знаютъ. Отецъ гдѣ-то что-то пишетъ, гдѣ-то о чемъ-то хлопочетъ или сидитъ, запершись у себя въ кабинетѣ; гдѣ-то ѣздитъ и лѣчитъ и т. п. Все это дѣти слышатъ, но эти мимолетные слухи нисколько не касаются ихъ дѣтской безпечной и хорошо обставленной съ внѣшней стороны жизни.

Дѣти видятъ часто, какъ мать суетится цѣлое утро съ разными распоряженіями, бѣгаетъ изъ дѣтской въ кухню и обратно, возится съ кухарками, прачками, горничными и няньками, садится за работу въ видѣ какой-нибудь вышивки, которую бросаетъ при первомъ удобномъ случаѣ, но никогда не видятъ, чтобы мать гнулась за какой-нибудь неустанной и неизбѣжной работой. Сами дѣти имѣютъ при себѣ нянекъ, мамокъ, горничныхъ, такъ что имъ не приходится хоть

капельку о чемъ-нибудь подумать и позаботиться. Дѣти воочію созерцаютъ, какъ родители приказываютъ подать себѣ «стаканъ воды», хотя и стаканъ и вода находятся отъ нихъ въ двухъ шагахъ. Дѣти слышатъ, какъ наказывается нянѣ застегивать имъ пуговицы, обтирать носикъ и губки и т. п., хотя они съ большимъ удобствомъ могли бы все это продѣлать сами. И лишаются дѣти самостоятельности именно потому, что вокругъ нихъ много бесполезнаго народа. Съ утра въ домѣ интеллигентной семьи подымается обычная сутолока: горничныя, кухарки, няньки метутъ, чистятъ, моютъ, готовятъ обѣдъ и надъ всей этой кутерьмой возвышается голосъ мамы, которая дѣлаетъ распоряженія по поводу того, и другаго, и третьяго; а этихъ поводовъ очень много, такъ какъ много подъ ея властью находится безтолковаго народа. Ни у кого въ домѣ особенной работы нѣтъ, потому что рукъ и ногъ черезчуръ много. Оттого и заботъ у мамы тоже много: всѣ спрашиваютъ, что и какъ дѣлать, всѣмъ надо указать работу и дать возможность до безконечности суетиться надъ какими-нибудь пустяками. Присутствіе такихъ постоянныхъ хлопотъ мелочныхъ и необходимыхъ при извѣстныхъ условіяхъ жизни влечетъ за собою то, что мать разрывается на части и имѣетъ немного времени для наблюденія за своими дѣтьми. Они близко отъ нея и въ то же время далеко, потому что надъ ними все время царитъ вліяніе невѣжественныхъ нянекъ или вообще прислуги, которая портитъ ихъ безусловно. И избавиться отъ этого присутствія штата прислуги мать не можетъ: разные визиты и т. п. церемоніи требуютъ славать ребенка на чужія руки и требуютъ содержать для услугъ лишнее постороннее лицо. А далѣе пойдутъ завтраки, обѣды, сонъ родителей, чай, прогулка, карты или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Право, если сравнить эту жизнь съ временами крѣпостного права, то окажется, — новостей въ ней много, только свѣтлаго слишкомъ мало.

Ко всей этой бесполезной дневной суетѣ, направленной на изощреніе удобной и комфортабельной жизни, присоединяются хлопоты по дѣтской. Являются на сцену постоянно ванны, термометры, постоянныя омовенія дѣтскихъ рукъ и лица, перемѣна выпачканныхъ платьевъ, забота о гигиенической постановкѣ кроватокъ, матрацовъ, провѣтриваніе и т. д. и т. д. И все это дѣлается посторонними лицами, т. е. няньками. Дѣти съ каждымъ часомъ могутъ болѣе и болѣе убѣждаться, что они — безголовые, безногіе и безрукіе божки, безпомощныя существа, для которыхъ все дѣлается по приказанію высшей власти прислугой, что путь ихъ усѣянъ массой услугъ, заботъ и хлопотъ, все вниманіе ихъ сосредоточивается на заботѣ о собственномъ

тѣлѣ да притомъ еще черезъ посредство другихъ, и они съ пеленокъ начинаютъ впитывать барство и сибаритство родителей, благодаря окружающей ихъ обстановкѣ.

Первыя, изнѣженные, чистоплотные трусишки,—они никогда не могутъ обойтись безъ конька и ходулъ въ видѣ прислуги. Гдѣ-же въ такой обстановкѣ западетъ въ нихъ «подъ кровлею отеческой плодотворное зерно», о которомъ говорилъ нашъ родной поэтъ.

Другая обстановка въ этомъ отношеніи у крестьянъ. Крестьянскій ребенокъ видитъ, какъ отецъ таскаетъ жерди и доски, чтобы починить крышу; онъ понимаетъ, что если этого отецъ не сдѣлаетъ, крыша будетъ течь, и всѣмъ имъ придется жить въ сырости и мокротѣ. Мать ткетъ холстъ на рубахи отцу и дѣтямъ и замѣнить ее некому. Не будетъ она ткать, не будетъ рубахъ, купить не на что; безъ рубахи и стыдно, и холодно. Поэтому, если мать-крестьянка скажетъ: «мнѣ некогда» ребенокъ пойметъ, что ей въ самомъ дѣлѣ некогда, оспаривать этого не станетъ, видя, что ея работа необходима и неизбежна. У нашихъ дѣтей, дѣйствительно, могутъ возникнуть подобныя вопросы: «Почему некогда, ты, вѣдь, ничего не дѣлаешь?»

Крестьянскимъ дѣтямъ не только не приходится предъявлять матери какіе-либо капризы, которые никогда не исполняются по невозможности, а, напротивъ, приходится убѣдиться, что ихъ проступки вызываютъ вполне основательный гнѣвъ матери. Можно у крестьянъ наблюдать подобныя сцены: мать сидитъ и ткетъ. Она только что управилась со своимъ дѣйствительно большимъ хозяйствомъ, наполненнымъ хлопотами со скотомъ, курицами, свиньями, овцами и т. п. живностью. Она торопится урвать минуту для работы, потому что до страды надо ее кончить, а носить нечего. Изрѣдка покачиваетъ она маленькаго ребенка въ люлькѣ. Вдругъ сосѣдка сообщаетъ ей, что ея, 4-хъ лѣтній Сашка бродитъ въ рѣкѣ. Какъ угорѣлая, соскакиваетъ она съ мѣста, бросаетъ кросна и ребенка въ люлькѣ и мчится на рѣку. Сердце ея трепещетъ испугомъ и гнѣвомъ при видѣ Сашки, стоящаго по колѣна въ водѣ: она хватаетъ сынишку за станъ, шлепаетъ его, приговаривая: «шельмецъ ты этакій, некогда мнѣ, некогда за тобой шляться!» Пересыпая свою взволнованную рѣчь ругательствами и шлепками, она водворяетъ сына на сушѣ. Навѣрно, Сашка не въ претензіи на мать за всю случившуюся съ нимъ непріятность. Онъ отлично понимаетъ и чувствуетъ маткины заботы, тревоги, недосуги, всю свою неправоту и слова: «мнѣ некогда за тобой шляться». Наши дѣти, благодаря всевозможнымъ условіямъ современной жизни, вовсе не знаютъ этой крѣпкой, тѣсной нити, связывающей мать и дитя во всемъ: въ жертвѣ,

въ кускѣ хлѣба, въ заботѣ, въ трудѣ. Главный уходъ, черная и трудная работа совершается у насъ нянькой, а не матерью.

Не даромъ, когда разлучается мать-крестьянка съ сыномъ или дочерью, на нихъ обоихъ смотрѣть тяжело, а наши интеллигентные юноши такъ легко и свободно оставляютъ своихъ матерей, отправляясь учиться!

Сынъ, идущій въ солдаты, вызываетъ вопли всей деревни не потому только, что родители теряютъ работника, и ему предстоитъ солдатчина, а потому еще, что вся деревня знаетъ, какая крѣпкая тѣсная связь, соединила сына и родителей съ пеленокъ и какъ тяжела эта разлука обоемъ.

У крестьянъ дѣти рано начинаютъ познавать, что такое трудъ, и какъ не легко заработать копѣйку. Въ деревняхъ, гдѣ останавливаются пароходы, сбѣгаютъ на пристань всѣ подростки 14—15 лѣтъ нагружать пароходы дровами. За выноску пятерика имъ платится 1 р. 80 к., 1 р. 60 к. Иногда они не вынашиваютъ весь пятерикъ и каждому носившему дается пятакъ и даже копѣйка. Однако, они никогда не задаются соображеніями объ отношеніи заработка и труда и съ радостью спѣшатъ заработать то, что возможно. Они съ радостью сбѣгаютъ въ лѣсъ и похлопочутъ о приготовленіи муравьиного спирта, если узнаютъ, что его можно продать въ аптеку. Собираемые такимъ образомъ пятаки и копейки они не истратятъ на лакомства, какъ наши дѣти; они къ нимъ не привыкли, они обдумаютъ тысячу завѣтныхъ думушекъ, и т. д., въ которую изъ нихъ уложить эти пятаки. Въ то время, какъ за столомъ интеллигентныхъ родителей ребенокъ слышитъ, что вкусно и что невкусно, что и съ чѣмъ пріятнѣе и лучше, крестьянскій ребенокъ тревожится вмѣстѣ съ родителями, — хватитъ-ли стараго хлѣба до свѣжаго и если нѣтъ, то на какія деньги его прійдется покупать. Страда, —эта спѣшная крестьянская пора, еще болѣе убѣждаетъ крестьянскихъ ребятъ, что трудъ—великое дѣло, необходимое и плоды его велики... Семья, обстановка, общественная окружающая обстановка—все говоритъ крестьянскому ребенку о трудѣ, о безконечномъ трудѣ. Невольно вспоминаются слова поэта:

...Работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться страстямъ и мечтамъ.

Ребенокъ интеллигентной семьи живетъ беззаботно, вдали отъ тревогъ за насущный кусокъ хлѣба, вдали отъ труда и заботъ. Всѣ его прихоти удовлетворяются; онъ ставится въ условія существа

безпомощнаго и нѣжнаго, а въ концѣ концовъ переходитъ въ существо изнѣженное, лѣнивое, и все такое же безпомощное, какимъ было съ пеленокъ, въ существо съ безконечными потребностями для успокоенія своего слабаго тѣла и духа, несмотря на то, что съ минуты рожденія это существо окружала чистота, тепло, здоровая пища и гигиена. Отъ него далеко понятіе о трудѣ, онъ вовсе не знаетъ цѣны деньгамъ и стремится впоследствии, какъ можно легче и какъ можно больше ихъ нажить, чтобы безъ конца тратить. Уже юношей онъ начинаетъ дѣлать долги, потому что ему мало, не хватаетъ, онъ не умѣетъ сообразовать жизнь со средствами. Онъ идетъ въ этомъ случаѣ по стопамъ своихъ родителей, которые и сами привели и его приучили ни въ чемъ себѣ не отказывать; каждый интеллигентный человѣкъ тянется за другими, доставляетъ себѣ хорошую квартиру, хорошую обстановку, прислугу, веселое, но пустое общество картежниковъ съ неизбѣжными винами и закусками, доставляетъ себѣ и своей семьѣ всю бесполезную толкотню, суету и суетолюку жизни, на которую идутъ напрасно силы, время, и отъ которой дѣти портятся и становятся копіями своихъ родителей. Такъ какъ интеллигентный человѣкъ въ настоящее время деревень не имѣетъ, и его безконечныя потребности не покрываются жалованьемъ, онъ лѣзетъ въ долги... и все-таки изъ всѣхъ силъ тянется блестять и жить въ свое удовольствіе. Вы думаете, что Вы, будучи въ покоехъ интеллигентнаго человѣка, видите хорошую обстановку, красивыя драпри и картины, видите зеркала, а на столахъ дорогія бездѣлушки? Нѣтъ, вы видите вездѣ кругомъ на столахъ и на стѣнѣхъ и во всѣхъ углахъ долги, въ разнообразныхъ формахъ, долги, которые заставляютъ интеллигентнаго человѣка дрожать при словѣ: «нажива» и воодушевляться, если только онъ на это способенъ. Интеллигентные люди поддерживаютъ другъ друга на этомъ поприщѣ, и никому это нисколько не удивительно, потому что всѣ до умопомѣшательства предалися картамъ и пустымъ забавамъ. Такова наша провинціальная жизнь. И дѣти, бѣдныя дѣти! Они все это видятъ, все это всасываютъ въ кровь и плоть свою!..

Какъ примѣнить во всей этой одурманивающей разумъ обстановкѣ всѣ педагогическіе и психологическіе выводы? Да, интеллигентной матери трудно что-нибудь сдѣлать среди такихъ неблагоприятныхъ условій, если она серьезно смотритъ на воспитаніе дѣтей.

Трудность цѣлесообразнаго воспитанія дѣтей для интеллигентной матери еще представляется въ томъ, что отецъ дѣтей почти никогда не раздѣляетъ ея заботъ по отношенію къ дѣтямъ. Наши интелли-

гентные отцы, всё они—присяжные повѣренные, земскіе начальники, судебные слѣдователи, только не воспитатели своихъ дѣтей. Имъ впрочемъ и неоткуда быть воспитателями. Учились они въ гимназіи; никто тамъ не заикнулся имъ о дѣтяхъ, были студентами и поглощали многотомныя сочиненія, только не педагогическаго содержанія. Стали отцами семействъ и въ то же время удручены общественной дѣятельностью, которая, признаться сказать, заключается въ томъ, чтобы наработать въ мѣсяць точно на каждый рубль своего жалованья, никакъ не больше, а другой разъ еще и меньше. Эти интеллигентные отцы вовсе не думаютъ размышлять о ложности созданной ими обстановки, обстановки, дѣйствующей на дѣтей губительно; они, напротивъ, своихъ женъ влекутъ по той же наклонной плоскости, а за ними и своихъ дѣтей. Вѣдь, интеллигентная женщина въ большинствѣ случаевъ уступаетъ своему мужу въ образованіи и развитіи, ума набраться ей неоткуда; а кто больше проглотилъ ученыхъ сочиненій, кто больше видѣлъ Божьяго свѣта, больше знаетъ, тотъ бы и долженъ давать тонъ общественной и семейной жизни.

Этотъ тонъ и дается, но какого онъ свойства?

Самая главная сила общественной и семейной жизни игнорируетъ вопросы воспитанія!

Вы думаете, наши интеллигентные отцы читаютъ и хоть сколько нибудь интересуются педагогическими журналами? Никогда. Это большая рѣдкость. Они даже не знаютъ, какіе педагогическіе журналы издаются у насъ въ Россіи, въ нашей родной странѣ. Если выписываются педагогическіе журналы въ семьяхъ, ихъ читаютъ, конечно, женщины. Интеллигентные отцы думаютъ, что педагогическій журналъ—это занятіе специалистовъ, которые зовутся педагогами, а они отцы не специалисты въ дѣлѣ воспитанія и освобождены женами и няньками отъ такихъ скучныхъ вопросовъ, какъ-то: почему Володя цѣлый часъ капризничалъ? отчего Вѣрочка не по дѣтамъ задумчива? Имъ не приходится, напримѣръ, въ голову, что ихъ дѣти воспитываются подъ исключительнымъ женскимъ вліяніемъ не матери, такъ няньки, отчего, можетъ быть, еще больше и вырастаютъ такими слабонервными и слабохарактерными. Интеллигентный отецъ найдетъ время 5—6 часовъ въ сутки просидѣть за зеленымъ столомъ, играя въ «винтики» и «вистики»; но у него нѣтъ времени вникнуть, что такое представляютъ изъ себя его дѣти, чѣмъ они нравственно питаются, и что вредно можетъ на нихъ дѣйствовать. Интеллигентный отецъ помнить счетъ выигрышамъ и проигрышамъ въ карты, но онъ забываетъ, что мать его дѣтей нуждается иногда въ

поддержкѣ и совѣтѣ и вообще участіи со стороны болѣе сильнаго, ученаго и стоящаго ближе къ сферѣ умственной и нравственной жизни супруга. Кто-же можетъ быть наилучшимъ помощникомъ интеллигентной матери, какъ не отецъ ея дѣтей, если ему дороги ихъ интересы? Но они пока недороги. Интеллигентные отцы вовсе не такіе труженики, не такіе безотвѣтные работники, если особенно подвести статистику всѣмъ винтамъ и вистамъ, въ которые они сражались далеко за полночь. Можетъ быть, у васъ тамъ въ центрѣ умственной жизни дѣло обстоитъ иначе, а у насъ вотъ именно такъ.

И помимо всего этого интеллигентная мать не слышитъ живого слова, не видитъ кругомъ живыхъ людей, не имѣетъ поддержки со стороны общества, преданнаго забавамъ и суетности міра. Гдѣ тутъ научить дѣтей правдѣ, когда все кругомъ дышетъ ложью, научить труду, когда подъ ногами у нихъ царитъ бездѣлье и пустота, научить добру, когда все кругомъ одѣто эгоизмомъ, украсившимъ себя красивыми блестками?

Нѣтъ, трудно вѣрить въ хорошую дорогу дѣтей при такихъ условіяхъ! Труднѣе всего думать объ этомъ размышляющей интеллигентной матери!

Юлія Маркова.

Изъ Пешта въ Вѣну.

(Педагогическія замѣтки).

Получивъ заграничный паспортъ, я хотѣла въ тотъ же вечеръ, 16-го августа, выѣхать изъ Петербурга прямо въ Пештъ, а оттуда на обратномъ пути — въ Вѣну. Выбрала я для своей поѣздки эти два города потому, что туда можно попасть менѣе, чѣмъ въ двое сутокъ; мнѣ же 30-го августа надо было быть въ Петербургѣ, чтобы 1-го сентября начать преподаваніе въ одномъ изъ городскихъ начальныхъ училищъ.

Я обратилась къ нашему городскому головѣ В. А. Ратькову-Рожнову за рекомендательными письмами къ городскимъ главамъ Вѣны и Пешта, и, получивъ ихъ, я была увѣрена, что мнѣ разрѣшатъ тамъ осмотрѣть городскія школы; явиться же просительницей безъ рекомендательныхъ писемъ, — мнѣ казалось и неловкимъ, и непрактичнымъ: мнѣ могли отказать.

Курьерскій поѣздъ шель очень скоро: мы дѣлали 60 километровъ въ часъ, т. е. 55 верстъ. Картина мѣнялась картиной, ландшафтъ — ландшафтомъ.

Вонъ, вдали, лиловатыя Карпаты; онѣ то подвигаются къ намъ, то отодвигаются; вотъ ихъ бѣловатыя скалы, которыя тутъ же смѣняются покрытыми лѣсомъ обрывами съ ярко-красной прослойкой. Чуть въѣдешь въ долину, какъ деревушки вырастаютъ въ города.

Мы пересѣкли хребетъ Яблунку и мчались параллельно р. Вагъ. Бѣдный Вагъ съ обѣихъ сторонъ стиснутъ горами; мы же поднимаемся все выше и выше. Вотъ мы у Рутки — горнаго прохода; окрестныя горы достигаютъ здѣсь уже 1,300—1,400 ф. На ихъ высотахъ видны развалины старинныхъ замковъ, а у подножья горъ опять пастбища, города. Вотъ живописный Кремницъ. Мы огибаемъ его съ двухъ сторонъ, и съ обѣихъ онъ чудесенъ!

Не только я, родившаяся и выросшая на нашей необозримой русской равнинѣ, восхищалась всѣмъ этимъ: бѣольшая часть пассажировъ

стояла у оконъ, вдоль корридора, и не спускала глазъ съ чудныхъ картинъ! Были, впрочемъ, старички, которые при каждой туннели,—а ихъ здѣсь множество,—бросались въ свое купѣ и затворяли дверь. Пугаль-ли ихъ могильный мракъ, или они оберегали свои вещи отъ возможныхъ хищеній, — не знаю.

Поздно вечеромъ, 18-го августа, пріѣхала я въ Пештъ и остановилась въ дорогой, но прекрасной «Унгаріи». Я говорю: «дорогой», такъ какъ за такую же небольшую комнату въ одно окно я платила въ Вѣнѣ 2 гульдена, вмѣсто 3-хъ. Впрочемъ, въ эти дни цѣны поднялись: сюда ждали иностранцевъ на открывающійся Международный Гигиеническій Конгрессъ.

Я воспользовалась прекраснымъ утромъ и, перейдя по Цѣпному Мосту мутно-бѣловатый Дунай, пошла въ Буду, въ Дворцовый Садъ.

Дворецъ стоитъ на береговой возвышенности, и садъ расположенъ внизъ, террасами. Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ шире и дальше открывается горизонтъ. Сверху, съ одной изъ угловыхъ башенъ, видъ на Пештъ, на горы, на окрестности особенно хорошъ. Не удивительно, что здѣсь же въ саду для королевы Венгерской Елизаветы устроена изъ вьющейся зелени крытая галерея; она и въ дождливую погоду не лишается удовольствія любоваться отсюда этимъ перломъ Австрійской короны.

Часовъ въ 10 утра 1-го сентября новаго стиля меня долженъ былъ представить городскому головѣ одинъ изъ чиновниковъ нашего Консульства.

По широкой, но темной лѣстницѣ, поднялись мы во 2-й этажъ Старой Думы и въ полутемной пріемной узнали, что г. Камермайеръ боленъ и его замѣщаетъ г. Герлоцци.

Г. Герлоцци принялъ насъ въ своемъ ненарядномъ, маленькомъ кабинетѣ.

Это — венгерецъ, уже пожилой, полный, строгій, съ нависшими бровами.

Передавъ письмо нашего городского головы, я сказала ему по-нѣмецки, что пріѣхала изъ Петербурга и хотѣла бы осмотрѣть ихъ школы. Я надѣялась, что онъ мнѣ въ этомъ посодѣйствуетъ.

— Конечно, конечно! Я благодаренъ вамъ, что вы интересуетесь нами. Только, къ сожалѣнію, сегодня 1-е сентября, суббота; завтра школы закрыты, а въ понедѣльникъ вы увидите только школьные дома, преподавателей, можетъ быть, дѣтей; вы будете присутствовать только на записываніи школьникова. По-венгерски вы, вѣрно, не говорите; у насъ же все преподаваніе ведется по-венгерски. Нѣмецкій

языкъ обязателенъ, какъ учебный предметъ; на немъ дѣти читаютъ и пишутъ. Учителя тоже не всѣ говорятъ по-нѣмецки, а потому надо выбрать тѣхъ изъ нихъ, которые могутъ вамъ дать объясненія. Ученіе у насъ *необязательно*, хотя мы много удѣляемъ школамъ. Впрочемъ, не хочу забѣгать впередъ; вы все это сами увидите въ понедѣльникъ. Теперь я поручу сводить васъ,—это два шага отсюда,— къ Завѣдующему школами, и попрошу его удовлетворить вашу любознательность.

На его звонокъ, въ комнату вошелъ молодой чиновникъ, которому онъ быстро-быстро объяснял что-то по-венгерски. По интонаціи его голоса и по жестамъ понятно было, что онъ поручаетъ выбрать для осмотра лучшія школы; «пусть русскіе видятъ, что у насъ такое!»

Любезно распростившись съ г. Герлоцци, мы пошли съ молодымъ чиновникомъ къ Завѣдующему школами.

И на этотъ разъ мы попали тоже на довольно мрачную лѣстницу, а оттуда — въ приемную.

Нашъ спутникъ пошелъ передавать порученіе г. Герлоцци, и къ намъ немедленно вышелъ Завѣдующій школами, г. Рожовъльди, и попросилъ насъ быть здѣсь въ понедѣльникъ, ровно къ 9-ти часамъ утра, такъ какъ онъ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы къ этому времени одинъ изъ опытныхъ учащихся могъ бы отправиться съ нами по школамъ.

Въ понедѣльникъ, къ 9-ти часамъ, мы подвѣзжали въ парной коляскѣ къ г. Рожовъльди.

Въ приемной никого еще не было, но очень скоро она начала наполняться посѣтителями. Миѣ ясно было, что это все учителя и учительницы. Вотъ скромно вошла въ комнату еще молодая брюнетка. Учителство уже положило слѣдъ на ея лицо: оно желто, осунуто. Не успѣла она сѣсть, какъ радостно вскочила со стула, потому что въ комнату вошла загорѣлая блондинка; тотчасъ же у нихъ начались безконечные разговоры; видно, онѣ мѣняются лѣтними впечатлѣніями. Вотъ, подпрыгивая, влетѣлъ молодой учитель: легкій розовый бантъ, вмѣсто галстука, серебряная цѣпочка вокругъ шеи и свѣтлая перчатка на «правой» рукѣ; съ лѣвой руки онъ снялъ перчатку; къ чему она? вѣдь, всѣ увидятъ, какъ щегольски одѣта та рука, которую онъ вамъ подаетъ. Вонъ еще учитель, только постепеннѣе; вотъ еще двѣ толстыя учительницы. Боже мой! какъ легко себя узнаешь между ними! На насъ не обращали никакого вниманія; всѣ они были знакомы между собою, всѣ радовались своей встрѣчѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ насъ позвали къ г. Рожовъльди въ дру-

гуя комнату. Въ одно время съ нами, только изъ другихъ дверей, туда вошла молодая, красивая венгерка. «Книксеномъ» поздоровалась она со своимъ начальствомъ, которое и отрекомендовало ее намъ, какъ нашу спутницу по осмотру школъ.

И ей тоже, повидимому, давалось наставленіе: не ударить лицомъ въ грязь.

М-ше Негмина Prandtner была очень мила: вся въ розовомъ, съ полукрытой шеей, на которой висѣла золотая цѣпочка съ образкомъ и сердечкомъ; съ короткими рукавами на украшенныхъ браслетами рукахъ; она улыбалась намъ, какъ будто уже давно насъ знала.

— Мнѣ приказано свозить васъ въ нѣсколько школъ, — сказала она, садясь въ коляску. — Прежде всего я повезу васъ, конечно, въ мою школу; еслибъ я не сумѣла вамъ чего-нибудь объяснить, то это сдѣлаетъ еще лучше меня нашъ уважаемый директоръ.

Дорогой М-ше Prandtner давала намъ вступительныя объясненія: въ Будапештѣ, такъ же какъ и во всей Венгріи, обученіе обязательно. Школы помѣщаются въ школьныхъ домахъ. Въ Будапештѣ такихъ домовъ уже около 100.

Каждымъ такимъ домомъ завѣдуетъ директоръ. Если въ домѣ, кромѣ элементарной школы, есть еще и Бюргершule, то каждая такая школа имѣетъ своего директора. Элементарная школа состоитъ изъ четырехъ годичныхъ классовъ, Бюргершule — изъ 5-ти годичныхъ. Бюргершule есть продолженіе элементарной школы. Дѣти, которымъ 5-лѣтній курсъ Бюргершule почему бы то ни было былъ недоступенъ, посѣщаютъ 2-лѣтній дополнительный курсъ, который есть не что иное, какъ Бюргершule, вдвинутая въ тѣсную двухлѣтнюю рамку. Каждая школа можетъ имѣть неограниченное число параллельныхъ классовъ; это зависитъ отъ величины школьнаго помѣщенія и наплыва дѣтей въ каждый классъ. Директоръ выбирается изъ опытныхъ учителей, но случается, что онъ бываетъ и изъ неучительской среды.

Въ каждомъ домѣ есть школьный служитель, который убираетъ и чиститъ школу.

Мы подъѣхали къ большому школьному дому, и насъ встрѣтилъ въ пріемной комнатѣ директоръ.

Онъ поцѣловалъ мнѣ руку и сказалъ, что, получивъ приказаніе отъ высшаго начальника показать школу, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ постарается дать объясненіе русскимъ, которые почтили вниманіемъ ихъ венгерскія школы.

Въ Венгріи школьный возрастъ начинается на 7-мъ году. Без-

грамотныхъ дѣтей приводятъ ихъ родители 1-го сентября въ школу, и учитель записываетъ ребенка. Сегодня приемъ и записываніе уже началось. Не угодно-ли взглянуть?»

Въ широкомъ корридорѣ на скамейкахъ сидѣли родители съ дѣтьми и ждали очередной записи. При нашемъ появленіи,—насъ шло четверо,—никто не всталъ и не поклонился. Я это замѣтила. «Подождите», сказалъ мнѣ директоръ: «поступать въ школу, будутъ вѣжливы. Когда кто-нибудь входитъ въ классъ, всѣ дѣти встаютъ и молча кланяются; стоя они отрѣчаютъ уроки и встаютъ при каждомъ обращеніи къ нимъ старшихъ. Теперь они пришли съ улицы и еще не образованны».

Изъ корридора мы вошли въ дверь направо. Тутъ у шести столовъ сидѣли учителя и записывали подходящихъ къ нимъ съ родителями дѣтей: «Это—коллеги!» сказалъ директоръ. Каждому изъ коллегъ была подана рука; они съ поклономъ ее принимали и ласково, привѣтливо намъ улыбались.

— «Всѣхъ дѣтей вы записываете, или только новенькихъ?» обратилась я къ брату M-lle Prandtner.

— Всѣхъ безъ исключенія. Новенькіе безграмотные прямо заявляютъ, что хотятъ учиться, и мы ихъ записываемъ въ младшій классъ. Учившіеся-же приносятъ полученные отъ Учительскаго Комитета свидѣтельства объ переходѣ ихъ изъ класса въ классъ, «мы отмѣчаемъ это въ книгѣ»,

Отсюда мы пошли въ дежурную комнату.

«Здѣсь въ учебное время лежитъ тетрадь и каждый учащій, прежде чѣмъ войти въ свой классъ, долженъ расписаться. Такъ я выгадываю время. Мнѣ стоитъ сосчитать подписи, и я спокоенъ, потому что при комплектной подписи я знаю, что всѣ учащіе на своихъ мѣстахъ. Недостающія подписи заставляютъ меня послать въ свободный классъ запасную учительницу.

Наша народная школа состоитъ изъ 4 классовъ; послѣ чего дѣти переходятъ въ Бюргершule. Но такъ какъ не всѣ дѣти туда попадаютъ, то для этихъ остающихся есть еще два класса дополнительной школы, гдѣ дѣти проходятъ кое-что изъ исторіи, географіи, физики. Въ элементарной школѣ для каждаго класса—свой учащій, а въ Бюргершule предметы распредѣляются между учителями, которые обязаны быть университетскаго образованія.

Кромѣ постоянныхъ учительницъ и учителей, въ каждой школѣ есть еще 2 запасныя учительницы, которыя тоже обязаны ежедневно являться въ школу къ 8 часамъ. Если учащій манкируетъ, то за-

пасная заступает его мѣсто; если-же весь персоналъ здоровъ, то запасная учительница увольняется отъ класснаго преподаванія, но она не имѣетъ права уходить домой безъ разрѣшенія директора: онъ можетъ дать ей какую-нибудь канцелярскую работу. Директоръ можетъ тоже преподавать; но кромѣ преподаванія вся отчетность школы лежитъ на немъ.

— «А можетъ-ли учительница сдѣлаться директрисой?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Какъ оплачивается у васъ учительскій трудъ?

— Директоръ школы получаетъ 1200 фл. жалованья и 300 флор. на квартиру *).

Учителя и учительницы получаютъ неодинаковое жалованье: оно находится въ зависимости отъ класса, гдѣ они преподають. Они имѣють:

500 фл. жал.	+ 100 фл. квартиры.
600 » »	+ 200 » »
800 » »	+ 250 » »

Кромѣ того, каждый учащій имѣетъ пятилѣтнюю прибавку въ 100 фл. Запасныя учительницы получаютъ 500 фл. Но эти оклады доживаютъ свой вѣкъ; съ будущаго года жалованье увеличивается; вотъ какое предполагается вознагражденіе:

Директоръ будетъ получать:

1400 фл. + 420 квартирн.

Учителя:

600 фл. + 300 фл. квартирн.
800 » + 300 » »
1100 » + 330 » »

Запасныя 600 фл.

Пятилѣтняя прибавка тоже остается.

Какъ распредѣляется у васъ учебный день?

— Въ 7½ часовъ утра дежурный учитель приходитъ въ школу, и школьный подъѣздъ открывается. Въ 8 час. урокъ начинается молитвой, которую одинъ изъ учениковъ поочередно читаетъ.

Я попросила директора разрѣшить мнѣ кое-что записать.

— Дайте мнѣ вашу книгу, сказалъ онъ, я еѣ понесу, и все, что привезете, я буду въ нее вносить. Съ этой минуты моя записная книжка перешла въ руки директора, и все, что мнѣ надо было, все онъ туда вписывалъ.

«Итакъ, послѣ молитвы начинаются часовые уроки, послѣ кото-

*) 1 флоринъ = около 4/5 рубля или около 80 коп. и зависитъ отъ курса.

рыхъ, не выпуская дѣтей въ другую комнату, преподаватель мѣняетъ только предметъ преподаванія. Черезъ 2 часа, т. е. въ 10 ч. утра дѣти и учащіе идутъ домой, и классы вентилируются.

— Въ это время, вѣроятно, убираютъ классъ, если находятъ тамъ соръ, бумагу?

— Дѣти ничего не носятъ съ собой, кромѣ книгъ и тетрадей; но кромѣ того имъ строго запрещено бросать что-либо на полъ, а потому служителю и подметать нечего. Отъ 10 до 2 учащіе заняты своими дѣлами; они могутъ давать частные уроки; въ школу они возвращаются къ 2 часамъ и учатъ дѣтей до 4.

По четвергамъ никакихъ уроковъ въ школахъ нѣтъ: это такой же отдыхъ, какъ и въ воскресенье.

Въ Бюргершуле школьный день распределяется нѣсколько иначе: тамъ послѣобѣденныхъ занятій вовсе нѣтъ, а дѣти остаются въ школѣ отъ 9 до 1 часа.

Мы вошли въ канцелярію.

Это довольно большая комната съ мягкой мебелью, хорошимъ письменнымъ столомъ, портретами на стѣнахъ; вотъ знакомыя лица: Герлѳци, Рожѳвѳльди.

— Какія-же школы помѣщаются въ этомъ домѣ?

— Двѣ четырехгодичныя школы: одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ и двѣ двухгодичныя дополнительные: одна для мальчиковъ, а другая для дѣвочекъ. Но кромѣ того еще одна Бюргершуле для мальчиковъ, а другая тоже для дѣвочекъ.

— Но не во всѣхъ школьныхъ домахъ такой комплектъ школъ, прибавила M-lle Prandtner: «отсюда мы поѣдемъ въ школьный домъ, гдѣ помѣщается только элементарная школа, но съ нѣсколькими параллельными классами. Тамъ одна элементарная школа для мальчиковъ, другая элементарная — для дѣвочекъ; одна дополнительная для мальчиковъ, другая дополнительная для дѣвочекъ.

Элементарная школа для мальчиковъ состоитъ, какъ и всѣ школы, изъ 4 классовъ, но каждый изъ нихъ имѣетъ по нѣсколько параллельныхъ классовъ:

1 классъ для мальчиковъ	3 параллельныхъ.
2 > >	> 3 >
3 > >	> 2 >
4 > >	> 2 >

Дополнительная школа имѣетъ тоже:

5 классъ для мальчиковъ	2 параллельныхъ.
6 > >	> 1 >

Для дѣвочекъ:

Элементарная школа тоже состоитъ изъ 4 классовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ по одному или нѣсколько параллельныхъ:

I	классъ	3	парал.
II	>	2	>
III	>	2	>
IV	>	2	>

Дополнительная школа для дѣвочекъ имѣетъ тоже:

V	>	1	>
VI	>	1	>

Всего въ домѣ 24 класса съ 1600 учениками.

Изъ дальнѣйшей бесѣды съ ними я узнала, что учебныя требованія народной школы почти тѣ-же, что и у насъ; разница только въ продолжительности времени, нужнаго, чтобъ усвоить учебный предметъ.

Изъ ариметики, этого пробнаго камня умственнаго развитія, дѣти усваиваютъ нашъ курсъ медленно. Въ первый годъ занятій ученикъ считаетъ и комбинируетъ только до 20; во второй годъ до 100; въ третій до 1000; въ четвертый до милліона; свыше милліона имъ не дають считать. Дроби, какъ части единицы, у нихъ проходятъ въ Бюргершулѣ.

Такъ же и съ письмомъ. Очень долго, мѣсяца три, ребенокъ выдерживается только на элементахъ буквъ, которыя онъ пишетъ на доскѣ грифельмъ; послѣ Рождества онъ пишетъ въ тетрадкѣ. Зато, какой чудный почеркъ у нихъ вырабатывается! Я ахнула, когда учительница подала мнѣ письменныя работы дѣтей. Экзаменовъ у нихъ нѣтъ; но къ концу года представляется въ Комитетъ учителей списокъ учениковъ съ проставленной годовой отмѣткой и послѣдней проверочной письменной работой; по этимъ-то результатамъ и судятъ объ успѣхахъ дѣтей и переводятъ ихъ изъ класса въ классъ, или оставляютъ, по малоуспѣшности еще годъ въ томъ же. Пишутъ дѣти въ первый же годъ въ первыхъ тетрадяхъ безъ наклонныхъ линеекъ. Тетради у нихъ тоже значительно дешевле нашихъ: обыкновенныя тетради ихъ довольно хорошей бумаги — 2 крейцера, т. е. 1½ коп.

— Но скажу откровенно: неведѣ вы найдете такія результаты, какъ въ этой школѣ,—сказалъ намъ съ улыбкой директоръ.—M-elle Prandtner—образцовая учительница! Взгляните, какъ она сама красиво пишетъ,—указалъ онъ намъ на надпись въ дѣтскихъ тетрадкахъ:—какъ она чудно рисуетъ! какъ декламируетъ!—и онъ съ удо-

вольствіемъ хвалили молодую дѣвушку, которая съ раскраснѣвши-
мися щечками ему то и дѣло присѣдала.

— Не хотите ли взять себѣ нѣсколько тетрадей?—любезно пред-
ложилъ мнѣ директоръ:—Mlle Grandtner отберите лучшую, среднюю
и худшую...

— Но эти тетради которыя вы кладете, всё одинаково хороши,
гдѣ же худшія?!

Весело смѣялась молодая учительница, увѣряя, что *худшихъ* у нея
нѣтъ: весело вѣрилъ ей директоръ, радуясь, по всей вѣроятности,
радости своей подчиненной. Намъ тоже хорошо было на душѣ, и мы,
глядя на нихъ, улыбались...

Потомъ мы пошли смотрѣть классы: классы для дѣвочекъ отдѣ-
лены отъ классовъ для мальчиковъ капитальной стѣной. Впрочемъ,
на окраинахъ города есть и смѣшанныя школы.

Классы какъ классы: небольшія комнаты со скамейками въ 3 ряда:
комплектъ въ каждомъ классѣ не одинаковый: есть 40 человекъ,
есть и 70.

Рекреационныхъ комнатъ нѣтъ; раздѣвальныхъ тоже. Тутъ же
въ классѣ, по стѣнѣ, длинныя вѣшалки для верхняго платья дѣтей,
а на короткой стѣнѣ, сзади каеэдръ, небольшая вѣшалка для платья
учащаго.

— Развѣ воздухъ не портится отъ развѣшеннаго здѣсь платья?

— Нѣтъ, дѣти черезъ каждые два часа уходятъ домой и комнаты
вентилируются.

Я обратила вниманіе на ручку въ стѣнѣ, это—звонокъ къ школь-
ной прислугѣ. Случается, что во время уроковъ, родители позво-
ляютъ себѣ входить въ классъ для объясненія съ учительницей или
учителемъ. Учащій дергаетъ за ручку,—это звонокъ къ сторожу, ко-
торый и уводитъ непрошеннаго гостя.

— Бываютъ ли случаи, что родители приходятъ къ учащему съ
выговоромъ или выражаютъ ему свое неудовольствіе въ невѣжливой
формѣ?

— Къ прискорбію,—да.

— Какъ вы наказываете дѣтей?

— Мы ставимъ ихъ въ уголъ; жалуемся родителямъ, и даже
исключаемъ изъ школы. Бываютъ случаи, когда мы и сбѣдемъ дѣтей,
и вы не повѣрите какъ это на нихъ хорошо дѣйствуетъ. Послѣ лег-
кой экзекуціи вы не узнаете ребенка, точно его вамъ подмѣнили: онъ
исправляется до неузнаваемости.

— Оставляете ли вы лѣнивыхъ дѣтей въ классѣ, послѣ окончанія уроковъ, чтобы подъ наблюденіемъ учащаго приготовить урокъ?

— Нѣтъ; намъ не разрѣшено оставлять дѣтей безъ себя въ школь. Каждый же изъ насъ спѣшитъ по окончаніи уроковъ къ себѣ: кто обѣдаетъ, кто просто хочетъ повидаться со своимъ семействомъ; есть и такіе, у которыхъ есть частныя занятія, очень выгодныя, и онъ не можетъ терять время съ лѣнивымъ ученикомъ.

Въ I классѣ висѣли на стѣнахъ таблицы съ отдѣльными буквами, слогами, словами; во II—картины изъ естественной исторіи для предметныхъ уроковъ; въ III—ландкарты Австро-Венгрии; часы съ подвижными стрѣлками для обученія пользованія ими; всемірные часы съ указаніемъ разницы во времени на разныхъ меридіанахъ. На одномъ изъ пунктовъ читаю: Petrograd.

— Знаютъ-ли дѣти что-нибудь о Россіи? спросила я.

— Конечно, только не въ элементарной школь, а въ дополнительной, или еще болѣе въ бюргершулѣ. И Петербургъ съ Москвой знаютъ, и Неву, Волгу...

— Говорятъ-ли у васъ по-русски?

— Почти—ниги.

Я не стала доискиваться, кто составляетъ это «почти».

Для дополнительной школы есть и физическій кабинетъ, я не скажу особенно большой, а все-же тамъ стоитъ кое-что простенькое: компасъ, магнитъ...

Показавъ намъ все это по порядку, директоръ свелъ насъ въ гимнастическій залъ.

Обязательная для мальчиковъ гимнастика необязательна для дѣвочекъ; дѣти занимаются ею съ особеннымъ специалистомъ-учителемъ или учительницей. Занимаются 2 раза въ недѣлю. Залъ очень хорошъ: великъ, свѣтелъ, со множествомъ приспособленій для бѣга, качанія, прыганія и т. д.

Отсюда директоръ просилъ насъ пройти къ себѣ на квартиру и познакомиться съ его женой.

Отдѣленная отъ классовъ капитальной стѣной, чтобы, въ случаѣ заболѣванія членовъ семейства директора прилипчивыми болѣзнями, не закрывать школы,—квартира его очень хороша. У него пять комнатъ съ ванной и нѣсколькими чуланами.

Онъ показывалъ намъ ее подробно.

Еще молодая, толстая нѣмка вышла къ намъ навстрѣчу съ пріѣтствомъ. Какъ рада, повидимому, она была, что могла съ нами поговорить, поразспросить насъ о Россіи. Ей хотѣлось знать и о Пе-

тербургѣ, и о нашихъ школахъ, и какъ намъ понравилось въ Пештѣ, и, особенно въ ихъ школахъ. Она выразила желаніе проститься съ нами не у себя на квартирѣ, а въ дежурной комнатѣ, куда она придетъ, когда ей скажутъ, что мы уѣзжаемъ.

Квартирой директора кончилась элементарная школа. Намъ передали другому директору, и мы пошли въ бюргершуде.

Какъ я сказала, въ Бюргершуде поступаютъ кончившіе Элементарную школу; учителя тамъ съ университетскимъ образованіемъ и занимаются попредметно. Учебныхъ пособій много развѣшано по стѣнамъ; физическій кабинетъ довольно полный, но библиотеки очень малы. Всѣ преподаватели намъ отрекомендовались и шли за нами гурьбой; они поочередно давали намъ объясненія по своему предмету: кто говорилъ по-нѣмецки, кто по-французски; учительница французскаго языка была тутъ-же, и, по правдѣ сказать, далеко не безъ нѣмецкаго акцента говорила по-французски.

Когда все было осмотрѣно, мы вернулись въ канцелярію, чтобы взять подаренныя мнѣ тетради и проститься съ женой директора и ея знакомыми. Рукопожатіямъ и пожеланіямъ не было конца: точно мы вѣкъ были знакомы. Директоръ вышелъ проводить насъ на улицу, посадилъ насъ въ экипажъ, и мы съ M-lle Prandtner поѣхали въ другую школу.

M-lle Prandtner тоже кончила курсъ въ бюргершуде; потомъ поступила въ учительскую семинарію. По окончаніи тамъ курса, она сдала пробные уроки; годъ цѣлый, какъ испытуемая, преподавала и потомъ уже получила здѣсь уроки.

Изъ какой среды вышли эти милые люди? задавала я сама себѣ мысленно вопросъ, а M-lle Prandtner, какъ-бы въ отвѣтъ на нихъ, указывая на часовой магазинъ, говорила: это магазинъ моего двоюроднаго брата; другой-же братъ у меня совсѣмъ онѣмечился, онъ фамилію измѣнилъ на нѣмецкій ладъ и открылъ булочную.

Другая школа, поменьше этой, есть чисто элементарная школа; въ ней 24 класса съ 1600 учениками.

Ничего особеннаго: то-же, что и въ первой, только при школѣ есть чистый, большой дворъ, куда никогда не выпускаютъ учениковъ. Оно и ясно: учась безперемѣнно въ классѣ и изъ класса прямо идя домой, когда-же имъ гулять по двору.

Кончивъ нашу школьную поѣздку, мы заѣхали къ Г. Герлоцци засвидѣтельствовать ему нашу признательность; но его уже не было въ Присутствіи. Поѣхали мы и къ Г. Рожовольди, сообщить ему о результатахъ нашей поѣздки и вынесенномъ впечатлѣніи. Г. Рожо-

вольди былъ дома и принялъ насъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій: «вѣдь чего въ жизни не бываетъ», сказалъ онъ намъ: «вдругъ и я попаду когда-нибудь въ Петербургъ»...

— И будете встрѣчены тамъ нами, какъ лучшими друзьями», отвѣчали мы ему.

Распрошались я и съ милой учительницей, взявъ ея адресъ, и дала себѣ слово написать ей изъ Петербурга.

Дня черезъ три я выѣхала изъ Пешта въ Вѣну. Какъ хороши венгерскія желѣзныя дороги! Вагоны просторны, есть вагоны рестораны. Они особенно удобны для туристовъ: по обѣимъ сторонамъ вагона большія окна, такъ что за-разъ любуешься видами съ двухъ сторонъ; по обѣ стороны вагона маленькіе столики на 2—4 человека; кухня вкусная,—«шепи» разнообразно составлено; фрукты чудные.

Ѣзда по венгерскимъ дорогамъ скорая и недорогая. Билетъ отъ Одерберга до Будапешта въ I классѣ съ курьерскимъ поѣздомъ стоилъ мнѣ 12 флориновъ 70 крейцеровъ, т. е. рублей 9.

Черезъ часъ послѣ моего приѣзда въ Вѣну я уже пошла къ городскому головѣ, въ Ратгаузъ. У него два приемныхъ дня въ недѣлю, но мнѣ, какъ иностранкѣ, имѣющей къ нему рекомендательное письмо, возможно было увидѣть его и въ неприемный день, въ 11 часовъ утра.

Въ назначенный часъ, на другой-же день, меня подняли подъемной машиной въ 3-й этажъ, и черезъ нѣсколько минутъ Г. Раймундъ Грюбль, докторъ правъ, принялъ меня въ своемъ кабинетѣ.

Насколько старое зданіе Думы въ Пештѣ мрачно и тѣсно, настолько 24-хъ миллионная Дума въ Вѣнѣ великолѣпна.

Насколько кабинетъ городского головы въ Пештѣ, съ единственнымъ зеленымъ ландшафтомъ въ золотой рамѣ,—скромнень, настолько торжественна огромная приемная городского головы въ Вѣнѣ, съ малиновыми занавѣсами и богатой обстановкой.

Г. Раймунду Грюбль лѣтъ 40. Коренастый, невысокаго роста, съ темными волосами и такой-же бородкой, онъ имѣетъ полное право вѣзаться умнымъ и ученымъ.

Я ему отрекомендовалась и подала письмо С.-Петербургскаго городского головы.

— А много-ли жителей у васъ въ Петербургѣ? первое, что онъ меня спросилъ.

— «Безъ малаго—милліонъ: 960—70 тыс.».

— «Есть-ли у васъ школьные дома и приблизительно сколько школъ въ Петербургѣ?—экзаменовалъ онъ меня.

— Школьныхъ домовъ у насъ неособенно много, потому что школы большей частію помѣщаются въ наемныхъ квартирахъ; но школъ у насъ въ Петербургѣ очень много. Мнѣ очень хотѣлось-бы познакомиться съ вашими школами здѣсь въ Вѣнѣ, съ вашей школьной системой и преподаваніемъ...

— И какъ жаль, что этого теперь нельзя будетъ сдѣлать. Сегодня 5-е сентября; записываніе учениковъ начнется 15-го, а ученье не раньше 20-го. Но можно будетъ, конечно, немедленно телеграфировать въ Петербургъ, что вы остаетесь здѣсь еще недѣли 2—3; нельзя-же такъ издалека пріѣхать и ничего не видѣть; черезъ 10 дней начнется ученье, и я распоряжусь, чтобы васъ подробно съ нимъ познакомили.

Поблагодаривъ его, я отказалась отъ телеграфированія, но выразила надежду, что мнѣ будетъ разрѣшено осмотрѣть школьные дома.

— Конечно, конечно! Но гдѣ вы выучились говорить по-нѣмецки?

— У насъ въ Россіи образованіе считается неполнымъ если человекъ не говоритъ по-французски, или по-нѣмецки. Я-же воспитывалась въ высшемъ женскомъ учебномъ заведеніи—Смольномъ,—и мнѣ было-бы неппростительно не знать языковъ.

Докторъ Грюбль,—такъ его всѣ называютъ,—позвалъ своего секретаря и передалъ ему мое желаніе осмотрѣть школы.

— Вѣдь, всѣ директора и учителя на дачахъ, всѣ уѣхали на лѣто изъ Вѣны; теперь никого не найдешь. Узнайте,—обратился онъ къ секретарю,—не живетъ-ли который-нибудь директоръ въ окрестностяхъ Вѣны; нельзя-ли его выписать на-завтра, чтобы онъ познакомилъ Грау воп М. съ нашимъ преподаваніемъ. Устройте это непременно. Васъ-же я убѣдительно прошу обращаться ко мнѣ, если вамъ что-нибудь понадобится; я буду радъ быть вамъ полезнымъ.

На другой день, часовъ въ 9, за мной пріѣхалъ въ отель Тегетгофъ, гдѣ я остановилась, господинъ, которому было поручено свозить меня по школамъ и дать нужныя сообщенія.

— Я выбралъ,—сказалъ онъ, 4 школы для нашего осмотра, четыре школы разныхъ типовъ: народную школу съ дѣтскимъ садомъ, чисто народную школу, народную школу съ бюргершуле и чисто бюргершуле. Въ эти-то школы мы и поѣдемъ. Кромѣ того мнѣ поручено передать вамъ правила, постановленія и программы нашихъ школъ, чтобы вы нашли тамъ все, о чемъ мы могли-бы забыть

переговорить,—и онъ вручилъ мнѣ двѣ толстыя книги, страницъ по 500 въ каждой, и нѣсколько брошюръ.

Не стану останавливаться на каждой школѣ отдѣльно, скажу только, что типъ школьныхъ домовъ въ Вѣнѣ тотъ-же, что и въ Пештѣ. Конечно, одинъ домъ больше, другой меньше, но всѣ почти однообразной архитектуры въ 3—4 этажа, безъ всякихъ лицевыхъ украшеній ни по фасаду, ни съ боковъ.

Народная школа въ Вѣнѣ состоитъ изъ 5 годичныхъ классовъ, бюргершуле—изъ 3. Какъ видите, небольшая разница съ Пештскими. Бюргершуле есть продолженіе народной школы и съ нею вмѣстѣ составляетъ цѣлую школьную единицу.

Школьныхъ домовъ въ Вѣнѣ 320. Учебнаго персонала 6000 человѣкъ, а учащихся 178,000. Школьный бюджетъ пять милліоновъ флориновъ.

Цифры почтенныя.

Эта пятимилліонная цифра съ будущаго года нѣсколько уменьшится, такъ какъ въ эти ближайшіе прошедшіе года Вѣна затратила большія деньги на постройку школьныхъ домовъ, чего въ будущемъ уже не такъ много будетъ, такъ что и расходы сократятся.

Обученіе въ Вѣнѣ обязательно и бесплатно; бѣднѣйшіе ученики снабжаются безвозмездно и учебными пособиями.

Предметы преподаванія:

Въ народной школѣ.

Законъ Божій.

Въ бюргершуле.

Законъ Божій.

Отдѣльные законоучителя.

Отечественный языкъ
Арифметика.
Географія и исторія.
Естествен. исторія и природовѣдѣніе.
Черченіе въ связи съ черч. геометр. фигуръ.
Пѣніе.
Гимнастика.
Руководѣніе.

Отечественный языкъ
Арифметика въ связи со счетоводствомъ.
Географія и исторія.
Естествен. исторія и природовѣдѣніе.
Геометрія въ связи съ геометр. черч.
Рисованіе.
Пѣніе.
Гимнастика.
Руководѣніе.
Чистописаніе.

Въ нѣкоторыхъ не нѣмецкихъ школахъ нѣмецкій языкъ, какъ предметъ преподаванія,—обязателенъ.]

Преподаютъ въ бюргершуле иностранные живые языки и игра на инструментахъ: фортепіано, скрипкѣ, но это необязательно.

Какъ видно, за немногими исключеніями, предметы преподаванія

одни и тѣ-же въ Бюргершуле и въ народной школѣ, разница только въ объемѣ предмета.

По количеству уроковъ предметы распределяются такъ:

Бюргершуле.						
	1 кл.	2 кл.	3 кл.			
Законъ Божій	2	2	2			
Нѣмецкій языкъ	5	5	4			
Ист. и географія.	3	3	3			
Естеств. исторія	2	2	2			
Природовѣдѣніе.	2	2	3			
Ариѳметика.	3	3	3	Для дѣвочекъ	4	4
Геометрія.	1	1	1	»	3	3
Рисованіе.	3	3	3	»	4	5
Чистописаніе.	1	1	—			
Пѣніе.	1	1	1			
Гимнастика.	2	2	2			
Руководѣіе.	4	4	6			

Въ народной школѣ количество уроковъ распределяется иначе.

Количество уроковъ въ народной школѣ.						
	1 годъ	2 годъ	3 годъ	4 годъ	5 годъ.	
Законъ Божій	1	1	2	2	2	
Нѣмецкій яз.	12	10	9	9*	6**	* Для дѣв. 8; ** для дѣв. 5.
Ариѳметика	3	4	4*	4*	4*	** „ „ 5.
Естеств. ист.	—	—	1	1	3	* „ „ 3.
Геогр. и ист.	—	—	1	2	3	
Чистописаніе	—	2	2	2	2*	
Пѣніе	2/2	2/2	2/2	2	2/2	* „ „ 1.
Гимнастика	2/2	2/2	2/2	2	2	Для дѣв. необяз.
Руководѣіе	3	3	3	3	3	

Какъ мы видимъ, болѣе всего удѣляется времени на отечественный языкъ. Вотъ его программа:

І К Л А С С Ъ.

Приготовительныя упражненія къ разговорной рѣчи въ связи съ предметами, окружающими ребенка.

Звуки и ихъ изображеніе письменное и печатное.

Медленное, ясное чтеніе. Пересказъ. Списываніе съ книги. Заучиваніе наизусть легкихъ статей, какъ образцовъ связной рѣчи.

ІІ К Л А С С Ъ.

Чтеніе съ остановками на знакахъ препинанія. Пересказъ по вопросамъ. Заучиваніе наизусть прочитанныхъ и доступныхъ статей.

Ореографическія упражненія на переходъ одной буквы въ другую. Слогъ. Большая буква. Краткое предложеніе. Имена существительныя, прилагательныя и глаголы. 3 времени. Примѣненіе заученнаго матеріала къ списыванію

ІІІ К Л А С С Ъ.

Чтеніе и заучиваніе прочитаннаго.

Продолженіе ореографическихъ упражненій. Краткое предложеніе. Измѣняемыя части рѣчи. Письменная передача короткихъ прочитанныхъ рассказовъ по вопросамъ.

IV К Л А С С Ъ.

Быстрое и сознательное чтение. Пересказ прочитаннаго. Заучиваніе.

Орфографическія упражненія. Однозвучныя слова. Распространенное предло-
женіе. Неизбѣжныя части рѣчи. Образование словъ. Письменная передача ко-
роткихъ статеекъ. Описаніе. Сравненіе. Письма.

V К Л А С С Ъ.

Сознательное и выразительное чтение. Заучиваніе наизусть.

Орфографическія упражненія наупотребительнѣйшія иностранныя слова. Слит-
ное и сложное предложеніе. Образование словъ. Коренныя слова и производныя.
Передача коротенькихъ статеекъ письменно. Разказы. Описанія. Сравненія.
Письма.

По ариметикѣ:

I К Л А С С Ъ.

4 дѣйствія въ предѣлахъ 1—20, устно и письменно. Вѣсъ, мѣра и денежныя
единицы въ этихъ-же предѣлахъ.

II К Л А С С Ъ.

4 дѣйствія въ предѣлахъ 1—100, устно и письменно. Вѣсъ, мѣра и деньги
въ этомъ же предѣлѣ. Понятіе о дробяхъ.

III К Л А С С Ъ.

4 дѣйствія въ предѣлахъ 1000. Устный счетъ десятичныхъ дробей.

IV К Л А С С Ъ.

4 дѣйствія съ цѣлыми и именованными числами. Обыкновенныя дробы.

V К Л А С С Ъ.

Дѣлимость чиселъ. Обращеніе десятичныхъ дробей въ простыя и обратно.
Выраженіе именованныхъ чиселъ дробями и наоборотъ. 4 дѣйствія съ цѣлыми
числами, обыкновенными дробями и десятичными. Задачи. Устный счетъ.

Содержаніе какъ директоровъ, такъ и школьныхъ учителей, фло-
риновъ на 300 болѣе, чѣмъ въ Пештѣ, и съ обязательной пятилѣт-
ней прибавкой.

Въ школахъ встрѣчается мебель, т. е. столы разныхъ типовъ:
есть скамейки на 5 человѣкъ, на 3, на 2. Нѣкоторыя съ поднимаю-
щимся сидѣньемъ, другія — съ сидѣньемъ, которое выдвигается впе-
редъ, а то есть скамейки и неподвижныя; всѣ онѣ должны прослу-
жить 25 лѣтъ. Въ случаѣ поломки скамьи школьный сторожъ доно-
ситъ объ этомъ директору, который сноситъ объ этомъ съ завѣдую-
щимъ школой и выписываетъ школьнаго столжра.

Всѣ школьныя скамейки неодинаковой величины: на боковой

сторонѣ каждой скамьи написана масляной краской ея высота и соответствующій ростъ ученика, который можетъ быть на ней посаженъ.

При поступленіи всѣ дѣти измѣряются и разсаживаются. Въ числѣ школьных постановленій былъ даже такой N, гдѣ обращалось вниманіе учащихся на недопущеніе мѣнять мѣста учениковъ.

Школьные сторожа получаютъ отъ 500—600 флор. въ годъ, кромѣ праздничнаго сбора съ дѣтей, который составляетъ немалую часть его жалованья: «Но учителя совсѣмъ не получаютъ праздничныхъ денегъ съ дѣтей, ни въ какомъ случаѣ», торопливо прибавилъ мой спутникъ.

Въ 7½ ч. утра приходитъ въ школу дежурный учитель и выпускаетъ дѣтей въ школу. Такъ какъ раздѣвальныхъ комнатъ, или хотя бы прихожихъ нѣтъ, то дѣти, обтеревъ ноги о маты, прямо въ верхнемъ платьѣ входятъ въ классъ. Дракъ никогда не бываетъ. На провинившагося ученика жалуются его роднымъ, но тѣлеснаго наказанія нѣтъ: запрещено.

Въ каждой классной комнатѣ виситъ большой термометръ съ окрашенной жидкостью; онъ виситъ прямо противъ входной двери. Въ этой двери есть снаружи задвигающееся заслонкой окошечко для всевидящаго ока директора. Директоръ отодвигаетъ заслонку и видитъ, какъ идетъ преподаваніе, и не свѣжо-ли въ классѣ.

При каждой школѣ конференцъ-зала для періодическихъ собраній учащихся, которые и составляютъ школьный совѣтъ.

Физическіе кабинеты болѣе или менѣе полны; въ одной изъ школъ я видѣла замѣчательно-богатый кабинетъ; онъ составлялъ часть какой-то выставки, и послѣ ея окончанія былъ сюда пожертвованъ. Школьный служитель живетъ при этой школѣ около 20 лѣтъ и настолько знакомъ съ охраняемымъ школьнымъ имуществомъ, что называлъ намъ чуть-ли не по-латыни нѣкоторыя породы бабочекъ. Дѣтей не пускаютъ въ кабинетъ; учащій поручаетъ служителю принести въ классъ то, или другое пособіе.

Гимнастическія залы,—эта гордость Австро-Венгрии,—ездѣ великолѣпны. Передъ залой прихожая съ вѣшалкой, гдѣ дѣти оставляютъ верхнее платье; всѣ залы помѣщаются внизу. Въ нѣкоторыя залы допускаются по соглашенію и другія учебныя заведенія для гимнастики. Иныя школы имѣютъ большіе, чистые дворы, куда дѣти не пускаются.

Здѣсь тоже я не видала хорошихъ школьныхъ библиотекъ. Я не называю «библиотекой» два небольшихъ шкапа, гдѣ, въ одномъ лежитъ сотня—другая жиденькихъ книжонокъ для дѣтей, а въ другомъ

еще меньше книгъ для учителей. Въ женскихъ училищахъ миниатюрныя шкапчики, хранилища рукодѣлій. Рукодѣліе составляетъ учебный предметъ съ программой, составленной чуть-ли не по днямъ. Занимается рукодѣліемъ учительница-специалистка, и ему отводится много времени.

Вотъ программа:

1 кл.	Вязаніе крючк. подвязокъ	{ съ 15 сент. до 15 марта.
Нар. школы.	» » полосокъ	
II кл.	Вязаніе на пруткахъ полосъ	съ 15 марта до 15 іюня.
	Вязаніе крючк. прошивокъ	съ 15 сент. до 31 декабря.
	» на прутк. сплошной вязи	съ 1 янв. до 15 іюня.
III кл.	Вязаніе чулокъ	съ 15 сентября до 15 марта.
	» крючк. съ узора	съ 16 марта до 15 іюня.
IV кл.	Вязаніе звѣздочекъ	съ 15 сентября до 15 февраля.
	» носковъ	съ 16 февраля до 15 іюня.
V кл.	Полное вязаніе чулокъ и носковъ	съ 15 сент. до 1 марта.
	Вязаніе воздушн. петлями	съ 2 марта до 15 іюня.
I кл.	Шитье и починка бѣлья	съ 15 сент. до 1 февраля.
	» простеньк. дѣтск. сорочки	съ 2 февр. до 1 іюля.
Бургершуле.	Вышиваніе	съ 2 іюня до 15 іюля.
	Шитье женск. сорочки	съ 15 сент. до 31 января.
II.	Вышиваніе	съ 1 февр. до 30 апрѣля.
	Шитье женск. панталонъ	съ 1 мая до 15 іюня.
	Починка бѣлья, вспомогат. раб.	въ прод. всего года.
III.	Шитье мужск. сорочки	съ 15 сент. до 31 янв.
	Ночной кофты	съ 1 февр. до 15 іюня.
	Починка бѣлья.	

Что еще сказать?

Привезла я изъ Вѣны около 1½ тысячъ стр. разныхъ школьных постановленій; но въ нихъ еще не разобралась.

Эти 1½ недѣли дали много пищи моимъ зрительнымъ органамъ, видѣла я и *школьное тѣло*, жалѣю, что не могла проникнуть *въ его душу*. Думаю, можетъ ли одухотвориться это тѣло при существующихъ тамъ школьныхъ условіяхъ? Не знаю, понимаете ли вы меня? Чтобы пояснить, мнѣ надо оглянуться на наши школы и сдѣлать хотя небольшое сравненіе.

Когда я первый разъ подѣхала къ школьному дому за-границей, я не вѣрила, что этотъ чудный домъ—школа. Я невольно сравнила его съ нашими небольшими школьными помѣщеніями.

Но этотъ огромный домъ во всемъ походилъ на своихъ сосѣдей, онъ не составлялъ дисгармоніи даже на окраинахъ,—я и тамъ была,—богатой Вѣны и Пешта.

Естественно, что въ такія хоромы надо помѣстить 1600 дѣтей, при многочисленномъ учебномъ персоналѣ и 500 рублевомъ сторожѣ.

Наше школьное тѣло, т. е. помѣщеніе школъ со всей ея обстановкой—мизернѣе, но это происходитъ не отъ нехотѣнья устроить богатя школы, а отъ экономическихъ русскихъ условий.

За-границей учителя и учительницы приходятъ въ школу вмѣстѣ съ учениками и уходятъ съ ними же. Они *учатъ* дѣтей.

Дѣтей расадятъ по мѣркѣ на скамьи; что за дѣло, что *N. N.* при небольшомъ ростѣ, по своимъ природнымъ способностямъ, сидя на заднихъ скамьяхъ, самъ заинтересуетъ преподаваніемъ и будетъ внимателенъ, а *N. N.*, переросши многихъ, можетъ успѣшно заниматься, если учащій не теряетъ его изъ вида и держитъ все время на передней скамьѣ. Развѣ мы, русскіе, не ограниченные постановленіемъ расадить дѣтей непременно по росту, не сообразуемся съ *душой* ученика и не приблизимъ къ себѣ невнимательнаго?

Иностранныя дѣти, придя въ училище, тотчасъ же садятся на мѣста; у нихъ нѣтъ рекреационной, гдѣ они могли бы поговорить до начала уроковъ и въ перемѣну съ товарищами; нѣтъ мѣста и возможности общенія другъ съ другомъ.

А развѣ намъ, русскимъ, не приходится видѣть, какъ черезъ нѣсколько времени забитое и несмѣлое дитя развивается подъ вліяніемъ добрыхъ товарищей, которые въ перемѣну, и поговорятъ, и поиграютъ съ недотрогой; смотришь, черезъ 2—3 мѣсяца *N. N.* не узнать: у него завелись дружки, съ которыми онъ ходитъ по рекреационной, и о чемъ-то, улыбаясь, бурлитъ.

За-границей учебныя книги однообразно предписаны для всѣхъ школъ.

Не бываетъ ли у насъ случая, когда, по составу учениковъ, я не беру, положимъ, въ этотъ годъ, — трудную книгу для чтенія Б., а замѣняю ее Х. И преподаваніе отъ этого не теряетъ.

Раньше я сказала, что за-границей *учатъ* въ школахъ.

У насъ, въ русскихъ школахъ, встрѣчая и провожая дѣтей, присутствуя на ихъ завтракахъ и минутахъ отдыха, не приходится ли жить съ дѣтьми ихъ жизнью, знакомиться съ ихъ домашней обстановкой и въ случаѣ необходимости, приходитъ къ нему на помощь?

Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и повторю мой вопросъ: можетъ ли одухотвориться заграничная школа?

Сознаюсь, что Австро-Венгерскія школы достигаютъ прекрасныхъ результатовъ въ учебномъ дѣлѣ; за это говорятъ и тетради, вывезенныя мною оттуда. Но дѣлаютъ ли онѣ что-нибудь для нравственнаго образованія дѣтей?—Не знаю.

Ольга Матафтина.

Обязательность и всеобщность начального образованія.

(О к о н ч а н і е *).

III.

1. Сторонники немедленнаго введенія у насъ обязательнаго ученія, исчислявшіе, что стоимость его не будетъ превосходить даже и одного, много двухъ, трехъ десятковъ милліоновъ въ годъ, забываютъ, что если уже зашла рѣчь о всеобщности и обязательности ученія, то, нельзя ограничиваться только 47-ью центральными губерніями европейской Россіи, и что справедливость требуетъ распространить ее и на непосредственно прилегающія къ нимъ окраины—привислянскія губерніи, сѣверный Кавказъ, Уральскую область, Западную Сибирь и на нѣкоторыя части болѣе отдаленныхъ окраинъ—Закавказья, Восточной Сибири и Средней Азіи. Кромѣ того, экономія бюджета на народное образованіе сторонниками обязательности ученія достигается посредствомъ освобожденія отъ нея женскаго населенія въ селахъ. Если все это принять во вниманіе, то окажется, что для введенія у насъ дѣйствительно *всеобщаго* и обязательнаго ученія для *всѣхъ* дѣтей обоаго пола, даже при допущеніи того ограниченнаго срока ученія, того пониженія образовательнаго уровня школы, той мизерности условій существованія, и самой школы и ея учителя, цѣною которыхъ ревнители обязательности ученія согласны купить эту обязательность, все таки придется довести бюджетъ, собственно начального образованія, пожалуй, до 50-ти, а не то и болѣе милліоновъ. Достоверное вычисленіе этой цифры въ настоящее время, конечно, невозможно, но даже и та коммиссія, которая была учреждена въ прошломъ году при Московскомъ Комитетѣ Грамотности по поводу доклада г. Вахтерова «*Всеобщее начальное образованіе*», въ разосланной недавно «*Запискѣ*»**), исчисляя ежегодный бюджетъ всеобщаго начального образованія для одной только Московской губерніи, находитъ, что, не считая одновременной затраты на постройку каждой новой школы по 500 р., школьный бюджетъ простирается бы въ настоящее время (1894 г.) до 465.193 рублей, только для одного сельскаго населенія, не считая Москвы и другихъ городовъ и притомъ предполагая, что

*) См. «Образованіе» 1895 г. №№ 1 и 2.

**) Записка, составленная Коммиссіей по всеобщему обученію. Москва. 1894 г.

расходы Министерства Народнаго Просвѣщенія, духовнаго вѣдомства, а также и расходы фабрикъ, частныхъ лицъ и Воспитательнаго Дома, производимыя въ настоящее время на поддержаніе сельскихъ школъ, содержимыхъ этими вѣдомствами, учрежденіями и лицами, останутся во всей силѣ. Такимъ образомъ, бюджетъ начальнаго образованія для одной Московской только губерніи со всѣми ея селами и городами, по всей вѣроятности, окажется весьма близко подходящимъ къ миллиону рублей. Населеніе Московской губерніи составляетъ отъ $\frac{1}{60}$ до $\frac{1}{60}$ части населенія всей Россіи и притомъ имѣетъ максимальную плотность. Поэтому можно судить о размѣрѣ бюджета для всеобщаго начальнаго обученія въ цѣлой Имперіи, гдѣ найдется множество мѣстностей съ рѣдкимъ населеніемъ, для которыхъ придется устроить школы на меньшее число дѣтей и, слѣдовательно, число школъ окажется несоразмѣрно велико сравнительно съ населеніемъ, что поведетъ къ увеличенію для этихъ мѣстностей бюджета на народное образованіе. Московская Комиссія, исчисливъ расходъ земства на содержаніе дополнительныхъ для осуществленія всеобщности обученія въ губерніи школъ, сама признается въ своей запискѣ (стр. 16): «разумѣется, и такое напряженіе платежныхъ средствъ населенія, хотя и несравненно меньшее, чѣмъ это считалось до сихъ поръ необходимымъ, должно быть всетаки признано значительнымъ».

2. Съ обязательностью начальнаго образованія, если она дѣйствительно получить силу закона, непременно долженъ будетъ установиться для ученія опредѣленный возрастъ. Большинство сторонниковъ обязательности склоняется къ назначенію трехлѣтней продолжительности ученія и притомъ въ возрастѣ отъ 8-ми до 11-ти лѣтъ? Но почему же трехлѣтній и именно въ предѣлахъ отъ 8 до 11-ти лѣтъ? Добрая половина дѣтей, нынѣ учащихся въ нашей начальной школѣ, остается въ ней не три, а два года, а нѣкоторые даже только одинъ годъ. Это случилось не случайно, а подъ вліяніемъ множества нравственныхъ, семейныхъ, физическихъ, хозяйственныхъ, экономическихъ и т. п. причинъ. Самая школа, во множествѣ случаевъ, организовалась такъ, что и программа и все въ ней приспособлено именно къ такой кратковременности курса и если бы нѣкоторые дѣти оставались въ ней дольше двухъ лѣтъ, то имъ нечего было бы въ ней дѣлать, не чему учиться. Мы вовсе не хотимъ сказать, что такой порядокъ и такая школа превосходны; напротивъ, сожалѣемъ объ этомъ не менѣе другихъ, считаемъ въ высшей степени необходимымъ всемірно заботиться о подъемѣ школы; но думаемъ, что существующее положеніе школьнаго дѣла не можетъ быть измѣнено когда угодно, простымъ предписаніемъ начальства, опирающимся на изданный законъ, хоть бы вмѣстѣ съ тѣмъ были созданы многочисленные агенты для наблюденія за исполненіемъ закона и цѣлая система каръ для его нарушителей. Жизнь народа нельзя выкраивать изъ канцелярій по какому угодно шаблону. И въ данномъ случаѣ никакіе законы, никакія предписанія и инструкціи ни къ чему не приведутъ, пока хозяйственное и экономическое положеніе крестьянъ не улучшится настолько, что они въ состояніи будутъ давать своимъ дѣтямъ возможность учиться

вмѣсто одного или двухъ лѣтъ, три, четыре и болѣе года, пока самое хозяйство и потребности ихъ не разовьются настолько, что они сами почувствуютъ необходимость расширенія программы школы и увеличенія срока ученія или, по крайней мѣрѣ, пока подъ вліяніемъ общаго подъема культуры въ странѣ, не въ состояніи будутъ отнестись сознательно, съ пониманіемъ къ тѣмъ улучшеніямъ, которыя будутъ предложены имъ въ сферѣ школьнаго дѣла. И такъ, сдѣлать обязательнымъ въ народной школѣ трехлѣтній срокъ ученія, тамъ, гдѣ населеніе къ этому не подготовлено (а такихъ мѣстностей значительное большинство, не говоря уже о многочисленныхъ селахъ, гдѣ вовсе нѣтъ никакого ученія) будетъ очень трудно. Съ другой стороны, установленіе только двухлѣтняго срока обязательнаго ученія было бы и неудобно, и несправедливо, и даже опасно. Краткость срока неизбѣжно влечетъ за собой поспѣшность и поверхностность ученія, не говоря уже о его недостаточности. Въ соединеніи съ малолѣтствомъ учащихся она часто приводитъ почти къ полной безрезультатности ученія, выражающейся тѣмъ, что во многихъ случаяхъ, особенно при отсутствіи чтенія и вообще примѣненія вынесенныхъ изъ школы знаній къ совершенно упрощеннымъ, чуть не первобытнымъ формамъ жизни, крестьянская молодежь скоро забываетъ почти все, чему училась и часто впадаетъ въ первоначальную неграмотность. Такимъ образомъ, въ интересахъ народнаго образованія необходимо всячески стремиться къ удлиненію срока ученія и подъему школьнаго возраста. Въ настоящее время есть уже довольно много школъ съ трехлѣтнимъ и встрѣчаются даже и школы болѣе, нежели съ трехлѣтнимъ срокомъ ученія. Тамъ, гдѣ такія школы уже существуютъ, законъ, обязывающій краткимъ срокомъ ученія, особенно при неустойчивости нашей едва народившейся народной школы, при недостаточно еще укоренившейся въ народѣ потребности и привычкѣ къ ученію, при склонности его къ подчиненію вѣншему авторитету и вѣншей опекѣ, наконецъ, при существованіи рядомъ со школой долгосрочной, не требуемой закономъ, школъ краткосрочныхъ, освящаемыхъ его авторитетомъ, очень легко можетъ повліять на сокращеніе срока ученія въ тѣхъ школахъ, гдѣ онъ до изданія закона обязательности ученія успѣлъ уже подняться выше той нормы, которая будетъ назначена ему этимъ закономъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что законъ обязательности ученія непременно разовьетъ въ значительной массѣ населенія взглядъ на ученіе, какъ на особую школьную повинность, а тогда зачѣмъ же родители и сами ученики станутъ нести эту повинность три или четыре года, когда есть возможность, въ силу закона, нести ее только два года. Искушеніе къ этому будетъ, въ виду живыхъ примѣровъ на глазахъ у каждаго, слишкомъ сильно. Съ другой стороны, разъ будетъ установленъ закономъ краткій срокъ ученія школамъ будетъ трудно измѣнять свой строй: законъ будетъ значительно сковывать ихъ дальнѣйшее развитіе и, по всей вѣроятности, школы и останутся краткосрочными до тѣхъ поръ, пока государство опять не вмѣшается въ это дѣло и не издастъ новаго закона, удлинняющаго прежній срокъ ученія. При нашей привычкѣ къ административной

опекѣ и отсутствіи самодѣтельности, это, по всей вѣроятности, такъ и случится.

Такимъ образомъ, народная школа, являющаяся, при свободномъ развитіи, могущественнѣйшимъ, единственнымъ, ничѣмъ незамѣнимымъ органомъ и двигателемъ всесторонняго духовнаго совершенствованія народа, рискуетъ превратиться въ орудіе подавленія въ немъ самодѣтельности, поддержанія, а слѣдовательно и воспитанія въ немъ привычки къ внѣшней опекѣ, неподвижности, косности, отсутствію почина и самостоятельности,—словомъ, въ орудіе развитія и укрѣпленія въ народѣ всѣхъ тѣхъ печальныхъ свойствъ, которыя рѣшительно, несомнѣнны съ представленіемъ о сильной націи, предназначенной къ сколько-нибудь замѣтной исторической роли въ чествѣхъ.

Разсмотримъ теперь, каковы будутъ послѣдствія назначенія закономъ опредѣленныхъ границъ школьнаго возраста, именно: отъ 8 до 11 лѣтъ, какъ это принимается большинствомъ сторонниковъ обязательности ученія. Мы уже видѣли въ главѣ II, что гораздо больше половины всѣхъ дѣтей, нынѣ учащихся въ народной школѣ, имѣютъ возрастъ, выходящій за предѣлы 8, 11 лѣтъ, именно: отъ 7 до 8 и старше 11-ти, до 15 и даже свыше 16-ти лѣтъ *). Это обстоятельство чрезвычайно важно. Кромѣ разныхъ семейныхъ и хозяйственныхъ причинъ, она, безъ всякаго сомнѣнія, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того, что при рѣдкости школьной сѣти, которая по множеству причинъ не можетъ быть сдѣлана вдругъ, сразу, такой густой, чтобы всѣ дѣти могли учиться, населеніе постепенно приспособлялось къ данному положенію, и можно сказать навѣрное, и школьная статистика, еслибы она была собрана въ данномъ направленіи, это подтвердила бы, что дѣти, живущія вблизи школы, учатся въ болѣе раннемъ возрастѣ, а дѣти отдаленныхъ селеній начинаютъ ходить въ школу въ болѣе позднемъ возрастѣ. Сторонники немедленнаго введенія обязательности ученія упускаютъ изъ вида это очень важное обстоятельство и дѣлаютъ грубѣйшую ошибку въ своихъ расчетахъ числа необходимыхъ школъ, когда, сосчитывая число мѣстъ въ существующихъ школахъ, принимаютъ во вниманіе только дѣтей въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ, думая, что стоитъ только назначить этотъ возрастъ, и все пойдетъ прекрасно съ тѣмъ числомъ школъ, которое теперь существуетъ плюсъ то число ихъ, которое придется вновь открыть для того, чтобы эти новыя школы вмѣстѣ съ существующими доставили столько школьныхъ мѣстъ, сколько имѣется во всемъ населеніи дѣтей отъ 8 до 11 лѣтъ. На дѣлѣ же окажется, что школъ не хватитъ, какъ только законъ заставитъ ходить въ школу и такихъ дѣтей отъ 8-ми до 11-ти лѣтъ, которыя теперь, при болѣе рѣдкой сѣти школъ и зависящей отъ того дальности разстоянія до школы, могли ждать наступленія болѣе зрѣлаго возраста и все-

*) Дубровскій. «Сельскія училища въ Европ. Россіи». Статистич. Врем. Росс. Имп. Сиб. 1884 г. Въ 1880 г. въ сельскихъ школахъ учащихся старше 16-ти лѣтъ было: муж. пола — 2,3 проц., а женскаго — 2,4 проц. всего числа учениковъ.

таки имѣли возможность учиться, но позже. По этому, очень существенному вопросу, сколько извѣстно, не собрано еще достаточныхъ статистическихъ данныхъ.

Для поясненія сказаннаго представимъ себѣ, что въ нѣкоторой опредѣленной мѣстности *A* существуетъ опредѣленная сѣть школъ, имѣющая столько мѣстъ, что *все* дѣти, не моложе 8 лѣтъ, и подростки, имѣютъ возможность учиться въ школахъ по три года, одни, живущія вблизи школъ, въ раннемъ возрастѣ, напримѣръ, отъ 8 до 11 лѣтъ; другія, живущія вдали отъ школъ въ болѣе позднемъ, даже отъ 13 до 16 лѣтъ. При этомъ можно представить себѣ такую организацію школъ, что болѣе взрослые и, слѣдовательно, болѣе развитые и скорѣе и лучше успѣвающіе ученики, не будутъ задерживаться малолѣтними и менѣе зрѣлыми. Такимъ образомъ, населеніе мѣстности *A* пользуется выгодами всеобщности образованія при минимальномъ количествѣ школъ и, слѣдовательно, и при минимальномъ расходѣ на образованіе и, сверхъ того, значительная часть учащихся, гораздо большая половины всего ихъ числа, учится въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Последнее обстоятельство доставляетъ ничѣмъ не замѣнимое преимущество: оно дѣлаетъ ученіе болѣе успѣшнымъ, болѣе результатнымъ и самое образованіе болѣе прочнымъ въ населеніи.

Теперь представимъ себѣ, что издается законъ обязательности ученія въ возрастѣ отъ 8-ми до 11-ти лѣтъ. Послѣдствія этого были бы слѣдующія: изъ существующихъ школъ не позже, какъ по истеченіи трехъ лѣтъ, выбыли бы, за исключеніемъ малоуспѣвшихъ, которые всегда будутъ въ небольшомъ числѣ, всѣ дѣти, достигшіе 11-ти лѣтъ, и школы значительно, можетъ быть, на половину, опустѣли бы, такъ какъ въ нихъ прекратился бы весьма значительный приливъ учениковъ старшаго возраста, изъ болѣе отдаленныхъ отъ школы селеній. Съ другой стороны, явилась бы необходимость въ этихъ послѣднихъ селеніяхъ, для учениковъ, достигшихъ 8-ми лѣтняго возраста, учредить новыя школы потому, что теперь, въ силу требованій закона, они должны начинать свое ученіе съ 8-ми лѣтъ и не могутъ выжидать болѣе зрѣлаго возраста, который прежде позволялъ имъ пользоваться школой, находящейся на далекомъ разстояніи отъ ихъ мѣстожителства. Такимъ образомъ, съ изданіемъ закона обязательности ученія, въ возрастѣ отъ 8-ми до 11-ти лѣтъ, для всеобщности обученія потребуется большее число школъ и, слѣдовательно, болѣе школьный бюджетъ и, сверхъ того, все населеніе будетъ учиться въ раннемъ возрастѣ, вслѣдствіе чего уровень образованія во всемъ населеніи понизится, и результаты его будутъ менѣе прочны, какъ это было объяснено выше. Притомъ школы въ первое время почти на половину будутъ пусты и наполнятся только со временемъ, черезъ много лѣтъ, когда населеніе данной мѣстности пріобрѣтетъ соответствующій приростъ.

3. Сторонники немедленнаго введенія обязательности ученія упускаютъ изъ вида, что для осуществленія ея, кромѣ школъ, надо еще создать цѣлую армію учителей и учительницъ. Разъ будетъ изданъ законъ, обязывающій всѣхъ родителей отдавать дѣтей въ школу,

нельзя уже будетъ, безъ явнаго и рѣзкаго нарушенія достоинства государства, терпѣть въ школахъ случайный составъ учителей, не имѣющихъ не только достаточнаго образовательнаго ценза и спеціально-педагогической подготовки, но, можетъ быть, неудовлетворяющихъ даже самымъ необходимымъ, скромнымъ, нравственнымъ требованіямъ. Если неоспоримо, что на обязанности государства, понимаемаго въ современномъ его смыслѣ, всегда и во всякомъ случаѣ лежитъ забота о приготовленіи учителей для народныхъ школъ, то эта обязанность еще, такъ сказать, усугубляется и становится безусловно неотвратимой во всѣхъ отношеніяхъ, если государство вводитъ обязательность образованія, беретъ образованіе подъ свою ближайшую опеку, говоря отцу: ты обязанъ посылать своего сына и дочь въ мою школу, или въ ту школу, которая получитъ мое признаніе, и теперь уже не ты, а я несу отвѣтственность за то, что твой сынъ получитъ надлежащее школьное образованіе и связанное съ нимъ воспитаніе.

Персоналъ народныхъ учителей у насъ оставляетъ желать еще многого въ качественномъ отношеніи. По изслѣдованію, произведенному въ 1880 г. на 22770 сельскихъ школъ 50-ти губ. европ. Россіи съ губерніями Привислянскими было 24389 учащихся, не считая законоучителей, и на 1 учителя приходилось по 46 учениковъ. Изъ «общаго числа учащихся, какъ учителей, такъ и учительницъ, болѣе чѣмъ двѣ пятыхъ состояли изъ лицъ, далеко не подготовленныхъ къ дѣлу преподаванія по своему образованію, а, слѣдовательно, и по общему складу нравственнаго своего развитія» *). Со времени повсемѣстнаго обслѣдованія школъ въ 1880 г. прошло почти 15 лѣтъ, и дѣло, конечно, улучшилось, но еще далеко недостаточно. Такъ въ Вольскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, въ 1892—1893 учебномъ году, въ сельскихъ школахъ учащихся (учителей и учительницъ), имѣвшихъ спеціальную подготовку, было 7½ проц. всего числа, а кончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—21,2 проц.; остальные 71,3 проц., или не кончили курса средняго учебнаго заведенія, или обучались въ низшихъ училищахъ или, наконецъ, вовсе не имѣли свидѣтельствъ о полученномъ ими образованіи **). Въ появившемся въ концѣ истекшаго 1894 года «Докладъ Полтавской губ. земской управы Полтавскому губ. земск. собранію XXX очереднаго созыва № 52» помѣщено весьма интересное изслѣдованіе Ю. В. Яцевичъ (Будаговской): «Состояніе народнаго образованія въ Полтавской губерніи въ 1893 году и наиболѣе настоятельныя нужды школьнаго дѣла» ***), въ которомъ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: учащихся (учителей и учительницъ) съ достаточной подготовкой 53,4 проц., съ недостаточной—46,6 проц. Подъ достаточной подготовкой разумѣется

*) Дубровскій. Сельск. Учил. въ евр. Россіи и Привислянск. губ. Статист. Врем. Росс. Имп. Серія III. Вып. I. Сиб. 1884 г., стр. LIV.

**) Полож. народн. образ. въ Саратовск. губ. Вып. I. Вольскій уѣзд. Саратовъ. 1894 г. стр. 360.

***) См. объ участіи губернскаго земства въ развитіи началн. образов. и въ распространеніи грамотности. Полтава. 1894.

спеціально-педагогическое образованіе и окончаніе курса среднеучебнаго заведенія. По различнымъ уѣздамъ Полтавской губерніи распределение учащихся съ достаточной подготовкой весьма неравномѣрно; такъ въ Прилукскомъ уѣздѣ учителей достаточно подготовленныхъ всего только 20,0 проц. Всѣ эти цифры относятся, собственно, только къ земскимъ школамъ. Нечего и говорить, что составъ преподавателей церковно-приходскихъ школъ, а тѣмъ болѣе школъ грамоты, еще ниже по образованію. Въ отчетѣ Полтавскаго епархіальнаго училищнаго совѣта говорится: «есть учителя, которые очень мало успѣваютъ и не столько по невниманію, къ интересамъ церковныхъ школъ, сколько по неспособности и неподготовленности къ дѣлу» *). По словамъ того-же отчета: «за весьма небольшимъ исключеніемъ, учащіе въ школахъ грамоты—лица неправопособныя (!)» **).

Чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе о томъ, сколько учителей понадобилось-бы для всего нынѣшняго населенія Россіи, если-бы въ ней введено было обязательное начальное образованіе хотя-бы только для дѣтей отъ 8 до 11 лѣтъ (такими предѣлами школьнаго возраста ограничиваются сторонники обязательности ученія) сдѣлаемъ небольшое вычисленіе. Населеніе всей Россіи, безъ Финляндіи, въ настоящее время простирается до 124 милліоновъ. По таблицамъ Буниковскаго, на это населеніе придется дѣтей въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ—8.990.000. Принимая, что на каждые 50 учениковъ надо имѣть одного учителя, найдемъ, что учителей потребуется 179,800, или, круглымъ числомъ, около 180,000. Норма 50 учениковъ на одного учителя, сама по себѣ, нисколько не мала; сверхъ того, она, для Россіи вообще, и не можетъ быть увеличена вслѣдствіе рѣдкости населенія. Что норма эта нисколько не мала, подтверждается слѣдующей таблицей, показывающей число учениковъ на одного учителя въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ ***).

На 1 учит.:		На 1 учит.:	
1. Америка (Соед. Штаты) 39 учен.	10. Швейцарія 48 учен.
2. Франція 43 »	11. Швеція 51 »
3. Пруссія 73 »	12. Норвегія 52 »
4. Баварія 52 »	13. Австрія 48 »
5. Баденъ 57 »	14. Венгрія 80 »(?)
6. Нидерланды 42 »	15. Италія 46 »
7. Англія 49 »	16. Бельгія 62 »
8. Шотландія 51 »	17. Финляндія 48 »
9. Ирландія 48 »	18. Россія (предположительно).	50 »

Эта таблица показываетъ, что, въ большинствѣ случаевъ разсматриваемая норма приближается къ 50, за исключеніемъ только Пруссіи и Бельгіи. Цифра для Венгрии сомнительна.

*) Отчетъ Полт. епарх. учил. совѣта, стр. 40.
 **) Тамъ-же, стр. 107.
 ***) См. Harris. Report of the Commissioner of Education 1890—91, p. 369—372, vol. I.

Итакъ, принимая для Россіи 180,000 учителей, мы, если и ошибаемся, то, скорѣе, въ сторону уменьшенія, нежели увеличенія. Возрастъ громаднаго большинства учителей колеблется между предѣлами 20—50 лѣтъ *). Исключеніе изъ этого составляютъ учительницы, которыхъ встрѣчается довольно много и въ возрастѣ моложе 20 лѣтъ. Но значительная часть такихъ молодыхъ учительницъ выходитъ замужъ и впослѣдствіи оставляетъ учительскую дѣятельность. Пробыть преподавателемъ особенно въ тяжелыхъ условіяхъ жизни народнаго учителя, болѣе 25 лѣтъ, очень трудно поэтому, допустивъ, что молодой человѣкъ, окончившій свое общее, или спеціально педагогическое образованіе, поступаетъ въ народные учителя въ возрастѣ 20 лѣтъ (люди съ университетскимъ и вообще высшимъ образованіемъ встрѣчаются въ средѣ народныхъ учителей лишь въ видѣ крайне рѣдкихъ исключеній) едва-ли можно рассчитывать, чтобы онъ могъ оставаться на этомъ поприщѣ послѣ 50 лѣтъ. Итакъ допускаемъ, что 180,000 учителей составляютъ возрастную группу населенія отъ 20 до 50 лѣтъ. Общій коэффициентъ смертности въ Россіи для всѣхъ возрастовъ по Янсону **), есть 32,0 на тысячу; но было-бы неправильно распространять его на всѣ возрасты. Пользуясь таблицами Буяковскаго ***) беремъ приблизительно, коэффициентъ смертности въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ 15 на тысячу. На основаніи этихъ данныхъ ежегодная убыль учителей отъ смертности будетъ простирается до 2,700 человѣкъ и за достиженіемъ 50 лѣтняго возраста до 1420 человѣкъ; все-го-же до 4.120 человѣкъ. Но это еще не все. Вслѣдствіе ежегоднаго прироста населенія, простирающагося для Россіи, какъ сказано выше, до 1,35 проц., что даетъ для 124 милліоннаго населенія 1894 года 1.674.000 человѣкъ, а въ послѣдующіе года все большее и большее число людей, увеличивающееся въ возрастающей прогрессіи, ежегодно будетъ прибавляться и количество дѣтей 8—11 лѣтняго возраста, для которыхъ ежегодно понадобится открывать новыя школы и давать новыхъ учителей. Первый приростъ населенія дастъ до 121.265 дѣтей 8—11 лѣтняго возраста, для которыхъ, считая по 50 учениковъ на 1 учителя, потребуются 2.427 новыхъ учителей. На слѣдующій годъ и приростъ общій, и приростъ дѣтей будутъ больше, а, слѣдовательно, увеличится и число учителей; но мы удовольствуемся на неопредѣленное время, пока, этимъ числомъ. Присоединяя его къ найденной выше суммѣ, получимъ 6.547, или, круглымъ числомъ, до 6.550 учителей въ годъ... Вотъ до какихъ размѣровъ, по самому умѣренному расчету доходило бы ежегодное требованіе на новыхъ учителей для Россіи, если бы въ ней нынѣ же было введено обязательное обученіе всѣхъ дѣтей въ возрастѣ только отъ 8 до 11 лѣтъ. Говоримъ, по самому умѣренному расчету потому, что, во-первыхъ, какъ сейчасъ было объяснено, ежегодный приростъ дѣтскаго населе-

*) Дубровскій. Сельск. учил. Евр. Россіи.

**) Янсонъ. Сравнит. статистика населенія. СПб. 1893.

***) Буяковскій: Опытъ о законахъ смертности въ Россіи. Его-же. Антропологическія изслѣдованія.

нія потребує постоянно возрастающаго числа новыхъ учителей; вторыхъ, мы предположили, что учиться будутъ дѣти только въ возрастѣ 8—11 лѣтъ, между тѣмъ, какъ съ развитіемъ образованія, предѣлы эти будутъ расширяться; въ-третьихъ, мы предположили, что учителя убываютъ только или за смертью, или за достиженіемъ 50-ти лѣтняго возраста; притомъ мы взяли весьма умѣренный коэффициентъ смертности. Между тѣмъ извѣстно, что положеніе народныхъ учителей до того тягостно, что преждевременно истощаетъ ихъ физическія и нравственныя силы, приводитъ къ болѣзненности, сокращаетъ продолжительность жизни и заставляетъ большинство ихъ стремиться получить какую-нибудь иную, болѣе сносную и обезпечивающую службу и оставлять учительство при первой возможности. До чего быстро обновляется составъ народныхъ учителей видно изъ того, что, на-примѣръ, въ Полтавской губерніи, «судя по переписи, произведенной губернской управой для составленія проекта эмиритальной кассы, ежегодно открывается въ губерніи не менѣе 150 вакансій, не считая вновь учреждаемыхъ школъ» *). Значеніе этой цифры сдѣлается яснымъ, если укажемъ, что къ январю 1894 г. въ селахъ и городахъ Полтавской губерніи было 693 училища съ 56.252 учащимися и 1.029 учащими обоюго пола **). Но еслибы даже положеніе народнаго учителя и было очень значительно улучшено, чего можно ожидать только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, все-таки, всегда многіе учителя и учительницы непремѣнно будутъ оставлять педагогическую службу, переходя къ другому ряду дѣятельности, выходя замужъ, или въ отставку по болѣзни и по множеству другихъ причинъ. Всего этого мы не приняли во вниманіе, ограничивъ убыль только смертью и достиженіемъ старости.

Посмотримъ теперь, до какой степени мы подготовлены къ составленію для нашей народной школы достаточнаго числа учителей. Если обратимся къ учительскимъ семинаріямъ, мужскимъ и женскимъ, и даже учительскимъ институтамъ, изъ которыхъ, впрочемъ, послѣдніе только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ даютъ учителей для народныхъ школъ, то увидимъ, что для 1893 года мы имѣли:

Учебныя заведенія.	Число учебн. завед.	Число учащихся.	Число окончивш. курсъ.	Проц. отнош. къ общ. числу учащихся.
Учительскихъ институтовъ	11	654	178	27,2 проц.
Учительск. семинарій мужск. . .	56	3920	878	22,3 проц.
» » женск. . .	5	582	110***)	18,9 проц.
Итого . . .	72	5156	1166	22,5 проц.

*) Цифра 110 получена приблизительно вслѣдствіе неизвѣстности числа окончившихъ курсъ въ Московской женск. учит. семинаріи. Но допущенная погрѣшность не можетъ быть сколько-нибудь значительна.

**) Журн. засѣд. комис. по народн. образов. въ Полтавской губ. 15 ноября 1894 г., стр. 13. Объ участіи губ. земства въ развитіи нач. образованія. Докладъ № 52. Полтава. 1894 г.

***) Тамъ-же. Состояніе нач. народн. образов. въ Полтавской губ. въ 1893 г. Приложение 2, стр. 23—30. 22*

Эта таблица показываетъ, что кончающихъ курсъ въ существовавшихъ въ 1893 году у насъ учебныхъ заведеніяхъ, предназначенныхъ для приготовления народныхъ учителей, было почти въ шесть разъ меньше, сравнительно съ тѣмъ, сколько ихъ понадобилось бы по вышеприведенному исчисленію. И не только число оканчивающихъ курсъ, но даже общее число всѣхъ учащихся, 5156, далеко не достигало найденной выше цифры 6550 учителей. Не забудемъ, кромѣ того, что весьма значительная доля, выходящихъ изъ семинарій, не поступаетъ въ учителя народныхъ школъ, или очень скоро оставляетъ педагогическое поприще. Достоинъ замѣчанія тотъ въ высшей степени прискорбный фактъ, что и безъ того крайне не развитое и слабо поставленное у насъ дѣло приготовления учителей для народныхъ школъ имѣетъ наклонность еще болѣе ослабѣвать и умаляться, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи, такъ какъ нѣкоторые учительскія семинарія закрываются, что видно изъ слѣдующаго сравненія для годовъ 1886 и 1893, числа специально-педагогическихъ учебныхъ заведеній и числа учащихся въ нихъ:

ГОДЫ:	Учебн. заведеній.		Учащихся.	
	мужск.	женск.	мужч.	женщ.
1886	78	8	5430	800
1893	67	5	4574	582
Уменьшенія противъ 1886 г.	11	3	856	220
проц.	14,1 проц.	37,5 проц.	15,8 проц.	27,5 проц.

Изъ этой таблицы видно, что за семь лѣтъ число мужскихъ учебныхъ заведеній уменьшилось на $\frac{1}{7}$, а женскихъ болѣе, нежели на $\frac{1}{2}$, а число учащихся: мужчинъ — также на $\frac{1}{7}$, а женщинъ — болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{4}$. Достоинъ также замѣчанія, что женскихъ специально-педагогическихъ заведеній у насъ чрезвычайно мало сравнительно съ мужскими, хотя повсюду не только у насъ, но и во всемъ свѣтѣ, въ начальныхъ школахъ замѣчается все болѣе и болѣе возрастающій перевѣсъ числа учительницъ надъ числомъ учителей.

Но могутъ сказать, что не изъ однихъ же учительскихъ семинарій выходятъ учащіе въ народной школъ. Пусть такъ. Возьмемъ *еще* существовавшіе въ 1886 году (для позднѣйшихъ годовъ мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній, но сущность дѣла немного отъ того измѣнится) во *всей* Россіи среднія учебныя заведенія всевозможныхъ вѣдомствъ, казенныя и частныя, какъ мужскія, такъ и женскія, вмѣстѣ съ специально-педагогическими учебными заведеніями. Оказывается, что во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ всей Россіи, считая и специально-педагогическія, въ 1886 году было всего до 241.000 учащихся обо-его пола. Вѣдь, и это число совершенно ничтожно, если сообразить, что оно должно дать женъ и матерей для среднихъ и высшихъ классовъ общества и дѣятелей всевозможныхъ профессій, требующихъ болѣе или менѣе интеллигентнаго труда, что вся университетская и учащаяся въ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ моло-

дежь, формируется из этих 241.000 учащихся, что масса их поглощается нашими безчисленными департаментами, канцеляриями и присутственными мѣстами, что тут-же заключаются кадетскіе корпуса, которые одни дают массу въ 8.000 учащихся, что изъ нихъ же должно сформироваться все наше духовенство, ученое и учащее сословіе и проч. и проч. и проч. Если допустимъ, что изъ этихъ учебныхъ заведеній, между которыми есть прогимназіи и другія, гдѣ курсъ короче 8-ми лѣтнаго гимназическаго, ежегодно выпускается, въ среднемъ, одна шестая часть учащихся, что будетъ уже, по всей вѣроятности, очень преувеличено, то получимъ контингентъ въ 40.000 чел. ежегодно доставляемый всѣми мужскими и женскими среднеучебными заведениями всей Россіи. Цифра 6550 народныхъ учителей, составляющая, при вышеуказанныхъ условіяхъ, минимальную ежегодную потребность Россіи въ учителяхъ, нѣсколько меньше одной пятой части найденныхъ сейчасъ 40.000 молодыхъ людей, выпускаемыхъ ежегодно изъ всѣхъ нашихъ среднеучебныхъ заведеній. Полное несоотвѣтствіе этихъ цифръ слишкомъ очевидно, чтобы стоило на немъ останавливаться. При такихъ условіяхъ значительная часть интеллигентныхъ силъ должна будетъ поглощаться одной народной школой, и громадная масса жизненныхъ функций общественнаго организма окажется лишенной необходимыхъ органовъ. Такъ просто невозможно будетъ жить, и мы приходимъ къ такой чудовищной нелѣпости, которой одной достаточно, чтобы признать совершенно несостоятельной мысль о немедленномъ введеніи у насъ обязательности ученія.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ учителяхъ и учительницахъ, необходимыхъ для успѣшности дѣйствія закона объ обязательности ученія, скажемъ въ заключеніе, что еще недостаточно завести учительскія семинаріи мужскія и женскія и дѣлать изъ нихъ ежегодные выпуски; надо еще создать такія бытовья условія существованія народной школы, чтобы учителя и учительницы не покидали своей дѣятельности при первомъ удобномъ случаѣ; а для этого необходимо, путемъ законодательства поднять, улучшить и упрочить ихъ общественное положеніе, матерьяльное благосостояніе и обезпечить ихъ будущность. Вводить обязательность ученія прежде, чѣмъ это будетъ сдѣлано, значить заранѣе обречь законъ о ней на неисполненіе, сдѣлать его прямо мертвой буквой, такъ какъ именно учитель-то и есть самый главный органъ, самый главный проводникъ подобнаго закона въ жизнь.

4. Сторонники скорѣйшаго введенія обязательности ученія упускаютъ изъ вида, что, при всей ограниченности программы начальной школы, у насъ еще далеко не рѣшено, чему и какъ учить народъ. Ни наши педагоги, ни земства, устраивающія школы, ни учебное начальство, которому непосредственно подчинены школы, ни, наконецъ, различныя вѣдомства, завѣдывающія народнымъ образованіемъ и влияющіе на него, не пришли по этому предмету даже и къ приблизительному соглашенію. Между тѣмъ совершенно очевидно, что разъ дѣйствуетъ въ государствѣ законъ обязательности ученія, съ нимъ

неизбѣжно связывается извѣстное однообразіе учебныхъ требованій. Очевидно, что обязательное посѣщеніе школы необходимо связывается съ обязательнымъ же усвоеніемъ извѣстнаго, вполне опредѣленнаго круга знаній, на столько опредѣленнаго, чтобы агенты государства, на обязанности которыхъ будетъ лежать наблюденіе за точнымъ исполненіемъ закона, могли предъявлять населенію вполне точныя и опредѣленныя требованія. Оставляя пока въ сторонѣ очень важный вопросъ о томъ, полезно ли такое однообразіе учебныхъ требованій, не создастъ ли оно опасности скованія и просто умерщвленія живаго дѣла образованія, и даже можетъ ли оно быть примѣнено къ такому громадному и многомилліонному государству, какова Россія, съ ея разноплеменностью и вѣроисповѣднымъ разнообразіемъ населенія, спрашивается: въ какомъ смыслѣ могло бы состояться въ настоящее время соглашеніе относительно того, чему и какъ учить и какъ направлять дѣтей въ народной школѣ? Повторяемъ и еще разъ настаиваемъ, что если вопросъ объ обязательности ученія будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, то одновременно съ этимъ создастся неотвратимая необходимость сейчасъ же отвѣтить и на вопросъ, чему и какъ учить и какъ направлять дѣтей въ народной школѣ, создастся необходимость, одновременно съ обязательностью ученія принять обязательность опредѣленной программы ученія. Въ настоящее время, помимо того типа народной школы, который болѣе или менѣе теоретическимъ и неопредѣленнымъ образомъ слагается въ сознаніи людей, интересующихъ народнымъ образованіемъ, въ дѣйствительности существуютъ школы: церковно-приходская, министерская, земская, городская, школа грамотности и проч. Кромѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, заботу о народномъ образованіи принимаетъ на себя и духовное вѣдомство, участіе котораго въ этомъ дѣлѣ за послѣднее десятилѣтіе все болѣе и болѣе и притомъ съ прогрессирующей быстротой, усиливается. По отчету Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода въ 1890—91-мъ учебномъ году, церковныхъ школъ въ 50-ти губ. европ. Россіи было 21.315 съ 593.392 учащимися. Мы не имѣемъ соответствующихъ цифръ для школъ состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ какъ отчеты о нихъ уже за много лѣтъ не публикуются, но знаемъ, что въ 1886 г. въ томъ же районѣ Имперіи, начальныхъ школъ всевозможныхъ вѣдомствъ, и въ томъ числѣ и школъ церковныхъ, было 39.003 съ 2.025.317 учащихся. Если допустимъ, что число школъ въ пятилѣтіе съ 1886 до 1891 г. увеличилось до цифры 45.000, которая, по всей вѣроятности, гораздо больше дѣйствительной, то окажется, что участіе духовнаго вѣдомства въ дѣлѣ народнаго образованія, таково, что, по числу завѣдуемыхъ имъ школъ, оно почти равно участію всѣхъ остальныхъ вѣдомствъ, вмѣстѣ взятыхъ (21.315 равно почти половинѣ 45.000), а по числу обучаемыхъ, выражается, приблизительно, одной четвертой долей всего итога (593.392, или, круглымъ числомъ, почти 600.000 составляютъ немногимъ меньше одной трети 2.025.317 учащихся, къ которымъ надо присоединить приростъ за пятилѣтіе 1885—1891 г.),

Въ послѣднее десятилѣтіе въ народной школѣ, кромѣ указанныхъ те-

ченій, между которыми, пока, преобладаютъ земско-министерское и церковное, все болѣе и болѣе выступаетъ и завоевываетъ почву еще новое теченіе, которое можно назвать утилитарнымъ, профессиональнымъ, промышленнымъ, или практическимъ. Оно выражается особенно усилившеюся въ послѣднее время дѣятельностью новаго Министерства Земледѣлія по части проектированія и учрежденія низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ, возбужденіемъ въ земствахъ вопроса о надѣленіи школъ земель, устройствѣ при народныхъ школахъ занятій огородничествомъ и садоводствомъ, ручнымъ трудомъ, ремеслами и проч. Это утилитарное теченіе становится столь сильнымъ, что какъ земско-министерскія, такъ и церковныя школы поддаются его вліянію. Въ настоящее время, особенно послѣ пережитыхъ недавно Россіей голодныхъ годовъ это направленіе повально и, такъ сказать, эпидемически выражается стремленіемъ къ приданію народной школѣ сельско-хозяйственнаго характера. Было время, не много лѣтъ тому назадъ, когда въ начальныхъ школахъ, особенно въ городахъ, отчасти подъ вліяніемъ господствовавшей также эпидемически маіи переутомленія учащихся и увлеченія физическимъ развитіемъ въ школѣ, во многихъ мѣстахъ свирѣпствовала эпидемія обученія строю и вообще военныя гимнастическія и даже атлетическія упражненія. При такой шаткости нашего отношенія къ народной школѣ введеніе закона обязательности ученія могло бы быть въ высшей степени пагубно для спокойнаго, органическаго и правильнаго развитія народнаго образованія именно тѣмъ, что, съ введеніемъ обязательности ученія, какъ уже сказано, неизбежно связывается извѣстное однообразіе учебныхъ требованій, укрѣпленіе за народной школой извѣстнаго опредѣленнаго направленія. Опасность состоитъ именно въ томъ, что задача народнаго образованія рискуетъ получить, то или другое одностороннее рѣшеніе, смотря по тому, какое изъ указанныхъ сейчасъ теченій одержитъ верхъ въ моментъ изданія закона.

5. Сторонники обязательности ученія упускаютъ изъ вида, что главнымъ препятствіемъ къ улучшенію и развитію начальнаго народнаго образованія, по глубоко-справедливому мнѣнію людей близко стоящихъ къ дѣлу, является излишняя его регламентація со стороны учебной и административной власти, что наши народныя школы, подчиненныя не только учебнымъ, но и разнымъ другимъ вѣдомствамъ, обязаны во всякое время руководствоваться въ своемъ устройствѣ, управленіи, учебной организаціи, содержаніи, духѣ и направленіи своего преподаванія и вообще во всемъ своемъ обиходѣ самыми разнообразными, часто неожиданными и непредвидѣнными законоположеніями, циркулярами, предложеніями, приказами, предписаніями и пр. и пр. и пр. во многихъ случаяхъ устарѣлыми, иногда противорѣчащими другъ другу, подлежащими часто совершенно произвольному, субъективному толкованію отдѣльныхъ начальствующихъ лицъ и пр. и пр. Такъ, рядомъ съ приходскими училищами по уставу 1828 г., возникшему почти 70 лѣтъ тому назадъ, когда въ Россіи еще въ полномъ разгарѣ дѣйствовало крѣпостное право, существуютъ различные виды начальныхъ народныхъ училищъ по положенію 25 мая 1874 г.

и т. п. На эти уставы и положенія успѣла наслоиться масса новыхъ отдѣльныхъ законоположеній, циркуляровъ и проч., въ которыхъ часто очень трудно разобраться, и которые, однако, даютъ возможность отдѣльнымъ лицамъ, начальствующимъ на всѣхъ ступеняхъ учебно-административной іерархіи, находить въ этой грудѣ канцелярскаго матерьяла юридическую и бюрократическую основу и оправданіе своимъ, часто совершенно произвольнымъ и неосновательнымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ. Словомъ, наше школьное законодательство въ значительной мѣрѣ находится въ хаотическомъ состояніи, не отвѣчаетъ современнымъ нуждамъ народной школы и требуетъ серіознаго пересмотра, безъ чего введеніе закона обязательности ученія надо признать положительно невозможнымъ.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, совершенно одностороннимъ образомъ возлагать на многомилліонный народъ тягость подчиненія закону обязательности ученія, когда сама школа, въ которой это ученіе будетъ происходить, не имѣетъ никакой прочной, устойчивой, постоянной, правовой основы.

6. Указавъ на необходимость раньше закона обязательности ученія подумать объ изданіи органическаго школьнаго закона, который поставилъ бы народную школу на твердую правовую почву, не лишая, въ тоже время школы необходимой самостоятельности и свободы, безъ которыхъ немислимо ея правильное *національное* развитіе, не мѣшаетъ напомнить теперь рьянымъ сторонникамъ обязательности ученія нѣкоторыя мысли Л. Н. Толстаго, высказанныя имъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ статьѣ «О народномъ образованіи» *) и даже, собственно, еще раньше, въ шестидесятыхъ годахъ въ давно уже забытомъ нынѣ, издававшемся имъ же педагогическомъ журналѣ «Ясная Поляна», мысли, сохраняющія свою свѣжесть и силу и теперь.

«Единственный критеріумъ педагогіи есть свобода, единственный методъ есть опытъ»... Прежде «вопросъ о томъ, чему и какъ учить, не могъ имѣть мѣста. Образованіе было неразрывно связано съ религіей. Учиться грамотѣ значило учиться священному писанію. Въ магометанскихъ населеніяхъ до сихъ поръ существуетъ во всей силѣ эта связь между грамотой и религіей. Учиться—значить учить Коранъ, и потому—арабскій языкъ. Но какъ скоро критеріумомъ того, чему нужно учить, перестала быть религія, и школа стала независима отъ нея, вопросъ этотъ долженъ былъ явиться»... Въ чемъ же состоятъ требованія образованія, «на чемъ они основаны? Чтобы эти основанія были несомнѣнны, необходимо: или чтобы они философски несомнѣнно были доказаны, или чтобы, по крайней мѣрѣ, всѣ образованные люди были въ нихъ согласны... что въ философіи не найдены тѣ основы, на которыхъ можетъ строиться опредѣленіе того, чему нужно учить, не можетъ быть никакого сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что самое дѣло не есть отвлеченное, а практическое, зависящее отъ безчисленныхъ жизненныхъ условій. Еще менѣе можно найти эти основы

*) Гр. Л. Н. Толстой. Сочиненія. Часть XII. Произведенія послѣднихъ годовъ. Москва. Изд. 1886 г.

въ общемъ согласіи людей, занимающихся этимъ дѣломъ... Не только въ дѣлѣ народнаго, но и въ дѣлѣ высшаго образованія мы видимъ полное разногласіе между лучшими представителями образованія, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о классицизмѣ и реализмѣ. И не смотря на отсутствіе основъ, мы видимъ, однако, что образованіе идетъ своимъ путемъ и въ общей массѣ руководствуется только однимъ принципомъ, именно свободой... Въ народной школѣ также право опредѣлять то, чему надо учиться, съ какой бы стороны мы ни разсматривали этотъ вопросъ, принадлежитъ народу, т. е. или самимъ ученикамъ, или родителямъ, посылающимъ дѣтей въ школу, и потому отвѣтъ на вопросъ, чему учить дѣтей въ народной школѣ, мы можемъ получить только отъ народа. Но, скажутъ, можетъ быть, что намъ, высокообразованнымъ людямъ, не слѣдуетъ покоряться требованіямъ грубаго народа, намъ надо учить народъ, чего ему желать.

Такъ думаютъ многіе, но на это могу сказать только одно: дайте твердое несомнѣнное основаніе, почему то или другое избрано вами, покажите мнѣ такое общество, въ которомъ-бы не было двухъ диаметрально-противоположныхъ возрѣній на образованіе между высокообразованными, гдѣ-бы не повторялось постоянно, что, если попало образованіе въ руки духовенства, — народъ образовываютъ въ одномъ духѣ, если образованіе въ рукахъ прогрессистовъ — народъ образовываютъ въ другомъ духѣ; покажите мнѣ такое общество, въ которомъ-бы этого не было, — и я соглашусь съ вами.

До тѣхъ-же поръ, пока этого нѣтъ, нѣтъ другаго критеріума, какъ свобода учащагося, при чемъ на мѣсто учащихся дѣтей въ дѣлѣ народной школы становятся ихъ родители, т. е. требованія народа... Вопросъ: какъ учить?—есть вопросъ о томъ, какое отношеніе между учащимъ и учащимся будетъ наилучшее? Никто, вѣроятно, не станетъ спорить, что наилучшее отношеніе между учителемъ и учениками есть отношеніе естественности; что противоположное естественному отношенію есть отношеніе принудительности. Если это такъ, то мѣрило всѣхъ методовъ состоитъ въ большей или меньшей естественности отношеній, и потому въ меньшемъ или большемъ принужденіи при ученіи. Чѣмъ съ меньшимъ принужденіемъ учатся дѣти, тѣмъ методъ лучше; чѣмъ съ большимъ — тѣмъ хуже... Съ мыслью, что для успѣшнаго обученія нужно не принужденіе, а возбужденіе интереса ученика, согласны всѣ педагоги...

Всякое движеніе впередъ педагогики, если мы внимательно разсмотримъ исторію этого дѣла, состоитъ только въ большемъ и большемъ приближеніи къ естественности отношеній между учителемъ и учениками, въ меньшей принудительности ученія... Но возразятъ: «какъ найти границу свободы, которая должна быть допускаема въ школѣ? На это отвѣчу, что граница этой свободы сама собой опредѣляется учителемъ, его знаніемъ, его способностью руководить школой; что свобода эта не можетъ быть предписываема; мѣра этой свободы есть только результатъ большаго или меньшаго знанія и таланта учителя. Свобода это не есть правило, но она служитъ повѣр-

кой при сравненіи школъ между собою, и повѣркой при сравненіи новыхъ пріемовъ, вводимыхъ въ обученіе.

Та школа, въ которой меньше принужденія, лучше той, въ которой больше принужденія.

Тотъ пріемъ, который при своемъ введеніи въ школу не требуетъ усиленія дисциплины, хорошъ; тотъ-же, который требуетъ большей строгости, навѣрное, дурень... Для учителей послѣдствія такого отношенія къ ученикамъ, по наблюденіямъ Л. Н. Толстого, были тѣ, что учителя не считали наилучшею ту методу, которую знали, а старались узнать другія методы, старались сближаться съ другими учителями, чтобы узнавать ихъ пріемы, испытывали новые пріемы, и, главное, постоянно учились сами. Учитель никогда не позволялъ себѣ думать, что въ неуспѣхѣ виноваты ученики—ихъ лѣность, шаловливость, тупоуміе и пр. — а твердо зналъ, что въ неуспѣхѣ виноватъ только онъ, и на каждый недостатокъ ученика или учениковъ, учитель старался отыскать средство.

Для учениковъ послѣдствія были тѣ, что они охотно учились, всегда просили учителей о зимнихъ вечернихъ классахъ и были совершенно свободны въ классѣ, — что, по моему убѣжденію и опыту, есть главное условіе успѣшнаго хода ученія. Между учителями и учениками всегда устанавливались дружескія, естественныя отношенія, при которыхъ только и возможно учителю узнать вполнѣ своихъ учениковъ. Если-бы опредѣлить по внѣшнему первому впечатлѣнію школы, различіе между церковной, нѣмецкой и свободной (позволяемъ себѣ такъ назвать школу Л. Н. Толстого), то главное различіе будетъ такое: въ церковной школѣ слышно особенное, неестественно-однообразное кричаніе (вѣроятно, зубрежъ, или долбленіе, позволяемъ себѣ догадываться изъ словъ Л. Н. Толстого) всѣхъ учениковъ и изрѣдка строгіе крики учителя; въ нѣмецкой—слышенъ одинъ голосъ учителя и изрѣдка робкіе голоса учениковъ; въ свободной—слышны громкіе голоса учителей и учениковъ, почти вмѣстѣ. Для пріемовъ обученія послѣдствія были тѣ, что ни одинъ пріемъ обученія не принимался и не откидывался потому, что онъ нравился или не нравился, а только потому, усвоивался или не усвоивался онъ учениками безъ принужденія... Разладъ между требованіями педагогики и дѣйствительности обнаруживается особенно рѣзко не только въ самомъ дѣлѣ обученія, но и въ другой очень важной сторонѣ дѣла, именно въ дѣлѣ администраціи школы... Всякій, знающій дѣло въ дѣйствительности, замѣтитъ, что народъ все менѣе и менѣе принимаетъ участіе въ дѣлѣ своего образованія,—что и весьма естественно.

Въ нѣкоторыхъ земствахъ даже сборъ съ крестьянъ на школы обращенъ въ земскій сборъ и жалованье, назначеніе учителя, размѣщеніе школъ, все это дѣлается совершенно независимо отъ тѣхъ, для кого это дѣлается (въ теоріи крестьяне, безъ сомнѣнія, суть члены земства, но въ практикѣ этимъ посредственнымъ путемъ они не имѣютъ уже никакого вліянія на школы). Чтобы это было справедливо,—вѣроятно, никто не станетъ утверждать, но скажутъ: безграмотные крестьяне не могутъ судить, что хорошо, что дурно, и мы должны устроить

для нихъ, какъ мы знаемъ. Но почему мы знаемъ? твердо-ли мы знаемъ, всё-ли мы одного мнѣнія, какъ устроить? Такъ что по отношенію къ административной сторонѣ школьнаго дѣла мнѣ приходится опять поставить, на томъ-же основаніи свободы, третій вопросъ: почему мы знаемъ, какъ лучше устраивать школы, распредѣлять ихъ? На этотъ вопросъ нѣмецкая педагогія даетъ совершенно послѣдовательный для своей системы отвѣтъ. Она знаетъ, какая наилучшая школа, она составила себѣ ясный, опредѣленный идеалъ до малѣйшихъ подробностей, до зданія, лавокъ, часовъ ученія и т. д. и даетъ отвѣтъ: школа должна быть такая-то по этому образцу, — она одна хорошая и всѣ другія вредны. Я знаю, что, хотя желаніе Генриха IV дать супъ съ курицей каждому французу было неосуществимо, нельзя было сказать, что желаніе это ложно. Но всё-таки въ другое положеніе становится дѣло, когда этотъ супъ еще очень сомнительнаго свойства и не супъ съ курицей, но непитательная болтушка. А между тѣмъ педагогія въ этомъ дѣлѣ неразрывно связана съ властью: въ Германіи и у насъ предписываются такія-то идеальныя, одноклассныя, двухклассныя и т. д. училища, и педагогическая и административная власть знать не хочетъ того, какъ народъ желалъ-бы самъ устроить свое образованіе. Посмотримъ-же, какъ въ дѣйствительности отразился на школьномъ дѣлѣ такой взглядъ на народное образованіе. Начиная съ 1862 года въ народѣ у насъ все больше и больше стала укрѣпляться мысль о томъ, что нужна грамота (образованіе): съ разныхъ сторонъ, у церковно-служителей, у наемныхъ учителей, при обществахъ учреждались школы. Дурныя или хорошія школы, — но онѣ были самородныя и выросли прямо изъ потребности народа.... Съ тѣхъ поръ, какъ въ завѣдываніе школьнаго дѣла стали вступать болѣе и болѣе чиновники министерства и члены земства, въ Крапивненскомъ уѣздѣ закрыто 40 школъ и запрещено открывать новыя школы низшаго разбора. Я знаю, что тѣ, которые закрыли школы, утверждаютъ, что школы эти существовали только номинально и были очень дурны; но я не могу вѣрить этому потому, что изъ трехъ деревень: Тросны, Ламинцова и Ясной Поляны, мнѣ извѣстны хорошо обученные грамотѣ ученики, а школы эти закрыты.

Я знаю тоже, что многимъ покажется непонятнымъ, что такое значить: воспрещеніе открывать школы? Это значитъ то, что на основаніи циркуляра министерства народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы не допускать учителей ненадежныхъ (что, вѣроятно, относилось къ нигилистамъ), училищный совѣтъ наложилъ запрещеніе на мелкія школы у дьячковъ, солдатъ и т. п., которыя крестьяне сами открывали и которыя, вѣроятно, не подходятъ подъ мысль циркуляра».

Отрѣшаясь отъ вопроса о самомъ качествѣ прежнихъ школъ Л. Н. Толстой обращается къ административной ихъ сторонѣ, которая «такъ тѣсно связана съ самимъ школьнымъ дѣломъ, что отъ хорошаго или дурнаго ея устройства зависитъ въ большой степени успѣхъ и распространеніе народнаго образованія». Л. Н. Толстой подробно разсматриваетъ пять предметовъ: 1) школьное помѣщеніе; 2) распредѣленіе времени ученія; 3) распредѣленіе школъ по мѣстности

стямъ; 4) выборъ учителя, и 5) матеріальныя средства—вознагражденіе учителей. Было бы очень долго слѣдить за его изложеніемъ по всѣмъ этимъ пяти пунктамъ, но не можемъ не указать на мысли Л. Н. Толстаго по вопросу о распредѣленіи школъ, которымъ теперь очень много занимаются почти всѣ земства, чрезвычайно озабоченныя въ настоящее время установленіемъ такъ называемой «*нормальной стѣи школъ*», которая почти не сходитъ со страницъ всего того, что пишется теперь земствами о народномъ образованіи. «По вопросу о распредѣленіи школъ распоряженія народа въ особенности отличаются отъ распоряженія училищнаго совѣта. Во-первыхъ, большее или меньшее распространеніе школъ въ извѣстной мѣстности всегда (когда народъ самъ распоряжается) зависитъ отъ всего характера населенія. Гдѣ народъ больше занимается промысломъ, ходитъ на заработки, гдѣ ближе къ городамъ, гдѣ ему нужнѣ грамота,—тамъ и больше школъ... Во-вторыхъ, когда народъ самъ распоряжается, онъ распредѣляетъ школы такъ, чтобы каждый родитель имѣлъ возможность пользоваться школой за свои деньги. Крестьяне маленькихъ отдаленныхъ деревень въ 40 — 30 душъ, какихъ наберется большая половина всего населенія, предпочитаютъ имѣть дешевенькаго учителя у себя въ деревнѣ, чѣмъ дорогаго въ центрѣ волости, куда ихъ дѣти не могутъ ходить и ѣздить. Отъ этого распредѣленія школъ, самыя школы, устраиваемыя крестьянами, правда, отдаляются отъ требуемаго образца школы, но зато получаютъ самыя разнообразныя формы, поддѣлывающіяся повсюду къ мѣстнымъ условіямъ». При свободномъ распредѣленіи школъ, «не говоря о быстротѣ и равномерности распространенія образованія, выгоды будутъ состоять въ томъ, что школы оснуются по тѣмъ центрамъ, гдѣ необходимость въ нихъ чувствуется народомъ, гдѣ онѣ самородно и потому прочно основываются. Тамъ, гдѣ характеръ народа требуетъ образованія, — тамъ оно будетъ прочно. Посмотрите: въ городахъ, между дворянами, зажиточными крестьянами, такъ или иначе, но дѣти выучатся грамотѣ и никогда не забудутъ, — а въ глухой мѣстности, какъ мы часто видимъ, помѣщикъ оснуетъ школу, дѣти выучатся прекрасно, но черезъ 10 лѣтъ все забыто, — и населеніе такое же безграмотное, какъ и было прежде. Поэтому-то особенно дороги тѣ центры, большіе они или малые, гдѣ самородно зарождаются школы. Тамъ, гдѣ такая школа зародилась, какъ бы плоха она ни была, она пуститъ корни, и раньше или позже населеніе будетъ грамотно. И поэтому надо дорожить этими ростками, а не дѣлать, какъ сплошь да рядомъ,—не запрещать потому, что школа не по нашему вкусу, то есть не убивать ростокъ и не втыкать искусственно въ другомъ мѣстѣ вѣтку, которая не пойдетъ». Итакъ и относительно административной стороны дѣла отвѣтъ Л. Н. Толстаго «тотъ же, какъ и на первые два вопроса,—свобода. Нужно предоставить народу свободу устраивать свои школы, какъ онъ хочетъ, и вмѣшиваться въ самое дѣло устройства школъ какъ можно меньше. Только при такомъ взглядѣ на дѣло уничтожатся тотчасъ главныя препятствія къ распространенію школъ, которыя казались непреодолимыми. Главныя

препятствія—недостаточность средств и невозможность увеличить их. На первое народъ отвѣчаетъ тѣмъ, что онъ употребляетъ всевозможныя мѣры, чтобы школы обходились дешево; на второе народъ отвѣчаетъ, что средства всегда найдутся, былъ бы онъ самъ хозяинъ, а только на заведеніе того, чего ему не нужно, прибавлять средствъ онъ не согласенъ». Л. Н. Толстой возстаетъ противъ «того искусственнаго устройства, въ которое, при самомъ его народженіи, уже пытаются заковать дѣло народнаго образованія... Чувство справедливости невольно возмущается противъ такого порядка вещей. Посмотрите, что собственно дѣлается. Народъ почувствовалъ потребность образованія и началъ дѣйствовать къ достиженію своей цѣли. Кромѣ всѣхъ налоговъ, которые онъ платитъ, онъ наложилъ самъ на себя налоги для образованія, т. е. сталъ нанимать учителей. Что же мы сдѣлали? «А, ты платишь еще, — сказали мы. Пстой же, ты глупъ, грубъ. Давай деньги, мы тебѣ устроимъ это лучше». Л. Н. Толстой, настаивающій на томъ, что земства, если только они желаютъ, чтобы дѣло народнаго образованія «имѣло будущность», должны «сообразоваться съ требованіями народа и сколько возможно болѣе удешевлять, освобождать формы школы и предоставлять обществамъ наибольшую власть въ устройствѣ школъ», въ то же время, вовсе не противникъ дѣятельнаго и частію даже руководящаго, но, въ то же время, деликатнаго, разумнаго и тактичнаго участія земства и училищнаго совѣта въ школьномъ дѣлѣ. Не буду останавливаться на предлагаемыхъ имъ мѣрахъ: на томъ, что въ земствѣ, если оно хочетъ имѣть дѣйствительное вліяніе на улучшеніе школъ и преподавателей, необходимо имѣть особое «лицо, завѣдывающее педагогической стороною дѣла въ уѣздѣ, лицо со свѣжимъ общимъ образованіемъ», которое должно имѣть лучшую въ уѣздѣ образцовую школу съ помощникомъ и кромѣ веденія этой школы и примѣненія въ ней всѣхъ новыхъ приемовъ ученія, должно слѣдить за естальными школами и проч. и проч. Л. Н. Толстой придаетъ очень большое значеніе общенію между народными учителями, учительскимъ съѣздамъ и посѣщеніямъ учителями другъ друга и т. п. Онъ говоритъ: «не можетъ быть никакого сомнѣнія, что при разрѣшеніи народу открывать школы, гдѣ и какія онъ хочетъ, явится тотчасъ же вновь очень много школъ..... При устройствѣ, которое я предлагаю, интересы крестьянскихъ обществъ и земства, какъ представителя интеллигенціи мѣстности, будутъ неразрывно связаны. Земство даетъ, положимъ, третью часть того, что даютъ крестьяне. Давая эти деньги, оно, очевидно, тѣмъ или другимъ путемъ будетъ заботиться о томъ, чтобы деньги не пошли тунью, и, слѣдовательно, слѣдить и за тѣми деньгами, ²⁾ которыхъ даны крестьянскимъ обществомъ. Земство, выдавая деньги, знаетъ также, что общество дѣйствительно хочетъ школы, такъ какъ оно дало деньги. Крестьянское общество видитъ, что земство даетъ свою часть, и потому признаетъ право земства слѣдить за ходомъ ученія. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, наглядно видитъ то различіе, которое существуетъ между школой, содержащейся на болѣе дешевыя и содержащейся на болѣе дорогія средства, и избираетъ

ту, какая ему нужна или возможна по его средствамъ..... Народъ, главное заинтересованное лицо и судья..... твердо знаетъ, что въ великомъ дѣлѣ своего умственнаго развитія онъ не сдѣлаетъ ложнаго шага и не приметъ того, что дурно».

Изъ указаннаго Л. Н. Толстымъ отношенія земства къ народу въ дѣлѣ образованія, очевидно, что онъ строитъ это отношеніе на принципѣ свободы. Свобода эта, конечно, является взаимной. Отсюда возникаетъ полная возможность широкаго вліянія интеллигентныхъ силъ общества, земства и государства на правильное и успѣшное развитіе народнаго образованія.

7. Очевидно, что законъ обязательности ученія тотчасъ же нарушитъ то отношеніе народа къ школѣ, о которомъ сейчасъ говорилось; внесетъ въ это дѣло массу регламентаціи, скуетъ его, остановитъ свободное его развитіе. Между тѣмъ у насъ древняя народная школа давно уже умерла, сдѣлалась достояніемъ исторіи, народъ давно уже забылъ о ней; новая же школа, едва народившись въ эпоху освобожденія крестьянъ, хотя съ того времени прошло уже болѣе 30-ти лѣтъ, встрѣтила и встрѣчаетъ до сихъ поръ на пути своего развитія столько разныхъ препятствій и затрудненій, столько всякаго рода путъ, что въ этомъ дѣлѣ остается масса невыясненнаго. Надо, наконецъ, дать ему необходимую свободу хотя бы для того, чтобы явилась возможность узнать дѣйствительное его положеніе, истинныя его потребности и средства, которыми можно прочно и твердо поставить его на свои ноги. Во всѣхъ этихъ капитальѣйшихъ вопросахъ мы едва только начинаемъ разбираться. Почти еще ничего не выяснено. Какъ же при такихъ условіяхъ спутывать и связывать дѣло закономъ, для котораго не подготовлено никакой почвы, и который произведетъ только одно сплошное недоразумѣніе.

8. Сказанное сейчасъ приводитъ къ необходимости приступить, наконецъ, къ всестороннему, безпристрастному, и тщательному изслѣдованію положенія народнаго образованія. Необходимость такого *общаго* изслѣдованія состоянія народнаго образованія доказана примѣромъ всѣхъ культурныхъ странъ, въ которыхъ всякій разъ, какъ ставился серьезно вопросъ о народномъ образованіи, прежде всякихъ рѣшительныхъ мѣръ, признавалось безусловно необходимымъ подробно и тщательно знакомиться съ положеніемъ самаго дѣла. Такъ въ Англіи мы видимъ цѣлый рядъ общихъ правительственныхъ, парламентскихъ изслѣдованій положенія народнаго образованія, начинающихся съ 1803 года, подъ вліяніемъ Роберта Рейкса, Ланкастера и др., изслѣдованій, происходившихъ далѣе въ началѣ 30-хъ годовъ по настоянію лордовъ Бругама и Джона Росселя и продолжавшихся до самаго изданія знаменитаго школьнаго закона Форстера. Тоже самое происходило во Франціи, начиная съ эпохи Гизо, когда было предпринято обширное изслѣдованіе состоянія народнаго образованія, о чемъ мы уже говорили въ началѣ настоящей статьи.

У насъ такія изслѣдованія только что начинаются и хотя они довольно многочисленны и все болѣе и болѣе умножаются, отличаясь характеромъ добросовѣстности и глубокой преданности дѣлу, но

имѣютъ болѣе или менѣе частный характеръ, и не встрѣчая поддержки и энергическаго содѣйствія со стороны официальныхъ органовъ, къ сожалѣнію, крайне затрудняются, страдаютъ отрывочностью, случайностью и бессистемностью, неизбежно затягиваются, ограничиваются въ своемъ содержаніи, а часто и вовсе не могутъ двигаться въ томъ или другомъ желательномъ направленіи. Наконецъ, для успѣшности такихъ изслѣдованій часто бываютъ необходимы значительныя расходы. Все, что заставляетъ желать, чтобы дѣло это взяло на себя само правительство, которое одно только располагаетъ необходимыми для успѣшнаго выполненія его средствами и властью. До тѣхъ-же поръ, пока такого изслѣдованія не сдѣлано, всеобщія законодательныя мѣры относительно школьнаго дѣла останутся шаткими, построенными на пескѣ.

9. Сторонники обязательности ученія, въ своемъ увлеченіи желаніемъ какъ можно скорѣе ввести ее въ жизнь, не останавливаются передъ самыми невозможными формами осуществленія этой обязательности.

Имъ необходимо во что-бы то ни стало поразить всѣхъ страшнымъ контрастомъ между грубо ошибочными, по ихъ мнѣнію, вычисленіями «устрашающихъ *сотен* (!?) миллионѡвъ, будто-бы потребныхъ на всеобщее обученіе въ Россіи и тѣми ничтожными цифрами, въ которыя «обращаются, при внимательномъ разсмотрѣніи, эти *сотни* миллионѡвъ», и которыхъ, замѣтимъ кстати, никто и никогда и не думалъ требовать *)).

По вычисленіямъ сторонниковъ обязательности ученія оказывается, что необходимый для всеобщности обученія въ Россіи «новый расходъ изъ земскихъ суммъ составилъ-бы менѣе 5 коп. на 1 жителя 34 земскихъ губерній, новые мірскіе расходы составили-бы менѣе 3 коп. на 1 десятину мірской земли, а новый расходъ казны пред-

*) Позволяемъ себѣ напомнить читателямъ, что наибольшая цифра когда-либо и кѣмъ-либо вычисленная для бюджета начальнаго народнаго образованія въ Россіи, при условіи дѣйствительной всеобщности его для всей Россіи и достаточно продолжительномъ срокѣ ученія, была дана, сколько намъ извѣстно, пишущимъ эти строки въ докладѣ, прочитанномъ въ С.-Петербургскомъ комитетѣ грамотности въ Январѣ 1893 подъ заглавіемъ: «состояніе народнаго образованія въ селлахъ Европейской Россіи» (*Русская школа*. 1893 г. №№ 3 и 4). Эта цифра простиралась не до «устрашающихъ (кого?) *сотен*», а всего только до *одной* сотни, именно: до 1¹/₂ миллиона рублей (*Русск. шк.* 1893 г. № 3, стр. 196). По прежнему *продолжаемъ настаивать* на томъ, что для сколько-нибудь порядочной постановки народнаго образованія, при нашемъ огромномъ пространствѣ, при нашихъ климатическихъ условіяхъ и при нашемъ 124 миллионномъ населеніи, нельзя тратить на это великое, самонужнѣйшее дѣло меньше. Этотъ бюджетъ составляетъ всего около 1 руб. на одну душу населенія. Большинство культурныхъ странъ тратятъ на *начальное* народное образованіе гораздо больше: напримѣръ, Пруссія—2 р. 68 к., Швейцарія—3 р. 21 к. Соед. Штаты—4 р. 44 к. на каждую душу населенія. Позволяемъ себѣ утверждать, что расходъ въ 1 руб. на человѣка вовсе не такъ великъ, чтобы бить намъ не по силамъ. Народное образованіе есть дѣло нашей жизни или смерти и передъ нимъ всякія желѣзныя дороги, хотя-бы и сибирскія, подѣздыя пути, порты и даже сельско-хозяйственное профессиональное образованіе должны отойти не только на второй, а на самый послѣдній планъ.

ставлялъ-бы $1\frac{1}{2}$ коп. въ годъ на 1 человѣка» (!) И все это получается еще при «преувеличенныхъ расчетахъ» (!!).

Чтобы вогнать бюджетъ народной школы въ государствѣ съ 120 милліоннымъ населеніемъ, раскинутымъ на пространствѣ, занимающемъ около $\frac{1}{6}$ части всей сухой поверхности земнаго шара, при условіи всеобщности и обязательности обученія, въ такія чудовищно мизерныя цифры, очевидно, надо сдѣлать нѣчто чрезвычайное; придумать совсѣмъ особенную форму всеобщности и обязательности образованія. Такъ и поступаютъ сторонники введенія закона обязательности ученія.

а) Прежде всего, конечно, въ видахъ уменьшенія бюджета народнаго образованія, большинство сторонниковъ обязательности ученія не распространяетъ ее на дѣтей женскаго пола. Такимъ образомъ, сразу отпадаетъ почти половина всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Хотя городскія дѣвочки не освобождаются отъ обязанности учиться, а сельскія, если пожелаютъ, могутъ посѣщать школы; но это мало измѣняетъ дѣло, потому что городское населеніе въ Россіи не значительно (около 12%), а въ сельскихъ школахъ учащихся дѣвочекъ, сравнительно съ мальчиками весьма мало.

Достоинно удивленія, что исключая большую часть всѣхъ дѣвочекъ т. е. почти половину всѣхъ учащихся изъ числа дѣтей, обязанныхъ учиться и освобождая себя такимъ образомъ, приблизительно тоже почти на половину-же, отъ заботы приготовленія необходимыхъ школьныхъ мѣстъ, сторонники такой системы обязательности ученія называютъ это положеніе: «*Всеобщимъ* начальнымъ обученіемъ» (!!). Очевидно, что государство не могло-бы издать подобный законъ, не роняя своего достоинства, потому что такимъ закономъ оно отрѣшило-бы почти половину будущихъ своихъ гражданъ отъ пользованія нѣкоторыми благами и правами, предоставленными другой ихъ половиной. Вѣдь, законъ обязательности ученія, по взгляду его сторонниковъ, есть «законъ, защищающій право ребенка на образованіе, даже тогда, когда родители, по невѣжеству или нерадѣнію, не хотятъ позаботиться объ его обученіи». Если на дѣвочку законъ не распространяется, значить ее нечего защищать отъ злой воли невѣжественныхъ родителей. Значить она не имѣетъ тѣхъ-же гражданскихъ и человѣческихъ правъ, какія имѣетъ мальчикъ и значить нашъ народъ, съ точки зрѣнія законодателя, совершенно справедливо относится въ дѣвочкѣ, не посылая ее въ школу?

Вотъ къ какой нелѣпости приводитъ разсматриваемая форма проекта обязательности ученія, которая, очевидно, будетъ только поддерживать въ народѣ и безъ того уже существующій, грубый и вредный предрасудокъ, съ которымъ, слѣдуетъ, напротивъ того, всячески бороться. Можно было-бы гораздо менѣе удивляться, если-бы сторонники обязательности ученія съ точки зрѣнія государственной пользы, ставъ на чисто практическую, утилитарную почву, предложили-бы обратное, т. е. сдѣлать школьное ученіе обязательнымъ не для мальчиковъ, а для дѣвочекъ потому, «что обучить дѣвочку, будущую мать семейства, значить сдѣлать грамотными все ея потомство», и потому

еще, «что окончившія школьный курсъ дѣвочки лучше пользуются грамотностью, чѣмъ мальчики»; но сторонники обязательности не дѣлаютъ подобнаго предложенія.

б) Для уменьшенія-же итога расходовъ на народное образованіе предлагается и трехлѣтній срокъ обязательнаго ученія. При этомъ упускаютъ изъ вида, какъ уже было объяснено выше, многія неудобства назначенія для этого срока предѣловъ именно 8 и 11 лѣтъ и, сверхъ того, совершенно произвольно, можетъ быть, надолго сковывается свободное развитіе школы. Разъ будетъ назначенъ трехлѣтній срокъ, онъ останется надолго, къ нему привыкнуть, имъ будутъ довольствоваться. При свободномъ-же развитіи народной школы, можетъ быть, дѣло сложилось-бы совершенно иначе, напримѣръ, такъ, какъ въ Норвегіи, гдѣ школьное ученіе продолжается шесть, семь лѣтъ съ короткимъ ежегоднымъ курсомъ въ 3 мѣсяца. Такой порядокъ имѣетъ явныя преимущества передъ 7-ми, 8-ми мѣсячнымъ ежегоднымъ курсомъ, продолжающимся только три года и при томъ начинающимся съ ранняго восьмилѣтняго возраста.

в) Въ пѣляхъ того-же уменьшенія итога расходовъ на народное образованіе сторонники обязательности ученія назначаютъ на содержаніе школы самыя мизерныя суммы. Такая, напримѣръ, цифра, какъ 332 руб. (и почему 332, а не 330, или не 350) признается удовлетворительнымъ бюджетомъ сельской школы. Нельзя отрицать, что у насъ есть множество школъ, существующихъ не только на такую, но и на несравненно меньшія суммы; но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы то, что можетъ и должно быть терпимо, съ чѣмъ можно до поры до времени примиряться, въ качествѣ простой школы грамоты, устроенной самимъ населеніемъ, на собственный страхъ, могло быть безъ ущерба достоинству государства санкціонуемо закономъ, какъ *типъ народной школы для всеобщаго обязательнаго начальнаго образованія*. Невозможность признанія такую типичною школою школы съ бюджетомъ въ 332 рубля такъ очевидна, что объ этомъ не стоитъ даже и распространяться. И сами сторонники обязательности ученія очень хорошо это понимаютъ, хотя и умалчиваютъ объ этомъ. Свои проекты они называютъ «Проектами *всеобщаго начальнаго обученія*» или даже «*всеобщаго начальнаго образованія*», а когда переходятъ къ изложенію самаго существа проектовъ, то уже замѣняютъ «всеобщность начальнаго обученія» и «всеобщность начальнаго образованія», «*всеобщей грамотностью*», «*повсемѣстнымъ распространеніемъ грамотности*», «*закономъ объ обязательности грамоты*» и т. п.

г) Коснувшись вопроса о бюджетѣ школъ, не можемъ не обратить вниманія на докладъ доктора Н. И. Тизякова о физическомъ развитіи учениковъ земскихъ школъ елисаветградскаго уѣзда, прочитанный 27-го февраля 1895 г. въ засѣданіи антропологическаго общества при военно-медицинской академіи. Авторомъ доклада были изслѣдованы ученики и ученицы 68 земскихъ школъ вышеназваннаго уѣзда. Полученный матерьялъ даетъ полное представленіе о вліяніи школъ этого уѣзда на дѣтей. Оказывается, что школы эти дѣйствуютъ

крайне неблагоприятно на физическое развитіе дѣтей, останавливая главнымъ образомъ, развитіе грудной клѣтки; у нѣкоторыхъ учениковъ даже ростъ сильно задерживался. Все это порождается неблагоприятными санитарными условіями школъ. Въ большинствѣ ихъ содержаніе воздуха не превышаетъ 0,2 куб. саж. на ученика, а въ нѣкоторыхъ школахъ даже 0,1 куб. саж. ежедневныя занятія дѣтей, продолжающіяся отъ 7 час. утра до 5 час. вечера, происходятъ въ крайне нездоровой атмосферѣ, наполненной сыростью, испареніями массы людей и т. п. Въ виду того, что въ такихъ условіяхъ находятся не только школы елисаветградскаго земства, но и многія другія, является крайняя необходимость въ устраненіи этихъ тяжелыхъ условій, особенно въ виду поднятаго вопроса о введеніи закона объ обязательномъ посѣщеніи школъ *)).

д) Нѣкоторые предлагаютъ для ускоренія дѣла приступить къ учрежденію школъ «упрощеннаго типа», «филиальныхъ отдѣленій существующихъ земскихъ школъ» и т. п. Какъ средства для скорѣйшаго распространенія грамотности, при условіи свободнаго учрежденія подобныхъ школъ самимъ населеніемъ, онѣ совершенно цѣлесообразны; но нельзя обязывать населеніе учреждать подобныя школы и признавать такія школы удовлетворяющими требованіямъ закона обязательности начального образованія. Последнее въ случаѣ установленія общаго школьнаго налога было-бы и совершенно несправедливо. Ученіе въ благоустроенной земской школѣ, конечно, даетъ несравненно лучшіе результаты, нежели въ школѣ упрощеннаго типа, а между тѣмъ всѣ группы населенія будутъ нести одинаковый школьный налогъ.

е) Нѣкоторые, черезчуръ уже усердные сторонники немедленнаго введенія обязательности, хотя-бы только грамотности, предлагаютъ запретить неграмотнымъ вступленіе въ бракъ. Въ исторіи народной школы, примѣры подобнаго запрещенія встрѣчаются въ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ и притомъ въ эпохи уже довольно отдаленныя и въ формѣ не столько государственнаго, сколько церковнаго закона. Въ настоящее время, подобное запрещеніе стояло-бы въ явномъ противорѣчій съ современными понятіями о правахъ человѣческой личности, возбудило-бы въ народѣ совершенно справедливый ропотъ и только увеличило-бы число незаконныхъ семей и незаконнорожденныхъ дѣтей.

10) Если государство вводитъ законъ обязательности ученія и тѣмъ налагаетъ на все населеніе извѣстную тягость и отвѣтственность, то взамѣвъ того оно должно дать ему нѣкоторое дѣйствительное благо. А можно-ли признать такимъ благомъ простую грамотность, наскоро прибрѣтенную въ неблагоустроенной школѣ «упрощеннаго типа», съ плохимъ учителемъ, въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, при кратковременномъ курсѣ ученія, грамотность, которая вскорѣ по окончаніи курса, при отсутствіи чтенія и вообще примѣненія въ жизни преподаннаго въ школѣ неизбѣжно, весьма быстро забудется? Да и во-

*) Газета «Новости». 1895 г. Марта 1-го.

обще стоитъ-ли обяызывать все населеніе учиться, въ раннемъ дѣтствѣ, если затѣмъ ученье это не будетъ имѣть никакого примѣненія ни къ чему; если не будетъ устроено доступно для народа бібліотекъ; если не будетъ издаваться для него никакихъ книгъ; если не будутъ учреждены для него повторительные и дополнительные общіе и профессиональные курсы, чтенія и проч., словомъ, если не будетъ создана цѣлая широкая и цѣлесообразная система народнообразовательныхъ средствъ, слѣдующихъ за начальной школой и если вмѣстѣ съ тѣмъ условія его хозяйственнаго быта не будутъ настолько улучшены, что-бы онъ могъ хотя нѣсколько выбиться изъ той гнетущей, убивающей всякую духовную жизнь обстановки, при которой невозможно никакое умственное и нравственное движеніе впередъ.

11. Сторонники обязательности ученія впадаютъ въ большое противорѣчіе съ самими собой, требуя немедленнаго ея введенія между прочимъ и потому, что народъ нашъ будто-бы уже совершенно подготовленъ къ принятію такого закона, такъ какъ онъ не только сознаетъ уже необходимость образованія, но «самъ рвется въ школы» и т. п. Если народъ «рвется въ школы самъ», то зачѣмъ издавать законъ, принуждающій его къ этому и угрожать карами за неисполненіе такого закона. Мы уже касались въ главѣ II нашей статьи вопроса о степени подготовленности народа къ принятію закона обязательности ученія. Не раздѣляя слишкомъ преувеличенныхъ, оптимистическихъ взглядовъ на этотъ вопросъ, мы вполне признаемъ фактъ, что потребность образованія несомнѣнно растетъ въ народѣ, что, въ общемъ, школы все болѣе и болѣе переполняются, и что ростъ числа ихъ отстаетъ отъ возрастанія спроса на нихъ. Если допустить едва-ли вѣроятное предположеніе, что цѣлая треть всѣхъ родителей не желаетъ въ настоящее время отдавать своихъ дѣтей въ школу, и низвести требованія народной школы даже до крайняго минимума, т. е. принять, что учиться будутъ только дѣти отъ 8 до 11 лѣтъ и что въ настоящее время учится отъ 2,3 до 2,5 процентовъ всего населенія, то окажется, что для удовлетворенія тѣхъ родителей, которые готовы были-бы уже теперь отдать своихъ дѣтей въ школы, понадобилось-бы тотчасъ-же открыть, по меньшей мѣрѣ, столько-же школъ, сколько ихъ существуетъ въ Россіи въ настоящее время. Это значитъ, что для удовлетворенія накопившейся уже въ населеніи жажды образованія надо, въ данную минуту, проявить и, такъ сказать, сконцентрировать въ одно громадное усиліе всю ту энергію, которая затрачивалась въ теченіе цѣлой трети столѣтія, протекшей отъ освобожденія крестьянъ, до настоящаго момента на развитіе народнаго образованія правительствомъ, земствомъ, духовенствомъ, самими крестьянами, частными лицами и всѣми вообще русскими людьми. Задача грандіозная, которой одной достаточно, чтобы занять множество силъ нравственныхъ и умственныхъ и поглотить массу матеріальныхъ средствъ! Дальше-бы только намъ Богъ силъ справиться съ этимъ и развѣ ужъ послѣ можно ставить вопросъ объ обязательности ученія; теперь-же, пока, въ ней нѣтъ просто никакого даже смысла, такъ какъ, повторяемъ, при самой энергической дѣятельности

по открытію новыхъ школъ онѣ навѣрно будутъ тотчасъ-же наполняться. Если-же въ самомъ дѣлѣ наступитъ такая энергическая дѣятельность по открытію новыхъ школъ, то нѣтъ никого сомнѣнія, въ томъ, что закона обязательности ученія не понадобится и впослѣдствіи, такъ какъ образованіе имѣетъ свойство заражать людей. Тамъ, гдѣ разъ возникла порядочная школа, если она даетъ хорошіе, видимые всѣмъ результаты и не угнетаетъ населенія, какъ школа принудительная, оно быстро заражается потребностью образованія.

12. Чѣмъ сильнѣе агитируется въ настоящее время вопросъ объ обязательности ученія, тѣмъ, можетъ быть, опаснѣе будетъ теперь положительное его рѣшеніе для будущаго нашей народной школы. Независимо отъ всего сказаннаго уже выше, нельзя не обратить вниманія еще на слѣдующія соображенія. Сторонники обязательности ученія въ значительной мѣрѣ успѣли убѣдить многихъ, что съ нею не только связана, но исключительно отъ нея зависитъ всеобщность обученія; далѣе, что съ изданіемъ закона обязательности ученія создается необходимость тотчасъ-же учредить столько школъ, сколько ихъ нужно для всеобщаго обученія, что такимъ законодательнымъ актомъ, такъ сказать, сожгутся всѣ корабли, и отнимется всякій путь къ отступленію; а чтобы вѣрнѣе побудить къ такому шагу, сторонники обязательности ученія, увлекаясь вполне естественнымъ въ ихъ положеніи желаніемъ представить дѣло совсѣмъ не такимъ труднымъ, какимъ оно казалось раньше, приступивъ къ вычисленію средствъ, какія могли-бы понадобиться для осуществленія всеобщности ученія, старались получить самыя минимальныя цифры. Такъ какъ при этомъ не могло происходить объективнаго, безпристрастнаго и спокойнаго изслѣдованія вопроса, а имѣлось въ виду непремѣнно доказать, что всеобщность обученія достижима съ самыми ограниченными средствами въ родѣ добавочнаго расхода какихъ-то 5-ти копѣекъ на душу населенія земскихъ губерній, какихъ-то менѣе, нежели 3-хъ копѣекъ на 1 десятину земли и какого-то дополнительнаго расхода казны въ 1¹/₂ коп. на одного человѣка, то дѣлались всевозможныя натяжки, чтобы какъ можно болѣе уменьшить бюджетъ, исчисляемый для осуществленія всеобщности образованія, при чемъ дискредитировались всѣ прежнія попытки подобныхъ расчетовъ, основанныя на обычныхъ, выработанныхъ наукою и опытомъ всѣхъ народовъ нормахъ начальной народной школы, при самыхъ скромныхъ образовательныхъ отъ нея требованіяхъ. Такимъ образомъ сторонники немедленнаго введенія обязательности ученія пришли вмѣсто благоустроенной начальной школы, къ школъ грамотности; вмѣсто достаточно образованнаго, съ спеціально-педагогической подготовкой учителя, способнаго не только сообщать знанія, но и имѣть воспитывающее вліяніе на учениковъ къ простому грамотѣ, могущему учить чисто механически только грамотѣ, главнѣйшее достоинство котораго должно прежде всего состоять въ необыкновенной выносливости, способности жить впроголодь и вообще довольствоваться самымъ ничтожнымъ, чуть не нищенскимъ вознагражденіемъ за трудъ; вмѣсто достаточно продолжительнаго и основательнаго курса ученія, къ краткому сроку его, при томъ въ раннемъ дѣтскомъ

возрастѣ, чего одного, помимо остальныхъ, указанныхъ сейчасъ въ высшей степени неблагоприятныхъ условій, достаточно, чтобы свести почти къ нулю все ученіе, такъ какъ, черезъ годъ, много два по выходѣ изъ подобной школы, ученикъ забудетъ все, чему его учили. Словомъ, въ удешевленіи школы сторонники обязательности ученія дошли можно сказать до геркулесовыхъ столбовъ. Представимъ-же себѣ, что все такъ и осуществится, какъ они желаютъ. Чѣмъ-же все это кончится? Въ Россіи объявленъ будетъ законъ обязательности ученія; оставаясь при тѣхъ-же реальныхъ усиліяхъ нашей народной культуры, въ дѣлѣ школьной кодификаціи мы сравняемся съ самыми передовыми странами Европы: Англіей, Франціей, Швеціей, Норвегіей, Германіей... и успокоимся на дешевыхъ лаврахъ. Чѣмъ скорѣе захотимъ мы ввести у себя обязательное ученіе, тѣмъ дешевле должны быть школы, которыя придется для этого открыть. Такимъ образомъ будетъ надолго узаконенъ самый жалкій типъ народной школы. Побужденій-же къ его улучшенію останется очень мало и, можетъ быть, не будетъ даже и никакихъ. Грустный опытъ множества нашихъ учрежденій, влачащихся десятками лѣтъ, самое жалкое существованіе, слишкомъ хорошо намъ извѣстенъ. Дѣйствительно, зачѣмъ понадобится улучшать школу? Приличіе передъ Европой совершенно соблюдено; ярлыкъ образованности въ видѣ закона, занесеннаго въ сводъ, имѣется; законъ совершенно санкціонируетъ существующую школу и довольствуется ею; стоитъ она дешевле пареной рѣпы и, слѣдовательно содержаніе ея не только для богатыхъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и всякихъ иныхъ, болѣе или менѣе тузовъ, но даже и для самаго бѣднаго люда очень легко и никакихъ даже особенныхъ школьныхъ налоговъ платить не надо, потому что вѣдь нельзя-же считать налогомъ какіе-то лишнія 5, или 1²/₃ коп. съ души; съ учителями тоже возиться не придется: ни какихъ ни семинарій, ни гимназій и вообще никакой замысловатой подготовки, кромѣ знанія грамоты да умѣнья мириться съ самой неприглядной обстановкой и жить впроголодь, довольствуясь самымъ грошовымъ содержаніемъ, для нихъ не потребуется; родители, видя кругомъ такія-же жалкія школы, не будутъ имѣть никакого повода къ сравненіямъ и жалобамъ. Но такъ какъ все вообще школьное дѣло будетъ поставлено самымъ жалкимъ и мизернымъ образомъ, то ни школа, ни ея учитель, ни сама школьная наука не внушатъ къ себѣ въ населеніи ни малѣйшаго уваженія и, по всей вѣроятности, законъ обязательности ученія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ превратится въ мертвую букву: никто не станетъ его исполнять, никто не станетъ слѣдить за его исполненіемъ и останется онъ мирно покоиться на полкахъ безчисленныхъ нашихъ канцелярій, существовать и перепечатываться въ нашемъ сводѣ, наравнѣ съ сотнями другихъ такихъ-же мертвыхъ, никѣмъ и никогда не исполняемыхъ такъ называемыхъ, дѣйствующихъ законовъ; но за то на обращаемый къ намъ вопросъ о положеніи нашего народнаго образованія мы, съ достаточнымъ юридическимъ основаніемъ, будемъ самодовольно отвѣчать: «ученіе у насъ обязательно».

Обязательность ученія есть успокоивающая всѣхъ, удобо-дости-

жимая, легкая пристань: стоит только отпечатать о ней въ законѣ и готово. Всѣ должны учиться, а кто не учится, съ тѣхъ, или съ ихъ родителей, будетъ, если начальство прикажетъ, взыскано по закону. Это всѣхъ успокоиваетъ и удовлетворяетъ. Совсѣмъ не то дѣйствительное, реальное стремленіе ко всеобщности, обученія: оно является совершенно безсмысленной нелѣпностью, пока остается предметомъ празднаго разговора; оно, какъ «вѣра, безъ дѣлъ, мертво есть», и всякій это знаетъ, понимаетъ и чувствуетъ, и потому если рѣшается въ самомъ дѣлѣ служить дѣлу, то будетъ стремиться открыть какъ можно больше школъ, дать имъ какъ можно больше всякихъ пособій и средствъ, наилучшихъ учителей, и т. д. и т. д. Принципъ обязательности ученія, какъ всякое положительное, опредѣленное предписаніе кодекса есть нѣчто неподвижное, формальное, нѣчто такое, что, будучи разъ выполнено, даетъ полное удовлетвореніе и не заключаетъ въ себѣ ничего, влекушаго къ дальнѣйшему совершенству. Принципъ всеобщности обученія, напротивъ, какъ всякій идеаль, есть нѣчто вѣчно движущееся, измѣняющееся, живое, къ чему приходится постоянно стремиться, что вѣчно возбуждаетъ къ постоянной дѣятельности, къ постоянному совершенствованію.

13. Такъ какъ существующихъ въ настоящее время школъ, по расчету самихъ сторонниковъ обязательности ученія, хватаетъ только на $\frac{1}{3}$, всѣхъ дѣтей обоого пола отъ 8 до 11 лѣтъ, то еслибы даже сейчасъ же нашлись на учрежденіе школъ для всеобщаго обученія готовыя средства, что, конечно, въ высшей степени сомнительно, то, при самомъ энергическомъ отношеніи къ дѣлу, самое открытіе такого громаднаго числа школъ, снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ, организація потребной для нихъ учебно-хозяйственной и всякой иной администраціи и, въ особенности, созданіе для школъ цѣлыхъ десятковъ тысячъ учителей и учительницъ, потребовали бы нѣсколькихъ лѣтъ времени. Такимъ образомъ если начать школьную реформу съ изданія закона объ обязательности ученія, то законъ этотъ, въ силу необходимости, не будетъ исполняться съ самого начала. Тѣмъ самымъ онъ будетъ осужденъ на неисполненіе и въ будущемъ, а это очень опасно. Съ привычкой не исполнять законъ придется вести жестокую борьбу.

14. Если вслѣдствіе сязаннаго сейчасъ и по множеству другихъ причинъ, о которыхъ мы достаточно подробно говорили въ разныхъ вышеизложенныхъ пунктахъ нашей статьи, законъ обязательности ученія, по неотвратимой силѣ вещей, осужденъ на неисполненіе, пока, по крайней мѣрѣ, не будетъ подготовлена для него хотя какая-нибудь почва, то спрашивается благоразумно ли государству издавать подобный законъ? Вѣдь это значило бы воспитывать въ народѣ привычку къ неисполненію, а, слѣдовательно, и къ неуваженію закона, притомъ воспитывать это чувство не въ отдѣльныхъ группахъ людей, а во всей массѣ населенія, такъ какъ большинство имѣетъ дѣтей и, слѣдовательно, подлежитъ дѣйствию закона обязательности ученія. Всѣ мы вполнѣ основательно сѣтуемъ на крайне слабое развитіе въ русскомъ народѣ чувства уваженія къ закону, отчего зависить

множество всяких неурядицъ и общественныхъ золъ. Благоразумно ли давать, шовую, изобильную пищу этой и безъ того жестокой, развѣдающей насъ язвѣ. Здѣсь вполне уместно вспомнить слова Петра Великаго: «всеу законы писать коли ихъ не исполнять».

15. При видѣ начавшагося во многихъ мѣстахъ несомнѣннаго движенія народа къ свѣту, добросовѣстныхъ, добровольныхъ и тѣмъ болѣе заслуживающихъ глубочайшаго уваженія и сочувствія усилій и нелегкихъ жертвъ, приносимыхъ имъ ради просвѣщенія себя и дѣтей своихъ, неужели и на этотъ разъ мы не дадимъ ему самому подняться на ноги, самому выйти побѣдителемъ изъ тяжелой борьбы съ невѣжествомъ, увѣрвать въ свои силы, воодушевиться испытанной побѣдой, почерпнуть въ ней запасъ новыхъ силъ для дальнѣйшихъ культурныхъ завоеваній, а грубо вмѣшаемся въ «великое дѣло его умственнаго развитія», угрожая ему карами за неподнятіе бремени, которое и безъ того онъ самъ добровольно и добросовѣстно на себя налагаетъ. Подобное зрѣлище было бы и жалко и возмутительно. Неужели русскому народу вѣчно суждено дѣлать все, даже то, что онъ и самъ для себя желалъ бы сдѣлать хорошаго не иначе, какъ изъ подъ палки. Грустно было бы думать, чтобы таковъ былъ основной характерный принципъ нашей не только прошлой, но и будущей исторіи.

16. Не будетъ ли самой глубочайшей несправедливостью, граничащей просто съ издѣвательствомъ надъ элементарнѣйшимъ чувствомъ правды изданіе сразу закона, обязывающаго сейчасъ же учить всѣхъ дѣтей народа, который въ силу особыхъ, тяжелыхъ условий своей исторіи былъ въ теченіе многихъ вѣковъ лишенъ благъ просвѣщенія, народа, для просвѣщенія котораго въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія ничего не было сдѣлано, который и сейчасъ въ громадномъ своемъ большинствѣ находится въ состояніи почти первобытнаго полужыцкаго, полухристіанскаго невѣжества и который почему-то намъ загорѣлось сію же минутоу начать просвѣщать на такой же манеръ, при помощи непремѣнно такихъ же законовъ принудительности ученія, которые въ самые послѣдніе только годы да и то, можетъ быть, даже по ошибкѣ введены у самыхъ передовыхъ народовъ свѣта. Изумительно!!

17. Законъ обязательности ученія неизбѣжно предполагаетъ цѣлую систему каръ за его нарушеніе и при полномъ почти отсутствіи у насъ сколько-нибудь развитой школьной организаціи и при нашей наклонности къ учрежденію разныхъ должностей потребуетъ созданія особаго многочисленнаго персонала для спеціальнаго контроля и наблюденія за учителями, учениками и родителями. Можно навѣрное утверждать, что еслибы расходы на содержаніе контролирующихъ и наблюдающихъ агентовъ обратить на нужды самого образованія, напри- мѣръ, на пособія бѣднымъ ученикамъ, не посѣщающимъ школы именно по бѣдности, то процентъ манкировокъ со стороны учащихся навѣрно уменьшился бы въ несравненно большей степени, нежели отъ вліянія административнаго контроля и репрессивныхъ мѣръ. Хотя мы и выражали выше опасеніе, что законъ обязательности ученія останется

у насъ въ концѣ концовъ мертвой буквой, но это спокойствіе воцарится не вдругъ и не повсемѣстно. Къ намъ русскимъ особенно сильно примѣняется поговорка о новой метлѣ. Новая метла имѣетъ у насъ свойство, въ силу особенностей нашего національнаго характера, мести съ особенной энергіей, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы показать надъ кѣмъ-нибудь власть, кого-нибудь оборвать, съ кого-нибудь взыскать и т. п. Мы особенно падки ко всякаго рода канцелярскимъ формальностямъ, препонамъ, влязничеству, крючкотворству и доносамъ. Сколько создается новыхъ поводовъ ко всему этому съ изданіемъ новаго закона объ обязательности ученія, подъ дѣйствіе котораго подпадетъ всякій и притомъ столько разъ, сколько у него будетъ дѣтей. Какой неистощимый, богатый матеріалъ для всякаго рода вымогательствъ, притѣсненій и проч. со стороны сельскихъ, водостныхъ и всякихъ иныхъ безчисленныхъ у насъ властей. Подождемъ по крайней мѣрѣ хотя наступленія такихъ временъ, когда подъ влияніемъ распространившагося образованія нравы улучшатся и взяточничество, сутяжничество и тому подобныя прелести хотя нѣсколько ослабнутъ. Безчисленные органы нашей низшей сельской и городской администраціи рѣшительно неподготовлены для разумнаго и правильнаго проведенія въ жизнь закона обязательности ученія, съ которымъ надо умѣть обращаться очень осторожно и деликатно.

Вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ законъ обязательности ученія, нарушеніе его влечетъ за собой сначала надлежащее внушеніе виновному, затѣмъ наложеніе на него денежнаго штрафа въ постепенно возрастающей прогрессіи; въ случаѣ дальнѣйшаго упорства дѣло можетъ доходить до тюремнаго заключенія, отобранія дѣтей отъ родителей и передачи ихъ на попеченіе въ другія, болѣе надежныя руки и т. п. Сами дѣти, замѣчаемыя въ праздности и бродяжничествѣ, сначала отводятся въ школу силою, а затѣмъ могутъ быть отдаваемы на исправленіе въ особыя учрежденія. У насъ, конечно, придется ввести подобную же систему каръ, которая при нашей распущенности, отсутствіи въ народѣ чувства законности, явномъ противорѣчии закона обязательности съ привычками, понятіями, традиціями и мировоззрѣніемъ крестьянъ, въ силу которыхъ отецъ есть глава семьи и безапелляціонный повелитель своихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ до ихъ совершеннолѣтія, поведетъ къ безчисленнымъ нарушеніямъ закона, къ явному и затаенному протесту и враждебному отношенію сперва къ школѣ, а затѣмъ и къ образованію. Наши суды, особенно на первыхъ порахъ дѣйствія закона, обременены будутъ массой новыхъ дѣлъ, и законъ, и школа, и, что всего хуже, само образованіе, надолго будутъ дискредитированы въ глазахъ народа. Благоразумно ли приступать къ серьезному шагу для всеобщаго просвѣщенія народа, начиная это просвѣщеніе съ того, чтобы озлобить противъ него невѣжественную массу? Хотя по прошествіи нѣкотораго времени законъ обязательности начальнаго образованія, по всей вѣроятности, превратится, какъ уже было сказано, въ мертвую букву, но дѣло уже будетъ сдѣлано, первое неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на народъ, останется и будетъ жить въ немъ долго. Не забудемъ еще и

того, что это впечатлѣніе, по временамъ будетъ, такъ сказать, подновляться, въ силу существующихъ у насъ особыхъ пріемовъ администрированія, практикуемыхъ во множествѣ случаевъ. Забытый на время законъ обязательности ученія подобно болѣзнетворнымъ зародышамъ, скрывающимся въ нѣдрахъ земли и ждущимъ только благоприятныхъ условій, чтобы вспыхнуть жестокой, опустошительной эпидеміей, оставаясь до поры, до времени въ бездѣйствіи въ нѣдрахъ канцелярій, по временамъ, вдругъ будетъ выноситься на свѣтъ Божій какимъ-нибудь усерднымъ, ретивымъ администраторомъ, чтобы пронестись своего рода грозной эпидеміей надъ школой и бѣдными родителями и дѣтьми.

Зачѣмъ, къ чему всѣ эти путы? Сторонники обязательности ученія, горячо разсуждающіе о благотѣльности этого закона и настаивающіе на скорѣйшемъ его изданіи, походятъ на людей, присутствующихъ при тяжелой болѣзни близкаго имъ человѣка, сейчасъ только выслушавшихъ мнѣніе опытнаго врача, который требуетъ для больного немедленнаго, быстраго, энергическаго и серьезнаго леченія. Эти близкіе люди, вмѣсто того, чтобы безъ замедленія приступить къ леченію и немедленному облегченію положенія тяжело-больнаго, роднаго имъ и близкаго человѣка, оставляютъ его лежать безъ помощи на одрѣ болѣзни, а сами удаляются и начинаютъ разсуждать о томъ, какія бы принудительныя мѣры слѣдовало употребить въ случаѣ если больной не захотѣлъ бы подчиниться предписанному врачомъ леченію! Лечите, господа, лечите, а не разсуждайте о томъ, какъ бы заставить тяжело-больнаго лечиться. Ему нужны не разговоры ваши, а дѣла. Стройте школы, школы, и школы! Какъ можно больше школъ! Только въ этомъ теперь все дѣло!

Наша рѣчь на этотъ разъ кончена. Съ чувствомъ, глубоко при-
корбнымъ намъ еще разъ пришлось обрисовать можетъ быть и мрачную, но правдивую картину современнаго состоянія начальнаго народнаго образованія въ отечествѣ. Она такова, что рѣшительно исключаетъ всякую мысль о примѣненіи къ Россіи обязательности ученія. Но значить ли это, что положеніе наше по отношенію къ народному образованію безнадежно? Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Наше народное образованіе переживаетъ, правда очень медленно и тяжело, соотвѣтственно нашей многотрудной исторіи, нашей пространственной и количественной громадности, такой же фазисъ развитія, какой, въ разное время, пережили, одни быстрѣе, другіе медленнѣе, одни раньше и уже давно, другіе позже и еще недавно, даже на нашихъ глазахъ, и остальные народы, стоящіе нынѣ въ первыхъ рядахъ культурной части человѣчества. И намъ, какъ и имъ, вполне доступно безграничное приближеніе ко всеобщности широкаго умственнаго образованія и нравственному совершенству, являющимся тѣми конечными идеалами, въ которыхъ сосредоточиваются всѣ самыя лучшія, самыя дорогія надежды людей. Ускорить наступленіе благотѣльной перемѣны въ тяжелой, страшно продолжительной болѣзни роднаго намъ народа, болѣзни глубокаго невѣдѣнія, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ насъ самихъ, отъ нашей доброй воли и усердія.

Надо только твердо проникнуться убѣжденіемъ, что стремленіе къ идеалу мыслимо и возможно, дѣйствительно и прочно только тогда, когда оно свободно возникаетъ въ душѣ человѣка и свободно проявляется въ его практической дѣятельности. Оно есть нѣчто предназначенное къ созиданію, нѣчто безусловно и существенно положительное и не можетъ быть вызываемо и поддерживаемо отрицательнымъ средствомъ, каково внѣшнее принужденіе, подъ угрозой кары.

А. Н. Страннолюбскій.

Воображеніе и его видоизмѣненія дѣтей.

К е й р а.

Глава V.

Слуховой типъ.

Слуховой типъ. — Его отличительныя черты. — Память людей слуховаго типа: Моцартъ, другіе примѣры. — Воображеніе людей слуховаго типа: Моцартъ, Керубини, Мендельсонъ, Бетховенъ, Легуве. — Мышленіе людей слуховаго типа: примѣры. — Внутреннее слово: де-Вональдъ, де-Кордальякъ, В. Еггеръ. — Специальная форма внутреннейяго слова: Дельбефъ, Дидро.

Слуховой типъ узнается по аналогичнымъ характернымъ признакамъ, которые отмѣчаютъ и типъ зрительный; и то, что мы говорили объ одномъ, можетъ быть повторено и о другомъ, *mutatis mutandis*. На этотъ разъ слуховые образы представляются съ особенной живостью и служатъ основаніемъ для различныхъ умственныхъ операций. Такъ, напримѣръ, въ то время какъ лицо, принадлежащее къ зрительному типу, припоминая страницу, *видитъ* буквы, какъ бы напечатанными, лицо слуховаго типа *слышитъ* звукъ словъ. И здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіями памяти не менѣе изумительными. Очень часто приводятъ случай съ Моцартомъ, который, будучи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, прослушавъ *одинъ только разъ* въ Сикстинской Капеллѣ *Miserere d'Allegri*, давать копію съ котораго было запрещено папами, написалъ на память все это произведеніе, состоящее изъ столькихъ частей и усложненное такими странными и утонченными аккордами *). Но какъ ни удивителенъ такой подвигъ,

*) Подробности этого разсказа см. у Стендаля. *Vie de Mozart*. Не надо упускать изъ виду, что такая удивительная память предполагаетъ совсѣмъ специальную приспособленность слуха, примѣръ чего мы видимъ въ слѣдующемъ случаѣ, приведенномъ у Briegleb de Voismon'a: у сына (род. 1844 г. въ Монпелье, совр. французскій композиторъ) доктора Paladilhe'я, семилѣтняго ребенка (августъ 1851 г.; десять лѣтъ спустя большая римская премія консерваторіи, а въ настоящее время членъ Академіи Изыщныхъ Искусствъ (Institut de France) развитіе музыкальнаго чувства достигло такихъ поразительныхъ эффектовъ, что онъ не только представлялъ изъ себя какъ-бы живой сонометръ, но помимо этого обладалъ еще странной и рѣдкой способностью различать мелодическій характеръ произнесенной рѣчи: 1) въ зависимости отъ большей или меньшей музыкальности голоса индивидуума; 2) въ зависимости отъ характера, болѣе или менѣе страстнаго, болѣе или менѣе рѣзкаго, самой рѣчи.

онъ не является исключительнымъ. Г. Бюше (Buche) рассказываетъ, что зналъ нѣсколько артистовъ, которые могли, прослушавъ пьесу въ исполненіи оркестра, немедленно передать ее на рояль. Одинъ дирижеръ, весьма цѣнный въ парижскомъ музыкальномъ мірѣ, увѣрялъ его, что, читая писанную партитуру, онъ слышитъ какъ бы въ собственномъ ушѣ не только аккорды и ихъ послѣдовательность, но и тембръ инструментовъ. Когда ему представляли на разсмотрѣніе новую партитуру увертюры или симфоніи, то при первомъ чтеніи онъ различалъ квартетъ, а при второмъ и слѣдующихъ онъ послѣдовательно присоединялъ и отчетливо воспринималъ другіе инструменты *). Впрочемъ эта способность внутренняго слышанія образуется, повидимому, у нѣкоторыхъ привилегированныхъ умовъ очень рано. «Рейеръ (Reyer) приводитъ примѣръ ребенка 9-ти мѣсяцевъ, съ точностью повторявшаго ноты, которыя проигрывались на рояль. Сынъ Штумфа правильно пѣлъ гаммы, когда ему было 14 мѣсяцевъ. Сынъ композитора Дворака (изъ Праги) въ возрастѣ одного года пѣлъ со своей кормилицей маршъ изъ Фатиницы. Будучи полуторогодовалымъ онъ пѣлъ аріи своего отца подл акомпаниментъ этого послѣдняго». (Ballet).

Поэтому неудивительно, что многіе великіе музыканты съ самаго ранняго дѣтства выказывали невѣроятное слуховое *воображеніе*. Моцартъ (котораго всегда надо приводить, когда дѣло идетъ о такихъ природныхъ дарованіяхъ), это чудо скороспѣлости, сочинялъ уже, едва достигши шестилѣтняго возраста: «Однажды отецъ Моцарта, возвратясь изъ церкви, находитъ своего сына съ перомъ въ рукахъ склонившимся надъ листомъ нотной бумаги; пальцы его были всѣ въ чернилахъ, и онъ старательно выводилъ каракули. Отецъ спрашиваетъ его, что это за маранье. Нисколько не смущаясь, маленький мальчикъ отвѣчаетъ, что это *концертъ* для клавесина **). Отецъ принимаетъ этотъ отвѣтъ и маранье за дѣтскую игру, но въ концѣ концовъ серьезный видъ и стараніе сына его удивляютъ; онъ внимательно разсматриваетъ нотную бумагу и узнаетъ въ этихъ каракуляхъ дѣйствительный *концертъ* для фортепіано, весьма труднаго исполненія ***). Въ двѣнадцать лѣтъ Керубини поставилъ торжественную мессу. Мендельсонъ въ 8 лѣтъ исправлялъ *ораторію* Баха. Немного позднѣе, его первый учитель Целтеръ (Zelter) писалъ къ Гете и, со свойственной ему суровой манерой, въ такихъ выраженіяхъ сообщалъ объ успѣхахъ своего ученика: «Вчера вечеромъ въ семьѣ произошло великое событіе: представленіе въ кругу самыхъ близкихъ лицъ послѣдней оперы Феликса, *уже четвертой по счету*. Три акта, перемѣшанные съ балетомъ; все продолжалось около двухъ съ половиной часовъ. Повидимому всѣ были удовлетворены, а что касается меня, то я не могу опомниться отъ удивленія. *Ребенку нтъ еще пятнадцати лтъ*. И это дѣйствительно музыка, настоящая оригинальная новая

*) См. Briere de Boismont, Des hallucinations, стр. 459—460.

**) *Концертъ* это пьеса, написанная для какого-нибудь инструмента съ акомпаниментомъ оркестра и составленная такъ, чтобы выдвинуть артиста, играющаго главную партію.

***) Paul de Musset, *De la musique dramatique*.

музыка, полная величія и достоинства. Все въ ней идетъ отъ чистаго сердца съ ясностью и полнотою; все въ ней драматично, спокойно и послѣдовательно. Невозможно быть болѣе искуснымъ въ употребленіи голосовъ, невозможно выказать болѣе смѣлаго и въ тоже время свободнаго генія въ инструментовкѣ *)».

Нѣкоторые музыканты осуществляютъ самыя сложныя комбинаціи звуковъ, не нуждаясь въ какомъ-либо инструментѣ: «Бетховенъ сочинялъ на ходу и никогда не наносилъ на бумагу ни одной ноты, пока вся пьеса, планъ которой былъ у него въ головѣ, не была совершенно окончена». (Fetis.) Сдѣлавшись въ послѣдніе годы своей жизни совершенно глухимъ, онъ тѣмъ не менѣе сочинялъ еще **) и могъ повторять внутренно огромныя симфоніи—условіе необходимое ему для оцѣнки своихъ новыхъ произведеній. Аналогичный фактъ часто наблюдается у нѣкоторыхъ романистовъ или драматическихъ авторовъ. Бернаръ (De l'Aphasie, стр. 50) приводитъ по этому поводу любопытный примѣръ, хорошо показывающій, насколько различно функционируетъ воображеніе у людей зрительнаго и у людей слуховаго типа: «Когда я пишу какую нибудь сцену, говоритъ Легувэ Скрибу, я слышу, а вы, вы видите; при каждой фразѣ, которую я пишу, голосъ говорящаго лица раздается въ моемъ ухѣ. Вы сами являетесь театромъ, ваши актеры говорятъ, дѣйствуютъ на вашихъ глазахъ; я слушатель, вы зритель.—Совершенно вѣрно, сказалъ Скрибъ; знаете ли вы, гдѣ я нахожусь, когда пишу пьесу? Въ срединѣ партера».

Мышленіе у этихъ лицъ также слуховое. Напримѣръ лица, принадлежащія къ этому типу, дѣлая въ умѣ сложеніе, повторяютъ мысленно названія цифръ и складываютъ въ нѣкоторомъ родѣ звуки, не составляя себѣ о нихъ графическаго представленія: «Я имѣлъ случай отмѣтить, говоритъ Рибо***), что многіе счетчики не видятъ ни цифръ, ни вычисленій, но слышатъ ихъ». Тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ обыкновенному мышленію.

Дѣйствительно изъ всѣхъ образовъ, входящихъ въ составъ *словъ*, именно *фонетическіе* образы имѣютъ въ данномъ случаѣ преобладаніе. Даже болѣе, у нѣкоторыхъ личностей (таковы Бональдъ, Кардайльякъ, В. Еггеръ) они нѣкоторымъ образомъ стираютъ всѣ другіе. Внутреннее слово *) г. Еггера имѣетъ манеру, ритмъ, тѣмбръ и ин-

*) См. Camille Selden, *Felix Mendelssohn-Bartholdy et la musique en Allemagne*.

**) Именно оперу *Фиделіо*, образцовое произведеніе германскаго театра,—Мильтонъ представляетъ намъ аналогичный примѣръ *зрительнаго* воображенія. Онъ былъ уже слѣпымъ, когда написалъ *Потерянный рай*, въ которомъ встрѣчаются самыя живописныя описанія.

***) *Память въ ея болѣзненныхъ проявленіяхъ*, стр. 150, прим. 1.

****) Пораженіе замѣчательной аналогіей внѣшняго слова со смѣной словесныхъ слуховыхъ образовъ при теченіи мысли, нѣкоторые авторы назвали этотъ рядъ слуховыхъ образовъ *внутреннимъ словомъ*. Выраженіе довольно удачно выбрано... Само собой разумѣется, что оно не есть синонимъ *внутренней рѣчи*. Внутренняя рѣчь обнимаетъ собой сразу представленія слуховыя, зрительныя и моторныя, тогда какъ «внутреннее слово» обозначаетъ словесное умственное слушаніе (Ballet):

тонацію его слова внѣшняго. Внутреннее слово Кардайльяка «бываетъ часто болѣе отчетливѣе, нежели само ощущение».

На первыхъ страницахъ прекрасной книги, посвященной внутреннему слову, Еггеръ удивительно описываетъ это *внутреннее слово*, молчаливое, тайное, которое мы слышимъ, когда пишемъ или читаемъ въ тишинѣ, или же когда находимся совершенно наединѣ съ нашими воспоминаніями, мыслями: «Тогда оно остается въ насъ, и никто кромѣ насъ самихъ не можетъ его слышать... Безпрерывно мы думаемъ и, по мѣрѣ теченія нашей мысли, мы ее молча говоримъ; но почти всегда мы ее говоримъ, сами того не сознавая. Но иногда это внутреннее слово, сопровождающее всегда уединенное размышленіе, доходитъ до нашего сознанія: это вечеромъ, когда потушена лампа, когда мы отказались на время отъ размышленія, отъ разумнаго познанія, отъ сознанія; мы отреклись отъ всего, мы желаемъ наслаждаться отдыхомъ. Но сонъ-возстановитель заставляетъ себя ждать; мучимые бессонницей мы не можемъ *заставить замолчать* свою мысль; мы ее слышимъ тогда, такъ какъ у ней есть голосъ; она сопровождается внутреннимъ словомъ, живымъ какъ она сама, которое слѣдуетъ за ея развитіемъ. Мы не только слышимъ, но и слушаемъ ее, такъ какъ она противоположна нашимъ желаніямъ, нашему рѣшенію, она насъ удивляетъ, беспокоитъ; она неожиданна и враждебна. Мы стараемся побороть ее, успокоить, направить на другіе безразличные предметы и, такимъ образомъ, заглушить. Когда мы говоримъ вслухъ, то это еще не значитъ, чтобы внутреннее слово отсутствовало; оно смолкаетъ только на половину и по временамъ; когда же мы переводимъ дыханіе, отмѣчаемъ краткими остановками точки и запятая нашихъ фразъ, мы его слышимъ: оно напоминаетъ намъ нить нашей рѣчи, говоритъ слова, которыя послѣдуютъ; оно служитъ проводникомъ или, лучше сказать, суффлеромъ слову внѣшнему. Оно подсказываетъ намъ и тогда, когда мы слушаемъ робкаго, запинаящагося оратора; оно дополняетъ его слова, если онъ говоритъ невнятно или охрипъ; оно поправляетъ обмолвки, если онѣ у него встрѣчаются. И только ораторъ, говорящій много и быстро, произносящій ясно, можетъ наложить молчаніе на внутреннее слово». Помимо этого необходимо еще, чтобы послѣдовательность звуковъ воспринималась безъ всякаго разсѣянія. Однимъ словомъ «чтобы замедлить теченіе внутреннего слова и нарушить его непрерывность, нужно самому говорить; чтобы совсѣмъ прекратить его на значительное время, необходимы слова другихъ. За исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ *внутреннее слово постоянно*, мы не думаемъ и, слѣдовательно, не живемъ безъ него. Оно пополняетъ всѣ пробѣлы, оставляемые внѣшнимъ словомъ въ психической непрерывности; оно заполняется, если такъ можно выразиться, промежутки, образуемые словомъ внѣшнимъ. *Душа не можетъ пребывать безъ того, чтобы не слышать (!)*; если звукъ не внѣшній и не реальный, онъ замѣщается схожимъ съ нимъ образомъ *)».

*) Это утвержденіе имѣетъ ужь слишкомъ общій характеръ. Не говоря уже о глухонѣмыхъ, которыхъ исключаетъ самъ Еггеръ (стр. 201), ни о тѣхъ момен-

Когда лицо принадлежащее къ слуховому типу, представляет себѣ диалогъ, въ которомъ самъ принимаетъ участіе, или, еще лучше, пишетъ его, *онъ часто слышитъ съ известною отчетливостью слова собесѣдника*. «Въ то время, когда я пишу, говоритъ г. Дельбефъ (Revue philosophique, окт. 1879 г., статья Sommeil), я разговариваю съ фиктивнымъ читателемъ; я приписываю ему возраженія, когда думаю, что выражаюсь неясно, и сомнѣнія, когда я сомнѣваюсь самъ». Дидро, рассказывая Шереръ, этотъ неутомимый говорунъ, ожесточенный спорщикъ, всегда воображалъ передъ собою собесѣдника: будучи страстнымъ любителемъ драмы, онъ облакалъ свои мысли въ драматическую форму, предполагалъ возраженія и подавалъ самъ себѣ реплики. «Такое преобразование внутренняго слова, прибавляетъ г. Еггеръ, особенно часто замѣчается у тѣхъ людей, которые говорливы по своей природѣ, и для которыхъ разговоръ есть потребность ума, почти необходимый возбудитель умственныхъ способностей; но они не говорятъ со всѣми обо всемъ: по каждому занимающему ихъ предмету, они имѣютъ предпочтительнаго собесѣдника. Привыкшіе думать и говорить о томъ или другомъ предметѣ съ тѣмъ же или другимъ собесѣдникомъ, они не умѣютъ думать одни, и, когда это съ ними случается, они вызываютъ обычнаго собесѣдника своихъ мыслей и въ его воображаемомъ присутствіи находятъ новыя идеи и высказываютъ свои размышленія; часто они, такимъ образомъ, болѣе или менѣе сознательно приготавливаются къ будущимъ разговорамъ. То же явленіе наблюдается и у тѣхъ лицъ, которыя, въ силу своей профессіи, часто говорятъ публично, но у нихъ внимательнымъ другомъ является ихъ обычная аудиторія; это—профессора, докладчики, адвокаты, государственные люди. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе адвокаты не могутъ хорошо приготовить въ своемъ кабинетѣ къ защитѣ, если не представлять себѣ судъ, къ которому имъ придется обратиться со своей защитительной

такъ, когда душа приведена въ экстазъ (стр. 18—19) или повергнута въ глубокую печаль (стр. 239), не говоря даже о людяхъ зрительнаго типа, специальный случай котораго мы констатировали, надо отмѣтить, что у всѣхъ маленькихъ дѣтей, не обладающихъ еще рѣчью и «у человѣческихъ существъ, словарь которыхъ очень ограниченъ, множество мыслительныхъ процессовъ совершаются обыкновенно, какъ замѣчаетъ Ст. Милль, при посредствѣ другихъ символовъ, нежели слова. Одинъ изъ наиболее плодотворныхъ мыслителей новѣйшаго времени Огюсть Контъ проводитъ ту мысль, что кромѣ логики знаковъ есть еще логика образовъ и логика ощущений. Во множествѣ процессовъ, родственныхъ мысли, особенно въ умахъ необразованныхъ, зрительный образъ замѣняетъ слово... Отличительная зрительная внѣшность какой-либо вещи легко группируетъ около себя, путемъ ассоціацій, идеи всѣхъ другихъ подробностей, сосуществовавшихъ съ ней во время частыхъ опытовъ, она вызываетъ эти подробности съ особенной силой и постоянствомъ, много превосходящими силу и постоянство чисто случайныхъ ассоціацій, которыя могутъ быть также ею вызываемы, и, такимъ образомъ, сосредоточиваетъ вниманіе на этихъ подробностяхъ. Это и есть тотъ образъ, который служитъ знакомъ, логика образовъ». Однако-же, хотя положеніе Еггера, опредѣляющее слуховымъ словеснымъ образомъ преобладающую роль во *всѣхъ* умахъ, и страдаетъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, тѣмъ не менѣе приходится признать, что обыкновенно эти образы являются наиболее важными, такъ какъ въ случаѣ болѣзней рѣчи, утрата ихъ причиняетъ, повидимому, наиболее тяжкія расстройства.

рѣчью. Иногда, но очень рѣдко, случается, что воображаемый слушатель не имѣетъ опредѣленнаго образа».

Эти различныя черты достаточны для характеристики умственнаго состоянія лица, принадлежащаго къ слуховому типу; на основанія ихъ каждый можетъ его узнать.

Г л а в а VI.

Типъ моторный.

Мускульный образъ и его роль. — Моторный типъ. — Его отличительныя черты. — Память лицъ моторнаго типа: фактъ, сообщенный полковникомъ Монкрафтомъ; — примѣръ г. Балле. — Внутренняя рѣчь лицъ моторнаго типа: г. Стрикверъ; — Монтанъ; — Мэнъ де Биравъ; — Бэнъ; — г. Ліаръ. — Частный случай съ глухонѣмыми. — Особенная важность моторныхъ образовъ для умственнаго развитія: Лора Бриджмэнъ.

Моторный типъ менѣе извѣстенъ нежели предъидущіе, и это не потому, чтобы онъ въ дѣйствительности встрѣчался много рѣже, а скорѣе оттого, что, не обращая на себя вниманія, онъ долгое время оставался незамѣченнымъ. Только въ недавнее время стали изучаться тѣ ощущенія и образы, преобладаніе которыхъ создаетъ этотъ типъ. Честь перваго изслѣдованія этихъ образовъ принадлежитъ современной англійской школѣ, которая показала, какъ говорить Рибо (*Болтзми воли*), что всѣ наши воспріятія, особенно наиболѣе важныя, воспріятія зрѣнія и осязанія, подразумѣваютъ въ себѣ, въ качествѣ составныхъ элементовъ, движенія глаза или членовъ, и что если движеніе является существеннымъ элементомъ, когда мы видимъ вещь въ дѣйствительности, то оно должно играть точно такую же роль и тогда, когда мы видимъ вещь мысленно *).

Напримѣръ, настоящее понятіе о шарѣ, который мы держимъ въ рукѣ, составляется изъ оптическихъ и тактильных ощущеній, полученныхъ вслѣдствіе воздѣйствія на сѣтчатку глаза и на руку; сюда входятъ и ощущенія мускульныя, возникающія въ силу специальныхъ приспособленій глаза и сжиманія пальцевъ. Если-же затѣмъ мы думаемъ объ этомъ шарѣ, то понятіе, которое мы о немъ сохранили, будетъ заключать въ себѣ, необходимымъ образомъ, наряду съ воспоминаніями объ ощущеніяхъ оптическихъ и тактильных, и воспо-

*) Большинство вещей требуетъ для познанія ихъ одновременной дѣятельности способности ощущать и способности двигаться; наши идеи это — смѣшанное воскрешеніе мысленныхъ движеній и мысленныхъ ощущеній въ ихъ взаимныхъ соотносительныхъ ассоціаціяхъ. Примѣромъ этого можетъ служить способъ, какимыъ приобрѣтаются и составляютъ идеи о формѣ, фигурѣ, тяжести, сопротивленіи и т. д. (Fegrier, *Les fonctions du cerveau*). — Память о видѣнной формѣ, напр. о радугѣ, говоритъ Бэнъ, содержитъ сознаніе (conscience) кривой, описанной мускульными движеніями, и мы припоминаемъ извилины рѣки, за которыми при дѣйствительномъ видѣннѣ приходится слѣдить движеніями глаза, какъ за движеніями мысленными».

минание объ ощущеніяхъ мускульныхъ *), и это послѣднее воспоминаніе и называется *моторнымъ образомъ* **).

Хотя присутствіе этого моторнаго образа даже и не подозрѣвается, тѣмъ не менѣе, онъ входитъ въ составъ многочисленныхъ умственныхъ комбинацій. Во всѣхъ насъ онъ является основой памяти движеній. Такъ, способность къ передвиженію, будучи прирожденной у многихъ низшихъ видовъ, пріобрѣтается человѣкомъ постепенно, въ особенности та способность къ координаціи движеній, которая посредствомъ сочетанія осязательныхъ и зрительныхъ впечатлѣній поддерживаетъ на каждомъ шагу равновѣсіе нашего тѣла. Вообще можно сказать, что члены взрослого человѣка и его органы чувствъ функционируютъ съ такой легкостью лишь благодаря *этой совокупности пріобрѣтенныхъ и координированныхъ движеній*... Въ той же категоріи принадлежать группы движеній характера болѣе искусственнаго, которыми опредѣляется техника какого-нибудь ремесла, игръ, различныхъ физическихъ упражненій и т. д.» ***).

*) Замѣтимъ, что подъ именемъ *мускульныхъ* или *мышечныхъ ощущенийъ*, современные психологи понимаютъ не тѣ ощущенія, которыя происходятъ отъ давленія или удара на мускулы, а ощущенія, *сопровождающія произвольныя движенія*, которыя слѣдуютъ за моторнымъ побужденіемъ, исходящимъ изъ нервныхъ центровъ.—Еще не пришли къ соглашенію насчетъ того, какимъ образомъ эти ощущенія возникаютъ. По мнѣнію однихъ (Мюллеръ, Людвигъ, Банъ, Вундтъ, Льюисъ), они *центробѣжны*, т. е. они начинаются въ самихъ нервныхъ центрахъ и совпадаютъ съ центробѣжнымъ токомъ моторной энергіи, съ обнаруженіемъ извѣстнаго количества нервной силы,—по мнѣнію другихъ (В. Джемсъ, Ферріе, Бастіанъ, Шарко и друг.), они, напротивъ, *центростремительны*, т. е. возникаютъ тогда, когда мускулы, измѣняя свою форму, въ силу сокращенія, производятъ давленіе на нити чувствующихъ или центростремительныхъ нервовъ, которыя въ нихъ оканчиваются; это давленіе, переданное центростремительнымъ токомъ въ нервные центры, производитъ мускульное ощущеніе. Въ первомъ случаѣ мускульное ощущеніе происхожденія моторнаго, во второмъ—сенсоріальнаго; въ первомъ случаѣ оно предшествуетъ движенію, во второмъ слѣдуетъ за нимъ.—Какое рѣшеніе вопроса ближе къ истинѣ? Настоящее состояніе науки не позволяетъ высказаться рѣшительно. — (См. по этому поводу Ch. Bastian, *Le cerveau* т. II, приложение стр. 278).

***) Мы безразлично употребляемъ въ этомъ курсѣ выраженія *мускульныя ощущенія* и *ощущенія движенія* или *моторныя; мускульные образы* и *образы моторныя*; но, можетъ быть, было бы предпочтительнѣе «въ виду всѣхъ разногласій относительно мускульнаго чувства» говорить вмѣстѣ съ Бастіаномъ «о *чувствѣ движенія*, какъ объ отдѣльной способности, сложной по природѣ; черезъ нея мы узнаемъ о положеніи и движеніи нашихъ членовъ, при помощи ея мы можемъ судить о *тяжести* и *сопротивленіи*, ею же руководимся мы очень часто безсознательно, при исполненіи нами какъ движеній вообще, такъ и движеній автоматическихъ въ особенности. Различнаго рода впечатлѣнія, комбинируясь, входятъ въ составъ этого чувства движенія», и его мозговое сѣдалище или поверхность совпадаетъ отчасти съ сѣдалищемъ чувства осязанія. Въ него входятъ въ качествѣ составныхъ частей ощущенія кожныя и ощущенія, которыя получаютъ отъ мускуловъ и другихъ глубокихъ оболочекъ тѣной членовъ (волокнистыя оболочки (аропегюев), сухожилія и суставныя поверхности) и всѣ они порождаютъ болѣе или менѣе сознательныя впечатлѣнія... Воскрешеніе въ *идеѣ* какихъ-нибудь впечатлѣній этого рода содѣйствуетъ, при извѣстномъ сенсоріальномъ или волевомъ стимулѣ, возобновленію движеній, уже совершенныхъ въ какой-либо предъидущій періодъ (Bastian, *Le cerveau*, т. II, стр. 165).

***)) Рибо, *Память въ ея болѣзненныхъ проявленіяхъ*, стр. 12.

Разсмотримъ болѣе спеціальную и болѣе возвышенную категорію движеній. Кто не наблюдалъ многочисленныхъ попытокъ, дѣлаемыхъ дѣтьми, когда они стараются говорить и писать надлежащимъ образомъ? Дѣйствительно, въ ихъ нервныхъ центрахъ должна произойти, вслѣдствіе болѣе или менѣе долгаго упражненія, извѣстная координація движеній, необходимыхъ для рѣчи или письма, и только послѣ этого дѣти могутъ совершать эти сложные акты автоматически. Но эти координированныя движенія сопровождались всегда ощущеніями, въ силу которыхъ участіе гортани, языка, губъ въ рѣчи и руки въ письмѣ было сознательнымъ. И именно воспоминаніе, образъ этихъ движеній, или скорѣе этихъ ощущений и дѣлаетъ въ послѣдствіи возможной и быстрой устную и письменную рѣчь. Образы мускульныхъ ощущений обладаютъ минимумомъ сознательности у многихъ людей, болѣе способныхъ удерживать образы ощущенийъ слуховыхъ или зрительныхъ, соединенныхъ съ ощущеніями мускульными, но эти же образы могутъ возвышаться до полной сознательности и, становясь на мѣсто образовъ слуховыхъ и зрительныхъ, служить основой для припоминанія сказанныхъ или написанныхъ словъ и для совершенія различныхъ умственныхъ операций. Именно это явленіе и наблюдается у тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ, что они *моторнаго типа*.

Такъ встрѣчаются лица, которыя гораздо лучше припоминаютъ страницу, когда прочли ее вслухъ или переписали, лучше представляютъ себѣ рисунокъ, когда обвели его пальцемъ*). Гальтонъ приводитъ по этому поводу удивительный фактъ: «Полковнику Манкрафту, говорить онъ, часто приходилось наблюдать въ Сѣверной Америкѣ молодыхъ индѣйцевъ, которые, приходя случайно въ его стоянку, съ большимъ интересомъ разсматривали показываемыя имъ гравюры. Одинъ изъ нихъ старательно обводилъ своимъ ножомъ контуръ рисунка, помѣщеннаго въ Illustrated News, говоря, что такимъ образомъ онъ лучше сумѣетъ вырѣзать его по своему возвращеніи домой. Въ данномъ случаѣ моторный образъ долженъ былъ усилить образъ зрительный; этотъ молодой индѣецъ принадлежалъ къ моторному типу». (Прив. у Бина).—Въ замѣчательной диссертаци, о которой мы уже имѣли случай упоминать, г. Джилбертъ Балле, профессоръ медицинскаго факультета въ Парижѣ, въ такихъ словахъ сообщаетъ о своихъ собственныхъ наблюденіяхъ: «У меня, говорить онъ, при нормальныхъ условіяхъ

*) «Мы всего лучше представляемъ себѣ какую-нибудь фигуру, когда наши руки принимаютъ то же положеніе, какое они должны были бы имѣть при ощущеніи ее». (Кондильякъ, *Логика*, I часть, глава IX). При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ эта память оказываетъ удивительные результаты: Альбранъ (Aldobrand) сообщаетъ, что нѣкто Жанъ Ганибазіусъ изъ Вольтерры (Jean Ganibasius, de Volterre), изучившій скульптурное дѣло и потерявшій зрѣніе на двадцатомъ году своей жизни, рѣшился попробовать послѣ десятилѣтняго перерыва, что онъ можетъ еще сдѣлать въ своемъ ремеслѣ. Онъ тщательно *ощупалъ* мраморную статую, изображавшую Косму I, великаго герцога Тосканскаго и сдѣлалъ такую же изъ глины; сходство этихъ двухъ статуй было настолько велико, что поразило всѣхъ. Великій герцогъ Фердинандъ послалъ этого скульптора въ Римъ, а тамъ онъ выгнѣшилъ изъ глины статую, которая въ совершенствѣ воспроизводила черты Урбана VIII.

мышленія моторныя образы отличаются очень большою интензивностью. Я очень отчетливо *чувствую*, что, за исключеніемъ особенныхъ обстоятельствъ, я *не вижу и не слышу своей мысли*, я ее умственно говорю. Я думаю, что у меня, какъ и у большинства людей моторнаго типа, внутреннее слово бываетъ настолько живымъ, что мнѣ случается произносить потихоньку слова, подсказываемыя внутренней рѣчью. Въ такой формѣ являюся у насъ живые образы, она принадлежитъ намъ, лицамъ моторнаго типа. Такамъ преобладаніемъ моторныхъ образовъ надъ образами зрительными и слуховыми я объясняю у себя нѣкоторыя особенности, на которыя стоитъ обратить вниманіе. Лицо зрительнаго типа, которому поручено приготовиться къ лекціи (недавно я слышалъ, какъ г. Шарро приводилъ по этому поводу весьма типичныя примѣры) можетъ написать ее сполна и затѣмъ, произнося ее, мысленно читать съ рукописи. Другое дѣло, если это лицо типа моторнаго: такъ какъ у него зрительная память менѣе развита, то ему труднѣе слѣдить глазами за мысленной рукописью; и еслибъ онъ захотѣлъ, читая лекцію, прибѣгнуть къ приему, которымъ такъ счастливо пользуется человекъ зрительнаго типа, то онъ могъ-бы испытать непріятныя задержки въ рѣчи. Для меня совершенно бесполезно готовить лекцію во всѣхъ деталяхъ; самое лучшее, если я намѣчу только существенныя черты и главныя подраздѣленія. Дѣйствительно, я не могу (если только не буду долго упражняться) читать мысленно свою лекцію, когда произношу ее. Но за то, въ качествѣ лица моторнаго типа, я ее отчетливо припоминаю послѣ прочтенія. *Мои представленія произношенія пересказываютъ ее мнѣ, и я могъ бы воспроизвести ее**) съ гораздо большей легкостью, непринужденностью даже, чѣмъ читалъ въ первый разъ».

Лица моторнаго типа, какъ констатируетъ это наблюденіе, не видятъ и не слышатъ своей мысли, но *говорятъ* ее. У нихъ припоминаніе не идетъ тѣмъ обычнымъ путемъ, когда зрительные или слуховые образы слоговъ и словъ, въ силу закона ассоціаціи, вызываютъ другъ друга; эту роль играютъ у нихъ движенія произношенія. Возьмемъ, на примѣръ, стихъ изъ Расина:

Oui, c'est Agamemnon, c'est ton roi qui t'exeille.

Въ то время, какъ лицо зрительнаго типа, вызывая въ своей памяти этотъ стихъ, видитъ смѣняющіеся образы: *oui, c'est Agamemnon*, въ такомъ видѣ, какъ они напечатаны хотя-бы здѣсь, а лицо слуховаго типа слышитъ звуки слоговъ: *o u i - c ' e s t - A - g a - m e - t h - o n*,—лицу моторнаго типа представляется рядъ движеній, совершаемыхъ при произношеніи этихъ словъ. Образъ движеній, совершенныхъ въ первый разъ, чтобы произнести *o u i, c ' e s t* приводитъ за собой образъ тѣхъ движеній, которыя необходимы для произнесенія

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ фактъ объясняетъ и доказываетъ полезность приложенія въ школьн отвѣтовъ и чтенія вслухъ.

слова Ag a ш е п о н; *) и лицо моторнаго типа, вспоминая, такъ сказать, эти движенія, вспоминаетъ и слова.

Изъ той важности, какую имѣютъ мускульные образы во *внутренней рѣчи*, можно заключить, насколько въ ней должны быть сглажены представленія другого рода. Дѣйствительно, въ то время какъ у г. Еггера слуховые образы преобладаютъ до такой степени, что онъ почти отрицаетъ роль другихъ, у германскаго психолога Стрикера они отодвинуты на второй планъ и замѣнены *моторными образами произношенія*. «Я утверждаю, пишетъ этотъ послѣдній, что когда я думаю словами, то слуховые образы не принимаютъ въ этомъ, насколько я знаю, никакого участія». И далѣе; «иссѣдованіе моихъ представленій о словахъ доказываетъ, что между этими представленіями нѣтъ ни зрительнаго образа, ни воспоминанія о буквахъ письма.» Хочетъ ли онъ припомнить какой-нибудь стихъ, ему кажется, что онъ его *произноситъ*. Любопытно то, что его музыкальныя представленія являются такими же моторными, какъ и словесные образы. Развитие всѣхъ этихъ пунктовъ можно найти въ работѣ г. Стрикера. «Le langage et la musique.» Этотъ трудъ представляетъ такой же интересъ для изученія моторныхъ образовъ словъ, какъ трудъ г. Еггера для изученія образовъ слуховыхъ.

Г. Стрикеръ былъ первый, который посредствомъ подробнаго разбора своихъ собственныхъ способностей открылъ такія особенности въ рѣчи, но если судить по слѣдующему мѣсту изъ *Essais Montaigne*, то и его, повидимому, можно отнести къ этому же моторному типу: «Все, что мы говоримъ, необходимо прежде проговоритъ самому себѣ, заставитъ это прозвенѣть въ своемъ собственномъ ухѣ, прежде чѣмъ посылать по адресу чужихъ ушей;» т. е., какъ объясняетъ г. Еггеръ, дитя не можетъ сказать другимъ ни одного слова, если предварительно не научилось путемъ упражненія произносить его вслухъ для самого себя. Манъ де Биранъ (французскій философъ) разсматриваетъ также внутреннюю рѣчь, какъ мускульное эхо. По мнѣнію г. Бэна эта рѣчь сопровождается всегда образомъ гортанно-ротоваго движенія**). Г. Ліаръ (*La science positive et la métaphysique*, стр. 400—401) держится того-же воззрѣнія: «Когда

*) Пусть тѣ, для которыхъ не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ у лицъ моторнаго типа эти движенія произношенія могутъ *вызывать* подобнымъ путемъ другъ друга, обратятъ вниманіе на то, что аналогичный фактъ встрѣчается въ бессознательномъ видѣ у всѣхъ; напримѣръ, при движеніяхъ перемѣненія:» Что бываетъ, когда мы идемъ, не думая о нашихъ шагахъ. Пѣхотные солдаты и даже кавалеристы на сѣдлѣ могутъ во снѣ продолжать свой путь, хотя послѣднимъ и приходится постоянно сохранять равновѣсіе. Такое послѣдовательное вызваніе однихъ мускульныхъ актовъ другими еще болѣе поразительно въ случаѣ, приведенномъ у Карпентера, гдѣ разсказывается про одного искуснаго піаниста, что онъ исполнилъ во снѣ фортепянную пьесу;—фактъ, который слѣдуетъ приписать не столько участію чувства слуха, сколько участію чувства мускульнаго, которое вызвало послѣдовательную смѣну движеній.» (Рибо).

***) См. Egger, *La parole interieure*, стр. 40, 58—59, 76.—Докторъ Hughlings Jackson держится также того мнѣнія, что слова вызываются къ мысли въ качествѣ «моторныхъ явленій». (См. Bastian, *Le cerveau, organe de la pensée*, стр. 206 и 218.)

мы мыслимъ слова, пишетъ онъ, то развѣ не возбуждаются чувствительнымъ образомъ органы, служащіе для ихъ произношенія: гортань, языкъ, губы, щеки, челюсть? Развѣ каждая мысль не сопровождается нѣмымъ выговариваніемъ, и развѣ недостаточно пустить въ голосовой аппаратъ, такимъ образомъ бессознательно подготовленный, легкое дуновение, заставляющее его звучать, что бы получилось хотя слабое, но тѣмъ не менѣе отчетливое, произношеніе тѣхъ словъ, которыя мы мыслимъ». *)

Можетъ быть, даже есть люди, которые употребляютъ для своей внутренней рѣчи *не моторные образы произношенія словъ*, но *моторные образы графическіе* или *письменные*. Вмѣсто того, чтобы говорить свою мысль, они ее пишутъ **). Съ одной стороны, это, повидимому, подтверждается непосредственно тѣмъ, что множество дѣтей лучше запоминаютъ извѣстное мѣсто послѣ того, какъ его *спишутъ*; съ другой стороны, это-же позволяютъ предполагать и аналогичные факты, относящіеся къ моторнымъ представленіямъ *рисунка* (вышеупомянутое наблюденіе, сдѣланное полковникомъ Монкрафтомъ) и къ представленіямъ *жестовъ*: у глухонѣмыхъ внутренняя рѣчь составляется изъ моторныхъ и въ тоже время зрительныхъ образовъ тѣхъ жестовъ, которые образуютъ ихъ обычную рѣчь. Одинъ изъ нихъ, Ферд. Бертье, исторію котораго рассказалъ докторъ Эд. Фурнье въ своемъ *Essai de psychologie* (стр. 343—344), писалъ: «Хотя бы мои пальцы и руки оставались неподвижными, я чувствую, что

*) Различныя наблюденія, приведенныя выше, даютъ возможность ограничить значеніе утвержденія г. Еггера, который писалъ: только, «люди, мало размышляющіе, которые пользуются внутреннимъ словомъ лишь для того, чтобы подготовиться говорить какъ только возможно отчетливѣе, адвокаты, нѣкоторые профессора упражняются въ мысленномъ произношеніи словъ».

**) Ш. Бастианъ не разделяетъ этого взгляда: «Каждый говоритъ онъ, можетъ легко убѣдиться посредствомъ слѣдующаго простаго опыта въ томъ, что почти невозможно вызвать въ сознаніи впечатлѣнія этого рода, а также и въ томъ, насколько смутно и неотчетливо чувствованіе, получающееся въ результатъ этой попытки, если его сравнить съ воспоминаемъ о зрительномъ или слуховомъ впечатлѣніи. Закроемъ глаза и, взявъ перо, будемъ дѣлать въ воздухѣ движенія, какъ если бы мы писали слово *Лондонъ*. Такимъ образомъ мы можемъ быть увѣрены, что имѣемъ группу ощущеній, сопровождающихъ эти движенія. По истеченію нѣкотораго времени, напримѣръ одного дня, закроемъ опять глаза и, не дѣлая никакого движенія, попытаемся представить себѣ мускульныя и другія ощущенія, испытанныя нами раньше, когда мы писали вышеупомянутое слово. Сопоставимъ наше относительное безсиліе въ этомъ отношеніи съ тою легкостью, съ какой мы припоминаемъ зрительный видъ этого написаннаго слова или его соответствующій звукъ». (*Le cerveau, organe de la pensee*, т. II, стр. 218; тамъ же стр. 205). Нѣсколько далѣе Бастианъ прибавляетъ: «Какъ бы ни была слаба способность къ припоминанію моторныхъ впечатлѣній, полученныхъ при писаніи, но способность къ припоминанію такихъ-же впечатлѣній, зависящихъ отъ рѣчи еще слабѣе». Другими словами, онъ полагаетъ, что если графическіе моторные образы мало отчетливы, то моторные образы произношенія *еще того менѣе*. Но мы только что видѣли, что встрѣчаются лица, у которыхъ, наоборотъ, эти послѣднія представленія и имѣютъ преобладаніе. Несомнѣнно, что Ш. Бастианъ правъ относительно самого себя, но и на этотъ разъ подобныя наблюденія, очень вѣрные и справедливыя по отношенію къ извѣстному лицу, страдаютъ распространеннымъ недостаткомъ слишкомъ широкаго обобщенія.

они двигаются, когда я думаю; я вижу внутренно образъ воспроизводимый ими; я чувствую, что моя мысль упражняется и отождествляется съ этими движеніями, невидимыми для глаза внѣшняго.»

Впрочемъ, ничего не можетъ дать намъ лучшаго понятія о важности моторныхъ образовъ и о той роли, какую они могутъ играть при нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ совсѣмъ особенный случай съ американкой Лорой Бриджмэнъ.

Эта молодая дѣвушка, родившаяся въ 1829 г. въ Соединенныхъ Штатахъ, сдѣлалась на второмъ году своей жизни *глухой, тѣмой и слѣпой*; имѣя весьма смутную чувствительность къ запаху, а слѣдовательно и къ вкусу, она обладала только чувствомъ осязанія (правда, замѣчательно тонкимъ, такъ какъ ей удавалось, исключительно при его помощи, различать цвѣта клубковъ шерсти или шелка, которые употреблялись ею при шитьѣ и вышиваніи). «Не смотря на большую умственную дѣятельность, на удивительную память, на громадное влеченіе къ подражанію, несмотря на чувство осязанія, которое отличалось поразительной способностью къ дальнѣйшему усовершенствованію, она мало развивалась, пока находилась дома на попеченіи своей матери. По своему развитію она походила на смышленное животное, къ воспитанію котораго приложили много труда: она отличала вещи по ихъ формѣ, твердости, вѣсу и температурѣ; она подражала движеніямъ своей матери, руки которой она чувствовала, и даже выучилась немного шить и вязать. Но въ нѣсколько мѣсяцевъ ея умственное состояніе измѣнилось удивительнымъ образомъ, благодаря *осязательной рѣчи* (*parole du toucher*), которой ее научилъ докторъ Гоу (Howe) *), взявшій ее на свое попеченіе, когда ей было семь лѣтъ **). Онъ велѣлъ прикрѣпить ко всѣмъ общепотребительнымъ вещамъ, каковы: ножъ, вилка, ложка, ключъ, — карточки, на которыхъ названіе вещи было написано выпуклыми буквами. Лора замѣтила, что кривыя линіи слова «ложка» также отличались отъ кривыхъ линій слова «ключъ», какъ и сами вещи, тогда ей дали въ руки карточки съ тѣми-же напечатанными словами. Она скоро поняла сходство буквъ какъ словъ, написанныхъ на этихъ карточкахъ, такъ и словъ, обозначающихъ названіе вещей, въ доказательство чего она положила карточку со словомъ «ключъ» на ключъ и карточку со словомъ «ложка» — на ложку. Затѣмъ ей дали отдѣльныя буквы, и она расположила ихъ такимъ образомъ, чтобы вышли слова: книга, ключъ; ихъ смѣшали въ кучу и заставили Лору Бриджмэнъ самое искать и соединять ихъ въ слова: книга, ключъ.

«До этихъ поръ, говорить докторъ Гоу, ея дѣйствія были механическими, а результатъ приблизительно такой, какъ если-бы обучали молодую смышленную собаку различнымъ штукамъ. Бѣдное дитя пребывало какъ-бы въ нѣмомъ удивленіи и терпѣливо исполняло всѣ предписанія своего учителя. Но съ этого времени свѣтъ истины, ка-

*) Искусный бостонскій врачъ.

***) Въ убѣжище для слѣпыхъ въ Массачусетъ.

залось, блеснулъ въ ея головкѣ, и умъ ея началъ работать; она увидѣла, что *обладаетъ средствомъ создать знакъ* того, что находится въ ея душѣ и передать это другой душѣ, и съ этого момента ея физиономія засіяла человѣческимъ разумомъ *)».

Лора Бриджманъ скоро выучилась читать, писать и разговаривать съ другими людьми **). Затѣмъ она даже сдѣлалась учительницей въ заведеніи для глухо-нѣмыхъ и сочиняла молитвы и гимны, не лишенные, повидимому, достоинства.

Перев. *Е. Максимовой.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Kistmaul, *Des troubles de la parole.*—См. въ *Revue philosophique*, т. I, замѣтки доктора Гоу о воспитаніи Лоры Бриджманъ.

**) Ея внутренняя рѣчь состоитъ изъ тактильно-мускульныхъ образовъ: когда она одна, то у ней,—по свидѣтельству англійскаго логика Уэтли, приведенному у *Paul Janet*,—пальцы находятся въ постоянномъ движеніи.

О чтеніи вслухъ *).

Чтеніе вслухъ можетъ считаться однимъ изъ важнѣйшихъ орудій въ рукахъ преподавателя и воспитателя. Обращаясь къ моимъ школьнымъ воспоминаніямъ, я вижу теперь, какъ сильно на меня дѣйствовало искусное чтеніе нѣкоторыхъ профессоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не убѣждаемся ежедневно, что хорошая дикція своего рода сила? Отдавая отчетъ о какой-нибудь рѣчи, мы непременно упомянемъ и о томъ, какъ она была сказана. Еще въ древности воспитатели обращали вниманіе на всю важность хорошей дикціи. Въ Афинахъ первымъ учителемъ ребенка былъ грамматистъ, который давалъ ему изучать повтоу.

Медленно скандируя стопы, онъ декламировалъ какой-нибудь отрывокъ изъ Гомера или Гезіода, и ученики вторили ему. Въ христіанской церкви важную сторону богослуженія составляло публичное чтеніе Св. Писанія. Съ какимъ волненіемъ должны были слушать первые христіане чтеніе посланій апостола Павла!

Въ настоящее время педагоги единогласно признаютъ все значеніе чтенія вслухъ, и я имѣлъ возможность убѣдиться, какъ серьезно смотрятъ на это дѣло въ школахъ нѣмецкихъ.

Въ женскихъ училищахъ Германіи этимъ упражненіямъ посвящается много времени: посредствомъ удачнаго подбора отрывковъ и хорошей декламации здѣсь стараются развить въ учащихся чувство прекраснаго и чувство патріотизма. И у насъ администрація, педагоги, публицисты единогласно проповѣдуютъ тотъ же культъ чтенія. Чтобъ не повторять того, что вамъ уже извѣстно, я обращаю ваше вниманіе только на слѣдующіе два вопроса:

- 1) Въ чемъ именно *сила* хорошаго чтенія?
- 2) Какъ надо читать, чтобъ производить желаемое впечатлѣніе?

I.

Чтеніе даетъ жизнь мертвой буквѣ. Въ этомъ уже заключается отвѣтъ на нашъ первый вопросъ. Но въ чемъ состоитъ эта жизнь? Каковъ смыслъ приведенной метафоры? Здѣсь намъ приходится на память одинъ отрывокъ изъ Платона. Сравнивая въ концѣ «Федра»

*.) Лекція г. Бутру, прочитанная въ L'Ecole de Fontenay-aux-Roses 30 окт. 1894. Revue Pédagogique. 15 Janvier 1895.

записанную рѣчь съ живописью, Платонъ говоритъ: «Образы, которые мы видимъ на картинѣ, кажутся намъ живыми, но обратитесь къ нимъ съ вопросомъ, и вы увидите, что они безмолвствуютъ. Такова же и рѣчь написанная: вамъ кажется, что въ ея словахъ есть живая мысль, но спросите у нихъ что-нибудь, и они будутъ отвѣчать вамъ все одно и то же. Если такіа написанныя рѣчи подвергаются оскорбленіямъ, нападкамъ, за нихъ долженъ вступить ихъ авторъ,—сами по себѣ онѣ защищаться не могутъ».

Дѣло въ томъ, что авторъ записываетъ на бумагѣ только послѣдніе результаты своихъ размышленій, не передавая публикѣ цѣлой массы фактовъ, идей, разсужденій, аргументовъ, приведшихъ его къ извѣстнымъ выводамъ. Все это онъ оставляетъ для себя. Вотъ почему вокругъ каждой мысли волнуется и кипитъ цѣлый кортежъ дополнительныхъ, объясняющихъ многое положеній. Если рѣчь только написана, она не вызываетъ подобнаго кортежа; но человѣчскій голосъ пробудить все это въ умахъ слушателей. Каждая интонація, каждое удареніе служатъ какъ бы проблескомъ, помогающимъ уловить связь идей, понять настоящую фізіономію предмета. Та самая работа, которую продѣлалъ авторъ, начинается тогда въ умахъ аудиторіи. Таково первое дѣйствіе чтенія вслухъ,—*оно даетъ глубокое и точное пониманіе текста.*

Пойдемъ дальше. Посмотрите, какъ дѣйствуетъ, вообще, живое слово. Въ человѣческомъ голосѣ есть нѣчто такое, что невольно общается другому человѣку и трогаетъ его до глубины души. Это то самое, что въ физикѣ называется синхронистическими вибраціями. Чтець и слушатель звучатъ въ униссонъ и взаимно дѣйствуютъ другъ на друга. Это явленіе происходитъ подъ влияніемъ духа, создавшаго произведенія. Его любовь къ истинѣ и къ красотѣ передается всѣмъ слушающимъ. Лекторъ не только помогаетъ понять автора, онъ заставляетъ любить его. При звукахъ его голоса записанная рѣчь теряетъ все плоское, матеріальное, дѣлается чистымъ символомъ, проникаетъ въ души, ищущія другъ друга, и, въ концѣ концовъ, служитъ чертой соединенія для этихъ душъ.

Такии образомъ осуществляются слова Фауста: «Двери твоей души широко растворяются, и вотъ одинъ духъ говоритъ другому». И такъ, чтеніе вслухъ даетъ не только понять, но и живо почувствовать всю прелесть произведенія.

Понимать и сильно чувствовать то же самое, что желать, а серьезное, горячее желаніе есть уже начало дѣятельности. Если прочтенное нами произведеніе принадлежитъ первоклассному генію, у насъ является стремленіе превзойти самихъ себя, и мыслями, и дѣйствіями возвыситься до этого генія.

II.

Но какъ слѣдуетъ читать, чтобъ производить подобное впечатлѣніе? Одинъ замѣчательный человѣкъ, тонкій артистъ и вмѣстѣ глубокой математикъ, сказалъ мнѣ однажды: «Настоящее чтеніе есть чтеніе, лишненное всякой выразительности. Дайте мнѣ вѣрное понятіе

о текстѣ и предоставьте ужь мнѣ самому оживить его съ помощью собственнаго воображенія. Въ вашихъ стараніяхъ истолковать автора посредствомъ выразительнаго чтенія я вижу только нескромную претензію стать между мною и писателемъ».

Но этотъ афоризмъ, конечно, не что иное, какъ грубый парадоксъ. Читать безъ выраженія еще не значитъ сообщать текстъ въ нетронутомъ видѣ, лишенномъ всякаго одѣянія—это значитъ извращать мысли автора, мѣшать ихъ пониманію, дѣлать чтеніе монотоннымъ и скучнымъ. Къ тому же, здѣсь отъ насъ требуютъ того, что совсѣмъ не въ нашей власти. Усвоивъ себѣ вышеупомянутое парадоксальное правило, лекторъ долженъ насиловать себя, почему и чтеніе его приметъ фальшивый, искусственный характеръ.

Впрочемъ, не слѣдуетъ совершенно пренебрегать сказаннымъ. Поэтъ-математикъ напоминаетъ намъ принципъ, которому мы должны непремѣнно слѣдовать: лекторъ не имѣетъ права отвлекать вниманія слушателей отъ читаемаго произведенія, чтобъ обратить его исключительно на свою особу. Я не знаю даже, имѣетъ ли право и актеръ на сценѣ заставлять публику больше любоваться его собственной личностью, чѣмъ представляемой имъ ролью. Во всякомъ случаѣ, чтець не долженъ искать чисто личныхъ успѣховъ; если изъ чтенія ученики вынесли только восхищеніе талантомъ учителя, онъ, стало быть, не достигъ цѣли. Педагогъ не долженъ читать такъ, какъ свѣтскій человѣкъ, который желаетъ только развлечь и позабавить общество. Великія мысли, прекрасный языкъ должны служить не для одного удовольствія. Участвуя въ той великой жизни духа, которая удѣлъ гениевъ, мы имѣемъ въ виду подняться ими и поднять другихъ на извѣстную высоту. Не слѣдуетъ стремиться къ апплодисментамъ, къ шумнымъ выраженіямъ благодарности: пусть чтець ступаетъ передъ авторомъ и явится только его органомъ; онъ равенъ слушателямъ, и въ его самоотреченіи лежитъ залогъ успѣха.

Но если все это правда, то наша задача затруднительна. Съ одной стороны надо читать выразительно, вложить въ чтеніе нѣчто свое; съ другой стороны надо ступеваться самому, установить прямое общеніе между авторомъ и публикой. Какъ же примирить эти два условія?

Прежде всего желательно, чтобъ чтець чувствовалъ и любилъ то, что онъ читаетъ. Здѣсь мы встрѣчаемся, однако, съ знаменитымъ парадоксомъ Дидро. Актеръ, говоритъ онъ, не долженъ чувствовать, т. е. входить въ роль; онъ долженъ только понимать ее, размышлять о ней и постоянно слѣдить за собою, являться, такъ сказать, холоднымъ и спокойнымъ зрителемъ самого себя. Хорошо, если онъ обладаетъ искусствомъ подражать всему, не волнуясь самъ.

Я не знаю, примѣнима ли эта теорія къ артистамъ, но для насъ, желающихъ развивать души, а не блистать, она положительно невозможна. Мы не имѣемъ права вызывать тѣ чувства, которыхъ не испытываемъ сами. Воспитателю совсѣмъ не слѣдуетъ дѣлать видъ, будто самъ онъ остается чуждъ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя произ-

водить чтеніе. Если ученики замѣтятъ это, ихъ уваженіе и довѣріе къ учителю невольно поколеблется.

Но и въ извѣстномъ «парадоксѣ объ актерѣ» есть нѣчто такое, что надо принять къ свѣдѣнію. Правда, что слѣдуетъ быть естественнымъ, но естественное требуетъ также выбора—природныя, натуральныя движенія многообразны. Прямой и честной натурѣ свойственно выражать свои чувства непосредственно и просто, но и естественное есть результатъ извѣстной борьбы между природой и разумомъ. Психологи единогласно утверждаютъ, что ни одно душевное движеніе не бываетъ чисто автоматическимъ,—всегда въ него входятъ разсудокъ и воля. Можно сказать, какъ это ни странно, что натурѣ чистой не свойственно вполнѣ непосредственное выраженіе чувства, только инстинктъ и страсть непосредственны. Если придавать слову *искренній* болѣе высокое значеніе, то, чтобъ быть искреннимъ, надо установить извѣстную гармонію между своими мыслями и чувствами и тѣмъ идеаломъ добра и красоты, который мы носимъ въ себѣ. Это требуетъ изученія, и потому приходится особенно размыслить надъ выраженіемъ чувствъ сложныхъ и тонкихъ. Недостаточно отождествить себя съ авторомъ, такъ какъ здѣсь надо различать нѣсколько случаевъ. Если я читаю Ламартина, то душой чтенія должна быть, конечно, самая личность поэта, но, читая пьесу Корнеля или Мольера, я долженъ отождествлять себя не съ поэтомъ, а съ дѣйствующими лицами. При чтеніи діалога Кинеаса и Пирра (въ «Первомъ посланіи» Буало) я долженъ стараться скорѣе выразить мысли автора, чѣмъ представить индивидуальность этихъ личностей, такъ какъ онѣ здѣсь только символы, механическія фигуры. Но еще труднѣе опредѣлить, на какую точку зрѣнія долженъ стать лекторъ, если онъ читаетъ какую-нибудь басню Лафонтена, этого страннаго поэта, который, судя по его словамъ, хочетъ посвятить въ людскихъ сердцахъ сѣмена добродѣтели, но идетъ къ этой цѣли очень длинной дорогой, забавляясь всѣмъ, что встрѣчается на пути; для него и жизнь, и природа только предлогъ выказать свое искусство: онъ и живописецъ, и драматическій писатель, и юмористъ.

Но лекторъ не только долженъ чувствовать и выражать свое чувство, но и вдохнуть жизнь въ то, что онъ читаетъ. Какими-же правилами слѣдуетъ ему руководиться, чтобъ имѣть успѣхъ?

Въ нашъ ученый вѣкъ многіе убѣждены, что настоящая миссія лектора воспроизводить въ точности историческую фізіономію лица. Справившись съ документами, мы, пожалуй, можемъ представить съ большою точностью чувства, манеры, тонъ, даже говоръ нашихъ предковъ. Искусный чтець долженъ, говорятъ, переносить слушателя въ прошлое: онъ обязанъ показать мнѣ Химену такую, какою она была въ 1636 г. На такова-ли цѣль чтенія? Нечего ужъ и говорить о томъ, какого громаднаго труда потребуетъ подобное изученіе, и сколько разъ, не смотря на всю эрудицію, читающему придется сознаться въ своемъ безсиліи. Да и трудно будетъ занять аудиторію такими приемами, которые могутъ заинтересовать только настоящаго ученаго. Мнѣ кажется, что Корнель и Мольеръ заслуживаютъ, чтобъ на нихъ смо-

трѣли иначе, чѣмъ на простой продуктъ среды. Великіе люди творять для вѣчности. Они задумываютъ свое произведеніе, устремивъ глаза въ будущее и мечтая объ абсолютномъ совершенствѣ. Неужели ихъ усилія оказались напрасными, и они, какъ первый встрѣчный, живутъ только въ тѣхъ рамкахъ времени, въ которыя было заключено ихъ матеріальное существованіе. Какъ противоположность этому взгляду, мы приведемъ теорію театральныхъ дѣятелей. По ихъ мнѣнію, надо передѣлывать старинныя произведенія на новый ладъ, одѣвать ихъ по современной модѣ, дѣлать ихъ такимъ образомъ интересными для публики и нестѣснительными для исполнителей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ есть свои выгодныя стороны: вспомнимъ, что офранцузенный Шекспиръ очень нравился современникамъ Вольтера. Рассказываютъ, что пьесы того-же Шекспира, переложенныя на японскіе нравы, вызываютъ теперь шумные аплодисменты въ Йеддо. Можно, пожалуй, поддѣрпнуть этотъ тезисъ и философскими доказательствами: если классическое произведеніе принадлежитъ всѣмъ временамъ, то, разумѣется, его герои могутъ принимать всевозможные образы. Но такова точка зрѣнія актера, а воспитатель не можетъ раздѣлять ея. Онъ не можетъ прибѣгать безъ разбора ко всякому средству ради того, чтобъ возбудить интересъ, и самыя замысловатыя рассужденія не убѣдятъ насъ, что мы имѣемъ право превращать Альцеста въ чловѣка XIX столѣтія. Мы ищемъ полной истины и находимъ ее въ томъ двойномъ характерѣ, которымъ отличается всякое великое твореніе: съ одной стороны оно принадлежитъ своему времени, съ другой оно достойно всѣхъ вѣковъ. Его историческій характеръ—та рамка, изъ которой выступаютъ общечеловѣческія черты. Надо выставить на видъ эти оба элемента и дать имъ надлежащую оцѣнку. Тогда въ «homme aux hubans verts» (Альцестъ) мы увидимъ вѣчную борьбу искренней и прямой натуры съ той ложью, которой проникнута общественная жизнь. Такимъ образомъ, сообщивъ слушателямъ и свои чувства, лекторъ покажетъ имъ въ настоящемъ свѣтѣ образы, задуманные писателемъ.

Есть и третій способъ овладѣть вниманіемъ публики: можно обратиться не только къ ея сердцу и уму, но и къ внѣшнимъ чувствамъ, плѣнить ее самой музыкой рѣчи. Не слѣдуетъ забывать, что языкъ прежде всего служилъ для разговора; сначала и писали разговорнымъ языкомъ, а потомъ даже для разговора сталъ употребляться языкъ книжный. Конечно, древніе языки были музыкальнѣе новыхъ и болѣе плѣняли слухъ, но и въ языкахъ современныхъ можно найти то-же свойство. Французскій языкъ особенно гармониченъ, въ чемъ согласны всѣ иностранцы, и не надо пренебрегать этимъ его достоинствомъ. Правда, у него нѣтъ звучности и блеска, мягкости и тонкой граціи итальянскаго языка, въ немъ не слышится рева вѣтра, грома бури и стука оружія, какъ въ языкѣ нѣмецкомъ. Онъ выражаетъ мысли сдержанно, скромно, избѣгаетъ обращаться къ воображенію и къ внѣшнимъ чувствамъ, чтобъ не затемнить ясности пониманія. Но и въ своихъ ограниченныхъ предѣлахъ сколько разнообразія представляетъ намъ языкъ, какіе безконечныя оттѣнки, тонкія и выразительныя указанія!

Французскій языкъ отличается своеобразной музыкой, которая состоитъ въ тонкости размѣра. Мелодія заключена здѣсь въ краткую гамму, но это не дѣлаетъ ее однообразной: стихъ не страдаетъ ни чрезмѣрной краткостью англійскихъ, ни внушительной долгой нѣмецкихъ слоговъ. Одинъ извѣстный нѣмецкій профессоръ сравнивалъ ритмъ нѣмецкихъ стиховъ съ ударами молота по наковальнѣ, а ритмъ французскихъ съ легкимъ колебаніемъ зрѣлой ржи въ полѣ. Одна изъ характеристическихъ чертъ французскаго языка это такъ называемое нѣмое е (*e muet*), которое въ сущности нѣмымъ назваться не можетъ; оно только глухо, и этотъ скрытый звукъ много содѣйствуетъ скромной граціи франц. рѣчи. Вольтеръ, хорошо понимая эту прелесть языка, находилъ, что женскія рифмы звучатъ и послѣ того, какъ слово произнесено, какъ музыкальный инструментъ, звукъ котораго еще не умолкаетъ, хотя пальцы уже перестали касаться клавишъ. Наши писатели сознаютъ, что у нихъ въ рукахъ самый цѣнный музыкальный инструментъ въ мірѣ. Посмотрите на ихъ работу. Составляя фразы, они въ тоже время громко произносятъ ихъ: гармонія словъ служитъ у нихъ аккомпаниментомъ для логическаго порядка мыслей. Къ этимъ общимъ разсужденіямъ надо прибавить нѣсколько техническихъ указаній. Голосовыя данныя играютъ важную роль въ чтеніи: голосъ долженъ раздаваться свободно, быть полнымъ и звучнымъ. Лучше читать стоя или сидя, но откинувшись на спинку стула такъ, чтобъ голосъ звучалъ со всей присущей ему силой, но безъ форсировки. Тембръ его долженъ быть чистъ, богатъ, мягокъ и пріятенъ. Важнѣйшая сторона дикціи, умѣнье управлять дыханіемъ: желательнo, чтобъ чтець дышалъ свободно, достаточно часто, но незамѣтно.

На второмъ планѣ стоитъ *произношеніе*. Не разъ недостатокъ въ произношеніи мѣшалъ успѣху прекрасной рѣчи. Произношеніе говорить намъ о средѣ, въ которой вращается чтець, о воспитаніи имъ полученномъ и располагаетъ въ его пользу или же настраиваетъ противъ него тѣхъ слушателей, которые его не знали раньше. И такъ, надо имѣть правильное и изящное произношеніе. Много значитъ здѣсь артикуляція, такъ какъ согласный звукъ—душа слова, почему и стенографы часто записываютъ однѣ согласныя буквы.

Третье правило—умѣнье рельефно выдѣлить планъ сочиненія, показать соотвѣтствіе его частей. Литературное произведеніе есть своего рода организмъ, гдѣ хоть каждый членъ и живетъ своей отдѣльной жизнью, но все-же зависитъ отъ цѣлаго и подчиненъ ему. Надо показать это подчиненное отношеніе частей и не выдвигать подробностей на первое мѣсто въ ущербъ цѣлому. Нѣкоторые отрывки надо читать однимъ и тѣмъ-же тономъ, чтобъ произвести сильное впечатлѣніе заключительной строфой *).

*) Для насъ это не можетъ служить примѣромъ. Выкрикиваніе съ раскатами, послѣдняго слова свойственно современнымъ французскимъ декламаторамъ, и они, по примѣру Мунэ-Сюлли, черезчуръ злоупотребляютъ этимъ приемомъ.

Примѣч. переводъ.

Послѣднее указаніе касается музыкальности рѣчи. Надо умѣть найти вѣрную интонацію, мѣнять ее умѣренно и естественно, тонъ долженъ быть медленный и спокойный. Ничто не кажется такимъ долгимъ, какъ рѣчь, сказанная слишкомъ быстро. Надо также сохранять ритмъ. Человѣкъ знающій сумѣетъ раздѣлять драматическую сцену на симметрическія части, подняться до самой высшей точки, произнести съ силой рѣшительныя слова, потомъ остановиться и снова спокойно продолжать сцену. Ритмъ—законъ жизни. Примѣненный къ дикціи, онъ захватываетъ и увлекаетъ слушателя, заставляетъ его переживать то, что онъ слышитъ.

Изъ этихъ указаній, и общихъ, и техническихъ, видно, что къ чтенію надо готовиться. Чтеніе экспромтомъ, говоритъ знаменитый актеръ г. Го, похоже на лунный свѣтъ. Этимъ онъ хочетъ сказать, что въ импровизированномъ чтеніи всѣ предметы кажутся слабо освѣщенными, они не выдѣляются рельефно, плана сочиненія не видно. Къ чтенію не только долженъ готовиться самъ чтецъ: ему слѣдуетъ приготовить и слушателей. Сначала лекторъ даетъ имъ необходимыя объясненія, а потомъ ужъ читаетъ безъ перерыва. Постоянныя остановки для комментироваія разрушаютъ очарованіе, мѣшаютъ впечатлѣнію.

Есть признакъ, по которому лекторъ можетъ безошибочно судить объ успѣхѣ чтенія,—это безмолвіе слушателей. Если этого нѣтъ, чтецъ долженъ сознаться, что онъ что-нибудь упустилъ изъ виду, сдѣлалъ какую-нибудь ошибку. Движеніе и шумъ въ публикѣ указываютъ на то, что интересъ не возбужденъ.

Что касается рѣзмы, то здѣсь надо дѣлать различіе между стихами классическими и новѣйшими. Въ классическомъ стихѣ рѣзма—раба и должна повиноваться: тамъ она не выдвигается на первый планъ, но замѣтна потому, что смыслъ заключается въ концѣ стиха. Въ стихахъ новѣйшихъ рѣзма играетъ болѣе значительную роль: здѣсь она все равно, что аккордъ въ мелодіи, но все же не слѣдуетъ слишкомъ подчеркивать ее, чтобъ слушатели, пораженные оригинальной и богатой рѣзмой, не забыли ради нея самого смысла стиха.

Является еще вопросъ объ удареніяхъ, вопросъ важный для чтеца и оратора. Одинъ знаменитый писатель находилъ, что въ каждой хорошо составленной фразѣ совершенство ритмы должно соответствовать совершенству идеи, но эта гармонія—мечта артиста, и часто мысль, сама по себѣ справедливая и ясная, выражается съ помощью невозможной какофоніи. Слишкомъ трудно бываетъ примирить всѣ роды ударенія (тоническое, ритмическое и логическое), и самые талантливые поэты, самые искусные артисты только слегка прикрываютъ эту дисгармонію, но не могутъ уничтожить ее совершенно. Всѣ названные ударенія не могутъ проявляться въ рѣчи съ одинаковой силой, и опытный лекторъ долженъ избобрѣсти компромиссъ.

И такъ, хорошо прочитанные французскіе стихи могутъ быть очень музыкальны, но не слѣдуетъ думать, что ихъ можно приравнять къ настоящей музыкѣ. Композиторъ можетъ положить стихи на музыку, но это не дѣло чтеца, иначе пьеса, какъ бы прекрасна она ни была, много потеряетъ.

Заканчивая лекцію, я спрашиваю себя, не впали-ли мы въ противорѣчіе съ нашими основными принципами. Мы хотѣли, чтобы чтеніе вслухъ устанавливало общеніе между авторомъ и слушателями, а теперь ищемъ способовъ ласкать самый слухъ. Заслуживаетъ-ли слово особаго культа? Фаустъ Гете, прочитавъ извѣстное евангельское изреченіе «Въ началѣ бѣ слово» выражается о немъ такъ: «Нѣтъ, я не могу поставить слово такъ высоко: ему предшествуетъ мысль, мысли предшествуетъ сила, а силѣ дѣйствіе». И мы скажемъ, что слово не заслуживаетъ особой культуры, если въ немъ видятъ только форму идеи, пользуются ею исключительно какъ предлогомъ для красиваго подбора звуковъ*). Это диллетантизмъ, который не заслуживаетъ подражанія. Но тѣмъ не менѣе словомъ нельзя пренебрегать: въ дѣйствительности, форма и содержаніе неразлучны. Мысль несовершенна, пока она не нашла себѣ выраженія, да и для чего думаетъ человѣкъ какъ не для того, чтобы сообщать другимъ свои думы? Прелесть рѣчи и состоитъ въ томъ совершенствѣ, съ какимъ оно выражаетъ невидимое; нельзя не восхищаться этимъ чуднымъ соединеніемъ матеріальнаго съ духовнымъ. Объ этомъ полномъ и живомъ словѣ, единственномъ, которое мы имѣемъ въ виду, Фаустъ могъ бы связать безъ колебанія: «Въ началѣ было слово», потому что, дѣйствительно, подъ своей матеріальной внѣшностью оно заключаетъ въ себѣ умъ, силу и дѣйствіе.

Пер. Н. Леонтьевой.

*) Вспомнимъ здѣсь поэзію декадентовъ.

Прим. переводъ.

Гигиеническая обстановка закрытыхъ учебныхъ заведеній

(преимущественно женскихъ).

III.

Одежда и бѣлье. Храненіе. Стирка бѣлья. Лазаретъ. Постельныя принадлежности. Спѣна бѣлья. Умывальная комната. Забота о водѣ для умыванья. Общее омовеніе и частное. Тѣлесныя упражненія. Мнѣнія Лагранжа и Моссо. Послѣдствія недостаточнаго движенія дѣвушекъ. Пищевое довольствіе.

Одежда въ гардеробной должна быть содержима или открыта, или въ шкафахъ, но просторно развѣшенная. Сырую одежду хорошо было бы на время помѣщать подъ навѣсомъ на свѣжемъ воздухѣ, а затѣмъ высохшую уже отправлять въ гардеробную. О вентилированіи послѣдней слѣдуетъ озаботиться спеціально. При рациональномъ уходѣ за одеждою можно требовать, чтобы она хотя бы разъ въ году была подвергаема дѣйствию высокой температуры въ особыхъ аппаратахъ, помимо того, чтобы чаще выколачивалась и чистилась. Носямая постоянно одежда должна чиститься по крайней мѣрѣ два раза въ день.

Бѣлье слѣдуетъ держать въ шкафахъ, стѣнки которыхъ продырявлены для свободнаго движенія воздуха, а, пожалуй, лучше на открытыхъ со всѣхъ сторонъ полкахъ и расположенныхъ на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Помѣщеніе должно быть сухое, теплое, хорошо провѣтриваемое.

Грязное бѣлье должно быть опускаемо въ слабый растворъ соды на нѣсколько часовъ, затѣмъ идти въ стирку. Стирается оно съ небольшимъ количествомъ мыла, такъ какъ по вынутіи изъ содоваго раствора быстро освобождается отъ грязи и всего посторонняго. Полоскать хорошо въ проточной водѣ, а потомъ подвергать прессованію и выжатое развѣшивать, лѣтомъ, на чистомъ воздухѣ, а зимою въ жаркой сушильнѣ. Въ большомъ интернатѣ слѣдовало бы устроить, конечно, механическую прачешную, гдѣ при помощи машинъ производятся тѣ манипуляціи, которыя обыкновенно совершаются мученицами-прачками. Бѣлье считается опрятнымъ тогда, когда оно вполне сухо и не имѣетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какого-либо запаха.

Конечно, носильное бѣлье слѣдуетъ стирать отдѣльно отъ столоваго, главное же,—отнюдь не смѣшивать его съ бѣльемъ лазаретнымъ, которое должно стираться совершенно отдѣльно или подъ условіемъ

предварительнаго примѣненія прожариванія или дѣйствія опредѣленныхъ дезинфекціонныхъ растворовъ.

Кстати, касательно лазарета слѣдуетъ замѣтить, что отдѣленіе его для общихъ больныхъ можетъ быть устраиваемо по близости и въ связи съ заведеніемъ, но кромѣ общей имѣть особую лѣстницу и особую службу; отдѣленіе же для заразныхъ больныхъ должно отвѣчать всѣмъ требованіямъ изоляціи, т. е. быть устроеннымъ лучше всего въ видѣ отдѣльнаго павильона со всѣми необходимыми принадлежностями и приспособленіями, или же въ крайнемъ случаѣ рядомъ съ общимъ лазаретомъ, но раздѣленнымъ отъ него капитальною стѣною и внѣ всякой съ нимъ связи. Надо сказать, впрочемъ, что устройство лазарета для заразныхъ больныхъ, а равно и для хирургическихъ обходится, при современныхъ требованіяхъ науки, крайне дорого и потому для такихъ больныхъ цѣлесообразнѣе было бы пользоваться услугами хорошихъ специальныхъ лѣчебныхъ учреждений, гдѣ за извѣстную плату можно было бы помѣщать заболѣвшихъ дѣтей съ должнымъ комфортомъ и съ контролируемой заведеніемъ собственной прислугой. Вся техника устройства лазарета допустима не иначе, какъ подъ надзоромъ знающихъ дѣло врачей и инженеровъ.

Тюфяки, какъ въ лазаретѣ, такъ и въ обыкновенныхъ спальняхъ должны быть лѣтомъ предоставляемы непосредственному дѣйствію солнца въ теченіе нѣсколькихъ жаркихъ дней, а лучше прожариваемы 1—2 раза въ годъ въ дезинфекціонномъ аппаратѣ. Тюфяки нижніе могутъ быть мочальные или изъ морской травы, верхніе же тонкіе изъ волоса. Кровати должны быть металлическія съ сѣткой. Желательны и тюфяки металлическіе, пружинные.

Одѣяла шерстяныя, часто должны быть выколачиваемы, разъ въ году стираемы и высушиваемы на солнцѣ втеченіи нѣсколькихъ дней.

Кстати замѣтимъ, что одѣяла должны быть достаточно толсты, хотя бы температура спальни и не шла ниже 14° R. Разсчетъ на самосогрѣваніе дѣтскаго тѣла подъ тонкимъ одѣяломъ не имѣетъ законнаго основанія, тѣмъ болѣе, что при засыпаніи всегда обнаруживается у дѣтей состояніе, близкое къ лихорадочному. Приученіе къ холоду такимъ выгоднымъ для заведенія путемъ всегда отзывается на здоровьѣ дѣтей болѣе или менѣе вреднымъ образомъ.

Обувь зимою кожаная (полусапожки и калоши на байкѣ), лѣтомъ изъ шерстяной или бумажной ткани, съ кожаными подошвами. Для игръ лѣтомъ и въ чetyрехъ стѣнахъ допускаются туфли.

Платье съ высокимъ лифомъ и длинными рукавами, застегиваемыми около кисти руки. Ткань для платья шерстяная, на бумажной подкладкѣ. Корсетъ не допускается. Въ лифѣ можно допустить упругія кости (Дедюлинскія или въ родѣ нихъ).

Лѣтомъ цѣлесообразнѣе платья бумажныя на подкладкѣ изъ льняной ткани (холщевой или полотняной).

Верхняя одежда: зимою длинное и широкое пальто изъ толстой шерстяной матеріи на ватѣ, съ шерстяной же подкладкой; лѣтомъ шерстяная накидка на тонкой бумажной подкладкѣ или безъ нея. Для

игръ на дворѣ въ зимнее время хорошо имѣть особую—достаточно теплую и удобную—короткую одежду.

Шапка лѣтняя можетъ быть соломенная или изъ какой либо матеріи, зимняя же войлочная. Шея и уши должны быть открыты всегда; для непогоды допускаются башлыки, а зимою во время игръ на дворѣ, пожалуй, наушники. Перчатки подходящи для зимы, вязанныя изъ шерсти.

Слабенькимъ, малокровнымъ и золотушнымъ дѣвушкамъ можно дозволить ношеніе прямо на тѣлѣ (въ родѣ кirasы безъ рукавовъ) тонкую шерстяную фуфайку, которую впрочемъ въ 2—3 недѣли разъ надо стирать и смѣнять свѣжею.

Постельное бѣлье, т. е. наволочки и простыни, должно быть все полотняное. Хорошо, если верхняя поверхность тюфяка обтянута тонкой, непроницаемой для влаги и воздуха тканью, а сверху покрыта слоемъ полотна; остальные поверхности тюфяка могутъ быть изъ тика или другой плотной, но только проницаемой для воздуха матеріи. При такихъ условіяхъ, въ случаѣ загрязненія верхней части тюфяка, ее легко отпороть и, промывъ, пришить снова или же замѣнить новымъ слоемъ.

Бѣлье: сорочки изъ бумажной ткани, панталоны изъ льняной, чулки нитяные. Панталоны, равно и чулки держатся на глухомъ лифѣ, такъ что точкою опоры является не талія, а плечи. Зимніе панталоны могутъ быть шерстяные. Юбки—одна или двѣ—лѣтомъ верхняя изъ нихъ бумажная, зимою шерстяная; нижняя юбка всегда полотняная или холщевая.

Во время менструаціи должно стараться избѣгать овлаженія бѣлья, поэтому допускается ношеніе мѣшечковъ съ гигроскопической тканью на непромокаемой подстилкѣ, укрѣпляемой на внутренней части панталонъ. Смѣнять мѣшечки слѣдуетъ по мѣрѣ надобности, удаляя ихъ для немедленнаго сжиганія или выбрасыванія въ помойную яму, подъ условіемъ впрочемъ предварительнаго опусканія на нѣсколько минутъ въ растворъ карболовой кислоты или купороса. Кстати замѣтимъ, что по окончаніи менструаціи всегда необходима теплая ванна или въ крайнемъ случаѣ омовеніе въ банѣ.

Мѣнять бѣлье слѣдуетъ, конечно, по возможности чаще, хотя нельзя не замѣтить, что мѣна эта находится въ тѣсной зависимости отъ содержанія въ чистотѣ тѣла. Предполагая частое омовеніе тѣла, можно допустить мѣну бѣлья 2 раза на недѣлѣ, кромѣ чулокъ, требующихъ иногда трехъ смѣнъ. Постельное бѣлье мѣняется разъ въ недѣлю, кромѣ наволочки верхней подушки, мѣняемой 2 раза.

Вообще, по отношенію къ соблюденію чистоты тѣла дѣвушкамъ не мѣшало-бы, за неимѣніемъ у насъ выработаннаго по этой части регулятива, руководствоваться правилами и обычаями англійскихъ мужскихъ интернатовъ, опубликованными нами въ декабрьской книжкѣ 1894 г. «Вѣстника общественной гигиены» въ статьѣ «Школьный отдѣлъ Гигіенической Выставки». Прибавить можно только то, что дѣвушкамъ въ нашемъ климатѣ слѣдовало-бы болѣе приучать къ холоду и потому холодные души (градусовъ въ 18—20 по Реомюру) и умыванье хо-

лодной водой были-бы вполне для нихъ подходящими. Конечно, холодная вода переносится тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе дѣтей приучаютъ къ пребыванію на холоду, особенно къ движенію, къ играмъ на чистомъ воздухѣ во всякую погоду.

Обратимъ встать вниманіе на ту небрежность, съ какой относятся обыкновенно къ содержанію резервуаровъ для воды и для спуска и держанія грязной воды въ учебныхъ заведеніяхъ. Хорошо имѣть для умыванія лица, рукъ и шеи глиняныя или фарфоровыя, подвижныя на поперечной оси и вращающіяся такъ, чтобы можно было ихъ мыть и вытирать со всѣхъ сторонъ. Подъ каждой чашкой спускаемая вода должна идти по трубкѣ въ общій жолобъ, по которому вся вода должна стекать въ одинъ резервуаръ, удобный къ содержанію въ чистотѣ и смѣняемый по мѣрѣ наполненія. Воду грязную можно впрочемъ спускать въ особыя раковины и по отводнымъ трубамъ внѣ помѣщеній, но тогда приходится принимать мѣры къ обезвреживанію и обезвониванію, хотя-бы и по временамъ, этихъ трубъ и раковинъ.

Въ интернатѣ надо держать и особые тазы для мытья ногъ, которыми дѣвушки могутъ пользоваться по желанію, не рѣже впрочемъ одного раза въ недѣлю. Изъ мѣстныхъ омовеній важны омовенія шеи и груди по поясъ, практикуемые ежедневно утромъ; что-же касается омовенія половыхъ частей, то, какъ специальное, оно нежелательно въ педагогическихъ цѣляхъ, и потому, если настощь въ немъ нужда, слѣдуетъ дѣлать общую ванну, при принятіи которой предлагается между прочимъ мимоходомъ омовеніе и половыхъ частей. Температура ванны не должна превышать 25—27° R.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что у нѣкоторыхъ дѣвушекъ бываетъ значительное отдѣленіе пота особенно подъ мышками, сопровождаемое иногда еще и противнымъ запахомъ. За подобными дѣвушками надо наблюдать особо, требовать отъ нихъ, чтобы утромъ и вечеромъ, а то и нѣсколько разъ въ день, онѣ подмывались теплою водой, въ крайнемъ-же случаѣ употребляли присыпку съ салициловой кислотой или бурой, и даже подкладывали подъ мышки салициловую или гигроскопическую вату. Не мѣшаетъ и къ платью подъ мышками прикрѣплять тонкую клеенку или кусокъ иной непромокаемой матеріи.

Омовеніе отдѣльныхъ частей тѣла производится въ помѣщеніяхъ при спальняхъ, общія-же омыванія или обливанія въ такъ-называемой банѣ. Въ этой послѣдней должны быть устроены души и ванны. Изъ мебели достаточно имѣть скамьи. Въ полѣ нѣтъ никакой нужды, да и вообще въ банѣ слѣдуетъ избѣгать распариванія тѣла и очень значительнаго жара. Послѣ омовенія въ заключеніе обязательно требуется холодный душъ или окачиваніе холодной водой.

Въ излюбленной русскими жаркой банѣ не представляется никакой необходимости. Во-первыхъ, частое обливаніе тѣла теплою или холодною водою сохраняетъ его чистымъ на болѣе или менѣе долгое время, а, во-вторыхъ, и для болѣе тщательнаго очищенія кожи отъ обычныхъ наслоеній пыли и грязи достаточно, стоя подъ душемъ, сначала хорошенько омылить все тѣло и затѣмъ пускать въ нѣсколько пріемовъ хорошую струю воды до удаленія всякихъ слѣдовъ мыла

(мало по малу понижая температуру воды). Если къ этому имѣть въ виду частую мѣну носильнаго бѣлья и часто-практикуемая мѣстная омовенія частей тѣла, то понятно, что тѣло дѣтей будетъ содержимо въ образцовой чистотѣ и, конечно, не будетъ нуждаться въ полкѣ, парильнѣ и тому подобныхъ отживающихъ свой вѣкъ первобытныхъ способахъ омовенія.

Вслѣдъ за разсмотрѣніемъ вопроса о доброкачественности воздуха, какимъ должны пользоваться дѣвушки, и о мѣрахъ къ соблюденію ими чистоты и опрятности тѣла перейдемъ къ вопросу о движеніяхъ, о тѣлесныхъ упражненіяхъ женщинъ.

Тѣлесныя упражненія дѣвушекъ должны преслѣдовать двоякую цѣль: гигиеническую и эстетическую, поэтому упражненія эти должны содѣйствовать, какъ гармоніи строенія и отправленій женскаго тѣла, такъ и развитію тѣхъ частей его и органовъ, которые составляютъ специальную особенность женской природы.

Извѣстный французскій ученый Ф. Лагранжъ говоритъ, что женщина не создана для мышечнаго труда, и потому въ гимнастикѣ дѣвушекъ онъ считаетъ совершенно излишними всѣ упражненія, содѣйствующія только развитію мышцъ. Упражненія эти, по его мнѣнію, не отвѣчаютъ ни строенію женскаго тѣла, ни физическимъ способностямъ женщины. Они повлекли-бы за собою неправильное развитіе тѣла и исказили-бы красоту его формъ.

Анатомія и эстетика указываютъ на широкія бедра и широкій тазъ, какъ на идеаль женскихъ формъ. Какъ мѣсто опоры, такъ и наибольшая сила мышцъ сосредоточиваются на тазѣ и около таза, т. е. на тѣхъ частяхъ, которымъ отъ самой природы свойственно увеличиваться въ объемѣ. Лагранжъ говоритъ: «ходьба (прибавимъ: и умѣренный бѣгъ), танцы, прыганье черезъ веревку, игра въ воланъ и въ «грацію» совершенно достаточны для дѣвушки, съ тѣмъ конечно непремѣннымъ условіемъ, чтобы имъ посвящаемо было достаточно времени».

«Заставлять дѣвушекъ упражняться на трапеціи, на параллельныхъ брусьяхъ, на кольцахъ ни съ чѣмъ несообразно. Это значило бы дать имъ еще больше горбиться и стягивать плечи, тогда какъ и безъ того имъ приходится искривляться при шитьѣ, письмѣ, игрѣ на фортепіано!»

Изо всѣхъ искусственныхъ упражненій болѣе всего къ женщинамъ подходит фехтованіе, но фехтованіе при помощи и правой, и лѣвой руки, во избѣжаніе неравномѣрности развитія одной стороны въ ущербъ другой. Главная работа фехтующаго падаетъ на долю тазовыхъ мышцъ, мышцъ разгибающихъ бедро; для женщины-же, какъ сказано, важнѣе всего именно развитіе тазовой области «фехтованіе есть единственное искусственное упражненіе, пригодное для женщины; къ тому-же, вслѣдствіе прирожденной ловкости и тонины пальцевъ женщина гораздо способнѣе къ этому искусству, нежели мужчина». Lawn-tennis весьма хорошъ для женщинъ, тѣмъ болѣе, что игра эта ведется на чистомъ воздухѣ. Въ періодъ юности вполне цѣлесообразна верховая ѣзда, за выключеніемъ лишь дней менструаціи. Въ годы отрочества

для дѣвочек хороши тѣ-же игры, что и для мальчиковъ: бѣгъ въ перегонку, игра въ серсо и въ мячъ; для дѣвочекъ подростковъ—игра въ волакъ, прыганье черезъ веревку и особенно танцы. Танцы должны быть конечно не бальные, а простые, танцы «для танца» какъ для хорошаго мышечнаго упражненія. Танцовать лучше всего было-бы на чистомъ воздухѣ, какъ это было встарь, да и теперь еще наблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Бискайи, Каталоніи).

Наконѣцъ, подходящи для женщины упражненія эквилибристическія, это—ношеніе небольшихъ тяжестей на головѣ. Во французской Каталоніи дѣвушки, играя, бѣгаютъ въ перегонку, удерживая на головѣ легкій кувшинъ съ водою. Женщины эти отличаются замѣчательнымъ изяществомъ таліи.

Проф. Моссо говоритъ, что для женщинъ должно заботиться о развитіи не столько силы, сколько граціи и ловкости. Еще одно цѣнное замѣчаніе его состоитъ въ томъ, что дыхательныя и брюшныя мышцы для женщины несравненно важнѣе, нежели для мужчины. Бываютъ минуты въ жизни ея такія, когда вслѣдствіе слабости сокращенія этихъ мышцъ не только дѣлается страданіе, но и грозитъ опасность ея жизни. Для упражненія и развитія мышцъ дыханія лучшее средство представляютъ напряженныя движенія нижнихъ конечностей, для упражненія-же мышцъ живота хорошо, лежа на полу и укрѣпившись ногами, подыматься, чтобъ сѣсть, и медленно снова опускаться. Словомъ, на гимнастику дыхательныхъ и брюшныхъ мышцъ у дѣвушекъ должно обращать особенное вниманіе.

Помимо вышеупомянутыхъ чисто-спеціальныхъ для женскаго пола упражненій, можно допустить не мало тѣлесныхъ упражненій гигиеническаго характера, общимъ имъ съ мальчиками. Таковы: упражненія въ плаваніи, катаньѣ съ горъ и на конькахъ, и даже въ извѣстной мѣрѣ гребля. Особенно цѣлесообразны для женскаго пола бѣгъ или менѣе отдаленныя прогулки, экскурсіи во всякое время года для ознакомленія съ природой, съ зоологическими и ботаническими садами, съ нѣкоторыми фабричными и промышленными учрежденіями, съ различными выставками, съ картинными галлереями, съ научными музеями и т. п., имѣя при этомъ въ виду, чтобы параллельно съ цѣлями образовательными достигались и цѣли гигиеническія.

Конечною цѣлью всякаго рода тѣлесныхъ упражненій и пребыванія на чистомъ воздухѣ всегда, само собою, будетъ служить укрѣпленіе организма дѣвушки, т. е. сообщеніе ему способности невозможнаго болѣе приспособляться къ рѣзкимъ вліяніямъ температуры и влаги окружающаго воздуха, а главное, противодействовать всякаго рода заболѣваніямъ и успѣшнѣе бороться съ недугомъ, если такой одолѣветъ, не смотря на всѣ предупреждающія средства и мѣры.

Несчастіе нашихъ дѣвушекъ—вѣковѣчная привычка къ сидѣнью въ четырехъ стѣнахъ. Потворствуютъ этому и родители, и сама школьная администрація. Предпочтеніе занятіямъ сидячимъ и безгласнымъ предъ подвижными и шумными замѣчается во всѣхъ, въ особенности же въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ordnung und Zucht служитъ

девиномъ благоустроеннаго пансіона. Всѣ признаки юной, радостной жизни по возможности подавляются въ дѣвушкахъ и культивируется типъ существъ, задерживаемыхъ въ ростѣ и развитіи, за исключеніемъ, пожалуй, тѣхъ тканей и органовъ, къ которымъ прилагается особое вниманіе. Отъ недостатка движенія у дѣвушекъ обнаруживаются явленія общаго замедленія вещественнаго обмѣна въ тѣлѣ, явленія застоя и накопленія бесполезныхъ для организма веществъ. Пищевареніе совершается плохо, дыханіе и кровообращеніе нарушаются, мышцы и нервы слабѣютъ и становятся болѣзненно-чувствительными. Всѣ ткани какъ бы пропитываются влагою; кожа, губы, вѣки блѣднѣютъ; тѣло становится пухлымъ, вялымъ, дряблымъ; ощущенія тупѣютъ, и живой обмѣнъ ощущеній и впечатлѣній между организмозомъ и окружающей средой, т. е. жизнедѣятельность организма нарушается. Чтобы противодѣйствовать описанному замедленію обмѣна веществъ въ тѣлѣ, чтобы возстановить нарушенную дѣятельность тканей и органовъ, требуется долговременное, постепенное отученіе отъ дѣйствующаго жизненнаго режима и приученіе къ правиламъ и порядкамъ, отвѣчающимъ природѣ юнаго существа. Болѣе или менѣе усиленныя, часто повторяемыя, увлекательныя движенія служатъ первою, настоятельною потребностью его жизни. Подвижность является выраженіемъ ненарушимости всѣхъ отправленій тѣла, тогда какъ неподвижность всегда служитъ указателемъ того или другаго нарушенія, недостатка, порока въ тѣлѣ. Родители и школьные администраторы смотрятъ съ удовольствіемъ на пухлыя, нѣжныя, слабенькія жертвы ихъ педагогическаго ухода, тогда какъ слѣдовало бы плакать и изыскивать средства къ оздоровленію этихъ несчастныхъ полуживыхъ существъ.

Только-что описанному неумѣлому попеченію о дѣвушкахъ-интернатахъ отвѣчаетъ и нераціональное пищевое довольствіе интернатовъ. Недостаточное количество мяса, яицъ и жира, и обильное количество крахмалистыхъ и сахаристыхъ веществъ, равно и неумѣренное пользованіе водою составляютъ характерную особенность, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ интернатовъ. И печально то, что такая пища не только одобряется незнакомою съ фізіологіею и гігіеною питанія школьною администраціею, но и оказывается вполне подходящею къ извращеннымъ вкусамъ самихъ дѣвушекъ. Существу, прозябающему въ условіяхъ затворнической жизни, бываетъ обыкновенно не подъ силу переваривать мясную и жирную, питательную пищу; ему нравятся вещества мучнистыя, сахаристыя, клейвыя съ примѣсью рѣзкихъ вкусовыхъ веществъ. Чтобы приучить такое существо къ нормальной смѣшанной пищѣ, недостаточно составить новое мѣню обѣдовъ и завтраковъ, но надо дѣйствующій санитарный режимъ измѣнить на болѣе рациональный, который отвѣчалъ бы природѣ дѣвушки; который способенъ былъ бы установить въ ея тѣлѣ энергичный обмѣнъ веществъ и тѣмъ вызвалъ бы въ немъ потребность и силы къ здоровому перевариванію и усвоенію питательной пищи.

Въ условіяхъ нормальной санитарной обстановки дѣвушка требуетъ собственно той же по качеству и по количеству пищи, какъ и мальчикъ, за исключеніемъ развѣ нѣкотораго перевѣса въ сторону

углеводовъ (крахмала и сахара) и жировъ, да и то, когда дѣвушка съ дѣтства привыкла къ болѣе или менѣе роскошному, изысканному образу жизни. Въ правильно-ведомомъ учебномъ заведеніи не слѣдуетъ, впрочемъ, руководствоваться ни чѣмъ инымъ, кромѣ указанной разумной гигиены, и потому, если не съ разу, то во всякомъ случаѣ постепенно должно приучать дѣвушекъ къ подходящей здоровой пищѣ.

Мясо, рыба, яйца, молочные продукты должны служить основною питанія. Жиры, въ видѣ коровьяго масла или иного жироваго средства, обязательны въ пищѣ и въ количествѣ, даже превышающемъ норму, но отнюдь не уступающемъ ей. Обычай въ нѣкоторыхъ семьяхъ въ Финляндіи ѣсть, напр., хлѣбъ съ масломъ заслуживалъ бы справедливо подражанія въ столѣ женскаго интерната. Вообще пользованіе коровьимъ масломъ á discrétion слѣдовало бы считать мѣрою вполне пѣлесообразною для дѣвушекъ. Осторожнѣе можно было бы относиться, пожалуй, къ жирнымъ печеньямъ, да и то собственно, когда печенья эти слишкомъ сложнаго состава и недостаточно прожарены. Для третьяго блюда, вводимаго въ пополненіе къ двумъ существеннымъ кушаньямъ (супу и мясу) обѣда, достаточно было бы легкихъ пищевыхъ средствъ крахмалистыхъ и сахаристыхъ съ минимальной дозой жира или совсѣмъ безъ него. Для послѣдняго блюда можно было бы даже просто ограничиваться фруктами свѣжими или просто приготовленными на сахарѣ. По отношенію, впрочемъ, къ сладкому не мѣшало бы довольствоваться меньшими количествами всякихъ лакомствъ, въ особенности же конфектъ, монпасе, леденцовъ, приготовляемыхъ, къ тому же, на виннокаменной, если не на сѣрной кислотѣ, и съ примѣсью разныхъ вредныхъ душистыхъ спецій (сивушнаго масла, нитробензола, различныхъ эфировъ и т. п.). При сидячей жизни въ четырехъ стѣнахъ безъ того уже имѣется наклонность къ замедленному обмѣну веществъ въ тѣлѣ, къ тяжелому пищеваренію, вслѣдствіе чего у ребенка образуется много продуктовъ неполнаго сгаранія, много кислотъ; если же въ пищу попадетъ много углеводовъ (крахмала и сахара), то развитіе кислотности увеличивается еще болѣе, что влечетъ къ обильному употребленію воды и къ своего рода физиологическому голоденію. Все это объясняетъ тотъ фактъ, что въ женскихъ интернатахъ нерѣдко потребляется поразительное количество мѣла, известки, грифеля, угля; словомъ—веществъ, нейтрализующихъ кислоты и поглощающихъ газы. По количеству выпиваемой дѣвушками воды и потребляемыхъ минеральныхъ веществъ можно было бы, пожалуй, судить о степени недоброкачества питанія и содержанія дѣтей, между тѣмъ какъ г.г. педагогами эти санитарныя безобразія приписываются шалостямъ и дурнымъ привычкамъ избалованныхъ дѣвушекъ.

Что касается воды для питья, то она всегда должна быть кипяченая и затѣмъ охлажденная, и сохраняемая въ фарфоровыхъ, глиняныхъ или эмалированныхъ сосудахъ. Для питья допускается и квасъ, хорошо выбродившійся и изъ хорошаго—само собою—матеріала.

Количество и качество пищи опредѣляются тѣлосложеніемъ и жизне-

дѣятельностью организма, и потому они должны отвѣчать возрасту, вѣсу, работѣ мышцъ и нервовъ человѣка. Практически крайне трудно было бы выполнить всѣ эти требованія физиологій питанія, тѣмъ же менѣе желательно было бы распредѣлять по отношенію какъ къ количеству и качеству пищи, такъ и къ срокамъ ѣды, всѣ возрасты по крайней мѣрѣ на двѣ, если не на три категоріи.

Во первыхъ, до 15 лѣтъ включительно, слѣдуетъ допускать ѣду пять разъ, а съ 16 лѣтъ четыре раза въ сутки; во вторыхъ, въ пищу младшихъ дѣвушекъ сравнительно болѣе приходится вводить молока, яицъ, пшеничной муки и сахаристыхъ веществъ, въ пищу же старшихъ болѣе мяса, жира, крупъ, бобовыхъ веществъ и хлѣба.

Цѣлесообразнѣе и практичнѣе готовить ѣду на среднюю воспитанницу, предоставляя каждой дѣвушкѣ ѣсть волю и наблюдая, не имѣется ли какихъ-либо ненормальныхъ проявленій во вкусахъ и степени аппетита у той или другой изъ нихъ въ виду принятія мѣръ къ устраненію ненормальностей. Такимъ путемъ лучше всего выяснить и отношеніе къ ѣдѣ дѣвушекъ, и тѣ условія, которыя располагаютъ ихъ къ предпочтенію тѣхъ или другихъ пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ.

На одну среднюю воспитанницу (принимая дѣтей въ возрастѣ 9—18 л.) хорошо было бы назначить въ сутки 400 грм. (около 1 фунта) мяса (считая съ костями, продажнаго) и блага хлѣба, 200 грм. (около полфунта) ржаного хлѣба *), 250 грм. (58,5 золотн.) молока, по 30 грм. (около 7 золотн.) яицъ, по 50 грм. (около 12 золотн.) масла или жиру **) и пшеничной муки для приправъ, 100 грм. (около ¼ ф.) картофеля и 180 грм. (около 42 золотн.) овощей. Если свести пищу на химическія составныя части, то она должна содержать 125,5 грм. бѣлковъ (изъ нихъ 75 грм. бѣлковъ животныхъ и 50,5 растительныхъ); 82,8 жировъ (въ числѣ нихъ 78,8 жировъ животнаго и 4,0 растительнаго происхожденія) и 370 грм. углеводовъ (12 грм. животнаго и 358 растительнаго происхожденія).

Въ бѣдномъ средствами интернатѣ пришлось бы допустить на одну воспитанницу 300 грм. (около ¾ фунта) мяса, 400 грм. ржаного и 200 грм. блага хлѣба, 100 грм. молока, 15 грм. яицъ, 35 грм. масла и жира, 100 грм. пшеничной муки для приправъ и по 180 грм. картофеля и овощей. Выраженная въ химическихъ элементахъ пища такая будетъ содержать 103 грм. бѣлковъ (52 животныхъ и 51 растительныхъ бѣлковъ), 56,5 грам. жира (52,0 животныхъ и 4,5 растительныхъ) и 368 грам. углеводовъ (4,8 грам. углеводовъ животнаго и 363,2 грам. растительнаго происхожденія).

И тотъ, и другой пищевой режимъ рассчитанъ на дѣтей, ведущихъ болѣе или менѣе правильный въ гигиеническомъ отношеніи образъ

*) Лучше было бы совсѣмъ не давать ржаного хлѣба, а вмѣсто полуфунта этого хлѣба прибавить къ 1 фунту пшеничнаго еще 135 грм. (около ½ русскаго фунта), т. е. назначать 1½ фунта блага хлѣба.

**) Еслибы дѣвушкамъ давали масла. сколько онѣ хотять, то въ силу этого уменьшалась бы у нихъ потребность въ мучнистыхъ веществахъ, и тогда можно было бы трату на маслѣ покрыть долею суммы, идущей на бѣлый и ржаной хлѣбъ.

жизни, т. е. на дѣтей, проводящихъ достаточно времени въ движеніи на свѣжемъ воздухѣ и отличающихся удовлетворительнымъ тѣлосложеніемъ и здоровьемъ. Наоборотъ, при противоположныхъ условіяхъ жизни и здоровья дѣтей пища, только что упомянутая, можетъ показаться тяжелой и неудобоваримой, и потребуетъ извѣстныхъ сокращеній и видоизмѣненій, въ особенности же на мясѣ и на хлѣбѣ. Во всякомъ же случаѣ, дѣвушки въ санитарномъ отношеніи должны быть ведены такъ, чтобы тѣлесныя силы ихъ росли и развивались правильно, а тогда, конечно, и питаніе ихъ повысится и пищеварительныя органы станутъ переносить тѣ количества, какія мы выставили какъ нормальныя.

Д-ръ А. Виреніусъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Александръ Введенскій. О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. Москва. 1894 г. 76 стр. Цѣна 50 коп.

Это сочиненіе профессора С.-Петербургскаго университета А. И. Введенскаго первоначально было напечатано въ журналѣ «Вопросы Философіи и Психологіи» за 1893—94 гг. Теперь оно только что поступило въ продажу отдѣльною книжкой,—и, безъ сомнѣнія, привлечетъ къ себѣ вниманіе многихъ читателей,

Вопросъ объ отношеніяхъ вѣры къ разсудку нигде не переставалъ быть однимъ изъ животрепещущихъ. Два года тому назадъ онъ горячо обсуждался и въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, гдѣ г. Каленовъ читалъ свой рефератъ о вѣрѣ и знаніи («Вѣра и знаніе», см. «Вопр. Фил. и Псих.», кн. 18). Этотъ-то именно рефератъ, какъ выражающій собою одинъ изъ самыхъ обычныхъ воззрѣній, и послужилъ исходной точкой для настоящаго сочиненія профессора Введенскаго.

Г. Каленовъ насчитываетъ три главныхъ формы вѣры—*наивную, слѣпую и сознательную*, при чемъ вѣру наивную и слѣпую онъ считаетъ явленіями нежелательными: вѣдъ наивно вѣрять не только въ Христа и Его ученіе, а неизмѣримо чаще—въ выходцевъ съ того свѣта, въ вѣдмъ, въ колдовство, въ напусканіе разнаго рода повѣтрій и т. п.; наивная-же вѣра въ Христа, хотя и бываетъ, какъ и все наивное, не отличается прочностью; что-же касается до слѣпой вѣры, то она порождаетъ всевозможные виды изувѣрства и фанатизма—самосожиганіе, самоизуродованіе, инквизицію, преслѣдованіе науки и проч. Изъ всего этого видно, что вопросъ о разницѣ формъ вѣры имѣетъ большое практическое значеніе. Чѣмъ-же отличается наивная и слѣпая вѣра отъ вѣры *сознательной*?

По опредѣленію г. Каленова, вѣра бываетъ наивной, когда въ человѣкѣ не пробудилось еще сомнѣніе, т. е. дѣятельность разсудка, вооруженнаго логикой. Такова, напр., вѣра ребенка въ сказочный міръ, вѣра простолудина въ привидѣнія и вѣра древняго грека въ своихъ боговъ. Но разъ только въ человѣкѣ пробудилось сомнѣніе, его вѣра уже не можетъ быть наивной: она будетъ или сознательной, или слѣпой. Чѣмъ-же отличаются другъ отъ друга эти два послѣднихъ вида вѣры? По словамъ г. Каленова, «*слѣпо вѣрять*» человѣкъ, *насмѣшленно заглупшающій* подъ влияніемъ сильнаго чувства, голось сепитическаго разсудка, вытѣсняющій его изъ сознанія, исключительно

занятаго чувствомъ». «А подь *сознательной вѣрой*, — говоритъ онъ, — я разумѣю признаніе чего-либо за истину уже не при полномъ молчаніи разсудка, какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ (вѣры наивной и слѣпой), но *наперекоръ* его протесту». Такимъ образомъ, по опредѣленію г. Каленова, вся разница между слѣпой и сознательной вѣрой сводится къ тому, что въ одномъ случаѣ я *насилъственно* заглушаю голосъ разсудка, а въ другомъ—дѣйствую *наперекоръ* его протесту. «Да развѣ это психологически не одно и то-же?—спрашиваетъ по этому поводу проф. Введенскій, — вѣдь дѣйствовать наперекоръ разсудку можно не иначе, какъ заглушая его голосъ... Правда, г. Каленовъ, говоря о слѣпой вѣрѣ, упоминаетъ, что при ней протесты разсудка заглушаются подь вліяніемъ *сильнаго чувства*, столь сильнаго, что только оно одно и занимаетъ все сознаніе, а голосъ разсудка окончательно заглушенъ — происходитъ «полное» молчаніе разсудка. И вотъ можно-бы попытаться именно въ этомъ и усмотрѣть разницу между слѣпой и сознательной вѣрой. Но это ни къ чему не приведетъ: всякое дѣйствіе, въ томъ числѣ и всякое признаніе какихъ-либо положеній «наперекоръ» разсудку, совершается нами не иначе, какъ подь вліяніемъ достаточно сильнаго чувства, которое иногда можетъ такъ усиливаться, что заполнить все сознаніе и вызоветъ «полное» молчаніе разсудка. Такимъ образомъ, разсматривая дѣло и съ этой точки зрѣнія, мы или совсѣмъ не найдемъ разницы между слѣпой и сознательной вѣрой, или-же она будетъ чисто количественной, а не качественной: такъ что въ сущности будетъ опять не три, а только двѣ формы вѣры: наивная и слѣпая» (6—7 стр.).

Выводы отсюда получаются крайне печальные. Если наивная вѣра (какъ напр., вѣра въ колдовство) иногда бываетъ прямо вредной и во всякомъ случаѣ (какъ, напр., даже и наивная вѣра во Христа) не отличается прочностью, то она, вообще, — явленіе нежелательное. Слѣпая-же вѣра, кромѣ того, и опасна. Слѣдовательно, если существуютъ всего только двѣ формы вѣры, наивная и слѣпая, съ ея различными степенями, то въ *общемъ итогѣ* вѣра составляетъ нѣчто въ высшей степени прискорбное. «И всякій философъ,—естественно заключаетъ отсюда проф. Введенскій,—всякій, кто хоть сколько-нибудь дорожитъ культурнымъ развитіемъ человѣчества въ правѣ (если не обязанъ) всячески разрушать ее: въ *общемъ итогѣ* отъ этого получитъ неизмѣримо больше пользы, чѣмъ вреда» (8 стр.)

Но, къ счастью, совсѣмъ не слѣдуетъ думать, будто въ самомъ дѣлѣ нѣтъ такой вѣры, которая не была бы нежелательной и въ то-же время была-бы прочной. Такъ можно думать только съ точки зрѣнія, подобной г. Каленова, который, являясь типичнымъ рационалистомъ, никакъ не можетъ допустить, чтобы разумъ или разсудокъ призналъ нѣкоторые объекты абсолютно-недосугупными для него, т. е. такими, что и факты и логика даютъ (и всегда будутъ давать, возможность высказывать относительно ихъ съ одинаковымъ правомъ прямо противорѣчія другъ другу положенія. По взглядамъ рационалистовъ, содержаніе вѣры должно быть или абсурдомъ, или-же всего только нездорѣвшимъ знаніемъ, т. е. такимъ положеніемъ, рационализированіе котораго еще не удалось, но *можетъ* или, по крайней мѣрѣ, *могло-бы* удался при безконечномъ ростѣ знанія. Отсюда понятно, что если рационалистъ и наблюдаетъ въ себѣ вѣру, какъ такое состояніе, которое не совпадаетъ ни съ какой степенью знанія (ни съ мнѣніемъ, ни съ догадкой),

то ему ничего не остается, какъ признать абсурдность содержанія вѣры. Такъ именно и разсуждаетъ г. Каленовъ.

Но такъ какъ для насъ совсѣмъ нѣтъ никакой необходимости быть рационалистами, и такъ какъ, по взглядамъ проф. Введенскаго, основныя положенія рационализма являются даже прямо должными, то мы и должны поискать еще какого-нибудь другого рѣшенія вопроса о вѣрѣ, чѣмъ только-что указанный отвѣтъ г. Каленова.

Для рѣшенія вопроса о вѣрѣ и ея отношеніяхъ къ знанію проф. Введенскій прежде всего приглашаетъ насъ стать на точку зрѣнія Канта.

По ученію Канта, всеобщее и необходимое значеніе могутъ имѣть только такія идеи, содержаніемъ которыхъ будетъ служить одна изъ неизбѣжныхъ формъ нашего сознанія. Говоря иначе: мы можемъ утверждать всеобщее и необходимое значеніе только за такими положеніями, которыя выражаютъ собою одно изъ условій нашего сознанія. Такія положенія, или идеи, Кантъ называлъ *априорными*. И такъ какъ эти идеи выражаютъ собою законы нашего *сознанія*, то мы, очевидно, не можемъ ничего *сознавать* помимо этихъ идей, и поэтому-то все сознаваемое нами непременно имъ подчиняется. Такъ, напр., для нашего сознанія оказывается совершенно невозможнымъ представить себѣ какой-нибудь внѣшній объектъ безпространственнымъ. Поэтому идея пространства признается априорной, и поэтому же является необходимостью утверждать, что всякій предметъ внѣшняго опыта непременно долженъ быть пространственнымъ: иначе мы не могли бы сознать его.

Итакъ, съ точки зрѣнія Канта, мы обладаемъ несомнѣннымъ знаніемъ въ предѣлахъ того опыта, который подлежитъ нашему сознанію, или, говоря иначе, на который распространяется значеніе априорныхъ идей. Но за предѣлами, доступными нашему сознанію, мы безсильны. Вѣдь достовѣрность нашего знанія обусловливается существованіемъ априорныхъ идей, но, очевидно, нѣтъ никакой необходимости, чтобы значеніе априорныхъ идей обязательно сохранялось и за предѣлами возможнаго опыта, т. е. за предѣлами сферы такихъ вещей, которыя могли бы стать предметомъ нашего сознанія. О томъ, что недоступно нашему сознанію, мы ничего не можемъ утверждать достовѣрно. Этотъ непознаваемый міръ Кантъ называетъ «вещами въ себѣ». И объ этихъ «вещахъ въ себѣ» мы не можемъ достовѣрно утверждать ничего,—даже и того, существуютъ ли онѣ. Къ такимъ «вещамъ въ себѣ» относятся всѣ предметы вѣры: Богъ, загробная жизнь, свобода воли и проч..

Такимъ образомъ, Кантъ открылъ, что послѣ того какъ пробудилась критическая дѣятельность разсудка, уже *самая вѣра въ знаніе обязываетъ насъ признать, что есть область* (именно область всего того, что лежитъ за предѣлами возможнаго опыта), *недоступная достовѣрному знанію и предоставляемая* (самимъ же критическимъ разсудкомъ) *такой вѣрѣ, положенія которой не могутъ встрѣтить никакихъ протестовъ со стороны разсудка.*

«Конечно,—замѣчаетъ проф. Введенскій,—не всегда подобная вѣра, критическая разсмотрѣнная и добровольно допускаемая разсудкомъ, будетъ заслуживать имени сознательной: въ числѣ возможныхъ (т. е. допустимыхъ разсудкомъ безъ всякаго протеста) догматовъ этой вѣры найдется не мало и такихъ, признаніе которыхъ будетъ вещью бессмысленной, суетной. Но...

если найдутся какіе либо высокіе и важныя мотивы, вынуждающіе насъ къ признанію тѣхъ или другихъ догматовъ подобной вѣры, то обусловленная ими вѣра и можетъ быть названа, въ отличіе отъ вѣры суетной, вѣрой сознательной; и если эти мотивы будутъ столь глубоко корениться въ природѣ человѣка, что они являются какъ бы неотдѣлимыми отъ нея, то признаніе вызванныхъ ими догматовъ будетъ по своей прочности мало чѣмъ отличаться отъ признанія положеній науки» (29 стр.).

Такими «вѣскими и важными мотивами», вынуждающими насъ къ признанію догматовъ вѣры, по мнѣнію проф. Введенскаго, являются требованія нравственнаго долга. «Кто признаетъ, что обязательность нравственнаго долга не составляетъ бессмыслицы, тотъ долженъ вѣровать въ Бога и бессмертіе» (55 стр.).

Разъясняя эту мысль, авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что нравственный законъ требуетъ отъ человѣка любви къ другимъ людямъ, требуетъ, чтобы онъ служилъ ихъ счастью; въ этомъ, по смыслу нравственнаго закона, и состоитъ назначеніе человѣка. Но подобное назначеніе есть высочайшая бессмыслица, если только вся человѣческая жизнь ограничена землей. «Предо мной,—говоритъ проф. Введенскій,—мой ребенокъ, котораго я уже люблю и помимо всякихъ требованій нравственнаго долга и которому отъ души хочу доставить счастье. Но какъ мнѣ огородить его отъ болѣзней, которыя коренятся въ немъ со дня рожденія, и которыя сдѣлаютъ для него земную жизнь каторгой? Какъ мнѣ сдѣлать, чтобы слѣпорожденный видѣлъ, глухой слышалъ, безногій ходилъ, а бѣсноватый (нервный) исцѣлился? Какъ мнѣ спасти умирающаго отъ страха смерти? А съ такимъ страхомъ что за счастье? Да и какъ мнѣ служить чужому счастью, если я просто не въ силахъ понять, въ чемъ оно должно состоять, коль скоро всё интересы человѣка должны ограничиваться землей; если и самъ-то я бываю счастливъ земнымъ счастьемъ лишь тогда, когда перестаю размышлять о немъ? Служить счастьемъ другихъ людей—цѣль высокая, даже—абсолютно высокая, но въ то же время—абсолютно глупая, если не думать о томъ, что лежитъ за предѣлами явленій» (57 стр.).

А. Нечаевъ.

Т. Рибо. Современная германская психологія. (Опытная школа).

Переводъ со 2-го франц. изданія, исправленнаго и дополненнаго, Л. Ройзмана. Изданіе журнала «Научное Обозрѣніе». Спб. 1895 г., 274 стр., цѣна 1 руб. 50 коп.

Хотя Рибо и придалъ своему сочиненію историческую форму, однако его основная цѣль—совсѣмъ не историческая. Онъ прежде всего желаетъ «познакомить читателя съ извѣстнымъ способомъ трактованія явленій сознания и показать результаты, полученные помощью метода естественныхъ наукъ» (стр. 256). Вълѣдствіе такой точки зрѣнія на свою работу, авторъ мало останавливается на выясненіи историческаго генезиса интересующихъ его ученій и очень бѣгло излагаетъ первыхъ представителей научной нѣмецкой психологіи.

Изложивъ въ введеніи свои общіе взгляды на психологію, какъ на отдѣльную науку, совершенно свободную отъ метафизики, авторъ излагаетъ

основныя воззрѣнія Гербарта, какъ создателя научной германской психологiи. Какъ извѣстно, Гербартъ первый доказалъ возможность и необходимость примѣнять въ психологiи математику и усиленно старался понять душевную жизнь во всей ея закономерности.

Вліяніе Гербарта на послѣдующую нѣмецкую психологiю очень сильно, — и Рибо посвящаетъ цѣлую главу описаніямъ успѣховъ гербартовской школы.

На ряду съ Гербартомъ, по значенію въ нѣмецкой психологiи, стоитъ Лотце, теорiя котораго, по мнѣнію Рибо, занимаетъ середину между попытками англійской школы объяснить всецѣло на основаніи одного только опыта происхожденіе идеи пространства и между полнымъ отсутствіемъ объясненія, преобладающимъ обыкновенно у сторонниковъ апіорнаго созерцанія (стр. 85).

Вслѣдъ за ученіемъ Лотце, излагается споръ политиковъ и эмпириковъ по вопросу о происхожденіи понятія пространства.

Затѣмъ идетъ Фехнеръ, какъ творецъ такъ называемой психофизики, и Вундтъ, какъ представитель фізіологической психологiи.

Всѣ эти ученія, по большей части, излагаются въ сочиненіи Рибо вмѣстѣ со взглядами ихъ противниковъ, хотя, впрочемъ, нельзя не сознаться, что многіе изъ этихъ взглядовъ и ученій передаются несовсѣмъ отчетливо и ясно.

Вообще же надо замѣтить, что, хотя для лицъ, знакомыхъ съ сочиненіями современныхъ психологовъ, книжка Рибо и можетъ принести извѣстную пользу, натолкнувъ на нѣкоторые размышленія, однако мы все-таки не порекомендовали бы ее начинающимъ. Ея изложеніе слишкомъ сжато, а подчасъ и слишкомъ отрывочно, для того, чтобы неподготовленный читатель смогъ не только заинтересоваться, но порою—хотя бы хорошенько понять ее. «Научная психологiя», приѣмамъ которой хочетъ научить своихъ читателей Рибо, прежде всего требуетъ внимательнаго изслѣдованія фактовъ. А между тѣмъ небольшой размѣръ сочиненія Рибо поневолѣ заставляетъ его, предполагая факты извѣстными, только намекать на нихъ, и, взявши подробнаго психологическаго анализа, — нерѣдко указывать на одни только общіе его результаты. Поэтому для тѣхъ, кто хотѣлъ бы дѣйствительно изучить приемы научной психологiи, мы порекомендовали бы прежде всего обратиться не къ этому сжатому очерку «современной германской психологiи» Рибо, а непосредственно къ тѣмъ произведеніямъ нѣмецкихъ психологовъ, о которыхъ въ ней говорится. Лучше внимательно прочесть одно сочиненіе Вундта, чѣмъ составить себѣ поверхностное представленіе о нѣсколькихъ десяткахъ современныхъ нѣмецкихъ психологовъ.

А. Нечаевъ.

Федоръ Шперкъ. Философія индивидуальности. Varia. Спб. 1895 г., 53 стр., цѣна 30 коп.

«Строго говоря,—до меня не было не только истинной философіи, но не было и философіи вообще... Я одинъ не вступалъ въ борьбу съ Кантомъ и одинъ преодолеваю его... Скажу откровенно: для меня нѣтъ, для меня не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что современная философія, она, немощная и софистически запутанная,—безсознательно тяготеетъ ко мнѣ».

Вотъ какъ смотритъ авторъ на себя и свое настоящее произведеніе, которое онъ прямо называетъ своимъ «послѣднимъ метафизическимъ словомъ», хотя, впрочемъ, и сознается, что не въ состояніи указать момента, когда его философіи «будетъ предложенъ тронъ».

Прямо провозглашая себя «геніемъ» (43 стр.), авторъ восклицаетъ: «ужели мнѣ уготована скорбь, уготовано величіе сіять *мракомъ будущаго* моей современности и *свѣтомъ прошедшаго* грядущимъ вѣкамъ?!...»

«Друзья! — продолжаетъ авторъ, — я проповѣдую тоску по жизни и— душевную скорбь!.. Я изливаюсь передъ вами, я такъ передъ вами,— и кто вы мнѣ?... Я рыдаю передъ вами и горю передъ вами, — и кто вы мнѣ?.. Я отягощаю васъ, я бросаю васъ, я проклиная васъ, — и кто вы мнѣ?.. Поймете ли вы жажду взора моего въ сердце судьбы?.. Поймете ли вы меня — какъ страдающаго и гордаго, какъ немощнаго и полнаго безумія, какъ ищущаго одиночества и—его блескъ?.. Поймете ли вы тайной мысли моей явное чувство и тайнаго чувства моего явную мысль?..»

Нѣтъ! Должно быть, дѣйствительно, мы еще не «развились» до пониманія философіи Шперка, и для насъ она пока еще представляетъ не «обнаженную природу міра», какъ думаетъ авторъ, а пустой наборъ безсвязныхъ фразъ.

А. Нечаевъ.

С. И. Шохирь-Троцкий: Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія требованій общаго образованія. Изданіе журнала «Русская школа». Настоящее сочиненіе представляетъ общій сводъ воззрѣній автора, много занимавшагося теоретической и практической разработкой вопросовъ, относящихся къ преподаванію математики.

Въ журналѣ «Русская школа» за 1891 г. былъ напечатанъ рядъ статей подъ тѣмъ же заглавіемъ, какое носитъ предлагаемое отдѣльное изданіе этихъ статей. Но послѣднее не представляетъ простой ихъ перепечатки; статьи упомянутыя являются въ немъ значительно дополненными, обработанными и приведенными въ систему. Сверхъ того въ отдѣльномъ изданіи значительно расширены указанія на литературу предмета, представляющаго такой несомнѣнный общій интересъ.

Въ предисловіи своемъ авторъ высказываетъ слѣдующій общій взглядъ, характеризующій все сочиненіе: «мы желали бы освѣтить вопросы преподаванія математики, съ точки зрѣнія истинныхъ требованій *общаго* образованія, не предаваясь ни увлеченіямъ, вытекающимъ изъ игнорированія цѣлей другихъ учебныхъ предметовъ среднеобразовательнаго курса, ни увлеченіямъ въ сторону невозможнаго облегченія учащимся труда ученія». Онъ, напротивъ, требуетъ отъ учащихся труда, посильнаго и образовательнаго.

Согласно этому авторъ стремится избѣгать крайностей и увлеченій. Сочиненіе состоитъ изъ четырехъ главъ. Первая глава посвящена *результатамъ, нынѣ достигаемымъ изученіемъ низшей математики* и выясненію ихъ недостаточности съ точки зрѣнія требованій общаго образованія. Во второй главѣ онъ рассматриваетъ отдѣльные предметы курса низшей математики съ общеобразовательной точки зрѣнія: арифметику, алгебру, тригонометрію. Въ этой главѣ читатель знакомится съ общепринятыми взглядами, особеннаго же вниманія заслуживаютъ замѣчанія объ отношеніи курса элементарной математики къ ученію логики. Авторъ говоритъ: конечно, не под-

чиня преподаванія математики требованіямъ *терминологіи* формальной или индуктивной логики, а только того, чтобы всё ученія низшей математики были, такъ сказать, насквозь проникнуты ученіями и требованіями логики, — вотъ чего рациональная педагогика можетъ ожидать отъ курса низшей математики въ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи».

Самую цѣль преподаванія авторъ формулируетъ такъ: 1) дать учащемуся нѣкоторыя необходимыя въ общежитіи математическія умѣнья, 2) дать ему нѣкоторое количество такихъ знаній, которое сохранилось бы на всю жизнь, 3) дать ему нѣкоторое количество такихъ знаній, которыя, если бы они и были забыты впоследствии, легко могли-бы быть въ случаѣ надобности, возобновлены, и 4) дать (это самое главное) учащемуся прочныя умственные логическія навыки.

Въ двухъ остальныхъ главахъ авторъ говоритъ о средствахъ для достиженія этихъ намѣченныхъ имъ цѣляхъ и рассматриваетъ съ этой точки зрѣнія всѣ предметы низшей математики. Авторъ различаетъ пособія и средства; къ первымъ, по его мнѣнію, принадлежатъ не только такъ называемыя наглядныя пособія, но и пособія въ болѣе обширномъ смыслѣ этого слова: учебники, сборники задачъ, методическія руководства для учащихся; роль такого рода пособій обстоятельно выяснена въ третьей главѣ. Къ *средствамъ* же преподаванія г. Шохоръ-Троцкій относитъ: разъясненіе и спрашиваніе уроковъ, письменныя работы, класныя и домашнія, и вообще преподаваніе предмета, насколько оно обуславливается личностью самаго преподавателя. Согласно этому въ IV главѣ онъ занимается обсужденіемъ слѣдующихъ вопросовъ: о значеніи преподавательскихъ курсовъ ариметики, алгебры и тригонометріи, о необходимости умственного общенія между ученикомъ и учителемъ, о формѣ изложенія и ея недостаткахъ, о живомъ словѣ преподавателя и о духѣ преподаванія, о задаваніи уроковъ и спрашиваніи.

Въ *заключеніи* мы находимъ слѣдующій взглядъ на методику преподаванія: считая ее необходимою для студентовъ физико-математическаго факультета, онъ находитъ, что кромѣ методики ариметики, методики низшей алгебры и методики Евклидовой геометріи, въ высшей степени полезно было бы введеніе въ число необязательныхъ предметовъ для студентовъ послѣднихъ курсовъ методологіи математическихъ наукъ вообще, а также практическихъ занятій и упражненій въ преподаваніи.

Сочиненіе г. Шохоръ-Троцкого, о которомъ мы старались дать понятіе читателямъ «Образованія», состоитъ всего изъ 115 страницъ и въ тоже время въ немъ затрогиваются болѣе или менѣе всѣ существенные вопросы средняго математическаго образованія. Авторъ, конечно, не имѣлъ возможности развить всѣ свои взгляды съ надлежащей полнотою, но многіе изъ нихъ были высказаны имъ ранѣе въ другихъ сочиненіяхъ. Сочиненіе это возбуждаетъ также большой интересъ своимъ систематическимъ указаніемъ на литературу, относящуюся къ преподаванію математики. Оно открываетъ возможность всякому интересующемуся дѣломъ познакомиться со всѣми его подробностями и частностями, имѣющими важность не для однихъ только преподавателей и воспитателей.

Е. Литвинова.

Физиологическое направление въ современной русской эстетикѣ.

Профессоръ Казанскаго университета А. И. Смирновъ предпринялъ изда-
ніе своихъ лекцій по эстетикѣ подъ заглавіемъ: «Эстетика, какъ наука о
прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Физиологическія и психологическія
основанія и законъ красоты и ихъ приложеніе къ эстетической теоріи му-
зыки и живописи». Хотя вышедшая недавно книжка (Казань, 1894, 160
стр. in 8 ц. 1 р. 25 к.) составляетъ только первый отдѣлъ всего труда
и посвящена главнымъ образомъ эстетической теоріи музыки, однако въ
ней уже настолько ясно обозначились обще-эстетическія воззрѣнія автора,
что вполне возможно разсматривать ее какъ нѣчто цѣлое.

Людей, интересующихся въ настоящее время эстетикой, немало. Рѣдка
книжка журнала, такъ или иначе, не затрагиваетъ эстетическихъ вопросовъ.
Но, къ сожалѣнію, за ихъ рѣшеніе часто берутся лица, совершенно непод-
готовленные, и, пожалуй, едва-ли даже есть еще какая-нибудь область, въ
которой появлялось-бы такъ много всякихъ дилетантовъ, какъ въ области
эстетики. Поэтому-то выходъ въ свѣтъ сочиненія почтеннаго профессора
является въ высшей степени полезнымъ и отраднымъ фактомъ, на кото-
ромъ необходимо остановиться. Кромѣ того, книга г. Смирнова интересна и
въ другомъ отношеніи. Она, какъ мы увидимъ, является выраженіемъ
стремленія приблизить эстетику къ точнымъ наукамъ и поставить ее на
чисто-физиологическія основанія. Этимъ-то послѣднимъ обстоятельствомъ
и объясняется, что книга г. Смирнова печаталась по опредѣленію «Общества
невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ универси-
тетѣ». Приступая къ изложенію научныхъ задачъ эстетики, авторъ старается
приравнять ее ко всѣмъ наукамъ, исходящимъ изъ опредѣленнаго матеріала,
даннаго въ опытѣ. «Эстетика,—говоритъ онъ,—имѣетъ своимъ исходнымъ
пунктомъ, своей точкой отправленія извѣстныя чувства красоты и эстети-
ческія понятія и сужденія, какъ они существуютъ уже въ человѣчествѣ.
Какъ грамматика не создаетъ языка, а изслѣдуетъ языкъ уже готовый, сфор-
мировавшійся, такъ и эстетика не производитъ прекрасныхъ объектовъ, а
изслѣдуетъ эти объекты, какъ они даны или въ самой природѣ, или въ
искусствѣ» (3). Этихъ объектовъ очень много, и они чрезвычайно разно-
образны. Но во всемъ этомъ разнообразіи, безспорно, можно подмѣтить нѣ-
которые общіе признаки, одинаково принадлежащіе всѣмъ красивымъ объек-
тамъ безъ исключенія. Отыскать эти признаки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыть
законы художественныхъ эффектовъ—и составляетъ задачу эстетики. Та-
кимъ образомъ, эстетика приближается къ точнымъ наукамъ и по своему

материалу (такъ какъ она заимствуетъ его изъ опыта) и по своей задачѣ (такъ какъ, вообще, задача всякаго научнаго изслѣдованія состоитъ въ открытіи единства закона среди разнообразія явленій). Но какъ возможно исполнить задачу эстетики? Или, говоря иначе, каковъ долженъ быть методъ въ этой наукѣ? Эстетика долгое время находилась подъ опекой метафизики, и поэтому въ ней очень долго господствовалъ такъ называемый метафизическій, или апіорный, методъ, причеиъ красота, или идея красоты, разсматривалась внѣ всякой связи съ ощущеніями и чувствами удовольствія и страданія. О красотѣ нерѣдко трактовалось какъ о чемъ-то совершенно независимомъ отъ чувственнаго элемента, какъ о чемъ-то такомъ, чего даже совершенно нельзя подчинить точному изслѣдованію. Устремляясь въ ту область, гдѣ человѣческій умъ теряетъ свою компетентность, метафизики вдвигали всѣ понятія и опредѣленія эстетики въ рамки заранѣе составленной системы другихъ болѣе общихъ понятій—бытія, абсолютнаго, природы и человѣческаго духа. «Но едва-ли гдѣ нибудь,—говоритъ авторъ,—обнаружилась вся неудовлетворительность, вся пустота и бесплодіе этихъ чисто умозрительныхъ, беспочвенныхъ построеній, какъ въ сферѣ въ высшей степени сложныхъ и трудныхъ вопросовъ науки объ изящномъ. Исторія эстетики есть, собственно, исторія постепеннаго, хотя и медленнаго, освобожденія этой науки отъ господства метафизики». (5).

Сдѣлавъ краткій обзоръ этого постепеннаго освобожденія эстетики изъ подъ власти метафизики, авторъ указываетъ на то, что въ эстетикѣ требованіямъ научности болѣе или менѣе удовлетворяютъ два направленія: *психологическое* и *физиологическое*. Заслуга психологовъ заключается въ томъ, что они, указавъ на важное значеніе для всей психической жизни закона ассоціаціи идей, приложили этотъ законъ и къ объясненію эстетическаго чувства. Такимъ образомъ, «оказалось, что волненіе, возбужденное въ насъ, положимъ, какой-нибудь картиной природы или произведеніемъ искусства, имѣетъ весьма сложный характеръ, что въ немъ развито весьма много простыхъ и элементарныхъ чувствъ пріятнаго характера. Въ силу ассоціаціи, какой-нибудь объектъ, хотя и не отличающійся эстетическими достоинствами, можетъ вызвать массу представленій пріятнаго качества, которыя сообщаютъ эстетическій характеръ и самому этому объекту, дѣлаютъ его въ нашихъ глазахъ прекраснымъ» (21). Что-же касается отношенія эстетики къ физиологіи, то, по мнѣнію г. Смирнова, только физиологическія изслѣдованія органовъ чувствъ и ихъ функцій и дали возможность поставить, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя и притомъ важнѣйшіе отдѣлы науки объ изящномъ на твердыя научныя основанія. Это важное значеніе физиологіи для эстетики объясняется прежде всего тѣмъ, что важнѣйшія эстетическія впечатлѣнія даны намъ чрезъ посредство зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній. Но авторъ указываетъ и на другое, еще болѣе глубокое основаніе этого. Именно, по его мнѣнію, слѣдуетъ считать «твердымъ научнымъ приобрѣтеніемъ новѣйшей психологіи ту истину, что всѣ психическія явленія составляютъ субъективную сторону физиологическихъ процессовъ, или функцій нервной системы» (28).

Уяснивъ значеніе психологическаго и физиологическаго метода въ дѣлѣ рѣшенія эстетическихъ вопросовъ, г. Смирновъ ярко выдвигаетъ впередъ ту мысль, что красота предметовъ не есть что-либо объективно-присущее пред-

мету, и что всякія эстетическія свойства вещей суть наши субъективныя чувства, извѣстнаго рода волненія, вызываемыя въ насъ нѣкоторыми фактами и предметами. «Исслѣдованіе и анализъ красиваго объекта могутъ открыть въ немъ, единственно, его объективныя свойства: извѣстный цвѣтъ, или комбинацію цвѣтовъ, тѣ или другія формы, или сочетанія формъ, но никогда не откроетъ въ немъ самой красоты, которая есть не что иное, какъ наша точка зрѣнія, наша оцѣнка предмета, коренящаяся въ тѣхъ чувствахъ удовольствія, или эстетическаго наслажденія, которыя вызываются въ насъ объективными свойствами вещей и ихъ комбинаціями. Поэтому, если мы хотимъ знать, что такое красота вещи, мы должны прежде всего обратиться къ точному опредѣленію тѣхъ *чувствъ*, которыя она въ насъ возбуждаетъ. Отличительный признакъ, такъ сказать, специфическія особенности изящныхъ объектовъ,—слѣдуетъ искать въ особенностяхъ тѣхъ *волнений*, которыя вызываются ими» (26). Правда, когда мы смотримъ на какой-нибудь красивый предметъ, любимся какимъ-нибудь ландшафтомъ, то намъ кажется, какъ будто-бы красота присуща ему самому: она представляется какъ-бы заключающейся въ цвѣтахъ и тѣняхъ, въ формахъ и звукахъ самой вѣдшей дѣйствительности. Но это—одна лишь иллюзія, и объясняется она тѣмъ, что мы вообще склонны переносить свои чувства на вѣдшіе объекты, составляющіе ближайшую причину этихъ чувствъ. Такъ, напр., намъ кажется, что сладкій вкусъ заключается въ самомъ сладкомъ предметѣ, что запахъ есть реальное свойство самого пахучаго вещества, что звукъ исходитъ изъ звучащаго предмета и т. п. Совершенно также намъ кажется, или можетъ казаться, что красота помѣщается въ самихъ предметахъ, которые мы считаемъ красивыми.

Итакъ, если красота есть не что иное, какъ наша оцѣнка предмета, коренящаяся въ тѣхъ чувствахъ удовольствія или эстетическаго наслажденія, которыя вызываются въ насъ извѣстнымъ объектомъ, то очевидно, что все вниманіе эстетика должно быть направлено исключительно къ выясненію характерныхъ особенностей эстетическаго чувства и тѣхъ психо-физиологическихъ условий, при которыхъ оно возникаетъ. Общимъ разсужденіямъ объ этомъ предметѣ и посвящена вся вторая глава книги г. Смирнова.

Выше было указано, что, изслѣдуя вопросы эстетики, очень важно имѣть въ виду какъ психологическую, такъ и физиологическую точку зрѣнія. Въ связи съ этимъ, проф. Смирновъ опредѣляетъ эстетическія чувства какъ занимающія среднее промежуточное мѣсто между тѣлесными чувствами и высшими духовными состояніями: съ одной стороны, они коренятся въ простѣйшихъ фактахъ чувственнаго удовольствія и страданія, а съ другой—они включаютъ въ себѣ участіе и высшихъ, болѣе сложныхъ волненій и законовъ нашей умственной дѣятельности (28). Поэтому, для болѣе точнаго опредѣленія эстетическаго чувства, необходимо разсмотрѣть: 1) его мѣсто среди другихъ чувственныхъ удовольствій и страданій, и 2) его отношеніе къ высшимъ психическимъ волненіямъ и законамъ нашей умственной дѣятельности. Но послѣдній вопросъ мало занимаетъ г. Смирнова, и все его вниманіе направляется на *чувственно-органическую* сторону эстетической жизни, потому-что, по его мнѣнію, именно эта чувственно-органическая сторона и служитъ естественнымъ основаніемъ высшихъ проявленій эстетическаго чувства.

Разсматривая эстетическое чувство съ чисто-органической стороны, авторъ опредѣляетъ его какъ *субъективное сопровождение нормальныхъ функций периферическихъ органовъ нервной системы, — функций, не заинтересованныхъ непосредственно въ цѣльхъ органическаго сохраненія*. Для того, чтобы понять это опредѣленіе, прежде всего необходимо помнитъ, что *всякое чувство, какъ и всякое вообще психическое состояніе, признается г. Смирновымъ только субъективной стороной физиологическихъ процессовъ*, такъ что вся душевная жизнь человѣка должна быть разсматриваема, какъ сопровождающая тѣлесную. Поэтому-то каждое психическое явленіе можно опредѣлить еще и физиологически, указавъ на тотъ вѣдшій, тѣлесный процессъ, который ему соответствуетъ. Отсюда и эстетическое чувство опредѣляется г. Смирновымъ какъ субъективное сопровожденіе функций нервной системы. Но отравленіямъ нервной системы могутъ соответствовать разныя чувства—пріятныя и непріятныя, при чемъ наблюдается, что непріятныя чувства обыкновенно сопровождаются такими нервными процессами, которые прямо указываютъ на болѣзненное состояніе нашего организма (или, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь его части); напротивъ, если какой-нибудь органъ находится въ совершенно здоровомъ состояніи, т. е. если онъ тратитъ столько энергіи, сколько весьма легко можетъ ему быть возвращено въ теченіе обычнаго періода, то его дѣятельность сопровождается слегка пріятнымъ чувствомъ. Такимъ образомъ, въ общемъ, наличность пріятнаго чувства является показателемъ того, что въ данный моментъ дѣятельность организма совершается нормально *). Эстетическія чувства относятся къ разряду пріятныхъ. Поэтому ихъ можно разсматривать какъ субъективную сторону *нормальныхъ функций* организма. Но, опредѣляя такимъ образомъ эстетическое чувство, мы еще не указываемъ его отличія отъ другихъ пріятныхъ чувствъ, которыя, вѣдь, точно также могутъ быть разсматриваемы какъ субъективное сопровожденіе нормальныхъ функций нервной системы. Такъ, напр., человѣкъ можетъ испытывать пріятное чувство, совершая какую-нибудь не слишкомъ трудную работу. Но пріятное чувство труда не есть еще эстетическое чувство. Работникъ прежде всего думаетъ не о доставленіи себѣ удовольствія, но объ удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей. Между тѣмъ цѣлью всякаго художественнаго произведенія, поскольку оно разсматривается какъ *художественное*, является, единственно, удовольствіе. Въ этомъ отношеніи искусства приближаются къ играмъ, которыя точно также не имѣютъ въ виду удовлетворенія насущныхъ потребностей органической жизни, и точно также для своего проявленія требуютъ досуга, или времени, свободнаго отъ труда. Но искусство—

*) Этому нисколько не противорѣчитъ то, что чувство удовольствія нерѣдко возбуждается и подъ влияніемъ такихъ веществъ, которыя оказываются безусловно вредными для нашего здоровья (напр., мышьякъ, опиумъ, алкоголь). Дѣло въ томъ, что пріятное чувство указываетъ намъ лишь на то состояніе, въ какомъ находится наша нервная система въ данный моментъ, но ничего не говоритъ намъ о томъ, что будетъ послѣ. Если состояніе опьяненія алкоголемъ кажется намъ пріятнымъ, то это ощущеніе говоритъ о такомъ возбужденіи нервной системы, которое, дѣйствительно, было-бы весьма желательнымъ, если-бы не вызывалось искусственно. Но пріятность опьяненія не говоритъ намъ о тѣхъ вредныхъ послѣдствіяхъ для здоровья, которыя вскорѣ наступятъ именно вслѣдствіе искусственнаго возбужденія нервной системы (34—36).

не игра, и между эстетическимъ наслажденіемъ и удовольствіемъ, получаемымъ отъ игры, существуетъ извѣстная разница. Эта разница состоитъ въ томъ, что игра является выраженіемъ по преимуществу *активной* дѣятельности нашего организма; ея органомъ служитъ мускульная система съ управляющими ею нервами. Между тѣмъ въ эстетическихъ чувствахъ выражается нѣкоторое состояніе нашей *пассивной* воспримчивости внѣшнихъ фактовъ. Къ пассивной сторонѣ нашей природы принадлежатъ такъ называемыя *периферическіе* органы нервной системы, т. е. органы зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса и обонянія. Поэтому-то, въ концѣ концовъ, эстетическое чувство и опредѣляется профессоромъ Смирновымъ какъ «субъективное сопровожденіе нормальныхъ функций периферическихъ органовъ нервной системы,—функций, не заинтересованныхъ непосредственно въ дѣлахъ органическаго сохраненія» (40).

Опредѣливъ эстетическое чувство какъ дѣйствіе физиологическихъ факторовъ, авторъ естественно долженъ признать, что это чувство у разныхъ людей оказывается настолько же различнымъ, насколько бываетъ различна и структура ихъ нервной системы. Этимъ-то и объясняется, напр., что дикари и дѣти, обладающіе свѣжими и крѣпкими нервами, любятъ сильные, громкіе звуки, между тѣмъ какъ тѣ же самые звуки (въ родѣ треска барабана или пронзительныхъ свистковъ) человѣку съ распатанными нервами причиняютъ невыносимое страданіе. Такимъ образомъ, посмотрѣвъ на дѣло съ одной только физиологической стороны, мы уже необходимо должны признать большую *относительность* эстетическаго чувства и невозможность установить какой-нибудь *абсолютный* критерій эстетики, т. е. какую-нибудь *безусловно* обязательную мѣрку красоты и безобразія. Но все громадное разнообразіе эстетическихъ вкусовъ станетъ намъ еще болѣе понятнымъ, если мы припомнимъ, что эстетическое чувство можетъ быть разсматриваемо и съ чисто психологической стороны, и что оно стоитъ въ очень тѣсномъ отношеніи ко многимъ другимъ явленіямъ душевной жизни, которыя также разнообразны, какъ и вся человѣческая жизнь.

Однако, если нельзя установить абсолютнаго, безусловнаго критерія красоты и безобразія, то, всетаки, возможно установить критерій относительный, условный. Именно, дѣлая оцѣнку какого-нибудь художественнаго произведенія, можно, съ одной стороны, опираться на сужденія болѣе компетентныхъ лицъ въ дѣлѣ искусства, а, съ другой стороны, можно выяснить, откуда происходятъ различія въ эстетическихъ вкусахъ, и указывать условія высшаго и болѣе тонкаго ихъ развитія.

Вслѣдъ за опредѣленіемъ общихъ задачъ и методовъ эстетики, авторъ переходитъ къ краткому разбору вкусовыхъ, обонятельныхъ, зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній, при чемъ отмѣчаются тѣ изъ нихъ, которыя болѣе способны къ возбужденію эстетическаго чувства. На этомъ и кончается общая часть труда г. Смирнова. Слѣдующая половина его книги посвящена эстетической теоріи музыки, причемъ сначала указываются ея физиологическія и психологическія основанія, а затѣмъ объясняется эстетическое дѣйствіе музыки, ея происхожденіе и связь съ душевными волненіями. Излагать содержаніе первой главы объ этомъ предметѣ, въ которой подробно указываются звуковыя ощущенія, пріятныя для нашего уха, было бы напраснымъ. Эту главу надо дѣликомъ прочитать и

усвоить, потому что она заключаетъ въ себѣ массу чисто-фактическаго матеріала. Что-же касается второй главы (объ эстетическомъ дѣйствіи музыки), то на ней необходимо остановиться подробнѣе.

До сихъ поръ мы ограничивались простымъ изложеніемъ книги г. Смирнова, причѣмъ нами было указано то, что на первый планъ у него постоянно выдвигается чисто-физиологическая сторона дѣла, и что психологическое освѣщеніе вопросовъ остается какъ-то на заднемъ планѣ, только слегка намѣчается и занимаетъ мѣсто скорѣе какихъ-то оговорокъ и поясненій, чѣмъ опредѣленнаго ученія. Вслѣдствіе этого, у неопытнаго читателя, пожалуй, можетъ даже явиться подозрѣніе, не слѣдуетъ-ли совершенно исключить психологическую точку зрѣнія при разрѣшеніи эстетическихъ вопросовъ и не является-ли она чѣмъ-то лишнимъ и побочнымъ, чѣмъ-то такимъ, что можетъ быть удержано только до времени высшаго развитія физиологическихъ знаній? Но такое подозрѣніе было бы напраснымъ. Вѣдь, и проф. Смирновъ исходнымъ пунктомъ, эстетики признаетъ эстетическое *чувство* и всѣ физиологическія изысканія у него направляются прямо къ тому, чтобы выяснить этотъ *психическій* фактъ. На сколько же, вообще, трудно, при разрѣшеніи эстетическихъ вопросовъ, оставаться на *чисто-физиологической* точкѣ зрѣнія,—это видно, между прочимъ, изъ того, что самъ авторъ разбираемой нами книги невольно сбивается на психологическое объясненіе даже тамъ, гдѣ намѣренно хотѣтъ выставить впередъ объясненіе чисто-физиологическое. Для иллюстраціи этого, приведемъ одинъ примѣръ. Мы видѣли, что, рассматривая эстетическое чувство съ органической стороны, авторъ опредѣляетъ его какъ субъективное сопровожденіе нормальныхъ функций, периферическихъ органовъ нервной системы,—функций, *не заинтересованныхъ непосредственно въ цѣляхъ органическаго сохраненія*.

Въ этихъ словахъ, нервныя функціи, сопровождающія эстетическое чувство, противопоставляются такимъ функціямъ, которыя находятся въ прямой связи, напр., съ дѣятельностью желудка и проч. Съ этой точки зрѣнія, устанавливается различіе между тѣми ощущеніями, которыя наиболѣе пригодны для эстетическихъ эффектовъ, и тѣми, которыя для этого не годятся. Объясняя это различіе на примѣрѣ вкусовыхъ ощущеній, авторъ указываетъ на то, что настоящее чувство вкуса принадлежитъ лишь средней части языка; посредствомъ сгруппированныхъ тутъ вкусовыхъ нервовъ, имѣющихъ особое происхожденіе сравнительно съ осязательными нервами оконечности языка, мы различаемъ сладкій вкусъ отъ горькаго. Напротивъ, въ самой тѣсной связи съ желудкомъ и его функціями находятся нервы, расположенныя по сосѣдству съ пищеводомъ: они просто выражаютъ вкусность или отвратительность пищи для желудка. Отсюда дѣлается выводъ, что для произведенія эстетическихъ эффектовъ годятся только тѣ вкусовыя ощущенія, при образованіи которыхъ не играютъ замѣтной роли нервы, помѣщающіеся по сосѣдству съ пищеводомъ. Поэтому-то, говоритъ авторъ, «жареный гусь, сдобный пирогъ и т. п. съдобныя вещества лишены *всякаго* эстетическаго значенія» (55). Напротивъ, сахаръ, медъ и фрукты представляются автору очень удобными элементомъ поэтическаго и художественнаго воспроизведенія. Доказывать всю несостоятельность этого разграниченія, напоминающаго собою достославныя ложноклассическія теоріи, по которымъ въ поэзіи запрещалось упоминать о табакѣ и кофе, — было бы лишнимъ. Но

въ данномъ случаѣ интересно то, что самъ авторъ, опираясь какъ будто-бы на чисто фізіологическія основанія, на самомъ дѣлѣ выставляетъ *психологическій* принципъ. «Сахаръ и медъ, вкусъ яблока и персика, — говоритъ онъ,—не имѣютъ такой грубости, *будничности* и такой тѣсной связи съ чистоорганическимъ процессомъ пищеваренія, какъ указанныя яства (гусь и пирогъ)». Такимъ образомъ, эстетическое значеніе извѣстнаго вкусового представленія ставится въ прямую зависимость отъ вопроса, не является-ли это представленіе слишкомъ пошлымъ и будничнымъ для того, чтобы вызвать въ насъ эстетическое волненіе. А будничность того или другаго представленія обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ его связью съ тѣмъ кругомъ представленій, который называется нашей повседневной жизнью. Опредѣленіе же этой связи составляетъ задачу чисто психологическую. Эту сторону вопроса невольно чувствуетъ и самъ авторъ. Именно, отринувъ всякое эстетическое значеніе жареныхъ гусей и сладкихъ пироговъ, онъ дѣлаетъ такую оговорку: «Правда, въ картинахъ фламандской школы встрѣчаются и жареные гуси и окорока; но, во всякомъ случаѣ, *среди плодовъ и цвѣтовъ, добродушныхъ хозяевъ и милыхъ хозяекъ и гостей*, они не занимаютъ слишкомъ выдающагося мѣста» (55). Иначе говоря, дѣло не въ гусахъ и не въ окорокахъ,—словомъ—не въ предметахъ изображенія, и не въ томъ, какими нервами воспринимаемъ мы эти предметы, а въ томъ, какимъ образомъ они воспроизводятся и какія представленія способны они вызывать.

Если первая половина книжки г. Смирнова нуждается только въ нѣкоторомъ поясненіи для неопытныхъ читателей, то вторая половина, — и, въ частности, глава объ эстетическомъ дѣйствіи музыки, требуетъ уже болѣе тщательной критики.

«Существуютъ,—говоритъ авторъ,—фізіологическія причины, заключающіяся въ структурѣ слуховаго органа и въ общихъ свойствахъ нервнаго процесса, почему одни звуки и сочетанія звуковъ для насъ пріятны, а другіе непріятны; вслѣдствіе чего одни оказываются пригоднымъ матеріаломъ для музыки, а другіе обыкновенно изъ нея исключаются. Общимъ результатомъ всѣхъ этихъ объясненій слѣдуетъ принять то чрезвычайно важное обстоятельство, что общее эстетическое впечатлѣніе музыки имѣетъ для себя чувственную фізіологическую основу. Самое сложное художественное произведеніе великаго композитора, во всякомъ случаѣ, должно представлять искусственную комбинацію такихъ чувственныхъ элементовъ, которые, говоря вообще, пріятны и сами по себѣ, пріятны и въ своихъ простѣйшихъ соотношеніяхъ и сочетаніяхъ» (90). Но эстетическій характеръ музыки нельзя объяснять одной простой пріятностью для слуха тѣхъ или другихъ музыкальныхъ нотъ, съ ихъ ритмическимъ и гармоническимъ взаимоотношеніемъ: «когда мы слушаемъ хорошее исполненіе симфоніи Бетховена или ораторіи Гайдна, то мы переживаемъ цѣлый рядъ волненій, особыхъ психическихъ настроеній, или чувствъ, невыразимо болѣе глубокихъ, чѣмъ простое наслажденіе ритмическимъ чередованіемъ и гармоническимъ сочетаніемъ музыкальныхъ тоновъ» (92). Въ чемъ же состоитъ это особое своеобразное дѣйствіе музыки на нашу психическую жизнь? въ состояніи-ли наука исчерпать и объяснить всю чарующую силу музыкальныхъ звуковъ? — спрашиваетъ авторъ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ излагается нѣсколько теорій, въ которыхъ эстетическое дѣйствіе музыки объясняется тѣмъ, что она постоянно

или воспроизводить звуки внѣшней природы, или заключаетъ въ себѣ какую-нибудь великую идею, или, наконецъ, выражаетъ какое-нибудь чувство. Однако всѣ эти теории профессоръ Смирновъ признаетъ *ложными* (121). По его мнѣнію, вся чарующая сила музыкальныхъ звуковъ» легче всего объясняется съ точки зрѣнія знаменитой теории Дарвина, по которой между музыкальными звуками,—ихъ ритмическимъ и мелодическимъ слѣдованіемъ, и нашими чувствами и волненіями существуетъ болѣе первоначальная, болѣе глубокая связь, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Эта связь установилась не въ нашемъ личномъ индивидуальномъ опытѣ, даже не въ предѣлахъ жизни и опытности всего человѣчества, но коренится гораздо глубже, именно—началомъ ея было, когда нѣкоторые животныя приобрѣли способность издавать ритмическіе звуки, соединявшіеся уже и у нихъ съ особыми возбужденіями и настроеніями. Эта связь, вызывавшая подобныя-же возбужденія и чувства въ другихъ особахъ того-же вида все болѣе и болѣе расширялась съ самимъ развитіемъ животной жизни и, передаваясь по наслѣдственности отъ одного поколѣнія къ другому, становилась болѣе и болѣе прочной. «Здѣсь, въ этой глубоко лежащей связи между музыкальными звуками и волненіями, коренится и сила музыки и своеобразный, совершенно оригинальный характеръ музыкальнаго впечатлѣнія. Музыка возбуждаетъ въ насъ разнообразныя чувства: нѣжности, любви, горячности, торжества и т. д., — цѣлый рядъ волненій, которыя ассоцірованы съ музыкальными звуками не въ нашемъ опытѣ, но въ жизни громаднаго необъятнаго числа всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній, какъ человѣческаго, такъ и другихъ зоологическихъ видовъ» (129). Словомъ, если мы, подъ вліяніемъ музыки, переживаемъ рядъ извѣстныхъ волненій, то это, въ концѣ концовъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что звуки музыки напоминаютъ намъ о состояніяхъ (особенно состояніяхъ полового влеченія), которыя переживались нашими предполагаемыми предками въ обезьянній періодъ ихъ существованія. Но здѣсь является невольный вопросъ: чѣмъ-же объяснить, что въ этотъ предполагаемый періодъ, извѣстные звуки были ассоцірованы съ извѣстными-же чувствами, что извѣстное настроеніе выражалось именно въ этой, а не другой формѣ? Если, отвѣчая на этотъ вопросъ, мы сошлемся на инстинкты нашихъ предковъ и на структуру ихъ нервной системы, то и вся гипотеза Дарвина въ данномъ случаѣ, окажется совершенно лишнею, потому что, объясняя эстетическое дѣйствіе музыки, мы съ равнымъ удобствомъ можемъ прямо обратиться къ инстинктамъ и нервной структурѣ современныхъ намъ поколѣній, не пытаясь разгадывать тайнъ обезьяннаго вѣка.

Намъ кажется, что самый вопросъ объ эстетическомъ дѣйствіи музыки требуетъ нѣсколько иной постановки, чѣмъ въ книгѣ г. Смирнова. Спрашивая, въ чемъ состоитъ своеобразное дѣйствіе музыки на нашу душевную жизнь, авторъ ставитъ вопросъ черезчуръ обще. Не мудрено, поэтому, что ни одна изъ разбираемыхъ имъ теорій не оказывается удовлетворительной. А между тѣмъ во всѣхъ этихъ теоріяхъ заключается не мало глубокаго смысла, если только посмотрѣть на нихъ съ правильной точки зрѣнія, не стараясь находить въ нихъ отвѣта на то, чего онѣ совсѣмъ и не рѣшаютъ.— Слушая музыку, мы переживаемъ рядъ извѣстныхъ волненій. Если мы захотимъ разобраться въ этомъ фактѣ, то намъ слѣдуетъ поставить три вопроса: 1) *какимъ способомъ* воздѣйствуетъ на насъ музыка? 2) что это за вол-

ншія переживаются нами? и 3) въ какомъ состояніи находится *композиторъ* во время своего творчества? На первый вопросъ приходится отвѣчать, что музыка воздѣйствуетъ на насъ при помощи извѣстнаго сочетанія *звуковъ*, порождающихъ опредѣленное *состояніе нервной системы*. Теперь спрашивается, какимъ же образомъ возможно опредѣлить то душевное волненіе, которое обыкновенно связывается съ только-что указаннымъ возбужденіемъ нервной системы? Не есть-ли это волненіе что-нибудь совершенно особенное, чего мы ровно никогда въ другое время не переживаемъ? Или, быть можетъ, оно напоминаетъ намъ о какихъ-нибудь другихъ душевныхъ состояніяхъ, возникающихъ въ насъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ? На этотъ послѣдній вопросъ, какъ намъ кажется, прямо отвѣчаютъ всѣ теоріи, признающія музыку выразительницей великихъ идей, глубокихъ чувствъ и разнообразныхъ картинъ природы. Проф. Смирновъ признаетъ всѣ эти теоріи ложными. «Совершенно несправедливо, — говоритъ онъ, — чтобы *задача* музыки состояла въ выраженіи какихъ-либо идей, или мыслей, такъ какъ мы наслаждаемся музыкальнымъ произведеніемъ безъ всякой мысли о томъ, что *хотѣлъ* и хотѣлъ-ли что-нибудь выразить *композиторъ*» (92). «Въ нѣкоторыхъ твореніяхъ великихъ музыкантовъ думали слышать и завываніе бури и шумъ морскихъ волнъ, и крики отчаянія, и торжество побѣды. Но и эта теорія далеко не отличается вѣрностію, такъ какъ она вытекаетъ изъ неправильнаго воззрѣнія на *задачу* искусства вообще, цѣль котораго будто-бы состоитъ въ подражаніи природѣ» (93). Наконецъ, по мнѣнію автора, выраженіе чувствъ не составляетъ того, что можетъ быть названо *существенною функцией* музыки. «То своеобразное наслажденіе, которое она доставляетъ на всѣхъ степеняхъ музыкальнаго развитія, находится въ прямой связи съ музыкальною мелодіей и гармоніей, составляетъ *непосредственное послѣдствіе слуховаго воспріятія ритмически чередующихся и, въ тоже время, гармонически видоизмѣняющихся музыкальных тоновъ*» (116). Какъ видно изъ этихъ выписокъ, авторъ, разбирая указанныя теоріи, ищетъ въ нихъ отвѣта не на одинъ только второй вопросъ (о характерѣ волненій), но и на два остальныхъ. Дѣйствительно, если спрашивать о задачахъ музыки, о замыслахъ композитора и о тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ, то приведенныя теоріи, быть можетъ, окажутся и недостаточными. Но если разсматривать ихъ какъ отвѣтъ на вопросъ о характерѣ душевныхъ волненій, переживаемыхъ нами во время слушанія музыки, то онѣ сразу приобретаютъ очень важное значеніе. Вопросъ таковъ: переживалъ-ли я когда-нибудь душевное волненіе, подобное тому, которое теперь возбуждается музыкой? Отвѣтъ: да, я переживалъ подобныя чувства, когда мою душу озаряла великая дума, когда мое сердце также усиленно билось и глаза наполнялись слезами; мнѣ знакомо это волненіе,—я испыталъ его при видѣ звѣзднаго неба, при шумѣ таинственной рощи и звучномъ пѣньи взгрустнувшего соловья. Вотъ какой смыслъ во всѣхъ теоріяхъ, считающихъ музыку выразительницей великихъ идей, чувствъ и картинъ природы. Проф. Смирновъ боится, чтобы эти теоріи не вызвали фальшиваго отношенія къ музыкѣ со стороны слушателей, которые, вмѣсто того, чтобы наслаждаться музыкой, могутъ усиливаться поймать смыслъ той или другой музыкальной фразы, подыскать тѣ чувства, которыя композиторъ думалъ выразить. «Самый лучшій способъ слушать

музыку, — говорит онъ, — просто отдаваться непосредственному впечатлѣнію художественнаго произведенія, переживать самые звуки со всѣми ихъ отгѣнками, совпаденіями и переходами, нисколько не заботясь о внѣшнемъ, постороннемъ для нихъ смыслѣ. Слѣдуетъ наслаждаться самой красотой звуковъ, войти, такъ сказать, въ этотъ своеобразный міръ музыкальныхъ эффектовъ, а тѣ или другія настроенія и чувства придутъ уже сами собой» (115). Совѣтъ, безспорно, хорошій, но, вѣдь, онъ опять-таки окажется совершенно лишнимъ, если мы уже успѣли пережить извѣстное настроеніе, навѣянное музыкой, и только желаемъ выяснитъ себѣ его характеръ. *Какъ надо слушать* музыку и *какія волненія* она возбуждаетъ, — это два совершенно различныхъ вопроса.

Вообще, въ своемъ разсужденіи объ эстетическомъ дѣйствіи музыки, авторъ высказываетъ очень много интереснаго, наводящаго на серьезные размышленія, но общая постановка вопросовъ и рѣшеніе ихъ все-таки отличаются у него какою-то огульностью и оставляютъ читателя далеко не удовлетвореннымъ. Иногда мы наталкиваемся даже на довольно странныя мысли. Такъ, напримѣръ, рассказавъ о томъ, что вдохновеніе часто приходило къ Моцарту въ то время, когда онъ послѣ сытнаго обѣда совершенно покойно ложился въ постель, и что Бетховенъ обдумывалъ свои произведенія при быстрой ходьбѣ, — авторъ восклицаетъ: «Какъ странно, въ виду этихъ фактовъ, звучать слѣдующія слова Спенсера: обладая страстнымъ темпераментомъ, композиторъ съ волненіемъ созерцаетъ событія, сцены, поступки, характеры, которые на другихъ людей не оказываютъ никакого сколько-нибудь замѣтнаго дѣйствія. — Весьма возможно, что композиторъ обладаетъ такою чувствительностью, но *совершенно невѣрно*, чтобы она *служила источникомъ* его вдохновенія и давала темы для его художественныхъ произведеній» (112). По мнѣнію автора, переживаніе извѣстныхъ чувствъ не есть необходимое условіе для созданія композицій, и композитору «достаточно, если онъ *знаетъ*, какія звуковыя сочетанія наилучшимъ образомъ могутъ гармонировать съ извѣстнымъ настроеніемъ, — наиболѣе приспособлены художественнымъ образомъ аккомпанировать, такъ сказать, чувствамъ и волненіямъ при этомъ случаѣ» (114). Но, спрашивается, какимъ-же образомъ можетъ все это знать композиторъ, не испытавъ на самомъ себѣ того, какія звуковыя сочетанія наилучшимъ образомъ могутъ гармонировать съ извѣстнымъ настроеніемъ? А для того, чтобы подмѣтить эту гармонию, конечно, необходимо обладать извѣстнаго рода чуткостью, или чувствительностью, — и если эта чувствительность (или полученныя съ ея помощью представленія) приходитъ въ особенное возбужденіе подъ вліяніемъ сытнаго обѣда или усиленной ходьбы, то отсюда еще никакъ нельзя сдѣлать вывода о *совершенной невѣрности* положенія, будто въ ней скрывается источникъ вдохновенія. Скорѣе слѣдуетъ думать какъ разъ наоборотъ.

Послѣдняя глава разбираемой книги посвящена эстетической теоріи пѣнія, которое разсматривается какъ особый видъ музыки.

А. Нечаевъ.

Школьные лѣтнія поѣздки

Поѣздки въ Москву.

Въ Россіи уже начинаютъ прививаться путешествія съ образовательной цѣлью, но ихъ еще мало, и они представляются слишкомъ сложными и затруднительными для выполненія. Въ виду этого не мѣшаетъ, быть можетъ, подѣлиться опытомъ и рассказать, какъ устроились и во что обошлись двѣ поѣздки изъ Твери въ Москву (разстояніе по желѣзной дорогѣ 156 верстъ) — одна въ началѣ іюня прошлаго 1894 года, другая въ 1891-мъ году. Начнемъ съ разсказа о первой, а потомъ прибавимъ, чѣмъ отличалась отъ нея вторая.

Въ Твери есть женская учительская школа, слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ основанная П. П. Максимовичемъ, и впоследствии перешедшая въ вѣдѣніе губернскаго земства. Дѣвушки, оканчивающія въ ней курсъ, почти всѣ идутъ на мѣста сельскихъ учительницъ, и остаются на этихъ мѣстахъ вполне прочно, съ дѣтства привыкнувъ смотрѣть на учительство, какъ на предстоящій путь всей жизни. Съ теченіемъ времени, однѣ выходятъ замужъ (около трети общаго числа), другія-же создаютъ себѣ семью изъ своей школы, привыкаютъ, глубоко привязываются и отдаютъ подроставшимъ деревенскимъ поколѣніямъ всѣ свои силы. Само собой разумѣется, что такому составу учащихся еще болѣе, чѣмъ какому-нибудь другому, необходимо имѣть при окончаніи курса запасъ впечатлѣній яркихъ, картинныхъ, надолго остающихся въ памяти, чтобы было изъ чего черпать. Для учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ всякое наглядное пособіе исполняетъ двойную роль: оно облегчаетъ усвоеніе не только самому учащемуся, но и будущимъ ученикамъ его.

Отъ Твери до Москвы рукой подать: пять—шесть часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, въ пассажирскомъ поѣздѣ. Москва—одинъ изъ двухъ центровъ Россіи; въ Москвѣ—Кремль, старина, музеи, картинныя галлерей; очевидно, что знакомство съ Москвой, хотя бы самое бѣглое, но проведенное подъ извѣстнымъ руководствомъ, должно считаться однимъ изъ самыхъ «образовательныхъ» знакомствъ для русскаго юношества вообще, а для будущихъ учителей и учительницъ въ особенности. Затрудненіе является со стороны денегъ. Какую бы дешевую прогулку ни брать, цифра тотчасъ грозно вырастаетъ, какъ только ѣхать надо не одному человѣку и не двумъ, а цѣлымъ десяткамъ лицъ. Полный билетъ отъ Твери до Москвы и обратно стоитъ 4 р. 54 к.—одинъ билетъ! А ихъ надо больше двадцати, и многія мечты этимъ охлаждаются.

Въ 1891-мъ году въ Москвѣ была французская выставка, и пронесся слухъ о нѣкоторыхъ льготахъ, кѣмъ-то гдѣ-то встрѣченныхъ по желѣзнымъ дорогамъ. Школа Максимовича рѣшила навести справки, нельзя ли какъ-нибудь и ей воспользоваться льготой. На письмо начальницы школы, просив-

шей дать даровые или насколько возможно болѣе дешевые билеты (дѣлью выставялась, конечно, не французская выставка, т. к. ея была только подана мысль, а сама Москва). Отъ В. А. Половцева получилось общіе разрѣшеніе намъ проѣздъ за четверть цѣны. Это очень обрадовало и дало толчекъ къ дальнѣйшимъ хлопотамъ о содѣйствіи. Попечительница одной изъ Московскихъ городскихъ школъ Е. Н. Орлова, съ согласія другихъ лицъ, отъ которыхъ это зависѣло, предложила даровое помѣщеніе въ школъ, послѣ весенняго окончанія занятій. Музеи, обыкновенно слишкомъ переполненные въ дни, разрѣшенные для бесплатнаго входа, обязательно пообѣщали открыть бесплатно же свои двери въ любые изъ остальныхъ дней, причѣмъ завѣдующіе прямо совѣтовали не приходить въ дни наплыва толпы, т. к. это помѣшало бы толковому осмотру. Зоологическій садъ, французская выставка тоже не потребовали платы. Словомъ, отношеніе всюду было встрѣчено самое привѣтливое.

Въ послѣднихъ числахъ мая, когда закончились занятія въ учительской школъ, и выпускной классъ (26 человекъ) получилъ свои свидѣтельства, молодой рой будущихъ учительницъ не разлетѣлся сразу по своимъ роднымъ угламъ, какъ бывало до тѣхъ поръ, а всѣ вмѣстѣ двинулись въ Москву, въ сопровожденіи начальницы, двухъ надзирательницъ и одной учительницы. Тридцать человекъ везли съ собой пудовъ 26—27 багажа въ двухъ или трехъ большихъ корзинахъ и въ нѣсколькихъ тюкахъ. Городское училище могло дать только пустыя стѣны, а всѣ необходимыя вещи надо было привезти съ собой. На каждого человека было взято слѣдующее: постельникъ (тиковый мѣшокъ для сѣна или соломы), подушка, двѣ простыни, одѣяло, два полотенца, одна сѣбна бѣлья (у кого нашлось, то и обуви), двѣ тарелки, ложка, ножикъ, вилка, чайная чашка. Кромѣ того, ѣхали двѣ большія кострюли, большой самоваръ, чугунокъ для воды, двѣ суповыя оловянные чашки, щипцы для сахара, нѣсколько скатертей, солонокъ и тому подобныхъ хозяйственныхъ предметовъ. Съ вокзала въ Москвѣ двумъ ломовымъ извозчикамъ поручили довести всѣ эти вещи и весь мелкій ручной багажъ по данному адресу (извозчики билеты оставили въ залогъ исполнительности), дѣвицы же пошли по Садовой, мимо Красныхъ воротъ и Сухаревой башни, затѣмъ по Лубянкѣ, черезъ Кремль — довольно долго стояли на дворцовой набережной, любуясь видомъ и разсматривая его подробности — на Большую Никитскую, гдѣ ждала насъ квартира.

Надо сказать, что для пяти или шести дѣвицъ поѣздка по желѣзной дорогѣ была новостью сама по себѣ, такъ какъ въ свои родныя села, лежащія не по линіи, онѣ ѣздили обыкновенно на лошадяхъ. Такихъ непривычныхъ вагонъ порядочно утомили, а затѣмъ и всѣхъ вообще очень сильно утомили три часа непрерывнаго путешествія по каменнымъ плитамъ, хотя передъ этимъ устроили на вокзалѣ общій чай, чтобы нѣсколько укрѣпиться (чай, сахаръ, ситный, хлѣбъ и сыръ были съ собой, за кипяткомъ и приборы заплатили полтора рубля). Поѣздъ пришелъ въ Москву около часу дня, вещи отправили и чаю напились къ половинѣ третьяго, а до Никитской добрались не раньше половины шестого, такъ какъ остановки и разъясненія не могли не взять много времени, да и шли всѣ очень тихо, чтобы не разбиваться, и не оставлять отстававшихъ. Изъ кремлевскихъ соборовъ зашли только въ одинъ Благовѣщенскій и то лишь на нѣсколько минутъ, предо-

ставляя подробный осмотръ другому времени. Зашли также въ часовню у Иверскихъ воротъ.

Такъ какъ всѣ запаслись еще изъ Твери записными книжками, то въ первый-же вечеръ началось записываніе, для памяти, многого видѣннаго. Вечеръ длился, впрочемъ, недолго: общая усталость требовала сна. Готовить ѣды не хотѣлось: напились опять чаю, набили соломкою постельники.

Со слѣдующаго утра начался систематическій осмотръ достопримѣчательностей. Прежде всего вернулись, конечно, къ Кремлю, къ его соборамъ и дворцамъ. Обошли все по два раза, такъ какъ при первомъ обзорѣ глаза разбѣгаются, сосредоточить вниманіе трудно, молодое увлеченіе рвется впередъ и разбрасывается. Второй обзоръ идетъ спокойнѣе, трезвѣе, оставляетъ болѣе глубокіе слѣды въ сознаніи. Отъ десяти часовъ до половины четвертаго пришлось провести на ногахъ, съ напряженной мыслью, и понятно, что послѣ этого дай Богъ было только дойти домой, хотя раньше предполагалось пройти изъ Кремля въ храмъ Спасителя. Вспоминается при этомъ одна забавная подробность. Чоловѣкъ пятнадцать особенно утомившихся выбрались изъ Оружейной палаты раньше другихъ, еще досматривавшихъ послѣднія комнаты и рядкомъ присѣли отдохнуть тутъ-же на край тротуара, на пустомъ, чисто-выметенномъ дворѣ. Сторожъ, вѣроятно, смущенный необычайностью картины, подошелъ и сказалъ, что сидѣть тутъ нельзя, а если угодно, такъ стойте. Бѣдныя дѣвицы, конечно, встали и сбились въ кучку, дожидаясь остальныхъ и не зная, кому чѣмъ онѣ помѣшали, какъ не зная этого, вѣроятно, и сторожъ, желавшій добросовѣстно исполнить свою обязанность, но не имѣвшій инструкціи на такой непредвидѣнный случай.

Вечеромъ, между семью и восемью часами, сходили еще въ Кустарный музей, а оттуда, по общему желанію, прошли опять къ памятнику Пушкина: на этотъ разъ сопутствовали и вчерашнія отсталыя, съ самого утра хлопотавшія о томъ, чтобы непременно поскорѣй возмѣстить свою потерю. Многія объявили, что онѣ каждый день будутъ ходить сюда смотрѣть, но, конечно, это было намѣреніе неисполнимое: времени впереди оставалось немного (уѣхали изъ Твери съ тѣмъ, чтобы проѣздить недѣлю), знакомиться съ предстояло еще съ очень многими. Впрочемъ, на слѣдующій день свиданіе съ памятникомъ дѣйствительно еще состоялось, но уже случайно, такъ какъ въ французской выставкѣ понадобилось ѣхать по конно-желѣзной дорогѣ отъ Страстнаго монастыря. Хотя было заранѣе рѣшено ходить всюду пѣшкомъ въ видахъ сбереженія денегъ, на этотъ разъ разстояніе казалось слишкомъ велико и къ тому же хотѣлось испытать способъ путешествія «по конкѣ». Вагоны брались съ бою и при такомъ условіи, очевидно, трудно было попасть всѣмъ вмѣстѣ, ѣхать же порознь было неудобно. Кондукторъ, къ которому обратились съ вопросомъ, какъ быть, указалъ на какого-то стоявшаго вблизи господина, сказавъ, что онъ «можетъ распорядиться». И дѣйствительно, господинъ этотъ, попросивъ подождать минутъ десять, распорядился дать отдѣльный открытый вагонъ, съ тридцатью мѣстами, какъ было нужно. Выставка имѣла видъ еще не вполне устроенный, но она все-таки давала понятіе о характерѣ такихъ выставокъ вообще и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ своихъ, могла познакомить съ предметами, до тѣхъ поръ никогда не виданными нашей тверской молодежи. Таковы, напримеръ, были художественныя бронзы Барбедена, отъ которыхъ никому

не хотѣлось оторваться: каждая вещица призывала вниманіе, на каждую любовались если не такъ, какъ на прекрасный предметъ искусства (это, разумѣется, не могло быть вполне оцѣнено), то какъ на восхитительную игрушку. Въ машинномъ отдѣлѣ, машины сами по себѣ были тоже мало понятны, но модели пароходовъ и т. под. вещи разсматривались съ большимъ любопытствомъ. Въ педагогическомъ отдѣлѣ объясненія спрашивались относительно всего самыя подробныя. Картинная галлерей осталась въ сторонѣ, не посѣщенной, потому что ея бы совсѣмъ не поняли, и она могла только запутать неясность отношенія къ незнакомой живописи. — Вслѣдъ за французской выставкой, т. е. за нѣсколькими осмотрѣнными отдѣлами ея, осмотрѣли въ тотъ же день вечеромъ и азіатскую выставку, гдѣ, собственно, было мало азіатскаго, за исключеніемъ двухъ-трехъ комнатъ, на которыхъ преимущественно и остановились. Судя по впечатлѣніямъ, высказывавшимся въ тотъ же вечеръ по возвращеніи домой, дѣвицы остались менѣе довольны этимъ днемъ, чѣмъ предшествующими, хотя ждали отъ него очень многого. Это и понятно: выставочный калейдоскопъ всегда страшно утомителенъ, а въ результатѣ даетъ осязательныя приобрѣтенія только специалистамъ, определенно знающимъ, что смотрѣть и какъ смотрѣть для той или другой поставленной себѣ цѣли.

Художественная Третьяковская галлерей (четвертый день), съ лихвой вознаградила огорченіе, принесенное минутной неудовлетворенностью. Насколько трудно было непривычнымъ людямъ сгруппировать разбросанныя впечатлѣнія отъ выставокъ, настолько же дѣловымъ, полнымъ, яснымъ явилось умственное обогащеніе послѣ того, какъ передъ глазами прошли залы Крамскаго, Рѣпина, Верещагина, Маковскаго и другихъ, болѣе или менѣе крупныхъ талантовъ. Это было настоящимъ откровеніемъ: никто изъ нашихъ дѣвицъ и никогда не думалъ, что живопись можетъ говорить такъ-же сильно, увлекать такъ-же глубоко, какъ поэма, какъ драма, какъ лирика. Передъ «явленіемъ Христа народу» онѣ стояли въ Румянцевскомъ музеѣ совсѣмъ холодно, стараясь понять умомъ, но не откликаясь сердцемъ. Здѣсь же для каждой нашлись вещи по душѣ, захватившія и покорившія каждую по-своему, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрывшія неожиданную для нихъ перспективу наслажденія искусствомъ, до тѣхъ поръ незнакомымъ. «Христосъ въ пустынѣ» и «Неутѣшное горе» Крамскаго, «Царевна Софія» Рѣпина, «Царь Петръ и царевичъ Алексѣй» Ге, «Послѣ дождя», «Березовый лѣсъ», «Хуторокъ» Куинджи, многочисленные жанры Маковскаго, Прянишникова, Перова, изумительныя по своей жизненности «Двери» Верещагина и многія другія картины нашли своихъ поклонницъ. Смотрѣли, возвращались — никому не хотѣлось уходить, хоть головы и утомились очень сильно. Вышли всѣ посидѣть въ маленькій раскинутый передъ домомъ цвѣтникъ, съѣли свой завтракъ—по булѣкѣ,—потомъ еще вернулись до тѣхъ поръ, пока не прозвонилъ колокольчикъ, извѣщавшій, что галлерей закрываютъ, пора проститься. Очень можетъ быть, и даже навѣрное, многое изъ видѣннаго тогда было потомъ забыто; но нѣтъ сомнѣнія, что на всю жизнь долженъ остаться слѣдъ совершенно новаго круга пережитыхъ мыслей и чувствъ, а въ этомъ главное. Припоминается мнѣ давно видѣнная сцена: въ Ватиканѣ, въ галлерей картоновъ Рафаэля, человекъ двадцать молодыхъ воспитанниковъ іезуитской коллегіи, въ красныхъ сутанахъ, группировались вокругъ художника, кото-

рый пришел вмѣстѣ съ ними, чтобы имъ дать разъясненія. Онъ излагалъ свою лекцію сжато и сильно; они слушали съ горячимъ вниманіемъ и какъ выразительны были ихъ итальянскія лица, какъ цѣльно отдавались они этому восхваленію Рафаэля—ихъ родного генія! На фонѣ старыхъ, выцвѣтшихъ, но все еще необыкновенно сильныхъ картинъ, рисовалась эта новая живая картина, онѣ прекрасно дополняли другъ друга, и смотрѣть на нихъ было истиннымъ удовольствіемъ. Но мы отвлеклись отъ Москвы и возвратимся къ ней.

Пятый день рѣшено было употребить на осмотръ дома бояръ Романовыхъ, музеевъ историческаго и политехническаго; успѣли побывать только въ двухъ первыхъ мѣстахъ. Благодаря случайной рекомендаціи, провожатымъ въ историческомъ музеѣ явился одинъ изъ хранителей и знатоковъ его, такъ что разъясненія получились превосходныя—ясныя, содержательныя, обращающія вниманіе на суть дѣла и скользяція мимо мелочей, невозможныхъ для запоминанія при одномъ днѣ всего или, вѣрнѣе, при нѣсколькихъ часахъ бѣлаго обозрѣнія. Дѣвицы остались очень довольны. Послѣ обѣда имъ было предложено сдѣлать очень дальнюю прогулку — въ Ботаническій садъ; отъ Никитской это на другомъ концѣ Москвы, но никто не испугался. Прошли Бузнецкимъ мостомъ, чтобы знать модную московскую улицу, а затѣмъ Лубянской и мимо Сухаревой башни, видѣнной еще въ день пріѣзда. Ботаническій садъ, по случаю какихъ-то работъ въ немъ, былъ закрытъ на цѣлый мѣсяцъ для публики, но тѣмъ не менѣе пріѣзжихъ гостей очень любезно согласились выпустить, и главный садовникъ подробно показалъ все интересное.

Наступилъ послѣдній срокъ—седьмой день путешествія. Утромъ сходили въ Успенскій соборъ, еще разъ постояли на набережной; нѣкоторые желающія съ одной изъ надзирательницъ поднялись на колокольню Ивана-Великаго, вернулись домой, позавтракали, уложили свои пожитки, сдали ихъ опять домовикамъ и пошли къ вокзалу, на этотъ разъ самыми прямыми путями. Вечеромъ были въ Твери.

По выраженію многихъ участницъ поѣздки, она вся прошла, «какъ сонъ», и подробно уловить оставленные ею въ умахъ слѣды было бы крайне трудно. Нѣкоторые лица вынесли изъ нея довольно много прочнаго, у другихъ впечатлѣнія скоро ступшевались, но во всякомъ случаѣ оставалось внѣ сомнѣнія, что въ общемъ эти семь дней дали приобрѣтеній не меньше, а больше, чѣмъ любая классная недѣля. Само собою разумѣется при этомъ, что для руковолившихъ такіе дни должны были стоить и стоили напряженія большаго, чѣмъ при обычномъ теченіи жизни, но утомленіе выкупалось настроеніемъ.

По возвращеніи подсчитали окончательно расходы, и картина оказалась въ своемъ родѣ блестящая; дефицита ни копѣйки; рассчитывали издержать сто рублей, издержали девяносто семь; изъ этого числа около тридцати пяти рублей на билеты, остальное на ѣду и всѣ прочія траты. Мяса покупали ежедневно двадцать фунтовъ, а хлѣба — бѣлаго и чернаго — рубля на два. Хозяйничали сообща, и хозяйство всѣхъ удовлетворило.

Спустя годъ, отъ ученицъ слѣдующаго выпуска пошли вопросы: «Свезутъ-ли насъ въ Москву?» Начальница опять написала В. А. Половцеву, но получила отвѣтъ, что въ виду разныхъ предстоящихъ перемѣнъ въ тарифѣ,

не находить удобнымъ сдѣлать на этотъ разъ скидку. О поѣздкѣ за полную цѣну нечего было и думать.

Еще годъ, и явилось удешевленіе проѣзда. Такъ какъ распоряженіе объ этомъ получилось почти наканунѣ отпуска и такъ какъ половина цѣны все-таки вдвое больше четверти, то и выпускъ 93-го года остался безъ знакомства съ Москвой. Для него была, впрочемъ, устроена другая прогулка меньшихъ размѣровъ—по Волгѣ въ село Единоново Борчевскаго уѣзда, съ цѣлью осмотра чрезвычайно интересной школы сыроваренія и вообще большого молочнаго хозяйства Н. В. Верещагина.

Въ 1894 году, передъ весной, уже при новомъ управленіи желѣзныхъ дорогъ, опять пошло письмо въ Петербургъ съ вопросомъ: нельзя-ли дать проѣздъ даровой или за четверть цѣны? Отвѣтъ пришелъ отрицательный, но на счастье ученицъ сынъ покойнаго П. П. Максимова, основателя школы, подарилъ имъ сто рублей «на удовольствія», и явилась возможность дополнить эту сумму кой-какими мелкими сбереженіями отъ школьнаго хозяйства. На слѣдующій день послѣ послѣдняго экзамена снарядились какъ въ прошлый разъ, взяли съ собой еще трехъ сельскихъ учительницъ, пожелавшихъ примкнуть на свой счетъ, и возобновили свою Одиссею. То-же самое городское училище открыло гостепримныя двери, та-же домовладѣлица снабдила соломой, тотъ-же самоваръ сталъ усердно выполнять свое назначеніе. Благодаря опытности, получились и кой-какія лишнія удобства. Такъ, напримѣръ, взяли съ собой одну женщину изъ прислуги, чтобы не быть въ зависимости отъ чужаго человѣка на случай разныхъ мелочей, взяли нѣсколько добавочныхъ вещей изъ посуды, заранее разсмотрѣли и разъяснили планъ Москвы, чтобы можно было двигаться по ней сознательнѣе, прочитали сообще о важнѣйшихъ историческихъ памятникахъ и т. под. Прожили на этотъ разъ дольше—восемь дней вмѣсто пяти, такъ какъ въ счетъ этого времени вошли Троицынъ день и Духовъ день, когда всѣ музеи закрыты. Впрочемъ, эти два дня тоже не пропали. Не говоря уже о томъ огромномъ удовольствіи, которое получилось отъ слушанія церковныхъ службъ съ превосходными пѣвческими хорами (особенно хороша была всенощная въ храмѣ Спасителя), Троицынъ день доставилъ прогулку на Воробьевы горы. Какъ тогда въ пользу французской выставки, такъ и теперь въ пользу Воробьевыхъ горъ было употреблено слишкомъ восемь рублей на конно-желѣзную дорогу (собственно въ гору везетъ уже не конка, а маленькій паровикъ, такъ что на половинѣ пути есть пересадка), но только на этотъ разъ удовольствіе, купленное такой сравнительно-дорогой цѣной, оказалось несравненно болѣе общимъ и болѣе полнымъ. Не даромъ видъ съ Воробьевыхъ горъ считается однимъ изъ красивѣйшихъ въ Европѣ.

Дома никто не могъ въ первыя минуты ни за что приняться, тѣмъ болѣе за записныя книжки. Почти всѣ припоминали наперерывъ то одно, то другое, но рядомъ съ этимъ слышались восклицанія: «А у меня только въ головѣ шумить! все перепуталось, ничего не помню!» Всѣ, кромѣ четырехъ дежурныхъ, съ радостью протанулись на своихъ соломенныхкахъ, уложенныхъ въ рядъ по полу, дежурныя же приготавливали самовары (второй большой самоваръ былъ данъ пріотившей тверитяноекъ попечительницей московской школы); пить всѣмъ хотѣлось больше, чѣмъ ѣсть—утромъ, передъ Кремлемъ, тоже напились, конечно, чаю и тогда же съѣли по яйцу въ смятку съ чер-

нымъ хлѣбомъ и по куску бѣлаго хлѣба. Жена швейцара приготовляла между тѣмъ обѣдъ: мясной супъ и гречневую кашу; за мясомъ и прочими припасами двѣ дѣвцы съ надиврательницею еще рано утромъ сходили въ соседнюю лавку.

Базалось, что день уже совсѣмъ конченъ для воспріятія новыхъ впечатлѣній,—такое было общее мнѣніе. Только отдыхать и отдыхать. На самомъ дѣлѣ оказалось, что часамъ къ семи почти всѣ силы вернулись и по окончаніи обѣда стали раздаваться голоса: «неужели мы сегодня никуда больше не пойдѣмъ? ничего не увидимъ?» Оставалось въ распоряженіи часа два. Очень быстро собрались опять и пошли смотрѣть памятникъ Пушкина и Страстной монастырь. Остались дома нѣсколько человекъ самыхъ слабосильныхъ, но и тѣ встрѣтили потомъ возвратившихся сожалѣніями: «лучше бы идти, а въ другой разъ, пожалуй, не увидишь!» Памятникъ Пушкина особенно понравился, и о немъ было много разговора вечеромъ, какъ за послѣднимъ (третьимъ) чаемъ, такъ и тогда, когда уже всѣ легли. Легли же очень скоро, не позже, чѣмъ въ половинѣ десятого, тѣмъ охотнѣе, что на всѣхъ была только одна небольшая лампа, плохо служившая тридцати человекамъ заранѣе.

Второй день былъ отданъ Румянцевскому музею и Храму Спасителя. Въ Румянцевскомъ музеѣ, по заранѣе опредѣленному плану, осмотрѣли всего подробнѣе иностранное этнографическое отдѣленіе (модели и предметы Китая, Японіи и острововъ Тихаго океана), типы разныхъ инородцевъ, живущихъ въ Россіи, а затѣмъ долго стояли передъ картиной Иванова: «Явленіе Христа народу». Это была первая *настоящая* картина, передъ которой стояли наши молодые провинціалки. Имъ было трудно разобраться въ ней, трудно понять, въ чемъ тутъ сила, и съ другой стороны оказывалось чрезвычайно труднымъ объяснить имъ это; чувствовалось, что объясненіе скользитъ поверхностно, что глубина впечатлѣнія не затронута, что никакими словами этого не достигнуть. Въ Храмѣ Спасителя, напротивъ, настраивать вниманіе и интересъ совсѣмъ не понадобилось; всѣ сразу настроились сами,—всѣмъ Храмъ понравился въ общемъ, и его готовы были разсматривать безъ конца, во всѣхъ подробностяхъ.

Въ Духовъ день, часа въ два, отправились въ Зоологическій садъ и оттуда на дачу Студенецъ, гдѣ помѣщается школа садоводства и огородничества. (Поѣздка 91-го года осталась безъ Зоологическаго сада, какъ и безъ Политехническаго музея: не успѣли побывать). Входъ въ садъ былъ разрѣшенъ бесплатный, но, къ сожалѣнію, впечатлѣніе пришлось вынести дурное. Нельзя себѣ представить ничего несчастнѣе этихъ исхудалыхъ львовъ, неподвижныхъ, съ отчаяніемъ въ глазахъ; гдѣ ихъ красивыя, сильныя движенія? Гдѣ ихъ грозный ревъ? А бѣдный слонъ! Милый большой звѣрь, другъ дѣтей и взрослыхъ тамъ, гдѣ его самого любятъ и холятъ (напримѣръ, въ парижскомъ Jardin d'acclimatation), стоитъ здѣсь въ какомъ-то темномъ, вонючемъ помѣщеніи и о немъ всѣхъ предупреждаютъ, чтобъ не подходили близко, что онъ страшно золь, что «убьетъ». Съ вожакомъ своимъ они враги, судя по словамъ этого самаго вожака.—Болѣе жалкаго звѣринца, чѣмъ московскій, трудно себѣ представить. Множество клѣтокъ пустыхъ, а если гдѣ есть животныя, то лучше, чтобъ ихъ тамъ не было, такъ они печальны. Говорятъ, что прежде было еще хуже; это неинтересно, а вотъ интересно,

не будетъ ли лучше? Зоологическій садъ—совсѣмъ нелишняя роскошь для такого города, какъ Москва, для одного изъ «центровъ просвѣщенія».

Наоборотъ, очень хорошія воспоминанія оставила по себѣ «Дача Студенецъ» или, вѣрнѣе, пахоящійся рядомъ съ нею питомникъ преподавателя садоводства, г. Ферингера, знатока и любителя, который, случайно узнавъ, что школу садоводства пришли осматривать будущія сельскія учительницы, тотчасъ взялъ на себя показать имъ все, и тутъ же, на грядахъ, прочелъ импровизированную прекрасную лекцію о посадкѣ яблонь, объ уходѣ за ними, о прививкѣ. Дѣвицы совершенно увлеклись его увлеченіемъ и мгновенно стали строить планы о томъ, какъ онѣ сами будутъ садить у себя, какъ прїѣдутъ на курсы садоводства, и какъ это все должно разростись.

Въ прочіе дни шли своимъ чередомъ тѣ же, какъ и раньше, посѣщенія святынь, дворцовъ, музеевъ. Послѣдній, восьмой день, употребили на подробный осмотръ школьнаго отдѣла Политехническаго музея и на бѣглый обзоръ остальныхъ его отдѣловъ. Кромѣ того, въ одинъ изъ вечеровъ ходили въ Обсерваторію Швабе, но видѣть неба почти не удалось, такъ какъ было очень облачно.

Въ общемъ, вторая поѣздка обошлась въ двѣсти одинъ рубль (билеты стоили около девяноста рублей) и послѣ нея, какъ послѣ первой, осталась увѣренность, что такія поѣздки полезны, и что всегда, когда деньги и другія обстоятельства могутъ это позволить, надо ихъ устраивать.

Е. Свѣшнікова.

С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ.

Газеты извѣстили, что 22 апрѣля въ соединенномъ засѣданіи департаментовъ законовъ и государственной экономіи Государственного Совѣта разсматривался давно уже занимающій все образованное русское общество и особенно интересующій женскую молодежь, готовую посвятить себя дѣлу служенія ближнимъ на медицинскомъ поприщѣ, вопросъ объ открытіи въ С.-Петербургѣ Женскаго Медицинскаго института. По проекту Положенія объ этомъ институтѣ, онъ учреждается съ цѣлью доставленія медицинскаго образованія, преимущественно приспособленнаго къ акушерской дѣятельности и къ леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. При институтѣ полагается интернатъ для слушательницъ, не имѣющихъ возможности жить при родителяхъ или близкихъ родственникахъ. Институтъ ввѣряется начальству попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Непосредственное управленіе институтомъ съ находящимся при немъ интернатомъ принадлежитъ директору, избираемому министромъ народнаго просвѣщенія изъ опытныхъ во врачебныхъ наукахъ профессоровъ. Въ управленіи институтомъ участвуютъ: совѣтъ преподавателей, правленіе, попечительный комитетъ и инспектриса съ ея помощницами. Правленіе, кромѣ директора, состоитъ изъ четырехъ

профессоровъ, назначаемыхъ попечителемъ учебнаго округа, двухъ членовъ, избираемыхъ попечительнымъ комитетомъ и утверждаемыхъ попечителемъ учебнаго округа и инспектрисы. Въ правленіи обсуждаются важнѣйшія дѣла по хозяйственной, административной и дисциплинарной частямъ института. Попечительный Совѣтъ, на который возлагается забота о матеріальномъ пріуслѣбаніи института, составляется изъ лицъ, назначаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія, могущихъ содѣйствовать успѣшному удовлетворенію хозяйственныхъ нуждъ института и увеличеніи его средствъ.

По проекту Положенія въ слушательницы института принимаются лица христіанскаго исповѣданія не моложе 20 и не старѣе 35 лѣтъ. Въ особоваажительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа въ институтъ могутъ быть принимаемы лица, имѣющія не болѣе 35 лѣтъ. Комплектъ слушательницъ назначается министромъ народнаго просвѣщенія. Для поступленія требуется представленіе свидѣтельства о возрастѣ и званіи, аттестата, полицейскаго свидѣтельства, разрѣшенія родителей или попечителей, а замужними—согласія мужей. На поступленіе въ институтъ имѣютъ право окончившія полный курсъ женской гимназіи или другаго равнаго съ ними по правамъ женскаго учебнаго заведенія и притомъ выдержавшія испытаніе изъ обоихъ древнихъ языковъ по правиламъ, установленнымъ для поступленія въ студенты университета, въ ближайшихъ по мѣсту жительства испытываемыхъ мужскихъ гимназіяхъ. Безъ экзамена принимаются только окончившія курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, по выдержаніи тамъ-же установленнаго испытанія по латинскому и греческому языкамъ, а также лица, получившія аттестаты зрѣлости въ женскихъ гимназіяхъ, которымъ предоставлено право выдавать такіе аттестаты. За право слушанія лекцій и практическія занятія въ вспомогательныхъ учрежденіяхъ института слушательницы обязаны вносить плату въ размѣрѣ, назначаемомъ попечительнымъ комитетомъ и утверждаемомъ министромъ народнаго просвѣщенія. По расчетамъ, приводимымъ въ проектѣ Положенія, плата за занятія въ институтѣ предположена въ размѣрѣ 100 рублей въ годъ.

Продолжительность курса по проекту Положенія предположена въ четыре года и по окончаніи общаго медицинскаго образованія въ институтѣ слушательницы обязываются заниматься практикой въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ и специальныхъ больницахъ или клиникахъ женскихъ и дѣтскихъ, подъ руководствомъ опытныхъ врачей, отъ одного года до трехъ лѣтъ. Выѣсто проектированнаго четырехлѣтняго, Государственный Совѣтъ, какъ сообщаетъ «Новое Время», призналъ необходимымъ курсъ пятилѣтній, какъ на медицинскихъ факультетахъ университетовъ. Зачетъ полугодій, а также полукурсыя и окончательныя испытанія производятся примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для медицинскихъ факультетовъ.

Удовлетворительно окончившимъ курсъ института выдается дипломъ на званіе «женщина-врачъ», предоставляющій имъ: а) право повсемѣстной свободной практики на основаніи постановленій о вольно-практикующихъ врачахъ, съ занесеніемъ имени лица, получившаго дипломъ, согласно ст. 128 устава врачебнаго, въ списокъ врачей, имѣющихъ право на медицинскую въ Имперіи практику; б) право выписывать изъ аптекъ по рецептамъ сильно дѣйствующія средства; в) право, въ качествѣ специалистовъ по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, занимать повсемѣстно, но безъ правъ государственной

службы, должности врачей при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ, школахъ и другихъ женскихъ воспитательныхъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, а равно при женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родо-вспомогательныхъ заведеніяхъ, а также при учрежденіяхъ по надзору за проституціей, и г) право допуска губернскимиъ медицинскими управленіями къ завѣдыванію земскими медицинскими участками и находящимися въ этихъ участкахъ сельскими больницами и приемными покоями и другими сельскими лечебными заведеніями. Женщины-врачи не допускаются къ завѣдыванію общими больницами и лечебными заведеніями въ городахъ и къ дежурству въ нихъ, а также къ исполненію обязанностей врачей въ присутствіяхъ по воинской повинности и къ производству судебно-медицинской экспертизы по требованіямъ судебныхъ учреждений. Впрочемъ, по свѣдѣніямъ «Новаго Времени» при разсмотрѣніи Положенія объ институтѣ рѣшено допускать женщинъ-врачей, извѣстныхъ своей практической дѣятельностью, къ производству судебно-медицинской экспертизы; подробности же случаевъ, когда женщина-врачъ можетъ произвести судебно-медицинскую экспертизу, предоставлено выработать министру народнаго просвѣщенія по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

А. С.

Вопросникъ

для психологическаго изслѣдованія о первыхъ воспоминаніяхъ дѣтства.

Въ психологической литературѣ есть нѣсколько наблюденій о томъ, какіе первые факты нашего дѣтства мы помнимъ, и какому возрасту они соответствуютъ, но еще не существуетъ спеціальнаго изученія этого вопроса, который представляетъ не малую важность для психологій. Это изученіе я предполагаю сдѣлать съ помощью нижеслѣдующаго вопросника, и буду весьма благодаренъ всѣмъ лицамъ, которые пришлютъ мнѣ отвѣты, если не на всѣ, то хоть на нѣкоторые вопросы.

1. Возрастъ и главнѣйшія занятія?
2. Способны-ли вы представлять себѣ въ *зрительныхъ* образахъ какойнибудь предметъ или какое-нибудь лицо? напримѣръ, представляете ли вы себѣ яблоко, лампу и т. д.?
3. Бываютъ ли у васъ *слуховыя* представленія? напримѣръ, слышите ли вы «внутренно» голосъ знакомаго вамъ человѣка, или музыкальное произведеніе?
4. Какое первое воспоминаніе вашего дѣтства? Прошу описать возможно подробно это воспоминаніе и сообщить, насколько оно ясно, въ какихъ образахъ оно проявляется и какому возрасту соответствуетъ?
5. Имѣлъ ли какое-нибудь значеніе въ вашей жизни тотъ фактъ, о которомъ вы помните, и какое?

6. Рассказывали ли вамъ про этотъ фактъ, или это воспоминаніе явилось само, непосредственно?

7. Объясняете ли вы себѣ какъ-нибудь это первое воспоминаніе и какъ?

8. Какое второе воспоминаніе изъ вашего дѣтства? Какой промежутокъ времени отдѣляетъ это воспоминаніе отъ перваго?

9. Начиная съ какого возраста вы помните цѣлый рядъ фактовъ, но еще не связанныхъ между собою? Въ какихъ образахъ являются у васъ эти воспоминанія?

10. Съ какого возраста начинаете вы помнить вашу жизнь, т. е. цѣлый рядъ фактовъ, связанныхъ между собою?

11. Съ какого возраста вы начинаете помнить вашъ собственный голосъ и ваше «я»?

12. Имѣете ли вы воспоминанія нашего дѣтства во снѣ? Какія и какъ они проявляются.

Отвѣты на этотъ вопросникъ я прошу присылать мнѣ въ Лейпцигъ (Германія) Johannis Allee, 12—II.

(Изъ журн. «Вопросы психологіи и философіи»).

Викторъ Амри.

Учительскій трудъ и вознагражденіе.

(Письмо въ редакцію).

Въ послѣднее время въ обществѣ и печати пробудился особенный интересъ къ дѣлу народнаго образованія. Стали поговаривать объ обязательномъ обученіи; касаются мимоходомъ и скучнаго учительскаго быта. Признаютъ единодушно, что *въ общемъ* положеніе народнаго учителя далеко неблестящее; крайне недостаточное вознагражденіе, убогое, холодное и сырое помѣщеніе, недостатокъ человѣческаго общества, книгъ, товарищескаго общенія—вотъ типичныя черты учительскаго житья-бытья. Все это уже извѣстно обществу, и оно стало болѣе или менѣе удачно бороться со зломъ. Правда, симпатіи общества нерѣдко носятъ характеръ чрезчуръ платоническій, но и это—признакъ добрый: все-же лучше, чѣмъ ничего. Но для того, чтобы успѣшно бороться съ недугомъ, нужно хорошо знать его, а учительскій бытъ еще ждетъ своего бытописателя. Говорятъ, Петръ Великій, желая изучить военный бытъ, пробылъ съ мѣсяцъ на солдатскомъ пайкѣ. Такой способъ трудный, но самый вѣрный, чтобы узнать учителя со всѣхъ его хорошихъ и дурныхъ сторонъ: нельзя-же судить о дѣлѣ, не зная его, или же зная его поверхностно, по наслышкѣ. Многіе изучаютъ постановку учебнаго дѣла и при этомъ совершенно игнорируютъ учителя, забывая, что онъ—душа всего дѣла. Нужно непременно близко стоять у дѣла, на мѣстѣ изучать его, чтобы имѣть возможность вѣрно и авторитетно судить о немъ, а многіе не могутъ похвалиться этимъ. Объединительнымъ органомъ такихъ наблюденій должна служить мѣстная печать. Только при такихъ условіяхъ предъ обществомъ

встанетъ, какъ живой, нравственный обликъ русскаго сельскаго учителя, съ его солиднымъ, подчасъ непосильнымъ трудомъ, съ его вседневными заботами и нуждами. Тогда явится серьезная возможность помочь ему, и учительство перестанетъ быть подвигомъ, какъ это нерѣдко случается теперь. Учителя въ правѣ требовать отъ общества обстоятельнаго изученія ихъ быта, какъ первой и самой серьезной награды за свой почтенный трудъ. Конечно, желательно матеріальное обезпеченіе учителей; но не этого желаютъ *прежде всего* ихъ лучшіе, истинные представители. Какъ нуженъ намъ воздухъ, рыбъ вода, такъ имъ необходимы: вниманіе и участіе общества, нравственная поддержка, увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, прочная постановка учебнаго дѣла и устраненіе всего того, что тормозитъ это дѣло. Сколько лучшихъ, благороднѣйшихъ людей гибнетъ потому только, что они не встрѣчаютъ нравственной опоры, дѣйствуютъ одиноко, тратятъ силы, способности, здоровье, не достигая цѣли. Знающаго учителя страшитъ не трудъ, съ которымъ онъ справляется играючи, не бѣдность, къ которой онъ привыкъ отъ колыбели, а именно отсутствіе указанныхъ условий и та сѣть мелочныхъ дрязгъ, побочныхъ обстоятельствъ, которая душитъ учителя, нарушаетъ его душевное равновѣсіе, лишаетъ покоя и здоровья. А между тѣмъ этотъ-то «слонъ» и остается незамѣченнымъ. Бываютъ случаи особенно возмутительные. Расскажемъ одинъ изъ нихъ, имѣвшій мѣсто въ народномъ училищѣ на фабрикѣ Знеберъ, Мальцевскаго товарищества, въ Брянскомъ уѣздѣ. Въ началѣ счастье улыбнулось этому училищу. Бывшій директоръ фабрики г. Цуриковъ, человекъ энергичный и просвѣщенный, будучи пораженъ низкимъ образовательнымъ и нравственнымъ уровнемъ населенія, порѣшилъ устроить школу-часовню. Ему пришлось выдержать борьбу съ мѣстнымъ обществомъ, не желавшимъ дѣлать крупной затраты. Но онъ имѣлъ большое вліяніе, сдѣлалъ сборы—и вскорѣ уже красовалось прекрасное зданіе новаго училища; отведена земля для сада. (Нужно замѣтить, что многіе гг. директора на Мальцевскихъ заводахъ усиленно заботятся объ открытіи и благоустройствѣ училищъ). Въ школу попалъ учитель-идеалистъ, Г. Н. А.—въ, человекъ, преданный своему дѣлу, вполне стоящій въ курсѣ новой школы. Поддерживаемый г. Цуриковымъ, онъ быстро поставилъ школу на блестящую ногу. Правда, учитель не жалѣлъ себя, ввелъ вечернія занятія и работалъ безъ устали. Въ прошломъ году былъ первый выпускъ учениковъ школы. Школа была признана инспекторомъ народныхъ училищъ одною изъ лучшихъ въ уѣздѣ. Это вполне подтвердилъ въ своемъ отчетѣ бывшій членъ училищнаго совѣта, Н. П. Прохоровъ, ревизовавшій училища. (Отчетъ этотъ былъ напечатанъ въ «Орл. Вѣст.» въ прошломъ году). Въ истекшемъ году г. А.—въ былъ командированъ земствомъ на курсы садоводства; но, не довольствуясь своей школой, онъ въ союзѣ съ однимъ священникомъ организуетъ школу грамоты въ д. Годуновкѣ, проектируетъ общество трезвости. Казалось-бы, что личность учителя должна обрисоваться вполне. Но въ мартѣ этого года вышелъ непопаятый «казусъ», навлекшій не мало нареканій на учителя. Учитель неожиданно прогналъ сторожа, сдѣлалъ перерывъ занятій, вошелъ въ пререканія со старостой, а въ заключеніе заболѣлъ и находится на краю могилы. Вскорѣ г. Цуриковъ ушелъ, не закончивъ вполне дѣла. Учитель и школа въ лицѣ его лишились и теплаго, душевнаго участія, и нравственной и матеріальной поддержки, словомъ—всего. Учителю пришлось считаться

неустанно съ проявленіи самаго грубаго невѣжества со стороны мѣстныхъ мироѣдовъ. Часовня осталась недостроенною. Общество, истратившее около 2.000 р. на устройство училища, отказалось израсходовать нѣсколько десятковъ рублей на необходимыя поправки: школа осталась непроконопаченною, потолоки не насыпаны, полы плохо сбиты, сѣни не сдѣланы теплыми, а въ результатѣ: учитель и дѣти простуживаются, занятія нарушаются, и никому нѣтъ до этого дѣла. Училищнаго сторожа стало нанимать общество,—кого же оно выбрало?—Человѣка завѣдомо грубаго, лѣниваго, дѣлавшаго дерзости самому учителю на каждомъ шагу. Дѣтей онъ наказывалъ по своему усмотрѣнію; уходилъ изъ школы, когда ему вздумается; не давалъ дѣтямъ воды, и они, по словамъ очевидцевъ, утоляли жажду снѣгомъ на улицѣ. Казалось-бы, такому звѣрю мѣсто не въ школѣ, а на цѣпи; но онъ, видите-ли, отецъ старосты, работать не можетъ, а староста верховодитъ въ обществѣ,—ну и «пристроили». Начальства, по безграничной скромности, учитель жалобами не утруждалъ, хотя и усиленно хлопоталъ объ удаленіи сторожа. Въ мартѣ сторожъ ушелъ, по обыкновенію, не спросясь. На урокъ внезапно заболѣлъ ученикъ. Сторожа нѣтъ,—и пришлось самому учителю, прервавъ занятія, вести мальчика къ фельдшеру. Когда сторожъ возвратился и учитель сдѣлалъ ему выговоръ, то онъ отвѣчалъ приблизительно слѣдующее: «чортъ тебя поberi, вмѣстѣ съ твоими ребятами». А затѣмъ «обиженный» сторожъ сталъ такъ грубъ, что учитель не вынесъ и прогналъ его, а отъ старосты потребовалъ новаго сторожа. Но староста сталъ на сходѣхъ пространно обсуждать этотъ вопросъ, взводилъ на учителя небывалыя клеветы. Нѣсколько дней училище не отапливалось. Наконецъ, дали сторожа; но онъ переночевалъ только одну ночь, а по уходѣ его не досчитались одной вещи. Мы слышали, что ни одинъ человѣкъ въ обществѣ не рѣшится быть сторожемъ, изъ боязни впасть въ немилость старосты-воротилы. Узнали объ этой исторіи и люди образованные, но нѣкоторые начали осуждать учителя: онъ, видите-ли, не по формѣ прогналъ сторожа и не донесъ объ этомъ. А теперь учитель умираетъ: неизвѣстно, что больше убило учителя,—простуда-ли, или нравственныя терзанія. Вотъ вамъ и награда за самоотверженіе. Нѣтъ, пора, пора обществу ветрахнуться и облегчить трудное и отвѣтственное дѣло учительства.

Народный учитель.

Два юбилея.

(В. Г. Васильевского и А. Н. Веселовского.)

Недавно мы были свидѣтелями рѣдкаго въ Россіи праздника двадцатипятилѣтняго юбилея профессорской дѣятельности двухъ выдающихся русскихъ ученыхъ, ординарныхъ академикомъ Академіи Наукъ: Василія Григорьевича Васильевского и Александра Николаевича Веселовскаго. Почтенные юбиляры оба состоятъ ординарными профессорами въ С.Петербургскомъ университетѣ, первый—по кафедрѣ всеобщей исторіи, второй—по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы; оба они приблизительно въ одно время, 25 лѣтъ тому назадъ, выступили на научное поприще, оба почти въ одно время получили въ университетѣ кафедры, и у обоихъ служеніе на пользу и славу русской науки богато блестящими результатами. Занимаясь исторіей Западной Европы, они устояли отъ искушенія забыть изъ-за нея родную старину, и потому заслуги ихъ въ одинаковой мѣрѣ важны и для западной науки, и для нашей, а имена ихъ съ уваженіемъ произносятся не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ.

Василій Григорьевичъ Васильевскій родился 21-го Января 1838 г. въ с. Ильинскомъ, Любимскаго уѣзда, Ярославской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Кончивъ Ярославскую семинарію, В. Гр. въ 1856 г. поступилъ въ педагогическій институтъ, а въ 1859 г. перешелъ на IV курсъ Петербургскаго университета, гдѣ занимался подъ руководствомъ проф. Благовѣщенскаго, Срезневскаго и Стасюлевича. Въ 1862 г. былъ онъ посланъ на казенный счетъ за границу и слушалъ лекціи Моммзена и Дройзена въ Берлинѣ и Адольфа Шмидта въ Іенѣ. По возвращеніи на родину В. Г. учительствовалъ въ Виленской гимназіи, а съ 1870 г., послѣ защиты магистерской диссертациі подъ названіемъ «Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка», получилъ кафедру всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ. Степень доктора, онъ получилъ honoris causa, безъ всякой защиты, признанный достойнымъ ея за свои ученые заслуги. Кромѣ университета В. Гр. преподавалъ одно время въ Лицѣвѣ, въ Духовной Академіи и на Бестужевскихъ курсахъ.

Въ 1890 г. В. Г. былъ избранъ ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ и тогда-же взялъ на себя редакторство «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Ученые труды В. Гр-ча, перечисленные подробно въ академической «запискѣ А. А. Буника», поражаютъ своимъ числомъ и разносторонностью интересовъ автора: онъ работалъ по древней исторіи, по исторической этнографіи и географіи, по русской и литовской исторіи,—наконецъ, въ послѣднее время особенно по византійской исторіи вообще и по отношенію ея къ русской и болгарской.

По отзывамъ лицъ, близко знающихъ В. Гр-ча, нашъ почтенный ученый

является въ жизни человѣкомъ необыкновенно сердечнымъ, отзывчивымъ; молодежь, изъ которой онъ составилъ цѣлую школу, единогласно свидѣтельствуеъ, что вниманіе и серьезность, съ какою относится В. Гр. къ ея сомнѣніямъ и недоумѣніямъ, дѣлаеъ изъ него неоцѣненного руководителя въ научныхъ занятіяхъ. Пожелаемъ-же почтенному ученому еще на многіе годы силы, здоровья и бодрости душевной!

А. Н. Веселовскій родился въ Москвѣ въ 1838 году. Отецъ его служилъ въ 1-мъ, а потомъ въ 3-мъ кадетскомъ корпусѣ, былъ человѣкомъ очень просвѣщеннымъ, и въ немъ Ал. Н. всегда встрѣчалъ большую поддержку въ своихъ занятіяхъ. Мать Ал. Н-ча, нѣмка по рожденію, своими заботами о сынѣ, много облегчила ему дальнѣйшую дѣятельность, основательно познакомивъ его съ 3-мя главными языками. По окончаніи 2-ой гимназіи, Ал. Н.—чъ поступилъ въ университетъ, увлекался Будряцевымъ, Леонтьевымъ и Буслаевымъ. Въ это-же время освоился Ал. Ник. съ итальянскимъ и испанскимъ языками. Въ 1862 году онъ былъ командированъ за границу, былъ въ Германіи, Чехіи, Италіи; въ 1870 году защитилъ въ Москвѣ магистерскую диссертацию подъ названіемъ «Вилла Альберти» и занялъ въ Петербургѣ катедру всеобщей литературы; въ 1872 году Ал. Н. защитилъ докторскую диссертацию о «Соломонѣ и Китоврасѣ»; въ 1878 онъ былъ избранъ членомъ Академіи Наукъ; въ 1885 году по его почину учреждено было общество германо-романской филологіи, составлявшее сначала лишь отдѣленіе филологическаго общества; съ 1885 года Ал. Ник. Веселовскій состоятъ его предсѣдателемъ и недавно къ его юбилею члены общества почтили его званіемъ «почетнаго члена».

Ученые труды Ал. Ник-ча перечислены въ «Запискѣ» о его трудахъ, составленной И. И. Срезневскимъ, и вторично, подробнѣе, въ «Указателѣ къ научнымъ трудамъ А. Н. Веселовскаго, проф. Имп. Спб. Унив. и академика Имп. Акад. Наукъ 1859—1885 и (Спб. 1888). Ихъ число и разнообразіе положительно дѣлаеъ Ал. Н-ча ученымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Итальянская литература эпохи Возрожденія, средневѣковыя легенды на всѣхъ европейскихъ языкахъ, русскія повѣсти и апокрифы, духовные стихи, народная поэзія—все это у насъ нашло въ немъ пока единственнаго историка и цѣнителя, вооруженнаго изумительной эрудиціей. Въ послѣднее время, какъ мы слышали, нашъ почтенный ученый занятъ двумя интересными трудами «Исторіей всеобщей литературы» и «Поэтикой», въ основу которой лягутъ его многолѣтнія наблюденія надъ исторіей поэтическихъ родовъ въ ихъ историческомъ развитіи.

Живой, увлекающійся Ал. Ник. на всякаго собесѣдника производитъ чарующее впечатлѣніе; «съ Ал. Н-чемъ стоить часъ поговорить,—и на цѣлый годъ наберешься энергіи», слышали мы отъ одного изъ его многочисленныхъ учениковъ и почитателей. Эти слова знаменательны и отлично характеризуютъ Ал. Н-ча. Пожелаемъ-же и ему отъ всей души еще на многіе годы такого-же славнаго и полезнаго служенія наукъ!

В. В. С.

О приютѣ для глухонѣмыхъ.

(Письмо въ редакцію).

Въ виду крайне настоятельной необходимости имѣть возможно большее число приютовъ-училищъ для глухонѣмыхъ дѣтей можно было бы обратиться къ содѣйствию монастырей въ этомъ святомъ дѣлѣ, которое вполне отвѣчаетъ ихъ миссиі.

Каждый мужской и женскій монастырь не откажется устроить приютъ-школу на такое число дѣтей, какое они въ состояніи содержать.

Члены педагогическаго персонала училищъ глухонѣмыхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, какъ лица вполне опытные въ дѣлѣ обученія такихъ дѣтей, могли бы взять на себя трудъ ознакомленія руководителей монастырскихъ школъ-приютовъ съ приемами обученія и средствами нравственнаго вліянія на питомцевъ.

Если Господь судить осуществиться этому великому предпріятію, то желательно, чтобы отъ времени до времени посылались компетентныя и сочувствующія дѣлу лица для провѣрки, какъ поставлено обученіе, воспитаніе и содержаніе глухонѣмыхъ въ монастырскихъ приютахъ.

На Западѣ, какъ извѣстно, приюты и училища для глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, идиотовъ и др. возникали обыкновенно при католическихъ монастыряхъ. Въ исторіи учебно-воспитательнаго дѣла между знаменитыми педагогами, посвятившими свои способности и силы дѣлу воспитанія несчастныхъ, обездоленныхъ дѣтей, не мало находимъ знаменитыхъ именъ, принадлежащихъ монахамъ. Отчего-же не быть этому и въ нашихъ монастыряхъ и среди нашихъ иноковъ?

Мы полагаемъ, что дѣло это легко осуществить; стоитъ лишь раздаться властному слову, призывающему монастыри къ этому святому дѣлу.

Священникъ Константинъ Лорченко.

Изъ жизни и литературы

Х Р О Н И К А.

Торжественное открытіе Ксеніинскаго института.—Потребность въ высшемъ женскомъ образованіи.—О провинціальномъ просвѣщеніи.—Къ вопросу объ обязательности начального образованія.—Противъ тѣлесныхъ наказаній.—Общество школьныхъ дачъ для учениковъ.

Торжественное открытіе Ксеніинскаго Института.

25-го марта, въ 4-мъ часу дня, состоялось торжественное открытіе новаго Ксеніинскаго института, въ бывшемъ Николаевскомъ дворцѣ. На это торжество собрались министры: Императорскаго Двора и удѣловъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, военный—генераль-адъютантъ П. А. Ванновскій, финансовъ—С. Ю. Витте, юстиціи—Н. В. Муравьевъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ, управляющій морскимъ министерствомъ г.-ад. Н. М. Чихачевъ, управляющій министерствомъ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ, государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія оберъ-гофмейстеръ князь М. С. Волконскій, оберъ-егермейстеръ князь Б. Ф. Голицынъ, оберъ-гофмаршалъ князь С. Н. Трубецкой, оберъ-церемоніймейстеръ князь А. С. Долгорукій; почетные опекуны: М. Н. Островскій, баронъ А. Ф. Гойнингенъ-Гюне, графъ А. А. Бобринскій, Е. У. Араповъ, Е. А. Блокъ, Н. В. Бидошенковъ, графъ Д. А. Капнистъ и другіе; командующій Императорскою Главною Квартирою генераль-ад. П. А. Черевинъ, г.-ад. фонъ-Кауфманъ и другія высокопоставленныя лица. Среди собравшихся на торжество также находились и придворныя дамы, во главѣ съ гофмейстериною Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, княгинею Голицыною во главѣ.

До съѣзда приглашенныхъ лицъ въ институтъ собрались: главноуправляющій вѣдомства учреждений Императрицы Маріи графъ Н. А. Пратасовъ-Бахметевъ, его товарищъ В. В. Верховскій, управляющій дѣлами вѣдомства камергеръ П. М. фонъ-Кауфманъ, управляющій Ксеніинскимъ институтомъ графъ Ламсдорфъ, начальница института княгиня Голицына и другія начальствующія въ институтѣ лица. О торжествѣ открытія газ. «Новости» говорить слѣдующее:

«Въ правой рекреационной залѣ, у покоевъ Августѣйшей Попечительницы института Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ксеніи Александровны, были среди зелени приготовлены мѣста для иконъ, по сторонамъ которыхъ стояли двѣ хоругви. Вскорѣ въ институтъ были привезены иконы «Спаса Нерукотвореннаго», «Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ и Казанская». Вслѣдъ за ними стало съѣзжаться духовенство, среди котораго находились: высокопреосвященнѣйшій Палладій, митрополитъ петербургскій и ладожскій, высокопреосвященный Антоній, архіепископъ выборгскій и финляндскій, преосвященный Назарій, епископъ гдовскій, протопресвятеръ придворныхъ соборовъ І. Д. Янышевъ, протоіерей: Смирновъ, Іоаннъ Сергіевъ (Бронштадтскій) и Розановъ и священникъ Дерновъ.

Въ третьемъ часу дня стали съѣзжаться въ институтъ Особы Императорской Фамилии, Великіе Князья: Владиміръ Александровичъ съ Августѣйшей Супругою Великою Княгинею Марією Павловною; Алексѣй Александровичъ, Дмитрій Константиновичъ, Михаилъ Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, Александръ Михайловичъ и Сергій Михайловичъ.

При входѣ Ихъ Императорскія Высочества были встрѣчены графами: Пратасовымъ-Бахметевымъ, Ламсдорфомъ и начальницею института княгинею Голициною. При встрѣчѣ Великой Княгини графъ Ламсдорфъ поднесъ букетъ изъ живыхъ розъ.

Ровно въ 3 часа дня въ институтъ прибыли Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна. При входѣ Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены графомъ Пратасовымъ-Бахметевымъ, т. с. Верховскимъ, камергеромъ фонъ-Кауфманомъ, графомъ Ламсдорфомъ и начальницею института, княгинею Голициною. При встрѣчѣ графъ Пратасовъ-Бахметевъ поднесъ Ея Императорскому Величеству букетъ изъ живыхъ розъ.

По прибытіи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ помѣщеніе Августѣйшей Попечительницы института, высокопреосвященнѣйшій Палладій, митрополитъ петербургскій и ладожскій въ сослуженіи съ собравшимся духовенствомъ совершилъ молебствіе съ водосвятиемъ, передъ которыми сказалъ посвященное торжеству слово и передалъ Государю Императору икону Казанской Божіей Матери, — какъ благословеніе институту. По окончаніи чина водосвощенія тронулся изъ рекреационнаго зала крестный ходъ къ помѣщенной на парадной лѣстницѣ памятной доскѣ. Впереди крестнаго хода за запрестольнымъ крестомъ и хоругвами шли попарно воспитанницы въ коричневыхъ платьяхъ и бѣлыхъ передникахъ, за ними пѣвчіе въ синихъ кафтанахъ, далѣе нижніе чины л.-гв. коннаго полка въ бѣлыхъ мундирахъ несли чудотворныя иконы, затѣмъ уже шло духовенство. Отецъ Іоаннъ Бронштадтскій несъ икону Казанской Божіей Матери — благословеніе митрополита. За духовенствомъ шли Государь Императоръ, Великіе Князья и всѣ собравшіяся на торжество лица. Поднявшись въ верхній этажъ, крестный ходъ остановился у завѣшенной бѣлымъ полотномъ мраморной доскѣ, съ обѣихъ сторонъ убранной экзотической зеленью и цвѣтами. Здѣсь же было устроено особое мѣсто для чудотворныхъ иконъ. По прибытіи къ этому мѣсту, митрополитъ совершилъ литію по въ Бозѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ III, основателѣ этого института. Во время пѣнія «Вѣчная память», всѣ опустили на колѣни. По окончаніи литіи съ доски спала завѣса, и всѣ собравшіяся могли

прочестъ золотомъ написанныя на бѣломъ мраморѣ слова: «Ксеніинскій институтъ основанъ Императоромъ Александромъ III 25 іюля 1894 года. Открытъ Императоромъ Николаемъ II, 25-го марта 1895 года». Послѣ этого было возглагошено и пропѣто многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, Государынѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ и Августѣйшей Попечительницѣ института Великой Княгинѣ Ксеніи Александровнѣ. Затѣмъ крестный ходъ направился обратно, во время шествія митрополитъ кропилъ св. водою. На обратномъ пути Государь Императоръ съ Великими Князьями и духовенствомъ посѣтилъ церковь института, а затѣмъ уже возвратился обратно въ рекреационный залъ, гдѣ митрополитъ совершилъ второе молебствіе съ многолѣтіемъ Государю Императору и всему Царствующему Дому. Предъ окончаніемъ молебствія Ихъ Императорскія Величества и Высочества прикладывались къ св. кресту. По окончаніи молебствія Ихъ Императорскія Величества и Высочества осматривали всѣ помѣщенія института въ нижнемъ этажѣ и послѣ этого, въ пятомъ часу дня отбыли изъ института. По отъѣздѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ всѣмъ собравшимся былъ предложенъ завтракъ отъ Высочайшаго Двора.

Потребность въ высшемъ женскомъ образованіи.

«Русскія Вѣдомости» выражаютъ надежду, что послѣ благопріятнаго разрѣшенія вопроса о женскомъ медицинскомъ институтѣ, не будетъ оставленъ безъ вниманія и вопросъ объ общемъ научномъ образованіи женщинъ. Названная газета приводитъ факты, лучше всего свидѣтельствующіе о несомнѣнной потребности высшаго женскаго образованія.

Помимо продолжающейся успѣшной дѣятельности Бестужевскихъ курсовъ въ Петербургѣ, наплывъ слушательницъ на которые не можетъ быть объясненъ никакой искусственной приманкой въ родѣ получения особыхъ правъ и т. п., и въ жизни другихъ городовъ можно видѣть проявленіе, въ томъ или другомъ видѣ, того-же самаго стремленія женщинъ къ научному образованію. Послѣ закрытія существовавшихъ прежде высшихъ женскихъ курсовъ стало замѣтно увеличеніе числа слушательницъ на педагогическихъ чтеніяхъ, на болѣе или менѣе случайно открывающихся общихъ или специальныхъ лекціяхъ различнаго содержанія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ создались даже особыя организаціи для посильнаго возмѣщенія закрытыхъ курсовъ. Укажемъ, напр., на дѣйствующіе при московскомъ «Обществѣ воспитательницъ и учительницъ» такъ-называемые коллективные уроки, на которыхъ сообщаются свѣдѣнія какъ по физико-математическимъ, такъ и по историческимъ наукамъ. Въ разныхъ провинціальныхъ, неуниверситетскихъ даже городахъ, напр., въ Нижнемъ-Новгородѣ или въ Тифлисѣ, устроились подобныя-же организаціи, не говоря уже о публичныхъ лекціяхъ, имѣющихъ обыкновенно повсемѣстный успѣхъ и тоже являющихся однимъ изъ суррогатовъ, такъ-сказать, отсутствующихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Остановимся нѣсколько на одной, кажется, послѣдней по времени, попыткѣ систематическимъ образомъ придти на помощь стремленію женщинъ къ научному образованію.

Въ январѣ текущаго года въ Харьковѣ, по соглашенію между мѣстными Обществомъ взаимнаго вспоможенія учительницъ и «Историко-филологическимъ

Обществомъ», состоящимъ при харьковскомъ университетѣ, послѣднее организовало, на основаніи особыхъ правилъ, систематической курсъ по различнымъ наукамъ историко-филологическаго факультета. Читенія должны касаться слѣдующихъ предметовъ: психологіи, исторіи философіи, всеобщей и русской исторіи, исторіи всеобщей и русской литературы, языковѣднія, исторіи искусства, географіи и этнографіи. Во главѣ дѣла поставлена коммиссія изъ трехъ членовъ историко-филологическаго Общества, лекторами являются члены того-же Общества, профессора харьковскаго университета. Въ текущее учебное полугодіе назначены были три курса по русской исторіи (общее введеніе, древній періодъ и московское княжество), два курса по всеобщей исторіи (древней и средней), два курса по всеобщей литературѣ,—одинъ по русской, одинъ по языкознанію; съ осенняго семестра предположено большее число курсовъ по указанной выше программѣ. Въ текущемъ году чтенія эти состоялись и, какъ сообщалось въ мѣстныхъ газетахъ, имѣли полный успѣхъ. Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ и отзывчивости историко-филологическаго Общества, въ Харьковѣ организовались систематическіе курсы для женщинъ по широкому отдѣлу наукъ.

Этотъ и другіе подобные факты показываютъ, что въ нашемъ обществѣ среди женщинъ существуетъ потребность въ серьезно постановленномъ научномъ образованіи. Сомнѣваться въ наличности такой потребности невозможно. Она опредѣленно сказывалась и въ прежнее время, когда ею и былъ вызванъ къ существованію цѣлый рядъ высшихъ женскихъ курсовъ; она не могла исчезнуть и потомъ, когда курсы эти были закрыты, и вполне ясно проявляется въ постоянныхъ попыткахъ дать такъ или иначе удовлетвореніе этой потребности. Но самымъ лучшимъ и цѣлесообразнымъ средствомъ для этого было-бы вновь разрѣшить, въ видѣ общей мѣры, устройство высшихъ женскихъ курсовъ, какъ это и проектировала министерская коммиссія.

О провинціальномъ просвѣщеніи.

Въ «Новостяхъ» (№97) напечатана корреспонденція изъ Харькова о выдающемся успѣхѣ публичныхъ лекцій П. И. Вейнберга, прочитанныхъ въ этомъ университетскомъ городѣ съ просвѣтительно-благотворительной цѣлью; въ этой корреспонденціи вскользь затронуть и общій вопросъ, о которомъ можно и должно побесѣдовать нѣсколько подробнѣе: вопросъ этотъ—о просвѣтительныхъ нуждахъ и стремленіяхъ провинціи.

Намъ не разъ приходилось отмѣчать, что за послѣднее время провинціальное общество въ своихъ культурныхъ стремленіяхъ зачастую возвышается надъ столичнымъ обществомъ; именно, это-же явленіе подчеркиваетъ и харьковская корреспонденція. Въ то время, когда въ столицахъ книга забывается или, по крайней мѣрѣ, игнорируется все больше и больше, въ провинціи наличный составъ публичной бібліотеки оказывается недостаточнымъ для удовлетворенія просвѣтительныхъ потребностей общества. Аналогичное отношеніе провинціального и столичнаго общества наблюдается не только къ книгѣ, но и къ другимъ «средствамъ просвѣщенія»: стоитъ, напримеръ, сравнить публичные лекціи, прочитанныя минувшимъ великимъ

постомъ у насъ въ Петербургѣ и въ провинціи: здѣсь лекторамъ очень часто приходилось ограничиваться нѣсколькими десятками слушателей; между тѣмъ какъ въ Харьковѣ лекціи г. Вейнберга вызвали такой живой интересъ въ средѣ мѣстной интеллигенціи, который ясно говорилъ, что, именно, тамъ, въ далекой провинціи, общество способно «томиться духовной жаждой» и отыскивать всё способы къ ея удовлетворенію. Если въ Петербургѣ профессоръ Вагнеръ могъ жаловаться, что «Мазини отнял у него всю публику», то П. И. Вейнбергъ въ Харьковѣ долженъ былъ считать себя «на высотѣ призванія», встрѣтивъ чуть-ли не мазиневскій приемъ, выразившійся въ переполненной слушателями аудиторіи и шумныхъ оваціяхъ.

Г. Вейнбергу принадлежитъ первый починъ въ хорошемъ, полезномъ дѣлѣ просвѣщенія провинціи. Если не ошибаемся, онъ уже предпринимаетъ третью провинціальную поѣздку для чтенія публичныхъ лекцій. До этихъ поръ почтенный лекторъ избиралъ только университетскіе города: Кіевъ, Одессу и Харьковъ. Организуются г. Вейнбергомъ его лекціи прекрасно: онѣ имѣютъ, именно, просвѣдительно-благотворительную цѣль; но и благотворительность въ данномъ случаѣ обуславливается просвѣдительными задачами: какъ видно изъ отчетовъ мѣстныхъ газетъ и сообщенія нашего корреспондента, часть сбора со своихъ кіевскихъ лекцій г. Вейнбергъ пожертвовалъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира; крупное пожертвованіе при посредствѣ своихъ харьковскихъ лекцій онъ внесъ въ фондъ мѣстной общественной бібліотеки. Сторона чисто просвѣдительныхъ лекцій П. И. Вейнберга также заслуживаетъ безусловнаго одобренія: онъ выбираетъ обще-литературныя темы, выступая съ характеристикой и объясненіемъ классиковъ и классическихъ произведеній, т. е. даетъ слушателямъ то, что должно являться фундаментомъ литературнаго образованія; въ Харьковѣ онъ читалъ о Фаустѣ; въ предшествовавшихъ своихъ провинціальныхъ поѣздкахъ, насколько припоминаемъ, онъ выступалъ съ этюдами о Байронѣ и Гете.

Полный успѣхъ провинціальныхъ лекцій г. Вейнберга—явленіе чрезвычайно отрадное и, несомнѣнно, имѣющее общественное значеніе. Явленіе это свидѣтельствуетъ о томъ, что всё эти шаблонныя, избитыя нападки на провинцію за ея будто-бы безпросыпную спячку, за непрерывный вить, за постоянныя попойки и пр., въ сущности, подсказываются намъ гораздо больше нашимъ высокоуміемъ, чѣмъ «дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла». Еслибы статистика способна была вычислить процентное отношеніе времени, затрачиваемаго на игру въ карты и на попойки столичнымъ и провинціальнымъ обществами, то едва-ли перевѣсъ оказался бы на сторонѣ послѣдняго. Уже если у насъ учрежденный «съ специально-интеллигентными» цѣлями клубъ ничего другого, кромѣ картъ, не признаетъ, то что можно наблюдать во всѣхъ другихъ мѣстахъ, сосредоточивающихъ общество? Но допустимъ даже, что въ провинціи играютъ и пьютъ столько-же, сколько въ столицѣ; за то въ провинціи обширныя бібліотеки оказываются недостаточными для удовлетворенія потребностей общества въ чтеніи. Публичныя лекціи привлекаютъ массы слушателей; не только университетскіе, но даже маленькіе города устраиваютъ, раньше и торжественнѣе столицъ, юбилейныя поминки славныхъ покойниковъ, оставившихъ потомству дорогое наслѣдіе въ области литературы и науки.

Намъ думается, что современнымъ дѣателямъ въ сферѣ науки и литературы необходимо обратить серьезное вниманіе на эти просвѣтительныя стремленія провинціи. Починъ г. Вейнберга—благой починъ и заслуживаетъ дружной поддержки со стороны представителей литературы и науки. Нѣтъ сомнѣнія, что если лекціи столичныхъ литераторовъ и ученыхъ встрѣчаютъ полный успѣхъ въ крупныхъ провинціальныхъ городахъ, которые являются до известной степени культурными центрами, то еще съ большимъ сочувствіемъ онѣ будутъ пріветствуемы интеллигентнымъ обществомъ городовъ, вовсе не имѣющихъ своихъ профессоровъ, ученыхъ и литераторовъ. Во всякомъ случаѣ, опытъ устройства публичныхъ лекцій въ такихъ городахъ, какъ Тула, Самара, Саратовъ, Рязань, Екатеринбургъ, Курскъ, Воронежъ и т. п., нужно считать однимъ изъ наиболѣе важныхъ пріемовъ въ дѣлѣ развѣтвляющагося и распространяющаго просвѣщенія. Понятно, что такой опытъ не можетъ быть осуществленъ однимъ лицомъ, несмотря на всю его энергію, любовь къ дѣлу и добрыя намѣренія; въ данномъ случаѣ необходима известная общность просвѣтительныхъ силъ. П. И. Вейнбергу принадлежитъ удачная инициатива въ хорошемъ дѣлѣ; отчего ею не воспользоваться другимъ нашимъ литераторамъ и ученымъ? Неужели, дѣйствительно, насъ могутъ связывать только карты, а не культурныя задачи? Во имя этихъ культурныхъ задачъ, во имя благого дѣла просвѣщенія провинціального общества можно и слѣдуетъ составить маленькую корпорацію, особый кружокъ лицъ, располагающихъ средствами просвѣщенія и обязанныхъ придти съ ними на помощь тѣмъ «томимымъ духовной жаждой», которые въ окружающей провинціальной обстановкѣ не имѣютъ возможности найти удовлетвореніе своимъ просвѣтительнымъ стремленіямъ.

Наступающее время лѣтнихъ каникулъ, кажется намъ, особенно удобно для устройства провинціальныхъ лекцій столичныхъ ученыхъ и литераторовъ; теперь можно сговориться и выработать общій планъ и подробности этого устройства; у г. Вейнберга, какъ пионера провинціальныхъ публичныхъ лекцій, есть уже известный опытъ и знакомство съ провинціей, стоитъ только къ нему примкнуть 6—7 литераторамъ и ученымъ и проектируемое нами просвѣтительное предпріятіе безъ особаго труда можетъ быть определено и осуществлено. Разумѣется, первый же опытъ провинціальныхъ лекцій выяснитъ ихъ будущность. Мы думаемъ, даже увѣрены, что будущность эта окажется блестящей».

Къ вопросу объ обязательности начального образованія.

Обращаемъ вниманіе читателей на то, что известный Харьковскій профессоръ Шимковъ вполне сходитса съ нами во взглядѣ на невозможность обязательности начального образованія въ Россіи. На дняхъ онъ сдѣлалъ, по словамъ «Харьк. Губ. Вѣд.», докладъ въ мѣстномъ обществѣ грамотности о народномъ образованіи и коснулся въ немъ животрепещущаго вопроса объ обязательномъ обученіи. Докладчикъ, высказавшійся, противъ обязательности первоначального образованія, привелъ не лишеныя интереса доводы.

Принудительныя мѣры могутъ только вызвать, по его мнѣнію, недовѣріе и протестъ со стороны народа; въ какомъ-нибудь глухомъ мѣстѣ, куда не проникла еще потребность въ образованіи, можетъ явиться даже сопротив-

леніе населенія закону обязательности обученія; и школа, такимъ образомъ, будетъ скомпрометирована въ глазахъ народа. Ради этого одного на первыхъ порахъ школу не слѣдуетъ дѣлать обязательной. Можно установить, чтобы волости и сельскіе сходы ставили приговоры объ обязательномъ обученіи дѣтей, можно такимъ обществамъ предоставлять какія-нибудь льготы, но не вводить закона объ обязательности обученія, не принимать репрессивныхъ мѣръ.

Проф. Шимковъ придерживается того взгляда, что въ установленіи у насъ обязанности первоначальнаго обученія нѣтъ необходимости.

Необходимо, по его словамъ, имѣть столько школъ, чтобы обученіе могло быть всеобщимъ, но не надо принуждать посѣщать школы. Народная школа при той ея постановкѣ, какая была до сихъ поръ, завоевала себѣ симпатіи населенія; всѣ существующія школы въ настоящее время переполнены, занятія въ послѣднее время стали въ нихъ гораздо правильнѣе и продолжаются болѣе длинный срокъ. Народъ любитъ и цѣнитъ школу, и это потому, что никто ему не навязываетъ ее; школа сама себя провела въ народную жизнь.

Противъ тѣлесныхъ наказаній.

Къ категорическому и горячему протесту печати, земствъ, медицинскихъ обществъ и пр. противъ тѣлесныхъ наказаній присоединился голосъ изъ далекой Сибири. «Стыдному» для конца XIX в. вопросу посвятила симпатичныя строки газета «Внисей». Газета смотритъ впередъ оптимистически.

Надо надѣяться, говорить газета, что намъ недолго придется ждать уничтоженія уцѣлѣвшаго у насъ позорнаго наслѣдія татарскаго ига, которому мы и обязаны введеніемъ у насъ влута. Надо надѣяться, что удовлетвореніе возбужденныхъ земствами и врачами ходатайствъ не встрѣтитъ затрудненій, и что примѣръ этихъ земствъ и врачей вызоветъ подражаніе и со стороны остальныхъ земствъ и медицинскихъ обществъ. Надо, наконецъ, надѣяться, что предъ такими авторитетными заявленіями представителей церкви, медицины и знакомыхъ съ крестьянскимъ бытомъ земствъ умолкнуть немногочисленные защитники тѣлесныхъ наказаній,— «стыдному вопросу» время уже стоять въ области исторіи...

Общество школьныхъ дачъ для учениковъ Спб. среднихъ учебныхъ заведеній отпечтало отчетъ за 13-й школьнодачный годъ для мальчишковъ и за 12-й годъ для дѣвочекъ. Какое благотворное вліяніе на здоровье дѣтей производитъ пребываніе на дачѣ—видно, говорить «Новое Время», изъ таблицъ о прибавкѣ въ ростѣ, въ окружности груди и въ вѣсѣ вѣсныхъ дачницъ и дачниковъ. Пребываніе на свѣжемъ воздухѣ въ теченіе почти 2¹/₂ мѣсяцевъ (72 дня), прогулки и экскурсіи по возможности съ образовательной цѣлью (ботаническія—подъ руководствомъ г. Бузнецова), игры въ саду,—волшебный фонарь, хоровое пѣніе и даже устройство трехъ спектаклей при участіи мальчишковъ-дачниковъ—все это наполняло ихъ время, освѣжало новыми впечатлѣніями ихъ духъ; въ воскресные и праздничные дни дѣти посѣщали храмъ Божій. Школьныя дачи возбуждали въ публикѣ общее сочувствіе: артисты г-жа Лавровская, г. Яковлевъ, г. Главачъ со студентами и гимназистами дали концертъ въ пользу общества; окружные

дачники устраивали для дѣтей фейерверки, угощенія, денежные сборы; врачи безвозмездно пользовали больныхъ дѣтей. Въ сожалѣнію, средства общества все еще недостаточны для постройки задуманной собственной дачи въ память Императора Александра III: собрано пока около 1.800 руб. Совѣтъ общества рассчитываетъ на участіе къ обществу добрыхъ людей, которые и могутъ вносить свои лепты казначею общества протоіерею Вѣтвѣнницкому, законоучителю третьей гимназіи (Соляной переулокъ, д. № 12). Предсѣдателемъ общества состоитъ графъ С. Д. Шереметевъ, товарищемъ предсѣдателя— д-ръ Б. А. Раухфусъ, членами совѣта: протоіереемъ Вѣтвѣнницкій, пасторъ Бротте (реформ. фр. ц.), гр. П. Ю. Сюзоръ, директоръ уч. св. Петра г. Фризендорфъ. 13 лѣтъ состоялъ членомъ совѣта пасторъ голландской церкви г. Гиллотъ (нынѣ выбылъ); попечительницей школьной дачи для дѣвочекъ состоитъ супруга ген.-лейт. О. А. Тилло, а школьной дачи для мальчиковъ— прот. Вѣтвѣнницкій. Общество израсходовало въ прошлый школьный сезонъ около 6.000 р. и давало пріютъ на своихъ дачахъ 68 мальчикамъ и 35 дѣвочкамъ, т. е. въ среднемъ на каждого ребенка-дачника всего около 60 р., считая тутъ все: наемъ дачи, проѣзды дѣтей, продовольствіе, прачки, администрація и т. д. Такимъ образомъ, будемъ помнить, что, пожертвовавши 60 руб., можно обезпечить дачную жизнь и содѣйствовать поправленію здоровья уже одного ребенка, а нуждающихся въ дачномъ отдыхѣ, къ сожалѣнію, не мало.

КЪ СТАТИСТИКѢ ОБРАЗОВАНІЯ.

Народное образованіе въ Канадѣ въ 1893—94 г.

По послѣднему официальному отчету, который мы находимъ въ «Revue Pédagogique» (1895, № 2) въ учебномъ 1893—94 году въ Канадской провинціи Квебекъ, итогъ учениковъ, записанныхъ въ списки всевозможныхъ школъ простирался до 284.047 на 1.500.000 населенія.

Среднее ежедневное число учениковъ, присутствовавшихъ въ классахъ, было 214.960. Число школъ было 5697.

Такимъ образомъ, на 1 школу приходилось по 50 учениковъ и по 38 ежедневныхъ посѣщеній. 1 школа приходилась на 263 жит. и на 103 кв. километра пространства. Значительность послѣдней цифры объясняется тѣмъ, что въ провинціи Квебекъ плотность населенія весьма слаба, а именно, простирается до 3 жит. на 1 кв. километръ.

Персоналъ учащихся состоялъ изъ 9.392, въ томъ числѣ 1.757 мужчинъ и 7.635 женщинъ, т. е. первыхъ было 18,7 проц., а вторыхъ 81,3 проц., или болѣе, нежели вчетверо больше.

Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ въ большинствѣ культурныхъ странъ, заключается, особенно въ элементарныхъ школахъ, значительное преобладаніе

женскаго учащаго персонала передъ мужскимъ. На 1 учащаго приходилось среднимъ числомъ по 30 учащихся, что надо признать условіемъ благопріятнымъ. Между учителями и учительницами, особенно въ католическихъ школахъ, были недипломированные. Недипломированныхъ учителей было 3,4, а учительницъ 13,3 проц. общаго числа тѣхъ и другихъ.

Почти всѣ учителя и особенно учительницы недипломированные занимались въ школахъ католическихъ. Среднее жалованье дипломированнаго учителя въ элементарной католической школѣ было: 232 доллара (около 304 р. по номин. стоимости, а въ протестантской — 641 долларъ (около 840 р.). Для учительницъ дипломированныхъ въ элементарныхъ католическихъ школахъ среднее жалованье было 106 долларовъ (139 рубл. номин.), а въ протестантскихъ—185 (242 р.). Всѣ эти нормы жалованья признаются недостаточными и обуславливаютъ то, что учителя и учительницы не дорожатъ своимъ положеніемъ, и при первой возможности измѣняютъ профессию на другую, лучше вознаграждаемую.

Статистика народнаго образованія въ Орловской губерніи за 1894 г.

По послѣднему отчету губернской земской управы за 1894 г. въ Орловской губерніи, не считая городовъ, было 553 сельскихъ школы и, слѣдовательно, 1 школа приходилась въ среднемъ на 74,2 кв. вер. (радіусъ школьнаго круга = 4,9 в.) и на 13 слишкомъ населенныхъ мѣстъ.

Для отдѣльныхъ-же уѣздовъ школьные районы были еще гораздо болѣе неблагопріятны. Въ слѣдующей таблицѣ сгруппированы и вычислены по уѣздно главнѣйшія школьныя цифры:

У ѣ з д ы :	Число школъ.	Число учащихся.			Процентныя отношенія.		Простр.	Число жителей.	Число школъ на село.	
		Мальч.	Дѣвоч.	Итого.	Мальч.	Дѣвоч.			Число семей.	Показатель образованія.
1. Орловскій . . .	71	3.698	687	4.375	84,0	16,0	38,3	2.139	9,8	2,9
2. Мценскій . . .	21	1.344	239	1.583	84,0	16,0	100,3	4.121	39,0	1,6
3. Болховской . . .	26	2.080	145	2.225	94,5	5,5	87,8	4.958	20,0	1,8
4. Карачевскій . . .	26	1.423	111	1.534	94,9	5,1	121,6	4.451	17,3	1,2
5. Брянскій . . .	36	2.008	275	2.283	87,3	12,7	168,4	3.832	24,1	1,6
6. Трубчевскій . . .	36	1.867	236	2.103	88,9	11,1	125,5	3.568	13,5	1,7
7. Сѣвскій . . .	40	2.344	225	2.569	90,1	9,9	87,5	3.470	11,4	2,1
8. Дмитровскій . . .	43	2.103	116	2.221	95,6	4,3	50,3	2.296	7,2	2,2
9. Кромскій . . .	41	3.723	342	4.065	90,8	9,2	47,0	2.931	8,7	3,4
10. Мало - Архангелъскій . . .	48	3.457	660	4.117	84,3	15,7	68,5	4.045	14,6	2,1
11. Ливенскій . . .	95	5.505	1100	6.605	83,4	16,6	52,6	3.693	7,8	1,8
12. Елецкій . . .	75	4.235	509	4.744	90,1	9,9	53,0	3.523	13,0	1,8
Итого . . .	553	33.787	4647	38.424	88,0	12,0	74,2	3.617	13,3	1,9

Расходы на содержаніе школъ по источникамъ ихъ поступления показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Уѣзды.	Уѣздныхъ земствъ.	Сельскихъ обществъ.	Частныхъ лицъ.	Губернск. земствъ.	Минист. народн. просв.
1	10.400	7.593	—	} 500	} 5722
2	4.330	3.700	—		
3	5.212	2.542	2.528		
4	8.416	—	—		
5	10.000	—	—		
6	7.460	8.433	250		
7	21.610	—	—		
8	9.504	3.059	—		
9	13.600	237	—		
10	5.352	9.164	1.600		
11	9.640	28.050	—		
12	19.569	5.472	—		
125.099		68.520	4.378	500	5722
			203.949		
61,4 проц.		33,6 проц.	2,1 проц.	0,2 проц.	2,8 проц.

Национальный союзъ учащихся въ Англіи.

Извѣстно, что великая англійская ассоціація, называющаяся *Националь-нымъ союзомъ учащихся* (National Union of Teachers), причисляетъ себя къ группѣ тѣхъ национальных союзовъ, или обществъ, задача которыхъ заключается въ коллективной охранѣ общихъ интересовъ членовъ одной и той же профессіи,—обществъ, извѣстныхъ въ Англіи подъ названіемъ *рабочихъ союзовъ* вообще. Союзъ учащихся учрежденъ сравнительно недавно, а именно въ 1870 г. при 400 членахъ. Въ концѣ 1894 года онъ имѣлъ 27.597 членовъ. Задачи союза слѣдующія: 1) объединять учащихся съ цѣлью доставленія имъ возможности выражать ихъ мнѣнія, когда обстоятельства того требуютъ и предпринимать коллективныя дѣйствія во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ общихъ интересовъ; 2) доставлять учащимъ и воспитывающимъ неопредѣлимое преимущество пользованія ихъ коллективной опытностью при обсужденіи и рѣшеніи всевозможныхъ вопросовъ педагогической практики; 3) совершенствовать учебно-воспитательное дѣло въ странѣ поднятіемъ качества и положенія учащихся и воспитывающихъ; 4) слѣдить за дѣйствіемъ школьных законовъ, заботиться о включеніи въ дѣйствующій кодексъ школьных постановленій новыхъ правилъ, являющихся необходимыми въ интересахъ общественнаго образованія и воспитанія и всѣми мѣрами стараться объ отменѣ и уничтоженіи такихъ правилъ, которыя вредятъ успѣхамъ народнаго образованія; 5) обеспечивать пенсіями престарѣлыхъ и впавшихъ въ инвалидность членовъ ассоціаціи; 6) учреждать всякаго рода вспомогательные, сберегательные, благотворительные и т. п. приносящіе ежегодный доходъ фонды, имѣющіе связь съ цѣлями союза; 7) учреждать и поддерживать пріюты для сиротъ и сиротскіе фонды для дѣтей членовъ ассоціаціи; 8) принимать мѣры къ обеспеченію надлежащаго представительства профессіи въ парламентѣ и 9) поднимать и совершенствовать преподаваніе, съ чѣмъ неизбѣжно связано и поднятіе достоинства самой корпораціи учащихся, посредствомъ правильной ихъ регистраціи, дающей возможность назначать для каждаго

рода школъ учителей и учительницъ соотвѣтственной профессиональной подготовки.

Органомъ союза служить еженедѣльная газета: «The School master», основанная въ 1872 г. (каждый номеръ въ 32 большія страницы; годовая цѣна съ приложениями 6½ шиллинговъ).

Эта газета въ номеръ отъ 2-го февраля 1895 г. съ гордостью констатируетъ, что по абсолютному числу членовъ національный союзъ учащихся занимаетъ въ ряду другихъ рабочихъ союзовъ Англiи восьмое мѣсто.

Вотъ число членовъ двѣнадцати главнѣйшихъ союзовъ:

Механики	73.526
Рудокопы Юрширскіе	55.000
» Дургамскіе	50.000
Башмачники и сапожники	41.274
Плотники и столяры	40.996
Работники по кораблестроенію	38.238
Служащіе на желѣзныхъ дорогахъ	33.826
Учителя и учительницы (Союзъ учащихся)	27.597
Каменьщики (кирпичныхъ работъ)	22.253
Ткачи	19.327
Рудокопы Нотингамшпра	18.835
Каменьщики (каменныхъ работъ)	18.683

По пропорціи общей цифры рабочихъ извѣстной профессіи къ числу рабочихъ, принадлежащихъ къ союзу соотвѣтствующей профессіи, союзъ учащихся занимаетъ второе мѣсто, что видно изъ слѣдующей таблицы:

	Общее число рабочихъ.	Число рабоч. въ асоп.	Проц.
Рудокопы	400.000	301.000	75
Учащіе	49.340 *)	27.597	56
Башмачники	123.000 **)	46.250	37
Служащіе на желѣзныхъ дорогахъ	120.000	43.500	36
Рабочіе по свинцовымъ издѣліямъ	24.000	7.000	29
Каменьщики (по кирпичнымъ работамъ)	105.000	24.000	23
Плотники	150.000	33.000	22
Маляры и штукатуры	84.000	15.550	18
Портные	110.000 ***)	16.100	15

Въ Англiи остается только около 3,000 учителей, не принадлежащихъ къ составу союза. Напротивъ того, число учительницъ, еще не состоящихъ въ спискахъ союза, простирается до 20.000. И такъ первыхъ 15 проц., а вторыхъ слишкомъ 68 проц. общаго числа тѣхъ и другихъ отдѣльно. Это показываетъ, что между женщинами-учительницами сознание взаимной солидарности и товарищества развито пока несравненно слабѣе, нежели между мужчинами-учителями.

*) Въ томъ числѣ женщинъ 29.345.

**) Женщинъ 23.000.

***) Женщинъ 47.000.

Бюджетъ города С.-Петербурга на народное образованіе въ 1894 г.

Городомъ С.-Петербургомъ на долю народного образованія израсходовано въ 1894 году 742.392 р. 49 к., изъ нихъ на содержаніе городскихъ начальныхъ училищъ 608.970 р. 35 к., на содержаніе воскресныхъ школъ 5.132 р. 93 к., на содержаніе бесплатныхъ читаленъ 11.994 р. 56 к., на пособіе постороннимъ учебнымъ заведеніямъ 8.265 р. и на пособіе частнымъ профессиональнымъ и ремесленнымъ школамъ 17.474 р. 11 к.

Дума въ истекшемъ году, въ ознаменованіе дня бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, постановила: учредить въ городскомъ домѣ ремесленную школу для учащихся обоюго пола и отпускать на ея содержаніе ежегодно до 30.000 р.

Такимъ образомъ собственно на народное образованіе, т. е. на содержаніе начальныхъ городскихъ училищъ, воскресныхъ школъ, бесплатныхъ читаленъ и на пособіе профессиональнымъ и ремесленнымъ школамъ городомъ С.-Петербургомъ израсходовано 643.571 р. 95 коп., что составляетъ 6,4 проц. общаго городского бюджета, (простиравшагося круглымъ числомъ до 10.000.000). Этотъ процентъ сравнительно съ затратами на тотъ же предметъ другихъ европейскихъ столицъ долженъ быть признанъ незначительнымъ.

Статистическія данныя о преступности. Профессоръ по кафедрѣ политической экономіи мюнхенскаго университета, Брентано, издалъ свои наблюденія и изслѣдованія относительно вліанія хлѣбныхъ цѣнъ на преступность. Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, обратившемъ вниманіе большинства иностранныхъ газетъ, мюнхенскій профессоръ ссылается на статистическія параллели, проведенныя баварскимъ статистикомъ Мейеромъ между преступностью и колебаніями цѣнъ на хлѣбъ, преимущественно на рожь, за періодъ времени отъ 1835 по 1862 годъ включительно. Въ эти 27 лѣтъ съ каждымъ новышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ совпадало увеличеніе числа уголовныхъ дѣлъ въ Баваріи. Малѣйшее вздорожаніе хлѣба сопровождалось, по среднему расчету, одною кражею больше на каждыя 100.000 жителей. Профессоръ Брентано выводитъ статистику преступности для всей Германіи съ 1882 по 1891 годъ, и приведенныя имъ цифры вполне подтверждаютъ заключенія Мейера. На каждыя 100.000 совершеннолѣтнихъ, число осужденныхъ за преступленія и проступки противъ собственности увеличивалось по мѣрѣ вздорожанія ржи, а всякое пониженіе ея стоимости на хлѣбномъ рынкѣ сопровождалось обратнымъ явленіемъ, и, по замѣчанію Брентано, «служило населенію какъ-бы охраною отъ воровъ».

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Культура нравственности.

Профессоръ Н. П. Вагнеръ прочелъ въ залѣ городского кредитнаго общества публичную лекцію о культурѣ нравственности. Лекторъ жалуется на отсутствіе въ жизни нашего общества общественной совѣсти. Длинный рядъ судебныхъ процессовъ, раскрытыхъ злоупотребленій (дѣло Сиво-Дзинскаго, процессъ графа Соллогуба, Ольги Палемъ и др.) указываетъ намъ на это. Много зла лежитъ въ непониманіи истины въ нашихъ отношеніяхъ другъ къ другу, много зла даже и въ самомъ актѣ проявленія общественной совѣсти— въ нашей благотворительности. нашихъ благотворителей проф. Вагнеръ дѣлитъ на три группы: 1) люди, которые подъ видомъ заботливости о меньшей братіи, заботятся исключительно лишь о себѣ, о томъ, чтобы имъ было весело и уютно, и не только не заботятся о нуждающихся, но даже сами живутъ на счетъ меньшей братіи; 2) вторую группу представляютъ люди, жертвующіе на благоудные дѣла и раздающіе милостыню, но это лишь эгоистичные формалисты; 3) есть, правда, и болѣе симпатичная группа благотворителей — истинные любители благотворенія, щедрою рукою одѣляющіе немущихъ, но и они дѣлаютъ это лишь для успокоенія совѣсти и удовлетворенія своего самолюбія и не заботятся о томъ: нравственно это или безнравственно. По мнѣнію лектора, это безнравственно: милостыня не должна имѣть мѣста въ благоустроенномъ государствѣ. Протягиваніе руки за милостынею является исключительно привычкою къ легкому труду,—привычкою, которая составляетъ общую слабость всего человѣчества; раздача милостыни только укрѣпляетъ въ человѣкѣ пагубную привычку къ протягиванію руки, и поэтому раздаваніе милостыни— безнравственно. Недостатокъ воли въ нашемъ обществѣ— вотъ главная причина нищенства, и поэтому устранять это печальное явленіе необходимо воспитаніемъ, укрѣпленіемъ воли; это достигается упражненіемъ ея, какъ упражненіемъ разныхъ органовъ нашего тѣла мы достигаемъ ихъ развитія. Такимъ образомъ, можно воспитать изъ эгоиста альтруиста и наоборотъ. Раздвоеніе общественной совѣсти особенно ярко сказывается въ борьбѣ эгоизма съ альтруизмомъ, зла съ добромъ; въ этой борьбѣ участвуютъ наши психическія силы и наша совѣсть. Наше общество въ настоящее время представляется лектору въ видѣ двухъ лагерей: обезпеченныхъ и обездоленныхъ, и разнь этихъ лагерей грозитъ и у насъ дойти до тѣхъ громадныхъ размѣровъ, какіе она приняла уже въ западной Европѣ, если мы не успѣшимъ воспитать и культивировать въ себѣ совѣсть и альтруизмъ. Первый шагъ къ альтруизму представляетъ такъ называемое прощеніе, но этотъ шагъ представляетъ безконечный рядъ компромиссовъ съ совѣстью и, идя по этому пути, можно дойти до состоянія Діогена; поэтому путь этотъ не рекомендуется лекторомъ. Вообще, представляется необходимость тѣмъ или другимъ путемъ

воспитать нашу совѣсть, ибо какъ мы можемъ воспитывать дѣтей, когда сами не воспитаны?

Въ послѣдніе годы въ Америкѣ и въ Западной Европѣ стали возникать общества культуры нравственности, цѣлью которыхъ было способствовать развитію этической культуры какъ среди членовъ общества, такъ и внѣ его. Насажденіе подобныхъ обществъ у насъ принесло-бы не мало пользы въ дѣлѣ воспитанія нравственности. Съ этою мыслью лекторъ выступилъ печатно еще въ 1890 году, въ своемъ романѣ «Темный путь», гдѣ одинъ изъ его героевъ устраиваетъ кружки этической культуры. Кроме того, лекторъ самъ основалъ такой кружокъ, но кружокъ распался по собственной винѣ основателя. Н. П. Вагнеръ приглашаетъ слушателей организовывать подобныя кружки, причемъ для членовъ кружковъ рекомендуетъ слѣдующіе приемы, ведущіе къ выработкѣ нравственности: говорить одну только правду вездѣ и всегда, принимать съ благодарностью всѣ указанія со стороны членовъ кружка на недостатки даннаго лица, быть искреннимъ, стремиться къ достиженію благъ духовныхъ, а не матеріальныхъ, любить общественное дѣло, какъ свое личное, стремиться къ справедливости, воздавать добромъ за зло, не питать ни къ кому ненависти и презрѣнія, не вступать въ споръ ради спора, подавлять самоувѣреніе, защищать слабыхъ и обижаемыхъ и стремиться къ доставленію имъ благополучія.

Кретинъ въ антропологическомъ обществѣ.

Въ засѣданіи антропологическаго общества, состоявшагося при военно-медицинской академіи, профессоръ психіатрической клиники военно-медицинской академіи Бехтеревъ демонстрировалъ крайне интересный типъ кретинки. На столѣ было поставлено маленькое существо, которое можно было принять за куклу,—такъ оно было неподвижно. Существо это—дѣвушка 25 лѣтъ, родомъ изъ Новгородской губ.; она найдена была у одной нищей, которая видошь ея пробуждала жалость у добродетельныхъ дателей. Дѣвушка эта представляетъ типичный случай классическаго кретинизма; изъ 9 дѣтей, родившихся у ея родителей, остальные 8 совершенно нормальны. Развитіе дѣвочки продолжалось только до трехлѣтняго возраста, съ трехъ-же лѣтъ оно совершенно прекратилось и до настоящаго времени дѣвушка, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, по своимъ размѣрамъ и умственнымъ способностямъ похожа скорѣе на трехлѣтнюю. Психическое развитіе ея также не пошло дальше трехъ лѣтъ: говорить она не умѣетъ и знаетъ лишь нѣсколько короткихъ словъ, вроде «татка», «мамка» и нѣсколько словъ молитвы; родителей по именамъ не знаетъ; привязанности она ни къ кому особенно не питаетъ и лишь любитъ играть въ куклы и животныя. Измѣренія ея показали, что вѣсить она 20,780 граммъ (около 50 фунтовъ), общій ростъ ея—90 сантиметровъ (1 аршинъ 4 верш.); въ развитіи черепа особенно рѣзкихъ уклоненій не встрѣчается; вообще, голова ея развита почти нормально и лишь лицевой уголъ (уголъ Жакляра) поразителенъ по своимъ размѣрамъ (98). Половое развитіе ея также прекратилось съ трехъ лѣтъ. Психика ея подавлена; она проявляетъ крайній индефферентизмъ ко всему окружающему и способна подолгу оставаться безъ движенія въ той позѣ, которую ей придадутъ. По поводу этого типа кретинизма профессоръ Бехтеревъ прочелъ цѣлую лекцію объ

этомъ явленіи, вообще. Существуетъ цѣлый рядъ гипотезъ о происхожденіи кретинизма. Но несомнѣнно пока лишь то, что явленіе это — инфекціонное и находится въ связи съ почвенными условіями данной мѣстности; это доказывается тѣмъ, что у насъ въ Россіи имѣются цѣлыя мѣстности, пораженныя кретинизмомъ; такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской и Казанской губерній, въ Сибири на Алтаѣ и въ Иркутской губ., на Кавказѣ (въ Сванетіи) и Уралѣ существуютъ цѣлыя селенія, дающія кретинивъ, тогда какъ соприкасающіяся съ ними деревни не поражены этимъ недугомъ; подобное эндемическое развитіе кретинизма даетъ поводъ предположить, что оно находится въ зависимости отъ особенностей воды, мѣстоположенія и т. п. условій данной мѣстности.

Пожертваніе на школы.

— Колежскій ассесоръ Лебедевъ пожертвовалъ принадлежащій ему въ г. Симбирскѣ домъ съ землею и садомъ, а также капиталъ,—всего на сумму въ 70,537 руб. 78 коп., съ цѣлью устройства на эти средства ремесленного училища для обученія дѣтей-сиротъ сапожному, портняжному и столярному ремесламъ, а также живописи. Типъ будущаго ремесленного училища пока еще не опредѣленъ.

— Въ Ростовѣ на Дону, 23 февраля городская дума ассигновала единовременно 25 тысячъ рублей на открытіе средняго технического учебнаго заведенія и отводитъ безвозмездно участокъ земли подъ постройку зданія.

— Въ послѣднемъ засѣданіи Рыбинской городской думы докладывалось интересное для гор. Рыбинска письменное увѣдомленіе гг. душеприказчиковъ покойнаго д. с. с. Мерк. Елиз. Комарова, уроженца Ярославской губ., о пожертвованіи имъ 320 тысячъ рублей на устройство ремесленно-техническаго училища въ гор. Рыбинскѣ.

— Для предоставленія грамотнымъ простолюдинамъ возможности пріобрѣтать дешовыя печатныя сочиненія и брошюры черниговское губернское земское собраніе постановило открыть въ Черниговѣ книжный складъ губернскаго земства. Для этого склада предназначается принадлежащій земству въ Черниговѣ каменный домъ, не имѣющій въ настоящее время никакого назначенія; на приспособленіе его къ книжному складу ассигновано 500 руб. На оборотные расходы—3,000 руб. и на содержаніе лица, завѣдующаго складомъ 600 руб.

— Въ февралѣ 1895 г. въ комитетъ грамотности поступило на народныя читальни, устраиваемыя при содѣйствіи земствъ, безъ специальныхъ указаній 1.589 р. 57 к., на тотъ-же предметъ со специальными указаніями 156 р., и того вся сумма 1.736 р. 57 к.

Всѣхъ суммъ къ 1-му марта 1895 г. на устройство народныхъ читаленъ пожертвовано безъ специальныхъ указаній—17.503 р. 38 к., на тотъ-же предметъ со специальными указаніями 4.728 р. 58 к., всего-же 22.231 р. 96 к.

— Въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, Гравворонское уѣздное (курской губ.) земское собраніе постановило учредить 14 народныхъ библиотекъ-читаленъ, причѣмъ на этотъ предметъ рѣшено отпускать ежегодно 1,400 руб.,—по 100 руб. на каждую библиотечку.

— На средства обывателей города Лодзи вновь учреждено, въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, четырехклассное городское училище. Прибывшая въ Петербургъ депутація отъ имени всего городского населенія города Лодзи будетъ ходатайствовать о разрѣшеніи назвать это училище «Николаевскимъ».

— Лодзинскій фабрикантъ почетный гражданинъ Израиль Познанскій пожертвовалъ 14-го ноября 1894 г. сто тысячъ рубл. на постройку зданія для предполагаемаго къ учрежденію въ городѣ Лодзи мануфактурно-промышленнаго училища, взаимнѣ существующаго высшаго ремесленнаго училища. Прибывшая изъ Лодзи депутація будетъ ходатайствовать о Высочайшемъ разрѣшеніи именовать это училище «Николаевскимъ».

ИЗЪ ОБЛАСТИ ЗНАНІЙ.

Вліяніе электрическаго свѣта на нервную систему. Въ вѣнскихъ газетахъ появился недавно обстоятельный отчетъ о лекціи, читанной въ Вѣнѣ профессоромъ Штиркеромъ по весьма важному гигиеническому вопросу относительно вліянія электрическаго свѣта на нервную систему человѣка. Профессоръ Штиркеръ, основываясь на многолѣтнихъ наблюденіяхъ, пришелъ къ заключенію, что для вполне нормальнаго молодого человѣка со здоровыми нервами электрическое освѣщеніе гораздо пріятнѣе всякаго другаго, такъ какъ обладаетъ свойствомъ не распространять теплоты и вмѣстѣ съ тѣмъ издаетъ яркій свѣтъ, производящій на нервы легкое возбужденіе. Но то-же электрическое освѣщеніе оказываетъ совершенно иное вліяніе на людей пожилыхъ лѣтъ и въ особенности на нервныхъ больныхъ. Продолжительное пребываніе нервныхъ и пожилыхъ людей въ пространствѣ, ярко освѣщенномъ электричествомъ, особенно-же лампами съ вольтовой дугою, дѣйствуетъ на нихъ довольно ощутительно. Профессоръ Штиркеръ увѣряетъ, что лица, нервная система которыхъ ослаблена, а также и старцы «чувствуютъ себя не хорошо» въ освѣщенныхъ электричествомъ помѣщеніяхъ. Свѣтъ электричества въ такой степени вліяетъ на ихъ нервы, что лишаетъ ихъ даже возможности заниматься умственнымъ трудомъ. Мысли ихъ отвлекаются и ихъ нервная система находится все время въ сильномъ напряженіи. Для молодого-же человѣка со здоровыми нервами электрической свѣтъ, по словамъ вѣнскаго ученаго, не только безвреденъ, но даже благотворенъ, особенно-же послѣ усиленной умственной работы. Электрическое освѣщеніе дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ возбуждающимъ образомъ на утомленный мозгъ и настолько повышаетъ его мыслительную энергію, что онъ какъ-бы снова становится способнымъ къ умственной работѣ. (Пр. В.).

Превращеніе морской воды въ прѣсную, — недавно изобрѣтенъ (уже полученъ патентъ) австрійскимъ лѣсничимъ Пфистеромъ оригинальный способъ

превращенія морской воды въ прѣсную. Основывается онъ на открытомъ Пфистеромъ свойствѣ дерева задерживать въ себѣ, при пропусканіи черезъ него воды, всѣ растворенныя въ этой послѣдней соли. Аппаратъ, устроенный изобрѣтателемъ, состоитъ изъ помпы, которая накачиваетъ морскую воду въ закрытый резервуаръ и затѣмъ продавливаетъ ее, по направленію древесныхъ волоконъ, черезъ обрубокъ дерева, длиною около 2 саж. и діаметромъ въ 3—4 вершка. Черезъ 1—3 минуты (смотря по тому, какое дерево взято) послѣ того, какъ давленіе въ резервуарѣ дойдетъ до $1\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{4}$ атмосферъ, на другомъ концѣ обрубка начинается течь, сначала по каплямъ, а затѣмъ и небольшими струйками, вода, совершенно свободная отъ солей и вполне пригодная для питья. Что касается до того, сколько времени можетъ служить такой фильтръ, изъ какого дерева его лучше всего дѣлать и пр., то для отвѣта на эти вопросы пока еще не имѣется точныхъ данныхъ. Но во всякомъ случаѣ есть основаніе думать, что простой и дешевый способъ Пфистера съ выгодой можетъ замѣнить практикующійся теперь на морскихъ судахъ дорогой и неудовлетворительный дистилляціонный способъ полученія прѣсной воды и, такимъ образомъ, найти для себя широкое примѣненіе на практикѣ. «Prometheus».

Новый способъ химической очистки воды. Французскіе химики Борда и Жираръ предлагаютъ новое химическое средство для очистки воды и устраненія изъ нея всякихъ постороннихъ примѣсей. Существуютъ различные способы оздоровленія воды, но по большей части сопряженные съ весьма существенными неудобствами, заставляющими ихъ избѣгать. Борда и Жираръ, въ виду предпринятой французами экспедиціи въ Мадагаскаръ, занялись изысканіемъ болѣе легкихъ способовъ очистки воды. Химикамъ давно уже извѣстно, что марганцевокислый калий очищаетъ воду отъ всякихъ постороннихъ въ ней веществъ. Но примѣненіе этой соли не могло распространиться по многимъ причинамъ, къ которымъ должно отнести и неизбежное при этомъ раствореніе калия въ водѣ, сообщающее ей своеобразный и многимъ даже непріятный вкусъ. Названные ученые, послѣ тщательныхъ изслѣдованій, признали тѣ же обезвреживающія свойства и за марганцевокислую известь, представляющую еще то преимущество, что она не вводитъ въ предвазначашуюся для варки пищи воду минеральныхъ веществъ. Марганцевокислая известь имѣется въ продажѣ въ видѣ игольчатыхъ кристалловъ, быстро растворяющихся въ водѣ и разлагающихся при соприкосновеніи съ органическими веществами на кислородъ, окись марганца и известь. Вода окрашивается, при этомъ, въ фіолетовый цвѣтъ, устранимый закисью марганца и углемъ. Обработанная такимъ способомъ вода не содержитъ въ себѣ никакихъ органическихъ веществъ, а слѣдовательно и микроорганизмовъ, и въ ней остается въ растворенномъ видѣ только малое количество углекислой извести и излишній процентъ кислорода, обезпечивающіе ея полную безвредность.

Планета Марсъ снова обратила на себя вниманіе астрономовъ. Многие ученые долгое время считали вполне доказаннымъ, что геологическое строеніе Марса и его атмосферическія условія почти тождественны съ природою земнаго шара и окружающею его воздушною средою. Периодическія расши-

ренія и суживанія на Марсѣ бѣлыхъ полярныхъ пятенъ навели на общее предположеніе, что времена года чередуются на немъ въ томъ самомъ порядкѣ, какъ и на землѣ. Все это давало нѣкоторыя основанія думать, что на Марсѣ должны существовать животныя, въ противоположность тому, что происходитъ на лунѣ, на поверхности которой нѣтъ ничего живаго. Спектральныя изслѣдованія, произведенныя въ различныхъ европейскихъ обсерваторіяхъ, повидимому, подтверждали мнѣніе астрономовъ относительно существованія на Марсѣ такой-же атмосферы, какою окруженъ земной шаръ. Директоръ астрономической обсерваторіи въ Потсдамѣ, профессоръ Фогель, изучавшій природу Марса, наблюдалъ даже въ его спектрѣ присутствіе линій, соотвѣтствовавшихъ линіямъ земной атмосферы. Въ такомъ положеніи находился вопросъ о Марсѣ, пока изъ Калифорніи не раздался авторитетный голосъ Кэмпбелля, объявившаго, что на этой планетѣ, какъ и на лунѣ, не существуетъ атмосферы. Старшій астрономъ обсерваторіи Лика, профессоръ Кэмпбелль, съ помощью рефрактора, — единственнаго въ мірѣ по величинѣ и совершенству, тщательно изслѣдовалъ спектръ Марса въ такое время, когда эта планета находилась въ одинаковой съ луною высотѣ надъ горизонтомъ, такъ что свѣтовые лучи ихъ должны были пройти черезъ одинъ и тотъ-же слой окружающей землю атмосферы. Сравненіе обоихъ спектровъ показало, что темныя линіи совершенно одинаковы, какъ въ спектрѣ Марса, такъ и въ спектрѣ луны лишенной всякой атмосферы. Если-бы Марсѣ былъ окруженъ воздухомъ, подобно землѣ, то темныя линіи въ спектрѣ его свѣтовыхъ лучей, прошедшихъ черезъ слои двухъ атмосферъ, его собственной и земной, были-бы гораздо шире, чѣмъ въ спектрѣ луны, а такъ какъ въ обоихъ онѣ одинаковы, то прямой выводъ тотъ, — какъ заключаетъ Кэмпбелль, — что на Марсѣ какъ и на лунѣ, не существуетъ атмосферы. (Нов. Тел.).

Желѣзныя дороги въ одинъ рельсъ. Въ настоящее время, въ англійскихъ техническихъ журналахъ и научныхъ изданіяхъ оживленно обсуждаются удобства, выгоды и преимущества «однорельсовыхъ желѣзныхъ дорогъ», предлагаемыхъ инженеръ-технологомъ Мейгсомъ для городскихъ и пригородныхъ линій. Преимущество проектируемой имъ системы рельсовыхъ путей заключается въ томъ, что для устройства такого рода сообщеній не потребуется много мѣста. Паровозы и вагоны должны катиться по одному рельсу, утвержденному на вертикальныхъ устояхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, съ помощью колесъ, наклоненныхъ другъ къ другу подъ угломъ въ 45° и охватывающихъ рельсъ съ двухъ сторонъ въ нижней его части. Для того, чтобы поѣздъ не соскакивалъ, подъ вагонами устраиваются горизонтальныя колеса на нисходящихъ вертикальныхъ стержняхъ, ободы которыхъ должны будутъ прилегать къ вогнутымъ бокамъ подушки рельса и, такимъ образомъ, удерживать на немъ катящійся поѣздъ. Паровозъ и вагоны будутъ имѣть цилиндрическую форму, а мѣста для пассажировъ должны быть устроены въ одинъ рядъ, посерединѣ каждаго вагона, такъ, чтобы центръ тяжести подвижнаго состава постоянно приходился надъ самой серединой рельса. Мейгсъ ходатайствуетъ о примѣненіи его системы къ многолюднымъ городамъ, въ виду того соображенія, что линіи столбовъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, съ единственнымъ надъ ними рельсомъ, оставлять для движенія экипажей много свободнаго мѣста.

Губительное дѣйствіе холода на рыбу. Парижскія газеты сообщаютъ, что къ прямымъ послѣдствіямъ суровой минувшей зимы въ Западной Европѣ должно отнести и гибель въ неслѣтномъ количествѣ различныхъ рыбъ, не переносящихъ слишкомъ низкихъ температуръ. Волнами выкинуло по бережьямъ западной Европы и Америки миллионы мертвыхъ рыбъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ холода истребили въ неслѣтномъ множествѣ рыбу *Taigato Onitis*, погибающую при температурѣ ниже 5° по Цельсію. Въ Сень-Вастѣ, въ департаментѣ Котъ-д'Оръ, какъ сообщаютъ въ «*Journal des Débats*», въ самый сильный холодъ, въ ночь на 11-е февраля, морскимъ приливомъ нанесло цѣлыя груды мерзлой рыбы, которую мѣстное населеніе явилось собирать.

Взрывчатые плоды. «*La Nature*» сообщаетъ, что французскій ученый Гастонъ Тиссандье получилъ недавно отъ одного изъ своихъ корреспондентовъ изъ Батавіи небольшое количество сухихъ плодовъ какого-то растенія, похожихъ по формѣ и цвѣту на небольшія сигары, имѣющія около трехъ сантиметровъ длины. Эти плоды отличаются слѣдующею странною особенностью. Если положить плодъ въ стаканъ съ водою, то онъ нѣкоторое время остается на ея поверхности, а затѣмъ взрывается, распаваясь по длинѣ на двѣ половинки и поднимая сверху фонтанъ воды, смѣшанной съ заключившимися внутри плода зернами. Тѣ же плоды, во время окончательнаго созрѣванія, также разрываются и разбрасываютъ свои сѣмена, но съ гораздо меньшимъ шумомъ, чѣмъ въ водѣ. Впрочемъ, ботаникѣ уже извѣстенъ цѣлый рядъ растеній, плоды которыхъ до нѣкоторой степени обладаютъ тѣми-же свойствами, какъ, напримѣръ, балзаминны, и др.

Обработка камней сжатымъ воздухомъ. За послѣднія пять, шесть лѣтъ сжатый воздухъ сталъ замѣтно вытѣснять въ Соединенныхъ Штатахъ паровые механизмы. Журналъ «*Scientific American*» указываетъ на примѣненіе сжатого воздуха къ каменотеснымъ работамъ и на преимущества, представляемые этимъ нововведеніемъ сравнительно съ прежними снарядами и, въ особенности, съ тяжеловѣсными молотками, утомлявшими рабочихъ и долбившими камень неравномѣрно и чрезвычайно медленно. Изобрѣтенный американцами новый приборъ состоитъ изъ цилиндра, внутри котораго ходитъ поршень, снабженный длиннымъ стержнемъ, заканчивающимся какимъ-либо острымъ орудіемъ—коническимъ, долотообразнымъ или зубчатымъ, смотря по роду работъ. Сжатый воздухъ, вгоняемый въ цилиндръ попеременно съ двухъ сторонъ особо приспособленнымъ къ тому механизмомъ, заставляетъ поршень быстро двигаться взадъ и впередъ до ста разъ въ минуту. Съ такой-же точно быстротой приводится въ движеніе и придѣланный къ поршню стержень, острый, зубчатый или кинообразный, конецъ котораго долбитъ камень съ неуловимою для глаза скоростью. Этотъ способъ обработки камня не требуетъ отъ человѣка какихъ-либо усилій, такъ какъ весь трудъ каменотеса ограничивается медленнымъ передвиженіемъ снаряда въ извѣстномъ направленіи и сопряженъ, кромѣ того съ тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что пробивающійся изъ цилиндра сжатый воздухъ сдуваетъ съ поверхности камня мелкіе осколки, которые, при прежнемъ способѣ обтесыванія камней, нѣрѣдко

попадали въ глаза рабочихъ и производили воспаления, иногда оканчивавшіяся полной потерей зрѣнія. Этимъ послѣднимъ преимуществомъ и объясняются въ Америкѣ успѣхъ примѣненія къ труду каменотеса воздушнаго давленія, устройство котораго не сопряжено съ большими расходами, а потому предпочитается въ Америкѣ электрическимъ двигателямъ, требующимъ, сравнительно, большихъ затратъ.

Гигантскій дубъ. Докторъ Гаррисонъ описываетъ въ «Naturalist Journal» гигантскій дубъ, который онъ видѣлъ въ Англии, въ лѣсу Вестъ-Ридинга. Дубъ этотъ, насколько извѣстно, не имѣетъ себѣ соперниковъ нигдѣ на свѣтѣ. Определить съ точностью его возрастъ, конечно, трудно, но надо полагать, что онъ—современникъ древнихъ бретонцевъ. Стволъ этого дуба имѣетъ 26 метровъ въ окружности внизу и 16 метровъ—вверху. Внутри онъ пустъ, и въ дуплѣ его можетъ помѣститься цѣлая толпа. Пасторъ сосѣдняго прихода часто отправляется въ сопровожденіи церковныхъ служителей и учениковъ школы, числомъ 95 человекъ, служить обѣду въ дуплѣ этого дуба, и въ этой естественной часовнѣ раздаются священные гимны. Паломничество къ этому дубу составляетъ любимѣйшую прогулку окрестныхъ жителей.

Покровительство чибезамъ (пигалицамъ). Въ сѣверной Германіи и по низменностямъ Бельгіи и Голландіи существуетъ особый промыселъ—сборъ чибезовыхъ яицъ, которыя считаются однимъ изъ дорогихъ гастрономическихъ кушаній. При всемъ обиліи этихъ птицъ, ихъ число видимо начинаетъ уменьшаться. Въ одной только мѣстности, именно въ окрестностяхъ Эндерштедта, въ Шлезвигъ-Голштиніи, однимъ кушомъ было приобретено чибезовыхъ яицъ на 1500 франковъ. Такъ какъ эти птицы истребляютъ въ огромномъ количествѣ личинки насѣкомыхъ вредныхъ лугамъ и полямъ, то мѣстная сельскохозяйственная обществу намѣреваются представить петицію объ ограниченіи сбора яицъ. («Охотничья Газета»).

Электрическія швейныя машины. Только-что изобрѣтенный электрическій аппаратъ, приводящій въ движеніе швейную машину всѣхъ системъ, представляетъ небольшой и притомъ несложный моторъ, привинчивающійся къ нижней поверхности крышки машины. Моторъ помѣщается въ замкнутомъ ящикѣ, и развиваемую имъ силу передаетъ по приводному ремню; кромѣ того, имѣется при моторѣ регуляторъ, уравнивающій скорость движенія колеса и равномерно распредѣляющій развиваемую моторомъ силу; регуляторъ сообщается съ педалью. Электрическій аппаратъ не только увеличиваетъ производительность швейной машины, но совершенно избавляетъ шьющаго отъ необходимости постоянно нажимать ногою на педаль,—работа, какъ извѣстно, крайне вредная для лицъ, принужденныхъ шить на ножныхъ швейныхъ машинахъ.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ,

научно-популярныхъ, учебниковъ, учебныхъ пособій, книгъ для чтенія дѣтей и народа.

А. Научно-популярныя книги, учебники, учебныя пособія.

Песоцій, Н. Столярное, токарное и плотнич. ремесла (Сокращенный курсъ). Съ 350 рисунками въ текстѣ. Спб. 1895. П+171 стр., 8 д., ц. 60 коп.

Пушкинъ, А. С. Сочиненія. Съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изд. Льва Поливанова для семьи и школы. Томъ 4-й (Евгеній Онѣгинъ. Повѣсть). Изд. 2 е, дополненное. Москва. 1895. 8 д., 636 стр., ц. 2 руб. 50 коп.

Сиворцовъ, И. П., проф. Основные вопросы лѣчебной гигиены. Отдѣлъ 1-й. Лѣченіе климатическое. Изд. «Журнала Медицины и Гигиены». Харьковъ. 1895. 8 д., 170 стр., ц. 1 р. 50 к.

Стольговъ, А. Г. проф. Гельмгольцъ и современная физика. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Имп. общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи 16-го ноября 1894 г. Москва. 1895. 8 д., 29 стр.

Бальгъ, Гуго. Учебникъ коммерческой ариметики для реальныхъ, коммерческихъ и промышленныхъ училищъ. Часть 4-я. Вычисленія процентныхъ бумагъ. Изд. Фр. Клуге. Ревель. 1895. 8 д., 4+69 стр.

Вирениусъ, А. С. Школьный отдѣлъ на первой всероссійской гигиенической выставкѣ 1893 года. Спб. 1894. 8 д., 99 стр.

Воротниковъ, П. 80 русскихъ народныхъ пѣсень для пѣнія съ фортепiano. Части 1-я, 2-я и 3-я. Москва. 4 д., 201 стр., ц. 3 р.

Горбуновъ-Посадовъ, И. и Егоровъ, Я. Красное солнышко. Первая книга для чтенія дома и въ школѣ, содержащая въ себѣ статьи для чтенія и заучиванія наизусть и правила грамотнаго русскаго письма. Изд. 2-е. Москва. 1895. 8 д., 72+II стр.

Гусиковъ, Новая школа русскаго письма «Учитель», составленнаго въ совершенно новомъ направленіи. Спб. 8 д., 15 стр.

Заменгофъ, М. Ф. Матеріалы для упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій. № 5. Судъ надъ Гриневымъ. Отрывокъ изъ романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Съ русско-нѣмецко-французскимъ словаремъ. Варшава. 1895. 16 д., 26 стр., 1.000 экз. ц. 20 коп.

Кузьминъ, Г. А. Свѣдѣнія о состояніи пчеловодства въ имѣніи Плесково, графа Сергія Дмитриевича Шереметева, Московской губерніи, Подольскаго уѣзда. Спб. 1894. 8 д., 11 стр.

Лагранжъ, Фердинандъ. Реформа физическаго воспитанія. (Международная бібліотека). Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса. 1895. 8 д., 64 стр., ц. 20 коп.

Храпаль, И. Г. Обученіе грамотѣ и цифровому счету въ 7 дней или въ 7 уроковъ по «Органо-цвѣтовому методу мысли». Часть V—для преподавателя. Урокъ 1-й. Кіевъ. 1895. 8 д., 22 стр.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Рассказъ изъ народнаго быта. Москва. 1884. 16 д., 30 стр.

Янтарева, Р. А. Дѣтскіе типы въ произведеніяхъ Достоевскаго. Психологическіе этюды. Спб. 1895. 8 д., 93 стр., ц. 60 коп.

Абаза, К. К. Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Изд. 6-е, исправленное, В. Березовскаго. Спб. 1895. 8 д., 68 стр., ц. 10 коп.

Бунаковъ, Н. Руководство къ обученію грамотѣ по книжкѣ «Азбука и уроки чтенія и письма». Изд. 20-е Д. По-

*) См. «Правительствен. Вѣсти.» № № 69, 83.

лубяринова. Спб. 1895. 8 д., 36 стр., ц. 15 коп.

Деркачевъ. И. Родныя картинки по временамъ года. Съ рисунками И. О. Панова и друг. Изд. книгопр. А. Ступина. Москва. 1895. 8 д., 172+IV стр., ц. 1 р.

Лященко, А. Забѣтки по изученію современной народной пѣсни. I. Отзывъ о сочиненіи В. Н. Перетца «Современная народная пѣсня. Сравнительные этюды. Спб. 1893». Спб. 1894. 8 д., 17 стр.

Мечъ, Сергѣй. Первые уроки географіи. Изд. 3-е, дополненное. Москва. 1895. 8 д., 128 стр., ц. 40 к.

Паульсонъ, I. Задачникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Классное пособие для элементарныхъ школъ. Тетрадь I. Вышнее построение рѣчи. Для учениковъ 3-го и 4-го учебнаго года. Изд. 7-е. Спб. 1895. 8 д., 85 стр., ц. 12 коп.

Смирновскій, П. Русская хрестоматія. Часть. 2-я. Для 3-го и 4-го класса среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 10-е книгопр. А. Панафидина. Москва. 1895. 8 д., VI+3+6 стр.

Снегиревъ, Л. О. Жизнь и смерть Сократа, рассказанныя Ксенофонтъ и Платонъ. Изд. книжн. магазина К. Тихомирова. Съ 3-мя рисунками. Москва. 1895. 8 д., П+102+XII стр., ц. 60 коп.

Фармаковский, Вл. Школьная дѣтвиза. Сводъ практическихъ свѣдѣній и правилъ, относящихся къ охраненію здоровья дѣтей, посѣщающихъ школу. Излож. по д-ру Г. Кленке. Изд. 8-е, дополн. и переработанное на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій въ области школьной гигиены. Изд. книгопр. Е. Распопова. Одесса. 1895. 8 д., 206+III стр., ц. 1 р. 50 коп.

Б. Книги для дѣтей и юношества.

Воспоминаніе суворовскаго солдата. Съ портретомъ автора воспоминаній. Издано при пособіи военно-ученаго комитета Главнаго Штаба, подъ ред. Д. О. Масловскаго. Спб. 1895 г. 8., 90 стр. и 3 таблицы чертежей, ц. 30 к.

Денисовъ, Л. Благоуханная роса. Восточная повѣсть. Разсказъ для маленькихъ дѣтей. Иллюстрированное изданіе П. П. Щеглова. Москва. 1895. 16 д., 32 стр.

Денисовъ, Л. Золотая Рита. Разсказъ для маленькихъ дѣтей. Иллюстрированное изданіе П. П. Щеглова. Москва. 1895. 16 д., 31 стр.

Денисовъ, Л. Мать. Разсказъ для маленькихъ дѣтей. Иллюстрированное изданіе П. П. Щеглова. Москва. 1895. 16 д., 31 стр.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстрированные романы въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой. Сень-ропанскія воды. Съ 12 рисунками. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895. 8 д., 109 стр., 40 коп.

Гоголь, Н. Вій. Повѣсть. Народное изданіе А. Маркса. Съ 38-ю рисунками Р. Штейна. Спб. 8 д., 79 стр., ц. 25 к.

Малининъ, А. Курсъ математической и физической географіи для женскихъ учебныхъ заведеній. Изд. 5-е книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1895. 8 д., 176 стр., ц. 1 руб.

Тхоржевскій, К. Бабушка Арина. Разсказъ. (Чтеніе для солдата и народа). Изд. 1-е В. Березовскаго. Спб. 8 д., 31 стр.,

Тхоржевскій, К. Богъ не безъ милости. Разсказъ. (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е В. Березовскаго. Спб. 8 д., 16 стр.

Тхоржевскій, К. Завтракъ подъ пулями. Разсказъ (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е В. Березовскаго. Спб. 8 д., 16 стр.

Тхоржевскій, К. Историческій разсказъ (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е В. Березовскаго. Спб. 8 д., 35 стр.

Тхоржевскій, К. Смѣлымъ Богъ владѣть. Разсказъ. Изд. 1-е В. Березовскаго (Чтеніе для солдатъ и народа). Спб. 8 д., 20 стр.

Тхоржевскій, К. Первая смерть. Разсказъ (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е В. Березовскаго. Спб. 8 д., 16 стр.

Тхоржевскій, К. Съ охотниками въ набѣгъ. Разсказъ. (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е В. Березовскаго. Спб. 8 д., 20 стр.

Тхоржевскій, К. Самоваръ турки украли. Разсказъ (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е В. Березовскаго. Спб. 8 д., 12 стр.

опытовъ, прежде чѣмъ дойдетъ до сознанія, что ему самому принадлежатъ тѣ части тѣла, которыя онъ видитъ и трогаетъ. Нѣкоторые полагаютъ, что уже съ 3-го мѣсяца существуетъ различіе общаго чувства отъ ощущеній, получаемыхъ отъ внѣшняго міра. Мои наблюденія не позволяютъ мнѣ принять это мнѣніе.

Еще на девятомъ мѣсяцѣ ребенокъ энергично работаетъ ножками и также, какъ новую игрушку, забираетъ въ ротъ большіе пальцы. Даже на девятомъ мѣсяцѣ для него не ясно, что именно составляетъ часть его тѣла и что нѣтъ. Ребенокъ потерялъ свой башмакъ; я говорю ему: «Дай башмакъ». Онъ наклонился и подаль мнѣ. Ребенокъ стоялъ, я говорю ему: «Дай ногу», желая сказать этимъ, чтобы онъ протянулъ ногу, чтобы я могъ надѣть ему башмакъ — онъ схватилъ ногу обѣими руками и долго силился поднять ее, какъ это онъ сдѣлалъ съ башмакомъ.

Собственно говоря чувства въ началѣ не являются органами понятій о внѣшнемъ мірѣ. Внѣшній міръ еще не существуетъ для ребенка. Его первыя ощущенія и понятія ни объективны, ни субъективны,—они просто впечатлѣнія или представленія, которыя носятъ въ воздухѣ и съ которыми дитя не можетъ еще ориентироваться. Быть можетъ, скорѣе боль научитъ его различать субъектъ отъ объекта, нежели сравненіе осязательныхъ представленій съ зрительными. Распознаваніе боли является не вдругъ. «Новорожденныя животныя въ состояніи сразу опредѣлить боль, говоритъ Руссо, а ребенокъ не можетъ. 14 мѣсячный Эмиль, утверждаетъ Эггеръ, сдѣлалъ царапину на пальцѣ; онъ плачетъ, не показывая свой палецъ, а нѣсколько дней раньше онъ разбилъ себѣ носъ, кровь потекла, а онъ, повидимому, я не сообразилъ, гдѣ боль.

Проводя рукой по тѣлу, дотрогиваясь до головы, рукъ и ногъ, онъ приобретаетъ мало по малу идею о формѣ и границахъ своего собственнаго тѣла, но, все еще, быть можетъ, не зная, что оно принадлежитъ ему. Что бы ни говорили о какомъ-то жизненномъ чувствѣ, «дающемъ намъ сознаніе о раздѣльности нашего матеріальнаго существа, до нѣкоторой степени подсказывающимъ намъ, гдѣ бьется наше сердце и гдѣ мыслитъ нашъ мозгъ. «Но мы знаемъ, гдѣ находится наше сердце только потому, что анатомія научила насъ этому, и ребенокъ былъ бы въ большомъ затрудненіи, если-бы его спросили, гдѣ присутствуетъ мысль.

Посредствомъ зрѣнія и осязанія онъ узнаетъ, что это его тѣло, которое страдаетъ, и мучимое болью или горитъ, или дрожитъ отъ холода; или, наоборотъ, испытываетъ удовольствіе отъ прикосновенія нѣжной и любящей руки.

Такимъ образомъ возникаетъ общее чувство *самосознанія*, разумеется я недѣлимое и неясное и для котораго не можетъ быть и рѣчи объ отдѣленіи тѣла отъ души. А разъ это общее чувство сложилось, благодаря скорѣе локализаци чувствительности, формы и сопротивленія различныхъ частей его существа, нежели зрительному и осязательному представленію, съ этихъ поръ ребенокъ, разсматривая и трогая руками предметы, начинаетъ узнавать все, что отлично отъ него и находится внѣ его маленькаго тѣла.

ГЛАВА V.

Первыя эмоціи и способъ ихъ выраженія.

Равновѣсіе удовольствій и огорченій. — Впечатлѣнія непріятныя для чувствъ. — Органическія отправленія. — Непріятное чувство, вызванное голодомъ, лишеніемъ движенія, потребностью сна. — Кризисъ прорѣзыванія зубовъ. — Отнятіе отъ груди и печаль. — Соотвѣтственныя удовольствія. — Простѣйшія ощущенія, источники удовольствія. — Болѣе сложныя явленія чувствительности. — Маленькія страсти. — Обжорство. — Эгоистическія чувства. — Страхъ. — Приобрѣтенъ онъ или врожденъ? — Боязнь новаго и неизвѣстнаго. — Боязнь темноты. Роль неожиданности въ чувствѣ страха дѣтей. — Аналогія съ наблюденіями, произведенными надъ животными. — Различныя виды боязни. — Страхъ, какъ слѣдствіе разума или воображенія. — Общее опасеніе возможнаго зла. — Переходъ эгоистическихъ чувствъ къ чувствамъ привязанности. — Инстинктивное стремленіе любить. — Относительная произвольность симпатіи. — Любовь дѣтей, вызванная любовью родителей. — Особенности дѣтскаго эгоизма. — Симпатія дѣтей къ животнымъ. — Сообщаемость чувства. — Способъ выраженія волненія. — Сила выраженія у дѣтей. — Улыбка и смѣхъ. — Чисто автоматическій характеръ первыхъ улыбокъ. — Время появленія улыбки. — Различныя причины выразительныхъ улыбокъ. — Вліяніе общаго расположенія души и тѣла. — Слезы. — Время первыхъ слезъ. — Ихъ различное значеніе. — Другіе выразительныя знаки ребенка.

1.

Если разсматривать вопросъ совершенно безпристрастно, то жизнь ребенка, подобно жизни всякаго человѣческаго существа, составляетъ смѣшеніе удовольствій и огорченій, и, хотя въ первое время зло перевѣшиваетъ, однако равновѣсіе скоро восстанавливается; ко второму же году, когда прорѣзываніе зубовъ уже окончено, равновѣсіе вновь нарушается, но уже въ пользу добра.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, пріятными или непріятными впечатлѣніями начинается жизнь ребенка. Буйлье, въ своей книгѣ «Объ удовольствіи и страданіи», метафизически утверждаетъ, что удовольствіе должно предшествовать страданію, хотя-бы только однимъ неувидимымъ мгновеніемъ *). Мы не думаемъ, чтобы этотъ порядокъ преобладанія и послѣдовательности былъ необходимымъ условіемъ чувствительности; страданіе, что бы тамъ ни говорили, бываетъ такъ-же

*) Такъ какъ причина всякой боли заключается въ пріостановкѣ нашей дѣятельности, въ перерывѣ различныхъ законовъ дѣйствія нашего существа, то слѣдуетъ заключить, въ противность Лейбницу и Канту, что первичная основа нашей природы есть не страданіе, а удовольствіе». (F. Bouillet, du Plaisir et de la douleur, p. 101). Напротивъ того, Лейбницъ утверждаетъ, что почти незамѣтныя страданія или полустраданія были необходимымъ условіемъ удовольствія: «Безъ этихъ полустраданій, говоритъ онъ, не было-бы удовольствія, не было бы возможности замѣтить, что есть нѣчто помогающее и облегчающее насъ, если удалить мѣшающія намъ препятствія». (Oeuvres philosophiques, ed. Erdmann, p. 248).

положительно, какъ и удовольствіе. Какъ-бы то ни было, вопросъ этотъ такъ или иначе уже рѣшенъ во время утробной жизни; ребенокъ не ожидаль рожденія, чтобы страдать или наслаждаться, испытать смутное довольство или безконечно маленькія огорченія. Начнемъ со страданія. Не станемъ возвращаться къ тѣмъ страданіямъ, которыя вызываются упражненіемъ нашихъ пяти чувствъ. Замѣтимъ только, что въ началѣ всѣ чувственныя впечатлѣнія, за исключеніемъ удовольствія отъ молока и теплоты, неприятны ребенку. То, что вскорѣ сдѣлается источникомъ удовольствія, зрѣніе, слухъ, въ началѣ доставляетъ только страданіе. Нервы, благодаря ихъ нѣжности, не переносятъ еще ни свѣта, ни шума. Замѣчательно, что во второмъ періодѣ, когда впечатлѣнія будутъ уже нѣсколько опредѣленнѣе, всѣ, или почти всѣ, зрительныя или слуховыя впечатлѣнія будутъ нравиться ребенку, такъ какъ всѣ они возбуждаютъ его уже окрѣпшіе органы. Нужно время, чтобы ясно различать въ формахъ, цвѣтахъ и звукахъ двѣ категоріи — пріятнаго и непріятнаго; чтобы ребенокъ, сразу привлеченный всѣмъ блестящимъ, звенящимъ, могъ установить разницу между ужаснымъ, яркихъ цвѣтовъ полишинелемъ и артистической куклой съ нѣжной окраской, между шумомъ трещотки и мелодіей роля.

Вообще, во всю нашу жизнь, если ужъ такъ случается, наши пять чувствъ испытываютъ скорѣе впечатлѣнія непріятныя, чѣмъ болѣзненныя. Сосредоточенныя въ одной части тѣла, они, настолько глубоко отражаются на всемъ организмѣ, чтобы вызвать страданіе. Слѣдуетъ сдѣлать исключеніе для осязанія и, пожалуй, для тепловыхъ впечатлѣній. Ребенокъ очень чувствителенъ къ холоду *). Избалованный тепломъ утробной жизни, онъ съ трудомъ привыкаетъ къ открытому воздуху; если онъ капризничаетъ, когда его моютъ, то тутъ онъ не столько боится воды, сколько ея холода **). Нѣтъ сомнѣнія, что сильный холодъ не заставитъ его продолжительно страдать, такъ какъ онъ вызоветъ смерть.

Вторая серія страданій и боли является слѣдствіемъ отравленій органическихъ, пищеварительныхъ, дыхательныхъ и потребностей, вытекающихъ изъ этихъ отравленій. Для груднаго ребенка чувствительнѣе всего страданія отъ недостаточности или дурнаго качества пищи. Я видѣлъ первыя слезы одного изъ моихъ сыновей, когда ему было четыре съ половиной мѣсяца; причина была самая прозаичная: его кормилица съѣла слишкомъ много зеленыхъ бобовъ! Разсказываютъ о случаѣ съ однимъ трехмѣсячнымъ ребенкомъ, которому мать дала грудь сейчасъ-же послѣ сильнаго приступа гнѣва: пососавъ, ребенокъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и въ результатѣ явились судороги правой стороны тѣла и параличъ въ лѣвой. Голодъ есть первая по-

*) Чувство температуры, можетъ-быть, не сразу появляется, такъ какъ въ утробной жизни ребенокъ очень продолжительное время былъ подверженъ одинаковой температурѣ. Но разнообразіе, которому онъ подверженъ съ самаго своего рожденія, быстро развиваютъ въ немъ ощущенія холода и тепла.

**) «Раннее употребленіе холодной воды неудобно для очень маленькихъ дѣтей». (Dr. d'Ammon).

требность ребенка; если онъ неправильно удовлетворенъ, то это вызываетъ крики, слезы; если-же эти страданія повторяются слишкомъ часто, то они могутъ приготовить на всю жизнь характеръ нервный и раздражительный. Сравните, съ точки зрѣнія характера, дѣтей обильно и недостаточно питаемыхъ: одни спокойны, послушны, довольны, другіе — тревожны и безпокойны. Можно утверждать безъ преувеличенія, что нѣкоторые недостатки въ характерѣ человѣка получили начало еще у груди кормилицы, беспорядочной или больной. Хорошее питанье обуславливаетъ не только одно здоровье: отъ него также зависитъ хорошее расположеніе духа. Замѣтимъ впрочемъ, что въ первые мѣсяцы періодическія проявленія голода и жажды бываютъ чаще, и также чаще требуютъ удовлетворенія. Прейеръ говоритъ, что тѣмъ меньше желудокъ, тѣмъ онъ чаще бываетъ пустъ; тѣмъ вмѣстимостъ его больше, тѣмъ продолжительнѣе промежутки потребности пищи и тѣмъ рѣже является голодъ. Вначалѣ необходимо кормить черезъ каждые два часа; въ три мѣсяца промежутокъ можетъ быть отъ трехъ до четырехъ часовъ; дальше онъ все увеличивается, и, наконецъ, ребенокъ постепенно освобождается отъ рабства, которое въ первые недѣли постоянно удерживало его у груди матери.

Ощущенія, вызванныя у ребенка недостаточностью или нечистотой воздуха, угнетеніе, одышка, ощущенія отъ неправильнаго кровообращенія, — не обращаютъ на себя особеннаго его вниманія. Другое дѣло съ ощущеніями, особенно сильными въ первые годы, вытекающими изъ мускульнаго чувства и потребности движенія. Если ребенокъ кричить въ своей люлькѣ, — это не всегда значитъ, что его мучитъ голодъ: его стѣсняетъ одежда его слишкомъ крѣпко жметъ свивальникъ. Конечно, тутъ играетъ роль и собственная чувствительность кожи **). Что было бы только легкимъ прикосновеніемъ для взрослога, можетъ вызвать страданіе у ребенка. Когда намъ кажется, что мы его слегка ласкаемъ рукой, то, сами того не сознавая, мы раздражаемъ и причиняемъ боль его нѣжной кожѣ. Но ребенокъ особенно страдаетъ отъ стѣсненія свободы его движенія. Завернутый въ свои пеленки на подобіе муміи, онъ не можетъ выпрямить своихъ членовъ, упражнять мускуловъ, и къ непріятнису стѣсненію присоединяется еще неудобство отъ невозможности двигаться. Правда, если лишеніе движенія причиняетъ ребенку огорченіе, то продолжительное движеніе, въ свою очередь, открываетъ новый источникъ недомоганія. Я говорю о чувствѣ недомоганія, немедленно являющемся вслѣдъ за нервнымъ возбужденіемъ чувствъ или за упражненіемъ мускуловъ. Чтобы избѣжать этого, ребенокъ вновь и вновь погружается въ сонъ. Съ небольшими силами, находящимися въ его распоряженіи, легко переходится мѣра возможныхъ для него движеній. Даже самое сосанье и крикъ уже утомляютъ и усыпляютъ ребенка. Но когда онъ настоятельно переутомленъ, что не можетъ спать, то страданіе дѣлается очевидно. Нѣтъ ничего несчастнѣе ребенка, который хочетъ спать, но не мо-

*) Разумѣется, чувствительность эта не сразу появляется и несомнѣнно, что въ первые дни чувствительность при дотрогиваніи очень мало развита.

жетъ. Французскій переводчикъ Прейера, Вариньи, пишетъ въ при-
мѣчаніи, что его часто поражала глупость дѣтей, желающихъ заснуть:
«Часто, говорить онъ, они ворчатъ, плачутъ цѣлыя четверть часа;
кажется, проще было-бы прямо заснуть, безъ всякихъ церемоній». Конечно, это было-бы проще; но ребенокъ, подобно взрослому, не
можетъ приказывать сну, и мы всѣ знаемъ, какъ тягостно это со-
стояніе безсонницы, когда, чѣмъ больше мы желаемъ покоя, тѣмъ
больше онъ отъ насъ убѣгаетъ.

Слабость ребенка постоянно сказывается въ утомленіи, которое
онъ поминутно заявляетъ то своей сонливостью, то криками, за ко-
торыми наступаетъ внезапный сонъ. И несомнѣнно, что этому чувству
усталости и изнуренія соотвѣтствуютъ непріятныя впечатлѣнія. Воз-
можность дѣйствія у ребенка еще такъ ограничена, что его утомляетъ
даже удовольствіе. Аксель, въ два мѣсяца, прислушиваясь въ теченіе
нѣсколькихъ минутъ къ звукамъ рояля, заснулъ затѣмъ на цѣлыхъ
шесть часовъ: этого съ нимъ никогда не случилось (Прейеръ). По-
движность, непостоянство, въ которыхъ такъ часто упрекаютъ дѣтей,
происходятъ часто отъ ихъ слабости; такъ какъ каждое отправленіе
располагаетъ очень ограниченными силами, которыя скоро исчерпы-
ваются, и онъ вынужденъ переходить отъ одного занятія къ другому,
упражнять одну за другой свои разнообразныя способности.

Чтобы нарисовать эту картину страданій, которыя составляютъ
участъ ребенка,—страданій, впрочемъ, чисто физическихъ, въ которыхъ
не участвуетъ ни разумъ, ни нравственное чувство, слѣдовало-бы
описать кризисъ прорѣзыванія зубовъ и отнятія отъ груди. Но это
вопросы скорѣе медицинскіе, чѣмъ психологическіе. Однако мы зай-
мствуемъ у одного дѣтскаго наблюдателя нѣсколько чертъ, показываю-
щихъ, какъ трудъ прорѣзыванія зубовъ глубоко поражаетъ чувстви-
тельность: «Ребенокъ становится безпокоенъ... Иногда онъ внезапно
вскрикиваетъ и тотчасъ-же успокаивается... Сны его часто преры-
ваются вздрагиваньями испуга. Видно, что у него болятъ десны,
потому-что онъ несетъ ко рту все, что ему попадетъ подъ руку, и
жадно жуетъ первый попавшійся предметъ. Во второмъ періодѣ, на-
противъ, онъ избѣгаетъ брать что-нибудь въ ротъ и вскрикиваетъ,
если случайно укуситъ что-нибудь... Цвѣтъ его лица быстро мѣняется.
Онъ неспокоенъ; если онъ на рукахъ лица, которое за нимъ уха-
живаешь, то выказываетъ желаніе лечь въ постель; но лишь только
его туда уложили, онъ вновь просится на руки къ своей матери или
нянѣ. Ничто ему не нравится... Его точно терзаетъ смутное чувство,
похожее на страхъ, которое не даетъ ему ни минуты покоя (D-g
d'Ammon). Мы-бы ничего не сказали объ отнятіи отъ груди, такъ
какъ это касается главнымъ образомъ гигиенистовъ, если-бы это
важное событіе въ жизни ребенка не вызывало иногда совершенно
новое для него чувство, я говорю о чувствѣ печали. Если отнятіе
преждевременно, если оно внезапно, если оно не сопровождается
естественнымъ прогрессомъ организма, который самъ стремится къ
новой пищѣ, то оно не только можетъ вызвать истощеніе ребенка,
но даже погрузить его въ своего рода нравственное уныніе, которое

уже носить характеръ печали и сожалѣнія,—печали и сожалѣнія о прекращеніи самой ранней привычки.

То, что мы сказали о недомоганіяхъ и страданіяхъ ребенка, почти освобождаетъ насъ отъ обязанности перечислить удовольствія, которыя ихъ уравниваютъ. Удовольствія и страданія, дѣйствительно, находятся во взаимномъ соотношеніи. Они вытекаютъ изъ одного и того-же источника; не можетъ быть чувствительности ко злу безъ чувствительности къ добру. Такимъ образомъ первыя удовольствія ребенка вытекаютъ изъ удовлетворенія нуждъ организма и изъ постепеннаго упражненія органовъ чувствъ. Въ первыя недѣли они явятся вслѣдствіе удовлетвореннаго голода, удовольствія сосанія. Бальзагъ вложилъ слѣдующія слова въ уста молодой женщины: «это маленькое существо знаетъ только нашу грудь. Оно любитъ ее всѣми своими силами; оно думаетъ только объ этомъ фонтанѣ жизни; оно приближается къ нему и уходитъ, только чтобы спать; оно просыпается только для того, чтобы къ нему вернуться». Ребенокъ испытываетъ еще удовольствіе отъ теплой ванны, въ которую его погружаютъ, а также отъ пріятнаго и умѣреннаго свѣта. Удовольствія слуха и осязанія явятся позднѣе. Не слѣдуетъ забывать, что въ первыхъ упражненіяхъ мускуловъ и нервовъ для ребенка лежатъ такія наслажденія, о которыхъ взрослый человѣкъ даже и не подозреваетъ, такъ какъ они, такъ сказать, изсякли для него, подъ вліяніемъ повторяемости и привычки. Подумаемъ, сколько маленькихъ пріятныхъ впечатлѣній онъ испытываетъ на первыхъ своихъ прогулкахъ отъ дневнаго свѣта, небесной лазури, о которой слѣпорожденный, послѣ операціи говоритъ, что это самое прекрасное въ мірѣ, отъ ощущенія чистаго и свѣжаго воздуха, который впервые обвѣваетъ голову ребенка. А когда ребенокъ уже свыкъ съ внѣшними предметами, когда онъ уже превозмогъ первыя впечатлѣнія страха и неожиданности, вызванныя новыми предметами, не вѣроятно-ли, что самыя простыя понятія, къ которымъ мы со временемъ будемъ равнодушны не оставляютъ его нечувствительнымъ; что въ этомъ мірѣ реальныхъ предметовъ, въ которомъ каждый новый взглядъ есть новое открытіе, ребенокъ по словамъ поэта, «блуждаетъ своимъ удивленнымъ и восхищеннымъ взоромъ» и испытываетъ, если не отчетливыя и ясныя наслажденія, то по крайней мѣрѣ смутное довольство? Непонятно, почему Прейеръ утверждаетъ, что у маленькихъ дѣтей «удовольствіе является скорѣе вслѣдствіе отсутствія неудовольствія, чѣмъ вслѣдствіе дѣйствительныхъ поводовъ къ удовольствію». Съ перваго-же дня ребенокъ, которому удалось схватить грудь матери, дѣлаетъ уже опытъ положительнаго удовольствія, повторяющагося нѣсколько разъ въ день. А нѣсколько времени спустя, когда уже мускулы станутъ упражняться, когда ребенокъ выучится потягиваться и двигать своими членами, когда онъ станетъ издавать звуки, трогать предметы, — всѣ эти движенія будутъ его радовать и забавлять; впереди-же еще предстоитъ радость первыхъ шаговъ, первые опыты хожденія.

И такъ, можно заключить, что, за исключеніемъ первыхъ недѣль въ раннемъ дѣтствѣ, какъ и вообще въ жизни, существуетъ равно-

всѣе страданій и радостей. Только способъ выраженія ихъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, гораздо быстрѣе и энергичнѣе. «Если ощущенія пріятны, говорилъ Руссо, дѣти испытываютъ ихъ молча;» утвержденіе это слишкомъ абсолютно, потому-что дитя, испытывая удовольствіе, умѣетъ высказать это на своемъ языкѣ: оно щебечетъ, жестикулируетъ, смѣется. Напрасно утверждали, что причина первыхъ движеній, первыхъ признаковъ жизненности, лежитъ въ какомъ-нибудь недомоганіи, что первые голосовыя упражненія, напимѣръ, вызываются исключительно страданіемъ. Нѣтъ, у ребенка есть также движенія, вызванныя удовольствіемъ, а позднѣе радостныя движенія, крики, точно радостное щебетанье. Если-же непріятныя впечатлѣнія обнаруживаются чаще, это потому, что они нуждаются въ облегченіи и помощи; это-то и заставляетъ насъ считать ребенка болѣе несчастнымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

2.

Перечисленные нами радости и печали связаны или съ органами чувствъ, или съ отправленіями организма, и размѣщены въ различныхъ частяхъ тѣла.

Нужно-ли говорить, впрочемъ, что онѣ соотвѣтствуютъ такому-же числу желаній, отвращеній и вкусовъ; такъ какъ удовольствіе и неудовольствіе суть только сознательныя явленія внутреннихъ потребностей и склонностей. Они составляютъ такъ называемыя «Элементы чувствительности», точно также, какъ понятія исключительныя, единичныя, послѣдовательныя суть элементъ разума. Развѣ нельзя указать у ребенка проявленія чувствъ болѣе сложнаго порядка, не вытекающихъ немедленно и непосредственно изъ мускуловъ и нервовъ организма, но изъ группировки и ассоціаціи различныхъ элементовъ, т. е. уже испытанныхъ впечатлѣній; можно даже отмѣтить у него настоящее чувство, которое, хотя основанное на испытанномъ физическомъ удовольствіи, имѣетъ тѣмъ не менѣе силу и цѣнность само по себѣ?

Отвѣтъ несомнѣненъ; болѣзненное состояніе дѣтскаго возраста показываетъ намъ цѣлый рядъ проявленій чувствительности: впечатлѣнія, какъ мы уже видѣли, а также, какъ мы сейчасъ это докажемъ, волненія и даже маленькія страсти.

Мы недалеко уйдемъ, если станемъ утверждать, что потребность въ пищѣ вскорѣ перестаетъ быть инстинктивна и что, раздраженная воспоминаніемъ уже испытаннаго удовлетворенія, она дѣлается страстью съ ея характеромъ *idée fixe*, преобладаетъ тиранически и исключительно. Конечно, въ концѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ нарождающіяся способности уравниваются и составляютъ взаимный противовѣсъ. Но въ началѣ ребенокъ просто одержимъ обжорствомъ, сводитъ все къ сосанію и засыпаетъ, какъ только желудокъ его наполнится. «Первая его любовь есть любовь гастронома. *) Позднѣе онъ дастъ отвлечъ

*) Говоря о двухмѣсячномъ ребенкѣ, корреспондентъ г. Пере пишетъ: «Это настоящее маленькое животное, крайне прожорливое... Я никогда не думалъ, что маленький ребенокъ до такой степени животное, съ единственнымъ инстинкомъ прожорливости. (Peretz)

себя отъ господствующей мысли, но въ первые мѣсяцы ничто, даже показанная ему игрушка, рѣзкій шумъ надъ самымъ его ухомъ, не можетъ отвлечь его отъ чистоживотнаго вождельнія къ пищѣ.» Даже на девятомъ и десятомъ мѣсяцѣ, говоритъ Прейеръ, пища и все, что къ ней относится, сильнѣе всего интересуютъ ребенка, который, съ блестящими глазами, протягиваетъ къ ней руки, пока не насытится.» Вотъ почему онъ несетъ ко рту всѣ предметы, сосетъ или своей палецъ, или палецъ своей кормилицы, пробуетъ, наконецъ, все, къ чему прикасается. Нѣтъ ничего любопытнѣе этой дѣтской маніи. Мы видѣли младенца нѣсколькихъ мѣсяцевъ; видя, какъ мы барабанимъ пальцами по стеклу окна, онъ двигалъ губами и открывалъ ротъ, точно хотѣлъ поймать ими этотъ шумъ. Отъ этой привычки и потомъ останется нѣчто, — это поцѣлуй, который, вѣроятно, есть воспоминаніе о движеніи губъ, вытягивающихся, чтобы схватить материнскую грудь.

Обжорство — это первая страсть. Конечно, во всей своей силѣ оно проявится только у ребенка двухъ или трехъ лѣтъ, уже испорченнаго лакомствами, но и грудной ребенокъ не изъять отъ него. Несомнѣнно, что ребенокъ стремится сосать больше, чѣмъ это ему нужно для утоленія голода. Доказательствомъ-же что въ немъ уже проявляются, въ уменьшенномъ видѣ, конечно, черты страстнаго стремленія, служить гнѣвъ, ревность, т. е. явленіе обыкновенно сопровождающія страсть и проявляющіяся въ немъ впервые. Ребенокъ сердится на свою кормилицу, если ея истощенная грудь не доставляетъ ему привычной порціи молока. Тидеманъ рассказываетъ, что сынъ его выразилъ живѣйшее неудовольствіе, когда увидѣлъ у груди своей матери другого ребенка: онъ волновался и старался устранить непрошеннаго гостя.

Конечно, эмоціи личныя, вызванныя вполне эгоистичнымъ отвращеніемъ отъ страданія или желаніемъ удовольствія появляются первыя; но самыя характеристичныя изъ всѣхъ — это страхъ.

Это еще не рѣшенный вопросъ, есть-ли страхъ чувство инстинктивное и врожденное и предшествуетъ-ли онъ опыту, Безъ сомнѣнія, по большей части страхъ у ребенка соответствуетъ уже испытаннымъ страданіямъ. Онъ очень рано испыталъ боль; онъ боится ея приближенія и возврата. И слѣдуетъ замѣтить, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, подвергаясь дѣйствительной опасности, онъ не беспокоится, по незнанію и безсознательности. Неустрашимость ребенка происходитъ чаще всего отъ непредвидѣнія опасности. Ребенокъ, котораго никогда не били, не понимаетъ подобной угрозы и не боится ея. Вы подходите къ нему съ протянутой рукой, чтобы ударить, а онъ вамъ мило улыбается. Онъ знаетъ только ваши ласки и не понимаетъ значенія вашего гнѣвнаго движенія: подобно молодой собакѣ, встрѣчающей веселыми прыжками трость, которою вы собираетесь ударить ее въ первый разъ.

Но если ребенокъ иногда улыбается при видѣ дѣйствительной опасности, то онъ также можетъ плакать и отъ воображаемыхъ опасностей. Иначе говоря, нѣтъ надобности въ воспоминаніи объ испытан-

номъ злѣ, чтобы заставить ребенка бояться. *) Это подтверждается тѣмъ, что онъ станетъ выказывать живѣйшій страхъ по поводу совершенно безобидныхъ вещей. Благодаря-ли наслѣдственности или чувству слабости, отсутствію предшествующаго опыта, но маленькій ребенокъ обнаруживаетъ естественную, самопроизвольную боязнь темноты **).

По отношенію къ дѣтямъ слѣдовало-бы вспомнить старинную поговорку: «Что ново, то безобразно». Все, что ново, непривычно, заставляетъ ребенка дрожать и плакать. При видѣ незнакомаго лица онъ припадаетъ къ груди кормилицы и плачетъ. И его пугаетъ только новизна впечатлѣнія, потому что, отказывая сегодня протянуть руку незнакомцу, черезъ нѣсколько дней, привыкнувъ къ нему, онъ бросается къ нему на шею. Совершенно также и домашнія животныя, собака, кошка, которые вскорѣ сдѣлаются предметомъ особенной нѣжности ребенка, вначалѣ страшно его пугаютъ. Простая перемѣна костюма его отца или матери заставляетъ его кричать и плакать. Вотъ почему маленькая четырехмѣсячная дѣвочка, о которой говорить Прейеръ, начинала плакать, когда къ ней приближалась мать съ большой шляпой на головѣ и сейчасъ-же вновь улыбалась, когда шляпа была снята. Это именно случай *неофобии*, изучаемой современной наукой, свойственной даже и взрослому человѣку, но которая особенно характеристична въ дѣтскомъ возрастѣ. Все неожиданное, непредвидѣнное, невыносимо для ребенка и вызываетъ или страхъ или, позднѣе, гнѣвъ. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ моихъ сыновей четырехъ съ половиною лѣтъ впадалъ въ настоящее бѣшенство каждый разъ, когда я говорилъ съ нимъ на простонародномъ языкѣ моей родины; непривычность моей рѣчи выводила его изъ терпѣнія и раздражала въ высшей степени.

Удивленіе у маленькаго ребенка есть синонимъ страха, какъ въ послѣдствіи оно станетъ синонимомъ восхищенія. *Поразительное* и *ужасное* это для него одно и то-же. «Въ четыре мѣсяца, говоритъ Дарвинъ, мой сынъ встрѣчалъ, какъ самую милую шутку, странные и довольно сильные звуки, къ которымъ я его пріучилъ; но однажды я сталъ сильно храпѣть, чего никогда до сихъ поръ не дѣлалъ: онъ тотчасъ сталъ серьезенъ и принялся плакать. Къ тому же времени я сталъ приближаться къ нему спиной, пятился и вдругъ остановился: ребенокъ былъ очень удивленъ и уже собирался плакать, но когда я повернулся къ нему, то лицо его сейчасъ-же прояснилось улыбкой».

Другой видъ безпричинной боязни — это боязнь темноты. Откуда является этотъ страхъ темноты, который однако несвойственъ ребенку? «Ночь, говоритъ Руссо, естественно пугаетъ дѣтей и нѣкто-

*) «Совершенно ошибочно думать, что ребенокъ, котораго не выучили бояться, не знаетъ страха.» Ргеуег.

**) Страхъ, говоритъ д-ръ Сикорскій, есть чувство врожденное; онъ появляется раньше, чѣмъ ребенокъ имѣлъ случай испытать боязнь. Маленькія дѣти испытываютъ паническій страхъ при видѣ приближающейся съ самымъ благодушнымъ видомъ собаки или кошки,

рых животных*). Это происходит, какъ, замѣчаетъ Руссо, отъ незнакомства съ окружающими насъ предметами и того, что кругомъ насъ происходитъ.» Не будучи въ состояніи упражнять дѣйствительное зрѣніе, ребенокъ населяетъ темноту призраками, фантастическими видѣніями. Все, что можетъ себѣ представить ужаснаго его маленькое воображеніе, слишкомъ часто возбужденное сказками кормилицы, все это всплываетъ наверхъ въ темнотѣ**). Ребенокъ, котораго спросили, почему онъ не любитъ находиться въ темномъ мѣстѣ, отвѣтилъ: «я не люблю трубочистовъ!» Этотъ примѣръ прекрасно доказываетъ, что ребенокъ боится темноты и безъ того, чтобы ему набивали голову глупыми сказками. Его воображеніе вызываютъ ни одни только сверхъестественныя существа: оно вызывается также и реальными личностями — воровъ, трубочистовъ!...

Гдѣ онъ не видитъ ничего, онъ воображаетъ все. Прибавимъ къ этому естественное отвращеніе къ черному, удостовѣренное всѣми наблюдателя дѣтскаго возраста. Прейеръ говоритъ о ребенкѣ семнадцати мѣсяцевъ, который боялся даже своей матери, одѣтой въ трауръ***). Сынъ Тидемана на седьмомъ мѣсяцѣ отворачивался отъ людей въ черномъ, съ видимыми знаками отвращенія. «Черное, цвѣтъ темноты, вмѣчаетъ само по себѣ нѣчто непріятное.» Прибавимъ къ этому, что одиночество пугаетъ еще больше, чѣмъ темнота. Даже если онъ не одинъ, ребенокъ, находящійся въ темнотѣ, считаетъ себя одинокимъ. Глаза его уже не могутъ покоиться на привычныхъ ему лицахъ и предметахъ, обычной опорѣ его слабости. Онъ чувствуетъ себя покинутымъ, брошеннымъ. Таковъ смыслъ размышленій ребенка, который говорилъ своимъ товарищамъ: «Не пойдемъ въ ту сторону, тамъ никого нѣтъ; насъ могутъ обидѣть!» Нужно-ли, для объясненія боязни въ раннемъ возрастѣ, ссылаться на наслѣдственность, какъ этого хотятъ Прейеръ и Дарвинъ; слѣдуетъ-ли предположить, что «боязнь у ребенка, если только она вполнѣ независима отъ опыта, вытекаетъ изъ наслѣдственныхъ опасностей и грубыхъ предрасположеній, имѣющихъ начало еще въ дикомъ состояніи человѣка?» Это значило-бы преувеличивать дѣло и бесполезно искать во временахъ еще доисторическихъ объясненій, находящихся, такъ сказать, подъ руками. Въ обѣихъ разсмотрѣнныхъ нами категоріяхъ боязни, происходящей-ли отъ неожиданности новыхъ впечатлѣній или-же отъ отсутствія свѣта, дѣло идетъ о воображаемомъ страхѣ, неосновательность котораго обличается опытомъ. Опыту-же нашихъ предковъ здѣсь нечего дѣлать. Правда, Дарвинъ, повидимому, опирается на другіе факты, а особенно на слѣдующій примѣръ: «Когда моему сыну было

*) Локъъ противнаго мнѣнія: «Если-бы дѣтей предоставить собственному вхоженію, они не больше пугались-бы темноты, какъ яснаго дня. *«Quelques pensées sur l'éducation, § 139».*

**) Докторъ Сикорскій утверждаетъ, что его дѣти никогда не боялись темноты, потому что они никогда не слышали «страшныхъ сказокъ».

***) Мадамъ Неверъ де Сосюръ увѣряетъ, что боязнь чернаго вытекаетъ только лишь изъ привычки. «Въ Америкѣ, говоритъ она, маленькіе негры боятся бѣлыхъ людей». *Education progressive. I. II. oh. IV.*

только два года и три мѣсяца, я повелъ его въ зоологическій садъ, и онъ съ большимъ удовольствіемъ разсматривалъ животныхъ, похожихъ на тѣхъ, которыя ему были уже извѣстны—козъ, антилопъ, всѣхъ птицъ и даже страуса;—но очень боялся большихъ животныхъ, запертыхъ въ клѣтки; впоследствии онъ говорилъ, что охотно вернулся бы въ зоологическій садъ, но не затѣмъ, чтобы видѣть животныхъ въ ихъ домикахъ». И Дарвинъ прибавляетъ, что этотъ страхъ былъ-бы необъяснимъ, если-бы его не разсматривать какъ воспоминаніе о кровавыхъ битвахъ, которыя, нашимъ предкамъ пришлось вести съ кровожадными животными еще во времена ихъ первобытнаго состоянія. По моему, это явленіе объясняется гораздо проще. Дарвинъ самъ говоритъ, что ребенокъ не пугался при видѣ животныхъ, похожихъ на тѣхъ, которыя онъ уже зналъ и которыя живутъ на свободѣ. Если кровожадныя животныя, запертыя въ клѣтки, производили на него другое впечатлѣніе, то это произошло только лишь вслѣдствіе новизны. По своимъ формамъ, размѣрамъ, можетъ-быть также и по своимъ движеніямъ, если они прыгали за рѣшеткой, а особенно потому, что они заперты «въ дома», какъ говорилъ самъ ребенокъ, левъ и тигръ удивляли и, слѣдовательно, пугали его воображеніе.

Нѣтъ, не въ бессознательномъ воспоминаніи о жизни предковъ, но въ самой природѣ ребенка слѣдуетъ искать причинъ его страха. Не забудемъ, что реальная опасность беспокоитъ его меньше всего и онъ если съ нимъ не обращались дурно съ самыхъ первыхъ дней, переживаетъ начальный періодъ, характерная особенность которю отсутствіе страха. *) Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ уже испыталъ страданіе, онъ уже смутно замѣтилъ свою слабость. И, благодаря этому опыту, онъ, естественно обобщая, видѣлъ уже зло повсюду подобно больному, чье страдающее тѣло заранѣе пугается всякаго движенія, всякаго прикосновенія. Онъ предвидѣтъ опасность особенно въ предметахъ, которыхъ не понимаетъ, потому что онъ не подвергалъ ихъ опыту. Наблюденія, сдѣланныя по этому вопросу Ромэнсомъ въ его интересномъ трудѣ о разумѣ у животныхъ, прекрасно выясняютъ его; они доказываютъ, что собаки, наиримѣръ, пугаются того и другого только потому, что не знаютъ его причины. Собака, боявшаяся грома, была сильно испугана, когда однажды услышала шумъ, похожій на громъ, такъ какъ бросали пѣлюю кучу яблокъ на полъ кладовой; но лишь только ее туда ввели, она, казалось, поняла причину шума и стала попрежнему весела и спокойна. Другая собака имѣла привычку играть съ высушенными костями; Ромэнсъ незамѣтно привязалъ къ одной изъ этихъ костей нитку и, пока собака играла костью, сталь ее слегка дергать; при видѣ этой самовольно двигающейся кости собака стала отступать въ ужасъ... Точно также пугливыя лошади выказываютъ страхъ, если причина испугавшаго ихъ звука остается для нихъ невидима. Тоже самое происходитъ и съ

*) Таково мнѣніе Прейера. Онъ ставитъ закономъ, что: «чѣмъ меньше дитя испытало болѣзненныхъ ощущеній, тѣмъ позже появляется страхъ, и обратно».

ребенкомъ. При видѣ всѣхъ окружающихъ его предметовъ, о которыхъ не имѣетъ понятія, при видѣ этихъ звенящихъ предметовъ, этихъ формъ, движеній, которымъ онъ не видитъ причины, онъ естественно, чувствуетъ смутное безпокойство. Мы сами испытали-бы тоже самое, еслибы случайно были внезапно, безъ перехода, брошены въ дикую страну, среди чуждыхъ намъ существъ и предметовъ; мы были-бы подозрительны, постоянно насторожѣ; намъ-бы чудились воображаемые враги за каждымъ кустомъ и новыя опасности на каждомъ поворотѣ дороги.

Глава о страхѣ была-бы очень длинна, еслибы мы захотѣли पु-скаться въ подробности и стали-бы разсматривать всѣ виды его, на-чиная съ мучительнаго ужаса, испытываемаго ребенкомъ при видѣ пожара, напримѣръ, и кончая, робостью, этой общей боязнью, кото-рая парализуетъ всѣ движенія трехъ или четырехлѣтняго ребенка, и есть какъ-бы средоточіе всѣхъ ужасовъ ранняго возраста. Пришлось-бы разсматривать множествомъ разновидностей: напримѣръ, боязнь паденія, которая появляется не только у ребенка, начинающаго ходить колеблющимися шагами, но даже у грудного младенца, изо всѣхъ силъ прижимающагося къ груди своей кормилицы, чтобы не сосколь-знуть на землю, нѣчто вродѣ «агорафобии», очень характеристичной боязни пустоты. *) Если вѣрить Прейеру, то ребенокъ также боится только слѣдствіе неожиданнаго сильнаго звука, причина котораго ему неизвѣстна. Доказательство: ребенокъ двухъ лѣтъ, привыкшій уже къ явленію, громко хохочеть, слышавъ громъ, и старается подра-жать руками зигзагамъ молніи.

Вмѣсто того, чтобы составлять этотъ каталогъ, слѣдуетъ устано-вить фактъ, что страхъ, какъ развитіе дѣтской впечатлительности, представляетъ уже настоящій шагъ впередъ. Сюли справедливо го-ворить, что онъ есть «самая элементарная форма чистой и простой эмоции, то есть чувства, прямо вытекающаго изъ мыслительной дѣя-тельности.» И дѣйствительно, здѣсь мы видимъ не только немедлен-ныя впечатлѣнія, вызванныя наличными предметами,—здѣсь уже дѣй-ствуетъ умъ и воображеніе, а также своего рода смутная индукція, Ребенокъ, страдавшій одинъ или нѣсколько разъ отъ зла, съ этихъ поръ расположенъ не только бояться возобновленія этого зла, но также и видѣть его повсюду Локкъ пишетъ; «я думаю, можно утвер-ждать, что при самомъ рожденіи ребенка всѣ видимые предметы, не раздражающіе его глазъ, для него совершенно безразличны: онъ не больше боится негра и льва, чѣмъ своей кормилицы или кошки. **)

*) Вотъ что говоритъ Тидеманъ: «Ребенку шель пятый мѣсяць. Видно было, что онъ хочетъ удержаться руками. Когда, держа его на рукахъ, быстро опускали ихъ къ низу, онъ старался крѣпко держаться руками, чтобы не упасть. Ему было также неприятно, когда его подымали очень высоко. Однако онъ не могъ имѣть понятія о паденіи. Потому страхъ, его былъ машиналенъ, подобно головокруженію, которое мы чувствуемъ на крутой возвышенности.

**) Это, по нашему мнѣнію, справедливо только въ первые дни жизни и, самое большее тогда, когда ребенокъ еще почти неспособенъ къ вышнимъ впечат-лѣніямъ.

Что-же его позже пугаетъ въ предметахъ извѣстной формы и цвѣта? Одно только опасеніе зла, которое могутъ ему причинить эти предметы. Именно этотъ страхъ, эта идея возможности зла проскальзываютъ даже въ инстинктивной боязни и придаютъ ей, какъ-бы смѣшна и глупа она ни была, характеръ если не разумный, то всетаки духовный.

Страхъ во всей совокупности своихъ проявленій есть только какъ-бы одинъ изъ видовъ инстинкта самохраненія, одинъ изъ способовъ, употребляемыхъ природою для сохраненія индивидуума, одно изъ орудій для борьбы за существованіе. Онъ есть исключительно чувство личное, эгоистическое, какъ инстинктъ собственности, какъ самолюбіе; намъ предстоитъ теперь показать, какимъ образомъ чувствительность, ставшая уже личнымъ возбужденіемъ, подымается до чувства привязанности.

3.

Неоспоримо, что чувство привязанности вытекаетъ изъ самаго эгоизма ребенка. Первые привязанности рождаются отъ воспоминанія о маленькихъ личныхъ удовольствіяхъ, доставляемыхъ ребенку матерью или кормилицей. *) Маленькій ребенокъ любитъ только то, что его забавляетъ или доставляетъ ему удовольствіе, вотъ почему нео душевленный предметъ, игрушка, кукла, любимое животное, кошка собака, могутъ занять въ его привязанности мѣсто на ряду съ отцомъ и матерью. Конечно, къ другому любовь, даже въ ея ребяческой формѣ, будетъ только простой группировкой пріятныхъ впечатлѣній, сосредоточенныхъ по ассоціаціи идей на одномъ лицѣ; точно также какъ сужденіе и разсужденіе не должны быть смѣшиваемы съ совокупностью ощущеній. Но эти пріятныя впечатлѣнія даютъ только поводъ, удобный случай для удовлетворенія потребности любить и направляютъ ее въ ту или другую сторону. Если подвергнуть анализу нѣжную симпатію ребенка къ матери, то легко можно усмотрѣть нѣсколько очевидныхъ внѣшнихъ элементовъ сыновней любви: благодарность за оказанныя услуги, воспоминаніе о полученныхъ ласкахъ, цѣлый рядъ впечатлѣній, льстящихъ утилитарному инстинкту ребенка и его внѣшнимъ чувствамъ. Но есть нѣчто недоступное анализу; существуетъ инстинктивное стремленіе любить, исходящее изъ глубины души. Другими словами, мы очень хорошо можемъ дать себѣ отчетъ, почему сердце ребенка привязано къ тому или другому лицу, точно также какъ, наблюдая за ростомъ вьющагося растенія, мы могли-бы сказать, вслѣдствіе какого сродства оно охотнѣе обвивается вокругъ этого, а не того дерева; мы, конечно, можемъ объяснить, за что ре-

*) Сравните съ тѣмъ, что происходитъ у животныхъ: щенокъ, котораго я наблюдалъ, оказывалъ живѣйшую привязанность къ прислугѣ, заботившейся о его пищѣ. Но вотъ щенокъ этотъ захворалъ и не нуждается болѣе въ пищѣ. Съ этого момента онъ уже не обращаетъ никакого вниманія на прислугу и ищетъ общества уже другихъ домашнихъ, которые его только ласкаютъ. То-же самое у ребенка: любовь ему внушена благодарнымъ воспоминаніемъ о расточаемыхъ ему заботахъ.

бенокъ любить свою мать или кормилицу, но не могли-бы сказать почему онъ умѣетъ любить,

Мы часто слышали, что ребенокъ учится любить, будучи самъ любимъ, вида, что и другіе любятъ другъ друга. Но въ такомъ случаѣ привязанность была-бы только возвратомъ или подражаніемъ. Не станемъ этому противорѣчить; въ развитіи индивидуальной чувствительности есть много причинъ соціальныхъ, семейныхъ и, слѣдовательно, приобрѣтенныхъ. По словамъ Гюйо: «получая, сердце наконецъ, и само даетъ». Любящая личность каждаго индивида образуется, благодаря сотрудничеству многихъ, благодаря общенію съ другими, уже сформированными личностями. Ребенокъ, лишенный любви, брошенный несчастной судьбой въ сухую и холодную среду, рискуетъ вовсе не испытать чувства симпатіи и любви. Чувствительность, какъ и разумъ, выдѣляется изъ области безсознательнаго не исключительно сама по себѣ, но вслѣдствіе внутренняго отвѣта на внѣшній призывъ.

Но относительная произвольность симпатіи у ребенка, тѣмъ не менѣе,—дѣло неоспоримое, и проявляется оно прежде всего въ потребности чужой симпатіи. Нашъ сынъ требуетъ отъ насъ не только матеріальнаго ухода, внѣшняго баловства, для того, чтобы быть счастливымъ: онъ требуетъ еще нашей любви. Въ своихъ замѣткахъ о своей дочери Анни, умершей десяти лѣтъ, Дарвинъ пишетъ слѣдующія трогательныя строки: «Когда ея веселость дѣлалась слишкомъ шумною, одинъ мой взглядъ, съ выраженіемъ не гнѣва (благодаря Бога, я почти никогда на нее не смотрѣлъ такимъ образомъ), но отсутствія симпатіи, помрачалъ на нѣсколько минутъ ея личико. Ея любящій характеръ сказывался уже въ раннемъ дѣтствѣ, и она могла лежать спокойно въ своей постелькѣ тогда только, когда могла прикасаться къ своей матери».

Потребность любить сопровождается способностью любить; въ этомъ вопросѣ мы опять прибѣгаемъ къ свидѣтельству Дарвина. «Симпатія появилась въ моемъ сынѣ, когда ему было шесть мѣсяцевъ и одиннадцать дней; каждый разъ, когда кормилица притворялась плачущей, у него являлся печальный видъ, что видно было по опущеннымъ угламъ его ротика. Но только въ годъ онъ началъ выказывать привязанность произвольными поступками, на примѣръ: онъ по нѣсколько разъ цѣловалъ свою кормилицу, вернувшуюся послѣ непродолжительнаго отсутствія».

Мы не можемъ подписаться подъ мнѣніемъ, высказаннымъ о дѣтствѣ М. Е. Навиллемъ, философомъ, впрочемъ, очень свѣдующимъ: «Маленькія дѣти, говоритъ онъ, это совершенные эгоисты. Не станемъ ихъ въ этомъ упрекать. Да и какъ они могутъ чувствовать симпатію? Они не знаютъ, что существуютъ въ мірѣ другія радости и печали, какъ ихъ собственныя. Окружающія ихъ лица въ началѣ для нихъ только вещь. Въ этихъ движущихся передъ ними тѣлахъ они не угадываютъ еще души. Да, когда мать наклоняетъ надъ колыбелью свое любящее лицо, оно представляется ему только двигающимся предметомъ. Ему много разъ придется видѣть ея слезы, пока онъ пойметъ,

что она страдает. И только когда онъ пойметъ это, въ душѣ его загорится заря симпатіи и нравственной жизни... «Трудно нагромоздить въ нѣсколькихъ строкахъ болѣе ошибокъ, но и этого достаточно, чтобы показать, насколько психологія ребенка идетъ ощупью и блуждаетъ, нѣсколько; сто лѣтъ спустя, Руссо имѣлъ-бы право повторить о своей родинѣ: «Дѣтства вовсе не знаютъ!» Во первыхъ, дитя вовсе не «*совершенный эгоиста*», потому-что настоящій эгоизмъ предполагаетъ разсчитанное предпочтеніе къ нашимъ собственнымъ интересамъ. Неспособный къ разсчету, ребенокъ, если онъ и эгоистъ, то самъ того не сознавая. Его милый, невинный эгоизмъ есть только инстинктивное стремленіе къ удовольствію. Но будетъ большой смѣлостью утверждать, что въ глазахъ ребенка лица—это только вещи; тогда какъ, напротивъ того, онъ относится даже къ неодушевленнымъ предметамъ, какъ къ живымъ: любимая кукла, напримѣръ, которую онъ олицетворяетъ до того, что любить ее, какъ младшую сестру, и трогается ея воображаемыми несчастіями *). Нельзя, наконецъ, согласиться съ Навиллемъ, что дѣти до такой степени медленно понимаютъ проявленія чужихъ чувствъ, какъ, напримѣръ, значеніе слезъ. Въ естественномъ проявленіи горя заключается такая сила, что оно не можетъ ускользнуть отъ угадывающаго разума ребенка.

Неоспоримо, впрочемъ, что въ чувствѣ привязанности ребенка эгоизмъ примѣшивается къ безкорыстной любви. Но развѣ это не всегда такъ бываетъ? Развѣ не большая рѣдкость встрѣтить привязанность, свободную отъ всякихъ личныхъ разсчетовъ? Такимъ образомъ и ребенокъ любитъ свою мать больше для себя самого, чѣмъ для нее; онъ любитъ ее въ интересахъ собственного благополучія, которое мать доставляетъ ему своими ласками и заботами. Сынъ Тидемана, которому было почти годъ, незамѣтно привязался къ своей сестрѣ и къ своей маленькой собачкѣ, которыя до того времени были для него совершенно безразличны: «Онъ не хотѣлъ, чтобы обижали ту или другую, потому-что обѣ забавляли его своими играми». Такимъ-же образомъ позднѣе дружба будетъ вначалѣ только удовольствіемъ играть съ товарищами. Эгоистическое впечатлѣніе всегда останется исходной точкой, точно также какъ въ корнѣ общей и отвлеченной идеи всегда будетъ лежать чувственное понятіе или единичный образъ.

Замѣтимъ, впрочемъ, что дѣтскія привязанности направляются тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое называется симпатіей, въ собственномъ смыслѣ слова, то есть стремленіемъ воспроизвести, такъ сказать, отражать чувства другихъ. Вотъ почему, вѣроятно, животныя суть лучшіе друзья ребенка. Онъ естественно симпатизируетъ существамъ, во многомъ на него похожимъ, у которыхъ потребности сходны съ его собственными: та-же жадность къ пищѣ, та-же потребность движенія, та-же желаніе ласки. Быть похожими—значитъ

*) См. у Прейера: «Моему двадцати-семи мѣсячному сыну вырѣзывали фигурки изъ бумаги: когда неловкимъ движеніемъ ножницъ имъ отрѣзали руку или ногу, то онъ принимался плакать».

взаимно любить друг друга. Животное, которое страдает, кричит, чувствует голодъ, ослушивается, которое бранять, ежемичутно напоминаетъ ребенку приключенія его собственной жизни. Поэтому-то онъ ищетъ его общества и особенно любить сказки, въ которыхъ говорится о животныхъ. Симпатія не есть слѣпой инстинктъ; нѣтъ, она уже есть чувство, то есть, я хочу сказать, что здѣсь уже участвуютъ умственные представленія; что они даже составляютъ необходимое ея условіе: она представляетъ мысли, болѣе или менѣе сознательное внутреннее чувство, слѣды котораго, по нѣкоторымъ признакамъ, мы узнаемъ и у другихъ. Не станемъ-же требовать, чтобы ребенокъ симпатизировалъ вообще всемъ взрослымъ: ихъ дѣйствія, чувства, идеи для него недоступны, и онъ ихъ не понимаетъ. Ничто его съ ними не сближаетъ. Другое дѣло родители, которые съ маленькими дѣлаются и сами маленькими, которые доказываютъ ребенку своими постоянными заботами, что они принимаютъ участіе въ его чувствахъ, въ его страданіяхъ, раздѣляютъ его забавы и огорченія. Ребенокъ, угадавшій по глазамъ своей матери, что она сочувствуетъ его страданіямъ, будетъ подготовленъ этимъ таинственнымъ общеніемъ душъ симпатизировать въ свою очередь чувствамъ матери. Онъ будетъ печаленъ при видѣ ея слезъ, станетъ радоваться, когда ей будетъ весело. Могущественная во всякомъ возрастѣ жизни, сила симпатіи, сообщаемость вызванныхъ ею чувствъ особенно замѣчены въ дѣтскомъ возрастѣ; это доказывается, на пятомъ или шестомъ году жизни, припадками безумнаго хохота или-же сильнаго негодованія, которыя сообщаются отъ одного другому въ толпѣ мальчишекъ.

4.

Намъ остается изучить только выразительные знаки различныхъ, уже описанныхъ нами, чувствъ, извѣстныхъ намъ, впрочемъ, только благодаря этимъ выразительнымъ знакамъ. «Дѣти, писалъ уже Чарльзъ Белль, выражаютъ нѣкоторыя волненія необыкновенно сильно: это понятно, ибо съ лѣтами нѣкоторые виды выраженія чувствъ уже не вытекаютъ изъ того-же свѣтлаго источника, какъ въ дѣтствѣ. Никто не оспариваетъ, что ребенокъ обладаетъ въ высокой степени способностью выраженія. Сколько у него есть души, вся она вырывается наружу въ движеніяхъ его гибкаго тѣла, въ его неумѣренной жестикуляціи, въ его открытой и прямой фізіономіи. Никакой расчетъ не нарушаетъ еще естественнаго порядка, по которому каждое внутреннее чувство сопровождается внѣшнимъ знакомъ. Особенно о глазахъ ребенка можно выразиться, что они суть зеркало души. Позднѣе человекъ выучится скрывать свои чувства, зарыть въ самой глубинѣ своего существа все, что онъ пожелаетъ скрыть. За маской равнодушія будутъ скрываться сильныя страсти и обнаружатся только едва замѣтными знаками. Но ребенокъ не хочетъ скрывать своихъ чувствъ, даже если-бы и хотѣлъ, то не можетъ, такъ какъ органы выраженія еще не подчиняются волѣ. Двойственность взрослаго человека, вызванная властной волей и нравственными способностями, а также дисциплинированнымъ и послушнымъ тѣломъ, ребенку почти

ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Открыта подписка на 1895 годъ на
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

Содержаніе 4-го №.

Отдѣлъ первый. I. «Отверженный». Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Д. Мережковскаго. — II. «Тургеневъ и Толстой». Очеркъ VI. Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. — III. Стихотвореніе К. Льдова. — IV. «Законныя жены». Очеркъ III. Записки мужа. Ольги Шапирь. — V. «Наши земельныя дѣла». П. Кузнецова. — VI. «Усталые люди». Романъ Арне Гарборга. Переводъ съ датск. О. Петерсонъ. — VII. «Памяти Н. М. Ядринцева, друга переселенцевъ». Проф. А. Исаева. — VIII. Два стихотворенія Д. Мережковскаго. — IX. «Праздники». Очеркъ. Ек. Лѣтковой. — X. «Исповѣдь». Анни Безантъ. Переводъ съ англ. З. Венгеровой. — XI. «Мои воспоминанія объ А. В. Потаниной». В. Стасова. — XII. «Литературныя замѣтки». Д. И. Писаревъ. Статья II. А. Волынскаго. — Отдѣлъ второй. I. Областной отдѣлъ. — Провинціальная печать. Л. Прозорова. — II. «Письмо изъ Америки». Положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ. — III. «Театръ». — IV. «Наша общественная жизнь». О. Т. — V. Внутреннее обозрѣніе. — VI. Критика и библиографія. — VII. Изъ жизни и литературы. — VIII. Изъ дневника журналиста. Л. Гуревичъ. — IX. Политическая лѣтопись. Л. Лонскаго.

Условія подписки: На годъ безъ доставки въ Спб. въ конторѣ журнала 12 р., съ доставкой въ Спб. 12 р. 50 к., съ пересылкою въ Имперію 13 р. 50 к. Заграницей 15 р.

Разсрочка платежей. Служащіе могутъ вносить помѣсячно за ручат. казначеевъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

Новые годовые подписчики на «Съв. Вѣстн.» получаютъ бесплатно 1-ю часть «Записокъ А. О. Смирновой» въ видѣ отдѣльной книги, съ портретомъ автора, и опечатанную въ «Съв. В.» въ 1893 г. часть романа г. Сенкевича «Семейство Полавецкихъ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала, Спб. Троицкая ул., д. № 9, и въ москов. отдѣл., Тверская, д. Сазикова, въ Спб. въ книжн. магаз. Фену, въ Москвѣ въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, Новаго Времени и др.

Издательница Л. Гуревичъ.

Редакторъ М. Альбовъ.

Открыта подписка на 1895 годъ

НА ЖУРНАЛЬ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ.“

Изданіе МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VI.

Мартовская, 2-я книжка журнала.

Содержаніе: *Н. Я. Гротъ*. Устои нравственной жизни и дѣятельности. *П. А. Каленовъ*. Жизнь какъ нравственная борьба.—*Кн. С. Н. Трубецкой*. Научная дѣятельность *А. М. Иванова-Платонова*.—*М. С. Коремиль*. Отношеніе *А. М. Иванова-Платонова* къ исторической наукѣ.—*Н. В. Мармъ*. Вліяніе чувствованій на теченіе времени.—*В. Р. Буцке*. Анализъ основныхъ условій при ассоціаціи идей.—*Ө. А. Зеленогорскій*. *И. Т. Шадъ*.—*А. С. Лебедевъ*. *Г. С. Сковорода* какъ богословъ.—*А. А. Козловъ*. Теорія искусства съ точки зрѣнія *Тейхмюллера*.—Критика и библиографія. Психологическое общество за 1-ое 10-лѣтіе. Приложеніе. *Я. Н. Колубовскій*. Философскій Ежегодникъ.

Журналъ выходитъ ПЯТЬ разъ въ годъ (въ началѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1-го января 1895 г. по 1-е января 1896 г.) безъ доставки 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Члены Психологическаго Общества, и студенты университетовъ пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Пб., Варшава), Вольфа (С.Пб. и Москва), Оглобина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Арбатъ, д. Расцѣтовой.

Полные экземпляры журнала за первый годъ (№№ 1—4) распроданы; отдѣльно продаются оставшіеся въ небольшомъ числѣ экз. 3-й книги по 2 руб. съ перес. Полные годовые экземпляры журнала за второй (№№ 5—9), за третій (№№ 10—14), за четвертый (№№ 16—20), за пятый (№№ 21—25) года продаются по 6 руб. за каждый годъ; за два года 11 р.; за три—16 р.; за четыре—21 р. Лица, имѣющія право на льготную подписку (см. выше), платятъ за одинъ годъ—5 р., за два—9 р., за три—13 р., за четыре—17 р. № 15-й (переходный между 3-мъ и 4-мъ годами)—2 руб. безъ уступки. Пересылка на счетъ выписывающихъ по разстоянію—за 6 фунтовъ съ годоваго экземпляра. Можно выписывать наложеннымъ платежемъ, причѣмъ взимается съ каждаго руб. по 2 к. Сверхъ того, можно прибрѣтать по 1 р. (съ пер. 1 р. 20 к.) слѣдующія отдѣльныя книги журнала, оставшіяся лишними сверхъ полнаго комплекта: №№ 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14 и 21.

Редакторы: (проф. *Н. Я. Гротъ*.
(проф. *Л. М. Лопатинъ*.

О ПОДПИСКѢ НА 1895 ГОДЪ.

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“ для родителей и воспитателей.

Въ 1895 году «Дѣтское Чтеніе» вступаетъ въ 27-й годъ своего существованія.

«Дѣтское Чтеніе» ОДОБРЕНО: Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній ВЪЛЮЧЕНО въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе» помѣщаются: а) повѣсти, рассказы и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу свѣту) ж) музыкальный отдѣлъ; з) игры и занятія; и) задачи, ребусы, шарады и проч.

При журналѣ «Дѣтское Чтеніе» издается «Педагогическій Листокъ», выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 листовъ. Большая часть статей «Педагогическаго Листка» посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о классномъ и внѣклассномъ чтеніи дѣтей. Въ «Педагогическомъ Листкѣ» помѣщается *периодическій указатель* дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ *вновь выходящихъ книгъ* для дѣтей, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. Съ доставкою и пересылкою во всѣ гг. Россіи 6 р. За границу 8 р.

На полгода—3 руб., на четверть года—1 руб. 50 коп. Допускается разсрочка по третямъ и полугодіямъ.

Подписка принимается въ редакціи: Москва. Тверская ул., д. Гиршмана, кв. Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ.

Издатели:) Е. Н. Тихомирова.
) Я. В. Борисовъ.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Новыя книги и брошюры, Изданія редакціи журнала „Образованіе“.

Складъ изданій С.-Петербургъ, Гороховая ул., д. 18.
Редакц. «Образованія».

1. Фенелонъ. «О воспитаніи дѣвицъ», перев. съ французскаго подъ редакціей Н. С. Карцова. Ц. 60 коп.
2. А. Моссо (проф. Туринскаго университета). «Физическое воспитаніе юношества», перев. съ итальянскаго В. Сусуланиной. Ц. 60 к.
3. Т. Рибо. «Ислѣдованіе аффективной памяти», перев. съ французскаго Е. Максимовой. Ц. 25 коп.

ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОЯВИТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

4. А. Лаландъ. Этюды по философіи наукъ (съ французскаго).

Въ редакціи «ОБРАЗОВАНІЯ» можно приобрѣсти слѣд. книги:

1. «Родная Старина», отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. В. Сиповскаго. 1-я часть *четвертое* изданіе—1 р. 50 к., 2-я часть *третье* изданіе—2 р. и 3-я часть *второе* изданіе—2 р. 50 к. Во всѣхъ трехъ частяхъ болѣе 500 полиטיפажей, изображающихъ древнія зданія, одежды, портреты и пр. (Изданіе въ настоящее время принадлежитъ Д. Д. Полубояринову и находится въ складѣ его. Спб. Николаевская ул., д. № 18).

2. «Природа и люди Австраліи», сост. А. Полкова, изящная книга, 241 стр., 79 полиטיפажей въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

«Родная Старина» и «Природа и люди Австраліи» рекомендованы учебнымъ комитетомъ при С. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и внесены въ каталогъ книгъ, одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. для ученическихъ библіотекъ.

3. «Св. Равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси». Съ изящной гравюрой и полиטיפажми въ текстѣ (для народныхъ школъ). В. Сиповскаго. Ц. 10 коп.

4. Историческая библіотека для учащихся. «Исторія древней Греціи». В. Сиповскаго. Въ разсказахъ и картинахъ (60 полиטיפажей въ текстѣ); была дана въ приложеніи къ журналу «Женское Образов.» за 1890 г.; вып. 1-й (миѳическій и героическій періодъ). Ц. 1 р.

Иногородныя лица, выписывающія эти книги изъ редакціи «Образованія» за пересылку не платятъ. Подписчики журнала могутъ получать въ редакціи названныя книги съ *уступкою 20 процентовъ*.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 7 Мая 1895 года.

Напечатанныя въ 1893 и 94 г. статьи въ журналѣ «Образова-
ніе» вышли отдѣльными изданіями:

„СЧАСТЬЕ“.

Популярные очерки по нравственной философіи:

Искусство работать. — Хорошія привычки. — Искусство имѣть время. —
Мысли Эпиктета. — Идеализмъ въ практической жизни. — Счастье.

К. ГИЛЬТИ,

Профессора Бернскаго Университета.

Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія и предисловіе
Александра Острогорскаго.

2-ое исправленное изданіе.

Цѣна 50 коп.

ЧТО ТАКОЕ

ПРАВСТВЕННОСТЬ?

Т. ЦИГЛЕРА,

проф. Страсбургскаго Университета.

Содержаніе: Задачи нравственной философіи. Происхожде-
ніе нравственности. Что такое нравственность. Долгъ и доб-
родѣтель. Высшее благо. Заключение.

Переводъ съ 2 нѣмецкаго изданія

Александра Острогорскаго.

Выписывающіе отъ переводчика (Спб. Басковъ пер. д. 22)
пользуются бесплатной пересылкой.

Цѣна 50 коп.

ПОДПИСКА

НА 1895 ГОДЪ

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„ОБРАЗОВАНІЕ“

педагогическій и научно-популярный журналъ,

посвященный вопросамъ женскаго и мужскаго воспитанія и обученія.

Программа журнала: 1. Правительственныя распоряженія. (По вопросамъ образованія женскаго и мужскаго, духовнаго и свѣтскаго.—2. Обще-педагогическія статьи.—3. Историко-педагогическіе очерки.—4. Воспоминанія о школьномъ времени.—5. Психологическія статьи.—6. Наблюденія надъ дѣтскою жизнью.—7. Свѣдѣнія о народной школѣ въ Россіи и за границей.—8. Новыя педагогическія движенія на Западѣ.—9. Обзорніе педагогической литературы и журналистики.—10. Хроника начальнаго народнаго и общаго средняго образованія въ Россіи.—11. Научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія.—12. Критика и библиографія.—13. Изъ жизни и литературы (хроника).—14. Научно-популярныя статьи и рефераты.—15. Разныя извѣстія и замѣтки (изъ области наукъ и педагогики).—16. Указатель новыхъ изданій, выходящихъ въ Россіи.—17. Приложенія (научно-популярныя сочиненія для учащихся и учащихся и педагогическія сочиненія). *Особенное вниманіе обращается на начальное народное образованіе.*

Въ редакціи принимаютъ дѣятельное участіе П. Э. Каптеревъ, В. П. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Страннолюбскій.

Сверхъ того участвуютъ А. Анастасіевъ, А. Александровъ, И. И. Боргманъ (проф.), Э. А. Браунъ, А. И. Введенскій (проф.), А. С. Виреніусъ (д-ръ), В. А. Воскресенскій, З. Б. Вулихъ, В. В. Гориневскій (д-ръ), М. Г. Колоколова, Д. В. Королчевскій, О. П. Конради, Н. Л. Леонтьева, Е. Э. Литвинова, Е. И. Максимова, В. О. Михневичъ, А. Я. Острогорскій, І. И. Паульсонъ, О. М. Петерсонъ, С. Э. Платоновъ (проф.), Н. И. Позняковъ, В. В. Пушкарева, Н. А. Рубакинъ, Е. П. Свѣшниковъ, М. М. Соколова, Е. И. Страннолюбская, Д. И. Тихомировъ и О. Фесенко, Е. А. Чебышева-Дмитріева и мног. друг.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками около восьми печатныхъ листовъ каждая. За лѣтніе мѣсяцы журналъ выходитъ двумя двойными книжками: 5—6 №№ (май—іюнь) и 7—8 №№ (іюль—августъ).

Цѣна за годъ, т. е. за 12 №№, съ доставкой 5 р. (Для народныхъ учительницъ и учителей допускается взносъ подписной платы въ два срока). Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются 10 проц. уступки.

ПОДПИСКА принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Гороховая ул., д. 18, училище глухонѣмыхъ, кв. директора); а также въ магазинѣ Фену (Невскій пр., д. Армянской церкви) и «Нов. Времени». *Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору.*

Подписка на журналъ «Образованіе» за 1894 годъ прекращена за расходомъ всѣхъ экземпляровъ.

Подписка на 1895 г. принимается.

За 1892 и 1893 гг. имѣется въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ журнала «Образованіе» приобрести можно по обычной цѣнѣ, т. е. по пяти рублей безъ приложенія. Подписчики на журналъ за 1895 г. могутъ получать экземпляры за означенные года по четыре рубля.

Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

Русс

0500-20-5-9

4675

ОБРАЗОВАНИЕ,

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ,

посвященный вопросам женского и мужского
воспитания и обучения.

Образование

т. 4, №№ 5 — 6.

МАЙ и ИЮНЬ.

1895 г.

Четвертый год издания.

СПБ.	1895	Р. М.
ФОНД		
Ино. №	4675	
Шифр	11	
Класс	6	
№	28	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Училища Глухонемыхъ Горохова, 18.

LIBRARY

DEC 21 1961

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
BERKELEY

Слѣдующіе №№ 7—8 (Іюль—Августъ) выйдутъ въ концѣ Августа въ одной двойной по объему книжкѣ.

СОДЕРЖАНІЕ 5—6 №.

I. Правительственныя распоряженія: А. По С. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. В. По Министерству Народнаго Просвѣщенія	СТРАН. 21—26
---	-----------------

I О Т Д Ъ Л Ъ .

1. Необходимость просвѣщенія для рабочаго люда. А. Ядрова	413—432
2. Профессиональное образованіе (по Кондорсе). Е. Литвиновой	433—446
3. Что можетъ сдѣлать одинъ человекъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Екаторины Янкуль	447—458
4. Распространеніе университетскаго образованія въ Англіи. Е. Д.	459—469
5. Значеніе духовенства въ исторіи народнаго образованія въ Россіи. О. Крыжановскаго	470—498
6. Очерки начальнаго народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. (Данія). Е. Страннолюбовой	499—518
7. Воображеніе и его видоизмѣненія у дѣтей. (Кейра). Е. Максимовой	519—547
8. Обученіе грамотѣ въ семьѣ и школѣ. А. Глазуновой	548—554
9. Къ исторіи звуковаго метода. Маріи Холоднякъ	555—559
10. Школьные пріюты и столовыя при нихъ. М. Синозерскаго	559—565
11. Критика и библиографія: (<i>А Популярно-научныя книги, учебныя и др.</i>) 1. Л. Майковъ. «Историко-литературныя очерки». В. В. С. 2. Русская исторія (въ связи съ исторіей великаго Княжества Литовскаго). Составилъ Ар. Турцевичъ. Вл. Федоровъ. 3. Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи. К. Д. Ушинскій. 4. Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Г. Парвилъ. 5. Научныя развлеченія. Составилъ д-ръ В. Буринскій. 6. Начальный учебникъ французскаго языка для семьи и школы. (Не для самообученія) Метода Туссана и Лангшейдта. (<i>В Книги для чтенія дѣтей</i>). 1. Сказка о Щелкунчикѣ и Мышиномъ Королѣ. Переводъ Журавской. 2. Сказки русскаго народа. 3. Упрямыя козелъ. Мамина Сибиряка. 4. На маякѣ. Лидія Туганъ. 5. Кормилецъ—разсказъ Д. Н. Мамина Сибиряка; Вольный человекъ Яшка—его же; «Михайло-Простота»—Болеслава Пруса; Счастливый уголокъ—(быль), Корсунскаго. 6. Къ свѣту. В. В. Огаркова. 7. Пріемышъ. Разсказъ ямщика. Н. Лухмановой. 8. Золотые деньки. С. Ф. Лпбровича. 9. Козачка. Одарка Горгина. Марка-Вовча. 10. Нашопъ, гдѣ не искалъ, Вань-Дейка. 11. Фр. Шиллеръ. В. Е. Миляева. 12. Государевъ Кречатинокъ. Разсказъ изъ быта сокольниковъ. П. Н. Полевого. 13. Въ странѣ золота. Приключенія маленькаго мальчика въ Калифорніи. Георга Гаршнеръ	566—580

II О Т Д Ъ Л Ъ .

1. Право на трудъ. (Къ вопросу о женскомъ образованіи). Ю. Лавриновича	314—317
2. Виды психическаго расстройства съ педагогической точки зрѣнія. Н. Л.	347—354
3. Цивилизація и ложь. (Г. Тарда). Е. Ч. Д.	355—361
4. Торжество науки. Научныя основы цвѣтной фотографіи. (Альфонса Берже). Ст. Я—ко.	362—366
5. Какъ происходитъ правильная оцѣнка нашихъ чувственныхъ впечатлѣній. (Проф. Гельмгольца). Ст. Я—ко.	366—373
6. О возстановленіи чистоты русскаго языка. А. Р. С.	374—377
7. Нѣсколько словъ о «Кружкѣ ревнителей русскаго слова». Ив. Красовскаго	378—382
8. Изъ жизни и литературы; (Хроника). 1. Торжественный актъ Петерб. городскихъ начальныхъ училищъ. 2. Отчетъ о Спб. городскихъ училищахъ. 3. Городск. началы. училища въ Москвѣ. 4. Всеобщее начальное обученіе. 5. Церковная школа. 6. Высшее женское образованіе. 7. Народное образованіе въ Сибири. 8. Свѣту, больше свѣту!	382—395
9. Къ вопросу объ ученическихъ экскурсіяхъ и прогулкахъ. (Копорье). А. П.	395—399

См. на 3-ей стр. обложки.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

А. По С. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

І. ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

1) О принятіи капитала, пожертвованнаго потомственными почетными гражданами Петромъ и Сергѣемъ Ганешиными въ пользу Московскаго Коммерческаго Училища.

Потомственные почетные граждане Петръ и Сергѣй *Ганешины* представили капиталъ въ 8.000 р., въ государственной 4-хъ-процентной рентѣ, для учрежденія, на проценты съ онаго, въ Московскомъ Коммерческомъ Училищѣ стипендіи имени покойнаго брата ихъ, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Ганешина, съ тѣмъ, чтобы право замѣщенія учреждаемой стипендіи было предоставлено пожизненно жертвователямъ, по взаимному соглашенію; въ случаѣ же смерти кого-либо изъ нихъ — оставшемуся въ живыхъ, а по кончинѣ обоихъ — потомственной почетной гражданкѣ Надеждѣ Петровнѣ Ганешиной, и послѣ смерти сей послѣдней — Совѣту Училища.

Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярією по учрежденіямъ Императрицы Маріи, согласно положенію Опекунскаго Совѣта, всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе представленныхъ потомственными почетными гражданами Петромъ и Сергѣемъ Ганешиными 8.000 р., для учрежденія въ Московскомъ Коммерческомъ Училищѣ одной постоянной стипендіи имени Ивана Ганешина, на выраженныхъ жертвователями условіяхъ, съ тѣмъ, чтобы существующій въ заведеніи комплектъ полныхъ пансіонеровъ былъ увеличенъ на одну вновь открываемую вакансію.

Государь Императоръ, въ 1-й день февраля 1895 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

(Собр. узак. и Распор. Пр. 1895 г. № 73 ст. 487).

2) О распространении Высочайше разрѣшенной 8 октября 1894 г. почетнымъ членамъ и старшинамъ Императорскаго Женскаго Патриотическаго Общества льготы по чинопроизводству и на лицъ, состоящихъ уже нынѣ на службѣ по вѣдомству этого Общества, — со дня опредѣленія на оную.

Главнoуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи, согласно положенію Опекунскаго Совѣта, всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на распространеніе предоставленной Высочайшимъ повелѣніемъ 8 октября 1894 г. почетнымъ членамъ и старшинамъ Императорскаго Женскаго Патриотическаго Общества льготы по чинопроизводству и на лицъ, состоящихъ уже нынѣ на службѣ по вѣдомству этого Общества, — со дня опредѣленія таковыхъ на службу,

Государь Императоръ, въ 5 день февраля 1895 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

(Собр. узак. и Расп. Пр. 1895 г. № 73 ст. 488).

3) Объ учрежденіи въ Астраханской женской гимназій двухъ стипендій имени Главнoуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Генераль-Лейтенанта Графа Пратасова-Бахметева и объ утвержденіи положенія о сихъ стипендіяхъ.

Главнoуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи, согласно положенію Опекунскаго Совѣта, всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе пожертвованнаго купцомъ 1-ой гильдіи *Воробьевымъ* капитала, заключающагося во временныхъ свидѣтельствахъ государственной 4-хъ-процентной ренты на сумму *три тысячи сто рублей* и въ наличныхъ деньгахъ на *шестьдесятъ четыре руб. 31 коп.*, для учрежденія на проценты съ онаго въ Астраханской Маринской женской гимназій двухъ стипендій имени Главнoуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Генераль-Лейтенанта Графа Пратасова-Бахметева, съ предоставленіемъ ему утвердить положеніе объ учреждаемыхъ стипендіяхъ.

Государь Императоръ, въ 14 день февраля 1895 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

ПОЛОЖЕНІЕ

о стипендіяхъ имени Главнoуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи, генераль-лейтенанта Графа Николая Алексѣевича Пратасова-Бахметева въ Астраханской женской гимназій.

На подлинномъ написано: « Утверждаю »

Подписаль: Главнoуправляющій *Графъ Пратасовъ-Бахметевъ.*

23 февраля 1895 года.

§ 1. На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 14 день февраля 1895 года положенія Опекунскаго Совѣта, въ Астраханской женской гимназій учреждены двѣ стипендіи имени Главнoуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Генераль-Лейтенанта Графа Николая Алексѣевича Пратасова-Бахметева.

§ 2. Стипендіи эти обезпечиваются пожертвованнымъ Почетнымъ Блюстителемъ Астраханской женской гимназіи, купцомъ Воробьевымъ капиталомъ, заключающимся нынѣ во временныхъ свидѣтельствахъ государственной 4 проц. ренты на три тысячи сто (3.100) рублей по номинальной цѣнѣ и въ наличныхъ деньгахъ на 64 руб. 31 коп., каковой капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ кассѣ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога, употребляются на плату за учене въ Астраханской женской гимназіи двухъ достойнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ приходящихъ ученицъ гимназіи. Остающіеся неизрасходованными проценты присоединяются къ стипендіальному капиталу для образованія со временемъ новой стипендіи того-же наименованія.

§ 4. Право назначенія стипендіатовъ принадлежитъ Педагогической Конференціи означенной гимназіи.

§ 5. Стипендіатки за малоуспѣшность или неодобрительное поведеніе лишаются стипендіи, по опредѣленію Педагогической Конференціи гимназіи.

§ 6. Если вполсѣдствіи, по причинѣ увеличенія платы за учене въ Астраханской женской гимназіи или по какимъ-либо инымъ причинамъ, процентовъ съ стипендіальнаго капитала будетъ недостаточно для оплаты стипендіи, то таковыя остаются временно незамѣненными, а получаемые съ капитала проценты присоединяются къ послѣднему, пока годовой доходъ съ онаго не будетъ достаточенъ для оплаты стипендіи.

(Собр. узак. и Распор. Пр. 1895 г. № 73 ст. 489).

4) О принятіи капитала, завѣщаннаго дочерью дьячка Еленою Петровою въ пользу Охтенскаго дѣтскаго пріюта.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, 14 февраля 1895 г., Высочайше разрѣшить соизволять: принять представленныя въ С.-Петербургскій Совѣтъ дѣтскихъ пріютовъ душеприказникомъ дочери дьячка Елены Петровой, Статскимъ Совѣтникомъ Колодезниковымъ двѣ облигаціи С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества по 500 рубл. каждая и наличными деньгами 175 рубл. 85 коп., всего *одну тысячу сто семьдесятъ пять* рублей 85 коп., завѣщанныя Петровою въ пользу Охтенскаго дѣтскаго пріюта.

(Собр. узак. и Распор. Пр. 1895 г. № 73 ст. 491).

5) Объ учрежденіи въ школахъ въ Возѣ почившей Великой Княгини Екатерины Михайловны Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества стипендіи Имени покойной Великой Княгини.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Иосифовна, рескриптомъ на имя Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи сообщила, что члены Совѣта Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества, члены Совѣтательнаго Комитета, почетные члены и Старшины Общества, желая увѣковѣчить память въ Возѣ почившей Августѣйшей Предсѣдательницы Совѣта Общества, Великой Княгини Екатерины Михайловны, собрали по подпискѣ *три тысячи двести двадцать шесть* рублей для учрежденія на проценты съ этого капитала въ школахъ покойной Великой Княгини стипендіи Ея Имени, съ тѣмъ, чтобы замѣщеніе вакансіи на учреждаемую стипендію зависѣло отъ Предсѣдательницы Совѣта Патріотическаго Общества и

чтобы могущіе образоваться остатки отъ процентовъ стипендіальнаго капитала выдавались въ пособіе стипендіатѣ при выходѣ ея изъ школы на экзперовку; опредѣленіе же дальнѣйшихъ правилъ пользованія означенною стипендіею было предоставлено Совѣту Общества.

Съ предварительнаго согласія Государыни Императрицы Маріи Теодоровны, Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе помянутаго пожертвованія на изложенныхъ основаніяхъ.

Государь Императоръ, въ 14 день февраля 1895 года Высочайше на сіе соизволилъ.

(Собр. узак. и Распор. Пр. 1895 г. № 73 ст. 492).

6) О принятіи капитала, пожертвованнаго вдовою тайнаго совѣтника Зинаидою Полежаевою для учрежденія стипендіи въ дѣтскомъ пріютѣ при церкви св. священномученика епископа Меодія, въ С.-Петербургѣ, и объ утвержденіи положенія объ означенной стипендіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, 14 февраля 1895 г., Высочайше разрѣшить соизволилъ: принять пожертвованные помощницею попечительницы дѣтскаго пріюта при церкви св. священномученика епископа Меодія, въ С.-Петербургѣ, вдовою тайнаго совѣтника Зинаидою Полежаевою три тысячи рублей и учредить въ названномъ пріютѣ стипендію подъ именемъ: «Полежаевской», съ тѣмъ, во 1-хъ, чтобы стипендіею пользовалась исключительно воспитанница сиротскаго отдѣленія упомянутаго пріюта и, во 2-хъ, чтобы право замѣщенія стипендіи предоставлено было ей, жертвовательницѣ, пожизненно, а послѣ ея смерти— ея наслѣдникамъ.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи Министръ Юстиціи, 23 февраля 1895 года, предложилъ Правительствующему Сенату, съ приложеніемъ копій съ положенія объ означенной стипендіи.

ПОЛОЖЕНІЕ

Полежаевской стипендіи въ дѣтскомъ пріютѣ при церкви св. священномученика Епископа Меодія въ С.-Петербургѣ.

На подлинномъ написано: «Утверждаю».

Подписалъ Главноуправляющій *Графъ Пратасовъ-Бахметевъ*.

15 февраля 1895 года.

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 14 февраля 1895 г., учреждается въ дѣтскомъ пріютѣ при церкви Св. Священномученика Епископа Меодія стипендія подъ именемъ «Полежаевской», каковою стипендіею пользуется исключительно воспитанница сиротскаго Отдѣленія упомянутаго пріюта.

§ 2. Стипендія обезпечивается пожертвованнымъ Помощницею Попечительницы означеннаго дѣтскаго пріюта, вдовою Тайнаго Совѣтника Зинаидою Полежаевою, капиталомъ въ три тысячи рублей; капиталъ этотъ остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ кассѣ С.-Петербургскаго Совѣта дѣтскихъ пріютовъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ сбора въ пользу казны, расходуются на содержаніе и воспитаніе стипендіатки.

§ 4. Право замѣщенія стипендіи предоставляется жертвователю пожизненно, а послѣ ея смерти—ея наследникамъ.

§ 5. Стипендіатка, при вступленіи въ означенный пріютъ, подчиняется всѣмъ существующимъ въ пріютѣ правиламъ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіатку.

§ 7. Если, по какимъ либо причинамъ, содержаніе въ дѣтскомъ пріютѣ при церкви Св. Священномученика Епископа Мессодія стипендіатки увеличится, и процентовъ съ пожертвованнаго капитала будетъ недостаточно на ея обезпеченіе, то въ такомъ случаѣ, стипендія остается временно незамѣщенною, впредь до соотвѣтственнаго увеличенія капитала получаемыми съ онаго процентами.

(Собр. узак. и Распор. Пр. 1895 г. № 73 ст. 493).

Б. По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— «Первые уроки русской грамматики, въ связи съ начальными упражненіями въ правописаніи. Составилъ *В. Гербачъ*. Изданіе 7-е, исправленное и дополненное. Спб. 1894. Въ 16-ю д. л., 71 стр. Цѣна 40 коп.» — допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга эта была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книги: 1) «Царь Золотой рѣки или Черные братья. Штирійская легенда. Джона Рескина. Переводъ *Л. П. Никифорова*. Москва 1894.» 2) «Дикіе люди. Сказка Андерсона. М. 1895.» и 3) «Большакъ, или любимый внукъ бабушки. Рассказъ *Добротворскаго*. М. 1895. (Изданіе Прянишникова, цѣны не обозначены)» — одобрить для ученическихъ библиотекъ народныхъ училищъ.

— Изданныя Харьковскимъ обществомъ распространенія въ народѣ грамотности книги: 1) «Овраги, ихъ закрѣпленіе и облісеніе. *Н. Ѡ. Сумцова*. Харьковъ. 1894.» и 2) «Какъ и откуда добывается шелкъ? *М. Н. Енко*. Изданіе 3-е, съ таблицею рисунковъ. Харьковъ. 1894. Цѣна 1½ коп.» — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— «Желѣзные дороги. Изданіе 2-е. Изданіе Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ. 1894. Цѣна 3 коп.» — допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— «Кометы и падающія звѣзды. *Л. Серебрякова*. Съ 25 рисунками. Изданіе Прянишникова. М. 1895. Цѣна не обозначена.» — допустить въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ.

— «О дурной болѣзни. Составилъ *Н. С. Сперанскій*. М. 1893. Цѣна не обозначена.» — допустить въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ.

— *П. Мамаевъ*. Полезныя и вредныя для человѣка животныя. I. Хомякъ, ласка, ежъ и кротъ. Изданіе Московскаго Комитета грамотности. М. 1893. Въ 12-ю д. л., 31 стр. Цѣна 7 коп.» — допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ.

— «Гусли. Сборникъ употребительнѣйшихъ русскихъ гимновъ и народныхъ пѣсень. Рига. 1895. Цѣна 30 коп.» — допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Изданную постоянною комиссіею народныхъ чтеній: «О благочестивѣйшемъ, въ Бозѣ почившемъ, Императорѣ Александрѣ III. Спб. 1894. Цѣна 5 коп.» — рекомендовать для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— «Вредныя насѣкомыя и мѣры борьбы съ ними. (Практическая энтомологія). Руководство для сельскихъ хозяевъ, сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, народныхъ учителей и учительскихъ семинарій. Составилъ *К. Л. Брамсонъ*. Часть I. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и значительно дополненное. Съ 1 литографическою и 4 хромолитографическими таблицами рисунковъ. Екатеринославъ. 1894. Въ 8-ку, 263 стр. Цѣна 1 руб. 80 коп.» — одобрить для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ и ученическихъ библиотекъ учительскихъ семинарій.

— Изданныя С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности книги (Спб. 1894): 1) «Круткова. Рассказъ *А. Г. Коваленской*. Изданіе 5-е. Цѣна 7 коп.»; 2) Соловки. Очеркъ *В. И. Немировича-Данченка*. Воспоминанія и рассказы изъ поѣдки съ богомольцами (въ сокращеніи). Изданіе 2-е. Цѣна 6 коп.» и 3) «Связь о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное *Н. Н. Шляпкинымъ*. Цѣна 6 коп.» — допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Определения ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Определениями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденаго г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: «Грамматика современнаго церковно-славянскаго языка съ приѣмами для упражненій и задачами. Составилъ *И. А. Муратовъ*. Для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, для городскихъ и духовныхъ училищъ. Москва. 1894. Стр. 77. Цѣна 45 коп.»—одобрить для училищъ, въ которыхъ не проходится древній церковно-славянскій языкъ, а также для казенныхъ городскихъ училищъ.

— «Теорія сочиненій, съ хрестоматіей. *П. Житецкаго*. Кіевъ. 1895. Стр. 132. Цѣна 1 рубль.»—одобрить какъ учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

— «Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности (въ двухъ томахъ). Составилъ *А. Галаховъ*. Изданіе восьмое. Москва. 1894. Стр. 1V + 457 и IV + 481. Томъ I (отъ Петра Перваго до Карамзина. Томъ II (отъ Карамзина до Пушкина). Цѣна за два тома 2 руб. 50 коп.»—одобрить для употребленія въ видѣ пособія въ среднихъ и старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— «*Luciani Mulleri. De re metrica poetarum latinorum praeter Plautum et Terentium libri VII. Accedunt ejusdem auctoris opuscula IV. Editio Altera. Petropoli et Lipsiae, 1894, pag. XII+651*»—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки гимназій и прогимназій,

— 1) «Сборникъ геометрическихъ задачъ на построеніе. Для среднихъ учебныхъ заведеній» и 2) «Опытъ методики рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Приложеніе къ Сборнику геометрическихъ задачъ на построеніе. Пособіе для преподавателя (съ 280 чертежами въ тѣстѣ). Составилъ и издалъ *Г. З. Рябовъ* преподаватель Одесской второй городской женской гимназіи. Одесса. 1894. Цѣна первой книги 1 рубль, стр. 178. Цѣна второй книги 2 руб., стр. 289», одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ для старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній; а Сборникъ, сверхъ того, и какъ учебное пособие для курса черченія въ реальныхъ училищахъ.

— «Учебникъ сравнительной географіи шестаго класса реальныхъ училищъ. Составилъ примѣнительно къ новой программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія 1888 г., преподаватель Кіевскаго реальнаго училища *И. П. Матченко*. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1894. Стр. 202. Цѣна 1 руб.»—одобрить въ видѣ руководства для шестаго класса реальныхъ училищъ.

— Докторъ *Ф. Эттель*. Практическое руководство для электрохимическихъ работъ. Переведено съ нѣмецкаго «Anleitung zu electrochemischen Versuchen von *Gr. Felix Oettel*», подъ редакціей профессора *Д. П. Коновалова, В. И. Святскимъ*. Съ 26-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе *Ф. В. Щепанскаго*. С.-Пб. 1895. Стр. VIII+9. Цѣна 1 р. 50 к.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— «Избранныя педагогическія сочиненія *Яна Амоса Каменскаго*. Часть II. Мелкія сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго *Андрея Адольфа* и *Сергія Любомудрова*. Москва. 1894. Стр. 278. Цѣна 1 р. 50 к.»—одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Сочиненіе *г. Гончарова*: «Курсъ Астрономіи» рекомендовать для мореходныхъ классовъ въ качествѣ руководства.

— *г. Тица*: «Землемѣріе или какъ мѣрить землю и что для этого нужно знать»—одобрить для ученическихъ бібліотекъ двухклассныхъ народныхъ училищъ.

— *г. Цируля* при содѣйствіи *Касаткина*: «Систематическое руководство въ ручному труду» одобрить для учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ, по положенію 31-го мая 1872 г., въ которыхъ введено обученіе ручному труду, а также для учительскихъ бібліотекъ начальныхъ училищъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— священника *И. Анурова*: «Как переплетают книги» — одобрить для библиотек начальных училищъ.

— *В. Верига*: «Переплетчикъ» рекомендовать какъ пособие при преподаваніи переплетнаго дѣла въ ремесленныхъ классахъ городскихъ училищъ и въ ремесленныхъ училищахъ съ этой спеціальностью.

— *В. П. Альбицкаго*: а) «Винтовое зацѣпленіе для случая взаимно-перпендикулярныхъ осей. Теоретическое изслѣдованіе. б) Винтовое зацѣпленіе, его теорія, расчетъ и вычерчиваніе. Изданіе второе — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ всѣхъ вообще промышленныхъ училищъ.

— протоіерея *Бяляскаго*: «Съ морякомъ-христіаниномъ бесѣды о спасеніи» одобрить для библиотекъ мореходныхъ классовъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію начальства Казанскаго учебнаго округа. Покровское трехклассное училище, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи преобразовано 28-го ноября минувшаго года въ двухклассное сельское училище сего министерства по инструкціи 4-го іюня 1875 г.; а 2-го декабря того же года открыто Приваленское: тѣхъ же уѣзда и губерніи, таковое же двухклассное сельское училище.

Необходимость просвѣщенія для рабочаго люда.

Первая выставка печатнаго дѣла наглядно представляетъ намъ тѣ успѣхи, какихъ достигла промышленность въ другихъ государствахъ, благодаря широкому распространенію образованія среди промышленнаго сословія. На этой-же выставкѣ мы можемъ убѣдиться, въ какой печальной экономической зависимости отъ иностранцевъ мы находимся и до нашихъ дней. Въ столицѣ и другихъ городахъ Россіи пастъ заполонили иностранцы, и изъ этого плѣна мы не избавимся до того времени, пока вопросъ объ образованіи и улучшеніи быта рабочихъ будетъ находиться у насъ и впредь въ такомъ-же пренебреженіи, какъ теперь.

На каждомъ шагу мы наталкиваемся на поразительные успѣхи иностранцевъ въ техническихъ производствахъ. На выставкѣ почти не встрѣтишь ни одного выдающагося произведенія, принадлежащаго русскому исполнителю или экспоненту; вездѣ попадаются или орудія производства, изготовленыя заграницей, или производитель, если не вполне иностранецъ, то несомнѣнно иностраннаго происхожденія, временно или окончательно поселившійся въ Россіи.

Такимъ выдающимся успѣхомъ въ области техническихъ производствъ иностранцы обязаны исключительно широкому распространенію образованія среди рабочихъ. Для достиженія этой цѣли заграницею не останавливаются ни передъ какими затратами, такъ какъ тамъ вполне увѣрены, что каждая затраченная на этотъ предметъ копейка вернется сторицею.

Проникнутые этимъ сознаниемъ, государственные и общественные дѣятели заграницей стараются предоставить первоначальное образованіе всѣмъ несовершеннолѣтнимъ рабочимъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ; причемъ строго наблюдаютъ, чтобы работа ихъ не превышала 8 часовъ въ сутки. Въ свободное-же отъ занятій время рабочіе подростки посѣщаютъ классы, гдѣ изучаютъ общеобразовательные предметы.

Помимо обученія какому-либо ремеслу въ спеціальныхъ мастерскихъ, желающіе имѣють возможность обучать своихъ дѣтей въ профессиональныхъ и ремесленныхъ училищахъ, находящихся въ завѣдываніи техниковъ или ремесленниковъ-спеціалистовъ и потому вполне удовлетворительно обучающихъ принятыхъ въ подобныя школы учениковъ.

Послѣ обученія ремеслу молодой подмастерье не направляется прямо въ среду развращенныхъ и невѣжественныхъ товарищей, не проводитъ вмѣстѣ съ ними свободное время въ трактирахъ, или притонахъ разврата, какъ это бываетъ у насъ, а поступаетъ въ ряды болѣе или менѣе образованныхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ ними посѣщаетъ вечерніе классы, устроенные для дальнѣйшаго образованія по общенаучнымъ предметамъ, или-же для лучшаго усовершенствованія въ спеціальныхъ профессиональныхъ занятіяхъ.

Если рабочему захочется отдохнуть и развлечь себя въ свободное время, то въ его распоряженіи оказываются разнообразныя развлечения. Онъ имѣетъ возможность за умѣренную цѣну побывать въ театрѣ, концертѣ, на лекціи; можетъ принять участіе и въ разномъ спортѣ, и въ общедоступныхъ увеселеніяхъ, какъ исполнитель, такъ что, того повальнаго пьянства, поголовнаго невѣжества и полной развращенности, которое такъ сильно распространено въ средѣ нашихъ рабочихъ, за границую не встрѣтишь ни въ одномъ промышленномъ городѣ, потому что тамъ пьянство и развращенность строго порицается общественнымъ мнѣніемъ, а не возводится въ родъ особой гражданской доблести, какъ у нашихъ русскихъ рабочихъ.

Усовершенствованію техническихъ произведеній много способствуютъ также постоянные музеи съ образцовыми издѣліями и частыя выставки, на устройство которыхъ не жалѣють затратить ни частныя лица, ни общественныя учрежденія. Вообще, въ дѣлѣ распространенія образованія среди рабочаго населенія за границую мы наблюдаемъ очень сильное развитіе частнаго почина и съ этою цѣлью тамъ многочисленныя комиссіи изслѣдуютъ бытъ рабочихъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

Къ сожалѣнію, у насъ бытъ рабочихъ для большинства является неизвѣстною областью. Многіе побываютъ на выставкѣ, полюбуются на разныя произведенія, выскажутъ похвалу экспонентамъ, но не многіе поинтересуются узнать, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ производятся эти работы, какою цѣною оплачиваются труды рабочихъ и какъ они существуютъ.

Вотъ почему, я полагаю, не бесполезно будетъ ознакомить чита-

тедей,—насколько позволяют размѣры настоящей статьи, — съ современнымъ положеніемъ работниковъ какъ печатнаго дѣла, такъ и другихъ ремеслъ, потому что положеніе и умственное развитіе одинаково какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, не смотря на то, что «слуги печати» находятся въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ нашему образованному классу; но, къ стыду послѣднихъ, надо добавить, что и такія близкія отношенія «слугъ печати» къ своимъ «господамъ» не оказали пока никакого вліянія на первыхъ, даже въ смыслѣ распространенія простой грамоты; мнѣ извѣстны многіе печатные мастера совершенно безграмотные и если-бы спеціальныя занятія наборщиковъ не требовали обязательнаго знанія русской грамоты, то смѣло можно поручиться, что половина изъ нихъ не знали-бы, какой стороной взять въ руки книгу.

Безграмотный рабочій при печатномъ станкѣ, это такое красно-рѣчивое доказательство бездѣятельности нашего образованнаго класса по отношенію къ рабочему, что къ этому, кажется, нечего и прибавлять какія-либо поясненія. А разъ существуетъ подобное явленіе, то нашимъ общественнымъ дѣятелямъ слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на это обстоятельство, и потому, мнѣ кажется, не будетъ лишнимъ мой небольшой очеркъ быта нашихъ ремесленниковъ, на трудъ которыхъ основано благополучіе государства.

Большая часть нашихъ ремесленниковъ поступаютъ въ мастерскія въ самомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, иногда съ 10—12 лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ происходятъ отъ болѣе или менѣе состоятельныхъ городскихъ родителей, которые стараются направить своихъ дѣтей въ лучшія мастерскія, при чемъ ихъ дѣти находятся въ мастерской только во время работы, а квартируютъ вмѣстѣ съ ними. Это имѣетъ ту хорошую сторону, что такіе ученики все-таки, находясь подъ постояннымъ наблюденіемъ и въ семьѣ своихъ родныхъ, избѣгаютъ того растлѣвающего вліянія, которому подвергаются ученики, находящіеся постоянно среди чужихъ и развращенныхъ взрослыхъ рабочихъ.

Находящіеся при своихъ родныхъ ученики ремесленныхъ заведеній получаютъ отъ 3 до 5 рублей въ мѣсяцъ за все время своего ученичества на квартиру, обувь, одежду и бѣлье. Само собою разумѣется, что такой ничтожной суммы недостаточно для покрытія всѣхъ расходовъ на эти потребности, но родные такихъ учениковъ мирятся съ этимъ неудобствомъ, предпочитая доплачивать необходимую сумму на эти расходы, пока ихъ мальчикъ находится въ хорошей мастерской, нежели отдавать его на полное хозяйское иждивеніе такихъ мастер-

скихъ, гдѣ ученичество малолѣтнихъ проходитъ въ непрерывномъ рядѣ безчеловѣчныхъ истязаній и въ невозможныхъ гигиеническихъ условіяхъ. Но хорошихъ мастерскихъ у насъ очень мало, почему и попасть ученикомъ туда очень трудно; доступны онѣ лишь для состоятельныхъ городскихъ жителей.

Остальные-же ученики нашихъ ремесленныхъ заведеній пополняются дѣтьми нуждающихся родителей и преимущественно крестьянскаго сословія. Существуютъ особые промышленники, занимающіеся раздачею крестьянскихъ дѣтей въ ученье. Такіе благодѣтели набираютъ въ деревняхъ иногда до 100 малолѣтнихъ, везутъ ихъ въ городъ, гдѣ и распредѣляютъ по разнымъ торговымъ и промышленнымъ заведеніямъ въ полное и безотчетное распоряженіе ихъ владѣльцевъ. Къ сожалѣнію, нельзя привести статистическихъ данныхъ, сколько у насъ находится малолѣтнихъ въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ даже въ Петербургѣ, потому что и въ такомъ обстоятельномъ трудѣ, какимъ является у насъ работа проф. Янсона по переписи Петербурга, нашли излишнимъ или невозможнымъ выдѣлить для этихъ свѣдѣній особую рубрику, а ограничились лишь простою справкою о количествѣ малолѣтнихъ, безъ подраздѣленія ихъ по занятіямъ. Свѣдѣніями-же ремесленныхъ управъ пользоваться невозможно, потому что они составляются часто набумъ или крайне небрежно, или-же изъ особыхъ корыстолюбивыхъ побужденій для сокрытія производящихся въ нихъ злоупотребленій по приходу и расходу взимаемыхъ съ ремесленниковъ сборовъ.

Понятно, что съ послѣднимъ разрядомъ учениковъ хозяевамъ церемониться нечего, и они становятся безпрекословными и безмолвными рабами того возмутительнаго произвола, который и можетъ проявить только закоренѣлый невѣжественный хозяинъ, вполне убѣжденный въ своемъ неотъемлемомъ правѣ казнить и миловать находящагося у нихъ ученика. Право это, дѣйствительно, слишкомъ долго принадлежало нашимъ самодурамъ при существованіи крѣпостной зависимости, и потому неудивительно, что въ настоящее время можно еще наблюдать во всей неприкосновенности эти первобытные нравы, прочитывая сообщенія печати о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ и насиліяхъ надъ учениками. Читатели «Образованія» отчасти знакомы уже съ ними изъ статьи И. Радецкаго «Мученики Темнаго Царства» *), въ которой, впрочемъ, не описано и сотою доли того, что приходится выносить на своей многострадальной шкурѣ нашему ремесленному

*) См. «Образованіе» за 1893.

ученику, лишенному фактически всякаго законнаго покровительства.

Рабочій день ученика начинается очень рано. Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ принимаются за работу въ 5 часовъ утра, въ иныхъ въ 7 часовъ; кончаютъ-же работу между 9—11 часами вечерахъ при спѣшныхъ заказахъ и въ 12—2 часа ночи. Въ теченіе 12—18 часовой ежедневной работы ученикъ не имѣетъ положительно ни одной свободной минуты времени и надрываетъ свой дѣтскій нѣжный организмъ иногда за самую изнурительную работой, сопровождаемой къ тому-же постоянными побоями и нерѣдко истязаніями.

За такой продолжительный и тяжелый трудъ, ученики содержатся обыкновенно въ самыхъ невозможныхъ гигиеническихъ условіяхъ. Кормятъ ихъ впроголодь и притомъ самую недоброкачественною пищею и разными объѣдами со стола хозяина и подмастерьевъ. Помѣщенія отдѣльнаго имъ не даютъ, а заставляютъ спать на тѣхъ-же верстакахъ и грязномъ полу; вмѣсто постели разное лохмотье изъ стараго носильнаго платья или какой-нибудь полусгнившій рваный матрацъ. Въ баню ихъ посылаютъ очень рѣдко и такъ-же рѣдко мѣняютъ чистое бѣлье. А какова у нихъ верхняя одежда и обувь, объ этомъ излишне и распространяться. Каждый на улицѣ не одну сотню разъ видѣлъ обтрепанныхъ учениковъ, въ самые сильные морозы щеголяющихъ въ дырявыхъ сапогахъ. Надо удивляться тому, откуда еще берутся силы у такихъ ремесленныхъ учениковъ для исполненія возлагаемой на него непосильной работы и разнообразныхъ порученій. Цѣлый день онъ мычется то за исполненіемъ работъ въ мастерской, то за разноскою исполненныхъ мастерской заказовъ, то какъ помощникъ кухарки и нянька хозяйскихъ ребятешекъ, то за водкой и съ другими порученіями подмастерьевъ. Нѣтъ никакой работы, на которую почли-бы невозможнымъ послать ученика, поощряя исполненіе подобныхъ работъ подзатыльниками и колотушками. И это продолжается въ теченіе 4—5 лѣтняго ученичества до выхода въ подмастерья!

Нужно-ли послѣ этого удивляться тому, что изъ здороваго краснощекаго деревенскаго ребенка ученикъ или ученица превращаются въ истощеннаго подростка. Изъ ученья большинство выходитъ съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, скоро заболѣваютъ грудными болѣзнями, или всю жизнь страдаютъ малокровіемъ и т. п., если въ ученьи не догадаются еще какъ-нибудь искалчить ихъ, что тоже случается нерѣдко. Какому сильному вырожденію подвергается все ремесленное сословіе нашихъ промышленныхъ городовъ, видно уже

изъ тѣхъ ежегодныхъ отчетовъ военнаго министерства, которое съ каждымъ годомъ подтверждаетъ, что новобранцы являются все менѣе и менѣе физически развитыми. Теперь рѣдко встрѣтишь въ мастерской даже 40 лѣтняго подмастерья. Вотъ къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ приводитъ у насъ отсутствіе положительнаго закона, воспреещающаго частнымъ лицамъ калѣчить и изнурять учениковъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образуется наше болѣзненное и безсильное рабочее сословіе, вѣчно нуждающееся въ государственной помощи, постоянно протягивающее руку къ частной благотворительности.

Но еще большій вредъ приноситъ ученичество въ нравственномъ отношеніи.

При поступленіи въ мастерскую ученику съ перваго-же дня приходится видѣть одни только худыя примѣры, слышать безнравственные рассказы о похожденияхъ пьяныхъ подмастерьевъ въ разныхъ притонахъ, гдѣ они производятъ всевозможныя безчинства, выхваляя ихъ въ послѣдствіи, какъ особыя гражданскія доблести, заслуживающія такого-же подражанія со стороны всѣхъ ремесленниковъ. И, къ сожалѣнію, находятъ въ своихъ молодыхъ слушателяхъ по большей части самыхъ искреннихъ и многочисленныхъ послѣдователей. На глазахъ учениковъ ежедневно происходятъ недобросовѣстные продѣлки мастеровъ съ заказчиками и подмастерьями, а также послѣднихъ съ хозяевами, вслѣдствіе чего ученики невольно приходятъ къ убѣжденію, что въ городѣ безъ обмана не проживешь и незамѣтно для самихъ себя свыкаются со всѣми предосудительными поступками.

При такомъ растлѣвающемъ вліяніи окружающей учениковъ ремесленной среды, они къ тому-же растутъ безъ всякаго школьнаго образованія и если кому-нибудь удастся побывать въ школѣ до поступленія въ мастерскую, то часто случается, что они забываютъ все усвоенное въ школѣ, какъ исчезаютъ и всѣ нравственные задатки, воспитанные въ семействѣ.

Изъ этого очерка каждый можетъ усмотрѣть, какой огромный вредъ наносится «ученичествомъ» нашему отечеству. Изъ ремесленнаго ученика по большей части выходитъ разслабленный, съ надломленнымъ на всю жизнь здоровьемъ, подмастерье и нравственно развращенный членъ общества. Такимъ образомъ ряды нашего ремесленнаго сословія пополняются не здоровыми, трудолюбивыми и честными подмастерьями, а большею частью истощенными и развращенными подростками.

Мудрено-ли, что при подобныхъ условіяхъ подмастерья дошли до

такой сильной степени распушенности, прониклись такими разнузданными отношеніями какъ въ окружающимъ, такъ и въ особенности къ своимъ хозяевамъ, что послѣдніе поставлены въ самое затруднительное положеніе и не видятъ никакого благопріятнаго выхода изъ него, если не будутъ приняты своевременно необходимыя мѣры къ искорененію этого зла.

Вотъ какую картину представляетъ Совѣтъ Общества Взаимнаго вспоможенія Ремесленниковъ въ Москвѣ въ своемъ докладѣ на первомъ съѣздѣ по техническому и профессиональному образованію, гдѣ представителямъ ремесленнаго сословія почти въ первый разъ представился удобный случай заявить публично въ открытыхъ засѣданіяхъ о своихъ нуждахъ и недостаткахъ ихъ современнаго общественнаго строя.

«Въ настоящее время», говорится въ этомъ докладѣ, «ни отъ чего ремесленники не страдаютъ въ такой сильной степени какъ отъ распушенности подмастерьевъ. Хозяинъ мастерской, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ подмастерьевъ, платя имъ жалованье и доставляя полное содержаніе, никогда не имѣетъ возможности установить правильный ходъ работъ въ своемъ заведеніи. Принялъ, напр., хозяинъ крупный выгодный заказъ на срокъ,—подмастерья, какъ нарочно, запьянствовали, заказъ не только не исполненъ въ срокъ, но исполненъ плохо, на скорую руку и, въ концѣ концовъ, хозяинъ вмѣсто того, чтобы получить ожидаемыя выгоды, несетъ убытки и, главное, лишается довѣрія заказчиковъ. Постоянное пьянство, прогулы и произвольное оставленіе подмастерьями хозяевъ, даже и въ томъ случаѣ, когда забрано впередъ жалованье, исключаетъ всякую возможность вести правильно дѣло, исполнять заказы въ срокъ и исполнять ихъ, какъ слѣдуетъ. Мастерская работаетъ не тогда, когда нужно работать, по случаю накопленія срочныхъ заказовъ, а когда желаютъ рабочіе, на короткое время отрезвляющіеся отъ безпробуднаго пьянства и постоянного разгула. Затѣмъ, само собою разумѣется, что подмастерья, предаваясь постоянному разгулу, занимаясь дѣломъ урывками, не могутъ совершенствоваться въ ремеслѣ, и потому хорошо знающіе свое дѣло подмастерья становятся рѣдкостью. Мальчики не отстаютъ отъ старшихъ; ученикъ, едва научившійся работать, уже заявляетъ требованіе на званіе подмастерья; мало того, воображаетъ даже, что онъ можетъ быть самостоятельнымъ мастеромъ.

Наконецъ, тотъ-же разгулъ влечетъ за собою сильный упадокъ нравственности среди подмастерьевъ. Пьянство, дошедшее до такой степени, что человѣкъ пропиваетъ съ себя все до послѣдней рубахи и

затѣмъ воруетъ, чтобы стащить въ кабакъ. Самыя грубыя порочныя развлеченія, отсутствіе хотя-бы малѣйшаго сознанія своихъ обязанностей, въ высшей степени недобросовѣстное отношеніе къ работѣ, грубость и привычка кочевать отъ хозяина къ хозяину, не задумываясь о будущемъ,—все это вошло въ нравы и обычаи подмастерьевъ, развращая изъ поколѣнія въ поколѣніе классъ ремесленныхъ рабочихъ. Зло приняло слишкомъ большіе размѣры, и теперь нѣтъ хозяина мастерской, который не считалъ-бы для себя величайшимъ несчастьемъ распущенность подмастерьевъ, заражающихъ къ тому-же своими пороками и учениковъ» *).

Да не подумаетъ читатель, что здѣсь въ докладѣ намѣренно изобразили въ такомъ мрачномъ видѣ положеніе ремесленниковъ; въ немъ, напротивъ, опущено многое о болѣе прискорбныхъ взаимныхъ отношеніяхъ между хозяевами и подмастерьями. Путешествуя по всѣмъ значительнымъ городамъ въ Россіи, я посмотрѣлся и на такія картины, гдѣ взаимныя недоразумѣнія подмастерьевъ и хозяевъ разрѣшались рукопашною схваткой.

Теперь общество не замѣчаетъ еще всей неприглядности подобныхъ отношеній, потому что они происходятъ въ стѣнахъ мастерскихъ и страдающими лицами являются только одни ремесленники; но можетъ наступить и такое время, когда подобные расчеты съ неблагоприятными условіями своего быта рабочіе перенесутъ и на улицу, обративъ свое негодованіе противъ другихъ болѣе обезпеченныхъ классовъ. Ремесленныя мастерскія съ ихъ своеобразными порядками въ настоящее время исправно пополняютъ кадры того бездомнаго люда, неимѣющаго опредѣленныхъ занятій, который съ каждымъ днемъ увеличивается все сильнѣе и сильнѣе и вызываетъ огромные расходы со стороны государства и общественнаго управленія. Если-бы подвести общій итогъ всѣмъ расходамъ на содержаніе тюремъ, больницъ, богадѣленъ и др. расходамъ на частную благотворительность, то мы могли-бы увидѣть, какою дорогою цѣною расплачиваемся за свое безпечное отношеніе къ нуждамъ рабочаго класса даже во время обычнаго движенія нашихъ земледѣлія, промышленности и торговли. Но стоитъ только пошатнуться какой-либо изъ этихъ отраслей, уклониться въ сторону упадка, какъ тотчасъ-же проявляются всѣ ужасныя послѣдствія такого беспорядочнаго отношенія къ нуждамъ нашей промышленности, торговли и народнаго благосостоянія. У всѣхъ еще не

*) Труды съѣзда дѣятелей по технич. и профессиональному образованію 1889—90 гг. отд. II. стр. 274.

успѣло изгладиться впечатлѣніе тяжелой борьбы съ такими народными бѣдствіями, какъ недавнія голодовка и холерная эпидемія. Что-же будетъ, если произойдетъ промышленный кризисъ? Стыѣмъ-ли мы справится съ безпокойнымъ городскимъ голоднымъ населеніемъ? Найдутся-ли у насъ необходимыя для того средства въ виду усиливающейся деморализаціи рабочаго сословія?

Если и теперь отношенія рабочихъ къ окружающимъ принимаютъ самый неблагопріятный оборотъ, то что-же произойдетъ впоследствии, когда рабочіе вслѣдствіе своего круглага невѣжества и нравственной испорченности, а также и въ силу крайней необходимости самозащиты, будутъ истолковывать все въ превратномъ видѣ? Что дѣлать съ бѣснующимся населеніемъ, когда оно будетъ видѣть главныхъ виновниковъ своего бѣдственнаго положенія въ тѣхъ людяхъ, которые придутъ къ нему въ то время съ необходимою помощью? Не повторится-ли снова то печальное явленіе, которому мы были свидѣтелями во время холерныхъ безпорядковъ, когда народъ убивалъ докторовъ, приписывая ихъ вліянію распространеніе холерной эпидеміи?

На эти вопросы можно заранѣе дать вполне безошибочный отвѣтъ, если не будутъ кореннымъ образомъ измѣнены тѣ условія, при которыхъ каждый имѣетъ возможность обирать рабочаго и на основаніи обычая, и просто безъ всякихъ основаній, такъ сказать, «любя его отъ всей души». Обираетъ его и торговецъ, и ростовщикъ, и квартирный хозяинъ, или домовладѣлецъ, и всякій, кому только приходится имѣть съ ними расчеты. А взаимныя отношенія подмастерьевъ и хозяевъ таковы, что дальше, кажется, ужъ и идти некуда.

Каждый хозяинъ поспѣшитъ высказать жалобу, что подмастерья лѣнятся, пьянствуютъ во время спѣшной работы и относятся къ ней самымъ недобросовѣстнымъ образомъ; но не дадутъ себѣ труда выяснить, или признаться откровенно, почему происходитъ такое печальное явленіе. Со стороны можно подумать, что какая-то посторонняя злая сила отняла у подмастерьевъ способность находить удовольствіе въ разумныхъ и полезныхъ развлеченіяхъ и толкнула ихъ на путь безпробуднаго пьянства, невѣжества, разврата и бездомнаго бродяжничества. Незнакомый съ условіями быта нашихъ ремесленниковъ можетъ подумать, что ремесленные ученики въ пику хозяевамъ изъ скромныхъ деревенскихъ честныхъ мальчиковъ намѣренно превращаются по выходѣ изъ ученья въ записныхъ пьяницъ и отъявленныхъ негодяевъ; можетъ подивиться черной неблагодарности ремесленныхъ учениковъ, идущихъ въ разрѣзъ со всѣми стремленіями

содержателей мастерских развить въ нихъ понятія благопристойности и доброй нравственности. Ужь они ли не пекутся объ ихъ благополучіи съ чисто отеческою заботливостью о благѣ своихъ рабочихъ, а между тѣмъ всѣ ихъ благодушныя стремленія вызываютъ порицанія со стороны нашихъ, такъ называемыхъ, «безпокойныхъ» людей.

И хозяева съ неутомимою ретивостью, достойною лучшаго примѣненія, стараются доказать свою невинность въ распространеніи разврата, пьянства и бѣдности среди рабочихъ. Не останавливаются они ни передъ какими неблаговидными приемами подтасовки фактовъ и статистическихъ выводовъ, чтобы скрыть свои хищническіе приемы въ производствахъ ремесленной промышленности. Если для упорядоченія и развитія нашей промышленности добросовѣстный изслѣдователь быта рабочихъ предложитъ какія-либо мѣры, препятствующія порабощенію хозяевами рабочихъ, употребленію въ производствахъ продолжительнаго дѣтскаго труда съ безчеловѣчными истязаніями и вообще тѣхъ приемовъ практикуемаго часто произвола, то можно быть заранѣе увѣреннымъ, что на такого человѣка, посыпятся со стороны нашихъ отечественныхъ предпринимателей и ихъ безкорыстныхъ защитниковъ всякаго рода обвиненія. При этомъ постараются доказать, что главною причиною неудовлетворительнаго положенія рабочихъ является отсутствіе такихъ карательныхъ мѣръ, которыя помогли-бы имъ достигнуть полного закрѣпощенія ихъ рабочихъ «лишеніемъ всякихъ средствъ къ жизни», какъ откровенно выразились московскіе ремесленники въ вышеприведенномъ докладѣ на первомъ съѣздѣ по техническому и профессиональному образованію. Кстати замѣчу, что докладъ этотъ заслуживаетъ къ себѣ серьезнаго общественнаго вниманія и обсужденіе нѣкоторыхъ вождедѣній замоскворѣцкаго населенія мною было сдѣлано въ № 8, за 1892 г., журнала «Вѣстникъ Воспитанія», въ статьѣ «Жертвы печальнаго недоразумѣнія».

Тогда же и въ той-же статьѣ мною было высказано пожеланіе, что для поднятія нравственности среди рабочаго сословія и упорядоченія взаимныхъ отношеній нужны не карательныя средства, а болѣе цѣлесообразныя мѣры. Въ основу современнаго строя ремесленниковъ должны быть положены новыя начала, утверждаемыя не на господствѣ грубой силы, а на разумномъ и добросовѣстномъ согласованіи и уравненіи правъ каждаго ремесленника, что можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ самаго широкаго распространенія образованія среди ремесленнаго сословія; въ противномъ-же случаѣ никакіе писаные законы не установятъ ни надлежащаго порядка, ни трудолюбивой и честной жизни.

Развѣ намъ не приходится быть и теперь свидѣтелями того нежелательнаго явленія, когда всѣ стремленія благомыслящихъ людей ввести въ среду ремесленнаго сословія какую-либо полезную и правильную организацію общественнаго строя оканчиваются полнѣйшею неудачею. Не будемъ говорить уже о простыхъ рабочихъ, но и хозяева еще не сознаютъ вполне тѣхъ громадныхъ выгодъ, которыя они могли получить отъ устройства разнаго рода складочныхъ и потребительныхъ товариществъ и обществъ взаимнаго вспоможенія. Впрочемъ, иногда такія общества кой-гдѣ и возникаютъ, но вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ условій, въ числѣ которыхъ недостатокъ образованія является главнымъ обстоятельствомъ, подобныя общества не получаютъ должнаго развитія и еле-еле поддерживаютъ свое существованіе, если имъ и удастся избѣжать прекращенія своей дѣятельности вскорѣ послѣ своего возникновенія.

Каждому извѣстна обычная исторія нашихъ общественныхъ предприятий. Вначалѣ является много безкорыстныхъ работниковъ, которые вскорѣ также быстро утрачиваютъ интересъ къ полезному учрежденію, какъ скоро и безотчетно увлеклись имъ. На смѣну имъ выступаютъ люди практики и своекорыстныхъ расчетовъ, которые, пользуясь невѣжествомъ ремесленниковъ, захватываютъ въ свои руки все завѣдываніе дѣлами, чему вполне способствуетъ какъ отсутствіе понятія о точномъ контролѣ и правильномъ веденіи дѣла въ средѣ большинства его членовъ, такъ и другія немаловажныя условія исторически сложившагося у насъ государственнаго строя. А коль скоро въ подобныхъ обществахъ получаютъ преобладающее вліяніе люди наживы, то наиболѣе благоразумные члены спѣшатъ поскорѣе отказаться отъ участія въ подобныхъ обществахъ и тѣмъ избѣжать въ будущемъ несомнѣнныхъ убытковъ, которые приходятся на долю всѣхъ недалековидныхъ участниковъ нашихъ общественныхъ учреждений, всегда равнодушно и безопасно взирающихъ на систематическое хищеніе избранныхъ ими заправиль вплоть до того момента, когда судебный приставъ предложитъ имъ расплатиться имѣющимъ у нихъ достоинствомъ за подвиги ихъ изворотливыхъ избранниковъ. Тогда только они и протрутъ свои сонныя глаза на происшедшее хищеніе, но дѣлу-то этимъ ужъ не помогутъ. Кромѣ того, они уже послѣ каждое подобное предпріятіе считаютъ неосуществимымъ и отговариваютъ и своихъ знакомыхъ принимать въ немъ участіе, ссылаясь на свой печальный опытъ.

А будь ремесленники немного образованнѣе, обладай необходимыми познаніями, тогда у нихъ существовали-бы давно общества взаимно-

помощи и потребительныя, при помощи которыхъ имъ нетрудно было-бы избавиться отъ власти разнаго рода ростовщиковъ, торговцевъ и другихъ лицъ, являющихся посредниками между потребителями и производителями. Въ настоящее-же время большая часть нашихъ ремесленниковъ еле перебивается, нуждаясь въ 5—10 рубляхъ для оборота въ мастерской, и при такихъ скудныхъ достаткахъ лишены возможности пользоваться новѣйшими техническими усовершенствованіями при исполняемыхъ заказахъ, производя свои работы ручнымъ первобытнымъ способомъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ ремесленники должны направить свою изобрѣтательность въ другую сторону, чтобы имѣть возможность соперничать въ работѣ съ мастерскими, обладающими всѣми новѣйшими машинами. Въ замѣну машинъ они употребляютъ дѣтскій бесплатный трудъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, допускаемыхъ способомъ обработки матеріаловъ и превосходно пока достигаютъ своей цѣли. Для пріобрѣтенія машинъ нуженъ довольно значительный капиталъ, а затѣмъ для работы на машинахъ большею частью необходимы взрослые рабочіе, которые даромъ работать не будутъ; кромѣ того, машины подвергаются порчѣ и ломкѣ.

Употребленіе въ производствѣ работъ дѣтскаго труда вызываетъ самый незначительный расходъ на содержаніе ученика, не болѣе 5—6 рублей въ мѣсяцъ. Калѣчить его постепенно можно вполне безнаказанно; продержавъ 4—5 лѣтъ и выкидывая на улицу, замѣнивъ его другимъ малолѣтнимъ. Просто, удобно и, главное, дешево. На затраты капитала на пріобрѣтеніе такой дешевой машины, ни расходовъ на починку ея со стороны содержателя мастерской не требуется. Искалѣчилъ, истощилъ ребенка непосильнымъ трудомъ, развратилъ его и выбросилъ на улицу, какъ негодную вещь. Пускай тамъ послѣ государство и общество лечатъ его въ больницахъ, оказываютъ неизбежную помощь въ затруднительныхъ положеніяхъ, или-же содержать его въ тюрьмахъ и ведутъ съ нимъ постоянную борьбу, какъ съ непримиримымъ врагомъ существующаго порядка! До всего этого подобнымъ ремесленникамъ нѣтъ никакого дѣла.

Другія же свои переплаты при мелочныхъ покупкахъ у оптовыхъ торговцевъ ремесленники стараются наверстать недобросовѣстнымъ исполненіемъ заказовъ. Или товаръ гнилой употребятъ, или работу исполнятъ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало; постараются придать ей извѣстный внѣшній лоскъ, а остальнаго заказчикъ не понимаетъ, лишь бы подешевле сдѣлали, хотя это впоследствии обойдется въ три-дорога тому же покупателю.

Затѣмъ хозяева ремесленныхъ заведеній стараются понизить заработанную плату подмастерьевъ до самой крайней степени, хотя это и не приноситъ въ общемъ никакой пользы тѣмъ же хозяевамъ, потому что если одинъ изъ нихъ, изъ желанія удешевить свои работы, понизитъ задѣльную плату, то и остальные вынуждены поступить точно также; иначе имъ придется закрыть мастерскія по недостатку хорошо оплачиваемыхъ заказовъ. Такими приемами конкуренціи ремесленники понижаютъ только получаемую ими плату за издѣлія, а разницею между первою и послѣднею цѣною пользуются заказчики, которыми въ большинствѣ случаевъ теперь являются торговцы, получающіе за свое посредничество почти всю чистую прибыль изъ заработка нашихъ ремесленниковъ.

Слѣдовательно, всѣ стремленія хозяевъ къ пониженію платы своими подмастерьямъ, къ замѣнѣ платнаго труда послѣднихъ бесплатнымъ—малолѣтнихъ учениковъ, не приноситъ пользы ни имъ, ни потребителямъ. И если бы хозяева-ремесленники сознательно относились къ окружающей ихъ дѣйствительности, то они поняли бы, что главная причина затруднительнаго положенія и упадка ремесленной промышленности заключается въ поголовномъ невѣжествѣ всего ремесленнаго сословія, при существованіи котораго они не искореняютъ источника своихъ затруднительныхъ обстоятельствъ даже и въ томъ случаѣ, когда они вмѣстѣ со своими рабочими будутъ надрывать безъ отдыха свои силы и день, и ночь. Только круглое невѣжество нашихъ мастеровъ побуждаетъ ихъ обирать и притѣснять своихъ рабочихъ съ цѣлью пониженія стоимости своихъ произведеній и въ ущербъ интересамъ потребителя. Работа ремесленника необходима каждому, и безъ нея никто не обойдется; слѣдовательно, ремесленники могутъ требовать, чтобы ихъ трудъ получалъ достаточное вознагражденіе, и лучше стремиться къ тому, чтобы меньше, но лучше работать и больше получать, а не наоборотъ.

Поэтому всѣ благомыслящіе и доброжелательные люди должны разъяснять ремесленникамъ экономическія причины ихъ бѣдственнаго положенія, стараясь развить между ними понятіе, что ихъ же собственные интересы требуютъ, чтобы хозяева, при взаимныхъ отношеніяхъ являлись не хищными обладателями труда своихъ рабочихъ, а добросовѣстными посредниками въ раздѣленіи заработанныхъ ими денегъ и заботливыми попечителями объ улучшеніи быта рабочихъ, бѣдственное положеніе которыхъ наноситъ огромный вредъ государству и обществу. Если бы одну часть тѣхъ расходовъ, которые производятъ государство, общество и частныя лица на призрѣніе недостаточныхъ

и карательныя мѣры противъ преступниковъ, употребить на народное образованіе и улучшеніе быта рабочихъ, то половина такихъ непроизвольныхъ расходовъ сократилась въ самомъ непродолжительномъ времени.

Но, къ сожалѣнію, даже и просвѣщенные люди у насъ до сихъ поръ не желаютъ признавать, что простой коммерческій расчетъ требуетъ улучшенія быта рабочихъ. Деревенскій мужикъ и тотъ понимаетъ, что дойную корову нужно хорошо кормить и содержать, если желаютъ пользоваться обильнымъ удоємъ. Нельзя успокоивать себя тѣмъ соображеніемъ, что на нашъ вѣкъ такихъ дойныхъ коровъ хватитъ достаточно, если даже и кормить ихъ впроголодь. Нужно позаботиться и о будущемъ своихъ дѣтей, ради обезпеченія которыхъ многіе не останавливаются ни передъ преступленіями юридическими, ни передъ преступленіями нравственными, не смотря даже и на то, что будущее подрастающаго поколѣнія зиждется на очень зыбкой и ненадежной почвѣ. Можетъ быть, черезъ пятьдесятъ лѣтъ наши наслѣдники будутъ искренно недоумѣвать, какъ это мы были настолько недалеконovidны, что сами-же подкапывали то основаніе, на которомъ старались воздвигнуть будущее благосостояніе своей семьи.

Самымъ прочнымъ фундаментомъ общественнаго благоустройства является народное образованіе и обезпеченное положеніе рабочаго класса. Нельзя сказать, чтобы у насъ относились совсѣмъ равнодушно къ условіямъ существованія рабочихъ, но вся дѣятельность въ этомъ направленіи ведется какъ-то странно и неумѣло.

Одни ужъ черезъ чуръ пылко увлекаются своими фантазіями объ обезпеченіи народнаго благосостоянія и стараются распространить у насъ такія экономическія формы, которыя и у западныхъ образованныхъ рабочихъ еще неособенно успѣшно прививаются. Прежде, чѣмъ посадить какое-либо растеніе, надо подробно изслѣдовать почву и надлежащимъ образомъ воздѣлать ее, а у насъ чуть ли не на голомъ льду сязятся развести ананасы. Конечно, изъ такихъ попытокъ полезнаго трудно ожидать, и каждый здравомыслящій человекъ осудитъ подобнаго рода дѣятельность, но у насъ такія попытки составляютъ самое заурядное явленіе. Молодыя полезныя силы тратятся и гибнутъ, не задавая себѣ вопроса, принесутъ ли ихъ труды какую-либо пользу, а дѣйствительная плодотворная работа не находитъ необходимыхъ работниковъ. Жатвы много, а дѣлателей мало.

Есть у насъ не мало еще лицъ другого взгляда. Они настолько близоруки, настолько мало думаютъ о будущемъ, что считаютъ даже простое распространеніе необходимыхъ для всякаго мастера тех-

ническихъ познаній и общеобразовательныхъ свѣдѣній среди рабочаго класса чѣмъ-то опаснымъ и нежелательнымъ. Поэтому всякую дѣятельность въ этомъ направленіи они стараются представить въ видѣ политическаго проступка и стремятся замуравить всё выходы и входы со стороны гнилага запада, предпочитая задохнуться отъ недостатка притока чистаго воздуха, нежели пропустить ненавидимый ими свѣтъ.

Между этими борющимися направленіями удобно пристраиваются наиболѣе многочисленныя и расчетливыя люди, избравшіе девизомъ своей дѣятельности: «и нашимъ, и вашимъ». Для такого разряда людей совершенно безразлично, какую дѣятельность имъ предложить, лишь бы пристроиться къ теплomu мѣстечку.

Было у насъ время, когда общество увлеклось образованіемъ рабочихъ и обезпеченіемъ ихъ быта. Появилось много воскресныхъ школъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ учреждались потребительныя общества и артельныя мастерскія. Но вскорѣ повѣяло въ другую сторону. Нашли, что образованіе только развращаетъ простой народъ, а обезпеченный рабочій представлялся грозою для общественнаго строя. Воскресныя школы позакрывались, потребительныя общества и артельныя мастерскія какъ-то незамѣтно исчезли, а сторонники этого направленія весьма быстро превратились въ самыхъ равнодушныхъ зрителей этого печальнаго событія, если у нихъ хватило добросовѣстности отказаться отъ участія въ преслѣдованіи народнаго образованія.

Вся наша бѣда въ томъ и состоитъ, что наши гг. интеллигенты не сознаютъ искренне своего нравственнаго долга передъ рабочимъ. Если же кто-либо изъ подобныхъ господъ на самомъ дѣлѣ вздумаетъ возратить свой долгъ народу личнымъ служеніемъ интересамъ послѣдняго, то считаетъ свою дѣятельность уже огромною заслугою.

Немудрено, если при такихъ взглядахъ на свою дѣятельность труды нашего образованнаго класса приносятъ самыя незначительныя послѣдствія. Всякое общественное предпріятіе требуетъ для своего процвѣтанія много кропотливаго и продолжительнаго труда. А къ нему-то менѣе всего и способны наши самоотверженные гг. интеллигенты. Только этимъ и можно объяснить то странное обстоятельство, что быть рабочихъ до сихъ поръ остается совершенно неизвѣстнымъ нашимъ образованнымъ людямъ даже въ столичныхъ городахъ...

Чтобы не ходить далеко за примѣрами, мы обратимъ вниманіе только на то, что сдѣлано для улучшенія быта чернорабочихъ печатнаго дѣла.

Около 30 лѣтъ тому назадъ была основана вспомогательная касса для наборщиковъ, а двадцать лѣтъ спустя послѣ открытія кассы учреждается школа печатнаго дѣла для 40—60 учениковъ на весь Петербургъ; и только!

Дѣятельность вспомогательной кассы наборщиковъ заключается преимущественно въ выдачѣ пособій заболѣвшимъ членамъ и пенсій имъ и ихъ семействамъ при неспособности къ труду, или смерти члена, какъ будто рабочіе типографій существуютъ въ такихъ хорошихъ условіяхъ, что они могутъ нуждаться только во время болѣзни, которая въ настоящее время вовсе не ставитъ ихъ уже въ то безвыходное положеніе, какъ это было при учрежденіи кассы, когда врачебная помощь въ Петербургѣ находилась въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Теперь условія эти измѣнились настолько, что вспоможеніе во время болѣзни члена должно быть измѣнено совершенно. Врачебная помощь оказывается теперь въ Петербургѣ *бесплатно* и на дому, и въ больницахъ за тотъ рубленый сборъ на больницы, отъ взноса котораго не освобождены и члены вспомогательной кассы наборщиковъ; къ чему же послѣднимъ тратить свои деньги на лѣченіе, когда городъ и безъ того будетъ ихъ лѣчить бесплатно. Можно оказывать пособіе заболѣвшему члену лишь въ томъ случаѣ, когда въ больницахъ нѣтъ мѣста, или когда у члена остается въ крайности семейство, но такихъ пособій приходилось бы оказать не слишкомъ много. Я не думаю, что кто-нибудь станетъ доказывать преимущества домашняго лѣченія передъ больничнымъ. Больницы для чернорабочихъ въ Петербургѣ поставлены настолько удовлетворительно, что только богатые люди могутъ пользоваться у себя на дому подобными условіями, а какія удобства можно оказать больному въ сырыхъ петербургскихъ квартирахъ, гдѣ воздухъ постоянно зараженъ и испорченъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщеній; о соблюденіи необходимой тишины и чистоты для больного нечего и думать, гдѣ въ небольшой квартирѣ люди сидятъ чуть ли не одинъ на другомъ, а въ особенности, если тутъ же находятся и дѣти, которыхъ не встрѣтишь только въ рѣдкой квартирѣ. Какія же преимущества находятъ до сихъ поръ наборщики въ домашнемъ леченіи? А между тѣмъ на это расходуются довольно значительныя суммы, такъ какъ въ первые два мѣсяца заболѣвшій членъ получаетъ по 1 рублю въ день, въ послѣдующіе два— по 75 коп. и потомъ по 50 коп. въ день. А между тѣмъ въ иное время не всякій наборщикъ заработаетъ (даже и здоровый) 1 рубль въ день. Бываетъ такое время, когда наборщикъ съ трудомъ зарабатываетъ только 20 рублей въ мѣсяцъ. Тогда ему притвориться больнымъ

и не ходить на работу—прямая выгода. Получить 1 рубль въ день, ничего не дѣлая, для многихъ покажется пріятнымъ, въ особенности, если и въ мастерской не заработаешь этого рубля. Прикинуться же больнымъ вовсе не такая хитрая штука, какъ это полагають нѣкоторые. Находятся такіе специалисты въ этомъ отношеніи, особенно при приѣмѣ на военную службу, что даже опытные врачи не могутъ иногда отличить притворной отъ настоящей болѣзни. А въ кассѣ наборщиковъ былъ недавно и такой случай, что членъ кассы получалъ пособие, какъ больной, состоя въ то же время корректоромъ у содержателя типографіи, который принимаетъ близкое участіе въ управленіи дѣлами кассы наборщиковъ. Если рѣшаются получать пособие, даже работая въ типографіи, то кто поручится, что многіе не получаютъ пособия въ такихъ обстоятельствахъ, когда они совершенно здоровы, но почему-либо имъ выгодно прикинуться больными, чтобы получать рублевое пособие. Вотъ почему пособие слѣдуетъ выдавать больнымъ только въ то время, когда въ больницахъ не окажется мѣста, или же у заболѣвшаго остается семейство безъ всякихъ средствъ. Если же въ больницахъ находятся мѣста, то пусть тамъ и лечатся, при чемъ на расходы заболѣвшему можно выдавать пособие, не болѣе 5 рублей въ мѣсяць, потому что у рабочихъ типографій существуетъ много другихъ наиболѣе неотложныхъ нуждъ.

Имъ нужна помощь во время недостатка работы; необходимы хорошія квартиры, здоровая, питательная и недорогая пища; полезныя развлеченія и воскресные и вечерніе классы по общеобразовательнымъ предметамъ; нужна также и ссудосберегательная касса. Правда, существующая вспомогательная касса также выдаетъ ссуды, но при этомъ условія полученія и выдачи ссудъ, повидимому, не соответствуютъ своему назначенію и настолько неудовлетворительны, что за ссудой въ теченіе года обращаются не болѣе 60—70 человекъ. Трудно, напримѣръ, понять, почему на выдачу ссудъ отчислено только 2.000 рублей въ то время, когда въ дешевомъ кредитѣ нуждается большая часть членовъ и достаютъ деньги у частныхъ ростовщиковъ за громадные проценты, а въ кассѣ хранится неприкосновеннаго капитала болѣе 40 тысячъ, приносящихъ не болѣе 4 проц. чистой прибыли, а въ виду конверсіи нѣкоторыхъ бумагъ Правленіе предлагаетъ даже уменьшить выдачу пособій вдовамъ и дѣтямъ членамъ. Почему бы не отдать капитала въ частное пользованіе, гдѣ онъ можетъ принести не менѣе 12 проц.

Неизвѣстно также, отчего Правленіе не взыскиваетъ своевременно съ должниковъ выданной имъ ссуды. Есть такіе должники, которые

получили ссуду еще въ 1875 году, между тѣмъ своевременное получение ссудъ возможно, такъ какъ должники работаютъ въ типографіяхъ и до настоящаго времени. Вообще въ дѣлахъ кассы существуетъ слишкомъ много недоразумѣній и, повидимому, не мало серьезныхъ безпорядковъ, которые удерживаютъ осмотрительныхъ людей отъ вступленія въ число членовъ кассы, да и настоящіе члены относятся къ дѣлу слишкомъ равнодушно, такъ какъ на общія собранія едва-едва сходится и $\frac{1}{3}$ членовъ, а при живомъ и правильномъ веденіи дѣла такого явленія не могло бы происходить...

Почему, напр., не устроить-бы при вспомогательной кассѣ и ссудо-сберегательную на подобіе шульце-деличевскихъ? Тогда нуждающійся ремесленникъ постепенно имѣлъ бы возможность образовать свой небольшой запасный капиталъ, при помощи котораго ему не трудно было бы освободиться отъ благодѣтельной опеки своихъ доброжелателей. Развѣ трудно войти и теперь въ соглашеніе съ торговцами о доставкѣ членамъ необходимыхъ предметовъ потребленія по оптовымъ цѣнамъ, а это избавить ихъ отъ необходимости переплачивать громадныя суммы мелкимъ торговцамъ. Огромный размѣръ такой излишней переплаты не бросается въ глаза только потому, что онъ производится ежедневно въ небольшихъ суммахъ, тѣмъ не менѣе эта излишняя переплата поглощаетъ добрую половину всего заработка ремесленниковъ.

Можно было бы, озаботиться устройствомъ квартиръ общежитія для холостыхъ и женатыхъ рабочихъ, которые вынуждены теперь ютиться по разнымъ угламъ и плохимъ сырмъ комнатамъ, уплачивая при этомъ очень значительныя суммы какъ домовладѣльцамъ, такъ и квартирохозяевамъ. Правда, въ Петербургѣ существуетъ общество доставленія дешевыхъ квартиръ рабочимъ, но оно только неправильно носитъ свое названіе, такъ какъ въ его домахъ, не встрѣтишь ни одного дѣйствительнаго рабочаго, а свои квартиры оно сдаетъ разнымъ чиновникамъ и чиновницамъ, людямъ сравнительно обезпеченнымъ. Рабочіе же не могутъ занять тамъ квартиры, потому что у нихъ нѣтъ протекціи у заправилъ дѣлами этого общества. Между тѣмъ опытъ этого общества доказываетъ, что за недорогую плату можно доставить рабочему и въ Петербургѣ довольно сносное помѣщеніе.

Много и другихъ нуждъ можно было-бы удовлетворить при помощи имѣющагося у наборщиковъ капитала, но размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ входить въ такое подробное обсужденіе. Замѣчу только, что странно видѣть капиталъ въ 40.000 рублей, ко-

торому при такихъ нуждахъ не могутъ дать иного болѣе прибыльнаго и полезнаго назначенія, какъ только, помѣстивъ его въ проц. бумаги?

Точно такъ-же трудно объяснить, почему до сего времени при школѣ печатнаго дѣла не устроены вечерніе курсы для взрослыхъ рабочихъ какъ спеціальныя по типографскому искусству, такъ и по общеобразовательнымъ предметамъ. Затраты на это потребовались-бы самыя незначительныя, лишь на вознагражденіе преподавателямъ, такъ какъ помѣщеніе и учебныя пособія школы вечеромъ остаются не занятыми и могли бы служить также для вечернихъ классовъ. Изъ отчетовъ школы мы видимъ, что на обученіе каждаго ученика тратится только около 58 рублей въ годъ, а вмѣстѣ съ устройствомъ вечернихъ классовъ эта сумма сократилась бы на половину, а такая небольшая плата охотно будетъ внесена каждымъ возрослымъ, посѣщающимъ вечерніе классы. Кромѣ того, этотъ расходъ можно безъ затрудненія покрыть устройствомъ такого бала, который бываетъ у наборщиковъ ежегодно и приноситъ довольно значительную сумму чистой прибыли, отчисляемой на вспомогательную кассу. Билеты на этотъ балъ раскупаются заблаговременно въ очень скоромъ времени; слѣдовательно, спросъ на подобное развлеченіе существуетъ. Почему бы не устроить нѣсколько такихъ баловъ въ теченіи года? Чистая прибыль съ этихъ развлеченій съ избыткомъ покрыла бы всѣ расходы по содержанію вечернихъ классовъ для рабочихъ.

При искреннемъ желаніи образованныхъ людей и невозможное становится осуществимымъ, а такія скромныя желанія, какъ устройство полезныхъ развлеченій и открытіе курсовъ и лекцій по общеобразовательнымъ и спеціально-техническимъ предметамъ удовлетворить очень не трудно. Все препятствіе только въ томъ и состоитъ, что наши образованные люди любятъ только порисоваться своими заботами о просвѣщеніи и образованіи рабочихъ лишь на словахъ, а на дѣлѣ бѣгутъ отъ всякаго чернаго труда въ этомъ направленіи. Возьмите къ примѣру тѣхъ же «братьевъ писателей». Ужъ они ли не распинаются у насъ за благо и просвѣщеніе народное? А между тѣмъ среди этихъ господъ найдутся и такіе, которые закрѣпостили своихъ рабочихъ, пожалуй, искуснѣе завятаго помѣщика-крѣпостника былыхъ временъ.

При первой печатной выставкѣ происходилъ и съѣздъ дѣятелей печатнаго искусства, на которомъ между прочимъ обсуждалось предложеніе г. Евдокимова объ учрежденіи «Общества графическихъ

искусствъ», въ программу дѣятельности котораго входитъ обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся типографскаго дѣла и ходатайство передъ правительствомъ объ осуществленіи необходимыхъ мѣропріятій. Желательно, чтобы проектъ устава этого общества получили скорое утвержденіе и чтобы однимъ изъ первыхъ вопросовъ былъ признанъ вопросъ объ образованіи и улучшеніи быта «слугъ печати».

А. Ядровъ.

Профессиональное образование

по Кондорсе.

Профессиональное образование по своему назначению существенно отличается от общего. Первое зависит *главным образом* от изменяющихся внешних условий жизни, второе *главным образом* определяется неизменными свойствами человеческой природы. Но эти два рода образования, которые являются существенно различными в нашем умѣ, на практикѣ неизбежно должны смѣшиваться и, такъ сказать, переплетаться. Въ тоже время смѣшивание ихъ должно имѣть свои границы. Родителямъ и воспитателямъ въ каждомъ случаѣ общественной и частной жизни надо рѣшить, соображаясь съ различными условиями жизни, какое время можно удѣлить общему образованию и въ какой мѣрѣ надо имѣть въ виду профессиональное образование. Обязанность-же публичнаго образования—дать возможность какъ получить наименьшее количество знаній общаго характера, такъ и воспользоваться, въ случаѣ благоприятныхъ внешнихъ условий, самымъ полнымъ его курсомъ. Кондорсе прежде всего стремится выяснитъ отношеніе публичнаго образования къ профессиональному, и отвѣтитъ на первый вопросъ, представляющійся въ данномъ случаѣ, а именно, въ чемъ заключаются обязанности государства относительно профессиональнаго образования.

Въ настоящее время много говорятъ о профессиональномъ образовании и еще болѣе о немъ пишутъ, потому что съ этого рода образованиемъ очевиднѣе, чѣмъ съ общимъ, связаны житейскіе интересы какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и государствъ. Богатство страны зависитъ, какъ извѣстно, отъ развитія и правильной постановки профессиональнаго образования. Но все, что печатается о профессиональномъ образовании, относится къ описанію существующихъ заведеній профессиональнаго характера, или къ проектамъ новыхъ школъ. Общіе вопросы, существенно связанные съ дѣломъ профессиональнаго образования, остаются большею частью нетронутыми, и потому выясненіе ихъ подвигается очень медленно; это-же обусловливается тѣмъ, что большинство людей, интересующихся профессиональнымъ образованиемъ, не имѣетъ склонности къ общимъ вопросамъ. Не смотря на то, практикѣ дѣлаютъ свое дѣло, достигая ближайшихъ очень полезныхъ цѣлей. Но помимо послѣднихъ существуютъ еще другія далекія цѣли, цѣну которыхъ сознаютъ только люди, способные открывать болѣе обширные горизонты; такіе

же люди рѣдко посвящаютъ свой досугъ вопросамъ профессиональнаго образованія. Но всякая дѣятельность, не имѣющая въ виду общихъ и далекихъ цѣлей, ведется ошупью и не можетъ привести къ тѣмъ плодотворнымъ результатамъ, которыхъ можно ожидать отъ дѣятельности, направленной къ хорошо выясненнымъ общимъ задачамъ. Въ виду этого мы считаемъ полезнымъ для практическихъ дѣятелей по профессиональному образованію знакомство со взглядами на этотъ предметъ Кондорсе, высказанными имъ въ четвертомъ мемуарѣ извѣстнаго намъ трактата «О публичномъ образованіи», а также въ его проектахъ, представленныхъ національному собранію. Было бы, разумѣется, слишкомъ наивно съ нашей стороны искать у Кондорсе прямыхъ указаній, какія слѣдуетъ открывать профессиональныя школы или желать сообразоваться во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ съ его программами и т. д. Многія отдѣльныя соображенія его относятся къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ. Но самыя основныя взгляды Кондорсе на общія задачи профессиональнаго образованія представляютъ бесспорно большой интересъ и въ настоящее время.

Мы уже говорили, что Кондорсе въ профессиональномъ образованіи видѣлъ *средство установить большее равенство между людьми*. Онъ имѣялъ въ обязанность общественной власти облегчать и увеличивать средства для приобрѣтенія профессиональныхъ знаній людьми неимущими, чтобы открыть имъ доступъ къ болѣе выгоднымъ профессіямъ. И помимо этой возвышенной общей мысли, которой проникнуты всѣ взгляды Кондорсе на образованіе, многія другія его мысли также заслуживаютъ вниманія; наиримѣръ, онъ, какъ мы сказали, весьма обстоятельно разсмотрѣлъ отношеніе общаго образованія къ профессиональному. Прежде всего мы остановимся на классификаціи различнаго рода профессій и дѣленія ихъ на двѣ категоріи, которыя имѣютъ важное значеніе на практикѣ. Нашъ философъ говоритъ:

«Всякая профессія должна быть полезна какъ тѣмъ, которые ею занимаются, такъ какъ и тѣмъ, которые пользуются ея результатами. Въ то же время всѣ профессіи составляютъ два совершенно различныхъ класса: главное назначеніе однихъ удовлетворяетъ нуждамъ, увеличивать благосостояніе, или увеличивать сумму удовольствія отдѣльныхъ лицъ. За такого рода профессіи люди берутся только для того, чтобы болѣе или менѣе обезпечить свое существованіе; въ этомъ случаѣ люди служатъ не обществу и человѣчеству, а лицамъ. Въ другихъ профессіяхъ, наоборотъ, главная цѣль—благо общества, которому онѣ содѣйствуютъ прямо или косвенно.

Къ первому роду слѣдуетъ отнести всѣ ремесла и всѣ такъ называемыя либеральныя профессіи, когда онѣ обращаются въ ремесло. Живопись, скульптура суть искусства въ рукахъ человѣка, умѣющаго изображать страсти и характеры, но и то и другое переходитъ въ ремесло, во всѣхъ другихъ случаяхъ.

И тѣ, и другія профессіи заслуживаютъ вниманія и попеченія государства. Въ странѣ, гдѣ процвѣтаютъ ремесла, и самыя бѣдняки лучше обуты, одѣты и имѣютъ болѣе удобныя жилища, чѣмъ въ тѣхъ

странахъ, гдѣ тѣ-же ремесла только начинаютъ развиваться. Но, разумѣется, попеченіе государства неодинаково должно относиться къ тому и къ другому роду профессій. Главныя заботы правительства должны быть направлены на профессіи общепользныя. Профессіи, предназначенныя для общаго блага, къ которымъ нѣтъ надобности готовить всѣхъ и каждаго, суть науки военныя, медицина, мореплаваніе, архитектура. Всѣ эти профессіи требуютъ спеціальной продолжительной подготовки и по своей важности заслуживаютъ особаго вниманія общественной власти.

Само собой разумѣется, что многія другія занятія и общественныя должности также требуютъ болѣе или менѣе спеціальныхъ знаній, но онѣ при достаточномъ общемъ образованіи приобрѣтаются съ большею легкостью.

Военное искусство состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, первый общій обнимаетъ собою всѣ свѣдѣнія, которыя необходимы каждому офицеру; второй заключаетъ въ себѣ болѣе спеціальныя знанія. Первые всего удобнѣе приобрѣтать до отбыванія воинской повинности одновременно съ курсомъ общаго образованія, для вторыхъ необходимы спеціальныя школы, наука артиллеріи и инженерное искусство требуютъ, разумѣется, особыхъ учрежденій. И той, и другой Кондорсе придаетъ первенствующее значеніе. Онъ говоритъ, что знающіе артиллеристы и искусные военные инженеры могутъ явиться лучшими защитниками страны и отрицаетъ пользу рутинныхъ военныхъ упражненій. Тѣ же мысли проводитъ онъ въ образованіи моряковъ; оно также должно дѣлиться на общее и спеціальное. Школы могутъ быть трехъ родовъ: первоначальныя, гдѣ бы давались самыя необходимыя свѣдѣнія для людей, которыхъ случай или склонность предназначаютъ съ юныхъ лѣтъ къ мореплаванію; затѣмъ въ каждой гавани можно основать школы, гдѣ-бы люди взрослые получали свѣдѣнія, могущія замѣнить имъ многолѣтнюю практику и, наконецъ, такія заведенія, въ которыхъ преподавалось-бы мореплаваніе съ научной точки зрѣнія; послѣднее не только можетъ служить защитѣ отъ непріятели, но также способствовать благосостоянію страны и даже усовершенствованію человѣческаго рода.

Изъ сказаннаго очевидно, что Кондорсе не допускалъ существованія отдѣльныхъ военныхъ и морскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Элементарный курсъ военныхъ и морскихъ наукъ онъ вводитъ въ число необязательныхъ спеціальныхъ предметовъ общаго курса. И это понятно съ точки зрѣнія человѣка, который отвергалъ необходимость всякой наступательной войны. Изъ всѣхъ профессій Кондорсе останавливаетъ свое главное вниманіе на медицину или, какъ онъ говоритъ, искусствѣ лѣчить. И медицинское образованіе, согласно его мнѣнію, должно быть двухъ родовъ: общее и спеціальное. Общее медицинское образованіе имѣетъ цѣлью подготовку низшаго медицинскаго персонала, соответствующаго нашему фельдшерскому; оно входитъ въ курсъ общаго курса третей градации въ качествѣ необязательнаго предмета. Кондорсе проводитъ мысль, что медицинѣ безспорно должны совмѣстно учиться мужчины и женщины. Онъ стремится доказать, какую огромную пользу можетъ принести человѣчеству медицинское

образование женщинъ, отличающихся высокимъ развитіемъ чувства состраданія къ людямъ. Нашъ философъ настаиваетъ также на необходимости для врачей широкаго и многосторонняго общаго образованія. Изъ остальныхъ профессій Кондорсе приписываетъ также важное значеніе строительному искусству: оно должно составлять важную часть общественнаго образованія, потому что отъ него въ высшей степени зависитъ благосостояніе народа. Поэтому Кондорсе настаиваетъ на томъ, чтобы элементарныя познанія этого искусства также бы сообщались на отдѣльныхъ курсахъ въ учебныхъ заведеніяхъ третьей градациі, или институтахъ. Къ числу искусствъ или общепользныхъ профессій Кондорсе относитъ также изящныя искусства: живопись, музыку, скульптуру, но и здѣсь мы встрѣчаемъ тоже дѣленіе образованія на общее и спеціальное, и первому отводится мѣсто въ тѣхъ же институтахъ, а второму въ лицейхъ. О лицейхъ мы будемъ еще говорить, когда будетъ рѣчь вообще о научномъ образованіи въ смыслѣ Кондорсе. А теперь перейдемъ къ искусствамъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которымъ отведено у Кондорсе надлежащее мѣсто въ общемъ образованіи.

Кондорсе находитъ существованіе главныхъ школъ рисованія въ столицахъ и большихъ городахъ достаточнымъ для удовлетворенія потребности, потому что рисованіе входитъ и въ общее образованіе. Предразсудки и предубѣжденія отклонили людей отъ благородныхъ занятій искусствами, когда составилось мнѣніе, что руки созданы только для того, чтобы убивать на войнѣ. Въ далекія времена, можетъ быть, преувеличивали значеніе искусствъ, а затѣмъ несправедливо стали ихъ считать источникомъ извращенія нравовъ.

Между тѣмъ все, что будитъ въ человѣкѣ идеи великаго и прекраснаго, возвышаетъ душу, облагораживаетъ чувства, доставляетъ ему мирныя развлеченія и удовольствія, не отвлекая отъ дѣла, заслуживаетъ быть предметомъ обученія. Общественная власть должна также заботиться о томъ, чтобы искусство находилось на надлежащей высотѣ.

Изученіе скульптуры и живописи знакомитъ насъ съ красотой наружныхъ формъ, съ выраженіемъ чувствъ и страстей, съ отношеніями движеній къ свойствамъ души, особенностей ума и характера къ выраженію лица и игрѣ физиономіи. Эти искусства служатъ однимъ изъ звеньевъ цѣпи, представляемой нашими знаніями, и ихъ слѣдуетъ отнести къ орудіямъ усовершенствованія рода человѣческаго.

Къ числу такихъ искусствъ слѣдуетъ отнести музыку. Музыка, дѣйствуя одинаковымъ образомъ на толпу людей, развиваетъ въ нихъ чувство солидарности, сверхъ того она увеличиваетъ стремленіе къ порядку и внутренней гармоніи. Обученіе искусствамъ имѣетъ еще одну выгоду политическаго характера, о которой слѣдуетъ упомянуть. Произведенія искусствъ требуютъ талантовъ и долгаго изученія, поэтому должны лучше оплачиваться, чѣмъ другіе труды; они даютъ возможность людямъ, родившимся въ бѣдности, достигать такого же благосостоянія, какимъ пользуются богатые. Многіе утверждаютъ, что для процвѣтанія искусствъ необходимы богачи-меценаты, потому что

люди со среднимъ достаткомъ не въ состояніи покупать дорогихъ картинъ и т. д. Но это нисколько не исключаетъ возможности, чтобы роль покровителей наукъ и искусствъ приняли на себя общества. Люди талантливые будутъ чувствовать себя независимѣе, когда имъ не будетъ необходимости преклоняться передъ людьми себѣ подобными. Величайшія произведенія искусствъ должны быть общимъ достояніемъ. Безъ существованія обществъ для поощренія наукъ и искусствъ художники и ученые никогда не достигнутъ необходимой для тѣхъ и другихъ независимости. Но какими же особенностями должны отличаться общества, въ рукахъ которыхъ находится власть поддерживать и руководить людьми различныхъ профессій? Такія общества, по мнѣнію Кондорсе, должны быть отдѣлены отъ обществъ чисто-научнаго характера. Между науками и профессіями, на нихъ основанными, есть существенное различіе. Еслибы ученые общества прониклись мыслью отдавать предпочтеніе знаніямъ, непосредственно приложимымъ къ практикѣ, избѣгать трудовъ, не приносящихъ никакой пользы въ ближайшемъ будущемъ, то это весьма невыгодно отразилось бы на успѣхахъ наукъ: такое отношеніе способно было-бы поѣмшать энергіи молодыхъ ученыхъ безкорыстно углубляться въ изысканія и изслѣдованія,—стремиться въ область невѣдомаго. Но эти же стремленія окажутъ весьма плодотворное вліяніе. Бѣда также, если эти общества будутъ разсматривать труды профессиональныхъ дѣятелей съ слишкомъ отвлеченной точки зрѣнія,—это замедлитъ успѣхи всякой профессіи. Главное назначеніе такихъ обществъ служить посредникомъ между наукой и практикой; имъ предстоитъ связать отвлеченныя истины съ правилами, приложимыми къ практикѣ; на ихъ обязанности лежитъ извлечь пользу изъ теоріи и внести свѣтъ въ практическую дѣятельность. Ученаго такое общество обогатитъ такими наблюденіями, которыхъ нельзя сдѣлать въ кабинетѣ, а практика оно познакомитъ съ выводами, недоступными ему занятому подробностями. Такимъ образомъ умственная дѣятельность человѣчества будетъ представлять одну непрерывную цѣпь, исходя отъ самыхъ простѣйшихъ примѣненій механики и кончая самыми глубокими произведеніями человеческого гениа.

Эти общества сверхъ того должны, главнымъ образомъ, поддерживать тѣхъ практическихъ дѣятелей, которые любятъ изощрять свой разумъ, больше заботясь объ усовершенствованіи своей профессіи, чѣмъ о собственной выгодѣ; она должна также преслѣдовать и искоренять проявленіе рутинны.

Въ числѣ профессій у Кондорсе мы не находимъ юридическихъ. Онъ, какъ видно, и самъ замѣчалъ этотъ пробѣлъ и объяснялъ слѣдующимъ образомъ: «Одна изъ первыхъ обязанностей законодателя выяснить законы до такой степени, чтобы законовѣдѣніе перестало существовать въ качествѣ отдѣльной науки, и все дѣло ограничилось бы изученіемъ общихъ принциповъ законодательства, вытекающихъ изъ естественнаго права».

Въ такомъ случаѣ юридическія науки заняли бы мѣсто въ ряду философскихъ. Что касается простаго знакомства съ законами страны,

то, какъ мы знаемъ, Кондорсе считалъ его безусловно необходимымъ для всѣхъ и каждого для того, чтобы какъ слѣдуетъ пользоваться своими правами и отправлять свои обязанности. Онъ говоритъ: «Законы, нуждающіеся въ истолкованіи, нуждаются въ выясненіи, это уже не дѣло школь, а законодательныхъ собраній».

Оставивъ въ сторонѣ всѣ подобныя, неотвѣчающія нашимъ условіямъ особенности системы профессиональнаго образованія, намѣченной Кондорсе, мы найдемъ въ ней все-же многое достойное вниманія и въ настоящее время. Разсмотримъ отношеніе профессиональнаго образованія къ общему, и съ этою цѣлью обратимся къ программамъ институтовъ и лицеевъ, которыя находимъ въ проектахъ представленныхъ національному собранію. Профессиональное образованіе второй категоріи, о которой идетъ рѣчь, можетъ идти параллельно только съ общеобразовательнымъ курсомъ третьей градаціи и съ курсомъ высшихъ учебныхъ заведеній—лицеевъ, поэтому мы оставимъ пока въ сторонѣ отношеніе профессиональнаго образованія къ школамъ двухъ первыхъ градацій. Въ противоположность плану Кондорсе у насъ профессиональныя заведенія составляютъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ заведеній съ общеобразовательнымъ курсомъ. И это совершенное обособленіе профессиональнаго образованія требуетъ большой затраты времени и средствъ, а также лишаетъ людей возможности приняться въ юныхъ лѣтахъ за какую-нибудь профессію. *Институты* Кондорсе соотвѣтствуютъ четыремъ послѣднимъ классамъ нашихъ гимназій. Курсъ общаго образованія при отсутствіи древнихъ языковъ допускаетъ возможность параллельно съ нимъ изучить какую-нибудь профессію или искусство и такихъ профессій въ настоящее время не мало.

Въ институтахъ Кондорсе преподаваніе дѣлится на многіе отдѣльные курсы, приравливаясь къ тому, чтобы учащіеся, смотря по своимъ талантамъ и успѣшности своихъ занятій, могли слушать одинъ курсъ или нѣсколько одновременно. Эти учрежденія должны имѣть слѣдующую организацію: Первый классъ,—науки математическія, физика и естествознаніе. На обязанности профессора физики и химіи лежатъ также преподаваніе элементовъ сельско-хозяйственной науки.

Второй классъ,—науки нравственныя и политическія: Логика. Законовѣдніе, политическая экономія и *элементы коммерческихъ наукъ*. Географія и философія исторіи. Третій классъ—приложеніе наукъ къ искусствамъ. Анатомія и ветеринарное искусство. Общій курсъ военныхъ наукъ. Четвертый классъ—литература и изящныя искусства.

Общая теорія искусствъ. Общая грамматика и искусство писать. Латынь. Греческій языкъ. Иностранныя языки. Послѣдніе три предмета необязательны. Каждый выбираетъ себѣ тотъ иностранный языкъ, который ему нравится или необходимъ. Въ четыре года можно успѣть изучить основательно теоретически; практическаго же знаніе не даетъ и многолѣтнее изученіе языковъ, какое практикуется у насъ, отнимая такъ много времени.

Спеціальному профессиональному образованію Кондорсе отводитъ мѣсто въ лицеяхъ.

Лицей.

Первый классъ. Науки математическія и физическія. Высшая математика. Приложение высшего анализа къ наукамъ нравственнымъ и политическимъ. Механика. Теоретическая и практическая астрономія, физика, химія, минералогія и геологія. Ботаника, зоологія.

Второй классъ. Науки нравственныя и политическія.

Методы наукъ, психологія, естественное право. Соціологія. Публичное право. Политика.

Третій классъ. Приложение наукъ къ искусствамъ. Анатомія и фізіологія. Фармація. Теоретическая медицина, практическая медицина. Ветеринарное искусство. Судебная медицина и гигиена. Сельское хозяйство, инженерное искусство. Военныя науки. Наука мореплаванія. Части математики, необходимыя для искусствъ и ремесль. Отдѣлы механики и физики, служащіе для той же цѣли. Химія съ той же точки зрѣнія.

Четвертый годъ—литература и искусства.

Эта программа во всѣхъ своихъ подробностяхъ, разумѣется, не примѣнима въ настоящее время, не отвѣчая современному состоянію наукъ, но воплощеніе хотя неполное общихъ взглядовъ Кондорсе представляютъ существующія въ западной Европѣ политическія высшія школы, да и то въ послѣднихъ отведено очень небольшое мѣсто гуманитарнымъ наукамъ сравнительно съ тѣмъ, которое онѣ занимаютъ въ лицеяхъ Кондорсе. Курсы исторіи и литературы большею частью служатъ только развлеченіемъ математикамъ, инженерамъ, химикамъ, медицина же не входитъ въ кругъ профессій, изучаемыхъ въ политическихъ школахъ.

При поверхностномъ взглядѣ на программы Кондорсе можно заключить, что онъ считалъ обязательнымъ для людей, посвятившихъ себя какой-нибудь изъ упомянутыхъ профессій, прослушать курсъ высшей математики, потому что первый классъ исключительно посвященъ наукамъ физико-математическимъ. Но слово классъ въ институтахъ и лицеяхъ означаетъ отдѣленіе или факультетъ. Лицеи представляютъ то преимущество передъ нашими спеціальными учебными заведеніями, что вполне открываютъ возможность всякому спеціалисту получить многостороннее научное образование. Напрямѣръ, если человѣкъ, посвятившій себя медицинѣ, чувствуетъ большую склонность къ научнымъ занятіямъ и съ этою цѣлью изучаетъ, положимъ, глазныя болѣзни, то ему, какъ нельзя болѣе, легко воспользоваться читающимся въ томъ же заведеніи общимъ курсомъ высшей математики. Такая возможность представляется и въ нашихъ университетахъ, гдѣ въ качествѣ необязательнаго предмета читается курсъ высшей математики для естественниковъ.

Но это совсѣмъ другое дѣло. У Кондорсе каждому высшему профессиональному курсу *предшествуетъ* общій курсъ высшей математики, астрономіи, естественныхъ наукъ и затѣмъ наукъ гуманитарныхъ. Онъ проводитъ мысль о необходимости двухъ категорій медиковъ, инженеровъ, художниковъ и т. д. Первые, получающіе образование въ

институтахъ, вторые—въ лицеяхъ. Первые—практики, имѣющіе среднее общее образованіе. Нетрудно себѣ представить, какъ выгодно отозвалось-бы такое распредѣленіе профессиональной дѣятельности въ настоящее время. Люди, не склонные къ усиленной умственной дѣятельности, не тратили-бы напрасно пять лѣтъ на высшее профессиональное образованіе. При настоящихъ же условіяхъ это неизбѣжно. Окончившій реальное училище не захочетъ сдѣлаться фельдшеромъ; онъ такъ много потратилъ времени на общее образованіе, а потому думаетъ, что имѣетъ право на лучшую карьеру. Но, по всей вѣроятности, дѣло приняло-бы иной оборотъ, если-бы изученіе какой-нибудь профессіи шло рука объ руку съ общеобразовательнымъ курсомъ.

Кондорсе больше всего заботился о томъ, чтобы люди учились, сколько имъ нужно и тому, что имъ нужно, если они не имѣютъ склонности къ наукѣ. И можно съ увѣренностью сказать, что нигдѣ людямъ не приходится тратить столько времени на изученіе предметовъ имъ ненужныхъ и въ тоже время неинтересныхъ, какъ у насъ въ Россіи. Въ тоже время у насъ нѣтъ людей профессіи съ такимъ всестороннимъ общимъ образованіемъ, которое могъ бы вынести человекъ изъ двухъ первыхъ классовъ лицея Кондорсе. У Кондорсе высшее общее образованіе одинаково для математиковъ, филологовъ, естествоискусниковъ, инженеровъ, живописцевъ, медиковъ и т. д. Въ лицеяхъ получаютъ свое образованіе профессора всѣхъ наукъ и искусствъ и преподаватели институтовъ; институты же готовятъ учителей для школъ второй градациі, и эти послѣдніе для школъ первой градациі. И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ низшія заведенія подчинены заведеніямъ слѣдующей градациі. Напримѣръ, выборъ учителей для первоначальныхъ школъ зависитъ отъ учителей секундарныхъ школъ и мѣстныхъ обывателей, родителей учениковъ. Изъ проектовъ Кондорсе, представленныхъ національному собранію, видно, что предоставляя возможность людямъ всѣхъ профессій получить основательное высшее образованіе, онъ никого не стѣснялъ, допуская возможность, послѣ средняго профессиональнаго образованія прямо приступить къ изученію наукъ и искусствъ, преподаваемыхъ въ третьемъ и четвертомъ классахъ лицеевъ, поэтому, какъ мы сказали, эти классы можно разсматривать также, какъ отдѣльные факультеты. Учащимся Кондорсе предоставляетъ извѣстную свободу комбинаціи различныхъ предметовъ изученія: онъ говоритъ, что

Общественная польза требуетъ того, чтобы искусства распространялись, подчиняясь исключительно спросу, это-же требуетъ свободного соединенія и раздѣленія профессій. Забота общественной власти должна состоять только въ томъ, чтобы образованіе имѣло въ виду, какъ коротка жизнь людей, и приняло за правило, что не слѣдуетъ заставлять ихъ учиться больше, чѣмъ требуется для какой-нибудь профессіи, имъ необходимой.

Стремясь какъ можно тѣснѣе связать образованіе съ жизнью и поставить первое въ зависимость отъ требованій второй, Кондорсе высказываетъ мысль, что въ учебныхъ заведеніяхъ слѣдуетъ преподавать только теоретическія знанія, необходимыя для различныхъ

профессій; что-же касается практическихъ навыковъ, то они должны его приобретать подъ руководствомъ практиковъ данной профессіи. Съ точки зрѣнія Кондорсе, нелѣпо строить больницы съ цѣлью доставить учащимся матеріалъ для изученія различныхъ болѣзней. Для этого, напротивъ, слѣдуетъ воспользоваться существующими больницами и на врачахъ, завѣдующихъ этими заведеніями, должна лежать обязанность обучать медицинской практикѣ. Учащіеся же, усвоивая себѣ практическіе приемы, становятся дѣятельными помощниками врачей въ лѣченіи бѣдныхъ больныхъ. Примѣненіе этой мысли Кондорсе мы видимъ въ Швейцаріи. Вѣрный самому себѣ, онъ добивается заставить практиковъ служить образованію и теоретиковъ—практикѣ, на примѣръ, онъ утверждаетъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ располагаются войска, профессора военныхъ наукъ обязаны читать лекціи не только офицерамъ, но и солдатамъ, для того, чтобы объяснять имъ усовершенствованіе орудій и знакомить съ новыми постановленіями и законами. Онъ говоритъ: солдатъ долженъ такъ-же сознательно подчиниться дисциплинѣ, какъ гражданинъ повиноваться законамъ.

Распредѣляя такимъ образомъ задачи обученія между теоретиками и практиками, Кондорсе рассчитываетъ сблизить школу съ жизнью, упростить задачи образованія, усложненныя искусственно, и уменьшить затраты времени и денегъ. Мысль, что практическимъ приемамъ должны обучать практики, мы считаемъ весьма плодотворной и въ тоже время очень мало привитой къ нашей системѣ образованія. Этимъ, по всей вѣроятности, объясняется преобладаніе неумѣлыхъ практиковъ во всѣхъ существующихъ у насъ профессіяхъ.

Признавая необходимость спеціализаціи въ высшемъ профессиональномъ образованіи, Кондорсе считаетъ ее скорѣе вредной, чѣмъ полезной, въ среднемъ, онъ говоритъ: «Не слѣдовало-бы на этой ступени отдѣлять медицину отъ ветеринарнаго искусства, послѣднее-же разъединять съ агрономіей и даже съ строительнымъ искусствомъ, это разрываетъ цѣпь весьма естественныхъ и полезныхъ сочетаній».

Образованіе, получаемое въ школахъ третьей градаціи, въ институтахъ должно давать дѣйствительное превосходство людямъ, которые въ состояніи ими воспользоваться. Этимъ людямъ предстоитъ во всякомъ случаѣ привилегированное положеніе въ обществѣ, а потому необходимо озаботиться, чтобы они занимали его по праву и были бы людьми просвѣщенными, а не только ловкими, которые пользуются своими преимуществами не для того, чтобы просвѣщать толпу, а извлекаютъ выгоды изъ невѣжества. Мы уже говорили о томъ, какія надежды въ этомъ отношеніи возлагаетъ Кондорсе на воспитаніе нравственныхъ чувствъ. Ученіе о нравственности, какъ мы уже замѣтили, онъ отдѣляетъ отъ религіи, преподаваніе которой влагаетъ въ руки священниковъ и мѣстомъ изученія религіи Кондорсе считаетъ храмъ, а не школу. Совершенная непримѣнимость идей Кондорсе о профессіи священника къ нашимъ условіямъ заставляеть насъ этого вопроса не касаться.

Въ статьѣ объ общемъ образованіи мы уже говорили, что Кондорсе ставить его въ зависимость съ одной стороны отъ самыхъ просвѣщенныхъ людей данной страны, а съ другой—отъ требованій обыденной жизни. Последнее, разумѣется, главнымъ образомъ относимся къ профессиональному образованію. О регулированіи этого рода образованія данными условиями жизни онъ говоритъ:

Для сохраненія возможной свободы и равенства необходимо известное соотношеніе между наименьшей степенью образованія массы гражданъ и наибольшей суммою знаній, которой обладаютъ самые лучшіе ученые въ данной странѣ въ данное время. Необходимо также известное соотношеніе между знаніями человека и его нуждами. Нужно также, чтобы образованіе народа соответствовало успѣхамъ наукъ и искусствъ.

Равенство способностей и талантовъ есть не болѣе какъ химера; но при поголовномъ и повсюду распространенномъ общемъ образованіи, это неравенство обратится только на пользу всему человѣчеству. При недостаточной-же распространенности общаго образованія тоже природенное неравенство создаетъ шарлатановъ, ловко пользующихся легковѣрностью толпы. Профессиональное образованіе служитъ лучшимъ средствомъ противъ этого.

Само собой разумѣется, что Кондорсе, признавая необходимость общаго образованія для взрослыхъ, еще болѣе имѣлъ въ виду профессиональное. Нерѣдко случается, что человѣку вслѣдствіе ухудшенія здоровья и другихъ условій представляется необходимость перемѣнить профессию. Мы не будемъ говорить о подробностяхъ организаціи курсовъ для взрослыхъ, потому что она для профессій та-же, что для общаго образованія, съ которой мы уже знакомы.

«Изученіе профессій, говоритъ Кондорсе, начиная со ступени первоначальныхъ школъ и кончая лицеями, внесетъ во всѣ слои общества знаніе *общихъ началъ, которымъ подчиняется практика, распространитъ знаніе новыхъ открытій и методовъ, будетъ возбудить энергію практическихъ дѣятелей, предохранитъ ихъ отъ вредныхъ заблужденій.*

Отъ профессій въ собственномъ смыслѣ этого рода мы перейдемъ къ профессіямъ перваго рода, которыя заключаютъ какъ главную составную часть въ себѣ ремесла. Изученіе ихъ должно идти параллельно школамъ первой и второй градацій. Вмѣшательство общественной власти въ этого рода профессіи не такъ велико, какъ во второй категоріи, но оно во всякомъ случаѣ неизбѣжно потому, что здѣсь дѣло идетъ объ интересахъ дѣтей наименѣе просвѣщенныхъ и наиболѣе бѣдныхъ классовъ. Необходимо, чтобы во главѣ этого рода профессиональнаго образованія стояли люди, хорошо знакомые съ условіями спроса и предложенія въ данное время. Зависимость обученія этого рода профессій отъ академій весьма отдаленная, но все-же она существуетъ постольку, поскольку успѣшность ремеслъ зависитъ отъ техническихъ знаній. Непосредственными-же руководителями являются учителя секундарныхъ школъ и извѣстные своей опытностью ремесленники.

Въ первоначальныхъ школахъ какъ въ сельскихъ, такъ и въ городскихъ общее образование идетъ параллельно съ профессиональнымъ, въ первыхъ учащійся получаетъ знанія, необходимыя сельскому хозяину, а, во вторыхъ, учится искусствамъ, ремесламъ и т. д. Профессиональное образование школъ второй градаціи разнообразнѣе и обширнѣе: смотря по надобности и возможности: въ нихъ вводится преподаваніе одного иностраннаго языка. Секундарныя школы предназначаются для дѣтей болѣе достаточныхъ семействъ. Школы этого рода, въ виду установленія большаго равенства между согражданами, также необходимо сдѣлать какъ можно болѣе общедоступными. Сельскій житель имѣетъ свои преимущества передъ городскимъ обитателемъ. Послѣ лѣтней рабочей поры наступаетъ для него долгій періодъ отдыха зимою; онъ можетъ употребить его на пополненіе своихъ знаній и на изученіе новаго ремесла. Поэтому Кондорсе придаетъ особенное значеніе курсамъ для взрослыхъ при сельскихъ школахъ и не считаетъ безусловно необходимымъ устройство секундарныхъ школъ въ деревняхъ; этимъ школамъ, по мнѣнію Кондорсе, настоящее мѣсто въ городахъ, гдѣ много фабричнаго люда. Фабричная работа не даетъ человѣку такого досуга, какъ сельскій трудъ; общественная власть должна придти къ нему на помощь и стремиться парализовать послѣдствія притупляющаго труда, открывая наиболѣе способнымъ бѣднякамъ возможность дополнить свое образование въ секундарной школѣ, открывающей доступъ къ профессіямъ, болѣе отвѣчающимъ ихъ способностямъ. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ усовершенствованія мануфактуры возрастаетъ раздѣленіе труда, и каждый фабричный прикованъ къ работѣ чисто механической, которая въ большинствѣ случаевъ сводится къ выполненію небольшого числа простыхъ движеній, совершаемыхъ чисто механически. Мысль о существованіи труда, притупляющаго человѣческія способности, какъ и слѣдуетъ ожидать, не даетъ покоя Кондорсе; онъ стремится освободить отъ такого труда всѣхъ, кто способенъ къ какому-нибудь другому, отсюда его желаніе открыть какъ можно больше секундарныхъ школъ въ большихъ городахъ, центрахъ промышленности. Онъ настаиваетъ также на увеличеніи заработной платы фабричнымъ рабочимъ, чтобы они имѣли досугъ слушать какія-нибудь лекціи или чтенія, которыя доставляли-бы какую-нибудь пищу ихъ уму. Существуютъ также профессіи, наносящія вредъ здоровью; онѣ также требуютъ вмѣшательства общественной власти, но эти вопросы не имѣютъ прямого отношенія къ публичному образованію.

Главнымъ образомъ, надо имѣть въ виду прогрессивное увеличеніе удовольствій и *удовлетвореніе нуждъ бѣднѣйшихъ согражданъ. Это должно быть цѣлью общаго стремленія профессиональнаго образованія.* Съ этимъ требованіемъ должно сообразоваться преподаваніе ремеслъ и искусствъ. И при всемъ этомъ надо стремиться къ установленію возможнаго равенства между людьми, занимающимися одними и теми-же профессіями; необходимо посредствомъ школы сблизить дѣтей бѣднаго ремесленника съ дѣтьми зажиточнаго фабриканта для того, чтобы послѣднія своими средствами могли придти на помощь

къ первымъ и доставить возможность усовершенствоваться въ своемъ дѣлѣ.

Въ секундарныхъ школахъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе на развитіе умѣнья излагать свои мысли устно и письменно. Сельскія первоначальныя школы представляютъ нѣчто болѣе законченное, чѣмъ городскія, тѣсныя связанныя съ секундарными школами. Профессіи, соотвѣтствующія секундарной школѣ, по своему роду тѣже, которыя доступны человѣку, прошедшему первоначальную школу, но также и многія другія недоступныя первому. Такъ какъ ремесла болѣею частью служатъ для удовлетворенія нуждъ или вкуса отдѣльныхъ лицъ, то общественная власть при устройствѣ секундарныхъ школъ должна сообразоваться съ этими потребностями.

Публичное образованіе не должно быть одинаково для того и другого рода профессій. Мы уже говорили, каково должно быть отношеніе общественной власти къ тому и другому роду профессій. Необходимо принять во вниманіе и другое существующее между ними различіе. Ремесла составляютъ предметъ занятій огромнаго большинства людей, и поэтому невозможно обученію этимъ ремесламъ посвящать большой промежутокъ времени; въ дѣтствѣ оно должно занимать только часть времени, посвященнаго ученію, а въ зрѣломъ возрастѣ оно должно имѣть ближайшее, непосредственное примѣненіе къ практикѣ и сообразоваться съ досугомъ, которымъ располагаютъ люди, занимающіеся даннымъ ремесломъ. Профессіи втораго рода, напротивъ, привлекаютъ къ себѣ только меньшинство людей; обширное и обстоятельное образованіе служитъ первымъ основаніемъ успѣха и также ручательствомъ того, что трудъ такихъ людей заслужитъ довѣріе и принесетъ пользу. Преподаватели же первоначальныхъ и секундарныхъ школъ главнымъ образомъ должны имѣть въ виду, что имѣютъ дѣло съ людьми, у которыхъ срокъ ученія коротокъ, поэтому приходится употреблять всѣ способы для облегченія учащихся и дорожить каждой минутой. Сверхъ того не слѣдуетъ смѣшивать самаго обученія ремесламъ съ теоретической подготовкой, необходимой для изученія ремесла, и Кондорсе задается вопросомъ:

«Какими качествами должно обладать публичное образованіе въ области механическихъ профессій?» Общественная власть въ этомъ случаѣ не должна ограничиваться открытіемъ школъ, въ которыхъ обучали бы этимъ профессіямъ. Здѣсь дѣло не въ томъ, чтобы выучить вязать чулки, ткать матеріи, выдѣлывать различныя вещи изъ желѣза или изъ дерева, но преподавать знанія, необходимыя и полезныя при такого рода профессіяхъ и которые не могутъ войти въ самый курсъ обученія. Въ ряду такихъ предметовъ первое мѣсто занимаетъ рисованіе, затѣмъ для многихъ ремеслъ необходимы нѣкоторыя свѣдѣнія изъ химіи, тоже относится къ началамъ механики, знанію главныхъ законовъ физики, знанію коммерческой ариеметики, вычисленію площадей и объемовъ, наконецъ, къ свѣдѣніямъ изъ тѣхъ частей элементарной геометріи, которыя не входятъ въ общеобразовательный курсъ этого предмета; таково, напримѣръ, знакомство съ теоріей перспективы. Всѣ эти знанія не представляются неизбѣжно необходимыми въ каждой

профессіи. Въ этомъ отношеніи образованіе плотника должно отличаться отъ образованія наборщика. Это приводитъ къ тому, что при устройствѣ профессиональныхъ школъ необходимо имѣть въ виду не обременять учащихся приобрѣтеніемъ познаній, не имѣющихъ существенной для нихъ необходимости. Въ такого рода школахъ не слѣдуетъ утомлять учениковъ отвлеченнымъ изложеніемъ предмета. Въ этомъ случаѣ требуется большое искусство вести дѣло такъ, чтобы изложеніе не превышало силъ учащихся, но чтобы въ то же время служило ихъ умственному развитію. Сверхъ того учителя въ курсахъ для взрослыхъ должны какъ можно экономнѣе относиться къ затратѣ времени, которое ремесленникамъ приходится отнимать у работы или жертвовать своимъ дыханіемъ.

Выгоды, доставляемыя такого рода профессиональнымъ образованіемъ, заключаются въ томъ, что ремесленники начинаютъ сознательнѣе относиться къ своему труду, и это ведетъ къ усовершенствованію самыхъ ремеслъ. Результаты работъ достигаются въ этомъ случаѣ съ наименьшею затратою времени, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается ихъ число, и они совершенствуются въ качественномъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возрастаетъ богатство страны. Самые-же предметы производства выигрываютъ въ прочности; умѣлые, просвѣщенные ремесленники употребляютъ на нихъ менѣе матеріала; все это какъ нельзя болѣе выгодно отражается и на потребителей и является особенно ощутительнымъ для людей бѣдныхъ, къ которымъ принадлежатъ тѣже ремесленники. Они такимъ образомъ съ одной стороны получаютъ возможность съ меньшей затратой денегъ удовлетворять своимъ первымъ потребностямъ, а съ другой, усовершенствованіе даннаго ремесла влечетъ за собой увеличеніе легкости работы, которому пропорціонально возрастаніе заработка. У ремесленника открывается досугъ и средства пользоваться благами жизни. *Степень этого пользованія, какъ мы знаемъ, служитъ для Кондорсе мѣриломъ успѣховъ цивилизаціи.* Но всего важнѣе здѣсь то, что при улучшеніи условий жизни ремесленнику, одаренному отъ природы какими-нибудь дѣятельными талантами, представляется возможность проявить ихъ съ пользою для себя и для блага другихъ людей. Разумѣется, онъ не достигнетъ той высоты, которой достигъ-бы при болѣе благоприятныхъ условіяхъ образованія, но все же дѣятельность его будетъ отличаться отъ поденной работы. Тотъ, кто родился съ талантомъ къ механикѣ, сдѣлаетъ какія нибудь изобрѣтенія въ этой области; имѣющій призваніе къ химіи не совершитъ открытій въ этой наукѣ, но усовершенствуетъ искусства, находящіяся отъ нея въ зависимости. Все это, конечно, не удовлетворитъ врожденной нѣкоторымъ людямъ склонности къ научной дѣятельности, но все же утолитъ ее до известной степени. Такое удовлетвореніе предотвратитъ много зла и несчастій. Наконецъ, образованіе ремесленнаго класса возвыситъ его въ собственныхъ глазахъ и будетъ имѣть благотворныя нравственныя послѣдствія.

И такъ, мы видимъ, что Кондорсе дѣлитъ образованіе профессиональное на *низшее, среднее и высшее*. Низшее приобрѣтается въ пер-

воначальныхъ и секундарныхъ школахъ, среднее въ институтахъ, а высшее въ лицеяхъ. Сверхъ того онъ придаетъ большое значеніе профессиональнымъ курсамъ для взрослыхъ. Самыя же низшія школы дѣлятся на школы, въ которыхъ преподаютъ ремесла, и школы, въ которыхъ учатъ учебнымъ предметамъ, необходимымъ для извѣстныхъ ремеслъ, но не заключающимся въ курсѣ общаго образованія, только эти послѣднія школы принадлежать вѣдѣнію публичнаго образованія, первыя же—дѣло заинтересованныхъ частныхъ лицъ и властей, въ рукахъ которыхъ находятся заботы о промышленности и торговлѣ. Послѣднее очень полезное раздѣленіе въ настоящее время почти не существуетъ. Обучение теории и практикѣ происходитъ одновременно, потому сплошь, да рядомъ людямъ способнымъ руководить только учебной частью приходится поневолѣ заниматься практической стороною дѣла, съ которой они незнакомы; коммерческіе же дѣятели и фабриканты, основывающіе школы, являются вредными профанами по учебной части. Вся эта путаница устраняется въ планѣ профессиональнаго образованія Кондорсе; въ немъ *обученіе* теоріи строго отдѣлено отъ практики, но въ тоже время подчинено послѣдней. Не дѣло школы рѣшать, какимъ ремесламъ слѣдуетъ обучать и т. д. Между тѣмъ эти вопросы у насъ весьма часто рѣшаютъ педагоги, занимающіеся вопросами профессиональнаго образованія, поэтому не рѣдко основываются школы бесполезныя для жизни и создающія людей, не находящихъ себѣ заработка. Такой вредъ происходитъ отъ *смѣшанія* предметовъ, различныхъ по своей сущности, и это какъ нельзя лучше предвидѣлъ сто лѣтъ тому назадъ Кондорсе.

Для того, чтобы школа служила жизни, необходимо изъять ее изъ рукъ однихъ педагоговъ, предоставивъ послѣднимъ только ту область, которая требуетъ педагогическаго образованія и опытности. Такая область должна быть строго ограничена, но въ ея предѣлы не имѣетъ право вмѣшиваться никто другой. Сложныя задачи, которымъ должно служить профессиональное образованіе: увеличить равенство между гражданами, улучшить матеріальное положеніе низшихъ классовъ, открыть возможность талантливымъ людямъ примѣнять къ практикѣ свои дарованія, дать средства людямъ, занятымъ трудомъ, вреднымъ для умственнаго развитія, устранить хоть часть этого вреда. Эти задачи не подъ силу людямъ какой-нибудь одной профессіи, онѣ требуютъ дружной работы всѣхъ и каждаго. Но для этого раздѣленія труда необходимо прежде всего выясненіе *общихъ* принциповъ профессиональнаго образованія, начало которому положено Кондорсе. Планъ Кондорсе далеко не удовлетворителенъ, но онъ подлежитъ развитію, которое можетъ оказаться очень плодотворнымъ, если мы будемъ идти указаннымъ имъ путемъ; это путь высокаго разума, руководимаго просвѣщенной любовью къ ближнему.

Е. Литвинова.

Что можетъ сдѣлать одинъ человекъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

(Страница изъ исторіи американской школы).

Подобно тому, какъ у насъ въ Россіи имя Ушинскаго извѣстно не только всякому педагогу, но и вообще образованному человеку, въ Америкѣ читается нѣкто Гораціи Маннъ, имя котораго приходится постоянно слышать и видѣть въ связи съ учебными учреждениями и педагогической литературой страны. «Школа въ духѣ Гораціи Манна», «методы Гораціи Манна», «воспитаніе въ духѣ Гораціи Манна»—вотъ тѣ сочетанія словъ, въ которыхъ приходится встрѣчать имя этого американца, нынѣ почти нарицательное и прямо употребляемое для опредѣленія извѣстнаго направленія въ національной педагогикѣ.

Кто же былъ этотъ человекъ, оставившій по себѣ столь крупныя слѣды? Весьма обстоятельный отвѣтъ на это мы находимъ въ только что вышедшей книгѣ: George H. Martin. The Evolution of the Massachusetts Public School System, составляющей послѣдній томъ издаваемой подъ эгидой американскаго министерства народнаго просвѣщенія педагогической серіи (International Education Series Vol. XXIX). Книга Мартина, какъ указываетъ ея названіе, представляетъ собою историческій очеркъ развитія одной изъ самыхъ совершенныхъ системъ американской школы—системы бостонскихъ школъ или точнѣе школъ штата Массачузетса, на территоріи котораго поселились около середины XVII вѣка гонимые политикою родины выходцы изъ Англіи. Первый городъ, основанный на берегахъ залива, выбраннаго этими переселенцами, былъ нынѣ извѣстный своимъ богатствомъ и благоустройствомъ городъ Бостонъ, въ школьномъ дѣлѣ идущій впереди всей Америки. И дѣйствительно, хроника этого города указываетъ на давно начавшееся и неустанное попеченіе его объ интересахъ просвѣщенія, объясняемое, по мнѣнію Мартина, тѣмъ обстоятельствомъ, что съ самаго начала, первыми жителями его были люди образованные, прошедшіе серьезную школу у себя на родинѣ и сознающіе поэтому всю важность для своихъ дѣтей такого же образованія.

Пять лѣтъ прошло лишь съ основанія (въ 1630 г.) юнаго Бостона, какъ онъ уже постановляетъ дошедшее до насъ въ архивахъ

этого города рѣшеніе «просить брата Филимона Порморта взять на себя воспитаніе и ученіе дѣтей новой колоніи», а черезъ годъ (въ 1636 г.) только что образовавшееся городское управленіе сразу ассигнуетъ громадную для тогдашняго состава города цифру въ 400 фунтовъ стерлинговъ на основаніе колледжа или университета, который, благодаря добавочному крупному пожертвованію отъ нѣкаго священника Гарварда, черезъ нѣсколько лѣтъ осуществляется въ открытіи т. н. Harvard College, и до нынѣ сохраняющаго свое значеніе не только для своего штата, но и для всей Америки.

Въ 1642 году, т. е. 12 лѣтъ послѣ основанія Бостона и 22 года послѣ первой высадки пуританъ (въ 1620 г.) на берегахъ бухты, врывающейся въ нынѣшній штатъ Массачузетсъ, центральный органъ управленія англійской колоніи вмѣняетъ въ обязанность выборнымъ лицамъ каждаго города (Selectmen) «слѣдить за тѣмъ, чтобы родители учили (и воспитывали въ трудѣ) своихъ дѣтей».

Наконецъ въ 1647 году, когда въ колоніи накопилось уже до 20 тысячъ душъ населенія, и она насчитывала 30 городовъ, прошелъ законъ, послужившій основаніемъ для всей Массачузетской школьной системы. По этому закону всякое поселеніе, выросшее до размѣра 50 хозяйствъ, должно нанять учителя, къ услугамъ котораго могли бы прибѣгать всѣ желающіе научить своихъ дѣтей читать и писать, а при ростѣ населенія до 100 семействъ должна устраиваться школа обученія классическимъ языкамъ (по типу англійской «grammar School»), могущая подготовить своихъ учениковъ къ существующему уже въ штатѣ университету. Этимъ же закономъ разрѣшалось городскимъ управленіемъ прибѣгать къ доходамъ отъ налоговъ для содержанія своихъ школъ.

Такимъ образомъ, далеко еще до конца семнадцатаго вѣка юный штатъ Массачузетсъ обладалъ уже полной системой народнаго образованія: элементарными англійскими школами, средними классическими и, наконецъ, университетомъ.

Несмотря однако на такое прекрасное начало, дѣлу народнаго образованія суждено было надолго заглохнуть въ новомъ государствѣ, отвлеченномъ другими жизненными заботами. Вліяніе на новоянгличанъ переворотовъ и неурядицъ метрополи, отъ которой они все еще зависѣли, обострявшаяся по временамъ до паническаго ужаса борьба съ индѣйцами, вражда колоній между собою и, наконецъ, революціонная война противъ Англій—все это мѣшало мирному и правильному развитію народной школы, и мы накануне XIX вѣка находимъ въ законодательствѣ Массачузетса во многихъ отношеніяхъ регрессъ противъ середины XVII вѣка. Такъ, по новому закону 1789 года, обязательнымъ для основанія классической школы размѣрамъ поселенія выставляется уже не 100 семействъ, а 200; поселеніямъ же въ 50 семействъ разрѣшается ограничиться приглашеніемъ учителя всего лишь на 6 мѣсяцевъ въ каждомъ году. Насколько и эти сравнительно скромныя требованія легко нарушались отдѣльными мѣстностями, видно изъ систематическаго повышенія штрафовъ за ихъ нарушеніе, которыми правительство штата пыталось прину-

дять, во многихъ случаяхъ тщетно, къ устройству обязательныхъ по закону школъ. Нѣкоторые города прямо находили болѣе выгоднымъ уплачивать штрафъ, чѣмъ тратиться на школу.

Дѣло народнаго образованія за это время, благодаря отчасти широкому расселенію колонистовъ и распространенію ихъ на западъ, отчасти же благодаря расширенію самихъ городовъ, подвергалось все большей и большей децентрализаціи. Въ деревнѣ дѣйствовала кочующая передвижная школа; города же распались на участки или дистрикты, самостоятельно ведущіе школы своего района и ревниво оберегавшіе свою власть надъ ними. Распоряженіе школьными деньгами, назначеніе учителей, самый выборъ мѣста для школы предоставленъ былъ всецѣло этимъ мелкимъ единицамъ городского управленія. Въ школьное дѣло, благодаря ихъ безконтрольности, вносились узкіе интересы и личныя распри мѣстныхъ обывателей, и хотя закономъ 1789 года и устанавливался центральный городской надзоръ надъ участковыми школами, но этотъ надзоръ долгое время оставался на бумагѣ, и лица, завѣдующія отдѣльными дистриктами, преспокойно устраивали школы, гдѣ и какъ хотѣли, а въ преподаватели ихъ назначали людей не по какому-нибудь образовательному цензу, а по знакомству или родственнымъ связямъ. Средства, между тѣмъ, многихъ изъ участковъ были настолько ничтожны, что они не въ состояніи были удовлетворить даже смагченному въ своихъ требованіяхъ закону 1789 года, и въ 1824 году была вновь повышена норма населенія, требующагося для устройства школы классическихъ языковъ, а именно закономъ этого года устанавливался минимумъ въ 5,000 жителей (вмѣсто 100 семействъ закона 1647 года), что фактически оставляло обязательнымъ существованіе среднихъ учебныхъ заведеній лишь за 7 городами изъ тѣхъ 72, которые въ это время насчитывалъ штатъ Массачузетсъ. Правда, съ паденіемъ старой «грамматической школы» стали возникать подъ названіемъ «академій» (терминъ и нынѣ весьма распространенный въ Америкѣ) частныя среднія учебныя заведенія, но они являлись уже школами не народными, обратно съ прежними «Grammar Schools», а привилегированными, которыя оказывались доступными однимъ лишь дѣтямъ богатыхъ. Если прибавить къ этому, что и начальныя училища принимали въ число своихъ учениковъ дѣтей, уже умѣющихъ читать, а обученіемъ чтенію занимались частныя школы т. н. «*dame Schools*» за плату, хотя и небольшую, то становится понятнымъ, что статистическія свѣдѣнія начала XIX вѣка указывали на существованіе въ штатѣ Массачузетсъ цѣлыхъ сорока двухъ тысячъ дѣтей, не посѣщающихъ никакой школы,—состояніе вещей, которое едва-ли предвидѣли для своей новой родины щедрые законодатели семнадцатаго вѣка.

Но и тѣ сравнительно немногіе ученики, которые попадали въ т. н. участковыя школы (*district Schools*), учились въ среднемъ, по тогдашнему расчету, всего лишь 17 недѣль, причемъ для удовлетворенія всего населенія мальчики въ извѣстные часы ежедневно смѣнялись дѣвочками, которыя только такимъ образомъ получали воз-

возможность попасть въ училище. Зданія начальныхъ школъ представляли изъ себя голыя безъ всякаго украшенія кирпичныя или деревянные стѣны, отвратительныя снаружи и опасныя для здоровья внутри, цѣнность которыхъ, какъ мы узнаемъ изъ книги Мартина, въ среднемъ не превышала и 200 долларовъ (около 400 рублей на русскія деньги). Въмѣсто школьной мебели служила прибитая обыкновенно вокругъ трехъ стѣнъ комнаты наклонная доска, около которой спиной къ свѣту и учителю на скамьѣ безъ всякой спинки сидѣли сплошною массою всѣ ученики участковаго училища, иногда имѣвшаго въ своемъ распоряженіи на всѣ годичныя расходы сумму въ 10 долларовъ (или 20 р.). Въ учителя подобныхъ школъ могли идти лишь люди, малообразованные, а въ приемахъ воспитанія первенствующую роль играла розга и побой, благодаря чему во многихъ школахъ развилась такая грубость нравовъ, что для того, чтобы справиться съ учениками, требовался человекъ рѣшительнаго нрава и большой силы. Многіе дистрикты, по словамъ Мартина, прямо отыскивали для себя учителей—атлетовъ, и обладать физическою силой было для преподавателя также выгодно, какъ состоять въ родствѣ съ завѣдующими школами.

Въ такомъ то состояніи засталъ свою родную школу столь прославившійся впоследствии своими работами на ея пользу бостонецъ Горацій Маннъ. Юристъ по образованію и уже давно извѣстный своимъ соотечественникамъ по плодотворной дѣятельности въ законодательномъ собраніи, когда въ 1837 году образовался первый Board of Education, онъ былъ выбранъ его «секретаремъ», какъ говорятъ американцы, т. е. собственно говоря управляющимъ дѣлами народнаго образованія штата.

До этого года никакого центрального органа для вѣдѣнія школами штата не имѣлъ, и даже отдѣльные города, какъ мы видѣли, разбились въ этомъ дѣлѣ на мелкія единицы, и хотя въ 1826 году, напримѣръ, была сдѣлана попытка запроса данныхъ о школахъ для предьявленія правительству, но до основанія спеціальнаго органа по народному образованію всѣ эти данныя были неточны и отрывочны. Лишь въ рукахъ Манна, начиная съ 1837 года, они обратились въ драгоцѣнный матеріалъ, на которомъ построена была вся дальнѣйшая реформа школьнаго дѣла.

По своей идеѣ, Board of Education не столько былъ органомъ съ опредѣленной властью (какъ и до сихъ поръ многія подобныя учрежденія Америки), сколько центральнымъ учрежденіемъ, въ которое должны были стекаться всѣ свѣдѣнія изъ разныхъ школъ, гдѣ должны были разработываться всѣ проекты реформъ и которое, въ свою очередь, должно было представлять ежегодно подробный отчетъ по всѣмъ сторонамъ школьной жизни въ Законодательное Собраніе штата. Такъ называемый «секретарь» бюро долженъ былъ (словами акта, устанавливавшаго это учрежденіе) «собирать свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи и степени удовлетворительности народныхъ школъ и другихъ путей для народнаго образованія и распространять возможно широко въ народѣ знакомство съ наиболѣе удачными и успѣшными

методами обученія и воспитанія юношества съ тою цѣлью, чтобы *дѣти, получающія свое образованіе въ казенныхъ школахъ, могли бы получать самое лучшее образованіе, какое только можетъ быть дано въ подобнахъ школахъ*.

И не смотря на то, что миссія новаго органа такимъ образомъ должна была выразиться лишь въ нравственномъ воздѣйствіи какъ на народъ, такъ и на его правительство, тѣмъ не менѣе результаты отъ дѣятельности получились на первыхъ же порахъ не меньшіе, какъ еслибы онъ былъ снабженъ прямою властью контроля надъ всѣми учебными заведеніями штата.

Въ народъ, который, подобно американскому, въ сущности самъ собою управляется, скорыя и произвольныя реформы въ какомъ-либо дѣлѣ, а тѣмъ менѣе въ школьномъ, по мнѣнію автора разбираемой нами книги, совершенно невозможны: «такой народъ нельзя къ чему-нибудь принудить,—его можно только уговорить или убѣдить».

И это лучше всего сознавалъ Маннъ: «Всеобщее обученіе», говорилъ онъ, «въ республиканскомъ государствѣ не можетъ быть достигнуто иначе, какъ съ согласія всего народа. Обязательность, еслибы даже она и была желательной, едва ли можетъ быть пригоднымъ орудіемъ къ тому. Въ просвѣщеніи массъ, а не въ принужденіи ихъ лежатъ наши средства. Мы должны выяснить народу всю суть образованія, и все мыслящее общество должно проникнуться сознаниемъ его первостепеннаго значенія. Мы не можемъ силою вести американцевъ по неизвѣстной имъ темной дорогѣ, какъ-бы прямо она ни вела къ желаемой цѣли. Мы должны освѣтить ее свѣточами знанія и показать не только конечную цѣль пути, но и самую привлекательность его. Вначалѣ найдутся», продолжаетъ Маннъ, «быть можетъ, однѣ лишь единицы людей, посвятившихъ себя высокимъ задачамъ народнаго просвѣщенія. Но ихъ вліяніе должно подѣйствовать какъ дрожжи или ферментъ на неподвижную доселѣ массу населенія, и при общеніи съ ними не устоитъ и самая холодная индеферентность людей, застывшихъ въ предрассудкахъ и рутинѣ. Пускай будетъ пущено въ ходъ воздѣйствіе на любовь къ дѣтямъ, которая таятся въ каждомъ человѣкѣ, любовь къ родинѣ, соображенія разума, велѣнія совѣсти, пусть будетъ сдѣланъ призывъ къ нравственной отвѣтственности гражданъ, пока непроглядная тьма невѣжества и застоя не будетъ разсѣяна яркимъ свѣтомъ вдохновленной дѣятельности».

Въ силу такого убѣжденія управляющій Массачузетскимъ бюро народнаго образованія, на первыхъ-же порахъ, помимо своихъ обстоятельныхъ отчетовъ, принялся за ознакомленіе народа съ его родными школами путемъ устройства всевозможныхъ публичныхъ засѣданій, съѣздовъ и митинговъ, на которыхъ раскрывалъ несовершенства школьнаго устройства, уклонившагося отъ идей первоначальныхъ организаторовъ ново-англійскаго государства.

Еще раньше Манна нѣкто Картеръ изобличалъ преступное равнодушіе большинства массачузетскаго населенія къ народнымъ школамъ, сопоставляя его съ ревностнымъ радѣніемъ о немъ первыхъ отцовъ колоніи. Гораций Маннъ на основаніи точныхъ уже данныхъ,

имѣющихся у него въ качествѣ управляющаго бюро народнаго образованія, указывалъ на города съ нѣсколькими десятками школьныхъ участковъ, въ которыхъ городское управленіе, однако, по цѣлымъ годамъ не экзаменовало ни одного преподавателя и не ревизовало ни одной школы.

Въ своихъ «конвенціяхъ», или годовыхъ собраніяхъ, онъ публично жаловался на ничтожныя затраты народа въ пользу общедоступныхъ казенныхъ школъ сравнительно съ расходами на образованіе привилегированнаго меньшинства и негодовалъ, что тѣ немногія зданія народныхъ школъ, какими обладаетъ штатъ (въ его третьемъ отчетѣ число ихъ обозначено въ три тысячи) «по своему неудобству, невзрачности и своей опасности для здоровья, представляютъ изъ себя худшее, что только когда-либо строилось для постояннаго или даже временнаго лишь жилья цивилизованнаго человѣка». И дѣйствительно, когда современные ему «ветхіе домики», въ которыхъ ютились народные училища, стали замѣняться болѣе приличными школьными постройками, то многія изъ нихъ продавались, согласно даннымъ, приведеннымъ у Мартина, за такія суммы какъ 5 долларовъ, 10 долларовъ и не болѣе 100 долларовъ. Одинъ городъ, читаемъ мы тамъ-же, долгое время назначалъ на ремонтъ своихъ 8 школъ ежегодно сумму въ 5 долларовъ или 10 рублей, по рублю съ четвертью на школу.

Въ другихъ публичныхъ засѣданіяхъ и своихъ отчетахъ Маннъ взывалъ къ реформѣ методовъ обученія и къ замѣнѣ повсемѣстнаго распространенія тѣлеснаго наказанія болѣе нравственными мѣрами дисциплины. Подъ вліяніемъ идей Песталоцци, завезенныхъ изъ Европы и, повидимому, нашедшихъ благопріятную почву для своего примѣненія именно всего болѣе въ Америкѣ, Маннъ требовалъ наглядныхъ способовъ преподаванія и указывалъ на необходимость изученія представленій раньше словъ, а по отдѣльнымъ школьнымъ предметамъ давалъ мудрыя совѣты, которые невольно изумляли современниковъ, никакъ не ожидавшихъ такой практичности и знанія въ сферѣ обученія со стороны не педагога по своему образованію и предшествующей карьерѣ. Такъ, онъ впервые рекомендовалъ введеніе распространеннаго нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки способа обученія чтенію, начиная не съ буквъ, а съ цѣлыхъ словъ и вообще намѣтилъ еще въ сороковыхъ годахъ многое изъ того, что и понинѣ обозначается именемъ New Education (Новое образованіе).

Во второмъ уже отчетѣ своемъ онъ указывалъ на неудобство смѣшенія возрастовъ подъ руководствомъ одного учителя и далъ начало будущему превращенію однокласснаго училища («ungraded school», какъ говорятъ американцы) въ типъ училища, раздѣленнаго на классы, которые въ настоящее время во многихъ мѣстахъ Америки и, напр., тамъ-же въ Бостонѣ обнимаютъ собою даже не цѣлый годъ, а нерѣдко всего лишь полгода ученія (такъ что школа, напримѣръ, съ трехгодичнымъ курсомъ имѣетъ шесть послѣдовательныхъ классовъ). Въ 1845 году впервые былъ произведенъ официальный письменный экзаменъ и въ его плачевныхъ результатахъ обнаружилась негодность

системы одноклассных училищ, которая и дала почву Манну для дальнейшей пропаганды реформы в этом деле.

Но наибольшее внимание обращено было Горацием Манном на подготовку учителей народных школ. Подготовкой этой никакое учебное заведение до тех пор не занималось, если не считать упомянутых выше частных академий, которые преследовали собственно задачи общего гуманитарного образования (*liberal education*, как говорят англичане) или подготовки к университету; как мы уже указали, в них учились преимущественно люди обеспеченного класса, которые не могли себя предназначить на скромную деятельность народного учителя, получавшаго в то время еще ничтожное вознаграждение от 12 до 20 долларов в месяц *). Последствием убеждений Манна во время его разъезда по всему штату было пожертвование на устройство так называемых в Америке «нормальных» школ (или учительских семинарий) от частного лица суммы в 10.000 долларов, на которую, с прибавлением такой-же суммы, ассигнованной на это дело Законодательным Собранием, и была основана в 1840 году первая казенная «учительская семинария». Под влиянием того-же убеждения возникли одновременно и две частные семинарии, которые все поступили под особое любовное попечение управляющего бюро по народному образованию. Кроме того, Г. Манн впервые ввел чисто американский обычай так называемых *Teachers Institutes*, или устраиваемых поочередно в разных местностях учительских съездов и курсов, имеющих задачей ознакомление преподавателей с новыми методами обучения и новыми началами ведения школ. Руководителями на этих съездах не раз бывали в свое время, как говорит Мартин, такие люди, как известный ученый Агассиз и другие знаменитости Америки, и «учительские институты» получили громадное значение для поднятия уровня преподавателей, а также вообще для возбуждения интереса к школам.

В настоящее время *Teachers Institutes* составляют правильную часть организации школьного дела в Америке и города, в которых они устраиваются, предоставляют свои лучшие здания для приезжих, гостеприимно угощая их во время нескольких дней заседаний съезда. Когда же Манн в сороковых годах устраивал первое подобное собрание в г. Питтсфилд, дававшем для этой цели свою школу, то рассказывают анекдот, что ему и губернатору штата, приехавшему открывать с ним съезд, пришлось собственноручно взяться вистать за метлы для приготовления залы к приему гостей.

В конце 1848 года, после двенадцати лет неустанной деятельности на пользу школ, Манн оставил должность управляющего бюро по народному образованию, чтобы вновь вступить в широкую

*) По последнему школьному отчету Соединенных Штатов Массачусетса учитель в среднем получает в месяц; мужчина—118 долларов, женщина—48 долларов.

политическую дѣятельность въ качествѣ на этотъ разъ уже члена американскаго конгресса. За время управленія имъ дѣлами народнаго образованія произошли крутыя перемены, не даромъ заслужившія ему горячую благодарность соотечественниковъ.

Уже въ первые два года было выстроено болѣе новыхъ домовъ для школъ, чѣмъ за десять предыдущихъ лѣтъ, а за пять лѣтъ сумма въ 650 долларовъ была истрачена на постройку и ремонтъ школьныхъ зданій, за всѣ же 12 лѣтъ на это было истрачено болѣе двухъ милліоновъ казенныхъ денегъ. Принципъ народной, доступной всѣмъ классамъ общества школы, единственно соответствующей, по убѣжденіямъ Манна, республиканской формѣ правленія, оказалъ влияние на сравнительные размѣры страны затратъ на казенныя и частныя учебныя заведенія. Въ началѣ своей дѣятельности Маннъ жаловался на то, что его народъ тратитъ 70 проц. всего школьнаго бюджета на воспитаніе въ частныхъ школахъ какой-нибудь шестой лишь части своихъ школьниковъ. Къ концу сороковыхъ годовъ эта относительная цифра измѣнилась въ 36 проц., и казенныя школы стали сравниваться съ частными по своему значенію въ глазахъ народа и по затратамъ на ихъ благоустройство. Вознагражденія учителей повышены были на цѣлыхъ 62 проц., причѣмъ прежніе учителя-атлеты стали постепенно замѣняться женщинами, наиболѣе охотно кончавшими курсъ въ устроенныхъ за это время трехъ учительскихъ семинаріяхъ. Къ прежнему недолгому сроку ученія прибавленъ былъ цѣлый лишній мѣсяць, и наконецъ надзоръ за школьниками былъ обезпеченъ оплаченнымъ отнынѣ трудомъ членовъ городскихъ комитетовъ, такъ небрежно исполняемый раньше бесплатными добровольцами. А главное, прежняя апатія и индифферентность народа по отношенію къ школѣ измѣнились въ горячее сочувствіе къ ней и дѣятельное участіе, дающія залогъ для будущаго прогресса школьнаго дѣла.

И все это въ сущности сдѣлалъ одинъ человекъ, благодаря тому только, что цѣлыхъ 12 лѣтъ по 15 часовъ въ день, какъ говоритъ Мартинъ, занимался изученіемъ нуждъ школы и ознакомленіемъ общества съ ними. Къ неустанному трудолюбію, воспитанному, какъ мы читаемъ въ біографіяхъ Манна, со времени участія его, еще ребенкомъ, въ суровыхъ работахъ небогатаго фермерской семьи, американецъ Песталоцци присоединялъ еще особое искусство убѣждать людей и вдохновлять ихъ своими вдохновеніями. Были люди, говоритъ Мартинъ, и до Горація Манна; истина познавалась и раньше его, адепты приобрѣтались и другими апостолами народнаго просвѣщенія (напр. упомянутымъ уже раньше Картеромъ), намѣчавшими не менѣе широкія реформы, но толпа народа, дотогѣ равнодушная, была затронута лишь убѣжденнымъ краснорѣчіемъ бывшаго политическаго дѣятеля, давно уже заявившаго свои гуманныя наклонности въ защитѣ передъ Сенатомъ, напримѣръ, интересовъ обиженныхъ судьбою слѣпыхъ, умалишенныхъ и т. д., для которыхъ онъ энергично добивался устройства особыхъ пріютовъ.

Принимая, къ удивленію своихъ друзей, мало общавшую еще въ то время совершенно новую должность управляющаго бюро по на-

родному образованію, Горацій Маннъ 30 іюня 1837 года писалъ въ своемъ журналѣ: «Отнынѣ я посвящаю себя дѣлу величайшей важности для благоденствія человѣка на землѣ»; и къ этому дѣлу онъ приложилъ дѣйствительно всю ту энергію, на какую способенъ только человѣкъ. Вотъ почему, говоритъ Мартинъ, общественное мнѣніе привыкло связывать у насъ всѣ современные воспитательныя реформы съ именемъ Манна. Его считаютъ отцомъ нормальныхъ учительскихъ семинарій, отцомъ новыхъ методовъ преподаванія, отцомъ правильно распределенныхъ на классы училищъ, отцомъ идеи бесплатныхъ и общедоступныхъ школъ, отцомъ всей нынѣ образцовой для Америки Массачузетской системы, которая послѣ толчка, даннаго ей этимъ человѣкомъ, быстро зашагала по пути дальнѣйшаго развитія.

Не слѣдуетъ думать однако, что эта слава и эти результаты легко дались поборнику прогресса въ школьномъ дѣлѣ. Его усилія не разъ встрѣчали и равнодушіе и полное пренебреженіе: достаточно вспомнить открытіе имъ перваго учительскаго съѣзда, на которомъ ему пришлось играть и роль руководителя и роль швейцара. Его публичныя чтенія и засѣданія для обсужденія вопросовъ школы также не разъ терпѣли неудачу, тогда какъ «объяви онъ политическую тему», говоритъ Мартинъ, «Горацій Маннъ привлекъ-бы массы слушателей». «Опять злосчастная, жалкая Конвенція!» восклицаетъ онъ самъ на страницахъ своего дневника. Политика—вотъ идолъ, за которымъ бѣжитъ народъ, бросая всѣхъ другихъ своихъ боговъ... не будь я заранѣе готовъ на всѣ неудачи, разочарованія, обиды, я давно съ отчаянія долженъ былъ-бы бросить дѣло!..

Не обошлось и безъ прямыхъ протестовъ и козней со стороны враговъ Массачузетскаго реформатора. Первая оппозиція оказана была новой дѣятельности бюро по народному образованію въ рядахъ самихъ законодателей штата, и не дальше, какъ два года по назначеніи управляющимъ Горація Манна, чуть было не прошло въ Законодательномъ Собраніи постановленіе объ отміньі этого центрального педагогическаго органа съ замѣной его мѣстными органами по отдѣльнымъ городамъ.

Съ другой стороны принадлежность Манна къ сектѣ унитаріевъ вызвала отъ представителей ортодоксальнаго евангелизма цѣлую бурю подозрѣній въ томъ, что онъ воспользуется школами для проведенія въ народѣ своей опасной ереси, и они въ особенности нападали на впервые устроенныя, благодаря усиліямъ Манна, школьныя библиотеки, какъ на орудіе будто-бы пропаганды идей унитаріанства. Но наиболѣе обиднымъ для истиннаго друга школы, какимъ являлся Маннъ, было то противодѣйствіе, которое пришлось встрѣчать нерѣдко со стороны самихъ учителей и педагоговъ. Вскорѣ послѣ сѣдмаго его отчета, въ которомъ онъ описывалъ только что посѣщенныя имъ европейскія школы, появился составленный тридцатью однимъ Бостонскими учителями памфлетъ, въ которомъ управляющаго бюро народнаго образованія обвиняли въ томъ, что онъ желаетъ «отѣмечь» родныя школы, что онъ не знаетъ условій родины и желаетъ привить къ Бостонской школѣ то, что ей несвойственно. Весь этотъ

документъ, по отзывамъ Мартина, «былъ не что иное, какъ сознание безсилія и страха со стороны людей, уже не чувствовавшихъ подъ собою твердой почвы,—людей, которые отлично понимали, что разъ будутъ приняты принципы и методы, защищаемые Манномъ, ихъ участь рѣшена, и что если школьное дѣло приметъ намѣченное направление, то надъ ними лично поставленъ будетъ крестъ».

Маннъ отвѣчалъ своимъ врагамъ; они возобновили прежнія нападки, и между ними завязалась борьба не на животь, а на смерть. Своего апогея это враждебное отношеніе рутинеровъ-учителей достигло въ основаніи Массачузетской ассоціаціи преподавателей, уставомъ которой, допускаяшимъ однихъ лишь *педагоговъ-практиковъ*, имѣлось въ виду спеціальное исключеніе изъ участія въ ней «*не бывшаго никогда учителемъ*» Горація Манна, и хотя на второмъ собраніи этой ассоціаціи и объявлено было, что она вовсе не относится враждебно къ Манну, тѣмъ не менѣе такое отношеніе въ самыхъ, такъ сказать, нѣдрахъ школы, со стороны ближайшихъ представителей ея, не могло не быть глубокооскорбительнымъ для человѣка, посвятившаго ей столько лѣтъ своей энергіи. И тѣмъ не менѣе Гораціи Маннъ боролся до конца и ушелъ съ поля битвы побѣдителемъ.

Апатичное равнодушіе, закоснѣлый консерватизмъ, пошлая скупость, религиозная нетерпимость, и всѣ виды политической враждебности со всѣхъ сторонъ тѣснили Манна, но онъ своей борьбой очистилъ путь для дальнѣйшаго прогресса и, въ то время, какъ другіе штаты не разъ терпѣли еще недавно отъ всевозможныхъ реакціонныхъ поворотовъ въ дѣлѣ народнаго образованія, штатъ Массачузетсъ, благодаря тому умѣнію, ловкости и силѣ, съ которой отстаивалъ свою позицію первый борецъ за школьную реформу въ немъ, надолго приобрѣлъ возможность мирнаго развитія и роста все въ томъ-же направленіи.

Преимники Горація Манна продолжали начатую имъ борьбу противъ произвола участковъ или дистриктовъ, а въ настоящее время власть города надъ школой вновь возстановлена къ очевидной выгодѣ послѣдней. Стоимость всѣхъ школьныхъ помѣщеній, при Маннѣ не достигавшая и полумилліона долларовъ, въ послѣднее время составляетъ сумму въ 28 милліоновъ долларовъ, а по сравненію Мартина, есть школьные дома, постройка которыхъ обошлась дороже, чѣмъ всѣ три тысячи домовъ, насчитанныхъ въ отчетѣ Манна для 1837 года.

Бюро народнаго образованія стоитъ какъ нельзя болѣе прочно, и никто уже не сомнѣвается въ его значеніи, а отчеты его принадлежатъ къ наиболѣе поучительнымъ документамъ по педагогической жизни страны. Для обезпеченія надзора надъ школами въ штатѣ дѣйствуютъ, кромѣ городскихъ комитетовъ съ опредѣленными обязанностями, правильно вознаграждаемыми, многочисленныя *superintendants* или нѣчто вродѣ инспекторовъ болѣею частью изъ бывшихъ учителей, на обязанности которыхъ лежитъ руководительство все болѣе и болѣе преуслѣвающихъ *Teachers Institutes* и вообще просвѣщеніе учителей относительно методовъ обученія и объединеніе всей ихъ школьной дѣятельности. Распредѣленіе учениковъ на классы, начав-

шееся при первомъ управляющемъ бюро народнаго образованія, проникло всюду, кромѣ отдаленныхъ сельскихъ школъ, и прежняя такъ называемая «ungraded School» является почти ужь исключеніемъ. При этомъ все образованіе за длинный нынѣ школьный возрастъ отъ 5 до 18 лѣтъ дифференцировалось въ цѣлую лѣстницу учебныхъ заведеній, другъ друга дополняющихъ. Приватная прежняя, такъ называемая dame School, замѣнена народнымъ дѣтскимъ садомъ (Kindergarten, какъ удержали американцы нѣмецкое названіе, данное этимъ школамъ Фребелемъ); между начальной и «грамматической» школой вдвинута такъ называемая «intermediate School», какъ-бы «соединительная» школа, и наконецъ, все еще къ системѣ средняго образованія, принадлежитъ такъ называемая high School—общественная школа, въ значительной степени замѣнившая собою прежнюю частную «академію». На всѣ эти разряды распространенъ принципъ бесплатности и общедоступности, завершившійся въ 1884 году въ законѣ о даровыхъ учебникахъ и иныхъ пособіяхъ для учениковъ всѣхъ казенныхъ школъ.

Вмѣсто трехъ учительскихъ семинарій, только что открытыхъ при Маннѣ, штатъ Массачузетсъ насчитываетъ ихъ нынѣ шесть, и въ самое послѣднее время (въ 1894 г.) рѣшено открыть еще четыре. Одинаково процвѣтаетъ и университетское образованіе, хотя оно, обратно съ остальными школами, преимущественно поддерживается на частныя средства и не доставляется бесплатно. Къ старому Гарвардскому колледжу присоединились въ послѣднее время еще три университета Williams, Amherst и Tufts, а женское образованіе, въ до-Манновскій періодъ едва лишь пробуждавшееся къ жизни, достигло удивительныхъ успѣховъ. Внушки тѣхъ когда-то дѣвочекъ, что у порога школы дожидались, чтобы распустили мальчиковъ, освобождающихъ имъ мѣсто, теперь на равномъ положеніи проходятъ съ ними всѣ стадіи начальнаго и средняго образованія, а наиболѣе способныя изъ нихъ кончаютъ курсъ въ одномъ изъ специальныхъ женскихъ университетовъ (Wellesley и Smith) или же въ такъ называемомъ «Annex» при Harvard College.

Уступая требованіямъ вѣка, правительство распространило свои заботы и на специальное техническое и ремесленное обученіе, и наконецъ давнозадуманныя Манномъ учебновоспитательныя заведенія для глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и слабоумныхъ вошли уже, какъ правильная часть, въ систему попеченія о дѣтяхъ, которое, идя все дальше по пути гуманитарному, охватило за послѣдніе года и контингентъ преступниковъ. Затраты государства на всѣ эти заведенія растутъ нынѣ быстрѣе, чѣмъ самое богатство страны и, по расчету Манна, въ то время какъ вся собственность штата съ 1850 г. выросла на 260 проц., специально школьная собственность выросла на 551 проц.

Но, что еще важнѣе, самая интенсивность работы школы значительно возросла, благодаря несомнѣнно лучшей подготовкѣ преподавательскаго персонала и тому энтузіазму къ учительской профессіи, который, по свидѣтельству Мартина, почерпается изъ Массачузетскихъ «нормальныхъ» школъ. Средняя наша школа, не смотря на то, что

она изъ «латинской» въ большинствѣ случаевъ превратилась въ «английскую», даетъ такое же образование, какое получалось когда-то въ Гарвардскомъ университетѣ и соотвѣтственно, конечно, повысился и уровень высшаго образования. Что-же касается начальной школы, то ея программа, состоявшая изъ чтенія, письма и счета, обогатилась массою разнообразнѣйшихъ предметовъ и занятій. Маленькія дѣти, по перечисленію Мартина, изучаютъ формы и цвѣта, они лѣпятъ изъ глины, клеятъ изъ картона, работаютъ по дереву, и всѣ обязательно рисуютъ. Они учатся музыкѣ, не въ смыслѣ пѣнія заученныхъ пѣсень, а читая по нотамъ въ разныхъ ключахъ и узнавая начальныя правила гармоніи. Они собираютъ растенія и наблюдаютъ животныхъ, изучаютъ силы природы и знакомятся съ физикой, химіей и метеорологіей. Изъ гуманитарныхъ познаній они знакомятся,—и весьма подробно, прибавимъ мы отъ себя на основаніи личнаго опыта,—съ родной исторіей и исторіей другихъ странъ, съ географіей, съ основами гражданственности и, наконецъ, съ литературой—не въ видѣ однихъ только отрывковъ изъ хрестоматій, говоритъ Мартинъ, а въ видѣ изученія классическихъ твореній въ ихъ цѣлости и связи съ жизнію народа.

Параллельно съ этимъ и самыя методы преподаванія подверглись значительному измѣненію. Прежнее задаваніе и выспрашиваніе уроковъ по учебникамъ уступило мѣсто живому сообщенію и обсужденію, а гдѣ можно, то и личному наблюденію со стороны учениковъ, сравненію изучаемыхъ предметовъ и явленій, ихъ группировкѣ и классификаціи. вмѣсто начиненія ребенка массою непереваренного знанія, въ немъ стараются развить умѣнье и охоту самостоятельно учиться, а интересъ и привлекательность школьныхъ занятій въ значительной степени устраняетъ необходимость исправительныхъ мѣръ при современномъ обученіи. Распространенная раньше идея о необходимости «сломить» волю ребенка уступила мѣсто идеѣ о необходимости развить эту волю, и школьная дисциплина направлена нынѣ не столько на подавленіе дурныхъ сторонъ дѣтской природы, сколько на возбужденіе ея добрыхъ сторонъ. Современная школа вѣритъ въ благотворное вліяніе веселой работы; школьнаго учителя никто уже не представляетъ себѣ съ розгой въ рукахъ, и о теперешнихъ школьникахъ Теккерей не могъ-бы воскликнуть, какъ о своихъ предшественникахъ: «Бѣдныя мои предки, какъ много ихъ драли!».

И всѣмъ этимъ Массачузетская школа, по общему признанію, обязана тому борцу, который первый извелъ ее изъ тьмы забвенія, заставивши интересоваться ею весь народъ. «Недаромъ», говоритъ Мартинъ, «школьники тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, сдѣлавшись гражданами, поставили памятникъ Горацію Манну передъ Капитоліемъ своей столицы, и недаромъ слѣдуетъ прибавить, онъ находитъ себѣ вѣчный памятникъ въ разсыпанныхъ по всей Америкѣ школахъ его имени и въ постоянныхъ ссылкахъ на его авторитетъ всѣхъ американскихъ педагоговъ. «Эра Горація Манна»,—вотъ какимъ именемъ обозначается вся новѣйшая исторія американской педагогики!

Екатерина Янгуль.

Распространеніе университетскаго образованія въ Англіи.

(University Extension).

«Когда современность отойдетъ въ область исторіи, мы поймемъ, что въ настоящее время въ англійскомъ обществѣ совершается величайшій переворотъ. Къ счастью, онъ носитъ мирный характеръ».

Moulton.

Этотъ «величайшій» и вмѣстѣ съ тѣмъ «мирный» переворотъ Моультономъ видить въ дѣятельности «движенія для распространенія университетскаго образованія», виднымъ представителемъ котораго является и самъ онъ, въ той жадѣ высшаго знанія, которая въ настоящее время охватила все высшее населеніе Англіи и все усиливается по мѣрѣ дѣятельности общества для распространенія университетскаго образованія. Последнее, по словамъ Оксфордскаго отчета, ставитъ своей цѣлью «привести университетъ къ народу въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ не можетъ прійти самъ къ университету», иначе говоря, дать болѣе или менѣе систематическое научное образованіе по типу университетскаго преподаванія всѣмъ взрослымъ людямъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, которые въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ были до сихъ поръ лишены возможности получить его, т. е. людямъ, занятымъ въ теченіе дня обязательнымъ трудомъ,—людямъ, принужденнымъ жить вдали отъ университетскихъ центровъ и, наконецъ, лицамъ, недостаточно состоятельнымъ, чтобы платить большія деньги за право слушанія лекцій въ старыхъ университетахъ.

Въ виду этого лекціи читаются не только днемъ, но и вечеромъ, устраиваются въ городахъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, и проникаютъ даже въ деревни, а плата за слушаніе ихъ по-возможности удешевлена.

Движеніе это зародилось въ Англіи на почвѣ цѣлага ряда новыхъ условій въ общественной жизни ея. Возникновенію его содѣйствовала общедоступность и довольно высокій уровень элементарнаго образованія, и признанное лѣтъ двадцать пять тому назадъ право женщинъ на высшее университетское образованіе.

Но еще до начала его въ Англіи существовали такъ называемыя

дамскія образовательныя общества (Ladies Educational Associations) гдѣ читались лекціи для однѣхъ только дамъ.

Лекціи эти послужили образцами для устройства чтеній среди рабочаго класса и низшихъ слоевъ средняго. Потребность въ высшемъ образованіи и польза, приносимая лекціями, были настолько очевидны, что явилась мысль сдѣлать ихъ болѣе постоянными и общедоступными. Съ этой-то цѣлью нѣсколько частныхъ обществъ и представителей отъ городовъ обратились въ 1872 году къ Кембриджскому Университету, прося послѣдній взять на себя трудъ организовать распространеніе университетскаго образованія путемъ составленія систематическаго ряда лекцій и назначенія свѣдущихъ лекторовъ для чтенія ихъ и т. п. Здѣсь-же податели прошенія намѣчаютъ три группы лицъ, которыя, по ихъ мнѣнію, должны явиться постоянными слушателями лекцій: во-первыхъ, женщины и другіе взрослые люди, желающіе продолжать свое образованіе, свободные въ теченіе дня и обладающіе достаточными средствами для платы за лекціи; во-вторыхъ, молодые люди средняго класса: клерки, приказчики и проч., занятые въ теченіе дня и свободные только вечеромъ и, въ-третьихъ, рабочіе, среди которыхъ, по мѣрѣ расширенія ихъ участія въ политическихъ дѣлахъ, все болѣе и болѣе замѣчается жажда научнаго образованія.

Кембриджскій университетъ согласился взять на себя починъ въ данномъ дѣлѣ и устроилъ въ слѣдующемъ 1873 году въ видѣ опыта лекціи въ трехъ многолюдныхъ городахъ. Это и было скромнымъ началомъ движенія для распространенія университетскаго образованія. Успѣхъ, достигнутый имъ въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ показалъ, насколько жизненнымъ является данное движеніе и вызвалъ въ 1876 году возникновеніе въ Лондонѣ «Лондонскаго Общества для распространенія университетскаго движенія», а позднѣе, когда къ движенію примкнулъ и Оксфордскій университетъ, въ Лондонѣ было устроено еще бюро изъ трехъ представителей отъ трехъ университетовъ: Кембриджскаго, Лондонскаго и Оксфордскаго, назначающее лекторовъ и экзаменаторовъ.

Лѣтъ семь-восемь тому назадъ четыре шотландскихъ университета объединились и выработали подобную-же программу для Шотландіи, тогда какъ къ концу 1889 года общество распространенія университетскаго образованія возникло и на сѣверѣ Ирландіи. Въ концѣ концовъ движеніе, разлившись по всей Великобританіи, перешло въ Соединенные Штаты и, судя по послѣднимъ даннымъ, подобной дѣятельности суждено развиваться также въ различныхъ государствахъ европейскаго континента. Въсѣхъ съ тѣмъ въ Англіи, уже по отчетамъ 1889—90 г. лекціи читались болѣе, чѣмъ въ ста пятидесяти городахъ, быстро проникая въ самыя глухіе, даже деревенскіе уголки.

Уже по этимъ свѣдѣніямъ число слушателей обоого пола составляло свыше сорока двухъ тысячъ человекъ (42,312), и число это непрерывно возрастало не сотнями, а тысячами. Недавно въ ноябрѣ 1894 года въ Лондонѣ происходило годичное засѣданіе общества для

распространенія университетскаго образованія; изъ отчета его за 1893—94 годъ, прочитаннаго на собраніи, видно, что успѣхъ дѣла, предпринятаго обществомъ, продолжаетъ возрастать. Число студентовъ въ предѣлахъ дѣятельности одного только Лондонскаго Общества возросло за истекшій годъ съ 13,374 до 15,665, а количество выданныхъ свидѣтельствъ о прохожденіи курсовъ съ 1355 до 1553. Отчетъ указываетъ также, что общество обратило особое вниманіе на бѣольшую связность и послѣдовательность лекцій и достигло того, что въ истекшемъ году 112 изъ 152 курсовъ имѣли послѣдовательный характеръ. Самымъ крупнымъ событіемъ минувшаго года была конгрессъ сторонниковъ распространенія университетскаго образованія, привлекшій до 700 сторонниковъ, въ числѣ которыхъ были канцлеры лондонскаго, кэмбриджскаго и оксфордскаго университетовъ (Русскія Вѣдомости № 327. 1894). Въ теченіе всего своего существованія, съ самаго возникновенія въ 1873 году, вплоть до нынѣшняго времени, когда въ немъ принимаютъ участіе всѣ университеты Великобританіи и нѣкоторыя континентальныхъ государствъ, движеніе это обнаружило удивительную жизненность и способность приспособляться ко всевозможнымъ обстоятельствамъ, а болѣе чѣмъ двадцатилѣтній періодъ его процвѣтанія ясно показываетъ, что въ обществѣ дѣйствительно назрѣла потребность въ высшемъ образованіи, какъ въ среднемъ классѣ его, такъ и среди рабочаго сословія.

Но не былъ-ли купленъ усиленный ростъ движенія цѣною пониженія научнаго уровня лекцій и достигнуть, благодаря менѣе строгимъ требованіямъ при выдачѣ свидѣтельствъ объ окончаніи того или иного научнаго курса? Иначе говоря — дѣйствительно-ли образованіе, распространяемое даннымъ движеніемъ, заслуживаетъ названія «университетскаго» по своему объему и методамъ?

Взгляды студентовъ и руководителей описаннаго движенія на задачи и цѣль его, въ связи съ практической постановкой дѣла, несомнѣнно заставляютъ признать послѣднее прямымъ продолженіемъ дѣятельности университетовъ, распространяющимъ высшее университетское образованіе. Такъ, на примѣръ, кэмбриджскій профессоръ Робертсъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей движенія, высказываетъ слѣдующій взглядъ на задачу университетскаго образованія вообще и въ частности на цѣль даннаго движенія: «Университетское преподаваніе характеризуется своимъ методомъ. Цѣль его выяснить и освѣтить основныя положенія изучаемаго предмета, причемъ упражняются всѣ умственныя способности студента, и онъ ставится на прямую дорогу, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ изслѣдователемъ, если только онъ не лишень способностей и желанія продолжать свои занятія. Если такова задача университетскаго преподаванія вообще, то она остается безъ измѣненія и при распространеніи университетскаго преподаванія тѣмъ или инымъ обществомъ». Таково же мнѣніе по вопросу о задачѣ интересующаго насъ движенія одного студента ремесленника, высказанное имъ г-ну Робертсу:

«Высшее образованіе не ограничивается приобрѣтеніемъ однихъ только знаній; оно заключается въ усвоеніи знанія, связанномъ со

способностью прилагать его къ будущимъ цѣлямъ». Вполнѣ раздѣляетъ этотъ вопросъ и Оксфордскій университетъ въ лицѣ своего представителя: «Помимо элементарнаго образованія, говоритъ онъ, и специальныхъ видовъ техническаго и профессиональнаго, существуетъ еще потребность *высшаю*, которое развиваетъ духъ до высшихъ предѣловъ его возможной дѣятельности, расширяетъ разумъ и даетъ возможность одинаково, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ наилучшимъ и самымъ плодотворнымъ образомъ пользоваться ихъ досугомъ»—«До сихъ поръ, по мысли представителя Оксфордскаго университета, такое образованіе было лишь привилегіей лицъ, посѣщавшихъ университеты (которыхъ такъ мало въ странѣ), но описанное движеніе (University Extension) имѣетъ своей цѣлью *доставитъ по возможности всѣмъ выгоды университетскаго образованія* также тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ поступить въ университетъ».

Надо имѣть въ виду при этомъ, что цѣль англійскихъ университетовъ не такова, какъ цѣль нашихъ: англійскіе университеты стремятся дать общее развитіе своимъ слушателямъ, тогда какъ наши, главнымъ образомъ, готовятъ специалистовъ по той или иной профессіи: медиковъ, юристовъ и т. д. Движеніе для распространенія университетскаго образованія, являясь продолженіемъ дѣятельности англійскихъ университетовъ, остается вѣрнымъ ихъ основной задачею—дать своимъ слушателямъ *общее высшее* образованіе.

Такому пониманію основной задачи движенія вполнѣ соотвѣтствуетъ практическая постановка дѣла, чему не мало содѣйствовало дѣятельное участіе въ выработкѣ ея со стороны англійскихъ университетовъ. Незамѣнимая роль университетовъ въ интересующемъ насъ движеніи была указана, еще при самомъ возникновеніи послѣдняго, подаателями петиціи изъ Нотингама, въ которой они писали: «Замѣчено, что людьми, дѣйствительно способными привлекать и учить рабочихъ, должны быть лица, вполнѣ овладѣвшія своимъ предметомъ, способныя не только прочесть лекцію, но и разъяснить вопросы, вызванныя ею. Это становится очевиднымъ, если принять во вниманіе, въ общемъ, довольно высокій уровень элементарнаго образованія, природную интеллигентность рабочихъ данной мѣстности и постоянныя разсужденія ихъ по специальнымъ и политическимъ вопросамъ. Оказать помощь въ данномъ дѣлѣ могутъ только университеты, и такъ какъ рабочіе лишены возможности посѣщать ихъ, то они просятъ университеты готовить и снабжать всѣмъ необходимымъ достаточно свѣдующихъ лекторовъ, которые могли бы руководить вечерними занятіями рабочихъ и наряду съ этимъ помогали бы систематическому образованію и другихъ, болѣе или менѣе образованныхъ лицъ той же мѣстности, распространяя такимъ образомъ университетское образованіе во всѣхъ слояхъ общества. Университеты, какъ мы видѣли выше, вняли этой просьбѣ, и въ настоящее время, они не только посылаютъ въ провинцію лекторовъ и экзаменаторовъ, снабжая первыхъ всѣмъ необходимымъ для чтенія лекцій и руководства домашнимъ чтеніемъ, наряду съ практическими занятіями, но они же выработали рядъ послѣдовательныхъ программъ для чтенія

лекцій по предметамъ, имѣющимъ общій интересъ; именно по естественно-математическому отдѣлу (для лекцій по химіи, физикѣ, физиологіи растеній и животныхъ, зоологіи, ботаникѣ, геологіи, физической географіи и минералогіи) и для чтенія курсовъ по наукамъ историческимъ и общественнымъ (именно: по англійской конституціонной исторіи, политической экономіи, логикѣ, всеобщей исторіи, исторіи церковной, по англійскому языку, литературѣ, законовѣдѣнію и философіи). Крімъ того, университеты входятъ въ сношеніе съ городами, гдѣ находится достаточно слушателей для предстоящихъ лекцій и располагаютъ чтенія такимъ образомъ, чтобы, прочтя курсъ въ одномъ городѣ, лекторъ могъ бы, не теряя времени, начать чтеніе лекцій въ другомъ, имѣя такимъ образомъ постоянную работу. При такомъ устройствѣ чтеній естественно понижается расходъ каждаго отдѣльнаго города на плату лектору, и является возможность уменьшать стоимость входныхъ билетовъ, давая такимъ образомъ доступъ къ слушанію лекцій бѣднѣйшей части жителей. Обыкновенно еще за нѣсколько времени до пріѣзда лектора въ городъ, гдѣ ему предстоитъ читать, каждому слушателю присылается краткій конспектъ чтеній съ подробнымъ указаніемъ литературы по предмету лекцій и затѣмъ, только спустя нѣкоторое время, пріѣзжаетъ самъ лекторъ. Если къ его пріѣзду у слушателей накопилось много невыясненныхъ вопросовъ, о которыхъ они хотѣли знать мнѣніе лектора, то еще до начала лекцій у нихъ бываетъ «объяснительный классъ» съ лекторомъ. Эта бесѣда имѣетъ большое значеніе для слушателей, выясняя имъ цѣлый рядъ животрепещущихъ вопросовъ повседневной жизни и носить обыкновенно очень оживленный характеръ.

Вотъ какъ описываетъ одну изъ подобныхъ бесѣдъ по политической экономіи лекторъ въ рабочемъ округѣ въ Йоркѣ: «Занятіе во вторникъ было для меня сюрпризомъ. Мнѣ казалось труднымъ дѣломъ наполнить часъ, а между тѣмъ цѣлый рядъ жгучихъ вопросовъ и остроумныхъ доводовъ такъ и не смолкали въ теченіе часа. Повидимому, аудитория была заинтересована предметомъ». Но чаще такой объяснительный классъ бываетъ послѣ лекцій для болѣе подробнаго выясненія вопроса, изложеннаго въ лекціи и для рѣшенія практическихъ задачъ. Обыкновенно лекторъ читаетъ 12 или 10 лекцій подрядъ (въ районѣ Кембриджа и Лондона) и не болѣе шести лекцій (въ районѣ Оксфорда).

Дополненіемъ къ лекціямъ служатъ «кружки домашняго чтенія», составляющіеся изъ самихъ студентовъ, которые устраиваютъ чтенія подъ руководствомъ лица, назначеннаго университетомъ. Этотъ руководитель доставляетъ каждому кружку необходимый для прочтенія списокъ книгъ, обыкновенно на трехмѣсячный срокъ впередъ и при этомъ указываетъ порядокъ чтенія и даетъ необходимые, по его мнѣнію, совѣты. Лекторы оксфордскаго университета снабжены сверхъ того летучей библіотеккой. «Кружки домашняго чтенія» имѣютъ особенно важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда слушатели, по бѣдности, должны ограничиться посѣщеніемъ незначительнаго числа лек-

цій, какъ, напимѣрь, въ Оксфордѣ. Лѣтомъ устраиваются практическія занятія по химіи, палеонтологіи и архитектурѣ съ иллюстраціями при помощи коллекцій изъ университетовъ или коллекцій, составленныхъ самими рабочими.

Нѣсколько рабочихъ имѣютъ теперь возможность ежегодно проводить часть лѣта въ Кембриджѣ.

Устроилось это дѣло по иниціативѣ двухъ углекоповъ изъ Нортумберланда, проведенныхъ три дня въ Кембриджѣ, въ гостяхъ у лектора. Когда хозяинъ повелъ гостей черезъ прекрасную бібліотеку, то одинъ изъ рабочихъ выразилъ сожалѣніе, что сокровища ея остаются недоступными для его товарищей. Вопросъ обсудили и при помощи частныхъ пожертвованій устроили дѣло такъ, что нѣсколько рабочихъ могутъ проводить мѣсяць въ Кембриджѣ. Эти посѣщенія университета студентами провинціальныхъ центровъ создаютъ тѣсную связь между ними и университетомъ и даютъ послѣдному возможность лично ознакомиться съ преподаваніемъ въ провинціи. Но еще болѣе близкую связь между университетомъ и его слушателями создалъ законъ 1886 г. объ «усыновленіи» (affiliation) кружковъ или «мѣстныхъ обществъ» и студентовъ, слушающихъ лекціи въ этихъ кружкахъ. Усыновленіе «мѣстнаго общества» состоитъ въ томъ, что университетъ посылаетъ туда своихъ лекторовъ и экзаменаторовъ, при чемъ «мѣстное общество» становится какъ-бы провинціальнымъ отдѣленіемъ университета, раздвинувшаго такимъ образомъ свои стѣны на многіе десятки верстъ. Усыновляются обыкновенно всѣ мѣстные общества, желающія этого, при условіи постоянного чтенія въ нихъ лекцій. Что-же касается слушателей этихъ кружковъ, то «усыновленіе» ихъ можетъ состояться лишь въ томъ случаѣ, когда они, во-первыхъ, удовлетворительно исполняли всѣ недѣльные работы, аккуратно посѣщая при этомъ лекціи и, во-вторыхъ, успѣшно выдержали экзаменъ по шести предметамъ одной группы и двумъ другой. Два предмета другой группы вводятся съ цѣлью избѣжать односторонности въ образованіи слушателя.

Послѣ удовлетворительнаго окончанія экзамена студентъ получаетъ свидѣтельство, дающее ему право держать экзаменъ на ученую степень въ университетѣ черезъ два года, вмѣсто трехъ, подвергаясь при этомъ только легкому экзамену по латинскому языку, по одному изъ новыхъ и математикѣ. Но здѣсь не столько дорого это право, какъ дорогъ постоянный контроль со стороны университета за правильной постановкой дѣла высшаго образованія въ провинціи при помощи экзаменовъ, въ высшей степени также дорого то обстоятельство, что путемъ усыновленія лицъ, выдержавшихъ экзаменъ, университетъ вводитъ совершенно новый типъ слушателей въ свою, прежде столь замкнутую, аристократическую семью. Послѣднее обстоятельство было выгодно не только усыновленнымъ студентамъ, но и самимъ университетамъ, принявшимъ ихъ въ свою семью. Новые слушатели, казалось, внесли съ собою свѣжую струю въ древнія хранилища науки. Они страстно ждали отъ университета выясненія жгучихъ вопросовъ дня и великихъ явленій природы. Имъ некогда было тратить

время на лингвистическія тонкости, въ которыхъ утопалъ старый университетъ, а масса невыясненныхъ для нихъ вопросовъ какъ въ жизни природы, такъ и общества, побуждала давать имъ только самое цѣнное и существенное въ каждой наукѣ. И старый университетъ пошелъ на встрѣчу этимъ потребностямъ, рѣшивъ измѣнить прежнее преподаваніе литературы и древнихъ языковъ и начать широкую популяризацию всѣхъ научныхъ свѣдѣній, которая, только полезна самой наукѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено было болѣе серьезное отношеніе къ дѣлу со стороны настоящихъ студентовъ, а экзамены показали, что ихъ новые братья въ цѣломъ рядѣ случаевъ стоятъ выше нихъ, а ужъ никакъ не ниже. Такъ экзаменаторъ по политической экономіи въ Петней и Уимблдонѣ признаетъ, что отвѣты смѣшанной толпы экзаменующихся при курсахъ обществъ распространенія университетскаго образованія гораздо выше отвѣтовъ настоящихъ оксфордскихъ студентовъ; то же говоритъ экзаменаторъ въ Ньюкестлѣ по курсу электричества; съ нимъ согласны отзывы экзаменаторовъ, помѣщенные въ отчетахъ Лондонскаго Общества, по геологіи, физиологіи, общей литературѣ и по предмету англійской литературы.

Эти отзывы съ полной очевидностью показываютъ, что характеръ дѣятельности «Общества распространенія университетскаго образованія» вполне можетъ быть признанъ *«университетскимъ—высшимъ»*.

Теперь посмотримъ, что помогло обществу распространенія университетскаго образованія такъ удачно выполнять свою задачу и побѣдоносно преодолевать въ цѣломъ рядѣ случаевъ возникавшія препятствія?

А препятствія были и немаловажныя: значительная часть слушателей, были рабочіе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они являлись исключительными посѣтителями лекцій и, конечно, вездѣ ихъ сопровождала бѣдность и связанная съ нею затрудненія: нечѣмъ было платить лектору, не было помѣщенія для чтенія лекцій, поздно оканчивалась дневная работа, а иногда и ночью приходилось дежурить въ шахтахъ.

Намъ думается, что одной изъ основныхъ причинъ успѣха движенія была организація, на встрѣчу которой такъ умѣло, охотно и сознательно пошли всѣ участники дѣла. Эта организація сообщила движенію единство, упорядоченность и непрерывность и дала возможность вести дѣло съ наименьшей затратой силъ, времени и матеріальныхъ средствъ. Но не меньшее вліяніе на успѣхъ дѣла имѣло также доброе отношеніе къ нему со стороны всѣхъ его участниковъ. Большую услугу оказало распространенію университетскаго образованія безукоризненное отношеніе женщинъ, явившихся его горячими сторонницами; помогли ему и частныя лица, но значеніе беззаветной и самоотверженной борьбы людей за высшее знаніе движеніе это приобрѣло лишь благодаря энтузіазму рабочихъ, который невольно вызвалъ со всѣхъ сторонъ сочувствіе и поддержку движенія. Особенно отзывчивость проявили къ потребности рабочихъ въ знаніи лучшіе представители интеллигенціи средняго класса. Вотъ факты, го-

ворящіе объ этой нелегкой борьбѣ англійскихъ рабочихъ за образование.

Въ Комборнѣ, въ Корнвалисѣ, гдѣ лекціи читались подъ руководствомъ Оксфордскаго университета, ночная работа мѣшала еженедѣльному посѣщенію вечернихъ лекцій. Возможно было приходиться только черезъ недѣлю.

Не смотря на это, по крайней мѣрѣ двое рабочихъ, получившихъ свидѣтельство, работали каждый разъ всю ночь послѣ вечерней лекціи, и здѣсь былъ случай, что рабочій провелъ на работѣ весь день до чтенія лекціи и всю ночь послѣ него. Одинъ рабочій писалъ: «Я зналъ нѣсколькихъ рабочихъ, ходившихъ за шесть миль на лекціи. Мало этого, мнѣ извѣстны также лица, проходившія съ этою цѣлью 10 миль. Два брата, жившіе за пять миль отъ центра ѣздили на лекціи, а назадъ возвращались домой ночью, пѣшкомъ, по очень скверной дорогѣ, иногда въ ужасную погоду. Они успѣшно выдержали экзамень и открыли въ своей деревнѣ центръ». Въ Берли одна ткачиха, чтобы выиграть время для лекцій, пожертвовала своимъ обѣденнымъ часомъ и съ той же цѣлью ухитрилась, работая на станкѣ, заниматься чтеніемъ въ промежуткѣ смѣнъ. Въ Нортумберландѣ былъ прочитанъ курсъ лекцій по политической экономіи, въ числѣ смѣшанной аудиторіи были также углекопы сосѣднихъ деревень. Проникнутые энтузіазмомъ къ намѣченной программѣ, они обошли въ теченіе лѣта округъ углекоповъ, устраивали митинги въ деревняхъ, гдѣ жили углекопы и въ такой степени возбудили интересъ къ чтеніямъ, что въ теченіе слѣдующей зимы чтеніе посѣщали, въ общей сложности въ 5 центрахъ, 1.300 рабочихъ. Экзаменовались по окончаніи курса болѣе 40 человекъ и только 2 изъ нихъ не получили свидѣтельствъ. Такой интересъ возбуждала не только политическая экономія, освѣщающая повседневную жизнь рабочихъ, и потому имѣющая для нихъ особый интересъ. Здѣсь же мы встрѣчаемъ и просто любовь къ знанію, которая оказалась въ слушаніи лекцій по исторіи Англій, по геологіи, химіи, физиологіи, физической географіи и по англійской литературѣ. Углекопы достигали значительныхъ успѣховъ въ избранныхъ ими отрасляхъ, одинъ изъ нихъ, не прошедшій элементарной школы и ребенкомъ начавшій работать въ шахтѣ, мастерски изучилъ нѣкоторыя отрасли англійской литературы. Другіе сдѣлались очень знающими геологами, составившими себѣ коллекціи ископаемыхъ и хорошіе препараты для микроскопа. Эти успѣхи пробуждаютъ въ рабочихъ горячій энтузіазмъ къ знанію, вотъ примѣръ такого отношенія: «мнѣ крайне жаль прожитыхъ мною 34 годовъ: съ девяти лѣтъ я спустился въ шахты и смотрѣлъ съ ненавистью на науку, какъ на врага религіи. Я не могъ себѣ представить, какое наслажденіе можетъ доставить мышленіе. Теперь я сбросилъ оковы и стремлюсь впередъ; тоже замѣчается среди многихъ нашихъ рабочихъ». Къ сожалѣнію, на пути этихъ плодотворныхъ стремленій лежитъ бѣдность и нерѣдко тормозитъ ихъ. Вотъ что писалъ по этому поводу одинъ рабочій: «Я и другіе рабочіе жаждемъ того, о чемъ просилъ нѣмецкій поэтъ Гете: «Побольше свѣта», но если намъ придется дорого платить за лекціи, то я боюсь,

что мы принуждены будемъ остаться въ темнотѣ». «Хлѣбный вопросъ предшествуетъ вопросу объ образованіи, а въ наши дни борьба за кусокъ хлѣба не легка. Увеличеніе платы повлекло бы за собой уменьшеніе хлѣба въ семьяхъ слушателей лекцій», писалъ другой рабочій. Характерно, что подобные бѣдняки рабочіе, быть можетъ, тоже рискуя уменьшить количество хлѣба у себя за столомъ, покупаютъ билеты для слѣпыхъ. Вышло это такимъ образомъ: одинъ слѣпой изъ «Дома слѣпыхъ», побывавъ на лекціи, рассказалъ объ этомъ своимъ товарищамъ въ такихъ яркихъ чертахъ, что возбудилъ и въ нихъ интересъ; всѣ рѣшили запастись билетами, но средствъ для покупки ихъ не хватило, приходилось отказаться отъ этой заманчивой мысли. Объ этомъ узналъ одинъ изъ рабочихъ комитета и устроилъ среди своихъ друзей подписку для покупки билетовъ для слѣпыхъ, и послѣдніе получили возможность прослушать курсъ.

Подобнымъ же образомъ поступилъ союзъ точильщиковъ, купившій билеты для слушанія политической экономіи всѣмъ молодымъ людямъ своего ремесла, въ возрастѣ отъ 18—21 г. Если до сихъ поръ многіе рабочіе не посѣщаютъ лекцій, то виной тому ихъ бѣдность. Такъ было въ Йоркѣ, гдѣ на лекціяхъ политической экономіи почти не было изъ рабочихъ. Желая узнать причину ихъ отсутствія, открыли всѣмъ даровой входъ. Явилось болѣе 500 рабочихъ.

Впослѣдствіи удалось понизить плату, и среднее число посѣтителей равнялось 125. Рабочіе однако не опускаютъ рукъ передъ матеріальными затрудненіями: они устраивали выставку своихъ издѣлій, чтобы собрать деньги на плату за лекціи; они стремились привлечь побольше лицъ къ слушанію лекцій, что давало возможность понизить плату за входные билеты и при этомъ не жалѣли ни силъ, ни времени; они же неоднократно собирали деньги по подпискѣ въ своей средѣ и обращались за помощью къ «союзамъ рабочихъ», въ составъ которыхъ входили и сами. Вотъ одно изъ такихъ воззваній, полно и ярко обрисовывающее взглядъ рабочихъ на значеніе распространенія университетскаго образованія:

«Лица, стремящіяся поддержать распространеніе университетскаго образованія»,—говорили податели воззванія союзу углекоповъ,—«обращаются къ вамъ съ просьбой помочь деньгами этому дѣлу: Они спрашиваютъ васъ—хотите-ли вы, чтобы образованіе, составлявшее до сихъ поръ монополію богатыхъ классовъ, было также доступно вашему классу? Хотите-ли вы содѣйствовать уничтоженію пропасти, раздѣляющей различныя классы общества и снять клеймо невѣжества, тяготящее надъ рабочими классами? Вы, чьиими руками дѣлается вся черная работа общества; вы, чьи физическія силы напрягаются до послѣднихъ предѣловъ, отъ васъ зависитъ теперь дать возможность развиваться тѣмъ умственнымъ и нравственнымъ сторонамъ, которыми вы обладаете наравнѣ съ другими людьми. Намъ кажется лишнимъ напоминать, что именно эти стороны ставятъ человѣка выше животныхъ и что, только развивая ихъ, можно оцѣнить жизнь. Произведенія нашихъ великихъ поэтовъ, художниковъ и скульпторовъ до сихъ поръ составляютъ монополію тѣхъ, кто можетъ платить за высшее образованіе.

Красоты природы непонятны рабочему. Хотите вы доставить своему классу возможность наслаждаться ими? Хотите вы, чтобы рабочий возмужалъ въ умственномъ отношеніи и избавился впредь отъ сознанія своего умственного убожества?

«Комитетъ проситъ васъ принять къ свѣдѣнію, что, несмотря на успѣхъ движенія среди углекоповъ Нортумберланда, суммы, необходимыя для поддержанія его, приходилось собирать съ величайшими усиліями. Эти усилія требуютъ слишкомъ большой затраты труда и не могутъ впредь продолжаться. Суммы, которыми вы располагаете, не найдутъ лучшаго употребленія. Теперь наступилъ рѣшительный моментъ въ борьбѣ съ давнишнимъ врагомъ вашего класса—умственной темнотой. Вниманіе къ вамъ и помощь вашему дѣлу со стороны общества и законодательства зависятъ отъ вашего умѣнья защитить собственные интересы путемъ печати и публичныхъ рѣчей. Увеличеніе платы за вашу трудъ зависитъ отъ искусства вашихъ представителей въ третейскихъ судахъ. Такимъ образомъ, вопросъ о заработной платѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ образованія. Если вы сами не нуждаетесь въ высшемъ образованіи, все-же вы поможете образованію людей, отъ умственного развитія которыхъ зависитъ высота вашей заработной платы и большее или меньшее вниманіе къ вашимъ нуждамъ со стороны общественнаго мнѣнія и законодательства».

Комитетъ, подающій вамъ эту записку, состоитъ преимущественно изъ членовъ вашего союза. Всѣ они люди, личнымъ опытомъ узнавшіе, какъ трудно пріобрѣтать знанія безъ помощи хорошихъ учителей. Четырехлѣтнее знакомство съ движеніемъ распространенія университетскаго образованія показало имъ, насколько полно оно удовлетворяетъ потребностямъ рабочихъ классовъ. Они убѣдительнѣе просятъ васъ поддержать это движеніе изъ вашихъ средствъ. Навѣрное вы, столь многимъ обязанные борьбѣ и жертвамъ вашихъ отцевъ, вы не откажете поддержать движеніе, которое сравняетъ вашихъ дѣтей съ дѣтьми богатыхъ и образованныхъ классовъ».

Нортумберландскій союзъ углекоповъ серьезно обсудилъ просьбу своихъ учащихся братьевъ, но, къ сожалѣнію, денежнаго пособия не выдалъ. Откликнулся на это воззваніе Кембриджскій университетъ и собралъ въ своихъ стѣнахъ 150 ф., посланныхъ въ Нортумберландъ. Эта сумма, вмѣстѣ съ прочими частными пожертвованіями, поддержала движеніе въ Нортумберландѣ вплоть до злополучной стачки 1887 г., повергнувшей мѣстное населеніе въ крайнюю нищету...

Вотъ и опять свѣтлая картина движенія омрачилась экономическимъ положеніемъ рабочихъ. Но они не теряютъ твердости и надежды на лучшее будущее. Вотъ что пишетъ одинъ изъ нихъ:

«Передъ нами часть населенія, жаждущаго знанія; издалека приходятъ они почерпнуть эти знанія на лекціяхъ, приходятъ во всякую погоду, по самой ужасной дорогѣ. Главной помѣхой въ ихъ стремленіяхъ является бѣдность. Мы должны бороться съ этимъ препятствіемъ, насколько станеть силъ, мы должны показать такимъ образомъ, что заслуживаемъ посторонней помощи. Изъ нашихъ элементарныхъ школъ выходитъ въ настоящее время поколѣніе, вкусившее отъ древа познанія. Съ надеждой гляжу я въ будущее, когда этому поколѣнію

будетъ принадлежать управленіе средствами нашихъ ремесленныхъ и кооперативныхъ обществъ».

И дѣйствительно, въ описанномъ нами движеніи много свѣтлага, заставляющаго вѣрить въ лучшее будущее страны, гдѣ оно происходитъ... Отраднымъ является доходящій до самопожертвованія энтузіазмъ рабочихъ къ высшему знанію, ихъ умѣнье объединиться и сообща, энергично и настойчиво преслѣдовать намѣченную цѣль, и, наконецъ, ихъ великодушная готовность помочь другимъ, болѣе обездоленнымъ или безпомощнымъ братьямъ. Бодрящее впечатлѣніе производитъ и то, что «классы народа, наиболѣе раздѣленные въ Англіи глубокой соціальной пропастью и представляющіе тамъ два непріязненные лагеря, вступаютъ теперь черезъ посредство новаго движенія и университетскаго образованія въ дружественныя отношенія и стараются говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ, какъ равный съ равнымъ, жить одной и тою же умственной пищей и преклоняться предъ одними и тѣми же идеалами». Утѣшительно, наконецъ, и то, что нѣкоторые лучшіе представители средняго класса охотно протягиваютъ руку помощи рабочимъ подѣ влияніемъ сознанія вѣковой несправедливости къ нимъ и горячаго желанія искупить свою вольную и невольную вину, что такъ задушевно выразилъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ представителей этой интеллигенціи, Тойнби, въ своей почти предсмертной рѣчи къ народу:

«Мы, представители средняго класса, мы до сихъ поръ пренебрегали вами; вмѣсто справедливости мы подавали вамъ подачки благотворенія, а вмѣсто симпатіи мы давали вамъ часто одни лишь жесткіе и неосуществимые совѣты; но я думаю, что мы теперь начинаемъ измѣняться къ лучшему. Еслибъ только вы захотѣли повѣрить намъ и на насъ положиться, я думаю, что многіе изъ насъ готовы посвятить жизнь свою на служеніе вамъ. Вы должны, говорю я смѣло, оказать снисхожденіе и простить намъ наши несправедливости; мы пагубно грѣшили противъ васъ,—правда, не всегда сознательно, но все-таки грѣшили, и въ этомъ намъ приходится сознаться; но если вы насъ простите,—нѣтъ, даже независимо отъ того, простите вы или нѣтъ,—мы обѣщаемъ служить вамъ, мы посвятимъ всю нашу жизнь на вашу пользу,—большаго, конечно, мы сдѣлать не можемъ. Мы, люди науки, мы желаемъ помочь вамъ и лишь не знаемъ, какъ это лучше исполнить. Мы готовы пожертвовать для васъ, для народа благомъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ сама слава и общественное положеніе. Мы готовы отказаться отъ образа жизни, къ которому мы привыкли; мы готовы бросить наши книги и жизнь среди любимыхъ нами людей. И мы сдѣлаемъ это»...

Е. Д.

Значеніе духовенства въ исторіи народнаго образованія въ Россіи.

II *).

Съ половины XIII вѣка начинается новый періодъ въ исторіи народнаго образованія въ Россіи. Періодъ этотъ, характеризующійся общимъ измѣненіемъ въ состояніи школьно-образовательнаго дѣла въ Россіи и продолжающійся до времени Петра I, распадается на слѣдующія три, довольно ясно отличающіяся другъ отъ друга, части: 1-ая изъ нихъ обнимаетъ время съ половины XIII до половины XV в., въ продолженіе котораго народное образованіе, одинаковое на сѣверѣ и на югѣ Россіи, не измѣнившись нисколько въ своихъ коренныхъ принципахъ, претерпѣло тѣмъ не менѣе нѣкоторыя измѣненія въ своемъ внѣшнемъ развитіи, которое должно было нѣсколько затормозиться; 2-ая образуетъ послѣдующее время съ половины XV вѣка, характеризующееся на сѣверѣ полнымъ упадкомъ народнаго образованія, а на югѣ, наоборотъ,—его высшимъ развитіемъ и продолжающееся на сѣверѣ до половины XVII вѣка, а на югѣ до самаго конца періода, до Петра I; съ половины XVII вѣка, наконецъ, народное образованіе на сѣверѣ Россіи входитъ въ третью стадію своего развитія, которая и продолжается до петровской реформы начала XVIII вѣка.

Событіемъ, положившимъ начало новому періоду въ исторіи народнаго образованія въ Россіи, было нашествіе монголовъ, которое имѣло такое неблагоприятное вліяніе на всѣ стороны жизни русскаго народа, а въ томъ числѣ и на культурно-образовательную. Правда, покоривъ Русь, «монголы въ мирное время отнюдь не препятствовали русскимъ (по крайней мѣрѣ, о препятствіяхъ не сохранилось ни одного извѣстія) учиться грамотѣ и поддерживать или вновь открывать школы, какъ не препятствовали строить и возобновлять церкви и монастыри, какъ не вмѣшивались вообще во внутренніе порядки нашей общественной и особенно церковной жизни. А, ограждая духовенство отъ всякихъ притѣсненій, подтверждая его права и льготы, предоставляли ему полную возможность, по прежнему, заниматься науками и распространеніемъ грамотности въ народѣ»**). Это взглядъ митр. Макарія; но онъ не обращаетъ вниманія на то, что уже одно появленіе

*) 1-ую статью см. въ 3 № (Мартъ) «Образованіе» за 1895 г.

***) Макарій, т. V, Спб. 1886 г., стр. 128—129.

татаръ, сопровождавшееся такимъ ураганомъ событій, не могло не отразиться самымъ вреднымъ образомъ на состояніи у насъ просвѣщенія. «Разрушеніе городовъ, говоритъ Лавровскій, въ которыхъ по преимуществу и сосредоточивалось обученіе, страшное опустошеніе и оскудѣніе страны, гибель несмѣтнаго числа народа и глубокое отчаяніе удѣлѣвшихъ отъ меча непріятельскаго,—все это такъ сильно поколебало наши училища, что съ этого времени начинается періодъ ихъ быстраго упадка» *). А между тѣмъ однимъ первымъ нашествіемъ не ограничились разрушительныя дѣйствія татаръ: послѣ него дикія татарскія полчища продолжали свои опустошительныя набѣги на Русь, и каждый разъ при этомъ, какъ и при первомъ нашествіи, истреблялись города, села, церкви, монастыри, школы и множество книгъ.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи нужно самымъ строгимъ образомъ отличать судьбу собственной Руси (нынѣшней Малороссіи) и сѣверо-восточныхъ русскихъ областей. Появившись въ Россіи, монголы всю тяжесть своего нашествія и послѣдовавшаго затѣмъ владычества дали почувствовать собственно южной ея половинѣ. Они прошли ее два раза и, начавши съ самой восточной, достигли во второй разъ самой западной ея границы, предавая все, встрѣчавшееся на пути, огню и мечу. Самая цвѣтушая ея область, Кіевская, была ими совершенно опустошена. Самъ Кіевъ съ его Софійской бібліотекой и Печерскимъ монастыремъ, въ которомъ сосредоточивалась вся литературная дѣятельность того времени, былъ совершенно разоренъ. То же случилось и съ Черниговомъ, и съ древнимъ Галичемъ, и съ Владимиромъ. Затѣмъ, когда, послѣ покоренія Руси, татары осѣли въ ея юго-восточныхъ степяхъ, то опять-таки такое близкое сосѣдство ихъ съ южно-русскими областями не могло не отразиться на послѣднихъ самымъ пагубнымъ образомъ.

Не то было съ сѣверно-русскими областями. Въ свое первое нашествіе татары разорили главнымъ образомъ Рязанское и Владимирское княжества. Но ни то, ни другое въ то время не имѣли почти никакого культурнаго значенія. А между тѣмъ тотъ городъ, который представлялъ тогда на сѣверѣ Россіи дѣйствительный культурный центръ и вообще игралъ тамъ почти такую-же роль, какую на югѣ игралъ Кіевъ,—этотъ городъ остался цѣль и невредимъ. Мы говоримъ о Новгородѣ, до котораго, какъ извѣстно, татары не дошли. Въ послѣдующее время, благодаря отдаленному положенію татарской орды, сѣверъ Россіи также былъ гораздо болѣе свободенъ отъ тѣхъ опасностей, которыя постоянно грозили нашему югу. Благодаря этому, народное образованіе на сѣверѣ и югѣ Россіи сразу-же должно было стать въ равныя условія. Если для южно-русскихъ областей татарское нашествіе явилось тѣмъ тормазомъ, который долженъ былъ значительно задержать начавшееся въ нихъ и достигшее значительной степени развитія просвѣтительное движеніе, то этого никакъ нельзя сказать о сѣверѣ Россіи; монгольское нашествіе не было для него

*) Лавровскій. стр. 6.

такой неотразимой тормозящей силой, а пребываніе здѣсь великихъ князей, перенесшихъ сюда свой престолъ еще со времени Андрея Боголюбскаго, и митрополитовъ, которые должны были оставить Кіевъ и все болѣе и болѣе утверждавшихся во Владимірѣ, должно было, напротивъ, способствовать дальнѣйшему развитію здѣсь просвѣщенія: какъ тѣ, такъ и другіе, какъ извѣстно, пользовались отъ хановъ особыми привилегіями, которыя давали имъ возможность быть въ значительной степени независимыми въ своихъ дѣйствіяхъ. И однакоже, не смотря на все это, въ дѣйствительности мы видимъ какъ разъ наоборотъ. Послѣ монгольскаго нашествія уровень народнаго образованія на югѣ Россіи оказывается нисколько не ниже, чѣмъ на сѣверѣ; мало того, современемъ этотъ уровень на югѣ сталъ все болѣе и болѣе повышаться, между тѣмъ какъ на сѣверѣ онъ все болѣе и болѣе падаетъ, пока, наконецъ во второй половинѣ XVI в. они не дошли до противоположностей maximum'a и minimum'a.

Что-же за причина такого, повидимому, страннаго явленія? Очевидно, главная причина упадка у насъ народнаго просвѣщенія послѣ монгольскаго нашествія кроется не въ самомъ этомъ нашествіи, какъ бы оно ни было въ этомъ отношеніи губительно, а въ тѣхъ побочныхъ обстоятельствахъ, которыя повлекло за собою монгольское иго. Такимъ обстоятельствомъ служило нарушеніе монголами той связи, которая существовала въ древности между Русью съ одной стороны и Византіей и юго-славянскими землями съ другой. «Связь съ Византіей, говорилъ Соловьевъ, была въ древнее время у насъ постоянная; отсюда приходили митрополиты и епископы; греческія царевны выходили замужъ за нашихъ князей, наши княжны выходили за греческихъ царевичей, путешествовали въ Константинополь, Іерусалимъ, какъ, напр., Янка Всеволодовна, св. Евфросинія Полоцкая; путешествовали въ Іерусалимъ духовныя лица, простые люди и т. д.»*). Но что важнѣе всего, такъ это то, что Византія была для насъ источникомъ просвѣщенія; отсюда приходили къ намъ ученые духовныя лица; отсюда же получались у насъ книги, которыя потомъ переводились, переписывались и служили средствомъ къ образованію русскаго общества. Вслѣдъ за Византіей подобную роль играли для насъ и юго-славянскія земли и именно Болгарія, изъ которой мы получили переводъ священныхъ книгъ, а равно получали и нѣкоторыя другія переводныя и оригинальныя сочиненія.

Съ нашествіемъ монголовъ положеніе дѣлъ должно было измѣниться. Правда, взаимныя культурныя и церковно-религіозныя сношенія Россіи съ Балканскими землями не прекратились послѣ этого окончательно. Русскіе люди по-прежнему продолжали путешествовать на Востокъ, нерѣдко оставаясь тамъ на болѣе или менѣе продолжительное время для списыванія книгъ **). Греки и южные славяне то-

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. III. М. 1870 г., стр. 85.

**) См. напр., Путешествіе Стефана новгородца (пол. XIV в.). Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: «Наутріе... идохомъ... по святымъ монастырямъ и обрѣтохомъ на пути Ивана и Добрилу, своихъ новгородцевъ,... и нынѣ живутъ туто списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ святаго писанія, зане бо искуси зѣло

же иногда являлись къ намъ и иногда даже оставляли довольно замѣтный слѣдъ въ нашей литературѣ; таковы были, напр., митрополиты: Киприанъ, Фотій и Григорій Цамблакъ. Но и то и другое теперь могло совершаться не безъ значительныхъ затрудненій: татарская орда, осѣвшая на юго-востоѣ Россіи и распространившая свои кочевья чуть-ли не по всей ея южной границѣ, явилась сильнымъ препятствіемъ къ сохраненію прежнихъ духовно-литературныхъ связей. Во всякомъ случаѣ о прежнемъ могучемъ культурномъ вліяніи Византіи на нашу Русь теперь не могло быть и рѣчи. Прибавимъ къ этому, что скоро послѣ нашествія на Русь татаръ, подобному, и при томъ гораздо болѣе губительному, нашествію со стороны турокъ подверглись юго-славянскія земли, а за ними въ половинѣ XV в. пала и Византія, уже и безъ того давно тѣснямая и разоряемая варварами. Литература послѣ этого въ Болгаріи пришла въ полный упадокъ, а византійскіе ученые, спасаясь отъ неистовства турокъ, ушли на Западъ, въ Римъ, унеся съ собою и много памятниковъ греческой науки и искусства и положивши тамъ начало тому періоду литературнаго движенія, который извѣстенъ подъ именемъ эпохи возрожденія *).

Такимъ образомъ, тотъ источникъ, изъ котораго такими широкими ручьями лилось доселѣ на Русь духовное просвѣщеніе, былъ загражденъ для насъ, а вскорѣ и самъ изсякъ. Необходимо было, поэтому, обратиться къ какому-нибудь новому источнику, который-бы замѣнилъ собою прежній византійскій. Такимъ именно источникомъ и могъ явиться для насъ въ то время, только Западъ, гдѣ культура была почти такъ же древня, какъ и на Востоѣ, а уровень христіанскаго просвѣщенія былъ нисколько не ниже, чѣмъ тамъ. Но вотъ здѣсь-то, въ отношеніи къ этому новому источнику, и обнаружилась вся разность въ духовномъ складѣ и возрѣніяхъ русскихъ племенъ на югѣ и на сѣверѣ. Въ то время, какъ южные русскіе безъ всякаго колебанія-обратились къ Западу и съ такимъ же рвеніемъ, какъ прежде изъ Византіи, обильно стали черпать отсюда все, что могло послужить къ ихъ просвѣщенію, сѣверъ Россіи остался глухъ къ требованіямъ новаго времени и, лишившись просвѣтительнаго источника въ Византіи, ни за что не рѣшался искать его на Западѣ. Съ узкимъ складомъ ума и безъ достаточной, вслѣдствіе этого, широты религиозныхъ взглядовъ, сѣверно-русское духовенство никакъ не могло отрѣшиться отъ того, чтобы не смѣшивать науку съ религіей. Впитавъ въ себя отъ грековъ враждебное настроеніе противъ господствовавшего на Западѣ католицизма, оно вмѣстѣ съ тѣмъ стало враждебно

книжному списанію». И выше: «Изъ того бо монастыря въ Русь посылали много книгъ: Уставъ, Трїодъ и иныя книги». Сахаровъ. «Путешествія русскихъ людей въ чужія земли, ч. II (Спб. 1837 г.), стр. 26. 23.

Кромѣ Студійскаго монастыря, русскіе любили посѣщать также монастырь Іоанна Предтечи, а равно и Аѳонскую гору.

*) Пыпинъ. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 7—8. («Ученыя Записки II отдѣленія Имп. Академіи Наукъ». Спб. 1858 г., кн. IV.

относиться и ко всему тому, что шло съ Запада, хотя бы это не имѣло ровно никакого отношенія къ религіи. Отсюда, съ ослабленіемъ на Руси византійскаго вліянія, просвѣтительныя средства, которыми могло располагать сѣверно-русское духовенство, по-неволѣ должны были ограничиться узкими рамками той, главнымъ образомъ религіозно-нравоучительной, литературы, которая успѣла появиться у насъ въ древнюю эпоху. Прогресса здѣсь не могло быть никакого. Но гдѣ нѣтъ прогресса, тамъ неизбѣжно является регрессъ. Это именно и случилось съ сѣверно-русскими областями. Пробудившись на нѣкоторое время послѣ татарскаго погрома, народное просвѣщеніе стало въ нихъ быстро падать, такъ что къ концу XV-го вѣка мы видимъ уже на всемъ сѣверѣ Россіи полный упадокъ его. И это-было какъ разъ въ то время, когда на югѣ стала зарождаться у насъ новая школа, сообразно требованіямъ новаго времени.

Были, впрочемъ, и другія причины, которыя способствовали упадку просвѣщенія на сѣверѣ и возвращенію и процвѣтанію его на югѣ. Главнѣйшей изъ нихъ нужно считать внутреннее политическое устройство южно-русскихъ и сѣверно-русскихъ областей. Привыкнувъ еще съ древняго времени къ широкому демократическому строю, южные русскіе сохранили его и даже еще болѣе развили послѣ татарскаго нашествія. Присоединеніе Руси къ Литвѣ, а затѣмъ къ Польшѣ только усилило демократическія стремленія народа. А при такомъ строѣ, тѣмъ сторонамъ общественной жизни, которыя стали развиваться еще въ древній періодъ, теперь не только не могла грозить никакая опасность, но, напротивъ, онѣ должны были получить еще большее свое развитіе. Не то было на сѣверѣ. Если Новгородъ и отличался извѣстными республиканскими тенденціями, то это далеко не соответствовало видамъ тогдашнихъ великихъ князей. Въ то время, какъ извѣстно, шла централизація, «собираніе» русской земли вокругъ велико-княжескаго престола. Властоблыво-хитрая политика вел. князей была направлена къ объединенію русскихъ земель, къ подчиненію сосѣднихъ княжествъ, къ задобриванію всякими способами татаръ. Все же это заставляло великихъ князей совершенно игнорировать нужды просвѣщенія, для котораго не доставало ни времени, ни средствъ, ни желанія. Такую именно причину упадка просвѣщенія въ XV вѣкѣ въ сѣверно-русскихъ областяхъ видитъ и извѣстный изслѣдователь нашей старины—Хмыровъ, который говоритъ, что эта причина лежала «въ системѣ дѣйствій тогдашняго Московскаго правительства, цѣли котораго, своеобразно-политическія, были совершенно чужды дѣлу народнаго образованія, даже книжнаго» *).

Такимъ образомъ, если въ Кіевскій періодъ сѣверно-русское духовенство, подобно южно-русскому, при высокомъ просвѣщеніи и полномъ пониманіи своихъ культурныхъ задачъ, встрѣчало въ своей просвѣтительной дѣятельности, сверхъ того, сильную поддержку со стороны князей, то во Владиміро-Московскій періодъ и то и другое

* Хмыровъ. Училища и образованность на Руси до-петровской («Народная Школа» 1869 г., № 7, стр. 37).

радикально измѣнилось: образовательный цензъ духовенства понизился, а велико-княжеская политика явилась скорѣе силой тормозящей, чѣмъ содѣйствующей народному просвѣщенію. А между тѣмъ если когда-либо, то именно въ это время сѣверно-русское общество нуждалось въ особенно умѣлыхъ пастыряхъ-руководителяхъ, а также въ особенной со стороны властей помощи своимъ образовательнымъ нуждамъ. Отдѣлившись отъ Юга, который все же, не смотря на ослабленіе своихъ связей съ Византіей, продолжалъ жить старыми литературно-просвѣдательными традиціями, и, ставши въ прямое враждебное отношеніе къ просвѣдательнымъ началамъ Запада, сѣверно-русское племя, небогатое собственными силами, стало открыто теперь для вліянія на него лишь дикихъ кочевниковъ монгольской расы, отъ которыхъ, конечно, оно могло позаимствоваться лишь грубыми правами и отвращеніемъ ко всякому просвѣщенію. «Удаленіе славянскихъ переселенцевъ, говоритъ Соловьевъ, въ пустыни сѣверо-восточной Европы, удаленіе отъ другихъ народовъ христіанскихъ, стоявшихъ съ ними на одинаковой степени гражданственности, и вступленіе въ постоянное сообщество только съ народами, стоявшими на низшей ступени, не могли дѣйствовать благопріятно на нравы этихъ переселенцевъ... (А) грубость нравовъ и... причины этой грубости должны были (въ свою очередь) задержать также и ихъ литературное развитіе» *). И онѣ, дѣйствительно, задержали его и задержали, благодаря упадку просвѣщенія въ духовенствѣ и пренебрежительному отношенію къ нему сѣверно-русскихъ властей, очень надолго.

Таковы были тѣ культурныя условія, при которыхъ послѣ татарскаго нашествія русскому духовенству вновь пришлось приняться за дѣло народнаго образованія. Какъ мы видѣли, эти условія для сѣвера и юга Россіи были различны; чѣмъ далѣе же шло время, тѣмъ это различіе дѣлалось все сильнѣе и сильнѣе, пока, наконецъ, въ половинѣ XV вѣка школьное дѣло на сѣверѣ Россіи окончательно не упало, а на югѣ не стало преобразовываться на совершенно новыхъ началахъ. Такимъ образомъ, если до этого послѣдняго времени роль духовенства въ народномъ образованіи еще и можно разсматривать совмѣстно въ обѣихъ половинахъ Россіи, то послѣ указаннаго періода это становится уже совершенно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что и церковно-епархіальная жизнь южной Россіи стала съ этого времени итти совершенно самостоятельно и независимо отъ епархіальнаго управленія сѣверной Россіи.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся теперь къ разсмотрѣнію самой роли духовенства въ народномъ образованіи Россіи въ монгольскій періодъ.

Первое, въ чемъ сказалась неблагопріятная сторона монгольскаго ига на Руси, было пониженіе образовательнаго ценза русскаго духовенства. Это пониженіе шло исподоволь, начавшись едва замѣтною вначалѣ убылью въ выдающихся талантахъ и разрѣшившись, наконецъ, на сѣверѣ, по выраженію митрополита Исидора, полной «некниж-

*) Соловьевъ, т. IV, М. 1871 г., стр. 334. 340.

ностью» не только низшаго, но и высшаго духовенства. Прежних высокопросвѣщенныхъ и талантливыхъ людей, вродѣ, напр., митрополита Иларіона, преп. Нестора, Кирилла Туровскаго и др., въ этотъ періодъ мы не встрѣчаемъ. Попадаютъ лишь трудолюбивые, хотя въ литературномъ отношеніи все же довольно посредственные проповѣдники и писатели. Изъ нихъ въ XIII вѣкѣ извѣстны: митрополитъ Кирилль II (1243—1282), родомъ южанинъ, пастырь, какъ видно изъ его «Правила» собора 1274 г. и «Поученія къ попомъ», умный и просвѣщенный, заботившійся, при томъ же, о распространеніи христіанскаго просвѣщенія чрезъ духовенство и среди простаго народа 1); ростовскій епископъ Кирилль (1231—1262), о которомъ лѣтописи говорятъ, что онъ обладалъ такимъ даромъ слова, что на его проповѣди стекались жители не только Ростова, но и окрестныхъ мѣстъ 2); владимірскій епископъ Серапіонъ (+ 1275), который такъ же, какъ митрополитъ Кирилль II, былъ родомъ южанинъ и, какъ ростовскій епископъ Кирилль, былъ «зело учителенъ и силенъ въ божественномъ писаніи» 3) и даже превосходилъ его своей неутомимой проповѣднической дѣятельностью; наконецъ, тверской епископъ Симеонъ (+ 1289), отъ котораго хотя и не дошло до насъ сочиненій, но онъ извѣстенъ, какъ «учительный и сильный въ книгахъ божественнаго писанія» 4).

Что касается духовныхъ писателей XIV вѣка, то, не считая, конечно, иностранцевъ, ихъ было такъ же мало, какъ и въ предшествовавшемъ вѣкѣ, и въ литературномъ отношеніи они стоятъ также не очень высоко. Больше извѣстные изъ нихъ слѣдующіе: митрополитъ Петръ (1308—1326), родомъ южанинъ, подобно Кириллу II, заботившійся о просвѣщеніи духовенства, а чрезъ него и паствы 5);

1) «Разумѣйте, писалъ онъ священникамъ, како духовныя дѣти учити... Аще ли самъ недоумѣваеши, съпроси умѣющаго, не стыдися. Прося бо пути божественнаго, и ины наставитъ на нь. А не прося слѣпъ ходитъ, и слѣпый у него кается... Блюдите же и родимыхъ дѣтей вашихъ... Челядь же имѣйте въ наказаніи ученія господня». Прибавл. къ изд. Твор. свв. Отцовъ. 1843 г., I, 430—431. Никоновская лѣтопись (III, 69) и Татищевъ (IV, 54) сообщаютъ также, что когда митрополитъ Кирилль, обозрѣвая русскія епархіи, ѣздилъ изъ города въ городъ, то вездѣ «по обычаю своему... учаше, наказуаше, исправляше».

2) «Сего (Кирилла) произведе Богъ въ дни сія, яже не оста ничимъ же прежнихъ епископъ, вслѣду нравомъ ихъ и ученю, не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа... И вся приходящая удивлеса, князя же и вельможѣ, всякъ возрастъ града Ростова, нетокмо же простыца, но и попы и игумены и весь черноризьскій чинъ, и вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ святую сборную церковь Святыя Богородица,.... послушающе ученья его еже отъ святыхъ книгъ». «Любовному же ученю и тшаню, рассказываетъ далѣе о себѣ лѣтописецъ, дивлеса сего честнаго святителя Кирила, съ страхомъ и повореньемъ послушая, въ узцѣ мѣсцѣ нѣкоемъ и во входнѣ написанья собѣ вдахъ, сего перваго словесе дѣтеля написати». П. С. Р. Л. I, 195.

3) «Того же лѣта (1262), читаемъ мы у того-же лѣтописца, преставися блаженный учительный епископъ Кирилъ Ростовскій». Ibid, стр. 204.

4) Татищевъ, IV, 47; Никонов. лѣт., III, 59. См. также П. С. Р. Л. VII, 172.

5) Никонов. лѣт., III, 86; Татищевъ, IV, 70.

6) Будите же, дѣти, писалъ этотъ митрополитъ въ своемъ «Поученіи игуменомъ, попомъ и дявономъ», въ почитаніи книжномъ и въ поученіи день и ночь». Прибавл. къ Твор. свв. оо., 1843 г., II, 87.

митрополитъ Алексій (1354—1378), также южанинъ, оставившій нѣскольکو поученій и списокъ св. Писанія, надъ исправленіемъ перевода котораго онъ трудился въ Константинополѣ; Моисей, архіепископъ новгородскій (+ 1362) и инокъ нижегородскаго монастыря Павелъ Высокій (+ 1382), о которыхъ извѣстно, что они были лица по своему времени довольно образованныя и писали разныя сочиненія, хотя эти послѣднія и не дошли до насъ *); наконецъ, извѣстный просвѣтителъ зырянъ, св. Стефанъ Пермскій (+ 1396).

Но какъ ни были «учительны» и «сильны въ книгахъ божественнаго писанія» всѣ эти писатели, все же ни одинъ изъ нихъ не возвысился надъ уровнемъ обыкновенной посредственности. При томъ же нужно имѣть въ виду, что если приведенные писатели XIII вѣка и отличались особенною учительностью, то этимъ они были обязаны еще до-монгольской школѣ, въ которой они получили свое образованіе; а что касается XIV вѣка, то насколько въ это время понизился образовательный уровень даже высшаго, особенно сѣверно-русскаго духовенства, можно судить по любопытному спору, который велся среди послѣдняго по вопросу о томъ, существуетъ ли земной, чувственный рай, или же есть только духовный рай *). И чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ этотъ уровень понижался все болѣе и болѣе... Въ концѣ XIV и началѣ XV вв. о нашемъ духовствѣ прямо говорится, что оно было малообразованно. Такъ, митрополитъ Киприанъ (1378—1406), (осербившійся болгаринъ), перечисляя ложныя или отреченныя книги, указываетъ на толстыя сельскіе рукописныя сборники, которые «невѣжи-попы и дьяконы» наполняли разными баснями и суевѣрными разсказами. Во второй же четверти XV вѣка митрополитъ Исидоръ (родомъ грекъ) заявилъ на Флорентійскомъ соборѣ (1438 г.) папѣ Евгенію, что «епископы русскіе—люди не книжныя». «И еслибы мы, говорить по этому поводу преосв. Макарій, заподозрили этого свидѣтеля, то сборникъ поученій, переведенный на рус-

*) Объ архіепископѣ Моисей см. П. С. Р. Л., III, 182. Здѣсь говорится, что онъ «добръ пасяше свое стадо, многы писца изыскавъ и книги многы исписавъ... и многы утвердивъ ученіемъ своимъ... И боляри и людіе приходяду къ нему, поучашеся отъ него день и ночь... И посемъ скончаша, много писаніе оставивъ».

Объ инокѣ Павлѣ въ Никоновой лѣтописи (IV, 141) говорится подъ 1382-мъ годомъ слѣдующее: «Тогожъ лѣта преставися блаженный старецъ Павелъ, живый житиемъ иноческимъ дивнымъ, и книженъ бысть великии и елисофъ великий... Егда же бесѣды время бываше ему много рассуденъ и полезенъ зело, и слово его солю божественною растворено, зане книженъ бѣ зело». — Татищевъ (IV, 307) къ этому прибавляетъ, что Павелъ, «писавше... книги учительныя многія, въ Епископомъ посылаше».

**) По этому поводу Василій, архіепископъ новгородскій (1331—1352), написалъ посланіе къ тверскому епископу Теодору, въ которомъ всячески старался вразумить послѣдняго съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ и доказать, что земной рай дѣйствительно существуетъ, что объ этомъ говорятъ св. Писаніе и Отцы церкви; это подтверждаютъ сами новгородцы, видѣвшіе его на какой-то чудной горѣ, что въ этомъ раѣ живутъ Пресв. Богородица, Енохъ, Ілія и всѣ святые и т. д. См. П. С. Р. Л., VI, 87—89; VII, 212—214; Степен. кн., I, 480—484.— Впрочемъ, подобныя представленія о чувственномъ раѣ были тогда общераспространенными во всей Европѣ.

скій языкъ (1343 или 1407 г.) въ руководство именно архіереямъ, чтобы они могли по нему каждое воскресеніе и каждый праздникъ проповѣдывать въ храмахъ, удостовѣрилъ бы насъ, что тогдашніе владыки наши не всё въ состояніи были сами отъ себя и поучать народъ истинамъ вѣры» ¹⁾). Наконецъ, въ концѣ XV вѣка, какъ увидимъ, образованіе среди сѣверно-русскаго духовенства упало до такой степени, что въ священники приходилось посвящать людей еле грамотныхъ.

Соотвѣтственно такому пониженію образовательнаго ценза русскаго (главнымъ образомъ сѣверно-русскаго) духовенства, постепенно понижался и уровень вообще народнаго образованія въ сѣверной Россіи. О простомъ народѣ здѣсь нечего и говорить. Сама князья и вельможи въ Сѣверной Россіи были люди, совсѣмъ не отличавшіеся книжною начитанностью. О Дмитріи Донскомъ (1363—1389), напр., лѣтопись прямо говоритъ, что онъ не былъ хорошо обученъ книжному искусству ²⁾; то же говорится и о Василии Темномъ (1425—1462), который называется при этомъ не книжнымъ и даже неграмотнымъ ³⁾. Впрочемъ, это можно сказать только о сѣверно-русскихъ князьяхъ. Что же касается юга Россіи, то здѣсь, соотвѣтственно высшему образовательному цензу духовенства, и простой народъ, а тѣмъ болѣе князья стояли въ образовательномъ отношеніи гораздо выше. Напр., о Владимірѣ Васильковичѣ Волинскомъ (+ 1289) лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ даже «книжникъ великъ» и филозофъ, акого же не бысть во всей земли» ⁴⁾. То же извѣстно и о нѣкоторыхъ другихъ южныхъ князьяхъ, особенно галицкихъ.

Такая зависимость народнаго образованія отъ степени просвѣщенности русскихъ пастырей вполне понятна, такъ какъ школа, черезъ которую распространялась грамотность въ народѣ, находилась по прежнему въ рукахъ духовенства. Объ этомъ продолжаютъ свидѣтельствовать разныя лѣтописныя извѣстія. Такъ, о кн. Михаилѣ Александровичѣ Тверскомъ говорится, что онъ для обученія грамотѣ былъ отправленъ (въ 1341 г.) къ новгородскому владыкѣ Василию ⁵⁾. А въ житіи св. Іоны, новгородскаго архіепископа (1458—1470), разсказывается, что его обучалъ какой-то діаконъ, у котораго была довольно обширная школа ⁶⁾. Оба эти извѣстія, помимо своего спеціальнаго

¹⁾ Маварій. Исторія Русской церкви, т. V, стр. 263.

²⁾ «Книгамъ (князь Дмитрій Іоанновичъ) не ученъ бѣаше добръ». П. С. Р. Л., IV, 351.

³⁾ Лѣтопись XVII в., хранящаяся въ Спб. Имп. Публ. библ. См. Соловьева, т. IV (М. 1882 г.), стр. 326.

⁴⁾ П. С. Р. Л., II, 218.

⁵⁾ «Тои же зимы (1341) прѣѣха Михаилъ княжичъ Александровичъ, съ Тфери, въ Новгородъ, къ владыцѣ сынъ крестьяный грамотѣ учиться» П. С. Р. Л. II, 81; IV, 55.

⁶⁾ «Вдану бывшу ему (Іонѣ) нѣкоему діакону навазатися священнымъ внигамъ... аще когда отъ учителя отхождаше со множествомъ ученическимъ, улица града къ дому ему преходити бываше, и тогда всѣмъ, яко дѣтямъ, игранію радующимся, той вдалѣ отъ нихъ стояти обычай имяше». Рукоп. СПб. дух. акад. № 271. См. «Христіанское Чтеніе». 1853 г., ч. II, стр. 392, пр. 17.

значенія, какъ доказательствъ только что высказанной мысли, имѣютъ для насъ еще другое значеніе. Первое изъ нихъ показываетъ, что лица княжескаго происхожденія обучались обыкновенно подъ руководствомъ архіереевъ, какъ людей, конечно, наиболѣе образованныхъ въ ту эпоху; а второе свидѣтельствуетъ о томъ, что, по мѣрѣ умноженія членовъ церковнаго причта, къ дѣлу школьнаго обученія, за недостаткомъ хорошихъ учителей изъ священниковъ стали привлекаться и діаконы *). Въ послѣдующее время такое явленіе стало обычнымъ, при чемъ право обученія было распространено и на дьячковъ, за которыми въ Малороссіи и утвердилось преимущественное названіе учителей.

Обратимся теперь къ вопросу о самихъ школахъ, объ ихъ числѣ, постановкѣ въ нихъ учебнаго дѣла и т. д. Что касается перваго вопроса, то совокупность всѣхъ данныхъ, сохранившихся въ лѣтописяхъ, заставляетъ предполагать, что въ началѣ монгольскаго ига школъ у насъ было достаточное число: прежнія школы въ большинствѣ случаевъ продолжали свое существованіе и, сверхъ того, по мѣрѣ колонизаціи сѣверо-восточныхъ земель, появлялись новыя. Интересно то, что даже на Волыни и въ Кіевѣ, которые особенно пострадали при нашествіи Батыя, школы продолжали свою образовательную дѣятельность: въ волынской школѣ обучался между прочимъ въ XIII вѣкѣ святитель Петръ, а въ кіевской въ XIV вѣкѣ учился грамотѣ пр. Стефанъ Махрицкій. Изъ сѣверо-русскихъ школъ въ XIV вѣкѣ упоминаются слѣдующія: Московская, гдѣ обучался извѣстный святитель Алексій Тверской, ростовская (въ самомъ Ростовѣ или въ одномъ изъ городовъ или поселеній Ростовской области) и устюжская, гдѣ обучались преп. Сергій Радонежскій съ своими братьями и «дружиной» и св. Стефанъ пермскій. Въ первой половинѣ XV вѣка упоминаются школы: въ Кашинѣ, гдѣ учился грамотѣ преп. Макарій колязинскій, и въ Новгородѣ, гдѣ учился св. Евфимій и Іона, вполнѣдствіи новгородскіе архіепископы **).

Всѣ эти, равно какъ и остальные, школы продолжали учить тому же, чему учили и до-монгольскія. Но, кажется, что въ нѣкоторыхъ, особенно сѣверо-русскихъ, школахъ программа обученія была нѣсколько сужена. По крайней мѣрѣ въ житіи св. Стефана пермскаго († 1396 г.) говорится, что въ устюжской школѣ онъ «всю грамоту извыче яко до года»; послѣ чего поступилъ чтецомъ въ соборную церковь. Само собою разумѣется, что научиться чему-либо, помимо простой грамоты, въ такой короткій срокъ было невозможно.

*) Одинъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ (Никонов., IV, 287) говоритъ, что и тверской княжичъ Михаилъ былъ отданъ архіепископомъ Василиемъ на обученіе протодіакону послѣдняго. Но, конечно, по степени образованія архіерскаго протодіакона нельзя и сравнивать съ діаконами сельскихъ церквей; при томъ же обученіемъ княжича этотъ протодіаконъ могъ заниматься не иначе, какъ подъ ближайшимъ руководствомъ самого архіепископа.

**) Макарій, т. V. Спб. 1886 г., стр. 129. О Новгородской школѣ упоминается, впрочемъ, и въ XIV в.; въ ней учился новгородскій архіепископъ Моисей. См. П. С. Р. III, 181.

Правда, такая быстрота ученія объясняется въ житіи прекрасными способностями Стефана, который «превзиде паче многихъ сверстниковъ въ родѣ своемъ добропамятствомъ и скоровыченіемъ преуспѣвая и остроумьемъ же и быстростию смысла превъсходя и бысть отрокъ доброразумиченъ зѣло» *). Но и при такихъ способностяхъ, научиться многому впродолженіи одного лишь года, да еще въ томъ наполовину урѣзанномъ видѣ, въ какомъ, несомнѣнно считался школьный годъ тогда, какъ считается и теперь въ первоначальныхъ школахъ, было совершенно невозможно. Поэтому, замѣчаніе житія, что св. Стефанъ «научи...ся въ городѣ Устьюзѣ всей грамотичнѣй хитрості и книжной силѣ», должно понимать лишь относительно и во всякомъ случаѣ относить больше на счетъ личной самодѣтельности его, чѣмъ на счетъ образовательнаго курса устюжской школы. Иначе, кажется, дѣло обстояло на югѣ. Очень интересное въ этомъ отношеніи извѣстіе сообщаетъ намъ житіе митрополита Петра († 1326 г.), учившагося въ одной изъ волынскихъ школъ. Здѣсь мы между прочимъ читаемъ: «рождшужеса отроцати и седьмаго лѣта возраста достигшу, вданѣ бывааетъ родителема книгамаъ учитиса; но убо учителеви съ пригѣжаніемъ ему пригѣжашу, отроку же не спѣшно ученіе творяшеса, но косно и всячески непрігѣжно». Впрочемъ, скоро послѣ этого чудесный случай совершилъ рѣзкую перемену въ состояніи его умственныхъ способностей,—«и отъ того убо часа елика написоваше ему учитель его, малѣмъ проученіемъ изучеваше, яко по малѣ времени всѣхъ сверстниковъ своихъ превзиде и предвари». А когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, онъ поступилъ въ одинъ изъ сосѣднихъ монастырей и тамъ постригся**). Здѣсь мы видимъ обратное явленіе: малоспособность значительно замедляла обученіе святителя Петра. Но, какъ видно изъ житія, чудесное событіе совершилось съ нимъ довольно скоро, и тѣмъ не менѣе, если предположить, что свят. Петръ даже не все время сплошь до двѣнадцатилѣтняго возраста пробылъ въ школѣ, курсъ обученія былъ все таки довольно продолжительный, въ теченіе котораго учащіяся могли ознакомиться не съ однимъ только искусствомъ чтенія, а и съ нѣкоторыми другими предметами. Повидимому, на это послѣднее именно и указываютъ слова житія: «елика написоваше ему учитель его, малѣмъ проученіемъ изучеваше». Думается, что здѣсь говорится о способѣ обученія не письму, а чему-то другому, какой-то наукѣ. Къ такой мысли, послѣ нѣкотораго колебанія, склоняется и Лавровскій, который, приводя это мѣсто житія, говоритъ, что «оно можетъ означать употребительный тогда способъ общенія знаній ученику, состоявшій въ томъ, что учитель предварительно записывалъ назначаемый урокъ, и по этимъ запискамъ ученикъ его заучивалъ», такъ какъ «при отсутствіи книгъ, такой способъ былъ единственно возможнымъ, и онъ употреблялся во всей Европѣ не только въ первоначальномъ обученіи, но и въ дѣлѣ высшаго образованія. Все видоизмѣненіе его могло состоять въ томъ, что въ обще-

*) Памятники старинной русской литературы, т. IV, стр. 121.

***) Степенная книга, I, 411.

ственнымъ обученіи, въ школахъ, наставникъ обыкновенно диктовалъ, а ученики записывали, въ частномъ обученіи учитель иногда могъ принимать на себя и обязанность записывать предварительно, оставляя ученику одинъ трудъ заучиванія, что, кажется, и должно разумѣть въ приведенномъ мѣстѣ житія; при этомъ, конечно, объяснялось учителемъ содержаніе урока». (Лавровскій стр. 111).

Такимъ образомъ, очень вѣроятно, что какъ курсъ обученія въ южно-русскихъ школахъ былъ нѣсколько продолжительнѣе, такъ и училищная программа въ нихъ отличалась большимъ объемомъ, чѣмъ въ сѣверно-русскихъ школахъ, что, впрочемъ, вполне соответствовало и высшему образовательному цензу учительскаго персонала на югѣ, откуда между прочимъ вышелъ и только что указанный митрополитъ Петръ—человѣкъ самъ довольно просвѣщенный и заботившійся, какъ мы выше видѣли, о распространеніи просвѣщенія среди народа. Тѣмъ не менѣе, относительно распространенности школьнаго образованія сѣверъ Россіи, стоялъ, кажется, нѣсколько не ниже юга; особенно это должно сказать относительно XIII и XIV вѣковъ: выраженія—«времени приспѣвшу» или «времени бывшу» и проч.—становятся въ это время въ нашихъ старинныхъ памятникахъ обычными, когда имъ приходится говорить о поступленіи дѣтей въ школы на обученіе, и эти выраженія примѣняются безразлично и къ южанамъ и къ сѣверянамъ, такъ, въ житіи пр. Стефана Махрицкаго, учившагося въ XIV в. въ Кіевѣ, говорится: «времени приспѣвшу вданъ бываетъ отъ родителей своихъ на ученіе божественнымъ книгамъ, и вскорѣ извыче божественныхъ книгъ писанія» ¹⁾. Въ житіи св. Петра, какъ мы видѣли, частнѣе опредѣляется тотъ возрастъ, когда обыкновенно отдавали дѣтей въ школы; въ немъ говорится: «рождьшужеса отрочати и *седьмаго лѣта возраста* достигшу, вданъ бываетъ родителема книгамъ учиться». Иногда, впрочемъ, отдавали въ школу и позже, въ восемь и даже девять лѣтъ ²⁾. Что касается сѣверно-русскихъ школъ, то здѣсь мы также находимъ извѣстія, подтверждающія общераспространенность въ это время школьнаго обученія. Такъ, въ Пахоміевомъ житіи св. Алексія, учившагося въ XIV в. въ Москвѣ, читаемъ: «таже времени бывшу и книжному ученію вданъ бысть ³⁾. Подобныя же выраженія мы встрѣчаемъ въ памятникахъ даже относительно первой половины XV вѣка. Такъ, въ житіи преп. Макарія колязинскаго, обучавшагося въ Кашинѣ, говорится: «егда достизающу ему възраста, вдаша его родители въ наученіе грамотѣ» ⁴⁾; подобнымъ же образомъ говорится и въ житіи св. Евфимія, учившагося въ Новгородѣ: «времени пришедшу, вданъ бываетъ учиться божественнымъ книгамъ» ⁵⁾. Всѣ эти выраженія съ ихъ

¹⁾ Сборникъ библиот. митр. Макарія. № 51, л. 189. См. его Исторію Рус. Ц., т. V, стр. 129, прим. 202.

²⁾ Лавровскій, стр. 115.

³⁾ Сборникъ библиот. митр. Макарія, № 66, л. 196. См. его Исторію Рус. Ц., т. V, стр. 130, прим. 202.

⁴⁾ Сборникъ той же библиотеки, № 3, л. 241 обор. См. *ibid.*

⁵⁾ Памятники старинной русской литературы, IV, 17.

шаблонной, установившейся формой ясно показывают, что школьное обучение было въ то время самымъ обычнымъ, общераспространеннымъ явленіемъ, хотя, несомнѣнно, извѣстія, касающіяся XV вѣка, являются послѣднимъ отголоскомъ прекраснаго обычая, такъ какъ съ этого времени, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ на сѣверѣ числа школъ, уменьшается и число учащихся въ нихъ; школа отходить на второй планъ и скоро совсѣмъ забывается.

Впрочемъ, говоря объ общераспространенности школьнаго обученія въ XIII, XIV и XV вѣкахъ, мы этгмъ не думаемъ утверждать того, что народное образованіе въ эту эпоху достигло такого расплѣта и стало настолько популярнымъ, чтобы обычай отдавать дѣтей, достигшихъ 7—8-миллѣтняго возраста, въ школы сталъ повсемѣстнымъ и какъ бы обязательнымъ. Приведенныя свидѣтельства говорятъ лишь о существованіи этого обычая, но нисколько не даютъ намъ права заключать о его повсемѣстномъ распространеніи. Напротивъ, если сравнить въ этомъ отношеніи данную эпоху съ эпохой до-монгольской, то первая представить собою несомнѣнный регрессъ относительно послѣдней. Тамъ, во всѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя предпринимались относительно школьнаго обученія духовенствомъ и правительствомъ, проглядывала довольно замѣтная тенденція обязательности такого обученія *), между тѣмъ какъ здѣсь, въ монгольскую эпоху, этой тенденціи нѣтъ и слѣда; мало того, со стороны не только правительственныхъ, но даже высшихъ духовныхъ лицъ мы почти не встрѣчаемъ въ это время особыхъ понужденій и напоминаній низшему духовенству своихъ учительскихъ обязанностей.

Все это должно привести насъ къ тому заключенію, что если школы и школьное обученіе у насъ въ монгольскій періодъ и были довольно распространены, то эта ихъ распространенность являлась въ отношеніи къ предыдущему періоду отнюдь не дальнѣйшимъ, прогрессирующимъ шагомъ въ развитіи образовательнаго дѣла, а лишь представляла изъ себя явленіе, продолжавшее жить прежними, старыми традиціями, насколько эти послѣднія сохраняли еще свою жизненную силу.

Въ заключеніе укажемъ нѣсколько частныхъ чертъ, которыя могутъ дать намъ болѣе детальное представленіе о нашихъ школахъ въ рассматриваемый періодъ. Учителями въ этихъ школахъ были, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ духовныя лица; но случалось, что попадались иногда и свѣтскія, какъ на это, повидимому, указываетъ ханскій ярлыкъ 1313 года, хотя, само собою разумѣется, обученіемъ они могли заниматься не иначе, какъ съ дозволенія и подъ надзоромъ священниковъ. Школы по прежнему были общеобразовательными заведеніями, чуждыми спеціальной цѣли подготовленія кандидатовъ священства. Тѣмъ не менѣе религиозно-церковный характеръ обученія въ нихъ по-прежнему оставался во всей своей силѣ, не смотря на то, что условія времени давали для этого уже гораздо меньше поводовъ, такъ какъ христіанство къ этому времени пустило уже и безъ того довольно прочные корни. Оставаясь общеобразовательными заведеніями,

*) Миропольскій. Школа и государство, 7—9.

школы были по тому самому и всеословными: учились всѣ,—кто хотѣлъ и кто могъ, безъ различія званій и состояній; учились и мальчики и дѣвочки. Собственно объ обученіи дѣвочекъ въ школахъ нѣтъ прямыхъ указаній; но въ извѣстныхъ намъ свидѣтельствахъ говорится вообще о дѣтяхъ, подъ которыми можно разумѣть какъ тѣхъ, такъ и другихъ. А что для дѣвочекъ и дѣвушекъ въ древнюю пору считалось такъ же необходимымъ, какъ и для мальчиковъ,—это видно изъ указанныхъ нами раньше примѣровъ Янки и Евфросиніи Полоцкой. Впрочемъ, и относительно рассматриваемаго періода сохранилось одно извѣстіе, касающееся обученія княгини Василисы (въ монашесствѣ Θεодоры), супруги нижегородскаго князя Андрея Константиновича. Родомъ эта княгиня была изъ Твери (род. 1331+1378). Родители ея были, какъ сообщаетъ Степенная книга и, вслѣдъ за нею, Татищевъ, нѣкіе Иванъ Кіасавскій и Анна—люди, что для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе всего, повидимому, совсѣмъ незнатные, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, объ этомъ непременно упомянули бы указанные источники; что же касается того обстоятельства, что они выдали свою дочь за князя, то это еще нисколько не говоритъ за ихъ знатное происхожденіе: въ древнюю пору князья, подобно тому, какъ въ позднѣйшую—цари, нерѣдко женились на простыхъ дѣвушкахъ. Едва эта Василиса вышла изъ младенческаго возраста, какъ тотчасъ же принялась за грамоту,—и «изучися, какъ говорятъ упомянутые источники, грамотѣ» и «научися божественному писанію и изыче ветхій и новый завѣтъ» *). Спрашивается: «гдѣ же могла Василиса научиться всему этому, какъ не въ школѣ? Нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ приведенномъ извѣстіи указаніе на частный, домашній способъ обученія **). Но противъ этого рѣшительно говоритъ совокупность всѣхъ данныхъ о первоначальномъ обученіи у насъ въ старину. Насколько извѣстно, домашній способъ обученія у насъ или совсѣмъ не практиковался, или если и практиковался, то въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Мы видѣли, что даже князья отдавали своихъ дѣтей на обученіе епископамъ. Тѣмъ болѣе не могли обучать у себя на дому лица не княжескаго происхожденія. Очевидно, это находили тогда неудобнымъ, а то и просто невозможнымъ, и, кажется, не нужно много ломать голову, чтобы доискаться до причинъ такого явленія: онѣ на лицо. Съ одной стороны, при тогдашнемъ общемъ низкомъ образовательномъ уровнѣ, трудно было найти въ семьѣ (если только это не была семья духовнаго лица) человѣка, который бы съ успѣхомъ могъ взяться за исполненіе обязанностей учителя—педагога: вѣдь, и въ то время отъ школы требовалось нѣчто большее, чѣмъ сообщеніе простой грамотности, а далеко не въ каждой семьѣ нашелся бы человѣкъ и съ однимъ знаніемъ грамоты. Съ другой стороны, приглашеніе къ себѣ на домъ для обученія дѣтей священника было также невозможно: у каждаго священника была своя школа, въ которой онъ долженъ былъ заниматься, и, кромѣ того, было много разныхъ другихъ

*) Татищевъ, IV, 253. Степенная кн., I, 496.

***) См., напр., Лавровскаго, О древне-русскихъ училищахъ, стр. 58.

обязанностей, да наконецъ, это было бы сопряжено и съ немалыми расходами, которые были бы подъ силу далеко не всѣмъ. Какъ бы то ни было, а, значитъ, домашній способъ обученія былъ въ то время рѣшительно невозможнымъ, если о немъ мы не находимъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Василиса получила свое образованіе тамъ, гдѣ въ то время получали его всѣ, т. е. въ школѣ, въ которой учились дѣти всѣхъ сословій, всякаго званія и состоянія и безъ различія ихъ пола.

Интересна позднѣйшая дѣятельность этой княгини, которая такъ напоминаетъ собою извѣстную уже намъ Евфросинію Полоцкую. Когда она лишилась своего мужа, то, раздавши всѣ богатства, поступила въ монастырь, который сама предъ этимъ построила, и здѣсь «пребываше въ величѣй тишинѣ и безмолвіи, кормяшесь рукодѣліемъ своимъ, упражняяся въ трудахъ и въ прочитаніи божественныхъ писаній... И мнози жены и вдовицы и дѣвицы постригошася у нѣя въ монастырѣ; и бысть ихъ числомъ 110;.. она же, паче Епископа, ихъ отъ писанія поучая всякъ день, и въ старость пришедше не ослабѣеть подвига» *). Очевидно, получивши сама хорошее образованіе, она старалась сообщить его и своимъ, можетъ быть, менѣе счастливымъ въ этомъ отношеніи подругамъ и съ этой цѣлью, если и не устроила въ своемъ монастырѣ настоящей школы, какъ это сдѣлала, напр., Янка, то во всякомъ случаѣ личными трудами и заботами старалась воспитать въ нихъ вкусъ и любовь къ просвѣщенію. Другихъ данныхъ по разсматриваемому вопросу за данный періодъ нѣтъ, но и одного примѣра княгини Василисы достаточно для того, чтобы видѣть, что педагогическая дѣятельность женщинъ и обученіе дѣвочекъ въ школахъ продолжались въ это время по-прежнему: такъ были жизненны и могучи принципы, положенныя въ основу образовательнаго дѣла у насъ при самомъ началѣ нашей культурной исторіи.

Что касается внутренняго устройства разсматриваемыхъ школъ, то о немъ мы не имѣемъ необходимыхъ свѣдѣній, да ихъ и трудно было бы ожидать, въ виду того, что какихъ-либо правильно организованныхъ учреждений эти школы не представляли, какъ это было и въ до-монгольскій періодъ. Нѣкоторые изслѣдователи находятъ даже, что сравнительно съ этимъ послѣднимъ періодомъ школа въ данномъ случаѣ сдѣлала небольшой регрессъ, получивши еще болѣе частный характеръ **). И это отчасти вѣрно. Еще болѣе, чѣмъ прежде, школьное дѣло стало зависѣть въ это время отъ личности учителя и опредѣляться его соглашеніемъ съ родителями дѣтей. Въ сохранившихся, впрочемъ, двухъ-трехъ случайныхъ извѣстіяхъ говорится, что учителя по-прежнему съ любовью относились къ своему дѣлу и съ особеннымъ прилежаніемъ заботились объ успѣхахъ своихъ учениковъ. Такъ, напр., въ житіи св. Петра говорится: *«учителеви съ прилежаніемъ ему*

* Татищевъ, IV. 254. Въ степенной книгѣ (I, 487), сверхъ того, говорится, что въ числѣ женщинъ, пользовавшихся ея просвѣтительно-наставительными беседами, были, кромѣ перечисленныхъ, и «болярыни и княгини».

** Лавровскій, стр. 56—57. Также Порфирьевъ, Исторія Русской Словесности, ч. I. (Каз. 1891 г.), стр. 453.

(Петру) *прилжашу*, отроку же не спѣшно ученіе творяшеся, но косо и всячески не прилжно. И о семъ убо не мала печаль баше родителямъ его, и *не малу тцету совмѣняше себѣ и учитель его* ¹⁾. Подобнымъ же образомъ говорится и въ житіи преп. Сергія Радонежскаго: «учитель... его (Сергія) *со мноимъ прилжаніемъ* учаше его, но отрокъ не внимаше и не умѣяше» ²⁾. Быть можетъ, отъ личныхъ хорошихъ качествъ учителя зависѣло и то, что нѣкоторыя школы были особенно многочисленны, какъ, напр., та, въ которой учился св. Іона и о которой говорится, что въ ней было «множество ученическое» ³⁾. Впрочемъ, такое «множество» могло обуславливаться и прочей населенностью того мѣста, гдѣ находилась такая школа.

Остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ образовательныхъ средствахъ, которыми располагала школа и общество въ указанный періодъ. Само собою разумѣется, что эти средства, отъ дикаго нашествія на Русь варваровъ-монголовъ, должны были сильно сократиться. Насколько варварски татары расправлялись съ самыми богатыми нашими книжными собраниями, видно изъ того, напр., факта, что когда, при нашествіи Тохтамыша, были собраны въ Москву, въ соборныя церкви, книги со всего города и даже съ окрестныхъ селъ, то все это «многое множество» рукописей, съ разореніемъ города, было сожжено и уничтожено ⁴⁾. Особенно много, при набѣгахъ татаръ, погибло книгъ древнихъ, составлявшихъ наслѣдіе до-монгольской старины. Впрочемъ, что касается собственно литературной производительности монгольского періода, то она была нисколько не бѣднѣе прежняго, по крайней мѣрѣ, относительно своего внѣшняго объема. Измѣнился только нѣсколько самый характеръ этой литературы. Особенно сильное уклоненіе въ это время мы замѣчаемъ въ сторону лѣтописно-повѣствовательной литературы; пишутся разныя лѣтописныя сказанія, житія святыхъ, появляются описанія путешествій и т. д. Не менѣе бѣдной является и гомилетическая литература, хотя прежнихъ проповѣдниковъ-ораторовъ нѣтъ и въ поминѣ. Встрѣчаются по преимуществу собранія разныхъ поученій, словъ, изреченій и проч. въ видѣ сборниковъ, каковая форма дѣлается излюбленною, что указываетъ на явное пониженіе литературно-образовательнаго уровня.

Интересно также то, что большинство дошедшихъ до насъ, подъ именемъ словъ и поученій, сочиненій не имѣютъ проповѣдническаго характера и написано было не для произношенія съ церковной кафедры, а просто для чтенія ⁵⁾. Это нужно имѣть въ виду для того, чтобы обиліе такого рода поученій не ввело насъ въ заблужденіе насчетъ дѣйствительнаго состоянія живого проповѣдническаго слова въ

¹⁾ Степенная книга, I, 411.

²⁾ Сборникъ библ. митр. Макарія, № 42, л. 40. См. его Исторію, т. V, стр. 130, пр. 202.

³⁾ Памятники старин. русской литер. IV, 28.

⁴⁾ «Книгъ множество снесено со всего града и зъ селъ, въ соборныхъ церквахъ многое множество наметано, съхраненія ради спроваждено, то все безвѣстно (татары) сътвориша». П. С. Р. Л. VIII, 46.

⁵⁾ Порфирьевъ, Ист. Рус. Слов., ч. I, стр. 454.

это время: это слово стало раздаваться теперь съ церковной кафедръ все рѣже и рѣже, и послѣдняя стала терять уже свое прежнее значеніе школы для всѣхъ. Что касается свѣтскаго, чисто-научнаго элемента, то его въ литературѣ разсматриваемаго періода мы почти не встрѣчаемъ. Любознательность нашихъ предковъ въ это время, за предѣлами чисто-духовныхъ сочиненій, ограничивается лишь разными историческими сказаніями и описаніями путешествій, которыхъ теперь появляется довольно значительное число.

Но всѣ указанные роды сочиненій, за малочисленностью образованныхъ людей среди свѣтскихъ классовъ населенія, были почти исключительнымъ достояніемъ одного лишь духовенства: въ массу народа, особенно на сѣверѣ, они почти не проникали. Библиотечныя собранія ютились по-прежнему при церквахъ и монастыряхъ. Изъ такихъ библиотекъ въ XIV—XV вѣкахъ извѣстны двѣ ростовскія; одна, находившаяся при соборной церкви Пресв. Богородицы и сгорѣвшая въ 1408 году, и другая, помѣщавшаяся въ епископскомъ монастырѣ св. Григорія Богослова. О послѣдней, между прочимъ, извѣстно, что въ ней «книги многи бяху... на потребу почитанія ради при епископѣ Ростовствѣмъ Пареевнѣ» *). Были, конечно, и другія библиотеки. Но всѣ онѣ, за исключеніемъ самаго ограниченаго круга читателей, были для русскаго общества тѣмъ мертвымъ кладомъ, который, не смотря на свою, подѣ-часъ высокую, цѣнность, не приносилъ почти никакой пользы.

Ш.

Въ такомъ состояніи находилась въ Россіи школа и литература въ то время, когда настала вторая половина XV вѣка. Мы уже раньше видѣли, какое значеніе для Россіи долженъ былъ имѣть этотъ моментъ. Въ 1453 году, какъ извѣстно, Византія была завоевана турками, и потому, тѣ сношенія русскіхъ съ греками, которыя имѣли въ виду культурныя заимствованія у послѣднихъ, и которыя сильно ослабѣли еще со времени татарскаго нашествія, теперь должны были почти совсѣмъ прекратиться. Къ этому, неблагоприятному для просвѣтительнаго дѣла въ Россіи, событію присоединилось и другое—раздѣленіе Русской церкви на двѣ самостоятельныя митрополіи,—неблагоприятность, впрочемъ, котораго сказалась исключительно лишь для сѣверо-восточной половины Россіи. Собственно самостоятельная, независимая другъ отъ друга, политическая жизнь сѣверо-восточныхъ и юго-западныхъ русскіхъ областей началась гораздо раньше. Но до тѣхъ поръ, пока сохранялось единство верховной духовной власти, и школьно-образовательное дѣло, находившееся въ вѣдѣніи духовенства, должно было и на сѣверѣ и на югѣ сохранять единство, питаясь однимъ источникомъ и руководясь одними и тѣми же принципами.

*) Памятники старин. Рус. литер., IV, 121. Этой библиотекой пользовался между прочимъ св. Стефанъ Пермскій. О библиотекѣ при церкви Пресв. Богородицы см. Никон. лѣтоп., V, 15.

Но съ половины XV вѣка положеніе дѣлъ измѣнилось. Въ 1458 году для южно-и-западно-русскихъ областей былъ избранъ особый митрополитъ, и съ этихъ поръ Сѣверъ Россіи въ духовно-просвѣтительномъ отношеніи былъ предоставленъ собственнымъ силамъ. Но слабость этихъ послѣднихъ, ясно сказывавшаяся и раньше, и лишь до нѣкоторой степени маскировавшаяся высокой плодотворной дѣятельностью южныхъ просвѣтительныхъ центровъ, произвела теперь то, что и безъ того падавшее съ каждымъ почти полу-вѣкомъ образовательное дѣло упало, наконецъ, въ сѣверной Россіи окончательно, въ каковомъ положеніи оно и находилось до тѣхъ поръ, пока присоединившаяся къ Москвѣ Малороссія вновь не явилась къ ней съ своей культурной помощью и не возбудила ее къ новой духовно-культурной жизни. Этотъ періодъ обнимаетъ собою ровно два вѣка. Разсмотримъ его мы теперь и займемся.

Первое по времени и цѣнное по подробностямъ свидѣтельство объ упадкѣ народнаго просвѣщенія въ сѣверной Россіи мы находимъ въ посланіи новгородскаго архіепископа Геннадія къ московскому митрополиту Симону (около 1496—1504 гг.). Въ виду громаднаго интереса, который представляетъ для насъ это посланіе, мы приведемъ изъ него возможно полную выдержку: «Да билъ есмь челомъ, писалъ архіеп. Геннадій, Государю Великому Князю, чтобы велѣлъ училища учинити; а вѣдъ язъ своему Государю воспоминаю на его же честь да и на спасеніе, а намъ бы просторъ былъ: занеже вѣдъ толко приведуть кого грамотѣ горазда, и мы ему велимъ одны октеніи учити, да поставивъ его да отпуцаю боржае, и научивъ, какъ ему божественая служба совершати; ино имъ на меня рошту нѣтъ. А се приведуть ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолъ дати чести и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати и онъ и по тому одва бредеть, и язъ его оторку, и они извѣтъ творять: «земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ»; ино де вѣдъ-то всю землю излаять, что нѣтъ чловѣка въ землѣ, кого бы избрати на поповство. Два мнѣ бьютъ челомъ: «пожалуй деи, господине, вели учити»; и язъ прикажу учити ихъ октеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати, ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они поучився мало азбуки да просятся прочь, а и не хотятъ ее учити. А инымъ вѣдъ силы книжныя немощно достати, толко же азбуку границу и съ подтителными словы выучить, и онъ силу познаетъ въ книгахъ велику; а они не хотятъ учиться азбукѣ, да хотя и учятся, а не отъ усердія, и онъ живетъ долго; да тѣмъ-то на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія, а моеи силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити. А язъ того для бяю челомъ Государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозю, а твоимъ благословеньемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ Отець нашъ, Государемъ нашимъ, а своимъ дѣтемъ Великимъ Княземъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ, первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтителныя слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучать, можетъ послѣ того проучивая и

копархати и чести всякыя книги. А се мужики невѣжи учять робять да рѣчь ему испортить, да первое изучить ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денегъ, а завтраня также, а и свыше того, а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца, что радилъ отъ него; а отъ мастера отъидеть, и онъ ничего не умѣеть, только бредеть по книгѣ, а церковнаго постагя ничего не знаетъ. Только жъ Государь укажетъ псалтырю съ слѣдованіемъ изучити да и все, что выше писано, да что отъ того укажетъ имати, ино учащимся легко, а сякъ не смѣють огурятися. А чтобы и поповъ ставленыхъ велѣлъ учити, занеже то нерадѣніе въ землю вошло, и только посылатъ то учащіяся, и они съ усердіемъ пріймутъ ученіе» *).

Какъ видимъ, картина получается, дѣйствительно, вполне безотрадная. Духовенство, которое должно было поддерживать и распространять образованіе въ народѣ, было само въ буквальномъ смыслѣ слова полуграмотно. Прежней школы не было и помину. За обученіе грамотѣ дѣтей принимаются «мужики-невѣжи», которые сами едва умѣють читать и не только не выучиваютъ дѣтей, но еще «портятъ рѣчь» имъ. Самое обученіе получаетъ видъ ремесла, которое ничѣмъ не отличается отъ другихъ техническихъ ремеслъ, и учитель, и по практикѣ, и по самому названію, становится настоящимъ мастеромъ. Духовенство не только не предпринимаетъ противъ этого никакихъ мѣръ, но, чувствуя свою полную некомпетентность въ этомъ дѣлѣ, глядя на него вполне безучастно, въ душѣ, можетъ быть, даже радуясь, что удалось хоть на кого-нибудь свалить педагогическую обузу **). Но что всего печальнѣе, такъ это то, что въ самомъ народѣ въ это время отпала всякая охота учиться; грамота сдѣлалась тѣмъ пугаломъ, отъ котораго всѣ стали бѣгать. И все это происходило въ Новгородской области, которая въ культурно-просвѣтительномъ отношеніи стояла гораздо выше другихъ сѣверно-русскихъ областей. Что же должно сказать объ этихъ послѣднихъ?... Архіепископъ Геннадій, видя такое безотрадное состояніе образовательнаго дѣла, совѣтовалъ и просилъ о томъ великаго князя завести хоть какія-нибудь училища, чтобы дать возможность желающимъ поступить въ священники хоть сколько-нибудь подготовиться къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей. Совѣтъ этотъ, если и обнаруживаетъ въ его авторѣ человѣка, стоявшаго по своему развитію въ ряду другихъ тогдашнихъ епископовъ очень высоко, то въ то же время какъ нельзя лучше показываетъ намъ, до какой степени измѣнилось тогда даже среди сравнительно болѣе образованныхъ іерарховъ самое понятіе объ истинныхъ задачахъ народнаго просвѣщенія. Школьный курсъ въ проектируемыхъ Геннадіемъ училищахъ ограничивается лишь обученіемъ читать богослужебныя книги, главнымъ образомъ слѣдо-

*) Акты историческіе, т. I, № 104, стр. 147—148.

**) Кажется, что такая тенденція сквозить и въ письмѣ самого архіепа. Геннадія, который мотивировку мысли о необходимости заведенія училищъ подкрѣпляетъ между прочимъ тѣмъ соображеніемъ, что, съ заведеніемъ училищъ, духовенству будетъ «просторъ», т. е. больше досуга и меньше всякихъ хлопотъ по народному образованію.

вательную псалтырь — и только; назначеніе же школы — подготовка лишь кандидатовъ священства. И то и другое какъ нельзя болѣе ясно свидѣтельствуеютъ намъ, что школа въ это время въ сѣверной Россіи утратила самыя лучшія, самыя драгоцѣнныя свои черты, благодаря которымъ образовательное дѣло у насъ въ старину получило такую высокую степень развитія. Само собою разумѣется, что такая школа не могла имѣть будущности. Правда, одинъ иностранецъ, видѣвшійся съ московскими послами въ 1524 году, писалъ съ ихъ словъ, что въ Московіи въ то время было нѣсколько гимназій, въ которыхъ боярскія дѣти учились добрымъ, главнымъ образомъ священнымъ, наукамъ *). Но преев. Макарій заподозриваетъ справедливость этого свидѣтельства **). При томъ же трудно предположить, чтобы московскіе послы отважились высказать предъ иностранцемъ всю горькую правду о своихъ школахъ. А между тѣмъ никакихъ другихъ извѣстій о заведеніи проектированныхъ Геннадіемъ училищъ у насъ за это время нѣтъ. Вѣрнѣе всего, поэтому, что они и не были заведены. Впрочемъ, можно думать, что и самъ Геннадій болѣе рисовался, чѣмъ дѣйствительно заботился о поднятіи образовательнаго уровня въ средѣ низшаго духовенства. По крайней мѣрѣ извѣстно, что дѣло у него совершенно расходилось со словомъ. Въ 1503 году онъ съ шестью другими епископами, подъ предсѣдательствомъ митрополита Симона, составилъ соборъ, на которомъ былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію общественной и частной жизни низшаго духовенства, а также его отношеній къ высшимъ духовнымъ лицамъ. Между прочимъ было постановлено, чтобы епископы не брали ничего за поставленіе на священническія и дьячковскія мѣста; за нарушеніе же этого постановленія было опредѣлено лишать виновныхъ епископовъ святительскаго сана. И что же? Первый, кто нарушилъ это постановленіе собора, былъ самъ новгородскій архіепископъ Геннадій. Не прошло и года, какъ было обнаружено, что онъ сталъ брать со священниковъ еще больше прежняго денегъ за поставленіе на мѣста. Послѣ этого онъ былъ обысканъ, лишенъ своей кathedры и отправленъ въ московскій Чудовъ монастырь ***). Фактъ очень рельефный для характеристики человѣка, стоявшаго цѣлой головой выше современнаго ему духовенства.

Если теперь подобныя случаи возможны были для такого человѣка, то что же можно сказать объ остальной массѣ? Съ исчезновеніемъ образованія, стали исчезать и нравственные принципы. Высшія, духовныя потребности стали одинаковы чужды и духовенству и простому народу. И то и другой теперь образовали одну сплошную темную массу, на которой лишь кое-гдѣ и то изрѣдка появлялись свѣтлыя искры, не оказывавшія, впрочемъ, почти никакого вліянія на царившій всюду густой мракъ. Какъ дико и невѣжественно было въ это время духовенство, насколько въ немъ отсутствовало пони-

*) Joannis Fabri, Moscovitarum religio, apud Starczewski, Hist. Ruthen. script, I, 11.

**) Макарій, Исторія Русской ц., VII, 114.

***) П. С. Р. Л., VI, 49.

маніе самыхъ коренныхъ принциповъ той религіи, представителемъ которой оно являлось, можно судить по возможности появленія среди него такой ереси, какъ ересь жидовствующихъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ. Эта ересь была собственно совсѣмъ не еретическимъ вольномысліемъ въ предѣлахъ христіанства, а настоящимъ жидовскимъ вѣроученіемъ даже съ нѣкоторыми частными характеристическими особенностями его. Насадилъ ее жидъ Схарія, которому, вѣроятно, не удалось его дѣла на югѣ, и который потому пріѣхалъ въ Московію попытать счастья на другомъ поприщѣ. И что всего удивительнѣе, адептовъ своего ученія онъ нашелъ опять-таки въ томъ же Новгородѣ, который въ культурномъ отношеніи стоялъ даже нѣсколько выше другихъ сѣверно-русскихъ городовъ. Изъ Новгорода, чрезъ новгородскихъ священниковъ, жидовское ученіе перешло и въ Москву, проникло тамъ въ монашескія сферы, въ боярскій и придворный круги и, наконецъ, приобрѣло себѣ тайнаго сторонника въ лицѣ самого митрополита Зосимы. И лишь страшныя казни еретиковъ въ началѣ XVI вѣка ослабили эту странную ересь. Гдѣ же послѣ этого говорить объ учительствѣ духовенства? Одинъ изъ сборниковъ конца первой четверти XVI стол. замѣчаетъ по этому поводу: «пишетъ учитель нѣкій в наказаніи учительномъ: отъиде законъ отъ священниковъ, наказаніе отъ учащихся» *). И такое ужасное положеніе дѣлъ было далеко не кратковременно. Въ томъ же самомъ видѣ, какъ при Геннадіи, мы застаемъ его въ половинѣ XVI вѣка, отъ котораго до насъ дошло новое очень цѣнное свидѣтельство, принадлежащее Стоглавому собору 1551 года.

Постановленія этого собора рисуютъ намъ прежде всего умственную и нравственную сторону состоянія сѣверно-русскаго духовенства, — и обѣ эти стороны оставляютъ сами по себѣ самое безотрадное впечатлѣніе. Бѣлое и черное духовенство какъ бы соперничаютъ между собою въ невѣжествѣ и безнравственной жизни. Невѣжество священниковъ доходитъ до того, что они даже не могутъ, какъ слѣдуетъ, совершать церковныхъ службъ **). Грубость, пьянство, бродяжничество и распутство характеризуютъ нравственную жизнь какъ монастырскихъ, такъ и мірскихъ священно-и-церковно-служителей***). Понятно, что отъ такого духовенства нельзя было ожидать ничего хорошаго для народнаго образованія. И дѣйствительно, подобно архіепископу Геннадію, отцы Стоглаваго собора свидѣлствуютъ, что школьно-образовательное дѣло въ ихъ время находилось въ полнѣйшемъ упадкѣ, хотя въ то же время по-прежнему ясно сознаютъ, что такой упадокъ его лежитъ на отвѣтственности духовенства, прямая обязанность котораго — заботиться объ обученіи дѣтей и вообще объ

*) Востоковъ. Описаніе рукописей Румянцовскаго Музеума, № CCCLXVII, стр. 537.

***) Стоглавъ. Каз. 1862 г. Гл. V, вопр. 1, стр. 50. См. также вопр. 23, стр. 66, вопр. 33—34, стр. 73—74 и др.

****) Ibid., вопр. 22, стр. 66, вопр. 17—18, стр. 61—62, вопр. 9, стр. 56, вопр. 13, стр. 59, вопр. 8, стр. 55; гл. XXIX, стр. 127, гл. XLIX, стр. 225 и слѣд. и др.

образованіи народа *). На вопросъ, обращае́мый къ искателямъ священническихъ мѣстъ, почему они такъ «мало грамотѣ умѣютъ», всѣ они отвѣчали всегда въ одинъ голосъ: «Мы де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а инде намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, потому и насъ учать». «А отцы ихъ и мастера ихъ, замѣчаютъ отъ себя члены Стоглаваго собора, и сами потому жъ мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учиться имъ негдѣ. А преже сего въ російскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣгородѣ и по инымъ городамъ многія училища бывали, грамоте и писати и пѣти и чести учили, и потому тогда грамоте и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было; но пѣвцы и чтецы и добры писцы славны были по всей земли и доднесь»**). Какъ видимъ, школъ во время Стоглава совсѣмъ не было. Дѣти духовенства учились у своихъ отцовъ, остальные желающія— у мастеровъ, которые, повидимому, все болѣе и болѣе завладѣвали учебнымъ дѣломъ. Но полуграмотные священники и мастера могли, разумѣется, приготовить еще менѣе грамотныхъ учениковъ, — и въ результатѣ получалась мрачная и грустная картина всеобщаго невѣжества. Желая внести хоть сколько-нибудь свѣта въ эту картину, а главное, помочь дѣлу подготовленія грамотныхъ священно-церковно-служителей, отцы Стоглава постановили: «... Мы... по царскому совѣту соборне уложили въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ тѣмъ же протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ и со всѣми священники и дьяконы кийждо во своемъ градѣ по благословенію своего святителя избрати духовныхъ священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользоваться и грамоте бы и чести писати горазди, и у тѣхъ священниковъ и у дьяконовъ и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священники и дьяконы и дьяки и всѣ православные хрестьяне въ коемждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей на учение грамоте и на учение книжнаго писма и церковнаго пѣтія псалтырнаго и чтенія наложнаго. И тѣ бы священники и дьяконы и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божию и грамоте и писати и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ. Наипаче же всего учениковъ бы своихъ брегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли ихъ ото всякого растлѣнія, ... чтобы имъ вашимъ бреженіемъ и поученіемъ пришесть въ возрастъ достойнымъ быти священническаго чину. Да учениковъ же бы есте своихъ во святыхъ церквахъ Божіихъ наказывали и учили страху Божию и всякому благочинію, псалмопѣнію и чтенію и пѣнію и канарханію по церковному чину. А учили бы есте своихъ учениковъ грамоте довольно, сколько сами умѣете, и силу бы имъ въ писаніи сказывали по данному вамъ отъ Бога таланту, ничто же скрывающе, чтобы

*) «Ученики учатся грамотѣ небрегомо. А божественное писаніе о томъ о всемъ свидѣтельствуеть, а намъ, пастыремъ, о томъ небреженіи о всемъ отвѣтъ дати». Стоглавъ, гл. V, вопр. 6, стр. 53.

***) Ibid., гл. XXV, стр. 120—121.

ученицы ваши всё книги учили, которые соборная святая церковь приѣмлетъ, чтобы потомъ и впредь могли не токмо себе, но и прочихъ пользоваться и учить страху Божию о всёхъ полезныхъ. Также бы учили своихъ учениковъ чести и пѣти и писати сколько сами... умѣете, ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести приемлюще по ихъ достоинству» *).

Это постановленіе Стоглава имѣетъ двойное значеніе. Съ одной стороны оно показываетъ, что высшая тогдашняя духовная іерархія вмѣстѣ съ великимъ княземъ видѣли всю невозможность оставить дѣло народнаго образованія въ прежнемъ видѣ, и потому рѣшили провозвести въ немъ соотвѣтственную реформу; съ другой же стороны оно до ясности свидѣтельствуєтъ, что понизившійся до послѣдней степени образовательный уровень русскаго духовенства и всего общества привелъ къ коренному измѣненію среди него взглядовъ на самую сущность, на существенныя задачи народнаго просвѣщенія. Съ одной стороны, мы видимъ здѣсь похвальное стремленіе расширить школьную программу внесеніемъ въ нее письма и пѣнія, исключить изъ преподавательскаго персонала невѣжественныхъ мастеровъ, уничтожить домашній способъ обученія, замѣтивъ его обученіемъ въ болѣе или менѣе организованныхъ школахъ и т. д.; но съ другой стороны во всей этой сѣ виду похвальной реформѣ проглядываетъ та же тенденція, какую мы видѣли въ проектѣ архіеп. Геннадія. Это—узкій утилитарный взглядъ на школу, какъ на заведеніе, которое должно главнымъ образомъ служить практической цѣли—подготовленію будущихъ священно-церковно-служителей. Правда, къ участію въ школьномъ обученіи приглашаются дѣти *всѣхъ* православныхъ христіанъ**). Но, очевидно, это говорится лишь для проформы, для большаго эффекта, скрывающаго подъ собою полный скептицизмъ относительно возможности осуществленія того, что говорится, такъ какъ тутъ-же совѣтуется учителямъ воспитывать дѣтей такъ, чтобы они, съ приходомъ въ возрастъ, оказались способны къ занятію священническихъ мѣстъ. И если въ концѣ XV вѣка такой взглядъ высказывается со стороны одного лишь іерархическаго лица, то теперь, въ половинѣ XVI вѣка, это произносится отъ лица цѣлаго собора іерарховъ Русской церкви, съ мнѣніемъ которыхъ соглашается и великій князь. Эта, повидимому, мелкая черта, на которую изслѣдователи не обращаютъ ровно никакого вниманія, на самомъ дѣлѣ имѣетъ весьма важ-

*) Стоглавъ, гл. XXVI, стр. 121—123.

***) Г. Миропольскій, между прочимъ, основываясь на томъ, что списки соборнаго уложенія, какъ видно изъ тѣхъ, которые напечатаны у Бѣляева («Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г. или Стоглава. М. 1893 г.») были разосланы не только духовенству, но и разнымъ свѣтскимъ земскимъ чинамъ. (См. Бѣляева, стр. 8, пр. 1, говоритъ, что къ дѣлу устройства училищъ были привлечены и эти послѣдніе. (См. Миропольскій. Школа и государство, стр. 19—20). Не отрицая возможности такого привлеченія, мы тѣмъ не менѣе должны замѣтить, что ссылка г. Миропольскаго на наказные списки нисколько не служитъ доказательствомъ этого, такъ какъ земскимъ чинамъ были разосланы *всѣ* постановленія Стоглава, въ числѣ которыхъ были и такія, которыя совсѣмъ не касались земства.

ное значеніе. Узкій, утилитарный взгляд на просвѣщеніе отражалъ въ себѣ лишь общій утилитарно-практическій характеръ міровоззрѣнія тогдашняго сѣверно-русскаго духовенства и общества, которому теперь исторія, оторвавшая его отъ юга, предоставила свободно высказаться. Главное вниманіе народа при этомъ міровоззрѣніи стало обращать на себя внѣшнее, практическое значеніе предмета, а не его идейная сторона, сущность. Отсюда послѣдняя совсѣмъ стала ускользать отъ его наблюденія, и ее замѣнила собой внѣшняя, формальная сторона дѣла. Самымъ крупнымъ и самымъ характернымъ явленіемъ, отразившимъ на себѣ эту особенность народнаго міровоззрѣнія былъ церковный расколъ половины XVII вѣка. Конечно, истинное просвѣщеніе многое могло бы здѣсь сдѣлать: оно измѣнило-бы даже природныя свойства народа. Но этого-то просвѣщенія, къ сожалѣнію, и не было; мало того, даже та простая грамотность, которую старался завести Стоглавый соборъ, рѣшительно не прививалась въ народѣ, и не прививалась по весьма существеннымъ причинамъ.

Мы видѣли, что обязанность обученія дѣтей въ школахъ возложена Стоглавомъ на духовенство; при чемъ въ числѣ этого послѣдняго упоминаются и дьячки. Новизна привлеченія послѣднихъ къ педагогическому дѣлу ничѣмъ въ постановленіяхъ собора не объяснена; отсюда мы можемъ заключать, что практиковать обученіе дѣтей дьячки стали и нѣсколько раньше, хотя трудно сказать, съ какою именно времени, но несомнѣнно, что не раньше, какъ со времени упадка образованія среди русскаго духовенства. Вознагражденіе за свои труды учителя, по мысли собора, должны были получать отъ родителей дѣтей, по взаимному договору съ ними, какъ это практиковалось и раньше. Школы должны были быть устроены въ домахъ самихъ учителей. Все, повидимому, было обставлено, какъ слѣдуетъ; оставалось только принять за дѣло. И однако, послѣдующія извѣстія почти ничего не говорятъ намъ о заведеніи въ сѣверно-русскихъ областяхъ училищъ. Одинъ иностранецъ, посѣтившій Россію въ 1576 году, говоря о сѣверно-русскихъ монастыряхъ, замѣчаетъ: «Во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научиться въ самыхъ монастыряхъ; потому изъ тысячи людей едва найдется одинъ, умѣющій читать или писать». Конечно, кое-гдѣ училища все-таки были заведены *); не даромъ же были разосланы по всему Московскому царству наказные списки соборнаго уложенія, и на эти училища, повидимому, и указываетъ бывший въ Москвѣ въ 1581 году Антоній Поссевинъ, который говоритъ: «нѣтъ здѣсь ни коллегій, ни академій, а есть только кое-какія школы, въ которыхъ учатся дѣти читать и писать». Но выраженіе— «кое-какія» («aliquae»), очевидно, показываетъ, что это было далеко не то, о чемъ мечталъ Стоглавъ. Что-же были за причины, которыя не дали осуществиться проекту Стоглава? Такихъ причинъ было двѣ: во-первыхъ, недостатокъ хорошихъ учителей, которые остались тѣ

*) Между прочимъ въ 1564 г., послѣ покоренія Казани (1552 г.), была заведена школа для казанскихъ инородцевъ.

же, что были и до Стоглава и о которых послѣдній отзывался самым непохвальнымъ образомъ; во-вторыхъ, неохота къ ученію у народа,—неохота, съ которою мы уже встрѣчались въ посланіи Геннадія и которая, съ теченіемъ времени, конечно, еще усилилась. Отчего-же происходила эта неохота, трудно сказать. Можно, впрочемъ, думать, что по мѣрѣ того, какъ школа дѣлалась въ сѣверно-русскихъ областяхъ все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ, народъ постепенно просто отвыкалъ отъ нея; она уже перестала быть прежнимъ органическимъ элементомъ его и, наконецъ, сдѣлалась совсѣмъ чужой ему и непонятной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вина могла заключаться и въ самой новой школѣ, которую старался насадить Стоглавъ. Дѣло въ томъ, что, какъ ни былъ неразвитъ сѣверно-русскій народъ въ XVI вѣкѣ, но онъ все же прожилъ уже не мало: онъ прожилъ и счастливый вѣкъ владычества кievскихъ князей, который давалъ такой широкой просторъ для конкуренціи силъ, прожилъ и несчастное время татарскаго владычества, которое невольно заставило его призадуматься надъ своей политической и культурной судьбой, и теперь, въ грозный вѣкъ Іоанна IV сталъ концентрироваться въ мощное политическое цѣлое вокругъ московскаго царскаго престола. Все это не могло остаться безъ вліянія на общее развитіе сѣверно-русскаго народа: онъ сталъ богаче опытомъ,—въ немъ стали развиваться потребности, о которыхъ онъ прежде не имѣлъ и понятія, въ его душѣ стали возникать запросы, которые требовали и соотвѣтственнаго рѣшенія. Новая школа и должна была имѣть въ виду эти новыя требованія и запросы: такъ или иначе она должна была приноровиться къ духу своего времени; въ противномъ случаѣ она заранѣе осуждала себя на мертвое и бесплодное существованіе. А между тѣмъ школа Стоглава не только не воскресила въ себѣ школы, бывшей до-монгольскаго періода, но даже сильно отстала отъ послѣдней. Получился, такимъ образомъ, совершенный анахронизмъ,—и новая школа, уже въ своемъ зародышѣ заключающая начало разрушенія, погибла, не успѣвши появиться на свѣтъ.

Не подыавъ совершенно упавшей школы, отцы Стоглаваго собора не смогли поднять и упавшаго общаго народнаго образованія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ сѣверно-русскій народъ все болѣе и болѣе погрязалъ въ грубости и невѣжествѣ. Князь Курбскій свидѣтельствуетъ, что въ его время было уже настоящее гоненіе даже на тѣ скудные остатки просвѣщенія, которые жили еще въ русскомъ обществѣ; находились люди, которые, какъ онъ говоритъ, книжное «вречество смертоноснымъ ядомъ нарицаютъ» *). Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, если такіе просвѣщенные люди, какъ, напр., Максимъ Грекъ, были въ

*) «Глаголють бо... прелищаючи юношѣ, тщаливыхъ къ науцѣ, хотящихъ навикати писанія... и с прещеніемъ заповѣдываютъ им, глаголюще: не читайте книгъ многихъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ, и онсица во книгахъ зашолса, а онсица въ ересь впаль. О бѣда! От чево бѣси бѣгають и исчезаютъ, и чимъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются, сіе они оружіе отемлютъ и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицаютъ». Востоковъ. Опис. рукоп. Румянц. музея, NCCCLXXVI, стр. 557.

Московскомъ царствѣ очень нелюбимы и нерѣдко даже прямо преслѣдуемы. Характеренъ также въ этомъ отношеніи еще слѣдующій фактъ. Въ XV вѣкѣ, какъ извѣстно, было изобрѣтено на Западѣ книгопечатаніе. Къ концу этого вѣка типографіи стали появляться и въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ—въ Польшѣ и Черногоріи; въ началѣ XVI вѣка появилась одна типографія и въ юго-западной Россіи. Но Москва все еще медлила съ заведеніемъ у себя книгопечатанія, относясь очень недоувѣрчиво къ изобрѣтенію, которое имѣло своей родиной католической Западъ. Наконецъ, самъ царь Иванъ Грозный взялъ на себя инициативу это дѣла,—и въ 1553 году сдѣлано было распоряженіе объ устройствѣ въ Москвѣ типографіи. Но послѣдняя долго медлила съ своимъ открытіемъ, и лишь черезъ одиннадцать лѣтъ, 1 марта 1564 года, вышла въ свѣтъ первая печатная книга—Апостолъ. Это было очень не по душѣ многимъ, погрязшимъ въ невѣжествѣ духовнымъ лицамъ. Еще, когда устраивалась типографія, назначенные для этой цѣли мастера много терпѣли «презельнаго озлобленія отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ и учитель, которые, зависти ради, умышляли на нихъ многія ереси, хотячи благое въ зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити» *). Когда же былъ напечатанъ Апостолъ, а за нимъ—Часословъ, озлобленные враги книгопечатанія не выдержали и, какъ говорили въ то время, подожгли типографію, которая вся, со станкомъ и буквами, совершенно сгорѣла. Такимъ образомъ, даже самая возможность распорядженія просвѣщенія чрезъ увеличеніе образовательныхъ средствъ была совершенно уничтожаема московскимъ духовенствомъ. Появившіяся въ прежнюю эпоху, а равно переписывавшіяся теперь сочиненія, за исключеніемъ самаго ограниченнаго круга просвѣщенныхъ людей, почти совсѣмъ не имѣли читателей. Отъ прежняго высокаго взгляда на книжное просвѣщеніе осталось одно лишь суевѣрное почитаніе ихъ. Библиотекъ въ разныхъ мѣстахъ Московскаго государства было нѣсколько; таковы библиотеки монастырей: Корельскаго Николаевскаго, Троицко-Сергіева, Кирилло-Бѣлозерскаго; была также библиотека при Московскомъ царскомъ дворцѣ. Но когда (ок. 1565 г.) послѣднюю захотѣлъ осмотрѣть одинъ иностранецъ (дерптскій пасторъ, Іоаннъ Ваттерманъ), то ему вынесли нѣсколько книгъ и затѣмъ, послѣ осмотра, тотчасъ опять унесли. Библиотечные своды, не открывавшіеся предъ этимъ въ продолженіе цѣлой сотни лѣтъ, были опять надолго закрыты **)

*) Макарій, VII, 122.

**) Интересенъ составъ тогдашнихъ библиотекъ. Въ царской библиотекѣ, по глухому свидѣтельству Ваттермана были сочиненія «значительныхъ» авторовъ. Но что это были за авторы, неизвѣстно. Въ письмѣ къ ростовскому архіепископу Іоасафу новгородскій архіепископъ Геннадій спрашивалъ: «Есть-ли у васъ въ Кирилевѣ монастырѣ, или въ Оерапонтовѣ, или на Каменномъ книгъ: Сильвестръ папа римскій, слово Козмы пресвитера на ересь Богомиловъ, посланіе Фотія патріарха къ болгарскому царю Борису, пророчества, бытія, царствъ, притчи, Менаандръ, Іисусъ Сираховъ, Логика, Діонисій Ареопagitъ, потому что эти книги у еретиковъ (жидовствующихъ) есть». Въ Новгородѣ, оказывается, ничего этого не было. Неизвѣстно также, было-ли что-нибудь изъ этого въ упомянутыхъ монастыряхъ.—Объ Іосифѣ Волоцкомъ сохранилось извѣстіе, что онъ принесъ съ со-

Недурной также характеристикой взглядов сѣверно-русскаго духовенства и общества въ XVI вѣкѣ служить извѣстный «Домострой». Въ числѣ всевозможныхъ правилъ и наставленій, касающихся общественной и частной жизни, наставленій религиозно-нравственныхъ и чисто-практическихъ совѣтовъ нѣтъ здѣсь лишь одного—о необходимости для человѣка образованія. Это очень характерно. Очевидно, составители «Домостроя» прекрасно понимали, что говорить объ образованіи въ ту эпоху было-бы совершенно несвоевременно, да и имъ самимъ врядъ-ли приходила въ голову такая странная мысль.

Между тѣмъ, пренебрегши школой, какъ средствомъ образованія молодого поколѣнія, духовенство утратило и прежній прекрасный взглядъ на церковь, какъ на школу для всѣхъ. По свидѣтельству посѣщавшихъ въ это время Московское государство иностранцевъ *), проповѣдь тамъ не была въ употребленіи: причиною тому, по ихъ словамъ, было опасеніе, чтобы проповѣдникъ не сказалъ чего-нибудь еретическаго. Объ этомъ послѣднемъ свидѣтельствуемъ и наставленіе духовенству митрополита Данила (1522—1542): «не о себѣ учить или отъ своего разума составлять что, но отъ свидѣтельства божественныхъ писаній» **). А между тѣмъ учить и «отъ божественныхъ писаній» было для священниковъ крайне затруднительно. Тотъ-же Петрей, который говоритъ о совершенномъ отсутствіи въ это время церковной проповѣди, замѣчаетъ о монахахъ, что они «не учены и не умѣютъ ничего отвѣтить, когда ихъ спросишь что-нибудь изъ Библіи или изъ Св. Отцовъ, или объ ихъ вѣрѣ, орденахъ и жизни: они говорятъ, что не могутъ отвѣчать на это, потому что должны держать себя въ простотѣ и невѣжествѣ, и не умѣютъ ни читать, ни писать»***). А старецъ Арсеній Глухой писалъ около того-же времени боярину Салтыкову, что сами московскія власти и честные протопопы не понимали хорошо того, что они пѣли въ церквяхъ и «только по

бою въ монастырь слѣдующія книги: четыре евангелія, апостоль, двѣ псалтыри, сочиненіе Ефрема, Дорофея, Петра, Дамакина, Василія Великаго, патерикъ азбучный, два ирмологія. А Петрей, говоря въ своемъ описаніи великаго княжества Московскаго о тамошнихъ училищахъ, замѣчаетъ: «никакихъ другихъ книгъ у нихъ нѣтъ, кромѣ Азбукъ, нѣсколькихъ Молитвенниковъ, называемыхъ тамъ «еже-недѣльнымъ молатвословіемъ», по которымъ молятся Дѣвѣ Маріи, Св. Николаю, Михаилу и великому множеству ихъ славныхъ Святыхъ, еще нѣкоторые Антифоны, Псалтырь Давида, Исповѣданія вѣры: Апостольское, Никейское и Аеанасьевское и также Дѣла Александра Великаго. А лица, желающія поступить во священники, читаютъ Новый Завѣтъ, проповѣди Златоуста, Василія, Григорія Назіанзина, Амвросія, Кипріяна, особливо же Златоуста и нѣкоторые другія». Соловьевъ, *Исторія Россіи* V, 232. 273. «Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Р.», 1867 г., II, отд. IV, стр. 421—422. Кюссіусъ. *Библіотека вел. кн. Василія Іоанновича и царя Іоанна Васильевича* («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1834 г. іюнь стр. 412—414). О достовѣрности разсказа Ваттермана см. Лихачевъ. *Библіотека и архивъ моск. госуд. в. XVI ст.* Спб. 1894, стр. 33—34.

*) См. напр. Петрей. *Описаніе великаго княжества Русскаго* («Чт. въ И. О. И. и Д. Р.», 1867 г., II, Отд. IV, стр. 421), также Герберштейна, *Московскія записки* («Воспоминанія», 1832 г., кн. VI, стр. 50).

**) Соловьевъ. *Исторія Россіи*, т. V (М. 1872 г.), стр. 445.

***) «Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867 г., кн. II, Отд. IV, стр. 418.

чернилу проходили божественныя писанія, смысла-же ихъ не старались узнать», и совѣтовалъ боярину: «спроси лучшаго архимандрита или попа, пусть дадутъ отвѣтъ, какой смыслъ имѣютъ слова Богородична о Христѣ: «не во двою лицу раздѣляемый, но во двою естество неслитно познаваемый», и чьи зловѣрныя ученія св. Іоаннъ Дамаскинъ отвергаетъ этими словами. А если какой архимандритъ или попъ не дастъ объясненія этимъ реченіямъ, то онъ ничѣмъ не разнится отъ невѣжды поселянина, и срамъ такому носить на себѣ имя великаго церковнаго чина, догматовъ-же православія не разумѣть» *). Неудивительно, поэтому, что вся репутація о священникѣ основывалась лишь на его голосѣ. Петрей говоритъ, что «чѣмъ шибче и громогласнѣе выкрикиваетъ священникъ, тѣмъ выгоднѣе о немъ мнѣніе: полагаютъ, что онъ ученъ и можетъ хорошо исправлять свою должность. Если же онъ запинается и не можетъ продолжать скоро и бойко, слушатели до того разсердятся, что пожалуются на него патриарху, и иногда онъ лишается мѣста» **). Какая безурядица происходила тогда въ церквахъ, вслѣдствіе грубости и невѣжества пастырей и пасомыхъ, трудно себѣ и представить. Еще Стоглавъ замѣчалъ, что священники въ церквахъ безчинствуютъ и даже прямо дерутся; миряне являюся въ церкви въ шапкахъ (тафьяхъ) и громко разговариваютъ тамъ о совершенно постороннихъ предметахъ (вслѣдствіи этому подавалъ примѣръ и самъ Іоаннъ Грозный); пѣніе—положительно безчинное ***). То же изобличалъ въ началѣ XVII в. (ок. 1611 г.) и патриархъ Гермогенъ. «Повѣдаютъ намъ, писалъ онъ въ своемъ посланіи, христоробивые люди со слезами, а инии писаніе приносятъ, а сказываютъ, что де въ мірскихъ людѣхъ, паче во Священникахъ и иноческомъ чинѣ вселися великая слабость и небреженіе... и въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе. По преданію Св. Апостолъ и по уставу Св. Отецъ, церковнаго пѣнія не исправляютъ, и говорятъ де голоса въ два и въ три, и въ четыре, а индѣ и въ пять и въ шесть... Въмъ бо многихъ, собирающихся не Бога ради, ниже послушанія ради глаголь. Овѣхъ убо зрю дремлющихъ, овѣхъ скуду и обоуду озирающихъ, иныхъ другъ ко другу глаголющихъ» ****). И все это продѣлывалось, какъ нѣчто вполне обычное, совершенно спокойно, безъ всякихъ стѣсненій. Такъ невѣжество отражалось на всѣхъ сторонахъ жизни тогдашняго общества.

Въ началѣ XVII ст., когда на Московскій престолъ сѣлъ новый царь, Борисъ Федоровичъ Годуновъ, человѣкъ довольно просвѣщенный, началась было по его почину нѣкоторая реакція противъ страшнаго умственнаго застоя, въ которомъ находилось Московское общество. Но эта реакція не привела рѣшительно ни къ чему. Борисъ предложилъ было думѣ «вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Герма-

*) Рук. Сборн. Тр. Серг. Лавры № 700, л. 323. См. Макарія, Ист. Рус. Ц., X, 229—230.

**) «Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1867 г., II, Отд. IV, стр. 421.

***) Стоглавъ, изд. 1863 г., стр. 65—66.

****) Сахаровъ. Исслѣдованія о русскомъ церковномъ пѣснопѣніи, стр. 12.

ни, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи и для изученія языковъ учредить школы». Но этому рѣшительно воспротивилось духовенство. «Папы и монахи, говоритъ нѣмецъ Беръ, бывшій въ это время въ Москвѣ, противились сему намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не смотря на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единоправіе; если же настанетъ разноязычіе,—поселится раздоръ, и прежнее согласіе исчезнетъ». Протестъ былъ такъ силенъ, что Борисъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія *). Какъ видимъ, духовенство въ это время было не только само страшно невѣжественно, но оно тщательно заботилось и о томъ, чтобы оградить все общество отъ всего того, что могло вывести его изъ невѣжественнаго состоянія.

Положеніе было крайнее во всѣхъ отношеніяхъ. Оно угрожало московскому народу чѣмъ-то очень серьезныхъ. Всеобщее и все прогрессирующее невѣжество и грубость нравовъ могло наконецъ дойти до послѣдней степени, за которой народъ не могъ уже сохранить то положеніе, которое является удѣломъ лишь культурныхъ націй, и волей-неволей долженъ былъ произойти кризисъ. И этотъ кризисъ, дѣйствительно, произошелъ, кризисъ страшный, безпримѣрный въ исторіи, похитившій нѣсколько милліоновъ жертвъ. Но онъ заставилъ московскій народъ очнуться отъ своего долговѣчнаго сна и вступить на новый путь исторической жизни, который долженъ былъ привести его въ ту семью культурныхъ народовъ, изъ которой онъ вышелъ въ XV—XVI вв. Мы говоримъ о великомъ московскомъ расколѣ, который произошелъ въ половинѣ XVII вѣка.

О. Крыжановскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, ч. I., изд. 2-е. Спб. 1837 г. стр. 12 -13.

Очерки начального народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ.

III.

Д а н і я.

(Окончаніе *).

VI. Высшія народныя школы для взрослыхъ.

Высшія народныя школы для взрослыхъ составляютъ характернѣйшую особенность датской системы народнаго образованія. Эти школы, возвысившія сельское населеніе Даніи до такой культурной высоты, до какой не достигъ еще ни одинъ народъ въ мірѣ, возникли лѣтъ сорокъ тому назадъ, какъ слѣдствіе религіозно-политическаго движенія, вызваннаго знаменитымъ епископомъ Грунтвигомъ (1783—1872). Горячій патриотъ и демократъ, страстно преданный своему народу, этотъ замѣчательный человѣкъ задался цѣлью поднять культурный уровень народа путемъ развитія въ сельскомъ населеніи сознательнаго отношенія къ жизни, путемъ пробужденія въ народныхъ массахъ ума и сердца и воспитанія въ нихъ яснаго пониманія своихъ правъ и обязанностей.

Первыя заботы Грунтвига были направлены на развитіе и распространеніе начального образованія. Не смотря на свою глубокую религіозность, Грунтвигъ горячо стоялъ за свѣтскость начальной школы: званіе пастора не мѣшало ему сознавать, что только при этомъ условіи школа можетъ свободно и правильно развиваться. По мнѣнію пастора Грунтвига, религіозное воспитаніе молодого поколѣнія должно всецѣло лежать на обязанности семьи: «общепринятое и однообразное преподаваніе закона Божія, производимое преподавателемъ въ общественной школѣ, говорилъ Грунтвигъ, только загромождаеть память, не затрогивая, ни ума, ни сердца учащихся, на которые прежде всего должны воздѣйствовать вопросы религіи».

*) См. «Образованіе» № 3. 1895 г.

Но какъ бы ни была поставлена начальная школа, она, по мнѣнію Грунтвига, должна служить только преддверіемъ къ дальнѣйшему образованію; сообщаемыя ею элементы свѣдѣній являются лишь орудіями для пріобрѣтенія знаній и необходимаго для каждаго гражданина развитія. Въ такой странѣ, какъ Данія, гдѣ народъ участвуетъ въ государственномъ управленіи, масса населенія должна быть настолько развита и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи, чтобы быть въ состояніи самостоятельно понимать насущные вопросы государственной жизни и сознательно участвовать въ выборахъ своихъ представителей. Такого развитія не можетъ дать коммунальная школа, имѣющая дѣло съ дѣтьми до 15-ти лѣтняго возраста, не можетъ дать его и классическая средняя школа, воспитывающая юношество въ духъ отжившей греческой и римской цивилизаціи, не имѣющей ничего общаго съ жизнью современныхъ сѣверныхъ народовъ. Даже копенгагенскій университетъ не отвѣчалъ запросамъ Грунтвига, и его послѣдователей, вызывая съ ихъ стороны упреки за отсталость и схоластичность, за латинскій педантизмъ и нѣмецкій паеосъ. Завѣтною мечтою великаго патріота было созданіе обширнаго *скандинавскаго* университета,—единаго для трехъ родственныхъ сѣверныхъ странъ. Этотъ грандіозный планъ такъ и остался въ области мечтаній. Патріотическія идеи не нашли себѣ благопріятной сферы среди высшихъ классовъ населенія, въ значительной степени утратившихъ свой національный характеръ: аристократіи,—благодаря частымъ бракамъ съ нѣмецкими семьями, а буржуазіи,—вслѣдствіи постоянныхъ торговыхъ сношеній съ разнаго рода иностранцами. Истинныхъ представителей скандинавской расы, Грунтвигъ находилъ только въ сельскомъ земледѣльческомъ населеніи, и на него-то онъ и возложилъ всѣ свои надежды, видя въ немъ единственный оплотъ для сохраненія и укрѣпленія въ любимомъ отечествѣ національнаго духа, любви къ родинѣ и опору для противодѣйствія нѣмецкому вліянію. Онъ не ошибся въ своихъ расчетахъ: въ средѣ крестьянскаго населенія Даніи онъ дѣйствительно нашелъ благодарную почву для своей дѣятельности и провелъ свою идею національнаго образованія въ формѣ болѣе скромной, на первый взглядъ; но, быть можетъ, имѣющей большее значеніе для культурнаго развитія страны, чѣмъ даже составлявшій предметъ его мечтаній великій скандинавскій университетъ,—въ формѣ высшихъ народныхъ школъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ крестьянскихъ университетовъ, распространенныхъ не только по всей Даніи, но и въ родственныхъ ей государствахъ: Швеціи и Норвегіи *).

Первая высшая народная школа была основана въ 1844 г. въ южной части Ютландіи ближайшимъ другомъ и послѣдователемъ Грунтвига—государственнымъ совѣтникомъ Флоромъ. Черезъ 2 года другой послѣдователь и преемникъ Грунтвига Кристенъ Кольдъ осно-

*) Изъ предъидущихъ очерковъ извѣстно (см. «Образованіе» 1894 г. № 1 и № 9), что въ Швеціи высшія народныя школы нѣсколько измѣнились и приняли болѣе утилитарный характеръ; въ Норвегіи же онѣ сгоранились во всей чистотѣ.

валъ школу на островѣ Фьюнень, имѣвшую особенно важное значеніе для дальнѣйшаго хода этого дѣла. Школа была организована крайне просто и оригинально. Учителя и учащіеся, не только проводили вмѣстѣ большую часть дня, обѣдая за общимъ столомъ; но они даже спали въ общемъ для всѣхъ дортуарѣ: Кольдъ спалъ въ одномъ концѣ комнаты, а его помощникъ въ другомъ; вечеромъ, лежа въ постеляхъ, они часто заводили между собой живую и поучительную бесѣду, затягивавшуюся, иногда, далеко за полночь; ученики слѣдили за ихъ разговоромъ, такъ-же лежа въ постеляхъ. Занятія въ школѣ происходили безо всякихъ формальностей. Въ ней не было, не только никакихъ научныхъ учебныхъ пособій, но не было даже и классныхъ комнатъ, — вся жизнь была устроена по семейному и крайне просто. Эта простота, въ связи съ постояннымъ сообществомъ умныхъ и образованныхъ людей, имѣла для учениковъ не менѣе развивающее значеніе, чѣмъ и самый курсъ ученія, заключавшійся, главнымъ образомъ, въ чтеніи поэтическихъ произведеній національныхъ поэтовъ, знакомящихъ съ исторіей Даніи; остальное учебное время посвящалось обсужденію разныхъ текущихъ вопросовъ современной жизни.

Примѣру Кольда послѣдовали и нѣкоторыя другія лица, учредившія школы въ разныхъ мѣстахъ Даніи. Но тѣмъ не менѣе прошло почти двадцать лѣтъ, прежде чѣмъ высшія народныя школы получили дѣйствительно широкое и повсемѣстное распространеніе. Окончательный толчекъ дѣлу дали печальныя послѣдствія войны съ Пруссіей, давшія поводъ Кольду и другимъ послѣдователямъ Грунтвига съ новой силой пропагандировать свои идеи.

Первыя школы, основанныя грунтвиганцами, не преслѣдовали никакихъ практическихъ цѣлей.

а) *Цель высшихъ народныхъ школъ* (Folkehöjskoler), опредѣляется слѣдующимъ образомъ основателемъ первой высшей школы: главная образовательная задача школы заключается не въ сообщеніи практическихъ свѣдѣній, а въ пробужденіи въ ученикахъ стремленія къ интеллектуальной жизни, съ цѣлью возродить ихъ умъ, развить въ нихъ зрѣлость мысли, возвысить сердце, возбудить въ нихъ любовь къ прекрасному и къ порядку, замѣнить привычку къ праздности любовью къ труду, придать большую прямоту ихъ характеру и всему ихъ нравственному существу, и укрѣпить въ ихъ душѣ чувство національнаго единства и привязанности къ родинѣ». Таковы были задачи первыхъ народныхъ школъ, основанныхъ ближайшими послѣдователями Грунтвига. Очевидно, что для ихъ осуществленія нужны были особенные люди, отвѣчающіе самымъ высокимъ требованіямъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, обладающіе, подобно Кольду, большимъ жизненнымъ опытомъ и глубокимъ пониманіемъ человѣческой природы. Къ счастью, послѣдователи Кольда вполне отвѣчали всѣмъ этимъ требованіямъ и не только не уронили дѣла, но, обладая оригинальностью и независимостью, не застыли на установленныхъ Кольдомъ традиціяхъ, а развивали дѣло, сообразно съ требованіями времени и указаніями опыта. Одинъ изъ дѣятелей такого рода говорилъ вполне справедливо, что нельзя развивать ду-

ховную жизнь и умственные способности, не увеличивая запаса знаний: возрожденный умъ нуждается въ соответствующей пищѣ, и потому учащимся необходимо дать матеріалъ, на которомъ они могли бы упражнять свои способности. Такимъ образомъ школы, не измѣняя своей первоначальной цѣли, расширяли свои образовательныя задачи, вводя въ учебныя программы новые общеобразовательные предметы, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ присоединяя къ нимъ и курсы прикладныхъ знаний, прямо отвѣчающіе запросамъ и потребностямъ населенія, какъ, на примѣръ, курсы агрономіи, агрономической химіи и т. п.

Рядомъ съ такими школами стали возникать мало-по-малу и школы, преслѣдующія чисто практическія цѣли, какъ, напр., школы садоводства, молочнаго хозяйства и т. п.; хотя въ такихъ школахъ, обыкновенно, проходятся также и общеобразовательные предметы, но онѣ ничего не имѣютъ общаго съ такъ называемыми крестьянскими университетами, и потому, говоря о высшихъ народныхъ школахъ въ Даніи, нужно всегда имѣть въ виду, что тамъ существуютъ два типа совершенно различныхъ между собою школъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что подъ категорію *высшихъ народныхъ школъ* подходят и высшія народныя коммунальныя школы (см. отд. IV лит. д.), составляющія дополнительные классы начальныхъ коммунальных школъ и которые, въ свою очередь, не слѣдуетъ смѣшивать, ни съ крестьянскими университетами, ни съ практическими школами.

б) *Число школъ.* Въ настоящее время общее число школъ, общеобразовательныхъ и практическихъ доходитъ до 70-ти, а число учениковъ до 4495 (2900 мужчинъ и 1595 женщинъ).

в) *Содержаніе школъ.* Всѣ высшія народныя школы въ Даніи являются частными предпріятіями и содержатся на частныя средства ихъ учредителей, получающихъ отъ государства лишь незначительную субсидію. Въ 1886—87 году общая сумма субсидій всѣмъ школамъ составляла 39894 кроны, т. е. въ среднемъ по 570 кроны на школу (214 руб. золотомъ).

Ни одна изъ этихъ школъ не составляетъ коммерческаго предпріятія; всѣ учредители ихъ люди идеи, довольствующіеся самою скромной платой съ учениковъ (отъ 7 до 11 р. въ мѣсяцъ за полный пансіонъ, включая сюда же и плату за обученіе), нерѣдко обращая на стипендіи нуждающимся изъ нихъ получаемую отъ правительства субсидію.

г) *Организація школъ* всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія ихъ учредителей, вслѣдствіе чего каждая школа имѣетъ свой особенный строй. Даемъ нѣкоторые примѣры: такъ 1) *школа Мариенлиствъ* имѣетъ слѣдующую организацію: занятія начинаются съ восьми часовъ утра. Прежде всего происходитъ общая молитва; затѣмъ первый урокъ проходитъ въ чтеніи авторовъ съ объясненіями и критическимъ разборомъ, въ которомъ принимаютъ участіе и учащіеся. Второй урокъ посвящается исторіи Даніи. Послѣ втораго урока бываетъ перерывъ въ 20 минутъ и затѣмъ до 12 часовъ происходятъ занятія грамматикой и упражненія въ письмѣ и диктовка. Послѣ обѣда снова во-

зобновляются уроки и продолжаются до ужина, т. е. до 7 часовъ вечера, съ часовымъ перерывомъ отъ 5—6-ти часовъ. Послѣобѣденные уроки посвящаются болѣе специальному изученію Датской исторіи и литературы и элементамъ естественныхъ наукъ.

Вотъ что рассказываетъ объ этой школѣ корреспондентъ одного Стокгольмскаго журнала, посѣтившій ее въ 1871 году: «ученики, въ числѣ двадцати, сидятъ вокругъ длиннаго стола. Въ комнатѣ находятся стулья и скамейки, выкрашенные бѣлой краской, органъ и книжные шкафы съ прекрасно составленною коллекціей лучшихъ произведеній отечественныхъ и иностранныхъ авторовъ. Въ продолженіи зимняго сезона въ классѣ читаются и разбираются произведенія Оленшельгера, Гольберга, Грандвига, Гауха, Гертца, Бьерсона и т. д. и часто по поводу чтенія завязываются оживленные разговоры. Читаетъ всегда директоръ школы г. Грове (Grove) или его жена, въ высшей степени замѣчательная женщина, принимающая въ школѣ самое дѣятельное участіе. Ея присутствіе на урокахъ придаетъ всей обстановкѣ привѣтливый и семейный видъ. Она же обыкновенно ведетъ и хоровое пѣніе, имѣющее въ школѣ большое значеніе. Для исполненія избираются преимущественно старыя и новыя національныя мотивы.

«Въ первый день моего посѣщенія г-жа Грове читала трагедію Оленшлегера, а на слѣдующій день ее мужъ прочиталъ комедію Гольберга «*Erasmus montanus*».

«Во время второго часа г. Грове далъ чрезвычайно живой и въ высшей степени интересный урокъ исторіи. Онъ говорилъ о развитіи датской церкви и о борьбѣ между католическою церковью и протестантами, объ установленныхъ догматахъ вѣры и вѣротерпимости. Такая тема была бы недоступна пониманію нашихъ шведскихъ крестьянъ; но сельское населеніе Даніи прекрасно знаетъ исторію своей родины, и ученики Грове отлично поняли простую и ясную рѣчь своего учителя.

«Присутствуя на занятіяхъ скорописью и правописаніемъ, я имѣлъ случай убѣдиться, что многіе ученики имѣютъ хорошей почеркъ и дѣлаютъ очень мало орфографическихъ ошибокъ. Вслѣдъ за этими письменными упражненіями, ученики писали небольшія сочиненія на заданныя темы. Я просматривалъ многія изъ этихъ сочиненій и убѣдился, что они не лишены оригинальности мысли, и что ученики хорошо владѣютъ языкомъ.

«Иностранцу трудно себя представить, говорить въ заключеніе своей статьи авторъ корреспонденціи, чтобы молодые крестьяне, привыкшіе къ физическому труду, могли дѣйствительно выдержать режимъ школы, посвящая ежедневно, въ теченіе цѣлой зимы 7 часовъ на умственные занятія. Но я имѣлъ случай лично убѣдиться, что эти занятія нисколько ихъ не утомляли; разнообразіе учебныхъ предметовъ, прекрасные методы преподаванія, наконецъ, частое пѣніе между уроками,—все это способствуетъ поддержанію въ учащихся бодрого расположенія духа и умственной свѣжести. Въ послѣ-обѣденные часы я присутствовалъ на трехъ урокахъ г. Грове: на первомъ

говоря о войнахъ, онъ выбиралъ сюжеты такъ, чтобы показать, какъ многого можетъ достигнуть геройская любовь къ родинѣ даже передъ лицомъ безчисленныхъ непріятелей; я былъ восхищенъ его горячей рѣчью, чуждою всякой напыщенности: вся сила ея заключалась въ простой, но искусной группировкѣ фактовъ. Второй урокъ онъ посвятилъ разсказу о святомъ Олафѣ, который ввелъ христіанство въ Норвегіи. Въ теченіе третьяго часа происходили занятія по арифметикѣ».

2) *Школа Валлекильде въ Фіоніи* представляетъ собой маленькую колонію, расположенную за нѣсколько миль отъ города среди земледѣльческаго населенія и состоящую изъ цѣлой группы строеній: въ однихъ домикахъ живутъ учителя, въ другихъ учащіеся, третья занята самой школой. Въ самомъ большомъ зданіи находится квартира директора и классныя комнаты. Эти комнаты просторны и свѣтлы и очень красивы. По стѣнамъ висятъ картины, а изъ оконъ, выходящихъ въ садъ, открывается прекрасный видъ. Одна изъ залъ приспособлена для занятій ручнымъ трудомъ: зимой—слоидомъ, а лѣтомъ—ткацкимъ дѣломъ. Другая зала представляетъ музей, въ которомъ собрана коллекція рыбъ, ловящихся у береговъ Даніи и всевозможныя принадлежности рыболовства. Къ числу школьныхъ зданій принадлежатъ и небольшая церковь, въ которой совершаютъ службу пасторы, пріѣзжающіе каждое воскресенье изъ сосѣднихъ приходоѡ. Учебныя занятія въ школѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: отъ 8 до 9 ч. у.—географія; отъ 9—10 ч. у.—датская, норвежская и голландская литература, и чтеніе въ переводѣ сѣверныхъ сагъ, отъ 10—11¹/₂ ч. у.—всеобщая исторія, описаніе основныхъ характеристикъ свойствъ различныхъ національностей, нѣкоторыя подробности о нравахъ и обычаяхъ прежнихъ временъ; отъ 2¹/₂—4 ч. дня—счисленіе и рисованіе; отъ 4—5¹/₂ ч. дня (2 раза въ недѣлю)—основныя государственныя законы Даніи, естественныя науки, исторія сѣверныхъ народовъ; отъ 6—7 ч. веч.—письмо; отъ 7—8 ч. веч. (3 раза въ недѣлю)—занятія по физикѣ и химіи.

Важнѣйшее событіе дня составляетъ лекція директора. Лекціи эти часто имѣютъ своимъ предметомъ редигозные вопросы, а иногда какое-нибудь историческое событіе, или же какой-нибудь этической вопросъ.

Независимо отъ общеобразовательнаго отдѣленія, составляющаго главную цѣль школы, при ней существуютъ и особые профессиональные курсы рисованія, плотничнаго и ткацкаго искусства и рыболовства для рыбаковъ и моряковъ. Въ 1892 г. въ этой школѣ было болѣе 150 учениковъ.

3) *Гиндгольмская школа* (въ юго-восточной части Зеландіи) раздѣляется на три отдѣленія. Первое представляетъ собой дополнительный классъ начальной школы. Курсъ втораго совпадаетъ съ обычной программой высшихъ школъ. Третье же отдѣленіе, распадается на двѣ параллельныхъ секціи: на одной проходитъ счетоводство, обычное право, агрономія,—словомъ все то, что отвѣчаетъ потребностямъ зажиточнаго крестьянина или фермера; а занятія на второй секціи имѣютъ въ виду подготовленіе къ экзамену на школьнаго учителя.

4) Школа въ *Асковь* имѣеть, сравнительно, очень обширную программу и слѣдующіе предметы преподаванія: а) въ мужскомъ отдѣленіи: Библейская исторія, всеобщая исторія, исторія скандинавскихъ народовъ, географія, физика, государственные законы Даніи, родной языкъ, литература, веденіе книгъ, слойдъ, пѣніе и гимнастика и, кромѣ того, для желающихъ, иностранные языки: исландскій, нѣмецкій и англійскій. Занятія на мужскомъ отдѣленіи происходятъ зимой и курсъ продолжается 6 мѣсяцевъ. Многіе изъ учениковъ не довольствуются такимъ краткимъ курсомъ и, черезъ нѣкоторое время, а иногда и на слѣдующій же годъ, снова поступаютъ въ школу, чтобы продолжать свои занятія; случается, что одинъ и тотъ же ученикъ возвращается, такимъ образомъ, въ школу два, три и даже четыре раза. Преподаватели школы стараются предоставить ученикамъ какъ можно больше свободы и, по возможности, устраиваютъ такъ, чтобы каждый могъ заниматься, чѣмъ онъ хочетъ.

б) Занятія на женскомъ отдѣленіи происходятъ лѣтомъ и продолжаются три мѣсяца. Предметы преподаванія на этомъ отдѣленіи слѣдующіе: Законъ Божій, исторія, главнымъ образомъ скандинавскихъ народовъ, географія, литература, краткія свѣдѣнія по гигиенѣ, рисованіе, каллиграфія, ариметика, гимнастика и всевозможныя рукодѣлья.

Каждая лекція начинается и кончается пѣніемъ болѣе или менѣе соотвѣтствующей случаю патриотической пѣсни, или гимна. Во время уроковъ рукодѣлья читается вслухъ какаѣ-нибудь интересная книга.

Всѣ высшія народныя школы—закрытыя учебныя заведенія. Занятія въ мужскихъ отдѣленіяхъ происходятъ всегда въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ, т. е. когда сельское населеніе свободно отъ полевыхъ работъ и обыкновенно курсъ продолжается около 7-ми мѣсяцевъ. Въ женскихъ отдѣленіяхъ занятія часто бывають только въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Лица моложе 17 лѣтъ не принимаются въ высшія народныя школы и возрастъ учащихся колеблется между 17—30 годами, но большая часть учениковъ бываетъ въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ.

Хотя плата за обученіе и за жизнь въ интернатѣ берется очень небольшая (отъ 50—75 р.), все же для крестьянина она составляетъ очень значительную сумму особенно, если принять во вниманіе, что во все время пребыванія въ школѣ онъ долженъ отдать все свое время научнымъ занятіямъ и оказывается лишеннымъ возможности что-либо заработать. Такія условія совершенно закрыли-бы доступъ въ школы, напримѣръ, нашимъ русскимъ крестьянамъ. Въ Даніи же сельское населеніе настолько зажиточно, и такъ стремится къ просвѣщенію, что датскіе крестьяне въ рѣдкихъ случаяхъ останавливаются передъ такимъ расходомъ. Въ Даніи легко можно встрѣтить крестьянина, владѣющаго усадьбой, стоящей отъ 15000 до 20000 р. Нисколько не хуже положеніе крестьянъ и неимѣющихъ земельной собственности: они обыкновенно арендуютъ фермы за небольшую плату на долгіе сроки или даже съ правомъ наследственной передачи. Наконецъ, бѣдняки имѣють возможность учиться на общественный счетъ.

д) *Предметы преподаванія и общій характер занятій.* Предметы преподаванія, какъ уже было сказано, зависятъ отъ усмотрѣнія учредителя школы. Обученіе почти всегда происходитъ въ формѣ лекцій, при чемъ преподаватели стремятся, главнымъ образомъ, будить мысль и дѣйствовать на воображеніе. «Молодые крестьяне, только что оставившіе свой плугъ и свое стадо, слушаютъ восторженныя описанія скандинавскихъ странъ; имъ говорятъ о красотахъ природы, о великихъ успѣхахъ промышленности, имъ описываютъ горы, фьорды и дары родныхъ странъ. Путемъ поэтическихъ разсказовъ лекторы заставляютъ ихъ переживать въ воображеніи всю исторію Даніи, начиная съ каменнаго вѣка и до новѣйшихъ временъ. Онъ знакомитъ ихъ съ величайшими изобрѣтеніями человѣческаго ума и разсказываетъ имъ объ успѣхахъ промышленности и земледѣлія. Литература, наука, музыка, искусства, все, въ свою очередь, служитъ предметомъ для интересныхъ лекцій и живыхъ бесѣдъ *)». Большую роль въ школахъ играетъ пѣніе. Ученики поютъ торжественные хоры, сочиненные Грутвигомъ въ честь національныхъ героевъ. Въ Даніи, гдѣ особенно сильно развито музыкальное чувство, такое пѣніе сильно способствуетъ поддержанію въ ученикахъ приподнятаго, восторженнаго настроенія духа.

Преподавательскій персоналъ въ этихъ чудесныхъ школахъ вполне соответствуетъ своему назначенію. Онъ состоитъ изъ самоотверженныхъ и высоко-образованныхъ людей, истинныхъ миссіонеровъ просвѣщенія. Вотъ что говоритъ о нихъ одинъ скандинавскій писатель: «Среди директоровъ я встрѣчалъ истинныхъ апостоловъ, отказавшихся отъ блестящаго положенія въ обществѣ, чтобы всецѣло отдаться своему дѣлу. Они съ любовью исполняютъ свои обязанности, воодушевляемые чувствомъ самаго чистѣйшаго патриотизма, и почерпая силы въ религіи. Они живутъ одною жизнью со своими учениками, отдавая имъ все свое время: утромъ они имъ читаютъ лекціи, въ полдень садятся съ ними за общій обѣдъ; вечеромъ ведутъ съ ними дружескія бесѣды. Удовольствіе, которое они испытываютъ отъ служенія ближнему, составляетъ почти единственное вознагражденіе за ихъ трудъ, потому что если отъ дохода со школъ и остается что нибудь, то только самая ничтожная бѣздѣлица **»). Вотъ какъ заботится Данія о просвѣщеніи своего народа!

VII. Нормальныя школы.

Нормальныя школы въ Даніи даютъ возможность лицамъ, желающимъ посвятить себя педагогической дѣятельности, получить солидное практическое и теоретическое профессиональное образованіе, но онѣ не даютъ права на преподаваніе въ общественныхъ школахъ. Лица, желающія получить штатное мѣсто учителя или учительницы въ начальной народной школѣ, обязаны сдать государственный экза-

*) Hippau «Instr. publ. dans les états du Nord». p. 219.

***) Тамъ же, стр. 226.

мень въ особой комиссіи, состоящей изъ 11 членовъ, назначаемыхъ правительствомъ. Экзамень производится ежегодно въ Копенгагенѣ и еще въ двухъ городахъ.

Къ нимъ допускаются всѣ желающія. Большую часть кандидатовъ, являющихся для полученія государственнаго диплома учителя, составляютъ лица, окончившія курсъ въ нормальныхъ школахъ.

а) *Организация нормальныхъ школъ.* Правительственные, нормальные школы существуютъ только для мужчинъ. Для женщинъ существуютъ, пока, только частныя учительскія семинаріи, хотя вопросъ объ учрежденіи правительственныхъ женскихъ нормальныхъ школъ сильно агитируется за послѣднее время и, вѣроятно, въ самомъ близкомъ будущемъ будетъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Всѣ мужскія нормальныя школы имѣютъ, приблизительно, одинаковую организацію. Всѣ онѣ устроиваются въ красивыхъ загородныхъ мѣстечкахъ, и всѣ имѣютъ интернаты. Школьныя зданія окружены прекрасными садами. Ученики ведутъ тихую, скромную жизнь, вдали отъ всякихъ городскихъ соблазновъ и увеселеній. Большую часть дня они посвящаютъ занятіямъ, а свободное время проводятъ въ товарищеской бесѣдѣ, покуривая свои длинныя трубки. Вообще, весь строй жизни въ этихъ школахъ нѣсколько идиллическій, располагающій къ размышленію и къ ровному, ясному настроенію духа. Педагогическій персоналъ состоитъ изъ директора, и трехъ или четырехъ профессоровъ. Всѣ эти лица имѣютъ университетское образованіе. Кромѣ того, въ каждой школѣ имѣется учитель гимнастики, назначаемый изъ военныхъ, находящихся на дѣйствительной службѣ, а потому мѣняющійся черезъ каждые три года. Директора почти всегда имѣютъ степень доктора богословія и, обыкновенно, совмѣщаютъ съ директорствомъ должность пастора ближайшаго прихода. Какъ и въ начальныхъ школахъ, весь внутренній строй нормальной школы почти всецѣло предоставляется на усмотрѣніе директора. Курсъ въ нормальныхъ школахъ продолжается три года и раздѣляется на практическій и теоретическій. Для практическихъ занятій учениковъ при каждой нормальной школѣ имѣется образцовая начальная школа.

б) *Условія приѣма.* Ученики принимаются, какъ пансіонерами, такъ и приходящими. И тѣ, и другіе бываютъ платные, или стипендіаты. Годовая плата очень не велика: за жизнь въ интернатѣ берется около 100 р. золотыхъ и за обученіе около 13 руб. Сыновья учителей принимаются въ школы бесплатно.

Приемный возрастъ опредѣленъ въ предѣлахъ отъ 17—23 лѣтъ.

Для поступленія въ школу требуется: 1) свидѣтельство о томъ, что данное лицо состояло, по крайней мѣрѣ въ теченіе одного года, при какой нибудь начальной школѣ, изучая, подъ руководствомъ опытнаго учителя, практическіе приѣмы преподаванія. 2) Сдача приемнаго экзамена, раздѣляющагося на устный и письменный; первый производится изъ грамматики, ариѣтики, исторіи Даніи, географіи и Закона Божія; второй состоитъ изъ диктовки и сочиненія; темы для сочиненій задаются самыя разнообразныя: пересказъ прочитаннаго,

обьясненіе смысла пословицы, или изложеніе своего взгляда на задачи преподаванія морали, каллиграфіи, ариеметики и т. п.

в) *Учебный планъ.* Въ нормальныхъ школахъ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій (догматы вѣры, нравственныя правила, священная исторія, библейскія древности, географія Палестины), родной языкъ (грамматика, изящный слогъ, исторія литературы), исторія Даніи и всеобщая исторія, географія, ариеметика, алгебра, геометрія, основныя понятія изъ астрономіи и метеорологіи, естественныя науки, физика, педагогика, каллиграфія, чтеніе, рисованіе, музыка (вокальная и инструментальная, т. е. пѣніе и игра на скрипкѣ и на органѣ), гимнастика. Ручной трудъ и новыя языки пока еще не входятъ въ курсъ нормальныхъ школъ, но, по всей вѣроятности, будутъ введены въ ихъ программы. Число ежедневныхъ уроковъ бываетъ отъ 6 до 7. Общее число еженедѣльныхъ уроковъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Названія предметовъ:	Г о д ы.			Итого.
	1	2	3	
Законъ Божій	4	4	8	16
Датскій языкъ	3	3	5	11
Ариеметика	3	2	2	7
Геометрія	1	2	2	5
Исторія	3	3	3	9
Географія	2	2	—	4
Естеств. науки и физика	6	6	—	12
Каллиграфія	2	2	—	4
Рисованіе	2	2	—	4
Музыка	5	5	6	16
Гимнастика	3	3	3	9
Педагогика	—	—	4	4
Всего	34	34	33	101

Большое количество времени, удѣляемое музыкѣ, обьясняется тѣмъ, что учитель, хорошо знающій музыку, можетъ совмѣстить свое учительство съ должностію органиста въ церкви своего прихода и, такимъ образомъ, нѣсколько увеличить свой бюджетъ.

Къ преподаванію въ практической школѣ допускаются, исключительно, ученики третьяго курса, ученики же младшихъ курсовъ только присутствуютъ на урокахъ старшихъ товарищей и на еженедѣльныхъ конференціяхъ, на которыхъ обсуждаются эти уроки.

г) *Для перевода съ одного курса на другой* ученики нормальныхъ школъ подвергаются экзаменамъ, а по выдержаніи выпускнаго экзамена получаютъ свидѣтельство объ окончаніи курса нормальной школы, не дающаго однако же, права на занятіе штатной должности учителя.

д) *Число нормальныхъ школъ и ихъ разряды.* Государственныхъ нормальныхъ школъ, о которыхъ говорилось выше, всего четыре, но кромѣ нихъ существуютъ частныя, какъ мужскія, такъ и женскія семинаріи.

Для приготовленія преподавателей слойда, существуетъ специальная нормальная школа, учрежденная правительствомъ.

е) *Порядок избранія преподавателей начальныхъ школъ.* Учителя и учительницы начальныхъ школъ назначаются мѣстными школьными управленіями по рекомендаціи областного школьнаго совѣта и епископа. Учительницы могутъ преподавать въ женскихъ школахъ и въ младшихъ отдѣленіяхъ мужскихъ школъ.

ж) *Краткія статистическія свѣдѣнія о числѣ учениковъ въ нормальныхъ школахъ и о преподавательскомъ персоналѣ начальныхъ народныхъ школъ.*

Въ каждой изъ четырехъ государственныхъ нормальныхъ школъ имѣется около ста учениковъ; о числѣ учениковъ и ученицъ въ другихъ школахъ не имѣется официальныхъ свѣдѣній, точно также, какъ и о преподавательскомъ персоналѣ начальныхъ школъ, за исключеніемъ города Копенгагена *).

Въ 1892 г. въ Копенгагенѣ во всѣхъ начальныхъ коммунальныхъ школахъ, т. е. въ платныхъ и бесплатныхъ было 867 преподавателей; изъ нихъ учителей 391 и учительницъ 476. Изъ числа 391 учителей было: занимающихъ постоянную штатную должность 183, исправляющихъ временно обязанности помощника учителя 115 и преподавателей пѣнія и гимнастики 93; соотвѣтствующія цифры для учительницъ были: 285, 168 и 23. Сопоставляя эти цифры съ числомъ учениковъ и числомъ классовъ, найдемъ, что въ общемъ одинъ учащій приходится на 34 учащихся (на 39, если мы исключимъ преподавателей пѣнія и гимнастики), при чемъ одинъ штатный учитель или учительница приходится на 63 учащихся и приблизительно на 2 класса.

Число учительницъ превышаетъ число учителей на 9,8 проц. Это объясняется тѣмъ, что учительницамъ поручается преподаваніе, не только въ женскихъ классахъ, но и во многихъ въ младшихъ мужскихъ отдѣленіяхъ, что представляется выгоднымъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ женскій трудъ оплачивается дешевле.

VIII. Положеніе учителя.

а) *Годовое содержаніе.* Учителя и учительницы Копенгагенскихъ школъ получаютъ годоваго содержанія: первые отъ 1400 до 2500 кронъ (500—1000 р. золотомъ), вторыя отъ 1400 до 1600 кр. (500—570 р. золотомъ). Въ другихъ городскихъ и сельскихъ школахъ учителя и учительницы, въ общемъ, имѣютъ столько же, но получаютъ только часть своего содержанія наличными деньгами, а остальное дается имъ натурою, т. е. они получаютъ квартиру и извѣстное количество муки, крупы, дровъ и корму для скота. И вездѣ, гдѣ позволяютъ мѣстность, т. е. во всѣхъ сельскихъ школахъ, участки земли для разведенія сада и огорода. Съ теченіемъ времени учителя получаютъ прибавки къ содержанію.

Инспектора Копенгагенскихъ школъ получаютъ при готовой квартирѣ около 1500 р. золотомъ.

*) Въ отдѣлѣ V настоящей статьи было уже сказано, что министерство не печатаетъ общихъ отчетовъ о состояніи школъ въ Даніи.

б) *Пенсіи и пенсіонныя кассы*. По истеченіи опредѣленнаго срока службы, учителя получаютъ пенсіи, доходящія до двухъ третей содержания, получавшагося на дѣйствительной службѣ.

Вдовы и сироты учителей получаютъ пенсіи изъ особой, учрежденной для этой цѣли пенсіонной кассы.

IX. Библіотеки и музеи.

Въ Даніи много прекрасныхъ библіотекъ, а въ Копенгагенѣ, кромѣ весьма знаменитой библіотеки, существуютъ замѣчательные музеи, а именно: королевскій естественно-историческій музей, музей сѣверныхъ древностей, королевская галлерей живописи и, наконецъ, знаменитый Торвальдсеновскій музей скульптуры. Всѣ эти учрежденія общедоступны.

X. Благотворительныя учрежденія.

а) *Школы для убогихъ*. Всѣ учрежденія этого рода, т. е. институты для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, идиотовъ и калѣкъ, являются или государственными учрежденіями или субсидируются правительствомъ и всѣ находятся подъ контролемъ министра народнаго просвѣщенія. Учебный курсъ въ этихъ институтахъ раздѣляется на общій и профессиональный: первый имѣетъ цѣлью дать питомцамъ общее образованіе, возможно болѣе приближающееся къ курсу начальныхъ народныхъ школъ; второй сводится къ обученію различнымъ ремесламъ и искусствамъ, дающимъ ученикамъ и ученицамъ возможность, по выходѣ изъ школы, зарабатывать кусокъ хлѣба.

б) *Благотворительныя общества*. Изъ числа этихъ обществъ особенно вниманія заслуживаютъ:

1) *Общество трудолюбія*, имѣющее цѣлью посредствомъ распространенія разныхъ полезныхъ въ домашнемъ обиходѣ знаній, приучить съ пользою проводить часы досуга. Это общество имѣетъ нѣсколько школъ для дѣтей и юношества и субсидируется правительствомъ. Во время лѣтнихъ ваканцій, оно устраиваетъ шестинедѣльные курсы для обученія учителей и учительницъ, ручнымъ ремесламъ: дѣланію щетокъ, переплетному и плотничьему ремесламъ, плетенью изъ соломы, лѣннѣ, полированію, рѣзбѣ по дереву, рукодѣлю и т. п. Курсы эти состоятъ подъ покровительствомъ министра народнаго просвѣщенія.

2) *Датское общество для распространенія слойда* (Dansk Sløjdforening), имѣющее цѣлью содѣйствовать распространенію обученія слойду въ общеобразовательныхъ школахъ всѣхъ трехъ ступеней.

3) *Общество для распространенія пріютовъ для малолѣтнихъ* («Aasylselskab»). Это общество устраиваетъ также школы для дѣтей дошкольнаго возраста. Одна изъ такихъ школъ, а именно пріютъ «Дагмары» состоитъ подъ покровительствомъ Русской Императрицы, жертвующей ежегодно на его содержаніе 152 р. золотомъ.

XI. Финансы.

а) *Источники доходов на нужды начального образования.* Почти всё средства, необходимые на содержание начальных народных школ, доставляются местными общинами, вотирующими ежегодно всю необходимую сумму на постройку школьных зданий, на плату учительскому персоналу, на отопление и освещение, на учебные пособия и прочие хозяйственные расходы. Добавочное содержание учителям, пенсия, и всё суммы на содержание высших коммунальных школ и профессиональных учебных заведений уплачиваются из особого школьного фонда, существующего в каждой области. Этот фонд складывается из ежегодной правительственной субсидии, из процентов на капиталы и из ежегодных пожертвований от городов и общин области. Областные школьные управления и советы ежегодно распределяют эти суммы, согласно нуждам школьных округов. Из этого-же фонда выдаются пособия, будущим общинам, для которых школьные расходы оказываются слишком обременительными.

Нормальные школы содержатся на счет правительства. Все расходы по народному образованию производятся под высшим контролем министра народного просвещения.

б) *Нькоторыя свѣдѣнія о бюджетѣ на начальное образование.* За неимениемъ статистическихъ данныхъ, не имѣется свѣдѣній и о бюджетѣ на народное образование для всей Дании. Известно только, что расходъ на начальное образование составляетъ около 2 р. золотомъ на каждого жителя, а, слѣдовательно, въ общемъ простирается, приблизительно, до 4.300,000 р. золотомъ.

Слѣдующая таблица указываетъ на расходы начальныхъ народныхъ школъ въ Копенгагенѣ за 1892—93 г. въ кронахъ:

	И Т О Г И.	
	Частные.	Общіе.
1) Жалованье двумъ школьнымъ директорамъ и содержание ихъ канцеляріи		19671,94
2) Жалованье учебному персоналу	1.217.771,51	
3) Учебныя пособия	70270,83	
4) Школьныя библіотеки	2300,00	
5) Обучение гимнастикѣ и плавнаю	49356,75	
6) Ванны и души учащимся	861,79	
7) Прислуга	21420,32	
8) Отопление	42665,91	
9) Освѣщеніе	27591,88	
10) Поддержаніе чистоты	19542,53	
11) Смѣшанные расходы	15813,98	
12) Ремонтъ и пополненіе инвентаря	13349,30	
13) Страхование	2821,43	
14) Расходы по школьнымъ зданіямъ	61291,75	
		<hr/>
15) На пособіе и содержаніе институтовъ для убогихъ		63387,25
16) Школьные интернаты		10342,89
17) Экстренные сверхсмѣтные расходы		336,20
		<hr/>
ВСЕГО		1.638.796 26
	или на наши деньги: 568,662 руб. золот.	
	32*	

Сопоставляя сумму 1.564.729,92 кронъ, составляющую бюджетъ собственно начальныхъ школъ, съ общимъ числомъ учащихся въ начальныхъ коммунальныхъ школахъ, найдемъ, что обученіе каждаго ученика обходится въ 49,3 кроны или 17 р. золотомъ, а расходъ на каждаго жителя составляетъ 5 кр. или 1,74 р. золот. *) Исключивъ же изъ этого бюджета сумму прихода въ 105.498 кронъ, образовавшуюся изъ взносовъ за обученіе въ платныхъ школахъ и изъ другихъ случайныхъ и незначительныхъ поступленій, найдемъ дѣйствительный расходъ города Копенгагена въ 46 кр. (16 р. з.) на каждаго ученика и въ 4,7 кр. (1,63 р. зол.) на одного жителя.

Сравнивая между собой расходы по статьямъ бюджета, получимъ слѣдующія процентныя отношенія расходовъ по общему бюджету собственно начальныхъ школъ:

		И Т О Г И.	
		Частн.	Общіе
1)	Школьная дирекція		1,25
2)	Учебно-воспитательная часть		
	а) плата преподавателямъ	77,83	
	б) учебныя пособия и бібліотека	4,64	
	в) физическое воспитаніе		
	(ванны и гимнастика)	3,20	85,67
3)	Освѣщеніе и отопленіе		4,49
4)	Прислуга		1,38
3)	Школьный инвентарь		0,85
4)	Ремонтъ зданій и проч. расходы, сопряженные съ помещеніемъ		3,91
5)	Всѣ прочіе расходы **)		2,44

Заключение.

Школьныя системы и исторія народнаго образованія въ трехъ рассмотрѣнныхъ нами скандинавскихъ государствахъ очень сходны между собой и заключаютъ въ себѣ много интереснаго и поучительнаго.

*) Для Петербурга въ 1893 г. соответствующія цифры были: 60 коп. на одного жителя и 38 р. 50 к. на каждаго ученика. Исключивъ же изъ С.-Петербургскаго бюджета на содержаніе начальныхъ школъ, т. е. изъ 597.798 р. 56 к. (см. Отчетъ о С.П.В. училищахъ въ 1893 г.), плату за наемъ помѣщеній, т. е. 245575 р. 83 коп., получимъ соответственно: 35 коп. и 23 р.

**) Соответствующая таблица для С.-Петербурга для 1893 года будетъ слѣдующая:

1)	На училищную коммиссію, экспертовъ и канцелярію	4,0
2)	На жалованье учебному персоналу и прислугѣ	43,6
3)	На ремонтъ инвентаря, обзаведеніе и учебныя пособия	10,5
4)	За наемъ помѣщенія и отопленія	41,2
5)	На разныя проч. расходы	0,7

Таблица эта можетъ служить только для приблизительнаго сравненія Петербургскаго школьнаго бюджета съ Копенгагенскимъ, такъ какъ городъ Копенгагенъ почти ничего не платитъ за наемъ помѣщеній, имѣя собственныя школьныя зданія; однакоже и она достаточно рельефно указываетъ на нѣкоторыя несомнѣнно слабыя стороны Петербургской школьной организаціи.

наго. Подобно тому, какъ это было въ большинствѣ другихъ протестантскихъ странъ, первый толчекъ къ развитію начальнаго народнаго образованія въ Швеціи, Норвегіи и Даніи былъ данъ протестанствомъ; но ни въ какихъ другихъ странахъ просвѣтительныя идеи реформации не упали на такую благодатную почву, какъ въ скандинавскихъ государствахъ; нигдѣ народное образованіе не получило такого широкаго распространенія; нигдѣ любовь къ просвѣщенію не проникла такъ глубоко въ жизнь, какъ въ этихъ симпатичныхъ странахъ. Скандинавскіе крестьяне ищутъ въ своихъ высшихъ школахъ прежде всего духовнаго и нравственнаго развитія; утилитарныя цѣли, возможность улучшить свой матеріальный бытъ посредствомъ практическихъ знаній, приобретенныхъ въ школахъ, стоятъ у нихъ на второмъ планѣ, особенно въ Норвегіи и Даніи.

Причины, обусловившія возможность такого широкаго развитія образованія и любви къ просвѣщенію, заключаются, по нашему мнѣнію, прежде всего въ самомъ характерѣ скандинавовъ и, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть объяснены однимъ вліяніемъ протестанства. «Скандинавы еще въ древности обладали замѣчательной культурой. Они были очень искусными мореплавателями и имѣли массу свѣдѣній по астрономіи и географіи, благодаря которымъ легко ориентировались на морѣ и за цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ до Колумба открыли Америку и основали тамъ нѣсколько колоній.

«Не смотря на свою крайнюю воинственность, они не презирали просвѣщенія и искусствъ, и въ мирное время охотно предавались, не только физическимъ, но и умственнымъ упражненіямъ. Они изощрились въ составленіи остроумныхъ загадокъ, глубокомысленныхъ изрѣченій и слагали замѣчательные стихи. Поэзія и краснорѣчіе были въ большомъ почетѣ и саги и гѣсни древнихъ скандинавовъ и до сихъ поръ еще не утратили своего поэтическаго значенія. Народъ этотъ имѣлъ и свои особенныя письмена, извѣстные подъ названіемъ рунъ».

«Какъ обучались древніе скандинавы,—въ точности неизвѣстно, но, повидимому, у нихъ матери учили своихъ дѣтей». И мы видимъ, что этотъ обычай сохранился и до сихъ поръ на островѣ Исландіи. Въ средніе вѣка вся эта культура была разрушена, но исчезла не безслѣдно, а оставила въ наслѣдство современнымъ сѣвернымъ народамъ врожденную любовь къ просвѣщенію.

Второе условіе, благоприятствовавшее развитію народнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ, заключается въ томъ, что въ этихъ государствахъ начальная школа не обращалась въ орудіе борьбы политическихъ и религіозныхъ партій и не служила яблокомъ раздора между церковью и государствомъ. Протестантское духовенство, бывшее въ первое время возникновенія начальныхъ школъ единственнымъ просвѣтителемъ народа и имѣвшее школу всецѣло въ своихъ рукахъ, не смотрѣло на нее, какъ на единственный оплотъ для своего вліянія; преслѣдуя въ школахъ чисто гуманныя и просвѣтительныя задачи, скандинавскіе пасторы уступали и требованіямъ жизни. Въ школьныя программы вводились постепенно новые предметы преподаванія

и свѣтскія власти приобрѣтали все большее вліяніе въ школьномъ дѣлѣ, хотя пасторы и до сихъ поръ еще играютъ въ немъ важную роль и имѣютъ большое вліяніе. Такимъ образомъ, скандинавскія школы превратились постепенно и естественно изъ церковныхъ въ свѣтскія безъ упорной или ожесточенной борьбы, такъ тяжко отразившейся на школахъ во многихъ другихъ государствахъ. И мы видѣли, что въ настоящее время всѣ три органа государственной жизни: церковь, правительство и общество, дружно работаютъ во всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствахъ на пользу народнаго просвѣщенія.

Несмотря на большое сходство школьныхъ системъ Швеціи, Норвегіи и Даніи, онѣ, однако же, далеко не тождественны. Политическая жизнь каждой изъ этихъ странъ и экономическое положеніе должны были неизбѣжнымъ образомъ отразиться и на школьномъ дѣлѣ. Швеція, не отвлекаемая внѣшними политическими интересами, давно уже получила возможность сосредоточить всѣ свои экономическія и государственныя силы на развитіи общаго внутренняго благосостоянія страны, а въ частности, слѣдовательно, и школьнаго дѣла. Сверхъ того шведы, никогда не знавшіе ни иностраннаго владычества, ни крѣпостной зависимости, никогда не сталкивались съ интересами, относящимися враждебно къ ихъ умственному развитію. Данія находилась въ несравненно менѣе благоприятныхъ условіяхъ; въ Норвегіи же, получившей относительную независимость, только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и до сихъ поръ происходитъ борьба противъ шведскаго вліянія. Такимъ образомъ, изъ трехъ скандинавскихъ странъ, Швеція имѣла наибольшую возможность свободно развивать свою школьную организацію, и мы видимъ, дѣйствительно, что Швеція имѣетъ самую совершенную систему народнаго образованія; за ней слѣдуетъ Данія; Норвегія же занимаетъ въ этомъ отношеніи послѣднее мѣсто. Норвегія является къ тому же и самой бѣдной изъ трехъ странъ, имѣющей очень малочисленное, и разсѣянное населеніе, живущее почти исключительно рыбной ловлей.

Главное преимущество шведской школы заключается въ ея единствѣ: все населеніе Швеціи, какъ сельское, такъ и городское, имѣетъ одинаковыя школы и получаетъ тождественное образованіе, за исключеніемъ жителей столицы и главныхъ городовъ, поставившихъ свои школы особенно высоко. Въ Даніи уже дѣлается нѣкоторое различіе въ образованіи сельскаго и городскаго населенія, а именно, сельскія школы приравняются къ бесплатнымъ городскимъ, стоящимъ, вообще, ниже платныхъ. Наконецъ, въ Норвегіи уже до такой степени рѣзко проводится различіе между образованіемъ сельскаго и городскаго населенія, что вся школьная организація прямо раздѣляется на двѣ системы: на городскую и сельскую, имѣющую 12-ти недѣльный учебный годъ.

Второе основное различіе въ постановкѣ школьнаго дѣла въ Швеціи, Норвегіи и Даніи обуславливается степенью участія въ немъ правительства. Въ Швеціи правительство наиболѣе активно и непосредственно участвуетъ въ управленіи школами: министерство подробно регламентируетъ школьную организацію, издаетъ нормаль-

ные планы вмѣстѣ съ инструкціями, касающимися общихъ принциповъ и методовъ преподаванія; мѣстные школьные совѣты, непосредственно завѣдующіе школами и окончательно вырабатывающіе для нихъ учебные планы и правила внутренней организаціи, дѣйствуютъ лишь въ предѣлахъ установленныхъ министерствомъ и представляютъ всѣ выработанныя ими правила на утвержденіе капитула мѣстной епархіи; для надзора за школами существуютъ королевскіе инспектора и, наконецъ, самъ король входитъ во всѣ детали школьнаго дѣла. Мѣстные школьные совѣты, хотя и имѣютъ большое вліяніе на школьное дѣло, но тѣмъ не менѣе, главнымъ образомъ, функционируютъ въ качествѣ исполнительныхъ органовъ. Въ Норвегіи мѣстное школьное управленіе гораздо сложнѣе и школьные совѣты пользуются большей самостоятельностью; министерство сохраняетъ за собой только роль общаго руководителя и инспектируетъ школы; даже издаваемые имъ учебные планы не представляютъ собой ничего обязательнаго, а составляютъ имъ только для облегченія задачи мѣстныхъ школьныхъ совѣтовъ, въ составъ которыхъ, обязательно, входятъ представители мѣстнаго учебнаго персонала, получающаго такимъ образомъ свою долю правъ въ дѣлѣ управленія школами, особенно городскими. Наконецъ, въ Даніи министерство, предоставляетъ школы почти всецѣло въ вѣдѣніе мѣстныхъ дѣятелей, оно даже, въ сущности, не инспектируетъ школы, возлагая эту обязанность на епископовъ и имѣя только двухъ инспекторовъ—музыки и гимнастики; оно подробно контролируетъ всѣ школьные бюджеты, а непосредственно завѣдуетъ только нормальными школами. Такъ какъ усвоенный министерствомъ принципъ свободы проводится черезъ всю датскую школьную систему, то учебный персоналъ начальныхъ школъ имѣетъ фактически большое вліяніе на постановку учебнаго дѣла и на всю школьную организацію. Большая, или меньшая степень участія правительства въ непосредственномъ управленіи школами находится въ нѣкоторой зависимости отъ той доли матеріальныхъ расходовъ, которую принимаетъ на себя государство: въ Швеціи, правительственныя субсидіи покрываютъ почти 30 процентовъ всего школьнаго бюджета на начальное образованіе, въ Норвегіи правительство вноситъ только около 18 процентовъ, а въ Даніи населеніе настолько богато, что оно содержитъ школы почти всецѣло на свои средства.

Очень интересна также роль, которую сыграла въ каждомъ изъ трехъ государствъ подвижная школа, составляющая одну изъ характернѣйшихъ особенностей скандинавскихъ системъ народнаго образованія. Въ Швеціи, какъ извѣстно, подвижная школа возникла, какъ единственное средство удовлетворить сразу и безъ особенно обременительныхъ для государства затратъ проснувшемуся въ народѣ требованію на школы; она очень быстро распространилась и приобрѣла большую популярность; но съ развитіемъ школьной системы, подвижныя школы; мало-по-малу, замѣнялись постоянными и въ настоящее время существуютъ только въ бѣднѣйшихъ и малонаселенныхъ приходахъ. Для Норвегіи подвижная школа имѣетъ еще большее значе-

ніе: въ этой странѣ населеніе такъ рѣдко, а сообщенія такъ затруднительны, что подвижная школа въ ней, по всей вѣроятности, надолго, если не навсегда будетъ служить необходимымъ средствомъ, для распространенія образованія. Совсѣмъ другую роль играла подвижная школа въ Даніи; здѣсь она не вызывалась ни финансовыми ни географическими условіями, а послужила уловкой, къ которой прибѣгли бывшіе феодалы, чтобы отдѣлаться отъ ненавистой имъ, просвѣтительной задачи, возложенной на нихъ высшей властью; понятно, что при такихъ условіяхъ подвижная школа вызвала въ датскомъ народѣ враждебное къ себѣ отношеніе и принесла очень мало пользы; она исчезла, какъ только школьная система стала правильно развиваться. Въ настоящее время въ Даніи подвижная школа существуетъ только, какъ исключеніе, въ мало населенныхъ уголкахъ. Такимъ образомъ, опытъ Скандинавскихъ государствъ показываетъ, что подвижную школу никакъ нельзя разсматривать, какъ учрежденіе, которымъ можно, по произволу, замѣнить правильно организованную постоянную школу. Подвижная школа можетъ имѣть успѣхъ, только какъ временная мѣра, вызываемая необходимостью немедленно удовлетворить возникшему въ населеніи сильному запросу на школы; постоянное же значеніе она можетъ имѣть только въ тѣхъ случаяхъ, когда она вызывается топографическими условіями или рѣдкостью населенія; но за то при этихъ условіяхъ она незамѣнима и могла бы имѣть огромное значеніе, напримѣръ, для нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, конечно, только лишь въ томъ случаѣ, если учителями такихъ школъ будутъ просвѣщенные люди, горячо преданные своему дѣлу, какими были и являются до сихъ поръ странствующие учителя въ Швеціи и Норвегіи, а не пропойцы или отставные дьячки, какими были странствующие учителя въ Даніи въ концѣ прошлаго столѣтія.

Говоря о различіяхъ въ школьныхъ системахъ Швеціи, Норвегіи и Даніи, нельзя не упомянуть о нѣкоторой особенноти шведской школы, а именно—о ея нѣсколько утилитарномъ направленіи, объясняющимся, вѣроятно, промышленнымъ характеромъ шведовъ, и особенно ясно выразившимся въ организаціи высшихъ народныхъ школъ, составляющихъ одну изъ главныхъ особенностей скандинавской системы народнаго образованія. Въ Швеціи, собственно говоря, никогда не существовало крестьянскихъ университетовъ, составляющихъ лучшее украшеніе датской системы народнаго образованія: всѣ шведскія высшія народныя школы имѣютъ утилитарное направленіе.

Очень характеристично для школьныхъ системъ всѣхъ трехъ государствъ важное значеніе, которое въ нихъ придается физическому воспитанію и школьной гигиенѣ: гимнастика, плаваніе, игры на открытомъ воздухѣ и, наконецъ, ванны и души,—все это обязательно въ скандинавскихъ школахъ, а школьныя зданія, содержащіяся въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ, составляютъ предметъ особенной заботы школьныхъ властей; въ бюджетѣ Копенгагенскихъ школъ существуетъ даже особенная статья *поддержанія чистоты*, по которой, напримѣръ, въ 1892 г. было израсходовано столько же, сколько и на содержаніе всей школьной дирекціи.

Говоря въ отдѣльности о каждомъ государствѣ, мы не имѣли случая упомянуть о «скандинавскихъ педагогическихъ съѣздахъ», на которые съѣзжаются періодически учителя Швеціи, Норвегіи и Даніи и которые имѣютъ большое вліяніе на развитіе и оживленіе учебно-воспитательнаго дѣла во всѣхъ трехъ государствахъ. Благодаря этимъ съѣздамъ, скандинавскія школы стоятъ на высотѣ всѣхъ новѣйшихъ требованій педагогики.

Чтобы хотя до нѣкоторой степени ознакомить съ общимъ духомъ и направленіемъ, господствующимъ въ школахъ Швеціи, Норвегіи и Даніи, мы позволимъ себѣ привести слова шведскаго поэта, прекрасно характеризующаго національныя особенности каждой страны и проводящаго очень оригинальную и красивую аналогію между характеромъ народа и природой его родины:

«Въ Даніи преобладаетъ букъ, и его густая зелень, яркая и нѣжная, его мягкія, красивыя вѣтви, бросающія прохладную, заманчивую тѣнь, сразу располагаютъ къ спокойствію и навѣваютъ идиллическое настроеніе духа. И природа ненарасно проповѣдовала въ Даніи эту веселую и мирную философію; она создала добродушный народъ съ кроткимъ нравомъ, сердечной искренностью въ голосѣ, спокойной улыбкой во взорѣ и какою-то общей бѣлокуростью въ характерѣ, напоминающей окраску его волосъ.

«Сосновые лѣса Норвегіи составляютъ поразительный контрастъ съ идиллическимъ букомъ Даніи. Сосна является соединеніемъ суровости съ меланхоличностью; своею гордою осанкой она говоритъ о борьбѣ и лишеніяхъ и смѣло подставляетъ на встрѣчу бури свое мужественное чело. Сосновый лѣсъ ни манитъ насъ соловьиною пѣснью, въ немъ слышится лишь щебетаніе дрозда да стоны холоднаго сѣвернаго вѣтра, наводящія на грустные думы. Сосна типъ первобытнаго сѣвера, почти можно сказать, азыческаго сѣвера; она занимаетъ, по отношенію къ другимъ деревьямъ, такое же мѣсто, какое занимаютъ воинственныя скандинавскія пѣсни по отношенію къ остальной поэзіи. И развѣ всѣ эти черты не отражаются въ характерѣ норвежцевъ? Развѣ въ немъ не чувствуется суровости и непривѣтливости, и развѣ онъ не дышетъ силою и энергіей?

«Дубъ въ долинахъ Швеціи составляетъ естественный переходъ отъ пастушеской поэзіи бука къ сказаніямъ норвежскихъ сосенъ. Въ немъ нѣтъ бархатистой мягкости и веселой привѣтливости бука, но въ немъ нѣтъ и непреклонности и суровости сосны; онъ соединяетъ мужественный характеръ одного съ кротостью другого. Его очертанія мускулисты, но общій видъ привѣтливѣе и веселѣе, чѣмъ у сосны. Онъ простираетъ свои жилистыя и сильныя руки, но только для того, чтобы рыцарски предложить гостепріимство. Во всемъ его строеніи выражается смѣсь благородной увѣренности съ откровенностью, свободой и привѣтливой ласковостью. Дубъ олицетворяетъ собой побѣдную пѣснь христіанства и рядомъ съ сосною и букомъ является представителемъ истиннаго романтизма. И развѣ всѣ эти черты не свойственны характеру шведовъ?»,—этихъ французовъ сѣвера, какъ ихъ описываетъ Гиппо, съ ихъ кроткимъ, вѣжливымъ

и гостепріимнымъ нравомъ,—честныхъ, храбрыхъ и обладающихъ столь высоко развитымъ чувствомъ личнаго достоинства, что они смотрятъ на потерю чести, какъ на высшее наказаніе, или, по ихъ собственному выраженію, «какъ на смерть, которая продолжается вѣчно».

Особенности національной фізіогноміи каждаго народа наложили свой отпечатокъ и на общій характеръ школы, прекрасно объясняя непринужденную веселость, господствующую въ датскихъ школахъ, нѣкоторую суровость и строгость норвежскихъ школъ и мягкую гуманность, въ связи со строгой дисциплиной, основанной на сознаниіи своего долга, отличающую шведскія школы.

Е. Страннолюбская.

Воображеніе и его видоизмѣненія у дѣтей.

К е й р а.

Глава VII.

Различныя способности дѣтей.

Преимущества, доставляемыя уму преобладаніемъ какого-нибудь рода образовъ. — Различныя способности дѣтей. — Необходимость для воспитателя умѣть распознавать ихъ. — Нѣкоторыя средства, пригодныя для этой цѣли.

Изъ фактовъ, приведенныхъ въ предъидущихъ главахъ, ясно видно что особенное преобладаніе одной категоріи образовъ обеспечиваетъ уму превосходство въ извѣстномъ направленіи. «Музыкантъ по существу тотъ, кто можетъ внутренне слышать послѣдовательныя комбинаціи звуковъ; живописцемъ является тотъ, кто можетъ, закрывъ глаза, отчетливо и ярко видѣть контуры, рельефы, краски. У перваго работаетъ по преимуществу система слуха, у втораго система зрѣнія *).

Вотъ причина того, что при обученіи различнымъ предметамъ мы часто констатируемъ большую неравномѣрность въ успѣхахъ дѣтей, находящихся приблизительно въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ **).

Такъ, специальная способность къ *образнымъ представленіямъ* не является необходимой только при занятіяхъ различными искусствами, живописью, скульптурой, архитектурой, но ею же постоянно пользуются и при изученіи наукъ физическихъ и естественныхъ. Дѣйствительно, трудно понять, какимъ образомъ когда либо могъ бы выйти физикъ ***)) или порядочный химикъ ****)) изъ ребенка, неспособнаго

*) Жюли. *Психологія великихъ людей.*

**) «Неравенство различныхъ умовъ съ точки зрѣнія воспріятія уроковъ при обстоятельствахъ абсолютно тождественныхъ уже констатировано, и въ этомъ-то и заключается одна изъ слабыхъ сторонъ совмѣстнаго обученія извѣстнаго количества учениковъ, сгруппированныхъ въ одномъ классѣ». (Бэнъ, *Воспитаніе, какъ предметъ науки*).

***)) «Мы не будемъ успѣвать ни въ астрономіи, ни въ физикѣ, ни въ механикѣ, если не можемъ себя представить въ видѣ *отчетливой, хорошо нарисованной картины* небесныхъ тѣлъ съ ихъ движеніями, инструментами и машины съ расположеніемъ ихъ частей и различныя періоды ихъ работы. Здѣсь недостаточно ни собственно взгляда, ни отвлеченнаго построенія, ни разсужденія: здѣсь нужна *умственный глазъ*; это — образъ, освѣщенный и исправленный интеллектуальной работой». (H. Joli, *L'imagination*, стр. 251).

****)) Напр. «мы не можемъ изучать признаковъ сѣры и платины, не имѣя, въ случаѣ отсутствія образца, внутренняго видѣнія этихъ тѣлъ». (F. Charles, *Psychologie*, стр. 377).

представить себѣ съ ясностью инструменты и опыты, тѣла и ихъ различныя дѣйствія и реакціи;—не выйдетъ изъ него и зоолога, ботаника, геолога, если въ его памяти, не сохраняются съ отчетливостью специфическія черты такого-то животнаго, такого-то растенія или цвѣтка, такой-то скалы, которыя ему пришлось изучать *);—не сдѣлается онъ и искуснымъ врачомъ, если не можетъ представить себѣ состоянія внутреннихъ органовъ съ характерными признаками каждой болѣзни. Равнымъ образомъ, кому не ясно, какую важную роль при изученіи анатоміи играетъ способность удерживать въ памяти формы и цвѣта, такъ какъ здѣсь вѣдь приходится вызывать въ своей памяти связанное цѣлое, составленное изъ костей, связокъ, мускуловъ, нервовъ и кровеносныхъ сосудовъ.

Математики, какъ кажется, требуютъ такой-же способности отъ тѣхъ, которые желаютъ заниматься этимъ предметомъ; ихъ отвлеченный языкъ мало говоритъ уху, и если мы и упомянули о дѣтяхъ, которыя слышатъ скорѣе звукъ цифры, то по крайней мѣрѣ въ геометріи, какъ и въ большей части отраслей наукъ этого рода, знаки, употребляемые въ нихъ, обращаются къ зрѣнію. По справедливому замѣчанію Бэна (*Духъ и тѣло*) «то, что одновременно является славою и трудностью науки,—это ея общность. За то она и прибѣгаетъ въ очень отвлеченнымъ терминамъ и своеобразнымъ символамъ, которые всѣ имѣютъ *образный характеръ*. Когда при изученіи какой-либо науки упоминаютъ о какомъ нибудь предметѣ, то это не ради его самого; если учитель показываетъ рычагъ, то ученикъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что внимательно его разсмотрѣлъ, и больше о немъ не думать. Тотъ умъ, который *не умѣетъ представить себѣ* одновременно съ видѣннымъ имъ рычагомъ множество другихъ рычаговъ, *которыя онъ не видитъ*, не дошелъ еще до научнаго познания **).

Наконецъ, какимъ образомъ можетъ ребенокъ успѣшно проходить географію или заниматься рисованіемъ, если у него нѣтъ способности запечатлѣвать въ своемъ умѣ карты или линіи предметовъ? ***)

*) «Чтобы заниматься естественной исторіей, при изученіи которой, въ виду всякихъ возможныхъ сближеній и сопоставленій, требуется имѣть постоянно въ памяти, постоянно подъ рукой безчисленное множество формъ животныхъ и растеній, какъ онѣ расположены въ отдѣленіяхъ музея или на листахъ гербарія, очевидно необходимо обладать въ высшей степени развитымъ чувствомъ формъ и ихъ соединеній». (Rabier).

***) «Если мы будемъ говорить ребенку о кубическомъ метрѣ, то онъ только въ томъ случаѣ будетъ имѣть о немъ точное понятіе, если это понятіе будетъ облечено, напримѣръ, въ образъ деревяннаго кубическаго метра. Онъ не пойметъ хорошо, что представляетъ изъ себя длина двухъ метровъ, если не представитъ себѣ предмета этой длины, стола, скамейки. Познаніе отвлеченныхъ вещей получается этимъ путемъ: геометрія не можетъ существовать безъ фигуръ, счетъ безъ знаковъ; хотя по привычкѣ и можно *представить себѣ геометрическія фигуры*, не чертя ихъ, и производить сложныя дѣйствія, не прибѣгая къ письменному изображенію ихъ». (Rousselot, *Pédagogie à l'usage de l'enseignement primaire*).

****) «Живое представление буквъ азбуки является большимъ подспорьемъ для быстраго ознакомленія съ процессомъ чтенія и письма. Впослѣдствіи при черченіи географическихъ картъ, при изученіи геометріи и тѣмъ болѣе при рисованіи,

Итакъ, науки и профессіи, предполагающія наличность зрительныхъ представлений, очень многочисленны *). Другія, въ свою очередь (надо ли напоминать о музыкѣ?**), требуютъ ясно выраженной способности удерживать въ памяти слуховые образы; таковы, напр., языки и въ особенности языки живые, въ знаніи которыхъ мы подвинулись бы весьма мало впередъ, если бы не имѣли этой способности,—скуда отнесется также и искусство по преимуществу, искусство писать стихи, поскольку дѣло касается сочетанія такта и размѣра стиховъ, чувства гармоніи и рѣзны ***).

дѣти, хорошо одаренныя относительно воображенія и приученныя отчетливо воспринимать матеріальныя формы предметовъ, безъ труда одержать верхъ надъ своими товарищами.

Образное воображеніе (зрительная память) имѣетъ значеніе и при изученіи самой орографии. Дѣйствительно, какимъ образомъ объяснить, что одинъ ребенокъ, настолько же интеллигентный, какъ и другой, и даже читавшій гораздо больше, оказывается, однако, менѣе способнымъ къ усвоенію орографии? Причина этого, по всей вѣроятности, лежитъ въ слабости образнаго воображенія. Многія дѣти, читающія очень бѣгло, слѣдятъ за текстомъ, такъ сказать, только мысленно: ихъ глаза не останавливаются достаточно долго на самихъ словахъ и на различныхъ элементахъ, входящихъ въ составъ этихъ словъ. Такъ что, когда имъ предлагаютъ написать на память слово, которое они читали десять разъ, они его коверкаютъ, искажаютъ, пропускаютъ въ немъ буквы; они похожи на тѣхъ неискusstvenныхъ рисовальщиковъ, которые, за недостаткомъ воображенія, не умѣютъ точно воспроизвести видѣнный ими предметъ, который имъ хотѣлось бы нарисовать на память.

Воображеніе очень много помогаетъ также и при изученіи исторіи и географіи, такъ какъ оно позволяетъ ребенку видѣть мысленно мѣста, событія и людей, о которыхъ ему говорятъ. Оно оживляетъ обученіе, дѣлаетъ идеи живыми, даетъ окраску вещамъ, оно является источникомъ интереса. (Comraugé, *Cours de pédagogie théorique et pratique*).

«Ребенокъ учится географіи при помощи карты, но у него вѣдь не будетъ постоянно карты передъ глазами, когда ему надо вспомнить что либо изъ географіи; необходимо, чтобы онъ могъ мысленно представить себѣ положеніе извѣстнаго города, теченіе такой-то рѣки, направленіе такой-то цѣпи горъ». (Rousselot).

*) Зрительныя представленія «не менѣе полезны и при изученіи искусства съ ихъ технической стороны и даже при изученіи самыхъ скромныхъ ремесель. Каменьщикъ, обтесывая камни, долженъ имѣть идею прямой линіи и видѣть мысленно стѣну, которую онъ воздвигаетъ; маляръ долженъ видѣть мысленно вывѣску, буквы которой онъ очерчиваетъ одну за другой, цвѣточница—розу, которую она готовится сдѣлать, но которая еще не вышла изъ ея рукъ». (Rousselot). Однимъ словомъ, «необходимо представить себѣ машины и ихъ дѣйствія, чтобы эти дѣйствія совершить». (Voltaire, *Dictionnaire philosophique*, глав. *Imagination*).

***) Для музыканта все заключается въ звукахъ, все выражается въ нотахъ, и степень этого преобладанія есть точная мѣра его музыкальной способности. Оттого-то такъ и трудно другимъ людямъ, иначе одареннымъ, отдать себѣ мало-мальски ясный отчетъ объ этой категоріи познавательныхъ способностей. Одного аналитическаго ума, какъ бы онъ ни былъ развитъ, недостаточно. Гете никогда не могъ ничего понять въ музыкѣ, не смотря на всѣ свои разговоры съ Мендельсономъ». (E. Véron, *L'Esthétique*, стр. 380).

****) Великій поэтъ естественно свободно обращается съ рѣзмой, и это свободное обращеніе является часто источникомъ его самыхъ счастливыхъ вдохновеній. Вотъ, напр., одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ изъ Альфреда Мюссе:

Si jamais la tête qui penche	Ce qui le blanchit n'est pas l'âge
Devient blanche,	Ni l'orage,
Ce sera comme l'amandier,	Mais la douce rosée en pleurs
Cher Nodier!	Dans les fleurs.

Что касается до способности удерживать въ памяти моторные образы, то помимо той пользы, которую она можетъ приносить для знанія языковъ и для воспроизведенія звуковъ *), она предрасполагаетъ къ рисованію, къ лѣпкѣ, къ каллиграфіи, къ плавности въ рѣчи **), къ быстрой и вѣрной игрѣ на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ и, въ частности, ко всѣмъ работамъ, требующимъ ловкости ***).

Изъ всего этого вытекаетъ для воспитателя *необходимость узнать, какіе образы преобладаютъ у порученнаго ему ребенка*. Сколько талантовъ, которые при хорошемъ направленіи могли бы дать самые драгоценные плоды, остаются теперь безсильными, пропадаютъ даромъ, потому что ихъ сбили съ настоящей дороги и направили на поприще, для котораго они не были созданы! А потому учителямъ и слѣдуетъ подумать о совѣтѣ Горация писателямъ:

Et versate diu quid ferre recusent
Quid valeant humeri (discipulorum) ****).

Это мнѣніе лучшихъ педагоговъ: «Самый легкомысленный, самый лѣнивый, а равнымъ образомъ самый тупой ребенокъ, говоритъ Руссело, всегда въ сущности способенъ заинтересоваться какимъ либо предметомъ, изъ числа преподаваемыхъ ему. *Какимъ предметомъ? Узнайте это, и подойдите къ нему съ этой стороны*. Тотъ, которому ни за что на свѣтѣ не дается чтеніе, можетъ быть, будетъ свободно, и слѣдовательно охотно, считать; этотъ, видящій въ грамматикѣ своего личнаго врага, можетъ быть, отнесется болѣе благосклонно къ географіи. Воспользуйтесь ихъ предпочтеніями, которыя суть не что иное какъ способности, введите ихъ въ кругъ идей, съ которыми ихъ умъ имѣетъ наиболѣе сродства: они скоро и прочно освоятся съ ними... Такимъ путемъ объясняются такъ называемыя специальности не только у учениковъ, но и у взрослыхъ людей. Несомнѣнно, что независимо отъ общаго образованія, въ которое входятъ предметы общіе и необходимые при всякомъ обученіи и воспитаніи, для каждаго поприща долженъ имѣться родъ частныхъ курсовъ ученія, и часто бываетъ, что извѣстный умъ предпочитаетъ одинъ родъ ученія или за-

Очевидно, что риема «amandier» и «Nodier» вызвала этотъ граціозный образъ». (Жюли, *Психологія великихъ людей*).

*) Г. Масперо говорилъ мнѣ, что онъ произносить (слышитъ) внутренно, но не можетъ высказать вслухъ нѣкоторые звуки, принадлежащіе языкамъ, очень отдаленнымъ отъ нашего». (Зам. г. Еггера).

**) Рѣчь, какъ и всякое механическое искусство, требуетъ содѣйствія органовъ движенія и органовъ чувствъ: языкъ разговорный привлекаетъ къ участию голосъ и ухо; письменный языкъ требуетъ, помимо этого, участія глаза и руки. *Способность хорошо произносить, или, собственно говоря, способность рѣчи, основана частью на дѣятельности, гибкости, на последовательномъ движеніи головокъ и ротовыхъ мускуловъ, а также на тонкости слуха*. Общая хорошая память также очень важна для умственнаго приобрѣтенія, допускающаго столько различныхъ деталей». (Бэнъ).

**) Неловкость зависитъ отъ плохой моторной памяти.

****) Гораций, *Поэтическое искусство*, стихъ 39—40. «Присматривайтесь долгое время къ уму и силамъ (вашихъ учениковъ)».

нятій другому; здѣсь спеціальность вытекаетъ изъ призванія». Г. Бэнъ (*Духъ и тѣло*) говоритъ со своей стороны: «Влеченіе къ какому либо предмету—ботаникѣ, зоологіи, древностямъ, музыкѣ,—врождено въ насъ; это часто говорили и были правы. Умственныя силы должны сперва сильно влечь насъ къ тому роду впечатлѣній, къ которымъ присоединятся потомъ цѣлые годы сосредоточеннаго изученія. Мы можемъ глядѣть съ завистью на ботаника, склонившагося надъ своимъ гербаріемъ, и пожелать заниматься такой привлекательной наукой, но съ такимъ же успѣхомъ мы могли бы пожелать быть Архимедомъ, выходящимъ изъ своей ванны *); человекъ не можетъ передѣлать своего мозга... Мы достаточно склонны ублаживать себя мыслию, что наши умственныя приобрѣтенія не имѣютъ другихъ границъ кромѣ недостатка въ прилежаніи или какой либо другой слабости, которую мы можемъ преодолѣть. Между тѣмъ границы существуютъ и весьма ясны. Всѣ мы оказываемся неспособными относительно чего нибудь: у однихъ нѣтъ никакой способности къ механикѣ, у другихъ—къ музыкѣ, у третьихъ—къ языкамъ, у иныхъ—къ наукамъ. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ долженъ существовать какой-либо недостатокъ въ мозговомъ веществѣ по отношенію къ извѣстному частному классу комбинацій **). Умъ не опредѣлитъ уже въ раннемъ возрастѣ природныя вкусы является вопросомъ большаго практическаго интереса***).

*) Намекъ на то обстоятельство, что Архимедъ, сидя въ ваннѣ, открылъ свой знаменитый законъ объ удѣльномъ вѣсѣ. *Прим. перев.*

**) Ср. E. Véron, *L'Esthétique*, стр. 374, 375. «Нѣтъ ни одного человека, всѣ органы котораго были бы всегда равномерно развиты. Физиологія еще не настолько подвинулась впередъ, чтобы объяснить намъ всѣ эти различія; но несомнѣнно, что люди, по наслѣдству или въ силу воспитанія, получили или приобрѣтаютъ извѣстныя спеціальныя способности, которыя объясняются преобладаніемъ тѣхъ или другихъ нервныхъ центровъ. Это преобладаніе склоняетъ ихъ всегда къ предпочтительному пользованію наиболее развитымъ органомъ, дающимъ имъ относительное превосходство. Ихъ дѣятельность естественно принимаетъ это направленіе. Этимъ опредѣляются призванія, когда преобладаніе обнаруживается рано. Это замѣчаніе относится и къ ручнымъ ремесламъ, какъ и къ другимъ профессіямъ».

***) Испанскій философъ, Жакъ Бальмесъ (*Balmès L'art d'arriver au vrai*, глав. III) восклицаетъ: «Гдѣ тѣ учителя, которые дали бы себѣ трудъ наблюдать за дѣтьми и направлять ихъ на соответствующее имъ поприще? Насъ всѣхъ выливаютъ, такъ сказать, въ одну форму. И когда дѣло идетъ о выборѣ профессій, то думаютъ обо всемъ, кромѣ самаго существеннаго. Отсюда, сколько печальныхъ ошибокъ, сколько безмысленной рутины въ дѣлѣ воспитанія или образованія!

Однако, въ чемъ же дѣло при выборѣ поприща? Дѣло идетъ не объ успѣхѣ, но о богатствѣ, но о счастьѣ всей жизни. Человекъ, выбравшій себѣ профессию, для которой онъ рожденъ, идетъ быстрыми шагами и съ легкостью несетъ на себѣ бремя жизни; онъ наслаждается даже во время самыхъ тяжелыхъ трудовъ. Напротивъ того, несчастный, вынужденный исполнять дѣло, внушающее ему отвращеніе, для котораго онъ не созданъ, долженъ бороться противъ своего отвращенія, насиловать свои склонности, побѣдить ихъ, прежде чѣмъ достигнетъ даже уровня посредственности; что я говорю? Прежде чѣмъ достигнуть этого онъ долженъ будетъ пополнить недостатокъ способностей сверхчеловѣческимъ и всего чаще невозможнымъ напряженіемъ.

Все заставляетъ думать, что громадное большинство этихъ знаменитыхъ людей, составляющихъ гордость науки и человѣчества, остались бы посредственностью вѣдъ своего спеціальнаго призванія... Вокасонъ (фр. механикъ, 1709—1782) и Уайтъ сдѣлали чудеса въ механикѣ; они, безъ сомнѣнія, не поднялись бы выше

Въ распоряженіи воспитателя имѣются три главныхъ способа для выполненія этой задачи: слѣдить сперва за успѣхами дѣтей; приводить ихъ въ соприкосновеніе съ различными предметами, причемъ наблюдать ихъ поступки, ихъ манеру чувствовать и опредѣлять; да-дѣе, какъ только они будутъ способны къ самонаблюденію, побуждать ихъ къ этому.

Дѣйствительно, при первоначальномъ обученіи, поставленномъ на самыхъ широкихъ основаніяхъ *), уже драгоценныя указанія можно найти въ томъ, если съ самаго начала будетъ замѣчено, что такой то ребенокъ запоминаетъ съ легкостью слова, числа, фигуры, цвѣта, звуки, движенія и пр. и обнаруживаетъ болѣе или менѣе сильную склонность къ одному или нѣсколькимъ предметамъ обученія. Если какой-нибудь умъ находитъ удовольствіе въ извѣстной работѣ, если онъ съ постоянствомъ стремится къ ней, или наоборотъ, если онъ испытываетъ къ ней почти непреодолимое, постоянно возобновляющееся, отвращеніе, то мы не ошибемся, сдѣлавъ слѣдующій выводъ: природа предупреждаетъ его въ первомъ случаѣ, что онъ получилъ отъ нея счастливое дарованіе къ тому, что ему такъ нравится, во второмъ,—что онъ лишенъ этого дарованія по отношенію къ предмету, внушающему ему отвращеніе». (Balmès).

Наряду съ этимъ наблюденіемъ можно прибѣгнуть къ слѣдующему испытанію, не менѣе важному: «Показывайте дѣтямъ различныя произведенія, замѣчательныя творенія въ области промышленности и человеческого ума; водите ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ *врожденное влеченіе каждаго могло бы придти въ соприкосновеніе съ предметомъ своего предпочтенія*. Этотъ приемъ будетъ вамъ очень полезенъ; онъ очень вѣренъ. Природа, захваченная на дѣлѣ, открываетъ вамъ способности, которыя, можетъ быть, никогда не были бы замѣчены при самомъ внимательномъ изученіи. Замысловатый механизмъ привлекаетъ вниманіе группы дѣтей въ возрастѣ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. Большинство недолго недолго любитъ имъ и проходить мимо; только одинъ останавливается и, повидимому, забывается на долгое

посредственности на поприщѣ искусства или поэзіи. Лафонтенъ обезсмертилъ себя своими баснями; извѣстна его неспособность въ дѣлахъ... Какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ важно выбрать, смотря по своимъ специальнымъ способностямъ, то поприще, которому желаешь посвятить себя... Родители, учителя, директора воспитательныхъ и образовательныхъ заведеній хорошо сдѣлали бы, еслибъ обратили на это свое вниманіе».

*) «Разъ первоначальному обученію будетъ приданъ, какъ это уже сдѣлано съ нѣкотораго времени, характеръ по существу практической, то ребенокъ десяти или однадцати лѣтъ будетъ довольно правильно говорить и писать на родномъ языкѣ, приобрететъ вкусъ къ серьезному и плодотворному чтенію, суждетъ легко и быстро дѣлать маленькія обиходныя вычисленія; онъ будетъ имѣть здравыя понятія относительно морали и государства; будетъ знать въ общихъ чертахъ, какія промышленныя операціи необходимы, чтобы получать и обрабатывать сырые матерьялы... Впрочемъ, по каждому предмету онъ будетъ учить лишь то, что имѣетъ примѣненіе и должно быть удержано въ памяти: это немного, но достаточно. *Дѣти, такимъ образомъ ведомыя, почувствуютъ въ двѣнадцать лѣтъ свои способности*». (Campagne, *Diction. univ. d'education et d'enseignement*, глав. *Connaissances humaines*).

время. Любопытство, съ какимъ онъ разсматриваетъ механизмъ, осмысленность предлагаемыхъ имъ вопросовъ, быстрое пониманіе интересующаго его механизма, развѣ все это ничего не говоритъ внимательному наблюдателю» *)?

Наконецъ, слѣдуетъ допрашивать самихъ дѣтей, какимъ образомъ припоминаютъ они выученную наизусть страницу; можно, напримѣръ, спросить ихъ, представляютъ ли они себѣ изображенія словъ или скорѣе запоминаютъ ихъ звуки,—какимъ образомъ производятъ они умственный счетъ **) и т. д.—Такимъ путемъ можно, безъ сомнѣнія, уяснить себѣ, къ какому роду ученія каждый изъ нихъ болѣе способенъ, и въ какомъ направленіи надо развивать его дарованія, чтобы достигнуть болѣе или менѣе вѣрнаго успѣха.

Можетъ быть, и мы думаемъ, что это будетъ чаще всего, найдется ребенокъ, способный удерживать въ памяти всѣ вмѣсты и образы зрительные, и слуховые, и моторные. Тогда онъ будетъ принадлежать къ типу *среднему* или *нормальному*, о которомъ мы будемъ скоро говорить. Но даже и въ этомъ случаѣ *редко бываетъ, чтобы одинъ родъ образовъ не перевѣшивалъ хотя бы немного другіе*, что всегда слѣдуетъ принимать въ разсчетъ.

Такимъ образомъ, воспитателю придется въ большинствѣ случаевъ только *направлять* природу, что менѣе трудно, нежели ее *исправлять* ***).

*) Balmès (*L'art d'arriver au vrai*). Извѣстно, что именно передъ св. Цецилей Рафаэля Корреджіо почувствовалъ свое призваніе: «И я также живописецъ!» воскликнулъ онъ.

**) Независимо отъ этихъ общихъ испытаній, можно прибѣгнуть еще къ экспериментамъ въ родѣ тѣхъ, какіе указываются г. Бинэ, какъ средство узнать, принадлежитъ ли данное лицо къ зрительному типу, или нѣтъ (см. выше, глав. IV). Въ своемъ трудѣ (*Le langage et la musique*) г. Стриккеръ выставляетъ нѣсколько положеній, дающихъ возможность узнать людей, принадлежащихъ къ моторному типу. Они сгруппированы у Бинэ въ его *Психологии умозаключеній*, стр. 22 и слѣд. Приведемъ одно изъ нихъ въ видѣ примѣра:

По мнѣнію г. Стриккера, то, что принимается нами за образъ слуховой, есть не что иное, какъ образъ моторный, начало произнесенія; нельзя *представить себѣ слухового образа буквы, слышать ее мысленно*, если въ то-же время придать мускуламъ, служащимъ для ея произнесенія, неподвижное положеніе, не позволяющее имъ совершить дѣйствія. Такъ, нельзя *думать* о буквѣ В, принадлежащей къ губнымъ (т. е. нельзя *воспринимать внутренно ея звука*), держа ротъ совершенно открытымъ, въ положеніи, не допускающемъ движенія губъ. Но ясно, что если совершеніе этого акта невозможно для *лицъ моторнаго типа* (по этому признаку ихъ можно и узнать), то оно не представляетъ ни малѣйшей трудности для лица *типа слухового и нормальнаго*.

***) Мы еще вернемся (глава IX) къ предъидущимъ заключеніямъ и попытаемся опредѣлить настоящую задачу воспитателя. Пока же слѣдуетъ проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ, что нельзя *отличаться* въ какой-либо наукѣ, профессіи или искусствѣ, если не предрасположенъ къ нимъ въ силу своего мозгового устройства; истина, которую г. Веронъ съ своей частной точки зрѣнія резюмируетъ весьма вѣрно въ слѣдующемъ положеніи: «Чтобы сочинять хорошую музыку, первое условіе—родиться музыкантомъ».

Приложеніе.—Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать важное примѣчаніе, именно отмѣтить, что слѣдуетъ принимать въ соображеніе и болѣе или меньшее развитіе каждаго лица, т. е. ту легкость, съ какой оно воспринимаетъ отношенія между вещами, постигаетъ и судитъ, а также его способность къ вниманію и къ

Глава VIII.

Опасности, создаваемая исключительнымъ развитіемъ одного рода образовъ.

Въ случай ихъ утраты, умъ является какъ бы застигнутымъ врасплохъ. — Примѣръ: случай съ тѣмъ больнымъ, котораго наблюдалъ г. Шарко. — Ихъ чрезмѣрное развитіе предрасполагаетъ къ галлюцинаціи, къ бреду. — Примѣръ: случай съ живописцемъ, рассказанный Виганомъ. — Объ одномъ недостаткѣ, свойственномъ лицамъ зрительнаго типа.

Однако здѣсь, какъ и вездѣ, слѣдуетъ избѣгать крайностей. И воспитатель не только не долженъ ограничиваться тѣмъ, что развивается у ребенка одинъ только родъ образовъ, но, напротивъ, долженъ стараться, извлекая пользу изъ его природныхъ способностей, въ то же время способствовать развитію тѣхъ, относительно которыхъ тотъ менѣе благоприятно одаренъ, такъ какъ исключительное или чрезмѣрное развитіе одного какого-нибудь рода образовъ, какимъ бы выгоднымъ оно ни было для ума, не преминетъ подвергнуть его серьезнымъ опасностямъ. Мы ограничимся бѣглымъ упоминаніемъ объ нихъ и приведемъ въ примѣръ два случая, о которыхъ уже говорили.

Лицо, обладающее превосходной зрительной памятью, исключая

абстракціи. Напримѣръ, ясно, что число и интенсивность образовъ, возникающихъ въ мозгу артиста, не являются еще единственной причиной его силы и гения. Матеръ (Matherbez) справедливо сказалъ: «Человѣкъ, обладающій только памятью, похожъ на того, кто имѣетъ палитру и краски; но это еще не значить, что онъ живописецъ». Дѣйствительно, необходимыя условія могутъ еще и не быть условіями достаточными. И такъ ребенокъ, хотя бы и обладающій хорошо развитой специальной памятью, очевидно, не будетъ успѣвать въ соответствующей отрасли науки, если не способенъ хорошо разсуждать.

Но, какъ бы то ни было, будемъ считать установленнымъ тотъ фактъ, что *воспитатель всегда долженъ направлять свое вниманіе именно на ту сторону, гдѣ обнаруживается преобладаніе одного рода образовъ надъ другими*. Потому что, по замѣчанію г. Льюиса (Liuys, *Le cerveau*, стр. 234), «подобно тому, какъ всѣ органы чувствъ не одарены одинаковой энергіей у всѣхъ людей (этотъ замѣчательно одаренъ по отношенію къ музыкѣ, другой — по отношенію къ рисованію, третій — по отношенію къ живописи и т. д.); такъ, равнымъ образомъ, въ силу этого первенства извѣстныхъ впечатлѣній въ сенсоріумъ, опредѣляющемъ нѣкоторымъ образомъ мозговую темпераментъ индивидуума, происходитъ и то, что, по отношенію ко всѣмъ умственнымъ способностямъ, область мозга, наилучше одаренная, является областью привилегированной, въ которой операціи сужденія совершаются наилучшимъ и наиболее быстрымъ образомъ. Отсюда возникаютъ частныя сужденія, а также и частная компетентность, болѣе изощренная въ правильномъ сужденіи относительно того или другаго частнаго предмета. Отсюда, согласно индивидуальности, эти поразительные контрасты, многочисленные примѣры которыхъ мы видимъ ежедневно: встрѣчаются люди, здраво разсуждающіе о томъ или другомъ предметѣ, которымъ они охотно занимались, и который основательно знаютъ, и въ то же время совершенно неспособные къ правильному сужденію объ обыкновенномъ вопросѣ изъ текущей жизни. И такъ, человѣческій умъ, ограниченный въ своихъ средствахъ, являющійся данникомъ неронныхъ элементовъ, насчетъ которыхъ онъ обнаруживается, способенъ только къ отдѣльнымъ ограниченнымъ усиліямъ, и такимъ образомъ въ этомъ безконечномъ разнообразіи его обнаруженій мы видимъ, до какой степени приходится человѣку раздѣлять свои живыя силы, и сосредоточивать ихъ на одномъ пунктѣ, чтобы поставить ихъ дѣйствовать правильно; однимъ словомъ, до какой степени сужденіе — операція трудная по преимуществу».

щей память слуховую и моторную, конечно, извлекаетъ изъ этого дара очень большую пользу, доказательства чего мы видѣли. Но предположимъ, какъ это впрочемъ часто и случалось, что это лицо случайно лишится этого дара *); тогда ему будетъ очень трудно, если только не невозможно, *замнить эту утрату другими образами*, такъ какъ эти послѣдніе оставались неразвитыми; и это лицо, по очень вѣрному сравненію, очутится въ положеніи капиталиста, который былъ настолько неблагоразуменъ, что положилъ весь свой капиталъ въ одинъ банкъ, а потому разорился въ одинъ прекрасный день, когда этотъ банкъ прекратилъ платежи. Такова первая опасность, которой можно подвергнуться.

Вѣроятно, еще не забыть случай, приведенный выше (глава IV), касающійся одного больнаго съ чрезмѣрно развитой зрительной памятью, находившагося на попеченіи г. Шарко. Этотъ больной и представляетъ намъ примѣръ того, въ какое неприятное умственное состояніе можетъ быть приведено въ каждый данный моментъ лицо, принадлежащее по существу къ одному сенсоріальному типу. — Когда на этого больнаго обрушились серіозныя коммерческія затрудненія, то въ немъ внезапно произошла глубокая перемена; онъ настолько утратилъ память формъ и цвѣтовъ, что позабылъ самыя близкія ему воспоминанія **), *даже не узнавалъ болѣе въ зеркалѣ своей собственной физиономіи* и не могъ ничего нарисовать на память. Съ тѣхъ поръ этому больному пришлось, чтобы заучить, напр., рядъ

*) «Если вдругъ случится какая-нибудь болѣзнь, поражающая память, то обыкновенно теряютъ ту память, которая была наиболее развита. Это можно объяснить слѣдующимъ образомъ: тѣ области мозга, которыя участвуютъ въ работѣ памяти, обыкновенно ослаблены, когда онѣ переутомлены; значить, онѣ болѣе восприимчивы къ тому, чтобы быть пораженными». (Н. Mariou, *Leçons de la psychologie appliquée à l'éducation*, стр. 359).

**) Всякій разъ, какъ г. X. возвращается въ А..., откуда ему приходится часто уѣзжать по дѣламъ, ему кажется, что онъ попадаетъ въ незнакомый городъ. Онъ съ удивленіемъ осматриваетъ памятники, улицы, дома, какъ еслибы онъ пріѣхалъ сюда въ первый разъ. Парижъ, въ которомъ онъ бывалъ не рѣже, производилъ на него такое же впечатлѣніе... Нѣкогда онъ много разъ рисовалъ гавань А..., теперь онъ напрасно старается воспроизвести ее въ главныхъ чертахъ, она совершенно ускользаетъ отъ него. — Для него совершенно невозможны зрительныя воспоминанія о женѣ и дѣтяхъ. Сначала онъ ихъ также не узнавалъ, какъ гавань и улицы А..., и даже тогда, когда въ присутствіи ихъ ему это удавалось, то ему казалось, что онъ видитъ новыя черты, новыя выраженія въ ихъ лицахъ. — Онъ забылъ даже свою собственную фигуру. Недавно въ публичной галлерей ему показалось, что онъ загоразиваетъ проходъ лицу, передъ которымъ онъ извинился, и которое оказалось отраженіемъ въ зеркалѣ его собственной фигуры. — Г. X. повидимому болѣе всего озабоченъ потерей видѣнія цвѣтовъ. «У моей жены, говорятъ онъ, черные волосы; а въ этомъ совершенно увѣренъ. Но для меня совершенно невозможно отыскать этотъ цвѣтъ въ моей памяти, также какъ и представить себѣ ея лицо и черты». Это зрительное устройство воснулось какъ предметовъ, извѣстныхъ ему съ дѣтства, такъ и предметовъ, извѣстныхъ ему съ недавняго времени. Г. X. ничего не можетъ вспомнить *въ зрительныхъ образахъ* изъ отцовскаго дома. Такія воспоминанія были въ немъ когда-то, онъ часто ихъ вызывалъ. Интересно то, что г. X. не имѣетъ болѣе, какъ это бывало прежде, зрительнаго представленія вещей *въ своихъ словесныхъ*. У него сохранились только представленія словъ»...

фразъ, читатъ ихъ вслухъ нѣсколько разъ и производить такимъ путемъ впечатлѣніе на ухо; когда впослѣдствіи онъ ихъ повторялъ, онъ имѣлъ ясное ощущеніе *внутренняго слуха*, предшествующее произнесенію словъ,—ощущеніе нѣкогда ему неизвѣстное. «Я принужденъ, пишетъ онъ, сказать себѣ то, что хочу удержать въ памяти, тогда какъ прежде мнѣ стоило только фотографировать зрѣніемъ».

Здѣсь, какъ кажется, пришлось въ нѣкоторомъ родѣ начать воспитаніе все съизнова. Такой же случай можетъ произойти и у лица чисто слуховаго и чисто моторнаго типа *), конечно, относительно тѣхъ образовъ, которые имъ свойственны.

Но приходится бояться еще другой опасности, не менѣе серьезной для тѣхъ, которые пользовались всегда однимъ только родомъ представленій. Напримѣръ, слуховой образъ можетъ съ такой живостью и настойчивостью навязываться уму, что становится совершенно несноснымъ. Съ кѣмъ изъ насъ не случилось (если только онъ способенъ удерживать въ памяти этотъ родъ воспоминаній) быть преслѣдуемымъ цѣлыми часами какимъ-нибудь припѣвомъ, въ концѣ концовъ невыносимымъ**)? «Теофилъ Готье, рассказываетъ Тэнъ, проходя однажды мимо театра Водевиль, прочиталъ на афишкѣ: «Польку будетъ танцевать М»... Вотъ фраза, которая засѣла у него въ головѣ, и съ этого времени онъ постоянно и противъ своей воли думаетъ о ней, вслѣдствіе одного лишь автоматическаго повторенія. Спустя нѣ-

*) Чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ ущербѣ, который наносится умственной дѣятельности при уtratѣ одного или нѣсколькихъ словесныхъ образовъ, см. уже упомянутое произведеніе г. Балле.—Объ уtratѣ моторныхъ образовъ произношенія и письма см. особенно главы IX и X.

Впрочемъ, и всякіе другіе моторные образы могутъ быть также утрачиваемы: такъ, нѣкоторые лица теряютъ память движеній, совершаемыхъ при куреніи, шитьѣ, вышиваніи и т. д.—Шарко привелъ случай съ однимъ игрокомъ на тромбонѣ, который утратилъ воспоминаніе о совокупныхъ движеніяхъ рта и руки, необходимыхъ для игры на этомъ инструментѣ. Всѣ другія моторныя памяти, за исключеніемъ этой, остались неповрежденными. Этотъ музыкантъ позабылъ умѣніе владѣть тромбонемъ, какъ другіе позабываютъ умѣніе владѣть перомъ».

**) Одинъ выдающійся музыкантъ первой половины нашего столѣтія г. I. L. d'Ortiqnes писалъ въ 1855 г. (*Une symphonie sans orchestre*): «Послѣ прогулки по окрестностямъ, гдѣ я слышалъ пѣніе малиновки, я усѣлся въ покойное кресло передъ каминомъ и продолжалъ слушать мысленно пѣніе птицы, нѣсколько минутъ передъ тѣмъ поразившее мой слухъ; это пѣніе пробудило въ моей душѣ воспоминаніе о *Пасторали*, и вотъ я присутствую при чудесномъ исполненіи этой симфоніи. Оно было безукоризненно. Какая сила въ интонаціи! Какая точность! Такимъ-то образомъ маленькое животное (говоря языкомъ Ксавье де Мэстра) задаетъ мнѣ концерты, и я ему благодаренъ за то, что овладѣлъ отрывками мелодіи и размѣромъ и построилъ на этомъ размѣрѣ, на этихъ отрывкахъ мелодіи цѣлое зданіе звуковъ, симфонію. Но это животное имѣетъ иногда раздражающія фантазіи, несносныя капризы... *Сколько разъ повторяетъ оно мнѣ до пресыщенія, цѣлыми днями, какой-нибудь неблагородный припѣвъ шарманокъ, и нѣтъ средства избавиться отъ этого навоежденія!* Машина заведена, надо, чтобы она безжалостно шла своимъ ходомъ. Даже болѣе, сонъ ничего не можетъ сдѣлать. На другой день утромъ злополучная мелодія овладѣваетъ мной при моемъ пробужденіи, и, чѣмъ больше я стараюсь отъ нея отдѣлаться, тѣмъ крѣпче она держится».

которое время это была уже не простая умственная фраза, но фраза, состоящая из произносимых звуковъ, имѣющихъ тѣмбръ и кажущихся вышними. Это продолжалось нѣсколько недѣль и начинало его беспокоить, какъ вдругъ наводненіе разомъ исчезло». Иногда же образъ, вмѣсто того, чтобы быть такимъ кратковременнымъ наводненіемъ, принимаетъ у лица слуховаго типа характеръ самого ощущенія, кажется вышнимъ,—однимъ словомъ становится настоящей галлюцинаціей слуха. Исторія представляетъ намъ замѣчательные примѣры этого: демонъ Сократа, небесный вѣстникъ Магомета, голоса Жанны д'Аркъ, фамильный геній Тасса, дьяволъ Лютера, не говоря уже о голосѣ Бога Малебранша *).

Къ несчастью для человѣка и для человѣчества слуховыя галлюцинаціи далеко не всегда имѣютъ такія благопріятныя послѣдствія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно заглянуть въ различныя сочиненія по патологіи ума **).

Можетъ быть даже, что помимо общаго сумашествія преобладаніе одной категоріи образовъ создаетъ соотвѣтствующій видъ галлюцинацій. Если это дѣйствительно такъ, то лица, страдающія маніей преслѣдованія, принадлежатъ къ слуховому типу; такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ г. Бинэ, лицо чисто зрительнаго типа никогда не подвергается *галлюцинаціямъ преслѣдованія*, потому что въ этой маніи, по наблюденіямъ г. Лассега, встрѣчаются только слуховыя галлюцинаціи. Преслѣдуемый только слышитъ, а не видитъ своихъ преслѣдователей.

Чрезмѣрное развитіе зрительныхъ образовъ подвергаетъ лицъ, обладающихъ имъ, аналогичнымъ опасностямъ ***). Живописецъ, исторію котораго мы узнали отъ Вигана, живой примѣръ этого. Припомнимъ, что онъ былъ способенъ представлять себѣ отсутствующую модель съ такою живостью, какъ если бы эта модель въ дѣйствитель-

*) См. объ этихъ различныхъ случаяхъ: Lelut, *Le démon de Socrate*; — Brierre de Boismont, *Des hallucinations*;—Egger, *La parole intérieure*.

**) Впрочемъ, многочисленныя доказательства этого можно найти и въ нѣкоторыхъ упомянутыхъ уже нами сочиненіяхъ. «Больные часто жалуются, что они слышатъ, какъ говорятъ ихъ мысли, и имъ случается воображать, что одновременно множество голосовъ обращаются къ нимъ съ рѣчью». (I. Sully). Эти-то «голоса, которые говорятъ съ ними или о нихъ, отвѣчаютъ на ихъ тайныя мысли, внушаютъ имъ святотатственные или непристойныя идеи, попеременно то унижаютъ ихъ, то угрожаютъ имъ». (Maudsley, *Physiologie de l'esprit*, стр. 277). Когда такія галлюцинаціи бывають у людей, не страдающихъ умопомѣшательствомъ, то они часто влекутъ за собой безпокойство, недовѣрчивость, боязнь, иногда даже и самоубійство.

***) Молодой человѣкъ, о которомъ говорилъ Михеа (глава I), былъ миниакомъ. Въ одномъ изъ своихъ наиболее поучительныхъ и интересныхъ трудовъ Бинэ и Фере пишутъ: «Большинство больныхъ, надъ которыми мы производили наши опыты галлюцинацій (гипнотическихъ), въ состояніи бодрствованія обладали въ высокой степени даромъ представлять себѣ предметы въ чувственной формѣ. Мы думаемъ, что индивидуумы, обладающіе, по выраженію Гальтона, *способностью образнаго представленія*, болѣе другихъ склонны къ зрительнымъ галлюцинаціямъ. Когда мы просимъ одного изъ нашихъ испытуемыхъ представить себѣ отсутствующую особу, то онъ скоро объявляетъ, что видитъ эту особу также живо, какъ если бы она была передъ его глазами». (*Le magnétisme animal*, стр. 164).

ности позировала передъ нимъ. Но мало по малу въ умѣ его произошло смѣшеніе; онъ уже не могъ различать воображаемой фигуры отъ дѣйствительной, и утверждалъ, что модель дѣйствительно позировала; въ концѣ концовъ его пришлось помѣстить въ больницу, гдѣ онъ пробылъ тридцать лѣтъ. Выйдя оттуда (хотя онъ не сохранилъ никакого воспоминанія объ этомъ длинномъ періодѣ, развѣ только о послѣднихъ мѣсяцахъ), онъ обладалъ еще способностью рисовать на память, но его друзья не давали ему работать, боясь новаго припадка *).

Есть недостатокъ свойственный людямъ зрительнаго типа, отмѣченный Малекбраншемъ (*Recherche de la vérité*, книга II, De L'Imagination, III часть, глава I, § 5.), о которомъ мы только упомянемъ. Говоря о дурныхъ свойствахъ фантазирующихъ умовъ, этотъ философъ пишетъ: «Эти умы всегда вдаются въ крайности: они возвышаютъ низменное, преувеличиваютъ малое, приближаютъ отдаленное. *Ничто не кажется имъ такимъ, каково оно есть* **») и т. д... Правда здѣсь же рядомъ (V, тамъ же, § 6) онъ отмѣчаетъ и ихъ «преимущества»: «тѣ, которые живо представляютъ себѣ что нибудь, *выражаютъ это съ большей силой* и убѣждаютъ всѣхъ тѣхъ, на которыхъ дѣйствуютъ скорѣе внѣшній видъ и впечатлѣніе чувства, чѣмъ сила доводовъ». Съ большимъ интересомъ могутъ быть прочтены эти превосходныя страницы самого Малекбранша, гдѣ онъ развиваетъ свои соображенія.

*) См. также въ трудѣ г. Буамона тотъ случай исключительнаго зрительнаго воображенія, послѣдствія котораго были еще болѣе плачевными, и тамъ же принадлежащее Теофилу Готье описаніе того страннаго болѣзненнаго состоянія, вродѣ оцѣпенія (*coma*), которое возникало на короткое время у Балзака, вслѣдствіе *навязчивыхъ видѣній* (глав. IV). Очевидно, что опасности, указанныя нами здѣсь, не встрѣчаются на каждомъ шагѣ, по крайней мѣрѣ въ такой ярко выраженной формѣ, хотя навѣрное *неуравновѣшенные умы* не составляютъ именно исключенія. Но увеличеніе позволяетъ лучше схватить то, что въ самой дѣйствительности всего всегда очень сокращено. Это-то и оправдываетъ выставленіе крайнихъ чертъ различныхъ сенсоріальныхъ типовъ, сдѣланное съ цѣлью ихъ изученія.

**) Извѣстно, какъ добродушно посмѣялся остроумный авторъ *Тартарена и Нумы Руместана* надъ этой легкомысленной склонностью, свойственной нѣкоторымъ изъ нашихъ южныхъ соотечественниковъ, и какой мудрый совѣтъ онъ даетъ, «принимать во вниманіе ихъ крайности», когда ихъ слушаешь.

ГЛАВА IX.

Типъ средній, или нормальный. Его относительное превосходство. Необходимость уравнивать образы.

Типъ средній, или нормальный.—Примѣръ Тэна.—Память, воображеніе, мышленіе и внутренняя рѣчь нормальнаго индивидуума.—Относительное превосходство этого типа: меньшія опасности; разнообразіе способностей; люди эпохи Возрожденія: Леонардо-де-Винчи, Бенвенуто Челлини и др.—Необходимость уравнивать образы.

Если при слишкомъ неравномѣрномъ развитіи различныхъ родовъ образовъ приходится бояться такихъ серьезныхъ опасностей, какія были нами указаны въ предъидущей главѣ, то очевидно, что, не смотря на преимущества, обезпечиваемыя уму преобладаніемъ одного какого-нибудь рода образовъ, умъ, въ которомъ они приблизительно уравнишены, будетъ находиться вообще въ лучшемъ положеніи. Такой случай и представляетъ *нормальный типъ*; онъ, впрочемъ, и наиболѣе распространенный, какъ мы уже сказали.

Люди, принадлежащіе къ нему, не характеризуются уже особеннымъ преобладаніемъ зрительныхъ или моторныхъ или слуховыхъ образовъ, но одновременно пользуются тѣми, другими и третьими, такъ какъ способности ихъ къ воспріятію одинаковы. Вспоминаютъ они, напримѣръ, о какой-нибудь особѣ,—они также хорошо видятъ ея фигуру, какъ и слышатъ звукъ ея голоса; думаютъ они о колоколѣ, они одновременно вызываютъ въ своей памяти его внѣшній видъ, его твердость и тѣмбръ; каждая вещь представляется имъ со всѣми своими извѣстными имъ качествами: они представляютъ себѣ ея форму, твердость, цвѣтъ, звучность. Конечно, разнообразіе этихъ представленій имѣетъ массу степеней; дѣйствительно, *памяти* зрительная, слуховая, моторная, будучи почти равными по отношенію другъ къ другу, могутъ быть очень развиты или, наоборотъ, оставаться, такъ сказать, въ первоначальномъ состояніи.

Къ этому типу принадлежитъ Тэнъ, насколько можно судить по слѣдующимъ мѣстамъ его превосходной книги, *Объ умѣ и познаніи*: «Я обладаю, пишетъ онъ своимъ удивительно-колоритнымъ слогомъ, обыкновенной памятью на формы и немного лучшей—на цвѣта. Я безъ труда вспоминаю черезъ нѣсколько лѣтъ пять или шесть частей предмета, но не помню его точнаго и полнаго контура; немного лучше могу я припомнить бѣлизну песчаной дорожки въ фонтенблоскомъ лѣсу, сотни мелкихъ пятенъ и черныхъ черточекъ, которыя образуются на ней отъ вѣтвей деревьевъ, ея извилистый ходъ, розовато-рыжіи цвѣты вереска, растущаго по ея краямъ, жалкій видъ низкорослой березы, прицѣпившейся къ краю скалы; но я не могу начертить мысленно ни изгибовъ дороги, ни выступовъ скалы; если я вижу въ моей памяти желвакъ на деревѣ, то на этомъ останавливается мое полуиздѣніе; выше, ниже, по сторонамъ,—все въ туманѣ; даже при непрониз-

вольныхъ представленийъ, которыя отличаются наибольшою живостью, я вижу ясно только наполовину» (т. I, стр. 36).

Однако, слуховые образы у Тэна обладают, повидимому, бoльшей интенсивностью, нежели зрительныя. «Думая о представлении *Пророка*, я только что, молча, мысленно повторилъ пастораль увертюры, и я прослѣдилъ, я почти чувствовалъ, если смѣю такъ выразиться, не только порядокъ звуковъ, ихъ различную высоту, остановки и продолжительность, не только музыкальную фразу, повторяемую на подобіе эха, но даже рѣзкій, пронзительный тѣмбръ гобоя, ее воспроизводящаго, его жесткія, напряженныя ноты, имѣющія такую дикую пронзительность, что нервы вздрагиваютъ отъ него, проникаясь грубымъ удовольствіемъ, какъ отъ вкуса слишкомъ *кряпкого вина*», говоритъ Тэнъ (стр. 40).

Въ его внутренней рѣчи мускульные образы играютъ большую роль: «Когда какая нибудь мысль приходитъ намъ въ голову, то такъ какъ она есть умственное слово, намъ хочется выговорить ее вслухъ: слово просится съ языка, и намъ приходится даже удерживаться, чтобы его не произнести; иногда, если идея обладаетъ большою живостью и ясностью, мы произносимъ слово противъ своей воли. *Произнесеніе мысленное* граничитъ съ произнесеніемъ дѣйствительнымъ».

Далѣе (здѣсь мы находимъ соединеніе различныхъ родовъ образовъ) Тэнъ прибавляетъ: «Бываютъ дни, когда мы, сами того не желая, пробѣгаемъ въ памяти часть нашей жизни, вспоминаемъ такой-то *день путешествія*, такой-то *вечеръ въ оперѣ*, такой-то *интересный разговоръ*. Въ эту минуту я вспоминаю вечеръ, проведенный въ Лавено на Лаго-Маджоре, я вижу снова свой обѣдъ въ гостинницѣ, толстую, совершенно бѣдную скатерть, смущенную хорошенькую служанку; затѣмъ, немного спустя, извилистую тропинку между тимьяномъ и лавандой, озеро синеваго-сѣраго цвѣта подъ влажнымъ покровомъ паровъ, блестя свѣта, сверкающія полосы, серебряныя узоры, которые заблудившійся лучъ рисовалъ тамъ и сямъ на гладкой поверхности воды, едва слышный шумъ маленькихъ волнъ, замиравшихъ на плоскомъ песчаномъ берегу, и колокольчики коровъ, звенѣвшіе тамъ и сямъ въ тишинѣ». (стр. 77).

Природа *внутренней рѣчи* нормальнаго индивидуума характеризуется въ общихъ чертахъ слѣдующими словами глубокаго психолога, только что нами цитированнаго: «Въ нормальномъ состояніи мы думаемъ про себя словами, которыя умственно слышимъ, читаемъ или произносимъ; а внутри насъ находится образъ такихъ звуковъ, такихъ буквъ или такихъ мускульныхъ и тактильных ощущеній горла, языка, губъ (стр. 232)». Однакожъ, такъ какъ нѣтъ необходимости и при наличности памятей зрительной, слуховой и моторной, заставлять ихъ одновременно всѣ три содѣйствовать приобрѣтенію словесныхъ образовъ, то большинство изъ насъ можетъ удерживать слова въ памяти такимъ или инымъ способомъ, смотря по тому, были ли они восприняты глазами, ухомъ или произнесеніемъ вслухъ.

Когда я (если мнѣ позволятъ привести это личное наблюденіе) вызываю въ своей памяти какія либо литературныя произведенія, то

оживаніе ихъ принимаетъ формы, иногда весьма несхожія. Въ то время, какъ мнѣ кажется, что я *вижу* еще и читаю первые стихи изъ второй пѣсни Лукреція, я скорѣе *говорю* діалогъ первой Буколики, *произношу* его очень отчетливо; напротивъ того, когда я переносюсь мысленно къ нашему національному гимну, я *слышу*, какъ звучать его воинственныя строфы. Это различіе въ припоминаніи зависитъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ способа пріобрѣтенія: зрительная память сохраняетъ воспоминанія, полученныя посредствомъ чтенія, моторная—тѣ, которыя были пріобрѣтены при помощи ученія вслухъ, и память слуховая—тѣ, которыя были восприняты посредствомъ слуха.

Развѣ никогда не случилось намъ не быть въ состояніи бѣгло проговорить съ перваго раза слова какого нибудь романа, куплеты котораго мы запомнили, когда слышали его исполненіе, и который мы пѣли сами? Причина та, что мы вспоминаемъ не словесные зрительные образы, а мѣрную послѣдовательность звуковъ и, можетъ быть, нѣкоторыя, болѣе или менѣе медленныя, движенія при произнесеніи.

Вотъ почему многія лица понимаютъ языкъ по слуху и неспособны къ этому при одномъ только чтеніи, и наоборотъ. Вотъ случай подобнаго рода, замѣченный г. Балле: «Одинъ изъ моихъ друзей, говоритъ онъ, знающій хорошо англійскій и нѣмецкій языки, рассказалъ мнѣ слѣдующее. «По отношенію къ англійскому языку я принадлежу одновременно и къ зрительному, и слуховому типу; я съ одинаковою легкостью и читаю на немъ, и понимаю, когда на немъ говорятъ; это происходитъ оттого, что я учился языку сперва посредствомъ разговора, а затѣмъ уже посредствомъ чтенія. Совершенно иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ языку нѣмецкому, который я очень много слышалъ и на которомъ очень мало читалъ. Такъ, если мнѣ случается разбирать какое нибудь мѣсто изъ нѣмецкаго литературнаго произведенія, то это представляетъ для меня извѣстную трудность, пока я читаю только про себя; напротивъ, я понимаю очень хорошо, когда могу прочитывать это мѣсто вслухъ». Слѣдовательно, мой другъ по отношенію къ англійскому языку владѣетъ одновременно образами зрительными и слуховыми, а по отношенію къ языку нѣмецкому онъ почти исключительно типа слуховаго.

Итакъ, что касается до словъ, то нормальный индивидуумъ припоминаетъ или ихъ звукъ, или письменныя печатныя буквы, составляющія ихъ, или наконецъ движенія, которыя онъ дѣлаетъ, когда эти слова пишетъ или произноситъ, а иногда и всѣ эти образы вмѣстѣ.

Также, когда онъ что нибудь *воображаетъ* или о чемъ нибудь *размышляетъ*, онъ употребляетъ, смотря по предмету, на основаніи своего опыта или предшествующихъ занятій, различныя образы въ комбинаціяхъ болѣе или менѣе разнообразныхъ.

Легко видѣть отсюда, какія преимущества обезпечиваются уму равновѣсіемъ образовъ. Прежде всего *гораздо меньше поводовъ опасаться галлюцинацій*, такъ какъ развитіе каждаго отдѣльнаго рода образовъ при этомъ естественно умѣряется. Кромѣ того, если, вслѣдствіе какого либо мозговаго поврежденія, одна форма представленій

утратится, то *другія въ известной степени ее замѣнятъ*. То, что будетъ потеряно, предположимъ, относительно зрѣнія, можетъ быть вознаграждено со стороны слуха. Такъ, больные, страдающіе словесной слѣпотой или глухотой, могутъ воспользоваться моторными образами, чтобы возмѣстить свою потерю въ этомъ отношеніи. Примѣръ: «Индивидуумъ, пораженный словесной слѣпотой, не можетъ болѣе разбирать находящихся передъ нимъ буквъ, хотя его зрѣніе не повреждено или по крайней мѣрѣ достаточно для чтенія... Но тѣмъ не менѣе больной съ такимъ поврежденіемъ можетъ еще читать, но только косвеннымъ путемъ, посредствомъ искуснаго обхода, который часто отыскиваетъ самъ: ему довольно обвести буквы пальцемъ, чтобы понять ихъ смыслъ. Что же такое происходитъ въ этомъ случаѣ? При помощи какого механизма заступаютъ руки въ психическомъ смыслѣ мѣсто глазъ? Ключъ къ рѣшенію этой задачи мы находимъ въ моторномъ образѣ. Если больной можетъ читать въ нѣкоторомъ родѣ при помощи своихъ пальцевъ, то это потому, что, обводя буквы, онъ доставляетъ себѣ извѣстное количество мускульныхъ впечатлѣній, которыя являются мускульными ощущеніями, сопровождающими процессъ письма; итакъ, моторный графическій образъ даетъ представленіе о писанныхъ буквахъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ образъ зрительный». (Бэнъ). Въ этомъ совсѣмъ особенномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ того, что произошло бы во всемъ строѣ умственныхъ операцій, если бы утратился одинъ родъ образовъ.

Но эти преимущества еще не единственные, которыя вытекаютъ изъ гармоничнаго развитія различныхъ родовъ образовъ. Способности нормальнаго индивидуума не такъ ограничены, какъ способности лицъ типа слуховаго или зрительнаго; такъ какъ онъ именно не имѣетъ спеціальности, *то и чувствуетъ себя способнымъ ко всякому роду познаній*. И если у него и менѣе шансовъ преуспѣвать въ каждомъ изъ нихъ, чѣмъ у того, который предрасположенъ къ этому въ силу устройства своего мозга, то это относительно несовершенство болѣе, чѣмъ вознаграждается, когда примешь въ соображеніе разнообразіе его средствъ. Развѣ иногда не встрѣчаются люди, въ лицѣ которыхъ соединены самыя разнообразные таланты и всѣ въ высокой степени развитія. Припомнимъ людей эпохи Возрожденія: Лео Батиста Альберти *), Андреа Верроchio **), Леонардо де Винчи ***), Бейвенуто

*) Теологъ, литераторъ, поэтъ, математикъ, живописецъ, скульпторъ и т. д.

**) «Одаренный многочисленными талантами и рѣдко встрѣчающейся способностью къ дѣятельности, онъ былъ одновременно и серебряникомъ, и ваятелемъ, и граверомъ, и живописцемъ, и музыкантомъ, но оказывалъ явное предпочтеніе къ скульптурѣ». (Alf. Michiels, *L'architecture et peinture en Europe depuis le IV-e siècle jusqu'à la fin du XVI-e. p. 168*).

***) Никогда еще не встрѣчалось челоуѣка съ умомъ настолько гибкимъ и съ такими разнообразными талантами: онъ не только занимался живописью, ваяніемъ и архитектурой, но выказалъ рѣдкую способность къ математикѣ, механикѣ, гидростатикѣ, музыкѣ и поэзіи; болѣе того, онъ отличался въ умѣніи владѣть оружіемъ (фехтованіи), въ верховой ѣздѣ и въ танцахъ» (*тамъ же*). Онъ обладалъ также большими познаніями въ философіи и во всѣхъ отрасляхъ литературы.

Челлини *) и друг.

Поэтому многие педагоги осуждают исключительное или чрезмерное развитие известных способностей в ущерб другим. «Равновѣсіе способностей вѣ человеческомъ умѣ, говоритъ Гизо, это все равно, что равновѣсіе силъ вѣ мірѣ физическомъ: оно поддерживаетъ порядокъ, не стѣсняя движеній. Всякая способность, настолько могущественная, что можетъ прекратить или стѣснить дѣйствіе другихъ способностей, является деспотомъ, а уму, чтобы быть здоровымъ, необходима свобода».

Привода эти слова, Компаре прибавляетъ «Будемъ остерегаться тѣхъ умовъ, вѣ которыхъ нѣкоторыя интеллектуальныя дарованія пользуются исключительнымъ господствомъ и подавляютъ другія. Когда известные способности нарушаютъ равновѣсіе, то, правда, здѣсь иногда проявляется гений; но чаще всего изъ этого неравномѣрнаго воспитанія вытекаютъ несвязность, безпорядокъ, безсиліе.

Идеаломъ хорошаго интеллектуальнаго воспитанія является умъ, всѣ способности котораго занимаютъ мѣсто, подобающее имъ по степени ихъ цѣнности и важности, такъ-же какъ и идеаль хорошаго физическаго воспитанія есть совершенное тѣло, всѣ органы котораго гармонично развиты, а также всѣ отправленія содѣйствуютъ правильной жизни... Итакъ, не слѣдуетъ съ безусловною предупредительною слѣдовать теченію природы, и, когда ребенокъ обнаруживаетъ особенныя дарованія, не слѣдуетъ, такъ сказать, усердствовать вѣ этомъ смыслѣ и предпочтительно направлять его къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ у него имѣется болѣе явно выраженная склонность».

Руссело заключаетъ такъже: «За специальными склонностями надо внимательно слѣдить и, если только онѣ не проявляются съ исключительной интенсивностью, благопріятствовать имъ не болѣе того, поскольку онѣ могутъ быть точкой отправленія для однихъ, одобреніемъ для другихъ и стимуломъ для всѣхъ».

Какъ примирить эти заключенія съ тѣми, которыя мы формули-

*) Челлини сдѣлался превосходнымъ игрокомъ на флейтѣ и корнетѣ противъ своего желанія; онъ чувствовалъ отвращеніе къ этимъ упражненіямъ и предавался имъ только изъ угожденія своему отцу. Кромѣ того, съ очень раннихъ лѣтъ онъ былъ превосходнымъ рисовальщикомъ, серебряникомъ, оправщикомъ чернью, глазуровщикомъ, ваятелемъ и литейщикомъ. Вѣ то же время онъ оказался инженеромъ и оружейникомъ, строителемъ машинъ и укрѣпленій, причемъ заряжалъ, управлялъ и наводилъ орудія лучше, чѣмъ специалисты этого дѣла... будучи превосходнымъ стрѣлкомъ изъ мушкета, онъ самъ выдѣлывалъ свое оружіе и приготавливалъ порохъ; онъ попадалъ въ птицу на разстояніи двухсотъ шаговъ. Его гений былъ настолько изобрѣтателенъ, что во всякомъ искусствѣ, во всякомъ мастерствѣ онъ открывалъ особенные способы, которые держалъ въ секретѣ, и которые возбуждали удивленіе всѣхъ... Онъ имѣлъ примѣръ вѣ своей семьѣ. Его отецъ былъ архитекторомъ, хорошимъ рисовальщикомъ, страстнымъ музыкантомъ; онъ игралъ на альтѣ и пѣлъ только ради своего удовольствія, онъ выдѣлывалъ превосходные деревянные органы, клавесины, альты, люти, арфы; искусно обдѣлывалъ слоновую кость, былъ очень искуснымъ вѣ постройкѣ машинъ, игралъ среди флейтистовъ своего сеньера, зналъ немного по-латыни и сочинялъ стихи». (*Gaine Philosophie de l'art.—La peinture de la Renaissance en Italie*, стр. 212, 214). Бенвенуто Челлини оставилъ записки объ искусствахъ и *Мемуары*, которыя Гете перевелъ на нѣмецкій языкъ.

ровали выше *)? Примиряются они тѣмъ простымъ замѣчаніемъ, что необходимо избѣгать двойнаго злоупотребленія: съ одной стороны *не слѣдуетъ надрывать опредѣлившейся способности **)*, съ другой *не должно пренебрегать возможностью извлечь пользу изъ счастливаго природнаго дарованія*. И если первая обязанность воспитателя опредѣлить свойственныя ребенку способности, чтобы затѣмъ помочь ему и направить его по тому пути, куда влечетъ его натура, что вообще весьма желательно ***) , то наряду съ этимъ онъ долженъ стараться *развить въ немъ и тѣ способности, которыя отодвинулись на задній планъ*. Дѣйствительно, не смотря ни на что, *средній типъ остается типомъ нормальнымъ*, типомъ здоровымъ и хорошо уравновѣшеннымъ, и къ нему то и надо стремиться. Въ послѣдней главѣ мы рассмотримъ нѣкоторые приемы, при помощи которыхъ воспитатель можетъ достигнуть этой цѣли.

Глава X.

О нѣкоторыхъ приемахъ, способныхъ обезпечить равновѣсіе образовъ.

Приемы, которые могутъ быть примѣнены:

1. Соединеніе категорій слабыхъ образовъ съ категоріей прочныхъ образовъ.—
2. Специальное развиваніе каждой изъ нихъ;— исключительная острота чувствъ: примѣръ слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, лунатиковъ, загипнотизированныхъ и др.;— воспитаніе чувства осязанія и чувства мускульнаго или кинетическаго, — воспитаніе чувства зрѣнія: методъ Лекока-де-Буабодрана;— воспитаніе чувства слуха. — 3. Одновременное развиваніе специальныхъ памятей; — рекомендуемые приемы нѣкоторыхъ педагоговъ;—различныя упражненія.

Понятно, что мы не имѣемъ намѣренія вывести всѣ практическія слѣдствія, вытекающія изъ содержащихся здѣсь фактовъ, и не думаемъ указывать всѣхъ примѣненій, которыя могутъ быть изъ нихъ сдѣланы. Подобное предпріятіе повело бы насъ къ составленію по меньшей мѣрѣ почти полнаго педагогическаго трактата объ *интеллектуальномъ воспитаніи дѣтей*, тогда какъ этотъ трудъ былъ бы къ нему только предисловіемъ. Впрочемъ, эти примѣненія, повидимому, достаточно ясны сами по себѣ, и многія изъ нихъ прилагаются уже на практикѣ, въ чемъ можно убѣдиться, разсматривая различ-

*) См. выше гл. VIII.

**) Дѣйствительно, въ этомъ, вѣроятно, и лежитъ причина того, что такъ называемыя *чудо-дѣти* очень часто выходятъ неудачниками.

***) Впрочемъ, извѣстно, съ какой непреодолимой силою часто обнаруживается непризнанное и даже гонимое призваніе; біографіи великихъ людей изобилуютъ примѣрами подобнаго рода. Вѣдь, Вольтеръ не остался долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ писцомъ у прокурора, а А. Мюссе—конторщикомъ у банкира!

ные приемы обучения, рекомендуемые лучшими педагогами; мы приведем этому несколько примѣровъ. Замѣтимъ только, что какіе бы приемы ни употреблялись, прежде всего необходимо воспользоваться преобладаніемъ какой-либо категоріи образовъ, чтобы извлечь изъ этого наибольшую пользу, и въ то-же время облегчить возникновеніе другихъ образовъ; затѣмъ, развивая каждую категорію въ отдѣльности, пользоваться одновременно тѣми, которыя могутъ содѣйствовать одному и тому же упражненію. Мы изслѣдуемъ вкратцѣ эти различныя пункты.

Разъ, воспитатель замѣтилъ у ребенка способность удерживать въ памяти извѣстный родъ образовъ предпочтительно передъ другими, онъ долженъ, опираясь на это, помочь ему вызывать въ памяти такіе образы, къ сохраненію которыхъ мозгъ его менѣе приспособленъ. Такимъ образомъ, будетъ примѣняться настоящая мнемоника *). Напримѣръ, если при воспоминаніи о какой-нибудь вещи ребенокъ съ большой быстротой и живостью припоминаетъ зрительный образъ, то свободное воспроизведеніе этого послѣдняго—очень выгодное само по себѣ—можетъ стать для него еще полезнѣе, если позаботиться научить его связывать съ этимъ образомъ, при помощи повторяемыхъ ассоціацій, образы слуховые и моторные, такъ какъ *возникновеніе первыхъ приведетъ за собой и возникновеніе двухъ послѣднихъ*. — Дѣйствительно, «это существенное свойство сенсоріальныхъ колебаній, воспринятыхъ одновременно и составляющихъ въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы естественныя группы, является большимъ подспорьемъ при воспитаніи ума и методическомъ развитіи его способностей; когда рядъ воспоминаній, идей, наблюденныхъ фактовъ или научныхъ принциповъ запечатлѣваются въ умѣ одновременно, то, въ силу этого свойства, мы можемъ вызвать ихъ въ памяти искусственнымъ путемъ, если только припомнимъ первое изъ воспоминаній ряда, стоящее, такъ сказать, во главѣ строки» (Luys).

Вотъ та польза, которую можно извлечь изъ особеннаго развитія одного рода образовъ, помимо того, что это развитіе знаменуетъ способность къ извѣстной наукѣ, къ искусству или специальной профессіи. Но надо также, сказали мы, принимая во вниманіе эту способность въ ребенкѣ, укрѣпляя ее даже, не пренебрегать и другими родами памяти, которые естественно у него болѣе слабы. Частое упражненіе будетъ здѣсь очень у мѣста. Дѣйствительно, извѣстно, какого развитія можетъ достигнуть память, если ее упражнять; наоборотъ, если не обращать на нее вниманія, то она уменьшается и теряется. Такимъ образомъ, мы до нѣкоторой степени *имѣемъ возможность исправлять дѣйствія наследственности*. «Философы, пишетъ Маріонъ, почти всѣ согласны между собой въ томъ, что наиболѣе развита та память, которую больше всего упражняли,—другими словами, что до извѣстной степени, мы сами создаемъ себѣ свою память. Если дѣло обстоитъ такъ, то вотъ еще причина упражнять особенно ту память, въ которой чувствуется недостатокъ, а не во-

*) Искусство помогать памяти знаками.

ображать себя, что это—коренная неспособность, зависящая от непреодолимои силы природы, и что зло непоправимо.

«Однако, основательно замѣчаетъ этотъ психологъ, эти различныя способности обнаруживаются съ колыбели или, по крайней мѣрѣ, со времени поступленія въ элементарную школу. Предложенное объясненіе слѣдовательно было бы недостаточнымъ, еслибы оно обозначало, что память есть всецѣло наше твореніе. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ случаевъ, когда замѣчаются наслѣдственныя и прирожденныя предрасположенія. Но это самое объясненіе годится и здѣсь: достаточно его дополнить. Памятью на мѣстности обладаютъ напримѣръ тѣ люди, говоритъ Спенсеръ, чьи предки жили долгое время въ такихъ условіяхъ, при которыхъ постоянно и необходимо упражняется эта память *).

Никогда не случается, чтобы дикарю измѣнила память на мѣста, какъ никогда этого не бываетъ съ волкомъ или лисицей: эта память была всегда слишкомъ необходимой, слишкомъ неизмѣнно пускалась въ ходъ при томъ образѣ жизни, какой вели его предки.

Старательное воспитаніе чувствъ ребенка будетъ также очень вѣрнымъ средствомъ (согласно тому, что мы установили выше **)

*) Дѣйствія, приписанныя нами наслѣдственности (глава III), сводятся такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, къ первоначальному отпаденію, развитому обычнымъ упражненіемъ у одного или нѣсколькихъ предковъ.—Можетъ быть, посредствомъ этой *наслѣдственной* памяти на мѣста можно объяснить способность, нѣкоторымъ образомъ таинственную, (изъ которой Бастіанъ дѣлаетъ спеціальное чувство, *чувство* направленія), наблюдаемую у животныхъ и даже у нѣкоторыхъ дикихъ или полудикихъ человѣческихъ расъ, въ силу которой они сохраняютъ въ умѣ *известный имъ путь* среди множества перемѣнъ направленія. «У Дарвина приведено свидѣтельство фонъ-Врангеля объ этомъ дѣйствительно удивительномъ умѣннн, съ какимъ туземцы сѣверной Сибири держатся вѣрнаго направленія къ какому-нибудь отдѣльному пункту, хотя имъ приходится пробѣгать значительныя разстоянія по льду, вслѣдствіе чего они принуждены безпрерывно мѣнять направленіе, не имѣя никакого руководящаго предмета ни на небѣ, ни на ледяномъ морѣ». Индѣйцы Сѣверной Америки съ подобной же легкостью отыскиваютъ свою дорогу черезъ необъятныя гористыя пространства, настолько густо заросшія гѣсомъ, что глазъ не можетъ проникнуть далѣе, чѣмъ на нѣсколько метровъ, или по пустыннымъ преріямъ, гдѣ нѣтъ никакихъ дорогъ, и царствуетъ одно только печальное однообразіе.

Ж. Меррилль пишетъ изъ Канзаса по этому поводу.

«Я слышалъ отъ проводниковъ и охотниковъ, проводящихъ свою жизнь въ равнинахъ и горахъ на западъ отъ насъ, что какое бы пространство они ни прошли, какіе бы обходы ни дѣлали, преслѣдуя бизоновъ или другую дичь, они всегда ворочаются къ своему стану по прямой линіи. Въ объясненіе они говорятъ, что безсознательно сохраняютъ въ умѣ всѣ повороты».

«Совершенство этой способности у туземцевъ Сибири, у индѣйцевъ и у другихъ, которые, вслѣдствіе своего ежедневнаго образа жизни, имѣютъ серьезныя основанія упражнять ее, показываетъ, повидному, что практика можетъ внести усовершенствованія какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ; между тѣмъ какъ обычное отсутствіе или первобытное состояніе этой способности у жителей городовъ, ведущихъ жизнь искусственную и совершенно отличную, склоняетъ къ тому предположенію, что эта способность *понижилась единственно въ силу недостатка упражненія*». Bastian, *Le cerveau*, стр. 165—170, т. I. Наша гипотеза была бы противоположной послѣднему утверженію, которое мы здѣсь подчеркиваемъ.

**) См. главу III.

для укрѣпленія въ немъ способности сохранять образы, такъ какъ воспоминаніе тѣмъ точнѣе и прочнѣе, чѣмъ яснѣе и живѣе было ощущеніе.

Это воспитаніе одновременно и необходимо *), и плодотворно; дѣйствительно, развитіе каждаго изъ нашихъ чувствъ требуетъ довольно долгаго упражненія и, повидимому, нѣтъ ни одного, которое не могло бы пріобрѣсти чрезвычайную тонкость, какъ это мы увидимъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, относящихся къ чувству осязанія, движенія, зрѣнія и слуха, единственныхъ, интересующихъ насъ здѣсь.

Вообще по отношенію къ ощущеніямъ *тактильно-мускульнымъ* мы обладаемъ только довольно грубымъ распознаваніемъ; мы плохо постигаемъ ихъ оттѣнки, не пріученные къ этому въ дѣтствѣ, или не будучи вынуждены необходимостью. Однако, достаточно обратить на это свое вниманіе, чтобы научиться отчетливо различать ихъ и достигнуть такимъ образомъ прекрасныхъ результатовъ. — Доказательствъ масса. Иосифъ Клейнхаузъ ослѣпъ отъ оспы на пятомъ году. «Сначала онъ забавлялся тѣмъ, что вырѣзывалъ изъ дерева для развлечения; затѣмъ бралъ у Пругга уроки и получалъ отъ него модели; двѣнадцать лѣтъ отъ роду онъ сдѣлалъ фигуру Христа въ натуральную величину; потомъ поступилъ въ ученіе къ ваятелю Нислю, оказалъ большіе успѣхи и сталъ знаменитымъ. Насчитываютъ четыреста фигуръ Христа и бюстъ императора Франка Иосифа, сдѣланные имъ **).

Затрудненіе, испытываемое нами, когда мы пользуемся нашей лѣвой рукой, въ сравненіи съ ловкостью правой руки, достаточно показываетъ намъ само по себѣ, какого успѣха можетъ достигнуть каждый изъ насъ въ этомъ направленіи. «Врачъ узнаетъ самыя незначительныя неправильности въ біеніи пульса; почтовый чиновникъ взвѣшиваетъ письмо въ рукѣ и опредѣляетъ вѣсъ одного грамма». (E. Charles)—«Женщины судятъ о достоинствѣ матеріи, ощупывая ее пальцами; прикидывая на руку, онѣ опредѣляютъ, имѣютъ ли хлѣбъ или фунтъ масла тотъ вѣсъ, за который они были проданы» (Roussetot)—«Здоровый человекъ, говоритъ Лагранжъ, можетъ ***), упражняя свое мускульное чувство, достигнуть удивительныхъ результа-

*) Ж. Ж. Руссо былъ первымъ, который понялъ это: «Упражняйте чувства, говоритъ онъ во II книгѣ своего Эмиля; это значитъ, такъ сказать, учиться чувствовать, потому что мы только такъ и умѣемъ осязать, видѣть, слышать, какъ этому выучились».

**) См. выше гл. VI, аналогичный случай со скульпторомъ Ганибазіусомъ.— Совершенство *собственно чувства осязанія* у нѣкоторыхъ слѣпыхъ превосходитъ всякое воображеніе. «Саундерсонъ, слѣпой математикъ, говоритъ Аберкромбъ, могъ отличать рукой въ ряду римскихъ медалей настоящія отъ поддѣльныхъ». Многіе слѣпые, подобно летучимъ мышамъ, чувствуютъ, повидимому, при посредствѣ кожи близость опасности и опредѣляютъ такимъ же способомъ большее или меньшее протяженіе пустаго пространства». (Жоли).— Впрочемъ, достаточно видѣть, какъ слѣпые читаютъ при помощи пальцевъ книги, напечатанныя выпуклыми буквами, также быстро, какъ мы читаемъ книги, отпечатанныя типографской краской, чтобы понять степень той разборчивости, какую могло имѣть и которой не имѣетъ наше осязаніе (Тэнъ, *Объ умѣ и познаніи*, стр. 328).

***) *Physiologie des exercices du corps*, стр. 19.

товъ. Ловкость жонглеровъ и эквилибристовъ происходитъ отъ упражненія этого чувства и воспитанія мышцъ-антагонистовъ».

Чувство *зрѣнія* доступно такому же совершенствованію. Живописцы, обойщики, мозаичники различаютъ многочисленные оттѣнки тамъ, гдѣ нашъ глазъ видитъ только одинъ цвѣтъ. Глухонѣмые приобрѣтаютъ привычку (и теперь это почти вездѣ является основой ихъ воспитанія) понимать то, что имъ говорятъ, слѣдя за движеніемъ губъ собесѣдника. Въ интересномъ предисловіи къ труду Мейера (*Les organes de la parole*) переводчикъ г. Клаво приводитъ, со словъ англійскаго кавалера Дигби, случай съ однимъ испанскимъ синьоромъ, который, будучи глухонѣмымъ, «умѣлъ различать, говорить ли ему громкимъ голосомъ или потихоньку; онъ могъ повторить за каждымъ всякое слово, какимъ бы труднымъ оно ни было. Принцъ (Валлійскій) часто испытывалъ его въ этомъ отношеніи, и не только при посредствѣ англійскаго языка, но заставлялъ еще валлійцевъ, бывшихъ въ свитѣ Его Высочества, произносить передъ нимъ различныя слова на ихъ языкѣ. Онъ повторялъ эти слова, какъ эхо, и съ такимъ совершенствомъ, что, признаюсь, это удивило меня болѣе, чѣмъ все остальное; дѣйствительно, въ валлійскомъ языкѣ, какъ и въ еврейскомъ, много гортанныхъ согласныхъ, и органическія движенія, необходимыя для ихъ произнесенія, могутъ быть видимы, или по крайней мѣрѣ угаданы взглядомъ, только по тому послѣдовательному дѣйствию, которое онѣ производятъ на другія части слова, по счастью, доступныя для зрѣнія.

Испанскій синьоръ понималъ, что ему говорили его собесѣдники, вслѣдствіе того, что примѣчалъ ихъ движенія; такимъ образомъ, онъ могъ бѣгло разговаривать при свѣтѣ, даже въ томъ случаѣ, когда ему говорили самымъ тихимъ шепотомъ. Я видѣлъ, какъ онъ, находясь на другомъ концѣ обширной комнаты, повторялъ слова, изъ которыхъ я, помѣщаясь совсѣмъ близко отъ говорящаго лица, не могъ уловить ни единого звука; но въ темнотѣ или если собесѣдникъ отворачивался отъ него, онъ не могъ ничего понять».

Въ свою очередь *слухъ* можетъ равняться по утонченности двумъ предъидущимъ чувствамъ. Капельмейстеръ, настройщикъ воспринимаютъ различія между тонами, для всѣхъ другихъ неощутимыя *). «Охотники, лѣсные сторожа очень вѣрно отличаютъ различные крики и пѣніе птицъ. «Докторъ Рушъ, говоритъ Аберкромби, упоминаетъ о двухъ слѣпыхъ братьяхъ въ Филадельфіи, которые, переходя черезъ улицу, знали, когда приближались къ столбу по особенному звуку, издаваемому землею подъ ихъ ногами въ сосѣдствѣ столба. Они могли назвать по имени многихъ прирученныхъ голубей, съ ко-

*) Воспріятіе гармоніи или аккордовъ предполагаетъ, что мы сразу слышимъ и различаемъ много различныхъ звуковъ. Болѣе сложна оркестровая музыка, гдѣ аккорды составляются не только изъ различныхъ звуковъ, но и изъ различныхъ тѣмбровъ; но высшая степень сложности получается тогда, когда оркестровая музыка присоединяется къ голосу; и однако, въ силу привычки слушать, мы въ концѣ концовъ все это различаемъ (Paul Janet; *Traité élémentaire de philosophie*).

торами забавлялись въ маленькомъ садикѣ, узнавая ихъ исключительно по полету».

Если, какъ замѣчаетъ Тэнъ, сблизить со всѣми этими фактами случаи чрезмѣрной чувствительности (гиперестезіи), столь частой при *сомнамбулизмѣ* и *гипнотизмѣ* *), то увидимъ, что нельзя положить предѣла врожденной или приобретенной утонченности нашихъ чувствъ.

Воспитаніе ихъ, повидимому, особенно легко между шестью и десятью годами, потому что въ этомъ возрастѣ новыя впечатлѣнія образуются у ребенка съ большой быстротой. И такъ, надо воспользоваться этимъ временемъ и содѣйствовать тому, чтобы чувства его приобрѣли, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, относительнаго совершенство и чувствительность, которыхъ они вообще не имѣютъ въ своемъ первоначальномъ состояніи.

Укажемъ нѣсколько приѣмовъ, пригодныхъ для этой цѣли.

Для развитія чувства мускульнаго или, лучше сказать, кинетическаго указаны гимнастика и физическія упражненія **). Человѣкъ, упражняющій ежедневно свое тѣло, болѣе приспособленъ къ пользованію своими органами и заставляетъ ихъ производить больше работы, такъ какъ лучше умѣетъ съ ними обращаться... Необходимо усердно практиковаться, чтобы выучиться извѣстнымъ движеніямъ, которыхъ раньше мы не знали, или даже усовершенствовать уже извѣстныя... Всякое движеніе улучшается упражненіемъ, потому что въ концѣ концовъ совершеніе его предоставляется тѣмъ мускуламъ, которые наиболѣе къ этому приспособлены ***).

Мускульное чувство должно подвергаться еще спеціальному воспитанію, это именно воспитаніе руки и голосовыхъ—органовъ.

Къ воспитанію руки (помимо оцѣнки тяжести и сопротивленія

*) См. по этому предмету: Joly, *L'imagination*;—M. Bertrand, *Le somnambulisme*;—Binet et Féré, *Le magnétisme animal*. — Одна сомнамбулистка, находившаяся на попеченіи доктора Месне, слышала во время своихъ припадковъ такіе звуки, которые не доходили до слуха бывшихъ около нея лицъ. Она могла шить и писать въ такой темнотѣ, въ которой наблюдатели не различали болѣе предметовъ. — Такая же возбужденность чувствъ замѣчается и при искусственномъ сомнамбулизмѣ: «На разстояніи нѣсколькихъ метровъ больные ощущаютъ дуновеніе, произведенное дыханіемъ рта (Вредъ). Циркуль Вебера, приложенный къ ихъ кожѣ, вызываетъ двойное ощущеніе при раздвиганіи ножекъ на три мм. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ во время бодрствованія приходится раздвигать инструментъ на 18 мм. (Берже). Чувство зрѣнія представляетъ иногда такую повышенную чувствительность, что протяженіе поля зрѣнія можетъ быть удвоено, равно какъ и острота самого чувства. Обоняніе можетъ быть настолько развито, что испытуемый находитъ по запаху спрятанные кусочки визитной карточки, которую ему дали понюхать, прежде чѣмъ ее разорвать (Гаге). Слухъ дѣлается такимъ тонкимъ, что разговоръ можетъ быть услышанъ въ нижнемъ этажѣ (Азамъ)». (Binet et Féré, стр. 99).

**) Физическое воспитаніе, говорится въ *официальной программѣ первоначальнаго образованія*, имѣетъ цѣлью воспитать въ ребенкѣ съ ранняго возраста качества ловкости и проворства, сообщить ему эту быстроту руки, эту скорость и увѣренность въ движеніяхъ, которыя, будучи *драгоценными для искусства*, особенно необходимы ученикамъ начальной школы, предназначеннымъ въ большинствѣ случаевъ къ ручнымъ профессіямъ».

***) Ferdinand Lagrange, *Physiologie des exercices du corps*, стр. 182—183.

тѣль, что собственно касается мускульнаго чувства вообще) «относятся, говорить Руссело *), упражненія въ письмѣ, рисованіи, а у дѣвочекъ и упражненія въ шитьѣ.—Искусство письма занимаетъ высокое мѣсто между ручными талантами. Самыя простыя упражненія въ рисованіи несомнѣнно болѣе легки и интересны. Итакъ, учитель начнетъ съ нихъ; сначала онъ будетъ упражнять дѣтей въ лѣпкѣ изъ глины простыхъ предметовъ, затѣмъ заставлятъ ихъ вырѣзывать фигуры изъ бумаги, наконецъ воспроизводить на грифельной доскѣ маленькіе рисунки **). Эта работа болѣе пріятна, чѣмъ писаніе буквъ азбуки, а потому съ нея и надо начинать. Когда рука пріобрѣтетъ относительный навыкъ въ воспроизведеніи, она затѣмъ легче справится съ трудностями письма; а дитя, испытавшее уже удовольствіе по поводу достигнутаго успѣха, съ большей охотой будетъ выводить буквы, стараясь успѣть и въ этомъ».

Упраженія въ рѣчи дѣлаютъ голосовые органы болѣе гибкими. Слѣдуетъ пріучить ребенка хорошо *произносить*. Для этого необходимо заставлятъ его (хотя бы ему пришлось повторять слово нѣсколько разъ и возвращаться къ нему въ продолженіи нѣсколькихъ уроковъ подрядъ) произносить отчетливо, не запинаясь, всѣ термины, встрѣчающіеся на урокахъ чтенія, звуки которыхъ онъ не передаетъ точно.—Здѣсь съ пользой можетъ быть примѣнено пѣніе: «Оно дѣлаетъ голосъ болѣе гибкимъ, смягчаетъ его, отучаетъ дѣтей отъ крикливыхъ нотъ, на которыя они сначала такъ щедры». (Руссело).

Подобно тому, какъ дѣти научаются осязать и говорить, они учатся и *видѣть*. «То, что мы называемъ воспитаніемъ чувства зрѣнія, говоритъ Компаре ***)», обнимаетъ собою все, что должно различать зрѣніе, чтобы исполнять свою функцію, прежде всего цвѣта, затѣмъ формы, наконецъ, разстоянія. Современные педагоги придаютъ большое значеніе, даже, можетъ, преувеличенное, школьному упражненію въ различеніи цвѣтовъ. Но что несомнѣнно очень полезно, такъ это быстрое и вѣрное воспріятіе формы предметовъ и разстоянія, т. е. вѣрность глазомѣра.

Чтобы пріобрѣсти это качество, ребенокъ долженъ пріучаться разсматривать большое количество предметовъ и разсматривать ихъ въ различныхъ положеніяхъ. Серія мелкихъ игръ****), небольшіе опыты, экскурсіи подъ руководствомъ учителя, во время которыхъ взглядъ ученика направленъ на отдаленные предметы, къ которымъ онъ будетъ приближаться постепенно; безпрестанный контроль чувства зрѣнія посредствомъ чувства осязанія, заключающійся въ томъ, что вещи

*) *Pédagogie à l'usage de l'enseignement primaire*, стр. 114.

**) «Рисованіе сообщаетъ вѣрность глазу ребенка, *ловкость и локкость его рукъ*, и въ то же время оно образовываетъ его вкусъ и развиваетъ въ немъ чувство прекраснаго». (*Циркуляръ* г. Дюрюи, отъ 2-го іюня 1866 г.).

***) *Cours de pédagogie*, стр. 86.

****) «Есть игры, которыя, упражняя члены и сообщая имъ ловкость, какъ то: игра въ мячъ, въ воланъ, бѣгъ взапуски, пріучаютъ еще дѣтей къ опредѣленію разстояній и къ вѣрной оцѣнкѣ,—тому, что называется глазомѣромъ. Эти игры подходятъ также и къ маленькимъ дѣвочкамъ, какъ и къ мальчикамъ». (Rousselot).

сперва показываются ребенку, а потомъ даются ему въ руки, чтобы онъ ихъ оцупалъ, измѣрилъ, чтобы онъ сравнилъ внѣшній видъ съ дѣйствительностью, иллюзи зрѣнія съ дѣйствительностью осязанія;— вотъ нѣкоторыя изъ мѣръ, рекомендуемыхъ опытомъ.

Къ предъидущимъ упражненіямъ съ успѣхомъ можно присоеди- нить *описание по картинкамъ*; или лучше, заставлять описывать са- мые предметы, конкретную живую дѣйствительность, находящуюся у дѣтей передъ глазами. Такимъ путемъ они научатся выдѣлять изъ пѣлаго всякую деталь; вотъ еще одинъ доводъ въ пользу чрезвычай- ной важности рисованія *). *Дѣйствительно, то, что было отчет- ливо воспринято зрѣніемъ, лучше сохранится въ умѣ.*

Чтобы помочь пріобрѣсти или просто развить эту способность зрительнаго представленія, г. Лекокъ де Буабодранъ употреблялъ, уже почти сорокъ лѣтъ тому назадъ пріемъ, всеобщее примѣненіе котораго было бы, навѣрное, полезнымъ.

«Онъ ставитъ передъ своими учениками, рассказываетъ Бріерръ де Буамонт**), модель и предлагаетъ имъ разсмотрѣть ее хорошенько; черезъ нѣсколько минутъ онъ убираетъ модель и заставляетъ ихъ на- рисовать ее на память. Мы приведемъ отвѣты учениковъ на вопросы, предлагаемые имъ по этому поводу:—В. Когда по разсмотрѣніи мо- дели вы стараетесь нарисовать ее на память, то къ какому средству вы прибѣгаете, чѣмъ руководствуетесь?—О. Я стараюсь представить себѣ эту модель; я вижу ее только смутно. — Другой: я ее вижу лучше, когда закрою глаза.—В. Какъ вы поступаете, когда модель слишкомъ смутна, или если она исчезаетъ?—О. Я напрягаю память, и она становится яснѣе; иногда она совершенно отъ меня усколь- заетъ, но при извѣстномъ усилии мнѣ удается вернуть ее.—В. Вотъ четыре мѣсяца, какъ вы упражняетесь, по прежнему ли вамъ это трудно?—О. Нѣтъ, образъ гораздо болѣе отчетливъ, чѣмъ въ первое время, и если теперь онъ исчезаетъ, то я могу почти произвольно заставить его возвратиться.—Этотъ отвѣтъ получилъ подтвержденіе со стороны всѣхъ другихъ учениковъ. Докторъ Жюде, сообщившій объ этихъ опытахъ, говоритъ, что его братъ, учитель рисованія въ се- минаріи, добился отъ своихъ учениковъ такихъ же результатовъ».

Наконецъ, съ цѣлью усовершенствованія слуха надо пріучить ре- бенка *слушать*; такимъ образомъ, его научать не только понимать, что ему говорятъ, но и говорить. Затѣмъ идутъ упражненія, имѣю- щія въ виду пріучить его воспринимать различные оттѣнки звуковъ, отчетливо слышать; въ этомъ отношеніи воспитатель располагаетъ са- мымъ лучшимъ изъ существующихъ средствъ: *музыкой*.

Мы считаемъ бесполезнымъ останавливаться долѣе на этомъ спе- ціальномъ развитіи отдѣльныхъ чувствъ. Всѣ необходимыя подробно- сти можно найти въ трудахъ по педагогикѣ или прикладной психоло- гии.

*) «Усилія дѣтей изображать предметы, поразившіе ихъ взоръ, являются полезнымъ упражненіемъ въ воспріятіи, и средствомъ сдѣлать самыя воспріятія болѣе точными и болѣе полными». (Спенсеръ, *О воспитаніи*).

**) См. также L. de Boishaudran, *Education de la mémoire pittoresque.*

Впрочемъ, развитіе одной группы образовъ, взятой въ отдѣльности, еще недостаточно; въ видахъ лучшаго усвоенія очень важно *при за-
нятіи какимъ либо предметомъ соединять различные образы, имѣ-
ющіе къ нему отношеніе, такъ, чтобы они взаимно помогали и под-
держивали другъ друга*»,—какъ нѣсколько лошадей, запряженныхъ въ
одну карету». Такъ, г. де Буабодранъ, сверхъ указаннаго уже приѣма,
заставлялъ еще своихъ учениковъ обводить карандашомъ на разсто-
яній контуры фигуръ, и такимъ образомъ достигалъ того, что къ зри-
тельной памяти присоединялась память моторная.

Такое одновременное употребленіе различныхъ родовъ образовъ
дастъ превосходные результаты въ примѣненіи къ первоначальному
обученію дѣтей. Вотъ какимъ образомъ, по словамъ Бюиссона (*Rap-
port sur l'instruction primaire à l'exposition universelle de
Vienna*), практикуется это въ нѣмецкихъ школахъ: «Ребенку даютъ
хорошенькую маленькую книжку съ картинками... Подъ изображені-
ями предметовъ, изящно исполненными, большими буквами написаны
ихъ названія... Учитель говоритъ ученикамъ о предметѣ, находящемся
у нихъ передъ глазами, одновременно нарисованнымъ и написанномъ;
затѣмъ онъ показываетъ имъ буквы, употребляемыя при написаніи
названія этого предмета. Онъ самъ пишетъ на доскѣ все слово, чтобы
на глазахъ учениковъ разложить его на элементы, заставить ихъ про-
изнести отдѣльно гласную и показать, какимъ образомъ согласныя ее
измѣняютъ... *Это упражненіе уха и глаза; оно непосредственно до-
полняется упражненіемъ руки, и даже часто начинаютъ съ этого по-
слѣдняго... Когда всѣ ученики взяли перья, учитель диктуетъ имъ, ка-
кія движенія надо дѣлать, т. е. какія линіи надо чертить *)*».

Этотъ приѣмъ не новъ: «Монтанъ разсказываетъ, что его одновре-
менно учили читать и писать. Жакото **) также соединялъ вмѣстѣ
обученіе чтенію и письму». Въ настоящее время этотъ способъ по-
лучилъ всеобщее примѣненіе: «Всѣ педагоги единодушно признаютъ
теперь, что ребенка надо упражнять въ письмѣ съ самаго поступле-
нія въ школу, а не дожидаться, пока онъ научится бѣгло читать***).

*) Ср. Rousselot, *Pédagogie à l'usage de l'enseignement primaire*, стр.
422—425. «Совмѣстное обученіе чтенію и письму, говоритъ этотъ педагогъ, со-
собствуетъ такимъ образомъ воспитанію уха, глаза, руки и рѣчи; ребенокъ на-
учается смотрѣть, слушать, говорить; надо ли прибавлять, что онъ научается ду-
мать? Это непосредственное приложеніе индуктивнаго метода, упрощающаго при-
ѣмы, причѣмъ эта простота заключается лишь въ разумномъ подчиненіи законамъ
человѣческаго ума».

**) Жакото (1770—1840) былъ учителемъ и создалъ всеобщій методъ обуче-
нія, извѣстный подъ названіемъ *методы Жакото*; при обученіи грамотѣ онъ на-
чиналъ прямо съ чтенія образцовъ. *Прим. персѣ.*

***) «Это хорошій приѣмъ вести одновременно уроки письма и чтенія; они,
оказывая другъ другу поддержку, замѣчательно содѣйствуютъ обоюдному успѣху».
(Campragne, *Diction. univer. d'éducation et d'enseignement*, гл. *Lecture*). «Всякая
метода отдѣльнаго обученія письму несовершенна; чертите буквы и называйте ихъ;
переходите къ слогамъ, отъ слоговъ къ словамъ, отъ словъ къ фразамъ, и вы обу-
чаете одновременно чтенію, письму, орфографіи и грамматикѣ». (Matter, *l'Insti-
tuteur primaire*). Ср. Бана. *Воспитаніе, какъ предметъ науки*. Brogard et De-
fodon, *Inspection des écoles primaires*, стр. 309 и т. д. Этотъ методъ *письма-чте-
нія* очень распространенъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Швеціи, Германіи,
Бельгіи, Голландіи, Италіи, Испаніи и Россіи.

Все болѣе и болѣе убѣждаются въ истинѣ этой педагогической аксіомы, что «рисованіе, письмо и чтеніе вызываютъ и поддерживаютъ другъ друга». (Компэре).

Чтобы развить умъ своихъ учениковъ, Песталоцци соединялъ различные роды образовъ: такъ, онъ не ограничивался тѣмъ, что показывалъ на предметъ, но давалъ его трогать: ребенокъ вертѣлъ, переворачивалъ предметъ на всѣ стороны, пока не схватывалъ вполнѣ его формы и не примѣчалъ его качества. Песталоцци на этомъ не останавливался: онъ заставлялъ ребенка взвѣшивать, измѣрять, разбирать данныя въ руки предметы. Въ то же время онъ упражнялъ ученика въ томъ, чтобы тотъ называлъ, обозначалъ точнымъ именемъ качества, отношенія, величины, которыя его глазъ или рука различила въ предметѣ. «Видѣть и называть»—такое былъ принципъ его первоначальнаго метода обученія.

Въ настоящее время стараются при изученіи большинства наукъ *присоединять къ словеснымъ образамъ зрительные образы вещей*. «Совершенной можетъ считаться та книга, говоритъ Еггеръ (La parole intérieure, стр. 275), которая украшена рисунками; равнымъ образомъ и урокъ по какому нибудь предмету не законченъ безъ рисунковъ, начерченныхъ на доскѣ *); вообще только тогда можно хорошо научить чему нибудь, когда обращаются не только къ ушамъ, но и къ глазамъ. Такое значеніе слѣдующихъ стиховъ Горация:

Segnius irritant animos demissa per aurem
Quam quae sunt oculis subjecta fibelibus **).

Такова и польза предметныхъ уроковъ,—дѣтскихъ садовъ Фребеля,—школьныхъ музеевъ» ***).

Соединеніе словесныхъ и зрительныхъ образовъ дѣлаетъ изученіе исторіи болѣе понятнымъ и легкимъ ****).

*) Нѣкоторые педагоги требуютъ даже, чтобы при изложеніи первыхъ понятій по геометріи, ребенку показывали матеріальные предметы. «Не начнемъ съ того, говоритъ Компэре, что покажемъ ребенку воображаемыя формы, нарисованныя на черной доскѣ. Покажемъ ему настоящія вещи, фигуры и тѣла и обратимъ его вниманіе на ихъ части и свойства». А г. Leysse (Dictionnaire de pédagogie, гл. Géometrie) замѣчаетъ: «Надо взять тѣла, сдѣланныя изъ дерева, глины или картона, и дать ихъ дѣтямъ въ руки; затѣмъ, послѣ того, какъ они ихъ хорошо разсмотрѣли, ощупали, перевернули со всѣхъ сторонъ, можно имъ сказать, что это—линія, это—уголъ, это—квадратъ, это—кругъ и т. д. и заставить ихъ начертить эту линію, этотъ уголъ, этотъ квадратъ, этотъ кругъ».

**) Art poétique, ст. 180—181: «Разсказъ обращается только къ уху, онъ не такъ сильно дѣйствуетъ на умъ, какъ картины, непосредственно передаваемыя ему вѣрнымъ глазомъ».

***) См. по этимъ вопросамъ спеціальныя трактаты по педагогикѣ.

****) «Говорить воображенію, замѣчаетъ Руссело по поводу преподаванія этой науки, значитъ уже обращаться къ глазамъ; къ нимъ будутъ обращаться непосредственно при помощи картинъ—изображеній; литографированныхъ или раскрашенныхъ, являющихся какъ бы живымъ представленіемъ фактовъ. Съ этою цѣлью придетъ на помощь къ исторіи и географіи: пусть не будетъ ни одного названія страны, города, рѣки; сраженія, договора, котораго бы не заставили искать на картѣ. Когда будутъ разсказывать о походѣ, то равнымъ образомъ будутъ слѣдить по картѣ за передвиженіемъ арміи».

«Было бы желательно, говорить Бюиссонъ, чтобы дубочные картинки оставили свои обычные, тривиальные сюжеты и явились бы у насъ, какъ это уже и есть въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, средствомъ для распространенія полезныхъ знаній и прежде всего знанія *исторіи родной страны*».

Такое же соединеніе образовъ не менѣе полезно и при изученіи географіи. «Термины географической номенклатуры, заученные наизусть, должны быть въ тоже время въ воображеніи (зрительной памяти) дѣтей закрѣплены на картѣ. Къ этому присоединяютъ еще *графическія мускульныя образы*. Черченіе картъ упражняетъ руку ученика; «будучи приготовленіемъ къ рисованію, оно одновременно является скорымъ средствомъ утвердить въ памяти географическія представленія... Чертя карту, говоритъ Бонъ, ученикъ запечатлѣваетъ въ своей памяти характерныя черты страны, которую эта карта изображаетъ, все равно какъ, списывая съ книги какое нибудь произведеніе, онъ запечатлѣваетъ въ своей головѣ выраженія и идеи автора». (Компэре).

Не будемъ настаивать болѣе. Никакая метода не можетъ быть абсолютной, и личная инициатива, была бы она только просвѣщенной и разумной, создаетъ во многихъ случаяхъ подходящіе и плодотворные приемы. Итакъ, это ужъ дѣло воспитателя опредѣлить относительно каждаго предмета обученія, какое разумное употребленіе онъ можетъ сдѣлать изъ различныхъ родовъ образовъ. Для нашей цѣли достаточно указать причины и пользу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Резюмируемъ въ нѣсколькихъ положеніяхъ самые главные пункты только что изложенной нами теоріи.

Интеллектуальная дѣятельность имѣетъ своимъ объектомъ по преимуществу ощущенія, образы зрительныя, слуховыя, тактильно-мускульныя и возникающія изъ нихъ идеи,—отдѣльныя или составляющія ассоціаціи; совершается она при помощи словъ, которыя являются выразителемъ всѣхъ этихъ психическихъ фактовъ.

Не каждый мозгъ одинаково способенъ воспринимать всѣ роды ощущеній, а слѣдовательно и сохранять всѣ роды образовъ. Если иногда они уравновѣшиваютъ другъ друга, то часто случается, что то зрительныя, то слуховыя, то тактильно-моторныя образы имѣютъ болѣе или менѣе замѣтное преобладаніе. Отсюда происходитъ различіе умовъ. Органическая причина этого лежитъ, повидимому, въ неравномѣрномъ развитіи различныхъ областей мозга, зависящемъ отъ первоначальнаго вліянія наслѣдственности.

Преобладаніе въ умѣ одного рода образовъ обезпечиваетъ ему выдающіяся способности къ какой-либо наукѣ, искусству, профессіи. Дѣло воспитателя постараться опредѣлить это преобладаніе, и если онъ найдетъ его дѣйствительно полезнымъ, то направить ребенка по тому пути, какой предначертала ему природа.

Однако по причинѣ опасностей, могущихъ произойти отъ исключительнаго развитія одного рода образовъ, дѣйствительная задача воспитателя будетъ заключаться въ томъ, чтобы воспитать такой умъ, въ которомъ различные образы уравнивались бы другъ друга; въ этомъ, дѣйствительно, заключается двойная выгода, такъ какъ будетъ меньше основанія бояться указанныхъ опасностей, и способности ребенка будутъ болѣе разнообразными.

Чтобы достигнуть успѣха, воспитатель долженъ соединять образы, хорошо сохраняющіеся въ памяти, съ тѣми, которые удерживаются плохо; въ тоже время онъ долженъ стараться развивать каждый родъ образовъ, взятый въ отдѣльности; затѣмъ при занятіяхъ и различныхъ умственныхъ упражненіяхъ онъ долженъ вызывать одновременно, когда къ этому представится возможность всѣ три рода образовъ, которые окажутъ тогда другъ другу взаимную поддержку.

Вотъ нѣкоторые принципы, которыми, думаемъ мы, полезно будетъ проникнуться всѣмъ желающимъ дать дѣтямъ образованіе одновременно рациональное и практическое.

Е. Максимовой.

Обученіе грамотѣ въ семьѣ и школѣ.

Въ настоящее время въ каждой интеллигентной семьѣ грамотность какъ бы носится въ воздухѣ. Нерѣдко дѣти незамѣтно, почти безъ помощи взрослыхъ, выучиваются читать. Несмотря, однако, на это, каждому, желающему самому заняться обученіемъ грамотѣ дѣтей, не лишне ознакомиться, какъ велось раньше и какъ ведется это дѣло теперь и вотъ почему. Во-первыхъ, не всѣ дѣти одинаково легко научаются читать, а выработанные способы значительно упрощаютъ дѣло, а во вторыхъ (и это самое важное)—начало ученья, первые шаги его— есть фундаментъ всему дальнѣйшему обученію. Часто бываетъ, что первыя неправильно начатыя занятія отбиваютъ охоту къ ученью у способныхъ дѣтей, а малоспособныхъ такія занятія ошеломляютъ, запугиваютъ, поселяютъ въ нихъ недоувѣріе къ своимъ силамъ. Правильно поставленное обученіе грамотѣ даетъ въ результатѣ не только умѣнье прочитатъ что-либо, но и понять, и передать прочитанное, даетъ нѣкоторый запасъ зрительныхъ и слуховыхъ навыковъ для орфографически-правильнаго письма, съ которымъ такъ много приходится хлопотъ впоследствии.

Опредѣлить время для начала обученія грамотѣ очень трудно, такъ какъ это зависитъ отъ развитія самого ребенка, но во всякомъ случаѣ торопиться этимъ едва-ли полезно, да и нужно-ли? Дѣтское-ли дѣло сидѣть за книгой?! Особенно въ нашъ нервный, болѣзненный вѣкъ, да еще при нашемъ-то климатѣ, когда почти двѣ трети года приходится прибѣгать къ искусственному освѣщенію. А между тѣмъ нынче вовсе не рѣдкость видѣть 4—5 л. крошку, сидящаго за книгой! Сидитъ блѣдный, согбенный, погруженный въ чтеніе и проливаетъ горькія слезы о судьбѣ героя книги, тогда какъ вмѣсто этого, весело вскочивъ на палочку, онъ могъ бы самъ изобразить героя-наѣздника, укрощающаго бѣшенаго коня. Какъ-бы разгорѣлись его щечки! Какой бы серебристый смѣхъ слышался вмѣсто никому не нужныхъ, разстраивающихъ его нервы, слезъ!

Раннее обученіе несомнѣнно вредно отзовется на физическомъ развитіи ребенка, да едва ли принесетъ пользу и для развитія ума.

Занятіе это для 4—5 л. ребенка не такъ ужъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Оно требуетъ значительнаго напряженія зрѣнія, чтобы различать мудренныя фигурки (буквы), а также извѣстной памяти глаза, чтобы запомнить ихъ очертанія. Ребенокъ долженъ понять

условность знаковъ, т. е., что каждая буква есть значекъ для звука; что значки эти, соединяясь, образуютъ цѣлыя слова. Прочитанныя слова должны вызывать въ умѣ ребенка тѣ-же образы, понятія, какія вызываются ими при разговорѣ. Заставляя ребенка производить такую работу, требующую до нѣкоторой степени отвлеченія,—не дѣлаемъ ли мы насилія надъ дѣтскимъ еще неокрѣпшимъ мозговымъ аппаратомъ? Не полезнѣ ли ребенку подольше не привязывать себя къ стулу, не портить себѣ зрѣніе надъ кропотливой работой? Не лучше ли, ему, напротивъ, развивать свои силы, а впечатлѣній набираться не изъ книги, а непосредственно изъ окружающей среды?

Но, скажутъ мнѣ, маленькія дѣти учатся играя; они сами просятъ показать имъ буквы и совершенно безъ труда научаются читать.

На это я должна сказать, что полезно-ли учить играя, или нѣтъ,—еще остается вопросомъ. Къ игрѣ нельзя предъявлять никакого серьезнаго требованія: она всецѣло—удовольствіе ребенка (лишь бы не вредила ему и окружающимъ) и разъ не нравится ребенку,—то теряетъ для него значеніе. Нельзя того-же сказать объ ученіи. Съ первыхъ же уроковъ ребенокъ, по моему, долженъ отнестись къ ученью, какъ къ серьезному дѣлу, какъ къ извѣстному труду, которымъ нельзя манкировать. Въ извѣстный опредѣленный часъ ребенокъ долженъ оставить игру (хотя бы въ данное время она для него была и интересна) и идти заниматься.

Этимъ я, конечно, не хочу ввести въ обученіе сухость, скуку, напротивъ, удовольствіе должно быть непремѣннымъ условіемъ занятій, но оно должно явиться какъ результатъ примѣненія самостоятельности ребенка, результатъ пріятнаго ощущенія вслѣдствіе исполненнаго дѣла. Только при такомъ условіи ученье можетъ имѣть громадное воспитательное значеніе.

Задача обучающаго будетъ заключаться въ томъ, чтобы постепенно вводить ребенка въ занятія, возбуждая въ немъ самостоятельность, по силамъ осложняя дѣло, постепенно увеличивая продолжительность занятій, никогда не доводить ребенка до утомленія, во время оставляя занятія, разнообразя ихъ,—тогда занятія будутъ вызывать въ ребенкѣ бодрое настроеніе, дадутъ нравственный подъемъ духа—вслѣдствіе сознанія исполненнаго настоящаго дѣла.

Какъ же приступить къ обученію грамотѣ? Какой методой руководиться для достиженія скорѣйшаго успѣха?

Гр. Л. Толстой говоритъ: «Опытъ убѣдилъ насъ, что нѣтъ ни одной методы въ обученіи грамотѣ дурной, и ни одной хорошей; что недостатокъ методы состоитъ только въ исключительномъ слѣдованіи одной методѣ, а лучшая метода есть—отсутствіе всякой методы, но *знаніе* и *употребленіе* всѣхъ методъ и *изобрѣтеніе* новыхъ по мѣрѣ встрѣчающихся трудностей». Съ этимъ мнѣніемъ Л. Толстого нельзя не согласиться, и потому желающимъ руководить обученіемъ грамотѣ своихъ дѣтей не бесполезно ознакомиться съ прекрасною книгою І. Паульсона: «Методика грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ», гдѣ подробно изложены способы обученія грамотѣ. Мнѣ же приходится сказать только въ самыхъ общихъ чертахъ

о главныхъ способахъ, объ ихъ развитіи, о видоизмѣненіи и переходѣ отъ одного къ другому, чтобы такимъ образомъ постепенно ввести читателей, такъ сказать, въ курсъ этого дѣла.

Начнемъ съ самаго стариннаго буквослагательнаго метода. Курсъ ученія по этому способу былъ слѣдующій: 1) Заучиванье алфавита, 2) Заучиванье складовъ, 3) Чтеніе по складамъ, 4) Чтеніе по верхамъ. Такъ какъ весь процессъ чтенія при этомъ основывался на памяти, ученикъ игралъ роль автомата, которому страшныхъ трудовъ стоило освоиться съ грамотой, то понятно, почему сложилась пословица о горькомъ корнѣ ученія. Нерѣдко, проучившись 2—3 года, ученикъ не въ состояніи былъ отвѣдать сладкаго плода ученія, такъ какъ далѣе складовъ онъ не шелъ. Чтобы научиться читать по такому способу тратилось 3—4 года, послѣ чего еще надо было учиться писать. Много было попытокъ облегчить дѣло обученія по этому способу. Появились буквари съ картинками въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. На однихъ изъ нихъ изображались предметы, названіе которыхъ начиналось съ буквы алфавита. На другихъ изображались животныя, звуки криковъ которыхъ напоминали букву и проч.

Чтобы заинтересовать дѣтей, сообщеніе алфавита нерѣдко сопровождалось потѣшными разказами. Для лучшаго усвоенія формы дѣти срисовывали буквы. Впослѣдствіи начали давать заучивать не весь алфавитъ, а знакомили съ одною, двумя буквами на одномъ урокѣ, составляли слова изъ пройденныхъ буквъ. Знакомили сначала съ гласными буквами, а затѣмъ уже постепенно прибавляли къ пройденнымъ гласнымъ согласныя. Ввели въ употребленіе такъ называемую подвижную азбуку. Давали буквы по группамъ въ *генетическомъ* порядкѣ; т. е. въ такомъ, въ какомъ онѣ происходятъ одна отъ другой, указывая на ихъ сходство и различіе.

Въ такомъ видѣ съ буквослогательнымъ методомъ уже вполнѣ можно помириться. Ученикъ принималъ дѣятельное участіе въ работѣ, и дѣло шло успѣшно. Непонятнымъ оставался для ребенка только процессъ сліянія буквъ. Почему изъ *бе-а* выходитъ *ба*, а не *бе-а*? Изъ *ве-а*—*ва*, а не *веа*. Тогда, чтобъ и въ этомъ упростить дѣло, знакомили только съ гласными; согласныя же не произносились отдѣльно отъ гласной, а непременно въ соединеніи съ нею. (Слоговой, силлабическій методъ). Учитель беретъ, положимъ, три буквы: *и*, *в*, *а*, ставитъ ихъ рядомъ на доскѣ и спрашиваетъ: «Какая первая буква? (*и*). Какая послѣдняя? (*а*). Между этими буквами находится третья, которую вы не знаете; первая же и послѣдняя, связанная третьею—составятъ слово: *Ива*. Отнимая послѣднюю букву въ словѣ *Ива*—учитель спрашиваетъ: Что осталось? (*ив*). Отнимая первую въ томъ же словѣ, спрашиваетъ: Что осталось? (*ва*). А если отнимемъ первую и послѣднюю, то останется буква (*в*), которую трудно выговорить одну; если же прибавитъ къ ней *а*, то выйдетъ *ва*, если *и*, то выйдетъ *ви*,—*о*, то—*во* и т. д.

При обученіи по этому, силлабическому, методу въ обратныхъ словахъ: (*ав*, *ав*, и др.) буква уже произносилась тѣмъ звукомъ, который она дѣйствительно имѣла и такимъ образомъ подошли къ *звуко-*

тому методу, который основанъ не на буквахъ, а на звукахъ членораздѣльной рѣчи. Подъ *звукомъ* разумѣется видоизмѣненіе голоса, производимое раскрытіемъ или сжатіемъ рта. Простѣйшіе неразложимые устные звуки составляютъ элементы человѣческой рѣчи. Изъ нихъ образуются слоги и слова.

Буквы—суть только видимые знаки звуковъ. Произносить и слышать можно только звукъ, а не букву, но буква заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе скрыто соотвѣтствующій ей звукъ. *Чтеніе*—это умѣнье въ одинъ или нѣсколько приѣмовъ произносить всѣ буквы каждаго слова согласно свойственному имъ звуку и въ данномъ порядкѣ. Вотъ главныя основанія *звукового* метода, выработанныя родоначальникомъ его, Стефани. Онъ знакомитъ сначала съ гласными буквами, потомъ съ двугласными и наконецъ съ согласными, явственно называя ихъ по звукамъ: ф', в', м', и т. д. Послѣ чего идетъ соединеніе гласныхъ съ согласными въ прямыя и обратныя слоги.

При этомъ Стефани предупреждаетъ, чтобы въ звуковую методику не внесли старый механизмъ буквослагательнаго метода. Чтобы при чтеніи не заставляли учениковъ складывать отдѣльные звуки для слоговъ и словъ, какъ прежде складывали названіе буквъ. Напр., читая слово муха, не складывали бы такъ: м'-у—му-х'-а—ха, а дѣлали бы такъ: давая слогъ *му*, учитель закрываетъ указкой *у* и заставляетъ *м* тянуть до тѣхъ поръ, пока онъ не сниметъ указки, послѣ чего ученикъ тотчасъ произноситъ *у* и невольно сольетъ оба звука въ одинъ слогъ *му*. Наглядно изобразить это можно такъ: м- - -у; м- - у; *му*. Тѣ согласныя, которыя не допускаютъ продолжительнаго произношенія, напр. д, т, б, повторяются учениками до тѣхъ поръ, пока не раскроется вторая (б б б б б-а).

Если передъ гласною находятся 2, 3 согласныя, то учитель закрываетъ ихъ указкой и когда ученикъ прочелъ знакомую имъ часть слова,—раскрываетъ одну изъ закрытыхъ буквъ, а ученикъ присоединяетъ ее къ произнесенной имъ части слова. Напр., слово громъ читается: омъ, ромъ, громъ: если же двѣ или нѣсколько согласныхъ въ концѣ слова, то дѣлается тоже самое, только буквы закрываются съ противоположной стороны (вол, волкъ).

Впослѣдствіи нашли неестественнымъ начинать обученіе грамотѣ со звуковъ. Звукъ представляется дѣтямъ чѣмъ-то чуждымъ, неизвѣстно откуда взявшимся. Поэтому начали обучать грамотѣ не съ отдѣльныхъ слоговъ, а съ цѣлыхъ словъ и предложеній. Въ данномъ предложеніи различались слова; слова дѣлились на слоги, а изъ слоговъ выдѣлялся тотъ или другой звукъ. Подъ каждымъ словомъ были выставлены буквы отдѣльно, заглавныя, строчныя и рукописныя для того, чтобы дѣти знали всѣ буквы, употребляемыя въ печати и выучивали ихъ писать. Новыя буквы, входящія въ составъ какого-нибудь слова, выставлялись отдѣльно. За послѣднимъ словомъ даны были всѣ буквы; затѣмъ слѣдовалъ рядъ небольшихъ статейекъ въ прозѣ и стиховъ для упражненія въ связномъ и бѣглому чтеніи. Но текстъ, состоящій изъ отдѣльныхъ фразъ, не имѣлъ никакой идейной связи, былъ безсодержателенъ, и поэтому интереса для дѣтей не представлялъ.

Тогда педагоги начали употреблять связный текстъ, но, пользуясь имъ только для устнаго пересказа; для упражненій-же въ чтеніи брали изъ этого текста только отдѣльныя слова. Наконецъ, пришли къ тому заключенію, что цѣлесообразнѣе всего брать матеріалъ для обученія грамотѣ изъ уроковъ нагляднаго обученія. На этихъ урокахъ дѣти знакомятся съ окружающимъ міромъ, научаются выражать свои мысли о разсматриваемыхъ ими предметахъ; названіе этихъ предметовъ поэтому представляетъ самый пригодный матеріалъ для первыхъ упражненій въ чтеніи и письмѣ. Для возбужденія интереса къ предмету стали пользоваться и проявляющейся въ дѣтахъ склонностью къ рисованію. Такимъ образомъ, обученіе чтенію начали соединять съ письмомъ, рисованіемъ и нагляднымъ обученіемъ.

Мысль прекрасная, но на практикѣ оказалась трудно-выполнимою, потому что при этомъ приходится удовлетворять слишкомъ многимъ условіямъ, во 1), надо выбрать предметъ, достойный для наблюденія и представляющій интересъ для ребенка; во 2) предметъ этотъ долженъ быть удобенъ для рисованія; въ 3) названіе его должно содержать извѣстные звуки, удобные для произношенія; въ 4) Буквы въ словахъ должны постоянно осложняться въ очертаніи, такъ какъ слово служить не только для чтенія, но и для письма. Желаніе выйти съ честью изъ этихъ затрудненій ведетъ къ значительной натяжкѣ. Искусственность этой системы отлично подмѣтилъ гр. Л. Толстой и съ большимъ юморомъ передаетъ сцену урока по этой системѣ въ одной изъ германскихъ школъ (См. «Ясн. Пол.» стр. 47).

Которому же однако изъ всѣхъ выше упомянутыхъ методовъ отдать предпочтеніе?

Учить ли ребенка по буквослагательному методу, зазубривая склады? Учить ли его по силлабическому, или же, наконецъ, по звуковому? Каждый изъ этихъ методовъ имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. *Буквослагательный* методъ облегчаетъ выучиванье алфавита, называя буквы словами, и переноситъ всю трудность на склады. Силлабическій облегчаетъ заучиванье складовъ, но за то представляетъ затрудненіе при переходѣ къ чтенію словъ съ нѣсколькими согласными. Звуковой методъ, хотя въ настоящее время и занялъ первенствующее мѣсто, такъ какъ очень удобенъ въ усвоеніи процесса чтенія, быстро ведетъ къ цѣли, но и онъ представляетъ нѣкоторое затрудненіе при существующей у насъ ореографіи—въ словахъ съ мягкими гласными (б'-я—дѣти читаютъ бя, л'-я—ля и пр.).

Поэтому каждый занимающійся обученіемъ грамотѣ долженъ быть, такъ сказать, во всеоружіи; долженъ быть готовымъ на всякій случай одинъ методъ замѣнить другимъ, смотря по обстоятельствамъ.

Способный ребенокъ быстро усваиваетъ процессъ чтенія и для него звуковой методъ наилучшій. Для ребенка же, не отличающагося сообразительностью, но берущаго памятью, иногда приходится присоединять силлабическій.

Нерѣдко бываетъ, что дѣти съ недостаточно развитымъ слухомъ, смѣшиваютъ звуки: д' и т', б' и п', в'—ф; въ такомъ случаѣ удобнѣе

проходить эти звуки по буквослагательному методу, они въ названіи буквъ яснѣ слышны.

Въ настоящее время обученіе грамотѣ ведется совмѣстно съ обученіемъ письму, поэтому собственно обученію грамотѣ предпосылаются такъ называемыя «подготовительныя упражненія», имѣющія цѣлью, съ одной стороны, подготовить къ чтенію, а съ другой къ письму. На рисункахъ обыденныхъ предметовъ, простыхъ по очертанію, напр., шашечной доски, лѣсенки, гребенки, грибовъ, ножницъ и проч. ребенокъ упражняется въ проведеніи прямыхъ, косыхъ, оваловъ и др. линій, входящихъ въ составъ буквъ, какъ ихъ элементы. При этихъ занятіяхъ исподволь приучаютъ его къ правильному положенію тѣла во время письма и къ правильной постановкѣ руки. Само собою разумѣется, что если съ ребенкомъ раньше уже занимались рисованіемъ, и онъ приобрѣлъ нужные навыки для письма,—то эти предварительныя упражненія являются излишними. Одновременно съ этими письменными упражненіями идутъ такъ называемыя *звуковыя*, которыя заключаются въ знакомствѣ съ членораздѣльными звуками человѣческой рѣчи, преимущественно съ гласными. Упраженія эти очень важны, такъ какъ если ребенокъ привыкъ различать въ словахъ звуки, то онъ уже наполовину научился читать, да и даются онѣ имъ очень легко. Для этого въ именахъ (въ семьѣ) матери, отца, братьевъ, сестеръ и пр. обращается вниманіе на начальные звуки, напр., на О въ словѣ Оля, на А въ словѣ Анюта, на м—мама, на п—папа и проч., при чемъ дѣти и присматриваются къ формамъ этихъ буквъ на мѣткахъ, рисункахъ, газетахъ, журналахъ и проч. Послѣ этого уже можно приступить собственно къ обученію чтенію, но при этомъ вовсе нѣтъ надобности учить по книгѣ, по букварю. Большое удобство при обученіи грамотѣ представляетъ подвижная азбука (буквы наклеенныя на папку). Она даетъ возможность самому ребенку находить знакомыя буквы, составлять изъ нихъ слоги, измѣнять ихъ составляя слова, при чемъ глазъ его не напрягается, и ребенокъ не имѣетъ необходимости непремѣнно сидѣть, а можетъ заниматься и стоя.

Послѣ того, какъ ребенокъ научился различать гласныя буквы, его знакомятъ съ согласными, но не болѣе одной буквы въ урокъ (вначалѣ по крайней мѣрѣ).

Новый согласный звукъ выдѣляется изъ словъ; послѣ чего уже показывается печатная буква, и на подвижныхъ буквахъ составляютъ слоги на этотъ звукъ съ пройденными гласными. Если возможно, то изъ слоговъ тотчасъ же составляются слова, которыя устно вставляются во фразу, а если читаютъ отдѣльные слоги, то къ каждому составленному слогу слѣдуетъ устно добавить недостающую часть слова, чтобъ ребенокъ не читалъ бессмысленныхъ слоговъ, а непрерывно представлялъ бы себѣ цѣлое слово и соединенное съ нимъ понятіе. Послѣ чтенія слоговъ показывается рукописная буква и ребенокъ сравниваетъ ее съ печатною, разлагаетъ на элементы и пишетъ ее. Если же буква трудна по очертанію, то сначала пишутъ ея элементы, а затѣмъ самую букву, слоги и слова. Сначала упражняютъ

ребенка въ составленіи прямыхъ слоговъ въ 2 буквы, а за тѣмъ постепенно осложняютъ дѣло, знакомя съ соединеніемъ 2-хъ и даже 3-хъ согласныхъ съ гласною. Послѣ того, какъ ребенокъ привыкъ отчетливо различать въ словахъ согласные звуки, его знакомятъ съ твердымъ и мягкимъ произношеніемъ согласныхъ звуковъ. Для этого даютъ рядъ словъ, въ которыхъ бы одинъ и тотъ же согласный звукъ произносился и *твердо* и *мягко*. Напр., мѣлъ—мѣль; соръ—сорь; мать—мать и т. д. Послѣ чего показываютъ знаки твердый (*Ъ*) и мягкій (*Ь*).

Самое трудное для ребенка понять сліяніе звуковъ (первое время онъ произноситъ каждый звукъ отдѣльно). Какъ только это имъ усвоено, то можно почти сказать, что онъ научился читать, такъ какъ ему остается только запомнить очертаніе буквъ. Обыкновенно буквы ребенку даютъ только тогда, когда онъ понялъ сліяніе звуковъ, — до тѣхъ поръ онъ ему не нуженъ, и всѣ упражненія ведутся на подвижныхъ буквахъ. Впродолженіи всего курса отъ времени до времени идетъ такъ называемая *звуковая* диктовка на пройденныя буквы. Ребенку диктуютъ слова, которыя разлагаются на слоги, слоги на звуки, считаются буквы въ словѣ и затѣмъ записываются. Дѣленіе буквъ на гласныя и согласныя удобнѣе отнести къ концу курса. Знакомить же съ прописными буквами одновременно съ малою буквою, такъ какъ это даетъ возможность дѣтямъ читать на первыхъ же порахъ не отдѣльныя слова, а цѣлыя фразы.

При переходѣ къ связному чтенію обращается вниманіе на знаки препинанія, на опредѣленіе ихъ извѣстными остановками голоса. Чтобъ устранить механизмъ въ чтеніи, вначалѣ ребенокъ передаетъ устно каждое только что прочитанное предложеніе, а затѣмъ по мѣрѣ навыка,—начинаетъ уже передавать цѣлый рассказъ.

Съ первыхъ же шаговъ слѣдуетъ обратить вниманіе ребенка, чтобы онъ читалъ громко, отчетливо, ясно выговаривая слова, не торопясь, и по возможности выразительно.

А. Глазунова.

Къ исторіи звуковаго метода.

Честь изобрѣтенія звуковаго метода при обученіи чтенію обыкновенно приписывается Амосу Коменскому; однако это утверженіе нуждается въ поправкѣ на основаніи историческихъ данныхъ. Дѣло въ томъ, что уже у римскихъ грамматиковъ мы находимъ попытки облегчить обученіе чтенію посредствомъ объясненія звуковаго элемента буквъ; такъ, напр., Теренціанъ Мавръ (грамматикъ конца III в. по Р. Х.) въ своемъ трактатѣ «О буквахъ, слогахъ и размѣрахъ», ст. 108, говоритъ: «... а теперь изложу, какъ съумѣю... объ отдѣльныхъ буквахъ, какое мѣсто занимаютъ онѣ во рту, какъ получаютъ свой звукъ, и откуда именно они раздаются». Далѣе Донатъ (граммат. IV в.) различаетъ въ буквахъ, имя, фигуру и значеніе, т. е. какъ буква называется, каково ея начертаніе, и что она значитъ». Затѣмъ Марціанъ Капелла (гр. V в.) прямо разбираетъ звуковое значеніе каждой буквы: «буква *a* образуется однимъ движеніемъ при соотвѣтственно широкомъ раскрытіи рта; букву *e* мы произносимъ, вдыхая съ силой воздухъ чрезъ сжатія губы; буква *k* (с) получается отъ удара кончика языка о коренные зубы и т. д. У Исидора Севильскаго (писат. VII в.) находимъ такое опредѣленіе: «у всякой буквы есть три признака: имя, которымъ она называется, фигура, которой она изображается, и значеніе, по которому одна считается гласной, другая—согласной». Изъ нео-латинистовъ укажемъ на Перотта, различающаго буквы и звуки: звукомъ называется, говоритъ онъ, самое произношеніе, а буквой изображеніе звука, но въ общемъ употребленіи ставится звукъ вмѣсто буквы и буква вмѣсто звука; на Тортелли, Авентина и Эразма. Но какъ у древнихъ грамматиковъ, такъ и у жо-латинистовъ всѣ эти соображенія остаются въ области теоріи и родоначальникомъ звуковаго метода въ его практическомъ примѣненіи можетъ по праву считаться Валентинъ Иккельзамеръ проводившій вполнѣ сознательный фзіологически-основанный принципъ обученія азбукѣ. Онъ былъ современникомъ Лютера, и сначала его послѣдователемъ; потомъ, примкнувъ къ Карлштадту, бѣжалъ съ этимъ послѣднимъ въ Ротенбургъ (на Тауберѣ), откуда письменно продолжалъ враждовать съ Лютеромъ. Въ 1527 г. онъ опять переходитъ на сторону Лютера и остальную жизнь проводитъ въ Эрфуртѣ въ качествѣ школьнаго учителя, занимаясь преимущественно грамматическими трудами. Еще въ 1527 г. вышло первое изданіе небольшой его книжки подъ загла-

виемъ «Die rechte weis auff's Kützist lesen zu lernen», вышедшей вторымъ изданіемъ уже въ 1534 г. Это первое методическое руководство къ элементарному обученію нѣмецкому языку; оно содержитъ въ первой половинѣ книги азбуку; краткое разсужденіе о томъ, что значитъ «читать», почему изученіе этого искусства давалось такъ трудно и въ чемъ должно состоять облегченіе преподаванія; затѣмъ подробный обзоръ буквъ съ объясненіемъ, какъ каждая буква должна произноситься (т. е. при помощи какого органа, и каковъ долженъ быть ея звукъ); далѣе слѣдуютъ слоги и употребительнѣйшія сокращенія; во-второй,—обыкновенный краткій школьный катехизисъ; заканчивается книжка таблицами одно,—двухъ—и трехсложныхъ словъ, таблицей цифръ и наконецъ правоучительнымъ діалогомъ двухъ дѣтей. Какъ мы сказали, это была первая попытка Иккельзамера провести въ школу принципъ сознательнаго отношенія къ обученію языку. Въ 1534 г. онъ издалъ свою «Нѣмецкую Грамматику» (Teutsche Grammatica) и такъ какъ въ нее вошло все то, что было уже изложено въ первой части «Die rechte weis» только въ болѣе обработанномъ видѣ, то мы и позволимъ себѣ остановиться на этомъ сочиненіи нѣсколько долѣе.

Наибольшее значеніе Иккельзамеръ придаетъ правильному и легкому обученію чтенію, ставя собственно грамматическія правила на второй планъ, что совершенно противорѣчило направленію, господствовавшему въ его время въ школахъ, гдѣ безраздѣльно царила сухая грамматика. «Чтеніе, говоритъ онъ,—дивный даръ Божій, и дровосѣкъ, и пастухъ на полѣ, и каждый за своей работой можетъ обучиться ему безъ помощи учителя и многихъ книгъ, съ молитвой ко Господу». — «Многіе отцы выучатъ по этому кратчайшему способу своихъ дѣтей дома, чтобы, посланные въ общественную школу, они не испортились тамъ среди дурныхъ дѣтей, (которыхъ теперь такъ много). Одинъ рабочій можетъ быстро обучить своихъ сотоварищей въ самой мастерской. Книжечка Иккельзамера, кромѣ азбуки, содержитъ много упражненій для чтенія, касающихся выговора буквъ и слоговъ, за тѣмъ—правила (весьма ясныя) правописанія, дѣленія слоговъ (переносъ), этимологію словъ въ собственномъ смыслѣ, правила удвоенія буквъ. Многократно напоминаетъ авторъ о важности правильной постановки именно элементарнаго преподаванія, причемъ высказываетъ мысль, что недостаточно для цѣлей школы перевести любую латинскую грамматику, а нужно *создать грамматику роднаго языка, примѣняясь къ его духу и особенностямъ*. Такимъ создателемъ нѣмецкой грамматики и является самъ Иккельзамеръ. Видя въ легчайшемъ обученіи чтенію залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ, Иккельзамеръ подробно разбираетъ основные его элементы, т. е. буквы и слоги.

«Чтеніе, говоритъ онъ, не что иное, какъ называніе буквъ . . . а правильно называть (произносить) и знать буквы составлять, по словамъ Квинтиліана,—тонкое искусство . . . Греки и Евреи называютъ буквы цѣльными словами. Римляне-же и Нѣмцы—слогами, напр, be, ce, de, ef, ge etc., но и то и другое мало помогаетъ дѣлу,

ибо буквы сами по себѣ слишкомъ тонки (subtil) для отдѣльнаго ихъ произношенія; нѣкоторыя совсѣмъ нельзя произнести отдѣльно, для другихъ необходимо знать, съ помощью какого природнаго органа они произносятся, таковое-же обозначеніе ихъ словами или слогами скорѣе мѣшаетъ начинающему читать, чѣмъ помогаетъ.

Всѣ буквы азбуки, Иккельзамеръ дѣлитъ на: 1) гласныя—а, е, і, о, и; 2) согласныя—sz, f, g, h, l, m, n, r, s, w, x, и 3) нѣмыя — br, dt. Кq. Далѣе слѣдуетъ разборъ каждой буквы въ отдѣльности:

Напримѣръ:

а—выговаривается одно, при выдыханіи изъ зѣва и широко открытомъ ртѣ. Этотъ звукъ стоитъ въ началѣ слова АХТ (Aqt) (топоръ) и соответствуетъ звуку, издаваемому топоромъ при рубкѣ, особенно въ лѣсу, гдѣ есть отзвукъ (эхо); полагаю, что названіе ахт произошло отъ такого, ему свойственнаго звука, ибо и въ греческомъ и въ нѣмецкомъ оно одинаково».

«е—также при выдыханіи и прижатомъ книзу языкѣ. Этотъ звукъ издають козы и овцы».

«і—при стиснутыхъ зубахъ и походить на тотъ визжащій звукъ который издаетъ свинья, когда ея колютъ или рѣжутъ».

«о—произносится при выдыханіи чрезъ кругло-разинутый ротъ; это тотъ сильный звукъ, которымъ останавливаютъ лошадей и его можно было-бы назвать звукомъ извошниковъ».

«u—звукъ, производимый при вытянутыхъ губахъ и закрытомъ ртѣ. Звукъ этотъ слышится въ крикахъ: «Juh (ei)» веселыхъ парней».

«f—произносится выдыханіемъ чрезъ зубы, прикасающіеся къ нижней губѣ, и звучитъ какъ сырое дерево на огнѣ».

«l—буква языка языкъ прижимается къ небу, такъ что ротъ раздвигается, какъ-бы для улыбки или смѣха».

«m—коровья буква; для ея звука сжимають губы».

«r—собачья буква, когда собака сердится, скалитъ зубы, а согнутый языкъ дрожить».

Буквы br, dt, kq. Иккельзамеръ считаетъ ихъ настолько трудными для произношенія, что совѣтуетъ учащимся заучивать ихъ сначала лишь въ соединеніи съ а, затѣмъ постепенно отдѣлять, а впоследствии не договаривать гласный звукъ, т. е. b — a, b — (a) и т. д. Въ произношеніи-же ихъ участвуютъ слѣдующіе органы: b и p произносятся губами, съ силой открываемыми выдыханіемъ, причѣмъ удерживаемое дыханіе надуваетъ щеки d и t получаютъ при ударѣ языка о верхніе рѣзцы; k и q произносятся раскрытымъ зѣвомъ, какъ когда человекъ давится и т. д.

Что касается начертаній буквъ, то Иккельзамеръ того мнѣнія, что онѣ суть подражанія формѣ органовъ рѣчи при ихъ произношеніи, и жалуется на то, что при обученіи грамотѣ это совсѣмъ не принимается въ соображеніе. Для лучшаго усвоенія буквъ онъ находитъ необходимымъ употребленіе картинокъ, причѣмъ указываетъ двоякій методъ.

1) Картинки должны изображать животныхъ или предметы, «точно

«ОБРАЗОВАНИИ».

и ясно издающихъ звукъ данной буквы и рядомъ самую букву; учащіяся должны вспомнить, какому животному или предмету свойственъ данный звукъ и отыскать изображеніе соотвѣтственной буквы на картинкѣ. «И кто сѣумѣетъ такимъ образомъ связать буквы съ картинками—пусть подаритъ насъ такими таблицами» высказываетъ свое желаніе авторъ.

2) Для той-же пѣли существуютъ еще другія таблицы: на нихъ изображены также картинки, а искомый звукъ (буква) находится въ началѣ названія изображеннаго на картинкѣ предмета или животного. Но при этомъ Иккельзамеръ требуетъ, чтобы данное слово не имѣло синонимовъ, какъ, напр., Ross, Pferd, Gaul, дабы не вводитъ учащагося въ заблужденіе.

Это требованіе наглядности при обученіи азбукѣ приводитъ насъ къ еще двумъ, крайне интереснымъ учебникамъ того-же времени.

Вскорѣ, послѣ появленія въ свѣтъ перваго сочиненія Иккельзамера (*Die rechte Weish.*), вышла изъ печати книжечка Петра Йордана *Leuenshule* (1533), очень близкая по тексту къ книгѣ Иккельзамера но снабженная картинной азбукой, образецъ которой мы приводимъ ниже. Очень вѣроятно, что ее и имѣлъ въ виду Иккельзамеръ, говоря о картинкахъ 2-й группы, такъ какъ въ своей грамматикѣ онъ упоминаетъ объ этой книгѣ.

Что касается самыхъ картинокъ, то изобрѣтеніе ихъ не принадлежитъ Йордану. Уже въ половинѣ V в. находимъ въ извѣстномъ сочин. гуманиста Іакова Публиція — *Ars memoriae*, роскошнѣйшую картинную азбуку. Затѣмъ въ одной рукописи конца XV в., очевидно, назначавшейся въ качествѣ руководства въ элементарной школѣ и принадлежащей, по всей вѣроятности, перу Гюбнера (*Chr. Huebner*). Подъ каждой буквой азбуки помѣщенъ маленькій рисунокъ, того предмета или животного, названіе котораго начинается съ данной буквы. Очевидно, принципъ тотъ-же, что и у Йордана, причѣмъ и нѣкоторыя картинки совпадаютъ.

Въ непосредственной-же зависимости отъ Иккельзамера и вполнѣ отвѣчающая его желаніямъ стоитъ книжка Іакова Грюсбейтеля «*Stymmenbucklein*» (1534).

Она построена на звуковой теоріи Иккельзамера, а азбука снабжена картинками, изображающими животное или предметъ, издающіе звукъ соотвѣтственной буквы азбуки; причѣмъ сохранены аналогіи Иккельзамера. Для примѣра приводимъ нѣсколько образцовъ картинокъ facsimile.

Желающихъ ближе ознакомиться съ упомянутыми сочиненіями Иккельзамера и его послѣдователей отсылаемъ къ новѣйшей ихъ перепечаткѣ, сдѣланной Фехнеромъ: *Vier seltene schriften des XVI Jahrhunderts*, herausgegeben von Heinrich V e s h n e r. Berlin 1882.

Такимъ образомъ въ дѣлѣ, наглядно-звуковаго метода обученія грамотѣ, Коменскій не только не является новаторомъ, но даже, если сравнить его картинную азбуку (O. P.) съ разобранными выше,—не самостоятельнымъ послѣдователемъ извѣстнаго принципа, — а прямо подражателемъ; громадная-же распространенность и популярность

Armbrost

Ege

Ochs

becher

circkel

degen

hasze

messer

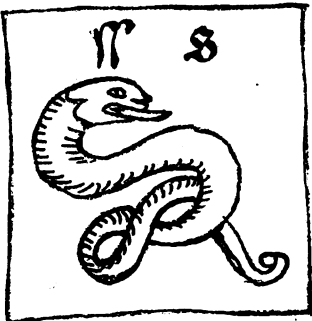
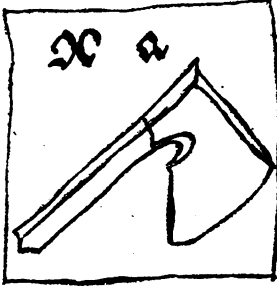
nar

räd

ixfraw

Авн А. Скобцова.

его дѣйствительно прекрасно составленныхъ руководствѣ, оставили въ тѣни и забвеніи первыхъ пионеровъ на пути облегченія элементарнаго преподаванія.

Марія Холоднякъ.

Школьные пріюты и столовыя при нихъ.

Внѣшнія неблагопріятныя условія, задерживающія успѣшный ходъ и развитіе народнаго образованія, между прочими слѣдующія:

а), отдаленность школъ отъ селеній, изъ которыхъ дѣти ходятъ учиться;

б), неудобство сообщеній между ними, и

в), бѣдность крестьянъ.

Ученикъ какого-либо училища, живущій на разстояніи 10—15 верстъ*) отъ школы, чтобы прійти къ началу занятій, долженъ встать въ 4—5 часовъ утра и отправиться изъ дому не позднѣе 5—6 час. По окончаніи занятій въ 2 или 3 часа по полудни, онъ, закусивъ черствымъ хлѣбомъ, идетъ обратно домой, куда приходитъ въ 5—6 часовъ вечера. Такъ какъ большая часть школьныхъ занятій происходитъ зимою, то выходъ изъ дому и возвращеніе домой ученикъ долженъ дѣлать при темнотѣ, и такъ изо дня въ день круглый учебный годъ!

Въ зимнюю стужу, когда дыханіе спираетъ, кровь леденѣетъ въ жилахъ, члены отказываются служить, родители не рѣшаются отпускать своихъ дѣтей въ школу, и во многихъ школахъ происходитъ перерывъ въ занятіяхъ. Но не лучше бываетъ и въ весеннее время, когда каждый ручеекъ превращается въ рѣчку, а рѣчка въ большую рѣку. Если такая рѣчка или рѣка находится на пути между школой и селеніями, въ которой живутъ учащіеся, то послѣдніе должны ежедневно переправляться черезъ нее или въ бродъ, или же съ опасностію утонуть должны переправляться на другой берегъ въ какомъ-либо дыривомъ челнокѣ или на едва сколоченномъ плотѣ.

*) Въ Новгородской губерніи за 1884—85 учебный годъ, число учащихся, живущихъ на разстояніи свыше 5 верстъ отъ школы, составляло 8,4 проц. всѣхъ учащихся въ губерніи дѣтей. (Очеркъ народнаго образованія въ Новгородской губ. за 1884—85 уч. годъ.).

Всѣхъ этихъ неудобствъ легко можно было-бы избѣгнуть, если-бы родители учащихся были въ состояніи помѣщать своихъ дѣтей къ кому-либо на квартиру въ томъ селеніи, гдѣ находится школа и платить за содержаніе ихъ*). Но при бѣдности нашихъ крестьянъ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Желая по возможности устранить эти неблагопріятныя условія, рядомъ съ классными помѣщеніями добрые люди, заботящіеся о народномъ образованіи, стали устраивать ночлежные пріюты. Иногда, впрочемъ, если неблагопріятныя условія замѣчены были поздно и пристроить пріюты къ школьному зданію было неудобно, то для нихъ строились отдѣльныя зданія въ родѣ общежитій.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ должно быть болѣе школьныхъ пріютовъ, нежели въ средней полосѣ Россіи, гдѣ народонаселеніе гуще и школъ больше. По новгородской губ. въ 1884—85 г. было 63 пріюта.

Тамъ, гдѣ при школѣ устроенъ ночлежный пріютъ, учащіеся могутъ теперь избѣгнуть опасности замерзнуть зимою и утонуть весною. Такимъ образомъ, школьные ночлежные пріюты устранили первыя два вышеупомянутыя мною неблагопріятныя условія; но въ то-же время они нисколько не ослабили третьяго, именно: бѣдности учащихся,— и ученики, живущіе во время учебныхъ занятій въ школьныхъ пріютахъ, должны продовольствоваться самыми скудными харчами.

Обыкновенно дѣти передъ праздниками уходятъ домой, чтобы повидаться съ родными, помыться въ банѣ и пополнить свои сѣстные припасы. На другой день послѣ праздника онѣ возвращаются въ школу. Родители снабжаютъ ихъ на недѣлю сѣстными припасами: кто крупой, кто творогомъ, а большая часть однимъ хлѣбомъ. Бѣдшаго, конечно, дать имъ родители не могутъ, такъ какъ и сами-то не имѣютъ. Поэтому большинство живущихъ въ школьныхъ ночлежныхъ пріютахъ должно продовольствоваться въ продолженіи всего учебнаго времени однимъ только сухимъ хлѣбомъ да водой. Понятно, что такое пропитаніе дурно отзывалось и отзывается на ихъ физическомъ и умственномъ развитіи, насколько послѣднее зависитъ отъ перваго. Съ такихъ харчей, какъ говорится, ногъ не потянешь и ужъ до ученья-ли тутъ?! Но жажда образованія и сознаніе необходимости его заставляли и родителей и дѣтей презирать и бѣдность и послѣдствія ея.

Конечно, люди, стоящіе близко къ народному образованію, видѣли ненормальное положеніе учащихся, но мало старались помогать имъ. Такъ, напр., приходскія попечительства, на обязанности которыхъ лежитъ между прочимъ забота объ устройствѣ школъ и попеченіе о бѣдныхъ прихода, строили школьные дома и пріюты, но продовольствія для учениковъ не давали, такъ какъ скудныя средства попечительствъ уходили на другія ввѣренныя имъ попеченію нужды, и между прочимъ на обезпеченіе старыхъ и сирыхъ людей. Ближе

*) Плата за содержаніе учениковъ разнообразна—отъ 5—10 руб., въ мѣсяцъ. (Асторъ).

всего, конечно, должны были бы заняться этимъ дѣломъ земства, на средства которыхъ устраиваются и существуютъ многія училища. Но, къ сожалѣнію, одни изъ нихъ вовсе не обращаютъ на это дѣло никакого вниманія, другія же оказываютъ очень малую помощь. Такъ, въ Новгородской губерніи, Новгородское уѣздное земство устроило при Померанскомъ двухклассномъ училищѣ нѣсколько стипендій, въ размѣрѣ 35 руб. на человѣка, для учениковъ, успѣшно окончившихъ курсъ въ земскихъ училищахъ и желающихъ продолжать свое обученіе въ двухклассныхъ училищахъ. Устюжское земство ассигнуетъ ежегодно около 110 руб. на содержаніе учениковъ Растороповскаго двухкласснаго училища, имѣющихъ отдаленное отъ училища мѣстожителства. На полученныя отъ земства деньги завѣдующій училищемъ покупаетъ харчи, а школьный сторожъ приготовляетъ изъ нихъ кушанье для учениковъ. Содержаніе каждаго ученика здѣсь обходится отъ 75 коп., до 1 руб. въ мѣсяцъ безъ хлѣба. Послѣдній доставлялся дѣтьми изъ дому. Въ виду скудости средствъ содержаніе давалось и дается здѣсь только очень бѣднымъ дѣтямъ и притомъ хорошо учащимся. Другія дѣти могли получать содержаніе съ этими же дѣтьми, но уже за плату по 75 коп.,—1 руб. въ мѣсяцъ. Хлѣбъ же должны имѣть свой.

Конечно, такая помощь отъ земствъ была каплей въ морѣ; тысячи же дѣтей продовольствовались своими харчами и терпѣли и терпятъ тѣ же неудобства, о которыхъ я выше писалъ. Неудобства эти были-бы вполнѣ устранены только тогда, когда при всѣхъ ночлежныхъ пріютахъ открыты были-бы даровыя столовыя. Это была-бы самая лучшая и самая надежная мѣра. Она примѣнялась уже и на практикѣ и дала хорошіе результаты. Такъ С.-Петербургскій комитетъ грамотности на остатки отъ суммъ, пожертвованныхъ въ пользу школъ во время неурожая, открылъ нѣсколько даровыхъ столовыхъ при школахъ въ Новгородской губерніи. Одна изъ такихъ столовыхъ открыта при школьномъ ночлежномъ пріютѣ Левочской школы, Боровичскаго уѣзда.

Я познакомлю читателей съ устройствомъ какъ самаго пріюта, такъ и столовой при немъ.

Ночлежный пріютъ при Левочской школѣ существуетъ около 10 лѣтъ и помѣщается въ деревянномъ старомъ школьномъ зданіи, передѣланномъ подъ пріютъ. Зданіе это въ настоящее время состоитъ изъ трехъ комнатъ: ночлежной, кухни и комнаты для храненія съѣстныхъ припасовъ; послѣдняя, по размѣрамъ подобная первой, легко можетъ быть обращена въ ночлежную. Ночлежная, или собственно пріютъ, имѣющая въ длину 9 арш., въ ширину 12 арш. и въ высоту 3 арш., раздѣлена на двѣ равныя части не глухою перегородкою, такъ что изъ одной половины въ другую сдѣланъ свободный проходъ. Въ одной половинѣ къ перегородкѣ, находящейся съ правой стороны отъ входа и упирающейся однимъ концомъ въ переднюю стѣну, построены двухъярусныя нары*) длиною около 6 арш., и шириною въ

*) Во многихъ пріютахъ нѣтъ ни кроватей, ни наръ; дѣти спятъ на полу и лежанкахъ (гол. печка, приспособленная для спанья). (Очеркъ народнаго образа въ Новгородской губ., 1884—85 г.)

средній ростъ человѣка. Между нарами и лѣвой стѣной помѣщается длинный, узкій столъ, обставленный съ двухъ сторонъ скамьями. За этимъ столомъ дѣти обѣдаютъ и занимаются. Надъ столомъ виситъ лампа. Въ другой половинѣ комнаты находятся однѣ только нары, пристроенныя къ правой стѣнѣ. Размѣръ ихъ одинаковъ съ нарами, помѣщающимися въ первой половинѣ. Въ широкомъ проходѣ изъ одной половины въ другую, между перегородкою и заднею стѣною стоитъ голландская печка съ русскою лежанкою, на которой по ночамъ дѣти сушатъ платье, бѣлье и обувь. Въ комнатѣ четыре окна— по два въ каждой половинѣ—и двѣ двери. Обѣ двери прорублены въ задней стѣнѣ. Одна изъ нихъ, находящаяся въ правой половинѣ, ведетъ на улицу, другая, находящаяся во второй, ведетъ въ кухню. Ихъ отдѣляетъ печка.

До устройства даровой столовой въ пріютѣ жило и ночевало ежедневно, кромѣ праздниковъ, около 10 человѣкъ дѣтей, живущихъ не менѣе, чѣмъ на 10-верстномъ разстояніи отъ школы. Остальныя дѣти уходили изъ-за провизіи домой. Съ устройствомъ-же столовой въ немъ ночуетъ ежедневно около 20 чел., а въ зимнюю стужу и весенніе разливы болѣе 30 чел., т. е. почти половина учащихся въ здѣшней школѣ.

Столовая открыта въ пріютѣ съ 12 Марта нынѣшняго 1894 г. по инициативѣ попечителя школы, мѣстнаго земскаго начальника г. Коковцева. Всегдашній радѣтель о здѣшней школѣ (школьное зданіе и пріютъ построены имъ-же) земскій начальникъ, видя ненормальное матеріальное положеніе учащихся, но не получая ни откуда помощи, обратился въ С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности съ просьбою, въ которой описалъ бѣдственное положеніе крестьянъ и ихъ учащихся дѣтей и просилъ помочь послѣднимъ. Изъ Петербурга прислали въ Мартъ мѣсяцъ сего 1894 г. 60 руб., которые и переданы были земскимъ начальникомъ въ распоряженіе помощницѣ учителя Левочской школы. Получивъ эти деньги, учительница закупила посуду, провизію, наняла кухарку и начала хозяйничать.

Каждый день она, предварительно сосчитавъ всѣхъ желающихъ обѣдать, сама отвѣшивала пропорціонально числу ихъ провизію, отдавала ее кухаркѣ, а та приготавливала изъ нея обѣдъ. Передъ обѣдомъ учительница приходила въ пріютъ, наблюдала за порядкомъ во время обѣда, а также и за тѣмъ, чтобы всѣ дѣти были накормлены досыта. Столъ для учащихся состоялъ изъ двухъ перемѣнъ: супа и каши, или супа и киселя. Хлѣбъ раздавался только дѣтямъ самыхъ бѣдныхъ крестьянъ.

Такъ какъ въ пріютѣ находится всего-навсего одинъ столъ, то дѣти обѣдали за нимъ въ двѣ смѣны. Число обѣдающихъ въ будни было 30—60 чел., а въ праздники 5—8 чел.

Расходъ по столовой.

I. На кухонныя принадлежности:

2 котла по 30¼ фун., стоимостію	1 р. 51 к.
6 деревянныхъ чашекъ —	60 к.

20	деревянныхъ	ложекъ	—	20	к.
2	—	солонки	—	10	к.
1	—	поварешку	—	2	к.
2	муравлен.	горшка	—	24	к.
2	печныхъ	заслонки	—	70	к.
1	ухватъ	—	—	20	к.
1	ножикъ	—	—	15	к.
1	рѣшето	—	—	10	к.
Итого.					3 р. 82 к.

II. На содержаніе учениковъ.

1. За Мартъ мѣсяць.

Начиная съ 12 Марта, когда открыта была столовая и кончая 31 числомъ, столомъ пользовались среднимъ числомъ 41 чел. въ день.

На содержаніе 41 чел. въ продолженіе 20 дней израсходовано провизіи:

Ржаной муки	2 п.	10 фун.	на сумму	1 р. 88 к.	
Соли	23	— — —	21 к.	
Сушеной рыбы	18	— — —	2 р. 16 к.	
Горох. муки	1 п.	39	— — —	3 р. 16 к.	
Овсяной крупы	17	— — —	77 к.	
Картофеля	5 мѣръ	— —	1 р. 25 к.	
Льнянаго масла	1 фун.	— —	14 к.	
Итого,					9 р. 57 к.

Кухаркѣ за мѣсяць уплаченъ 1 р.

Итого. 10 р. 57 к.

Содержаніе 41 чел. въ день обошлось	52,85 к.
Содержаніе 1 чел. въ 20 дней стоило	25,78 к.
Содержаніе 1 чел. въ день стоило	1,28 к.

2. За Апрель мѣсяць.

На содержаніе 46 чел. въ теченіи 18 дней Апрѣля израсходовано провизіи:

Ржаной муки	2 п.	10 фунт.	на сумму	1 р. 88 к.
Рыбы	16	— — —	1 р. 92 к.
Соли	20	— — —	18 к.
Гороховой муки	30	— — —	1 р. 20 к.
Пшено	1 п.	26	— — —	2 р. 31 к.
Овсяной крупы	16½	— — —	75 к.
Картофеля	3 мѣры	— —	75 к.

Итого 8 р. 99 к.

Кухаркѣ за мѣсяць уплаченъ 1 р.

Итого за Апрель 9 р. 99 к.

Въ Апрельѣ содержаніе 46 чел. въ день стоило	55,5 к.
Содержаніе 1 чел. въ 18 дней стоило	21,7 к.
Содержаніе 1 чел. въ 1 день стоило	1,2 к.

3. За Май мѣсяць.

На содержаніе 35 чел. въ теченіи 11 дней израсходовано провизіи:

Ржаной муки	23 фун.	на сумму	52 к.
Соли	10 — — —	9 к.
Сушеной рыбы	7 — — —	84 к.
Пшено	1 п. 12 — — —	1 р. 82 к.
Овсяной крупы	7 — — —	31 к.
Картофеля	3 мѣры — —	75 к.

Итого 4 р. 33 к.

Кухаркѣ за мѣсяць уплаченъ 1 р.

Итого за Май 5 р. 33 к.

Въ Май содержаніе 34 чел. въ день стоило	48,4 к.
Содержаніе 1 чел. въ 11 дней стоило	15,6 к.
Содержаніе 1 чел. въ 1 день стоило	1,4 к.
Всего на содержаніе учениковъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ израсходовано	25 р. 89 к.
Въ теченіи 49 д. столомъ пользовались среднимъ числ.	40,3 ч.
Содержаніе 1 чел. въ день обходилось около	1,3 к.

Примѣчаніе. Въ сумму расхода на содержаніе учениковъ (25 руб. 89 к.) не внесена сумма расхода на кухонныя принадлежности, какъ исключительный единовременный расходъ, необходимый только при первоначальномъ обзаведеніи, къ которому можно не прибѣгать въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Наоборотъ, въ этотъ расходъ внесена плата кухаркѣ, какъ постоянный расходъ.

Начиная съ 12 Марта и кончая 13 Мая, весь расходъ по столовой Левочскаго школьнаго пріюта выразился въ 29 руб. 71 коп.

Изъ присланныхъ С.-Петербургскимъ Комитетомъ Грамотности 60 рублей, осталось въ распоряженіи завѣдующей хозяйствомъ учительницы 30 руб. 29 коп., которые, вѣроятно, пойдутъ на содержаніе учениковъ вышеуказанной школы въ будущемъ году.

Я имѣлъ случай видѣть Левочскій пріютъ и теперь сообщу о томъ впечатлѣніи, которое онъ на меня произвелъ.

Пріютъ этотъ вообще не удовлетворяетъ правиламъ гигиены.— Окна въ немъ недостаточно, поэтому въ комнатахъ паритъ полумракъ. Съ этимъ можно было бы мириться, если бы ученики въ немъ только столовались и спали, но не занимались. Вечернее освѣщеніе состоитъ изъ одной только лампы, что для освѣщенія группы въ 15—30 чел. также далеко недостаточно. Въ окнахъ нѣтъ ни форточки, ни вентиляторовъ, такъ что единственнымъ вентиляторомъ въ комнатѣ является печка. Ночью отъ висящаго и лежащаго на ней сыраго, грязнаго, прѣлага платья распространяется по комнатѣ весьма неприятный запахъ; запахъ этотъ, соединяясь съ присущимъ многолюднымъ жилимъ помещеніемъ, дѣлаетъ воздухъ въ ночлежной душливымъ, спертымъ, невыносимымъ. Для устраненія изъ комнаты испорченнаго воздуха и замѣны новымъ, сторожика, по утрамъ открываетъ дверь на улицу и куритъ верескъ.

Въ зимнее время въ пріютѣ, несмотря на многолюдство, очень холодно, чему не мало способствуетъ то обстоятельство, что изъ-подъ

полу въ скважины пола сильно дуетъ. Таково неприглядное гигиеническое состояніе пріюта; но, зная неприхотливость нашихъ крестьянъ и ихъ убогую домашнюю обстановку, скоро миришься и съ данной обстановкой.

На вопросъ мой, какъ относятся къ устройству пріюта и столовой крестьяне и ихъ дѣти? сторожиха отвѣчала, что «дѣтей первое время было не накормить, такъ что 3 ведеръ киселя въ день было мало; а потомъ, когда онѣ позаѣлись, стало ужъ кушанья оставаться».

Учительница на этотъ же вопросъ отвѣтила, что крестьяне и дѣти очень довольны пріютомъ, а особенно столовой. «Что, намъ теперь? —жить!» говорятъ они «добрые люди и выучатъ и выкормятъ нашихъ дѣтей, такъ что и не увидишь, какъ онѣ выростутъ! Одного только боюсь,—добавила она,—еще половина лѣта (15 Іюля), а ужъ со всѣхъ окружныхъ деревень приходятъ бабы съ просьбами принять въ школу ихъ ребятъ.» Дѣйствительно, до устройства пріюта въ школѣ училось 40 чел., съ устройствомъ пріюта число ихъ увеличилось до 75 чел.; а теперь при столовой, я нисколько не ошибусь, если скажу, что число это удвоится; разумѣется, если столовая будетъ существовать.

На вопросъ мой: «почему такъ много учащихся (иногда 60 чел.) пользовалось столовой, учительница отвѣчала:

— «Такъ распорядился попечитель школы. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: если ученикъ садится за столъ, значить, онъ не надѣется на домашніе харчи и нуждается въ пищѣ».

Здѣсь позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе. Учительница, завѣдующая въ пріютѣ хозяйствомъ, получаетъ учительскаго жалованья всего 5 рублей въ мѣсяцъ, да и эту-то сумму получаетъ неаккуратно: въ Іюль мѣсяцъ не было получено изъ Управы за пѣцыхъ 7 мѣсяцевъ. За хлопоты по хозяйству, конечно, ничего не полагается. Вотъ и живи, какъ знаешь!

Принимая во вниманіе тѣ благіе результаты, какіе дало устройство столовой при Левочскомъ пріютѣ, желательно было-бы, чтобы Петербургскій Комитетъ Грамотности не оставилъ безъ помощи этотъ пріютъ и на будущее время. Если Комитетъ Грамотности откажется ему помогать (чего не дай Богъ!) то дѣти въ данномъ пріютѣ останутся опять въ томъ же плачевномъ состояніи, въ какомъ были до устройства столовой. Будемъ надѣяться, что опасеніе наше напрасно!

Затѣмъ, такъ какъ число школьныхъ пріютовъ недостаточно, то желательно было-бы, чтобы при всѣхъ школахъ, въ которыхъ обучаются имѣющія отдаленное мѣстожительство дѣти, устроены были пріюты, и, наконецъ, чтобы при всѣхъ пріютахъ устроены были даровыя столовыя. Для этого, какъ видно изъ отчета, не нужно [большихъ средствъ (всего 109 р. 20 коп., на содержаніе 40 человекъ въ годъ) нужно только желаніе и стараніе помочь нуждающимся. Средства эти могутъ найтись, даже навѣрно найдутся, если поискать: у приходскихъ попечительствъ, у волостей, у земствъ и т. п.

Но, конечно, на первомъ планѣ должно быть устройство самыхъ школъ.

М. Синозерскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Популярно-научныя книги, учебныя и др.

Л. Майковъ. «Историко-литературныя очерки». Спб. 1895.

Нельзя не встрѣтить самымъ искреннимъ привѣтомъ появленіе книги, которую выпустилъ недавно въ свѣтъ нашъ извѣстный ученый Л. Н. Майковъ. Очень рѣдко наши присяжные ученые выходятъ со своими трудами такъ сказать, къ «народу», т. е. къ той массѣ интеллигентныхъ читателей, которая у насъ съ каждымъ днемъ расширяетъ область своихъ духовныхъ потребностей и удовлетворенія ихъ требуетъ все громче, все настойчивѣе...

А что дѣлается для этого удовлетворенія? Очень немного. Возьмемъ хотя-бы интересы историко-литературныя; они, бесспорно, имѣются у нашей публики и сознаются ею живо, а, между тѣмъ, они у насъ не удовлетворяются, а чаще всего кое какъ «заглушаются» мелкими статейками, писанными на скорую руку людьми зачастую несвѣдущими или мало свѣдущими.

Вотъ почему надо всегда отъ всей души привѣтствовать всякую статью серьезнаго ученаго, написанную для обыкновенныхъ читателей. При бѣдности нашей научной популярной литературы такія статьи являются настоящимъ вкладомъ, и остается только отъ души пожалѣть, что наши ученые частенько забываютъ о существованіи у насъ серьезной публики.

Свою новую книгу «Историко-литературныя очерки» Л. Н. Майковъ, очевидно, предназначаетъ именно для этихъ «обыкновенныхъ» читателей, такъ какъ онъ даетъ въ своей книгѣ рядъ очерковъ, появившихся въ печати въ первый разъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, или въ видѣ журнальныхъ статей, или напечатанными въ изданіяхъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Такимъ образомъ, люди, специально посвятившіе себя изученію русской литературы и ревниво слѣдящіе за каждой новинкой въ интересующей ихъ области, въ свое время уже познакомились съ работами Л. Н. Майкова. Извлеки-же изъ малораспространенныхъ въ публикѣ академическихъ изданій тѣ изъ своихъ работъ, за которыми нашъ почтенный ученый признавалъ общій интересъ, онъ принесетъ своей книгой несомнѣнную пользу русскому обществу. Къ такимъ работамъ, печатающимся или въ извлеченіи, или съ нѣкоторыми дополненіями, но, во всякомъ случаѣ, уже не въ первый разъ, относятся, между прочимъ, слѣдующія: 1) «Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ» (1 стр.), 2) «Поэзія Жуковскаго»

(51 стр.), 3) «Характеристика Батюшкова, какъ поэта (69 стр.), 4) «Памяти Плетнева» (266 стр.) 5) «А. А. Феть» (304 стр.).

Но, кромѣ этихъ статей, въ книгѣ Л. Н. Майкова встрѣчаемъ рядъ статей другого характера: цѣлый рядъ интересныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина, съ комментаріями въ высшей степени любопытными; всѣ эти статьи будутъ прочтены съ живымъ интересомъ. Къ нимъ относятся: 1) «Бессарабскія воспоминанія Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ» (86 стр.), 2) «Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ» (130 стр.), 3) «Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ» (153 стр.), 4) «О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 г.» (223 стр.), 5) «Пушкинъ и Даль» (242 стр.) и 6) «О стихотвореніяхъ Пушкина «Туча» и «Аквилонъ» (259 стр.). Они, повторяемъ, будутъ прочтены съ интересомъ, но, конечно, читатель не вынесетъ изъ нихъ того, боѣе или менѣе, цѣльнаго впечатлѣнія, какое получается отъ чтенія, главнымъ образомъ, первыхъ 3-хъ статей. Лицамъ, хорошо знакомымъ съ подробной біографіей Пушкина, разумѣется, всѣ эти отрывочныя данныя представлятъ глубокой интересъ, но для простаго читателя былъ-бы полезнѣе цѣльный очеркъ біографіи Пушкина.

Наконецъ, о двухъ статьяхъ, «Пушкинъ о Батюшковѣ» (190 стр.) и «Малорусскій Титъ Ливій» (273 стр.), приходится сказать, что они, на нашъ взглядъ, пожалуй, и неумѣстны въ книгѣ, которая начинается дѣйствительно общинтересными характеристиками Крылова, Жуковскаго и Батюшкова. Первая статья—«Пушкинъ о Батюшковѣ» представляетъ изъ себя собраніе характерныхъ лаконическихъ отзвонъ Пушкина объ отдѣльныхъ стихахъ Батюшкова, написанныхъ великимъ поэтомъ на поляхъ принадлежавшаго ему экземпляра стихотвореній Батюшкова. Собраніе этихъ отзвонъ, безусловно очень цѣнно для специалиста.

Во второй статьѣ 'подробно разобранъ вопросъ объ авторѣ «Исторіи Руссовъ», сочиненія, надѣлавшаго въ свое время много шума, но представляющаго интересъ оиать-таки только для специалиста; поэтому подробно разбирать вопросъ о томъ, кто былъ авторомъ этого сочиненія, въ книгѣ, которой суждено широкое распространеніе въ массѣ общества, пожалуй, было и напраснымъ трудомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что статьи, собранныя Л. Н. Майковымъ въ его «Историко-литературныхъ очеркахъ» неоднородны по своему содержанию и потому не представляютъ одинаковаго интереса для всѣхъ. Мы предпочли-бы встрѣтить въ книгѣ нашего почтеннаго ученаго наряду съ характеристиками Крылова, Жуковскаго и Батюшкова также и характеристики и другихъ нашихъ писателей, напр. Карамзина и Пушкина.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній намъ остается высказать нѣсколько соображеній уже частнаго характера.

Въ первомъ очеркѣ, намъ кажется, было-бы не лишнимъ «хоть нѣсколько словъ сказать о томъ обществѣ, на судъ котораго выступалъ Крыловъ со своими первыми произведеніями. Если-бы это было сдѣлано, намъ стала-бы вполнѣ понятной явная неудача всей первой половины дѣятельности Крылова; тогда намъ объяснились-бы и многія черты его нравственной фізіономіи, которыя теперь остаются загадкой. Вообще, намъ кажется, характеристики писателей всегда надо начинать именно съ характеристики современ-

наго имъ общества; въ особенности-же это необходимо при оцѣнкѣ Крылова: біографическихъ данныхъ о немъ почти не осталось, а лучшія произведенія его въ такой мѣрѣ объективны, что отъ нихъ ждать уясненія жизни писателя и среды, въ которой онъ дѣйствовалъ, не приходится.

Не мѣшало-бы также подчеркнуть вліяніе западной литературы на дѣятельность Крылова. Въ первомъ періодѣ вліяніе это сказывается въ болѣе замѣтной формѣ, потому что тогда оно не было еще въ такой степени ослаблено могучимъ давленіемъ народности, какъ во второмъ періодѣ. На комедіи Крылова было несомнѣнное вліяніе Мольера, а сатирическіе журналы, явленіе вообще въ нашей литературѣ несамостоятельное, навѣрное, отразили на себѣ вліяніе иноземное; по крайней мѣрѣ, «письма *силъфовъ*», по самому названію обличаютъ свое не русское происхожденіе.

Наконецъ, въ біографіи Крылова мы обратимъ вниманіе на *бѣдность*, почти нищету, юности Крылова,—фактъ, на который указываютъ всѣ авторы Крыловскихъ біографій, (также и Л. Н. Майковъ), но котораго ни одинъ изъ нихъ настоящимъ образомъ не оцѣниваетъ; между тѣмъ, именно бѣдностью объясняется многое въ личной и литературной жизни Крылова. Всѣхъ его современниковъ-литераторовъ (Карамзина, Дмитріева, Жуковского, Батюшкова) судьба въ большей или меньшей степени баловала,—одного Крылова она ломала, всегда заставляла сводить съ жизнью счеы, всегда приковывала его къ землѣ съ ея житейской сутолокою... Эта трудная борьба дала Крылову много дурнаго, но, конечно, больше хорошаго. Она развила въ немъ болѣзненное самолюбіе, не гнушавшееся мелкой мести и зависти, она сдѣлала его человекомъ «себѣ на умѣ» и себядлюбивымъ,—но изъ этой-же борьбы вынесъ онъ и тотъ богатый запасъ практическаго смысла, которымъ глубоко проникнуты его басни, то удивительное знаніе жизни, которое въ нашихъ глазахъ дѣлаетъ его однимъ изъ лучшихъ нашихъ реалистовъ, предшественникомъ Гоголя; наконецъ, это-же матеріальное плебейство обусловило и то обособленное положеніе, какое занималъ въ средѣ своихъ современниковъ Крыловъ, какъ человекъ и какъ писатель.

Слѣдующій очеркъ, посвященный поэзіи Жуковского, представляетъ сжатую, но, тѣмъ не менѣе, полную характеристику этой поэзіи. Намъ удивляетъ только упрекъ, высказанный Л. Н. Майковымъ въ началѣ очерка по адресу современнаго общества, которое «перестаетъ читать» Жуковского, знаетъ его «больше изъ учебниковъ и хрестоматій, чѣмъ изъ собранія его сочиненій». «Мы вѣримъ, прибавляетъ Л. Н. Майковъ, что это явленіе проходящее» (стр. 52)... Мы-же со своей стороны искренне сомнѣваемся, что «наше потомство» въ чтеніи Жуковского будетъ находить болѣе интереса, чѣмъ наше поколѣніе: время беретъ свое!

Другое наше соображеніе касается того факта въ жизни Жуковского, которому всѣ біографы поэта (въ томъ числѣ и Л. Н. Майковъ) приписываютъ громадное вліяніе на его поэзію,—именно любви его къ племянницѣ. Поэтъ глубоко субъективный, «пѣвецъ личнаго чувства», Жуковскій своей лирикой представляетъ большой соблазнъ для біографовъ: вѣдь, какъ легко набросать обликъ поэта по его лирическимъ произведеніямъ! И обыкновенно этимъ матеріаломъ всѣ усердно пользуются: говорятъ-ли о самомъ Жуковскомъ,—сейчасъ-же рядъ выписокъ изъ его лирическихъ стиховъ, говорятъ-ли объ исторіи его любви,—цѣлая исторія любви оказывается въ стихахъ! А въ

результатъ передъ нами не живой человѣкъ, не тотъ Жуковскій, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ въ жизни, а изображеніе пѣвца Улада, героя «Марьиной Роши»!

Конечно, лирическія произведенія даютъ намъ представленіе о той возвышенной сторонѣ духовной жизни поэта, которая особенно дорога ему, которой онъ обязанъ высокими минутами вдохновенія, но нельзя увлекаться этимъ матеріаломъ, чтобы не впасть въ односторонность.

Поэтъ съ возвышенной душой, съ идеальными порывами, Жуковскій въ обыденной жизни былъ простымъ сердечнымъ человѣкомъ; если въ уединеніи онъ не прочь былъ отдаться чувству мечтательной тихой грусти, той «меланхоліи», которая въ его время считалась необходимымъ качествомъ поэтической души, и которая у него была, дѣйствительно, искренняя,—то въ обществѣ поэтъ не прочь былъ позабыть свою «меланхолю», не прочь былъ подурачиться, посмѣяться въ волю и посмѣшить другихъ... Его теплое сердце всегда жило потребностью любви, всегда искало привѣта,—оттого такъ сердечно относился онъ къ людямъ, оттого такъ привязывались къ нему всѣ, кто его узнавалъ... Онъ «любилъ» уже до своей «любви» къ малолѣтней племянницѣ и всегда «любилъ» до самой своей смерти... Это была та «идеальная любовь», которой живутъ только поэты-идеалисты, та «любовь безъ объекта», если смѣемъ такъ выразиться, которою дарятъ они въ своемъ поэтическомъ ослѣпленіи часто женщинъ недостойныхъ ея... Мы думаемъ, что и Протасова не была достойна этой любви, такъ какъ всѣ біографы Жуковского повторяютъ, что она вышла замужъ за Мойера «просто по соображеніямъ благоразумія». И, право, Жуковскій ничего отъ этого не потерялъ: онъ любилъ не *Марію Андреевну*, а свой «идеаль»; его разлюбить онъ не могъ, и, если послѣ своей неудачи, въ уединеніи, Жуковскій, быть можетъ, и чаще прежняго предавался «меланхоліи», то въ кругу друзей онъ былъ все тѣмъ-же привѣтливымъ и веселымъ собесѣдникомъ. Припомнимъ веселыя шумныя засѣданія Арзамаса послѣ пріѣзда поэта изъ Дерпта, не будемъ обходить молчаніемъ Долбинскихъ стихотвореній съ ихъ игривымъ содержаніемъ, написанныхъ послѣ категорическаго отказа со стороны матери Маріи Андреевны! Еще Бѣлинскій съ его удивительной чуткостью, не зная хорошо біографіи Жуковского, замѣтилъ слѣдующее: «любовь играетъ главную роль въ поэзіи Жуковского. Какой-же характеръ этой любви? въ чемъ ея сущность?—Сколько мы понимаемъ, это не любовь, а скорѣе *потребность, жажда любви, стремленіе къ любви*, и потому любовь въ поэзіи Жуковского—какое-то неопредѣленное чувство. Это—

«Унынія прелесть, волненье надежды,
«И радость и трепетъ при встрѣчѣ очей,
«Ласкающій голось—души восхищенье,
«Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
«Присутствія радость, томленье разлуки.

Скажутъ: все это несомнѣнныя примѣты, общіе признаки любви. Согласны; но потому-то и видимъ мы въ этомъ неопредѣленность, что это слишкомъ общія примѣты»... и т. д. (Бѣлинскій VIII, 205).

Въ самомъ дѣлѣ, если мы откажемся отъ предвзятой точки зрѣнія, развѣ

мы найдемъ живое чувство горя въ стихахъ *), постоянно приводимыхъ въ біографіи Жуковскаго:

«Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
«На ихъ любовь, на счастье двухъ сердець.
«Разстаньтеся!» роковое слово
«Сказалъ онъ наконецъ.
«Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
«И не одной нѣтъ силы побѣдить...
«Какъ не признать отцовской власти?
«Но какъ-же не любить?»

Развѣ смерть горячо любимаго *человѣка* можетъ вызвать такія холодныя, хотя и красивыя строки какъ, наприимѣръ, слѣдующія:

«Ты предо мною
«Стояла тихо,
«Твой взоръ унылый
«Былъ полонъ чувствъ!
«Онъ мнѣ напомнилъ
«О миломъ прошломъ;
«Онъ былъ послѣдній
«На здѣшнемъ свѣтѣ.
«Ты удалилась,
«Какъ тихій ангелъ;
«Твоя могила
«Какъ рай спокойна.
«Тамъ всѣ земныя
«Воспоминанья,
«Тамъ всѣ святыя
«О небѣ мысли.
«Звѣзды небесъ!
«Тихая ночь!

Повторяемъ, любовь Жуковскаго была «любовь безъ—объекта», любовь не къ живому челоѣку, называвшемуся М. А. Протасовой, а къ идеалу! Если стать на нашу точку зрѣнія, то «событіе... не совсѣмъ понятное съ психологической точки зрѣнія» (Ист. лит. Очерки 66), занимавшее всѣхъ біографовъ Жуковскаго, бракъ его, объяснится самымъ благополучнымъ образомъ: никакой измѣны памяти Маріи Андреевны здѣсь не было, такъ какъ и любви въ общепринятомъ смыслѣ къ Маріи Андреевнѣ, какъ къ *женщинѣ* не было; «идеальная-же любовь» осталась при Жуковскомъ и послѣ смерти Маріи Андреевны и послѣ «непонятнаго» брака... Съ лѣтами, конечно, она все гасла, какъ гаснутъ всѣ челоѣческія способности...

Значеніе Батюшкова, какъ поэта, Л. Н. Майковъ, кажется намъ, немного преувеличиваетъ. Поезія его была въ нашей литературѣ явленіемъ заноснымъ; на нашъ Парнассъ залетѣла она какъ-то случайно... И въ этой случайности, намъ кажется, надо искать объясненія нѣкоторыхъ особенностей его дѣятельности. Тогда, какъ Крылову вполне удалось переродить басни Лафонтена въ произведенія чисто русскія по своему духу и упрочить за собой безсмертіе,—Батюшкову, поэту, безспорно талантливому, оказалось это не подъ силу. Онъ былъ пѣвцомъ субъективнаго чувства, а такіе пѣвцы,

*) Вообще и самое сочиненіе такихъ стиховъ въ минуту отчаянья кажется намъ невозможнымъ.

разъ они не обладаютъ широкимъ талантомъ; оказываются не въ состояніи выбиться изъ рамокъ своей личности и остаются безъ большаго значенія для общества и исторіи. Субъективизмъ Жуковскаго былъ не такъ глубокъ и къ тому-же выше по своимъ нравственнымъ идеаламъ; кромѣ того, Жуковский имѣлъ за собой общество, воспитанное Карамзинымъ,—Батюшковъ-же не имѣлъ среды; если его талантъ и оцѣненъ Пушкинымъ, то современниками былъ онъ встрѣченъ вообще холодно. Нервно-больной, болѣзненно честолюбивый, навѣрно, онъ страдалъ, очень сильно: это отразилось на его поэзіи, которая получила *болѣзненный* характеръ. Последнимъ произведеніемъ Батюшкова было извѣстное стихотвореніе:

«Ты помнишь, что изрекъ,
«Прощаясь съ жизнью, сѣдой Мельхиседекъ?»
«Рабомъ родится человекъ,
«Рабомъ въ могилу сляжетъ
«И смерть ему едва-ли скажетъ.
«Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
«Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ!»

Такое характерное окончаніе литературной дѣятельности, такой итогъ поэтической жизни, подведенный самимъ поэтомъ, кажется намъ, стоитъ особеннаго вниманія, и помогаетъ изслѣдователю стать на настоящую точку зрѣнія по отношенію къ Батюшкову и его дѣятельности.

В. В. С.

Русская исторія (въ связи съ исторіей великаго Княжества Литовскаго). Курсъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ Ар. Турцевичъ, преподаватель Виленской I гимназій. Вильна, 1894 г., стр. X 147, ц. 50 коп. Одобрено ученымъ комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія, какъ руководство для III классовъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Учебникъ г. Турцевича составленъ, какъ сказано въ предисловіи, преимущественно къ программѣ гимназій М. Н. Пр. 1890 г. и представляетъ краткій курсъ русской исторіи «въ связномъ изложеніи и хронологической послѣдовательности». Для иллюстраціи болѣе существенныхъ частей курса и установленія между ними прагматической связи приводится въ учебникѣ цѣлый рядъ статей второстепенной важности, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, предназначенныхъ для прочтенія. Нѣкоторое исключеніе слѣдовало бы сдѣлать, по мнѣнію составителя, въ этомъ отношеніи только для статей по западнорусской исторіи, «которая въ курсѣ средней школы имѣетъ такое же важное значеніе, какъ и сѣвернорусская исторія». Выражая далѣе сожалѣніе, что составители учебниковъ русской исторіи все свое вниманіе обращаютъ только на сѣверо-восточную Русь, о западной же даютъ, по словамъ Г. Т. «самыя неполныя и поверхностныя свѣдѣнія», составитель говоритъ, что его учебникъ имѣетъ цѣлью дать болѣе полное изложеніе исторіи Литвы и западной Руси учащимся младшаго возраста.

Такимъ образомъ, самъ составитель указываетъ на то, что главное отличіе его учебника отъ общеупотребительныхъ состоитъ въ болѣе полномъ изложеніи исторіи Литвы и западной Руси и предназначается для младшаго возраста. Къ сожалѣнію, именно та часть учебника, на которую, судя по

предисловію, составитель долженъ былъ обратить особенное вниманіе далеко не удовлетворяетъ намѣченной имъ цѣли, особенно для младшаго возраста.

Параграфы о Западной Россіи, Литвѣ и Польшѣ или переполнены фактическими и хронологическими подробностями, неумѣстными въ учебникѣ, особенно для младшаго возраста, или касаются вопросовъ внутренняго устройства государства, недоступныхъ пониманію учащихся младшаго возраста. Для доказательства укажемъ на слѣдующія мѣста учебника: на стр. 37 упоминается, что Миндовгъ владѣлъ первоначально Керновскою волостью (въ нынѣшнемъ Трокскомъ уѣздѣ), говорится о побѣдѣ его надъ Ливонскимъ орденомъ на р. Дурбѣ, приводятся имена мелкихъ Литовскихъ Князей, Тренята, Товтавилъ; на стр. 38 рассказывается о смутахъ въ Литвѣ послѣ Миндовга; на стр. 39 въ числѣ русскихъ земель, присоединенныхъ къ Литовскому Княжеству упоминается Берестейская земля, Княжества Пинское, Туровское и другія мелкія; на стр. 42, 43 приводятся незначительныя фактическія и хронологическія данныя изъ исторіи введенія Христіанства въ Литвѣ; на стр. 44 перечислены города, уступленные Витовту Ягайло; на стр. 44—46 подробности изъ исторіи Польши до XIV вѣка, на стр. 95 и слѣд. подробности изъ исторіи борьбы Хмельницкаго съ поляками и войнѣ Россіи съ Польшей за Малороссію. Какъ примѣры мѣстъ учебника, недоступныхъ пониманію учащихся младшаго возраста, укажемъ на стр. 47 условія Городельской Уніи при Витовтѣ, стр. 74—75, условія Люблинской Уніи и параграфъ о преслѣдованіи православія, стр. 76—85; крестьяне въ западной Руси, Малороссійскіе казаки, стр. 117 и слѣд. внутреннее состояніе Польши въ концѣ XVIII вѣка, первый раздѣлъ Польши, стр. 135, воссоединеніе униатовъ и нѣкоторыя другія.

Исторія русскаго государства не отличается ни въ отношеніи достоинствъ, ни въ отношеніи недостатковъ отъ общеупотребительныхъ учебниковъ русскої исторіи для младшаго возраста. Достойно сожалѣнія въ особенности то обстоятельство, что Г. Т. и въ эту часть включилъ изложеніе такихъ фактовъ внутренняго устройства государства, которымъ не мѣсто въ учебникѣ начальномъ русской исторіи и изложилъ ихъ притомъ крайне неясно, а иной разъ только обозначилъ ихъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Таковы, напр., стр. 61—реформы Іоанна Грознаго, 66 стр.—опричина и земщина, 89 ст.—составленіе Соборнаго Уложенія, ст. 106—109 реформы Петра Великаго, ст. 112—реформы Екатерины II, ст. 124—внутренняя дѣятельность Александра I, ст. 132—составленіе свода законовъ Россійской Имперіи, ст. 138—преобразования Императора Александра II.

Изложеніе въ общемъ можно назвать удовлетворительнымъ, хотя весьма желательно, чтобы въ учебникахъ, особенно предназначенныхъ для младшаго возраста, изложеніе было не только удовлетворительно, но отличалось бы ясностью, точностью, хорошимъ слогомъ.

Если предъявлять такія требованія къ учебникамъ по отношенію изложенія, то въ учебникѣ Г. Т. можно указать достаточное количество мѣстъ, не отличающихся ясностью, точностью, а иногда и требующихъ исправленія въ отношеніи языка. Для примѣра можно указать на слѣд. стр. 50. Олегъ вытасилъ суда на сушу и сталъ воевать около города: дворцы были раззорены, церкви сожжены и множество грековъ избиты; стр. 51 Дмитрій, подобно своему дѣду, началъ собирать русскую землю; стр. 55 Новгородъ по-

степенно усиливался и въ XIII в. сдѣлался самостоятельною общиною; стр. 59. Бояре во время малолѣтства Иоанна IV постоянно дрались и ссорились между собою за власть; стр. 67 южная граница русскаго государства, подвергавшагося частымъ нападеніямъ татаръ, требовала военнаго населенія, которое было-бы готово во всякое время отражать врага. Такое населеніе тамъ, дѣйствительно, явилось и стало извѣстнымъ подъ названіемъ казаковъ; стр. 93. Гетманъ Хмельницкій достигъ тогда наибольшей славы и имѣлъ видъ какъ бы государя или независимаго князя; стр. 126 про нашествіе Наполеона, казалось, настала конецъ Россіи; стр. 134 Александръ I возстановилъ Польшу подъ именемъ Царства Польскаго въ видѣ самостоятельнаго государства и т. под. на стр. 18, 51, 52, 61, 64, 69, 70, 71, 76, 78, 106, 108, 109, 114, 116, 117, 121, 125, 132, 139.

Вл. Федоровъ.

Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи. К. Д. Ушинскій. Спб., 1894 г., ц. 10 коп.

Настоящая брошюрка есть извлеченіе изъ «Собранія педагогическихъ сочиненій» того же автора и представляетъ собою могучую проповѣдь въ пользу свободнаго и разумнаго труда, какъ необходимаго условія физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія человѣка. Авторъ говоритъ, что «трудъ долженъ быть поставленъ во главѣ двухъ другихъ содѣятелей человѣческаго богатства—природы и капитала,—а не рядомъ съ ними; ибо безъ труда природнаго богатства и обилія капиталовъ оказываетъ гибельное вліяніе не только на умственное и нравственное развитіе людей, но даже и на ихъ матеріальное благосостояніе». Особенно настойчиво проводитъ Ушинскій ту мысль, что «внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности, и счастья». Однако, такое высокое значеніе имѣетъ только свободный и разумный трудъ, п. ч. только такой трудъ способствуетъ развитію какъ тѣла, такъ и души человѣка, и приноситъ ему счастье; трудъ подневольный разрушаетъ человѣческую личность и низводитъ ее на степень животнаго.—Написана книжечка очень живо, простымъ, но сильнымъ и убѣдительнымъ языкомъ; положенія автора подтверждаются множествомъ примѣровъ, взятыхъ изъ исторіи и изъ окружающей насъ обыденной жизни. Прочестъ такую книжечку полезно рѣшительно всякому, юношеству же, которое особенно чутко внимаешь добрымъ и честнымъ призывамъ, и тѣмъ болѣе. Желаемъ ей самого широкаго распространенія.

Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Г. Парвилъ. Переводъ подъ редакцію и съ предисловіемъ профессора С.-Петербургскаго Университета С. П. фонъ-Глазенапа. Изданіе П. П. Сойкина («Полезная бібліотека») СПб. 1894 г. 104 стр. съ 20 рисунками и чертежами. Ц. 50 коп.

Руководства въ вопросахъ и отвѣтахъ были въ большомъ ходу въ XVII вѣкѣ; современная же методика предпочитаетъ этому приему связанный, систематичный рассказъ. Данный приемъ умѣстенъ и полезенъ въ повторительныхъ курсахъ, предназначаемыхъ для заучиванія наизусть того, что слѣдуетъ заучить наизусть,—формулъ, точныхъ опредѣленій и пр. Книжка Парвилля вовсе

не имѣть этой цѣли, а предназначается для людей совсѣмъ незнакомыхъ съ астрономією. Предлагаемые ею отвѣты далеко не отличаются точною формулировкой и почти вездѣ выходятъ изъ сферы вопроса. Какъ примѣръ неточныхъ отвѣтовъ укажемъ на стр. 38. Вопросъ: Что такое земля? Отвѣтъ: Земля есть планета; планетою же называется всякое темное тѣло, болѣе или менѣе плотное, не имѣющее собственнаго свѣта, а освѣщаемое какимъ нибудь солнцемъ. Между тѣмъ на стр. 64, на вопросъ: Что такое планеты?, дано совсѣмъ иное опредѣленіе:—Тѣла, подобныя землѣ или лунѣ, которыя также обращаются вокругъ солнца, описывая эллиптическія орбиты. Независимо отъ этого, книжка наполнена несообразностями, которыхъ нельзя было и предположить въ трудѣ, редактированномъ профессоромъ астрономіи. Что сказать, напримѣръ, о рисункѣ, изображающемъ «солнечное затменіе на лунѣ» (стр. 63)? Несообразностями переполнены спеціальныя статьи о планетахъ, переполнены разными соображеніями автора о томъ, что есть на планетахъ,—соображеніями; противорѣчащими всякой логикѣ. Ограничимся однимъ примѣромъ. На стр. 73 авторъ увѣряетъ, что «спутники Марса должны свѣтиться очень слабымъ свѣтомъ на его небѣ и производить очень незначительныя затменія солнца»—тогда какъ поверхность одного изъ этихъ спутниковъ почти равна половинѣ поверхности Африки и при весьма близкомъ разстояніи отъ Марса должна имѣть, конечно, громадную угловую величину. Страдаютъ и прямыя научныя данныя. Напр., на стр. 93 объяснено, что падающія звѣзды загораются вслѣдствіе превращенія движенія въ теплоту и вслѣдствіе тренія о частицы воздуха. Не говоря о томъ, что треніе есть условіе превращенія движенія въ теплоту и несоединимо съ нимъ союзомъ «и», причину нагрѣванія падающ. звѣздъ давно ужъ считаютъ не треніе, а сжатіе воздуха.

Упомянутыя качества разбираемой книжки заставляютъ насъ лишь выразить сожалѣніе о томъ, что она можетъ найти себѣ читателей, благодаря проф. фонъ-Глазенау, имѣвшему неосторожность выставить на ней свое имя. Способъ ея изложенія и мертвенный языкъ не только не возбуждаютъ въ читателяхъ охоты къ дальнѣйшему изученію астрономіи и къ сооруженію телескоповъ и обсерваторій, какъ надѣется почтенный профессоръ, но способны уничтожить эту охоту и въ тѣхъ, кто ее имѣлъ.

Что касается изданія, то оно вполне прилично, но цѣна высока.

Научныя развлеченія. (съ 104 рисунками). Составилъ д-ръ В. Буринскій, Изданіе П. П. Сойкина «Полезная Библиотека». 1894 г. $\frac{1}{16}$, 125 стр. цѣна 50 коп.

Эта маленькая книжечка содержитъ описаніе 103 опытовъ по различнымъ отдѣламъ физики. Большинство опытовъ иллюстрируются такія физическія явленія, которыя для человѣка, незнакомаго съ физикою, должны казаться парадоксальными, какъ, напр., автоматическое поднятіе круглыхъ предметовъ по наклонной плоскости, устойчивое равновѣсіе предметовъ въ необычномъ положеніи и т. д.

Это обстоятельство придаетъ научнымъ, по существу, опытамъ характеръ фокусовъ, но фокусовъ очень интересныхъ. Очевидно, впрочемъ, что самъ авторъ придавалъ такое-же значеніе излагаемымъ опытамъ и не считалъ нужнымъ приводить нужныя объясненія описываемыхъ имъ явленій.

Даже и тѣ немногія объясненія, которыя онъ приводитъ для нѣкоторыхъ опытовъ, къ сожалѣнію, не всегда правильны. (Напр., на стр. 11—сохраненіе плоскости качанія маятника, на стр. 14 и 15—разница въ скорости вращенія сырого и варенаго яйца, на стр. 44 смерзаніе льда и т. д.). Впрочемъ, несмотря на нѣкоторыя частныя недостатки въ этомъ отношеніи, книжка не только даетъ много матеріала для развлечения, но можетъ также служить и хорошимъ пособіемъ для производства серьезныхъ опытовъ при прохожденіи начальнаго курса физики. Въ этомъ отношеніи книжка можетъ имѣть довольно важное значеніе. Съ одной стороны, является возможность произвести значительное число опытовъ средствами, которыя находятся подъ рукой въ каждой квартирѣ (какъ вилки, пробки, булавки, рюмки, подносы и т. д.); съ другой же стороны, сама простота приспособленій для опытовъ убѣждаетъ въ томъ, что явленія, изучаемыя физикой, не составляютъ собой какого-то особаго научнаго міра, являясь только результатомъ дѣйствія особыхъ хитрыхъ и дорогихъ приборовъ, но что это и есть именно тѣ явленія, которыя на каждомъ шагѣ наблюдаются въ обыденной жизни.

Начальный учебникъ французскаго языка для семьи и школы. (Не для самообученія). Метода Гуссэна и Лангеншейдта. Приспособилъ для русскихъ А. Рѣдкинъ. Цѣна 75 коп.

Методъ Гуссэна и Лангеншейдта, самъ по себѣ, можетъ быть, и хорошъ, но и онъ не помогъ составителю названной книжки создать что либо маломальски соответствующее избранной имъ цѣли: судя по предисловію, онъ желалъ составить руководство для начальныхъ занятій французскимъ языкомъ съ маленькими дѣтьми, дабы облегчить имъ изученіе этого языка въ среднемъ учебномъ заведеніи. Но, вѣроятно, самъ составитель, вообще, никогда не занимался съ маленькими дѣтьми, а, особенно, начатками чуждаго имъ языка: иначе, чѣмъ объяснить это непомѣрное, для дѣтскаго ума, скопленіе правилъ въ одномъ параграфѣ? И на чемъ-же должны изучаться эти правила и усваиваться эти трудности? На цѣломъ рядѣ безжизненныхъ, почти бессмысленныхъ фразъ. Можно искренне пожалѣть тѣхъ дѣтей, которыхъ заставляютъ за книгу г-на Рѣдкина, особенно если принять во вниманіе, что и самъ учитель ихъ будетъ не свѣдущъ во французскомъ языкѣ: вѣдь; именно таковымъ назначаетъ составитель свою книгу и,—надо надѣяться, всякій иной учитель самъ не пожелаетъ пользоваться ею.

Б. Книги для чтенія дѣтей.

Сказка о Щелкунчикѣ и Мышинномъ Королѣ. Переводъ Журавской, Рисунки Т. И. Никитина. Спб., изд. М. М. Ледерле. 1894 г., 100 стр. ц. 1 р. 20 к.

Сказка Гофмана о «Щелкунчикѣ» пользуется слишкомъ большою извѣстностью, чтобы стоило распространяться о содержаніи ея. Полное отсутствіе тенденціи, любовное отношеніе къ дѣтямъ наравнѣ съ тонкимъ знаніемъ дѣтской души, живость изложенія, а, главное, необыкновенная яркость фантазіи, художественная смѣсь обыденнаго съ чудеснымъ и сверхъестественнымъ,—все это придаетъ сказкѣ нѣмецкаго романтика такую жизненность

и свѣжесть, на которой не скоро еще отразится вліяніе времени. Въ переводѣ это произведеніе теряетъ нѣкоторую долю своей прелести, тѣмъ не менѣе является очень желательнымъ въ любой дѣтской библіотекѣ.

Въ новомъ изданіи М. М. Ледерле и К° сказка эта появляется цѣликомъ. Переводъ сдѣланъ добросовѣстно, хорошимъ языкомъ. Рисунки, бумага, печать,—все это вполне удовлетворительно. Тѣмъ не менѣе цѣна (1 р. 20 к.) слишкомъ высока для книги въ 100 стр., хотя бы и въ роскошномъ переплетѣ, безъ котораго, къ сожалѣнію, книга не продается.

Сказки русскаго народа. «Иллюстрированная библіотека Крестнаго календаря». Текстъ подъ редакціей В. А. Гатцука. Рисунки художниковъ И. А. Богатова, Г. Дорэ и др. Москва. 1894 г.

Все изданіе расчитано на 20 выпусковъ, свыше 640 стр. Цѣна каждаго выпуска 25 к., съ пересылкой 30 к.

Для составленія «Полнаго сборника сказокъ русскаго народа», редакція пользовалась ненапечатанными матеріалами покойнаго А. А. Гатцука и проф. О. М. Бодянскаго и, между прочимъ, различными изданіями сказокъ, пѣсенъ, пословицъ и преданій различныхъ славянскихъ племенъ. Въ составъ первыхъ четырехъ разсматриваемыхъ выпусковъ вошли 24 народныхъ сказки.

Въ общемъ сборникъ представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу. Но еслибы онъ предназначался для дѣтей, то издателю можно было бы сдѣлать упрекъ за помѣщеніе такихъ сказокъ, какъ Хитрая наука, Знахарь, Солдатъ и Смерть и подобныхъ имъ. Всѣ они построены на надувательствѣ и др. порокахъ, что дѣлаетъ ихъ неудобными въ дѣтскомъ чтеніи, хотя въ рукахъ толковаго руководителя сборникъ дастъ хорошій матеріалъ и для этой цѣли.

Сказки изложены прекраснымъ народнымъ языкомъ, коротко, просто и ясно и снабжены художественно-выполненными рисунками. Съ внѣшней стороны изданіе также не заставляетъ желать ничего лучшаго. Цѣна его умѣренная.

Упрямый козель. Сказка Мамина Сибиряка. Съ 10 рисунками Афанасьева. Изданіе Голяховскаго. Спб. 1894 г., ц. 15 к.

Эта милая сказка Мамина Сибиряка производитъ самое пріятное впечатлѣніе, какъ простотой и художественностью изложенія, такъ и симпатичностью замысла. Она рисуеъ обыденную сѣренькую картинку жизни простаго столяра, человѣка работающаго и честнаго, живущаго въ довольствѣ и согласіи со всею окружающимъ, подъ вліяніемъ горя на время сбившагося съ пути истины, но скоро вновь возвратившагося къ правдѣ и труду. Авторъ заставляеъ читателя питать добрыя чувства къ человѣку, который и самъ честно и хорошо живетъ и жить даетъ другимъ, а потому эта сказка должна быть рекомендована дѣтямъ не только какъ занимательное, но и полезное чтеніе.

На маякѣ. Разсказъ Лидіи Туганъ. Спб. 1894 г., ц. 20 к.

Разсказъ г-жи Туганъ изображаеъ нѣсколько дней жизни семьи столяра маяка, жизни однообразно и уныло текущей вдали отъ прочихъ лю-

дей, на одинокомъ утесѣ, но согрѣтой и возвышенной горячей взаимной привязанностью членовъ этой семьи, близостью и общеніемъ съ природой.

Къ сожалѣнію, рассказъ не обладаетъ въ достаточной степени тою художественностью, которая объ руку съ выраженными въ немъ добрыми человѣческими чувствами, могла бы значительно увеличить его цѣну и значеніе.

Кормилецъ,—рассказъ Д. Н. Мамина Сибиряка; **Вольный человекъ Яшка**—его же; **«Михайло-Простота»**—Болеслава Пруса; **Счастливыи уголокъ**—(быль), Корсунскаго «Читальня народной школы», 1894 г.

Всѣ рассказы доступны пониманію дѣтей 11—12 лѣтнаго возраста; болѣе пригодны для кончившихъ или кончающихъ народную школу. Написаны живо, занимательно. Тамъ, гдѣ встрѣчаются въ текстѣ новыя понятія, названія неизвѣстныхъ мѣстностей, даны удовлетворительныя объясненія.

«Кормилецъ»—единственный малолѣтній сынъ одной заводской семьи, лишившейся своего кормильца-отца. Послѣ смерти отца мальчикъ съ своею сестрой отправились на заводъ искать работы. Авторъ изображаетъ крайне тяжелую и однообразную работу дѣтей на заводѣ, чѣмъ вызываетъ въ малолѣтнихъ читателяхъ невольное сочувствіе къ положенію трудящихся. Путно онъ даетъ правдивую картину фабричныхъ нравовъ.

Въ рассказѣ «Вольный человекъ Яшка» авторъ жалаетъ пробудить въ дѣтяхъ чувство любви къ природѣ и животнымъ. Симпатично изображено любовное отношеніе Якова къ обезсилившей перелетной птицѣ, которую онъ старается защитить отъ избіенія бурлаками. Тѣмъ же рассказомъ вызываетъ авторъ сочувствіе къ тяжелой жизни бурлаковъ.

Михайло-Простота симпатиченъ дѣтямъ своею добротой, своей отзывчивостью къ помощи другимъ несчастнымъ, въ полного забвенія самого себя.

Авторъ «Счастливаго уголка» рассказываетъ о томъ, какъ добрый человекъ, не имѣя ни средствъ, ни власти, можетъ поднять благосостояніе и нравственность цѣлаго края. Герой рассказа,—пасторъ Оберлинъ,—человекъ, глубоко-проникнутый идеєю, безкорыстнымъ стремленіемъ помочь ближнимъ, снисходительный къ слабости людей, но въ то же время постоянно и неуклонно идущій по разъ намѣченному пути.

Къ свѣту, рассказы для дѣтей В. В. Огаркова. С.-Петербургъ. Изданіе Павленкова, цѣна 1 рубль. 241 страница съ 27-ю рисунками.

«Къ свѣту» представляетъ изъ себя сборникъ изъ 14-ти рассказовъ самаго разнообразнаго содержанія и среды, въ которой происходитъ дѣйствіе. Героями здѣсь являются: прежніе помѣщики, современная интеллигентная семья, фабричныя рабочіе, крестьяне и даже подонки общества. Во всѣхъ этихъ рассказахъ, хорошихъ по основной мысли, очень рѣзкими штрихами обрисованы хорошія и худыя стороны нашей жизни; во всѣхъ красной нитью проходитъ гуманное отношеніе къ людямъ. Въ общемъ отъ сборника получается смѣшанное впечатлѣніе, такъ какъ читатель совершенно подавляется массой слишкомъ разнообразнаго матеріала. Пѣкоторые рассказы страдают нехудожественностью и представляютъ типы и среду, несомнѣнъ подходящую для дѣтскаго чтенія. Къ такимъ слѣдуетъ отнести: «Старый домъ», «О томъ, что говорила звѣздочка» и др. Къ лучшимъ рассказамъ надо отнести: «бла-

женную страну» и «Смѣльчакъ». Пригодной книжку можно признать для дѣтей старшаго возраста. Рисунки удовлетворительны.

Пріемышъ. Разказъ ямщика. Н. Лукмановой. Изданіе И. Ф. Жиркова, съ тремя рисунками въ текстѣ С. В. Праотцева. Москва. 1894 г. 24 стр., цѣна 15 коп.

Ямщикъ Степанъ разказываетъ о томъ, какъ онъ однажды, совершенно случайно, спасъ отъ самоубійства 12-ти лѣтняго мальчика, взявъ его къ себѣ и полюбивъ, какъ сына. Мальчикъ выдался способный, смышленный, съ неудержимымъ стремленіемъ къ знанію. Степанъ отдалъ его въ гимназію, помогъ поступить и въ университетъ, по окончаніи котораго юноша намѣревался служить въ качествѣ земскаго доктора въ томъ самомъ селѣ, изъ котораго происходилъ его пріемный отецъ, ямщикъ Степанъ.

Литературными достоинствами разказъ не блещетъ: въ немъ—полное отсутствіе художественности, мало жизненной правды, но зато, очевидно, преднамѣренное скрашиванье ямщицкой и деревенской жизни. Дѣтьми онъ прочтется съ интересомъ, пожалуй, даже возбудитъ въ нихъ хорошее чувство къ добродѣтельному ямщику и рѣдкостному мальчику. Но фальшивая нота, звучащая во всемъ разказѣ, окажетъ дурную услугу развитію въ маленькихъ читателяхъ чутья художественной правды и литературнаго вкуса.

Золотые деньги. Книга о дѣтяхъ для дѣтей. С. Ф. Либровича. Изданіе Иогансона. Кіевъ и Харьковъ. 1894 г.

Въ книжечкѣ этой помѣщены 7 небольшихъ разказовъ изъ дѣтской жизни. Написанные довольно живо, они, въ силу своей безсодержательности, способны только забавить ребенка, не оставляя слѣда на его умственномъ и нравственномъ развитіи. Особнякомъ, въ этомъ отношеніи, стоитъ послѣдній разказъ «Исторія перочиннаго ножа»; въ немъ имѣется нѣкоторая доля содержанія, но содержаніе это не можетъ заинтересовать тѣхъ маленькихъ дѣтей, которымъ назначается книжка.

Брошечный форматъ книги соотвѣтствуетъ ея внутреннимъ достоинствамъ, такъ какъ имѣетъ цѣлью забавить дѣтей. Издана она довольно аккуратно и снабжена нѣсколькими посредственными рисунками.

Козачка. Одарка. Гортиня. Разказы Марка-Вовчка. Изданіе С.-Петерб. Комитета Грамотности. 40 стр., цѣна 4 коп.

Содержаніе всѣхъ трехъ разказовъ относится ко времени крѣпостничества: героини ихъ—молодыя крестьянки, жизнь которыхъ разбивается безсердечіемъ и жестокостью ихъ помѣщиковъ. Двѣ изъ нихъ преждевременно умираютъ; третья сходитъ съ ума въ молодыхъ годахъ; во всѣхъ трехъ безжалостно попираются лучшія чувства жены, матери и дочери. Разказы написаны съ простотой и задумчивостью, свойственной ихъ автору. Дѣтьми старшаго возраста они прочтутся съ интересомъ и пользою, какъ вѣрныя картины недавняго прошлаго.

Нашодъ гдѣ не искалъ. Разказъ Ванъ-Дейка. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1895 г. Изд. Круковскаго, 32 стр., ц. 2 к.

Разказъ этотъ носитъ характеръ легенды и построенъ на евангельскомъ изрѣченіи: «Истинно говорю тебѣ: то, что ты сдѣлалъ для послѣдняго изъ

братій моихъ, ты сдѣлалъ для меня».—Это разсказъ о четвертомъ волхвѣ, который тоже пошелъ за звѣздой, но не дошелъ до Царя, потому что не могъ проходить мимо ближнихъ, которыхъ встрѣчалъ въ несчастіи, не помогая имъ. Помогая несчастнымъ, онъ потерялъ изъ виду трехъ волхвовъ товарищей, которыхъ хотѣлъ догнать, и затѣмъ странствовалъ 33 года отыскивая ихъ и Царя, и продолжая по пути творить дѣла милосердія. Для помощи несчастнымъ ему пришлось потратить и драгоценности, которыя онъ несъ въ даръ Царю.

Черезъ 33 года, послѣ того, какъ онъ отдалъ на выкупъ несчастной невольницы послѣднюю жемчужину изъ сокровищъ, приготовленныхъ для Царя, его пришло камнемъ отвалившимся отъ стѣны, у которой онъ находился во время землетрясенія бывшаго въ моментъ смерти Христа. Невольница, наклонившись надъ умирающимъ старикомъ услышала бесѣду его съ Христомъ и увидала свѣтъ, разлившійся по лицу его, когда онъ, умирая, понималъ, что и онъ нашелъ Царя, хотя и не тамъ, гдѣ искалъ Его.

Написать разсказъ поэтично, картинными изъ восточной жизни, и дѣтямъ старшаго возраста вполне доступенъ.

Фр. Шиллеръ. В. Е. Миляева. Изд. Ф. А. Югансона.

На 140 страничкахъ крошечнаго формата помѣщена въ этой книжкѣ біографія Шиллера. Авторъ собралъ въ ней всѣ выдающіеся факты жизни великаго человѣка. Но онъ не пошелъ дальше фактовъ: его біографія не даетъ даже самаго общаго представленія о томъ времени, когда жилъ и дѣйствовалъ Шиллеръ. Личность самого поэта выступаетъ въ ней далеко недостаточно ярко: изъ книжки г-на Миляева становится несомнѣннымъ только то, что Шиллеръ былъ очень трудолюбивымъ и постоянно нуждавшимся человѣкомъ. Въ дѣлѣ оцѣнки литературной дѣятельности поэта, авторъ не идетъ дальше перечня его главныхъ произведеній, съ обозначеніемъ времени ихъ появленія.

Въ силу всего этого біографія г. Миляева слишкомъ мало говоритъ уму и сердцу юнаго читателя, которому она назначается. А между тѣмъ, жизнь Шиллера,—этой рѣдкой, по своему благородству, личности,—даетъ богатый матеріалъ для составленія именно дѣтской книжки. Этимъ матеріаломъ очень неумѣло воспользовался г. Миляевъ: его книжка составлена, очевидно, на скорую руку, что замѣтно и по шероховатости его слога. Издана она довольно аккуратно, но изобилуетъ опечатками въ знакахъ препинанія.

Государевъ Кречатникъ. Разсказъ изъ быта сокольниковъ. П. Н. Полевого
Изд. Суворина («Дешевая бібліотека»). Спб. 1893 г.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ разсказа является холмогорскій парень, Ларюшка Омеляновъ, въ совершенствѣ перенявшій отъ своего отца, стараго «помычика» Якова Омелянова, искусство ловить и обучать «потѣшную» птицу. Умный и хитрый старикъ устраиваетъ такъ, что пойманныхъ для государя птицъ везетъ въ Москву, вопреки правиламъ, не старый «помычигъ», или кто-либо изъ его товарищей, а его любимое дѣтище Ларюшка. Ловкій и находчивый Ларюшка удачно доставляетъ птицъ въ Москву и устраивается на Потѣшномъ дворѣ, благодаря своему умѣнью «потѣшную» птицу

лечить». Въ числѣ привезенныхъ имъ птицъ одна привлекла вниманіе царя; это былъ великолѣпный кречетъ, сдѣлавшійся потомъ любимцемъ государя. Алексѣй Михайловичъ на Потѣшномъ дворѣ, куда онъ пріѣзжалъ отдыхать отъ трудовъ и заботъ государственныхъ, представленъ авторомъ именно такимъ, какимъ онъ и былъ—ласковымъ, добродушнымъ человѣкомъ и страстнымъ охотникомъ. Ларюшка вошелъ въ милость царя, причемъ кречетъ сослужилъ ему большую службу. Но однажды кречетъ, увлекшись охотой, улетѣлъ, неизвѣстно куда. Бѣдному Ларюшкѣ приходилось плохо, такъ какъ ему поручено было эту птицу «вѣдать». Кречетъ залетѣлъ въ усадьбу боярскаго сына Крюкъ-Колычева, за полтора года верстъ отъ Москвы. Крюкъ-Колычевъ заперъ диковинную птицу, съ серебрянымъ колокольчикомъ на хвостѣ и съ драгоцѣннымъ перстнемъ на лапѣ. Къ нему-то, послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ, и является Ларюшка, но вмѣстѣ съ птицею находитъ и невѣсту себѣ—дочь Крюка. Свадьба происходитъ послѣ доставки птицы въ Москву. Счастливый царской милостью и любовью жены, Ларюшка Омеляновъ достигаетъ, наконецъ, большихъ чиновъ на Потѣшномъ дворѣ, дѣлаясь «5-мъ начальникомъ».

Книга читается съ интересомъ. Быть, языкъ—все это согласовано съ исторической правдой. Цѣна 15 коп. недорого. Книжку можно рекомендовать для ученическихъ библіотекъ.

Въ странѣ золота. Приключенія маленькаго мальчика въ Калифорніи. Для юнаго шества Георга Гаршнеръ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Ф. Битенажа

Разсказъ этотъ принадлежитъ къ той серіи нѣмецкихъ разсказовъ, которыя издаются ради рисунковъ или изящныхъ переплетовъ. Это такъ называемые «подарки къ празднику» въ которыхъ кромѣ пестрой, кричащей внѣшности нѣтъ ни смысла, ни складу, ни ладу. Приключенія маленькаго мальчика въ Калифорніи хотя и достаточно невѣроятны, но и съ внѣшней стороны даже едва ли могутъ представить какой нибудь интересъ для юнаго читателя,—такъ скучно, безцвѣтно, монотонно описаны всѣ эти злоключенія. Рѣшительно непонятно, къ чему понадобилось переводить эту книжку на русскій языкъ. У насъ самихъ слишкомъ много оригинальныхъ дубочныхъ изданій для дѣтей. Переводъ блещетъ вездѣ перлами вродѣ: «вы пришли, какъ разъ болѣе кетати», (стр. 89). Въ книжкѣ 4 прекрасныхъ хромолитографированныхъ рисунка. Это единственное ея достоинство.

II Отдѣлъ.

Право на трудъ.

(Къ вопросу о женскомъ образованіи).

Движеніе въ пользу женскаго образованія, усилившееся за послѣднее время, благодаря настойчивому стремленію самихъ женщинъ къ свѣту знанія, стало находить сочувствіе не только среди поборниковъ идеи всеобщаго образованія, но и во всей лучшей части нашего интеллигентнаго общества. Чаще и чаще раздаются энергичные голоса, требующіе расширенія правъ женщинъ на образованіе; число дѣвушекъ, стремящихся къ образованію, увеличивается съ поразительною быстротой, и противники женскаго образованія все рѣже и рѣже рѣшаются выступить противъ этого стремленія, допѣвая свою лебединую пѣснь. Наша статистика почти не занимается разработкою свѣдѣній о высшемъ образованіи женщинъ въ Россіи; но если-бы существовала такая работа, то она лучше всего выяснила-бы, какъ необходимо расширеніе правъ женщинъ на это образованіе. Что касается медицинскаго женскаго образованія, то оно говоритъ само за себя тѣми результатами, которые были достигнуты покойными медицинскими курсами. Женщины-врачи, выпущенныя этими курсами, и до сихъ поръ продолжаютъ поддерживать честь и славу своей almae matris, являясь лучшими, честнѣйшими и усерднѣйшими труженицами на поприщѣ медицины. Изъ селъ и деревень, изъ земствъ и городовъ, отовсюду, гдѣ только проявляли свою дѣятельность русскія женщины-врачи, идутъ восторженные отзывы объ ихъ самоотверженіи, безкорыстїи и глубокой преданности дѣлу облегченія страданій ближняго. Гораздо менѣе извѣстны были намъ до сихъ поръ результаты дѣятельности другихъ высшихъ женскихъ курсовъ, имѣющихъ общеобразовательный характеръ. Мы говоримъ объ единственномъ у насъ учрежденіи подобнаго рода, — о бывшихъ Бестужевскихъ курсахъ, которые за все время своего существованія дали намъ 10 выпусковъ женщинъ съ высшимъ образованіемъ (съ 1882 по 1889 и съ 1893 по 1894 г.).

Недавно общество вспоможенія окончившимъ высшіе женскіе курсы выпустило памятную книжку всѣхъ бывшихъ слушательницъ, окончившихъ курсъ въ этомъ учрежденіи. Въ книжкѣ этой напечатанъ полный списокъ всѣхъ ихъ съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ настоящей профессіи и положенія, съ раздѣленіемъ ихъ по выпускамъ и факультетамъ. Свѣдѣнія эти содержатъ въ себѣ богатый статистическій матеріалъ и чрезвычайно важны, являясь показателемъ того, какіе результаты принесло слушательницамъ полученное ими на курсахъ высшее образованіе. За все время своего существованія высшіе женскіе курсы дали намъ 1199 женщинъ съ высшимъ образованіемъ, но къ сожалѣнію не о всѣхъ окончившихъ составителямъ книжки удалось собрать свѣдѣнія, а именно, свѣдѣній не получено или получено только по 1—2 рубрикамъ о 753 слушательницахъ, т. е. болѣе, чѣмъ о половинѣ. Но, принимая во вниманіе, что судьба тѣхъ слушательницъ, о ко-

торых не имѣется свѣдѣній, сложилась приблизительно также, какъ и тѣхъ, о которыхъ свѣдѣнія получены, мы не ошибемся, если выводы, полученные относительно послѣдней группы, припомнимъ и къ первой категоріи слушательницъ. Большинство слушательницъ, окончивъ курсы, какъ видно изъ памятной книжки, остаются въ Петербургѣ и на долю ихъ приходится 367 чел. изъ 654, давшихъ свѣдѣнія о мѣстѣ своего жительства; 270 живутъ въ провинціи и 17, по окончаніи курса, уѣхали за границу для продолженія своего образованія; большинство этихъ послѣднихъ поступило на медицинскіе факультеты заграничныхъ университетовъ. Неосновательныя заявленія тѣхъ изъ противниковъ женскаго образованія, которые увѣряютъ, что большинство образованныхъ женщинъ уклоняются отъ своего провиденціального назначенія— быть матерью и супругою и не выходятъ замужъ, вполне опровергаются слѣдующею справкою: изъ числа 446 окончившихъ курсъ слушательницъ замужъ вышли 358 чел. или 80, 3 проц.—процентъ, даже большій общаго проц. вступающихъ въ бракъ женщинъ. Что касается распредѣленія по профессіямъ, то большинство слушательницъ посвятили себя педагогической дѣятельности и дѣлу народнаго образованія и или служатъ учительницами городскихъ начальныхъ училищъ въ Петербургѣ и сельскихъ школъ или учительницами гимназій и частныхъ учебныхъ заведеній. Всего посвятили себя педагогикѣ 280 слушательницъ. Второе мѣсто по числу занимаютъ слушательницы, занимающіяся частными уроками (61 чел.). Научной и литературной работой занимается 48 бывшихъ слушательницъ, т. е. около 11 проц. Многія изъ посвятившихъ себя этому роду занятій, небезызвѣстны въ научной и общей литературѣ, какъ талантливые популяризаторы, исследователи вопросовъ народнаго образованія, историографы, беллетристы, ученые и т. п. Далѣе идутъ занимающіяся медициной; этихъ послѣднихъ немного— всего 31 (около 7 проц.); но это объясняется тѣмъ, что на высшіе курсы поступаютъ слушательницы уже по большей части съ опредѣлившимися стремленіями къ историко-филологическимъ или естественнымъ наукамъ и медициною увлекаются немногія изъ нихъ; большинство изъ упомянутыхъ 31 слушательницъ—доктора медицины заграничныхъ университетовъ. Вообще же эмиграція русскихъ женщинъ за границу для полученія медицинскаго и др. образованія представляла до сихъ поръ столь частое явленіе, что объ этомъ стоило серьезно подумать гораздо ранѣе. Въ Парижскомъ университетѣ, на примѣръ, въ 1889—1890 академическомъ году изъ общаго числа 152 студентовъ на долю русскихъ женщинъ приходилось 107, изъ коихъ на медицинскомъ факультетѣ было 92 студентки *); такое преобладаніе русскихъ женщинъ объясняется тѣмъ, что только русскія женщины лишены были права поступленія въ отечественные университеты. На службѣ разнаго рода находятся 21 слушат.; 7 слушательницъ занимаются сельскимъ хозяйствомъ; въ «Памятной книжкѣ» не указано, какаго рода эти занятія, но изъ нея видно, что занимаются этимъ преимущественно слушательницы послѣднихъ выпусковъ, что несомнѣнно находится въ связи съ возникшимъ въ послѣднее время стремленіемъ женщинъ къ сельско-хозяйственному образованію и дѣятельности и возбужденіемъ объ этомъ вопроса въ правительственныхъ сферахъ.

*) «Revue internat. de l'enseignement». 1891 г.

Для тѣхъ, кто увѣряетъ, что наша женщина не поднялась до той высоты умственнаго развитія, которая позволяла бы ей черпать знанія непосредственно изъ лучшихъ источниковъ его—университетовъ и т. п.,—для тѣхъ приведенныя свѣдѣнія даютъ полную возможность убѣдиться въ своей ошибкѣ. Русская женщина болѣе, чѣмъ какая нибудь другая способна къ просвѣщенной и просвѣтительной дѣятельности, и это доказано цѣлымъ рядомъ примѣровъ. Цѣлый рядъ поколѣній женщинъ воспитался въ нашихъ среднихъ женскихъ школахъ—гимназіяхъ, а въ русскихъ женскихъ институтахъ, существующихъ уже вторую сотню лѣтъ, воспитывались еще наши прабабушки. Почва, подготовляемая гимназіями и институтами, по своей культурности, вполне пригодна для дальнѣйшей обработки ея въ интересахъ высшаго образованія женщинъ. Къ сожалѣнію, эту старую истину до сихъ поръ нѣкоторые не хотятъ признать, не смотря даже на такія доказательства, какъ дѣятельность нашихъ женщинъ-врачей и учительницъ, а также на разнообразіе и обиліе отраслей дѣятельности тѣхъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, свѣдѣнія о которыхъ приведены нами выше. Слова знаменитаго Берлинскаго профессора Рудольфа Вирхова, сказанныя имъ ровно 30 лѣтъ тому назадъ (20 Февраля 1865 г.) въ одной изъ его публичныхъ рѣчей въ Берлинѣ, какъ будто относились къ русской женщинѣ,—такъ онѣ подходятъ къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находится у насъ теперь вопросъ о женскомъ образованіи. «Многимъ женщинамъ совсѣмъ не суждено сдѣлаться супругами и матерями», говорилъ, между прочимъ, Вирховъ, «и, разумѣется, о такихъ женщинахъ нельзя сказать, что призваніе ихъ—быть старыми дѣвами. Судьба человѣка и его призваніе—двѣ вещи совершенно различныя. Даже для супруговъ и матерей вся задача жизни вовсе не ограничивается тѣмъ, чтобы быть именно только супругою и матерью. Многимъ женщинамъ даны отъ природы самыя обширныя средства, чтобы дѣйствовать на судьбу человѣчества, и я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія сомнѣваться въ томъ, что женщина способна посвящать себя разрѣшенію такихъ болѣе общихъ задачъ. Пусть каждая отдѣльная личность сама обдумываетъ и рѣшаетъ, какая дѣятельность соответствуетъ размѣру ея личныхъ силъ. Современное общество отчасти уже выработало себѣ, отчасти еще выработаетъ, какъ естественный результатъ дальнѣйшаго развитія, ту степень индивидуальной свободы, которая необходима для того, чтобы и женскій полъ самостоятельно принималъ надлежащее участіе въ разрѣшеніи общихъ задачъ человѣчества». 30 лѣтъ тому назадъ Р. Вирховъ сказалъ это Германскому обществу и то же можно было-бы сказать въ настоящее время русскому обществу. «Пусть каждая отдѣльная личность сама рѣшаетъ и обдумываетъ, какая дѣятельность соответствуетъ размѣру ея личныхъ силъ!» Эти слова звучатъ ироніей для русской женщины. Если бы всѣ представители сильнаго пола способны были проникнуться смысломъ этихъ словъ, то мы увѣрены, что для нея наступила бы новая эра—разумной и плодотворной дѣятельности ея на пользу человѣчества, и вопросъ о ея правѣ на разумное и цѣлесообразное существованіе былъ бы сразу рѣшенъ въ ея пользу. Но въ томъ-то и горе, что, «каждая отдѣльная личность», для свободы которой Вирховъ требуетъ столь широкій просторъ, у насъ представляетъ только мужчину, которому и предоставлено рѣшать и обдумывать, какая дѣятельность соответствуетъ размѣру его личныхъ силъ». Женщина же, какъ индивидуумъ для многихъ почти

не существуетъ и признается только въ массѣ, лишенной не только собственной инициативы, но даже права на проявленіе ея, хотя бы это являлось результатомъ борьбы за существованіе. Отсюда — огульное сужденіе о женщинахъ, какъ о несозрѣвшихъ умственно и неспособныхъ къ общественной дѣятельности.

Ю. Лавриновичъ.

Виды психическаго разстройства съ педагогической точки зрѣнія.

1. *Важность изученія психическихъ болѣзней для педагога.* Въ настоящей лекціи я обращаюсь къ вопросу, имѣющему большой теоретическій и практическій интересъ, хотя съ перваго взгляда его можно отнести скорѣе къ психіатріи, чѣмъ къ психологіи. Но я постараюсь показать вамъ, что, и не переходя въ чуждую намъ область, мы, какъ педагоги и психологи, можемъ записать полезными свѣдѣніями по этому предмету *).

Дѣтей, завѣдомо страдающихъ тѣмъ или другимъ видомъ душевнаго разстройства, принято помѣщать въ спеціальныя заведенія или же держать дома подъ особымъ медицинскимъ присмотромъ, такъ что намъ, педагогамъ, не приходится имѣть съ ними дѣла. Тѣмъ не менѣе, почти всѣмъ изъ насъ приходилось встрѣчать такихъ дѣтей, которыя хотя жили и учились вмѣстѣ со здоровыми, но не могли назваться вполнѣ нормальными: это патологическіе случаи, гдѣ въ силу наслѣдственности или неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ мозгъ остался недоразвитымъ и плохо работаетъ, хотя не настолько боленъ, чтобы подобныхъ субъектовъ можно было поручить исключительно заботамъ врача, безъ всякаго участія воспитателя. Я не врачъ и, разумѣется, не могу судить о тѣхъ болѣзняхъ, которыя имѣютъ чисто фізіологическую причину, но о разстройствахъ нервныхъ и психическихъ всякій педагогъ можетъ составить себѣ понятіе, если онъ порядочно изучилъ психологію: запасшись необходимыми свѣдѣніями, онъ сумѣетъ по извѣстнымъ признакамъ опредѣлить болѣзнь и не испугаться ея; эти же свѣдѣнія не позволяютъ ему смѣшивать душевное разстройство съ проявленіемъ злой воли и допекать воспитанника выговорами и взысканіями. Нечего и говорить о томъ, какъ много пользы и для самого себя вынесетъ педагогъ изъ наблюденій надъ такими субъектами: они откроютъ ему неизвѣстныя до тѣхъ поръ для него стороны человѣческой природы и послужатъ для наблюдателя своего рода предметными уроками по психологіи.

II. *Нормальный душевный механизмъ и виды психическихъ разстройствъ.* Чтобы изучать болѣзни, надо имѣть понятіе объ организмѣ въ его здоровомъ состояніи. Нормальная психическая дѣятельность состоитъ,

*) Настоящая статья представляетъ собою часть 12 лекцій, которыя были прочитаны пр. Ройсомъ въ 1893 г. въ Гарвардскомъ университетѣ подъ названіемъ «Вопросы педагогической психологіи».

какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ отправленіемъ нервной системы, которыя постоянно помогаютъ организму «приспособляться къ окружающимъ условіямъ». Этой способностью измѣряется степень психической нормальности или ненормальности.

Что касается классификаціи психическихъ разстройствъ, то она болѣе или менѣе извѣстна.

Если они находятъ себѣ выраженіе въ области чувствъ, мы видимъ образецъ *меланхоліи*, или *маніи*; но въ томъ случаѣ, когда болѣзнь имѣетъ отношеніе къ интеллекту и выражается въ галлюцинаціяхъ, въ странныхъ до уродливости мнѣніяхъ и сужденіяхъ, мы имѣемъ дѣло съ *обманами чувствъ* или разными видами *брѣда*. Иногда психическая болѣзнь идетъ рука объ руку съ особымъ нервнымъ страданіемъ, имѣющимъ свои физическіе симптомы, и тогда она легче поддается опредѣленію, и мы назовемъ ее или *эпилептическимъ сумасшествіемъ*, или началомъ *общаго мозговаго паралича*; но съ такими ярко выраженными, вполне опредѣленными болѣзнями педагогъ можетъ встрѣтиться только случайно: онѣ входятъ уже въ область врача.

Но, вообще, не слѣдуетъ забывать, что слово *нормальный* есть, пожалуй, понятіе относительное, и полная нормальность какъ тѣла, такъ и духа, есть скорѣе идеаль, къ которому мы должны стремиться, чѣмъ дѣйствительность. Если обратить вниманіе на всѣ безконечныя странности человеческой души, недостатки ума и сердца, многочисленныя отступленія отъ долга, то невольно придешь къ тому убѣжденію, что «всѣ люди отчасти безумцы». Многіе не настолько больны, чтобъ ихъ слѣдовало удалять изъ общества, лишать общенія съ болѣе здоровыми собратьями, но они все же стоятъ на границѣ между здравымъ умомъ и безуміемъ и требуютъ особаго ухода, особенныхъ заботъ. Во всякомъ случаѣ, педагогъ нисколько не проиграетъ, если на странности своего воспитанника посмотритъ, какъ на болѣзненные проявленія, а не сочтетъ ихъ признаками дурнаго характера и ранней испорченности. Есть виды душевнаго разстройства, которыми преимущественно страдаютъ дѣти, и есть другіе, встрѣчающіеся только въ юношескомъ возрастѣ. Мы рассмотримъ оба вида.

III. *Душевныя разстройства у дѣтей*. Дѣти, которыхъ можно было бы назвать *ненормальными* въ настоящемъ смыслѣ слова, встрѣчаются довольно рѣдко; но тѣмъ не менѣе опытный педагогъ можетъ усмотрѣть не въ одномъ ребенкѣ признаки извѣстной мозговой неустойчивости, предвѣстницы будущаго умственнаго разстройства. Одинъ признакъ ничего еще не значить, но цѣлая группа ихъ страшитъ за будущее. Между тѣмъ, стоитъ только во-время обратить вниманіе на зловѣщіе симптомы, и человѣкъ спасенъ. Единичный фактъ, повторяю, не долженъ пугать родителей и воспитателей, но повтореніе такихъ фактовъ есть уже признакъ разстройства. Здѣсь играетъ роль и самый возрастъ дѣтей: маленькій ребенокъ бываетъ иногда подверженъ галлюцинаціямъ, не предвѣщающимъ ничего опаснаго. Часто, уже лежа въ постели, но еще не заснувъ, дитя требуетъ, чтобъ въ комнатѣ было свѣтло, а то оно боится какихъ-то, въ дѣйствительности не находящихся предъ нимъ предметовъ: ему кажется, что комната наполняется лошадьми, женщинами въ бѣлыхъ одеждахъ и т. д. — по всей вѣроятности, подобныя изображенія ребенокъ видалъ незадолго передъ этимъ

на картинкахъ. Затѣмъ, онъ засыпаетъ и спитъ крѣпкимъ и здоровымъ сномъ. Очевидно, такое дитя еще не можетъ считаться ненормальнымъ: оно просто еще не умѣетъ проводить границу между сномъ и бодрствованіемъ, его засыпаніе совершается слишкомъ медленно. Но если тѣ-же галлюцинаціи преслѣдуютъ подростка, слѣдуетъ обратить на нихъ серьезное вниманіе.

Впрочемъ, иногда и маленькій ребенокъ обнаруживаетъ признаки серьезнаго умственного расстройства, если его галлюцинаціи другого рода, если онѣ носятъ мучительный для него и пугающій характеръ: положимъ, ему представляются постоянно страшныя лица, высокія фигуры въ черномъ, бѣшенныя злыя собаки. Среди ночи онъ просыпается съ крикомъ и лежитъ съ широко раскрытыми глазами, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, не слушая никакихъ увѣщаній. Мало-по-малу только онъ приходитъ въ себя, снова засыпаетъ и на слѣдующій день не помнитъ ничего о происшедшемъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь передъ собою патологическій случай мозгового раздраженія, и болѣзнь оказывается еще серьезнѣе, если ночной кошмаръ принимаетъ всегда одну и ту же форму. Случается, что ребенку кажется, будто его похоронили живымъ, или онъ воображаетъ, что подъ его кроватью спрятался волкъ или другое страшное существо. Однимъ словомъ, форму кошмара принимаетъ все то, что страшитъ ребенка днемъ. Ненормальныя дѣти, въ особенности тѣ, въ которыхъ сказываются признаки вырожденія, легко бредятъ даже и при небольшомъ возвышеніи температуры; точно также они бываютъ часто прирожденными пессимистами, всегда скучаютъ и предаются грусти. Случается, что съ такимъ настроеніемъ у нихъ соединяются, однако, раннее умственное развитіе и способность къ остроумнымъ выходкамъ. За такимъ ребенкомъ необходимо усердно слѣдить: при заботливомъ уходѣ изъ него можетъ выйти не большой субъектъ, а человекъ выдающійся. Извѣстно, что граница между высокимъ умственнымъ развитіемъ и безуміемъ легко проходима. Необходимо знать, конечно, что могъ такой большой унаслѣдовать отъ своихъ родителей; но наследственная нервность есть своего рода Протей, принимающій всевозможныя формы, и по родителямъ нельзя еще судить о будущности ребенка,— извѣстная наследственность должна только служить предостереженіемъ для воспитателя. Я знаю семью изъ шести человекъ, родители которыхъ были настоящіе невропаты, почему и воспитаніе дѣтей было ими запущено, и, однако, трое вышли вполне здоровыми; трое остальныхъ были ненормальны, но самыя аномаліи приняла у нихъ различную форму: одинъ былъ вполне сумасшедшій, другой представлялъ собою типъ безвреднаго вырождающагося, третій обладалъ блестящими способностями, но былъ истеричный. (Къ раннему развитію способностей надо, какъ мы видѣли, относиться съ недоувѣріемъ, но только съ недоувѣріемъ, а не съ боязнью).

IV. *Проявленія ненормальности у юношей.* Въ юношескомъ возрастѣ душевныя расстройства встрѣчаются чаще: мозгъ уже настолько созрѣлъ, что можетъ подвергаться болѣзненнымъ уклоненіямъ: тогда-то и проявляются наследственныя аномаліи, признаки которыхъ выступаютъ ярче и определеннѣе, чѣмъ въ дѣтствѣ, и скорѣе поддаются описанію. Надо, впрочемъ, замѣтить, что юноша скорѣе скроетъ свою ненормальность, чѣмъ ребенокъ. Иногда психическое расстройство въ юношѣ, добросовѣстно относящемся къ

своимъ занятіямъ, выражается постоянной нерѣшительностью въ поступкахъ, бесплодными, мучительными колебаніями.

Бываетъ и то, что ненормальный душевный складъ сказывается въ порочныхъ наклонностяхъ, упрямомъ, своевольномъ характерѣ. Полная безпомощность и отсутствіе воли часто можно объяснить тою же причиною. Какъ это ни странно, но иногда многія и самыя противорѣчивыя изъ этихъ особенностей могутъ уживаться въ одномъ и томъ же мозгу, производа болѣзненныя, удивительныя для наблюдателя, комбинаціи: болѣзненное упрямство идетъ рука объ руку съ безпомощной податливостью и совершеннымъ неумѣньемъ бороться съ искушеніями и съ болѣе смѣлыми товарищами и т. п. Подобный субъектъ представляется намъ не только двойственнымъ существомъ, но въ немъ точно соединяется нѣсколько отдѣльныхъ существъ.

Какъ поступать педагогу, когда онъ имѣетъ дѣло съ подобнымъ воспитанникомъ? Слѣдуетъ-ли смотрѣть на него, какъ на субъекта нормальнаго, но склоннаго къ дурнымъ поступкамъ, или же какъ на больнаго, нуждающагося въ уходѣ и леченіи? Пациентъ это или грѣшникъ? Буду ли я относительно него слѣдовать обычной школьной рутинѣ или найду, что здѣсь случай исключительный? Долженъ ли я постоянно указывать ему на его дурныя свойства или просто обратиться къ врачу? Не надобно, конечно, приписывать душевной ненормальности то, что объясняется простымъ физическимъ недостаткомъ: ученикъ, съ перваго взгляда кажушійся намъ страннымъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ часто оказывается глуховатымъ или плохо видящимъ, чѣмъ и вызываются нѣкоторыя его странности. (И сколько, вѣроятно, такихъ непонятыхъ дѣтей выбрасываетъ школа за бортъ, аттестуя ихъ малоспособными, тупицами и т. п.)!

Стало быть, надо прежде всего выяснитъ себѣ, какія дурныя привычки есть у интересующаго насъ воспитанника, и какъ онъ ихъ приобрѣлъ. Если дурно воспитанный ребенокъ, напр., воруетъ, его еще нельзя считать ненормальнымъ; но если тѣмъ-же страдаетъ хорошо воспитанный ребенокъ изъ достаточной семьи, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ душевной аномаліей.

Что касается классификаціи свойственныхъ юношескому возрасту душевныхъ разстройствъ, то изъ нихъ мы можемъ назвать *болѣзненную чувствительность, иллюзию и галлюцинаціи*. Иллюзія—это ложныя *перцепціи*, имѣющія нѣкоторое основаніе въ дѣйствительности (напр., смотря въ стереоскопъ, мы получимъ иллюзію), тогда какъ галлюцинаціями мы называемъ ложныя перцепціи, не имѣющія никакого реальнаго основанія *). Слѣдуетъ также упомянуть и о навязчивыхъ идеяхъ, *idées fixes*, о которыхъ такъ много говорится въ современной психіатрической литературѣ.

Конечно, нелегко въ такихъ патологическихъ случаяхъ придти къ определенному выводу, рѣшить, есть-ли здѣсь болѣзнь, и какіе она сдѣлала успѣхи. Мы уже говорили, что признакомъ болѣзненнаго душевнаго состоянія служить ничѣмъ необъясненная непостѣдовательность въ поступкахъ. Если нормальный ребенокъ и можетъ иногда казаться страннымъ или несноснымъ, то

*) Съ такимъ опредѣленіемъ американскаго писателя нельзя согласиться. Г. Каптаревъ въ своей «Педагогической психологіи» доказалъ намъ, что невозможно поставить строгую границу между иллюзіей и галлюцинаціей. *Примѣч. перевод.*

за то у него есть цѣлый рядъ опредѣленныхъ нормальныхъ привычекъ, которыя могутъ служить противовѣсомъ упомянутымъ странностямъ: ему здѣсь хочется заслужить общее одобреніе, жить въ мирѣ съ товарищами, быть по своему добрымъ; онъ только не видитъ, что нѣкоторые его поступки расходятся съ этими его взглядами, но укажите ему на этотъ разладъ, и ваши усилія увѣнчаются успѣхомъ. Когда-же онъ вамъ не поддается, причину такого упорства можно найти и объяснить, потому что она не имѣетъ ничего общаго съ психіатріей: воспитаникъ принесъ дурныя привычки изъ дома, и всему виною его домашнее воспитаніе. Измѣните условія, и вы можете помѣряться съ нимъ силами: задача трудна, но путь вамъ извѣстенъ. Такъ обстоятъ дѣло, если на вашемъ попеченіи юноша нормальный.

Съ субъектомъ-же ненормальнымъ всѣ подобныя средства окажутся безсильными, и послѣ многихъ усилій педагогъ убѣждается, что причина неудовлетворительнаго поведения лежитъ глубже, чѣмъ онъ думалъ. Какъ вы ни указываете такому ученику на необходимость спокойствія, извѣстной выдержки и послѣдовательности, какъ ни стараетесь привить ему правильныя и здоровыя привычки, онъ или не понимаетъ васъ, или, понимая, остается неубѣжденнымъ, или же при всемъ желаніи походить на своихъ сверстниковъ не можетъ быть такимъ, какъ они, и, видя бесплодность своихъ хорошихъ стремленій, озлобляется и дѣлается хуже. Наказанія дѣлаютъ его только угрюмѣе и скрытнѣе; упреки оказываются недѣйствительными. Въ худшемъ случаѣ юноша со страннымъ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ относится къ вашимъ заботамъ о его особѣ, въ лучшемъ онъ, испытывая угроженія совѣсти, истерически рыдаетъ, но все-же не исправляется. Наблюдая всѣ эти явленія, вы можете сказать съ увѣренностью, что передъ вами больной, и вамъ предстоитъ трудная задача, требующая досуга, не располагая которымъ, нечего и браться за дѣло. Кромѣ досуга, необходимо и абсолютное терпѣніе. Вы должны поставить себя въ положеніе друга, желающаго помочь своему юному ближнему, который находится въ бѣдѣ. Но и этого недостаточно,—вы должны дѣйствовать, какъ настоящій естествоиспытатель, изучающій живой организмъ, какъ биологъ, прилежно разсматривающій въ микроскопъ клѣточку, или патологъ, наблюдающій болѣзнь тканей. Для такого изученія необходима любовь къ дѣлу, надо понимать всю прелесть этой работы, наблюденія надъ душевными процессами. По моему, ничего нѣтъ привлекательнѣе живой человѣческой души (если это только не наша собственная—наблюденіе надъ собственными душевными свойствами подъ конецъ всегда утомляетъ). Изучая такого больного юношу, вы сами много приобретете. Повѣрьте, что и я, благодаря этому, научился многому.

Для полнаго изученія даннаго субъекта необходимо присматриваться ко всѣмъ его привычкамъ, прислушиваться къ словамъ, къ тону рѣчи, опредѣлить себѣ точно, чѣмъ онъ отличается отъ своихъ товарищей. Надо со всевозможной деликатностью щадить юношескія чувства, и если молодое сердце довѣрчиво обратится къ вамъ, взывая о помощи, не казните его презрѣніемъ, если и увидите въ немъ много дурнаго. Представьте себѣ, что вы имѣете дѣло съ чуднымъ механизмомъ, который началъ разстраиваться.

Ваша задача такъ священна, что слѣдуетъ удерживаться отъ всякаго выраженія чувства неудовольствія.

Таковъ будетъ вашъ идеальный образъ дѣйствій; но самое трудное, ко-

нечно, приобрести довѣріе питомца. Вы должны заслужить его и терпѣливо выжидать желаемого, избѣгая празднаго любопытства и интересуясь только тѣмъ, что важно для психолога.

Самый элементарный видъ душевнаго разстройства и вполне доступный наблюденію относится къ области *чувства*: онъ выражается или въ болѣзненной мрачности, или въ лихорадочной веселости; первый видъ встрѣчается всего чаще и легко переходитъ въ настоящую меланхолію. Что касается ненормальной веселости, не вызываемой никакими внѣшними обстоятельствами, то ее можно считать признакомъ болѣе опаснымъ (впрочемъ, если она проявляется у выздоравливающихъ послѣ какой-нибудь тяжелой болѣзни, то это явленіе естественное и преходящее),—она ведетъ иногда къ *маніи*. И меланхолія, и манія признаки нервнаго истощенія, причины котораго чрезвычайно разнообразны. По мнѣнію патологовъ, онѣ заключаются въ плохомъ питаніи главныхъ нервныхъ центровъ.

Самый терминъ *униженное состояніе духа* есть понятіе отличительное съ точки зрѣнія психолога. Надо посмотрѣть, насколько такое состояніе, вообще, вліяетъ на мысли, слова и поступки больного, и ослабляется ли оно при постоянномъ общеніи съ другими людьми. При серьезной душевной болѣзни пациентъ, не смотря на все ваше вліяніе, не можетъ обращать вниманія на внѣшній міръ или говорить о предметахъ, не касающихся его внутренняго состоянія. Очевидно, меланхолія завладѣла здѣсь и умомъ, и волею юности. Но если, какъ это бываетъ въ случаяхъ менѣе тяжелыхъ, больной, не смотря на свои страданія, свою меланхолію, можетъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, принять участіе въ разговорѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ его печалаями, можно быть увѣреннымъ, что онъ не безнадеженъ, что его душевный механизмъ почти не тронутъ. Очень важно имѣть это въ виду, такъ какъ подобные больные особенно боятся сойти съ ума, и имъ пріятно, когда ихъ убѣждаютъ въ противномъ.

Разумѣется, нельзя поставить настоящаго діагноза болѣзни на основаніи только словъ больного, склоннаго къ преувеличенію, какъ всё ему подобное. Онъ постарается самыми яркими красками изобразить свои страданія и доказать, что онъ чувствуетъ нѣчто совсѣмъ особенное, не поддающееся описанію. Вы же, конечно, спокойнѣе его взглянете на дѣло и опредѣлите, представляетъ ли это заболѣваніе нѣчто особое, что можетъ назваться мѣстнымъ страданіемъ, въ родѣ зубной боли, или же оно грозитъ охватить въ скоромъ времени весь душевный строй даннаго субъекта.

Мы всегда имѣемъ возможность замѣтить, какъ меланхолія вліяетъ на обычный ходъ мысли больного. И здоровый человѣкъ, если онъ находится въ раздраженномъ состояніи духа, постоянно думаетъ лишь о томъ, что его оскорбляютъ, изыскиваетъ средство наказать презрѣніемъ своихъ оскорбителей и возстановить свое униженное достоинство и выказываетъ иногда при этомъ замѣчательную изобрѣтательность. Настоящій же меланхоликъ сначала тоже обвиняетъ другихъ въ своихъ горестяхъ, но если положеніе его ухудшается, онъ принимается упрекать себя самого и даже боится наказанія за какіе-то воображаемые проступки. Считаая себя въ чемъ-то виноватымъ, больной даже отъ близкихъ старается скрыть свою тоску, и тогда его положеніе дѣйствительно заслуживаетъ состраданія. Эта скрытность сама по себѣ служитъ опаснымъ признакомъ. Мучась сознаніемъ своей мнимой вины, страдалецъ

воображаетъ, что она написана на его лицѣ, что каждый по глазамъ его можетъ узнать, въ чемъ дѣло, и отнести къ нему съ презрѣніемъ. Но, страдая такимъ образомъ, онъ не смѣетъ говорить о томъ, что болѣе всего его занимаетъ. Человѣку свойственно любить общество, но такой больной живетъ точно въ одиночномъ заключеніи, чувствуетъ самъ, что близокъ къ безумію, и носится съ мыслью о самоубійствѣ. Здѣсь нужна немедленная помощь, и если педагогъ открылъ причину страданія, половина дѣла уже сдѣлана, но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ прибѣгать къ порицаніямъ. Постарайтесь вызвать юнаго страдальца на откровенность, и вы удивитесь, какое благотворное дѣйствіе произведетъ на него возможность открыть наконецъ кому-нибудь свою душу. Спокойное, но энергично выраженное сочувствіе воспитателя непремѣнно окажетъ свое вліяніе: больной перестанетъ чувствовать себя одинокимъ. Методъ внушенія здѣсь очень полезенъ: употребляя своего рода гипнотизмъ, можно убѣдить пациента въ неосновательности его страданій и опасеній. Конечно, одинъ педагогъ не можетъ браться за такое лѣченіе, но онъ долженъ дѣйствовать совмѣстно съ врачомъ.

Обратимъ теперь вниманіе на другіе симптомы подобныхъ болѣзней. Лучшимъ показаніемъ состоянія душевныхъ способностей служить то понятіе, которое человѣкъ имѣетъ о своемъ собственномъ «эмпирическомъ я». Еслибы мнѣ пришлось дать полный отчетъ о собственной особѣ, я постараюсь объяснить болѣе или менѣе подробно, что я дѣлалъ и что намѣренъ дѣлать, обрисую свои достоинства, недостатки, заслуги и права, какъ я ихъ понимаю. Однимъ словомъ, мое *эмпирическое я* въ данный моментъ есть образъ, куда входитъ сумма и прошлаго, и будущаго. Но если человѣкъ несовсѣмъ нормаленъ, его самосознаніе, естественно, страдаетъ. Поэтому, если кто-нибудь изъ вашихъ питомцевъ возбуждаетъ ваши опасенія въ этомъ направленіи, ищите случаевъ бесѣдовать съ намъ почаще о его планахъ на будущее, его надеждахъ, о жизненномъ идеалѣ, который онъ себѣ составилъ. Здѣсь трудно дать какія-нибудь опредѣленные правила: наблюдателемъ долженъ руководить его природный тактъ. Человѣкъ нормальный всегда общителенъ, достаточно послушенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ и независимости, и нѣкоторая доля тщеславія все же соединяется у него съ извѣстнымъ критическимъ отношеніемъ къ себѣ. Субъектъ больной или вырождающійся бываетъ угрюмъ, упрямъ и причудливъ, чрезвычайно тщеславенъ и дерзко самоувѣренъ, что не мѣшаетъ ему легко впадать въ отчаяніе. Въ немъ можетъ развиваться также болѣзненная страсть къ самонаблюденію, къ постоянному углубленію въ собственное я.

Если юноша жалуется, что у него въ головѣ все перепутывается, и память ему слишкомъ часто измѣняется (что несвойственно его возрасту), на эти симптомы также слѣдуетъ обратить вниманіе.

Замѣтимъ, кромѣ того, что у нервныхъ больныхъ замѣчается особаго рода вялость, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ «утренней усталости», но если такое состояніе онъ испытываетъ только утромъ, а въ остальное время дня чувствуетъ себя лучше, то это просто скоропреходящее слѣдствіе обыкновеннаго нервнаго истощенія. Подобные больные страдаютъ также иногда болѣзненнымъ страхомъ: имъ все кажется, что они говорятъ и дѣйствуютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и вотъ они стремятся провѣрять себя, повторять все одини и тѣ же дѣйствія, чтобы убѣдиться въ ихъ правильности

и цѣлесообразности. Еще недавно европейскіе психіатры считали такой характеръ результатомъ вырожденія, но теперь дознано, что онъ можетъ проявиться на почвѣ часто встрѣчающагося истощенія нервной системы.

Изучая съ точки зрѣнія психолога всѣ эти симптомы, надо постоянно помнить главное правило, каждое душевное разстройство важно постольку, поскольку оно вліяетъ на общіе процессы и привычки даннаго лица. Надо принять затѣмъ во вниманіе, что сильныя, ярко выражающіяся душевныя страданія не должны насъ такъ пугать, какъ тѣ, которыя долго остаются въ скрытомъ состояніи, проявляются менѣе замѣтно, но отличаются большимъ упорствомъ. Тоже самое мы можемъ сказать и съ нравственной точки зрѣнія. Если юношу, который своимъ дурнымъ поведеніемъ часто огорчаетъ воспитателя, мучать все-же угрызения совѣсти, его нельзя назвать безнадежнымъ; но если онъ никогда не узнаетъ собственной неправоты, нѣтъ надежды на его исправленіе. Всего-же безнадежныѣ типъ веселаго ученика, который систематически лжетъ, но никогда и ни въ чемъ себя не упрекаетъ, — его самосознаніе совершенно извращено. Въ государствахъ будущаго, навѣрно, будутъ устроены особыя убѣжища для такихъ неисправимыхъ лжецовъ, а пока этотъ типъ долженъ служить предостереженіемъ педагогу, показывая, что можетъ случиться, если наши общія понятія перестанутъ быть раздражительными и превратятся въ простыя орудія чувства удовольствія. Но всѣ эти примѣры и правила могли ужъ утомить читателя, и теперь мнѣ, вѣроятно, предложить вопросъ: какъ же лѣчить всѣ подобныя ненормальности? Прежде всего, въ случаяхъ серьезныхъ, педагогъ, какъ уже сказано выше, долженъ работать рука объ руку съ врачомъ. Лѣченіе же менѣе опасныхъ разстройствъ основывается на общихъ принципахъ нравственнаго воспитанія. Посредствомъ терпѣливыхъ внушеній слѣдуетъ укрѣплять въ юношѣ разумныя привычки, заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ и о его физическомъ здоровьѣ. Но предварительно надо, конечно, ознакомиться хорошенько съ настоящимъ положеніемъ больнаго, осмотрѣться, чтобъ составить себѣ планъ дѣйствій. Отъ воспитателя не потребуется ничего сверхъестественнаго: здѣсь только необходимы человѣчное отношеніе къ воспитаннику, педагогическая опытность, полное пониманіе положенія и, главнымъ образомъ, тактъ. Вы должны представить пациенту его положеніе въ настоящемъ свѣтѣ, чтобъ разогнать преувеличенные страхи, и вмѣстѣ съ тѣмъ выработать въ немъ цѣлый рядъ хорошихъ навыковъ, которые и будутъ успѣшно бороться съ дурными привычками. Хоть вы и психологъ-наблюдатель, но не развивайте въ томъ, кто ввѣренъ вашимъ попеченіямъ, опасной склонности постоянно рыться въ собственныхъ ощущеніяхъ, а лучше обратите его вниманіе на міръ внѣшній и научите благородному презрѣнію къ своему недугу: этимъ только онъ и побѣдитъ зло, живущее въ его душѣ. Помогите бѣдному юношѣ отсгупить какъ бы на нѣсколько шаговъ отъ самого себя и взглянуть на свой больной духъ спокойно и безстрастно. Очень важно достигнуть именно этого результата.

Н. Л.

Цивилизація и ложь.

Г. Тарда.

Въ наше время нерѣдко встрѣчаются нападки на современную цивилизацію, сомнѣнія въ ея полезности, даже мнѣнія, что она приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Если дѣло идетъ о *современной* цивилизаціи, то, конечно, можно признать нѣкоторыя дурныя стороны ея, хотя-бы, напр., неравномѣрное распредѣленіе ея благъ, односторонность ея и т. п.; но когда дѣло идетъ о цивилизаціи вообще, т. е. улучшеніи жизни человѣка во всѣхъ отношеніяхъ,—нравственномъ, умственномъ, матеріальномъ, то сомнѣніе въ пользѣ цивилизаціи—становится абсурдою. А между тѣмъ такое сомнѣніе является иногда даже подъ эгидою науки. Таковы, напр., соображенія Г. Тарда въ его книгѣ «La criminalité comparée относительно развитія лживости на ряду съ развитіемъ цивилизаціи.

«Съ развитіемъ цивилизаціи уменьшается или увеличивается-ли количество лжи въ человѣческомъ обществѣ?» спрашиваетъ Тардъ въ заключительной главѣ своего труда, и вотъ какой отвѣтъ даетъ онъ на этотъ вопросъ.

Что грубая, кровавая преступность уменьшается съ развитіемъ цивилизаціи—это несомнѣнно; за то преступность утонченная выростаетъ до широкихъ размѣровъ. Это явленіе обусловливается общимъ упадкомъ правдивости и честности и, что еще грустнѣе, — привычка ко лжи — самое благоприятное условіе для возникновенія всевозможныхъ правонарушеній. Даже убійца лжетъ, чтобы скрыть свое преступленіе или замаскировать приготовленія къ нему; впрочемъ, ложь у убійцы играетъ роль второстепенную. За то, что касается воровства, мошенничества всѣхъ видовъ, здѣсь она является главнѣйшимъ элементомъ. Преступленія противъ нравственности живутъ ложью: сластолюбецъ по природѣ своей скрываетъ и лицемеренъ. Лжецъ и соблазнитель—два понятія нераздѣльныхъ. Г-жа Бовари (героиня романа Флобера) лгала естественно, неудержимо, какъ вода течетъ въ ручьи. И это замѣчательно тонко и вѣрно подмѣченная авторомъ черта всѣхъ подобныхъ женщинъ.

Когда путешественники указываютъ на дикія племена, отличающіяся честностью и чистотою нравовъ, мы узнаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что они замѣчательны и строгой своей правдивостью. Любовь къ истинѣ, хотя бы и не-приятной, всегда тѣсно связана съ любовью къ справедливости, даже наносащей ущербъ.

Янсенисты XVII вѣка были представителями абсолютной правдивости. Явились они въ современной Франціи, и дурныя страсти не нашли бы себѣ почвы въ душѣ этихъ людей; онѣ рушились бы, натолкнувшись на незыблемую преграду: непобѣдимое отвращеніе ко лжи. Вспомнимъ квакеровъ: потому ли они безусловно честны, что они безусловно правдивы или наоборотъ? Янсенисты и квакеры представляютъ, такъ сказать, высочайшія вер-

пины человеческой правдивости. Въ наше время, мы видимъ, что поднялись въ мірѣ громадныя умственные вершины, и тѣмъ страннѣе впечатлѣніе того, что среди цѣлой массы открытыхъ и все вновь и вновь открываемыхъ научныхъ истинъ, правдивость все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ; между тѣмъ какъ прежде, среди глубочайшаго мрака невѣжества и заблужденій, родилось и выросло горячее искреннее поклоненіе правдѣ. Два указанныхъ явленія наводятъ мысль на нѣсколько интересныхъ соображеній.

Всякая преступность,—въ особенности же преступность утонченная,—вытекаетъ изъ духа лжи. Можетъ ли такая преступность быть побѣждена и уничтожена, сводится къ вопросу: возможно ли искоренить въ мірѣ ложь? Другими словами: нѣтъ ли такихъ обстоятельствъ или житейскихъ отношеній, когда не только польза, но даже необходимость лжи очевидна, напрашивается сама, а потому, можно ли надѣяться, что съ развитіемъ цивилизаціи такія обстоятельства и отношенія вовсе исчезнутъ или только уменьшатся, ослабѣютъ.

Тардъ утверждаетъ, что только лжецъ способенъ утверждать, что ложь никогда не бываетъ нужна и полезна въ жизни. Напримѣръ, трудно рѣшить, что сильнѣе способствовало блестящимъ успѣхамъ Аннибала, Цезаря и Наполеона,—ихъ военный гений или ихъ безчестность. Чѣмъ приобрѣли Венеція и Кароагенъ преобладаніе на моряхъ,—дѣловитостью своей или безчестностью?

Кому изъ воспитателей не приходилось отвѣчать ложью на нескромный вопросъ воспитываемаго? Какъ часто свободномыслящіе люди считаютъ нужнымъ скрывать свои мысли отъ дѣтей.

Дѣтямъ говорить, что пужно всегда говорить правду; но дѣти быстро замѣчаютъ, что правило это имѣетъ безчисленное множество исключеній, что его нарушаютъ всякій разъ, когда оно приходитъ въ столкновеніе съ крупными интересами, личными или общественными.

Если вѣрить Овидію, искусство любить съ его лживыми похвалами и клеветами,—есть искусство лгать. Искусство въ политикѣ,—если вѣрить Макиавелли,—есть искусство лгать. Можно ли имѣть *серьезный* успѣхъ въ любви безъ обмана, въ политикѣ безъ неправды, въ дипломатіи безъ коварства, въ дѣлахъ безъ мошенничества, на войнѣ безъ ловушекъ? Можно ли представить себѣ какую бы то ни было громкую популярность, извѣстность, славу безъ хотя-бы нѣкоторой доли шарлатанства?

И такъ, въ общемъ выводѣ, житейская мораль строго воспрещаетъ ложь, за исключеніемъ однако случаевъ первостепенной важности, напр., когда идетъ вопросъ о жизни и смерти, — и за исключеніемъ мелкихъ случаевъ, напр., когда мы, сидя дома, приказываемъ слугѣ сказать, что насъ дома нѣтъ. Слѣдовательно, предписаніе «не лгать» распространяется безусловно только на случаи средней важности. Но эта срединная область очень неясно выдѣлена; границы ея смутны и способны измѣняться до безконечности. Дурно то, что, съ увеличеніемъ числа безчестныхъ людей, перемѣщеніе границы этой области совершается въ смыслѣ благопріятномъ для всяческой безчестности. Ибо общественное мнѣніе, отъ котораго это разграниченіе зависитъ,—представляетъ трибуналъ, находящійся подъ влияніемъ тѣхъ, кого оно судить; трибуналъ, тѣмъ болѣе снисходительный къ извѣстнаго рода проступкамъ, чѣмъ эти проступки многочисленнѣе, т. е., чѣмъ строже слѣ-

довало-бы къ нимъ относиться. Есть основаніе предполагать, что въ наше время увеличеніе числа случаевъ воровства, мошенничества, обмановъ супружескихъ и коммерческихъ, обусловливается все возрастающей слабостью общественнаго мнѣнія и крайне снисходительнымъ взглядомъ на ложь и обманъ.

Ложь имѣеть двоякій характеръ: 1) можно говорить то, чего не думаешь; 2) можно говорить то, что думаешь съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія, за которымъ скрывается сомнѣніе. Имѣя это въ виду, говорить Гартъ, можно смѣло утверждать, что всякій человѣкъ, даже ученый, лжетъ на каждомъ шагѣ. Возьмемъ такую гипотезу. Представимъ себѣ государство, гдѣ вдругъ, сразу, все люди стали-бы правдивы: священники, журналисты, депутаты, министры, избиратели, отцы, мужья стали-бы говорить, писать, печатать все, что они думаютъ и въ томъ видѣ, какъ они дѣйствительно думаютъ. Осталась-ли бы въ дѣлности, на ногахъ, хоть одна изъ тѣхъ основъ, на которыхъ держался прежній порядокъ при новомъ направленіи умовъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что все философскія системы построены на болѣе или менѣе извращенныхъ фактахъ. Унизительное для рода людскаго признаніе!!

Однако постараемся освѣтить вопросъ: уменьшаетъ-ли цивилизація духъ лжи въ обществѣ человѣческомъ? Прогрессъ наукъ, расширеніе области договоровъ, этой юридической формы, наиболѣе въ наше время употребительной, наконецъ, социальная нивелировка,—все это вмѣстѣ взятое ведетъ къ упрощенію любви и привычки къ правдивости.

Говоря о социальной нивелировкѣ, замѣтимъ, что люди склонны лгать тѣмъ, кого не считаютъ себѣ равными: лгать дѣтямъ, женщинамъ, иностранцамъ, дикарямъ вообще не стѣсняются. Чѣмъ больше люди уравниваются другъ съ другомъ, тѣмъ сильнѣе растетъ у нихъ откровенность и тѣмъ виновнѣе они, если лгутъ. Постепенное расширеніе нравственныхъ отношеній между людьми предполагаетъ и расширеніе честности. Хотя между поверхностной откровенностью и укоренившейся глубокой правдивостью разстояніе еще очень велико. Въ древнихъ памятникахъ коварные поступки изображаются часто не только безъ порицанія, но съ похвалой. Гомеръ расхваливаетъ хитрость Улисса, какъ добродѣтель, и ставитъ ее на ряду съ мудростью Нестора, вѣрностью Гектора и храбростью Ахиллеса. Причина этому та, что хитрость Улисса такъ-же, какъ восхваляемыя качества другихъ героев, имѣли одну общую дѣль и были чисто-военными добродѣтелями. Коварство, обманы Улисса были военными хитростями, ихъ восхваляли, потому что они были обращены противъ враговъ, или-же противъ иностранцевъ; а, по понятіямъ древности, и тѣхъ и другихъ слѣдовало остерегаться: ибо тогда иностранецъ, если не былъ гостемъ, то являлся опаснымъ врагомъ. Не забудемъ, что въ древности все правовыя и общественныя отношенія заключены были въ узкую сферу одного города или одного племени.

Замѣняя военный строй жизни строемъ торгово-промышленнымъ, цивилизація ослабляетъ мужество, а мужество необходимо, чтобы быть правдивымъ всегда и вездѣ; цивилизація развиваетъ сребролюбіе и поощряетъ всякій обманъ. Развитіе предусмотрительности идетъ объ руку съ развитіемъ хитрости и расчетливости. Политическая борьба смѣнила релігиозные споры, борьба матеріальныхъ интересовъ смѣнила борьбу убѣждений, а стремленіе къ успѣху,

во что бы то ни стало, замѣнило непоколебимую вѣрность прежнихъ лѣтъ. Развитие ума, искусство не быть обманутымъ выросло въ ущербъ силѣ характера, которая состоитъ въ томъ, чтобы никому никогда не льстить. Освобожденіе умовъ изъ-подъ ига догматизма способствовало развитію индивидуальности, а отсюда возникла все болѣе и болѣе возрастающая необходимость всевозможныхъ условностей и компромиссовъ, которые позволили-бы ужиться между собою столькимъ противникамъ. На всѣхъ современныхъ людяхъ, кривящихъ душой, лежитъ, словно гримировка, обязательная вѣжливость,— признакъ долготѣйшей культуры. И что можетъ быть иногда обманчивѣе вѣжливости?

До какихъ только гиперболъ не доходятъ некрологи? А возможно-ли унпчтожить это лицемеріе, не вызвавъ всеобщаго взрыва негодованія? Альцесты становятся все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ, ибо откровенность является признакомъ челоуѣка съ противоположенными наклонностями и не одобряется. Увеличеніе числа личныхъ отношеній и разговоровъ развиваетъ злорѣчіе, а злорѣчіе ведетъ къ лицемерію. И въ самомъ дѣлѣ, если-бы кто-нибудь рѣшился не подавать руки тому, о комъ онъ дурно отозвался, ему пришлось-бы поссориться чуть-ли не со всѣми своими знакомыми. Есть люди, которые имѣютъ привычку хорошо отзываться обо всѣхъ безъ исключенія, но и эта всеобщая благожелательность тоже, вѣдь, вся основана на лжи. Совмѣстить прямодушие и ловкость—вотъ идеаль общественности, но это такъ-же трудно, какъ найти квадратуру круга.

Статистика свидѣтельствуетъ, что въ современной жизни уровень правдивости понижается. На первый взглядъ трудно понять, какъ можетъ быть, чтобы истина распространялась на ряду съ паденіемъ правдивости, и чтобы возрастаніе личной безопасности шло объ руку съ увеличеніемъ безчестности.

Отвѣтимъ на это, что безопасность, возрастающая по мѣрѣ развитія цивилизаціи, основана на дѣйствіи учреждений, управляемыхъ сильными потоками принциповъ болѣе или менѣе измѣняемыхъ, а не на характерѣ болѣе устойчивомъ лицъ съ традиціонными заблужденіями и великими призрачными надеждами.

Излишне добавлять, что довѣріе личное не можетъ измѣниться, не затрогивая до известной степени довѣрія общественнаго, безличнаго. Если-же истина, добытая съ трудомъ, пущенная въ свѣтъ малымъ числомъ искреннихъ избравниковъ, этимъ жалкимъ меньшинствомъ, если истина эта пробиваетъ густую атмосферу всякой лжи и фальши, которыми наполняютъ ежедневно 99 изъ 100 печатныхъ листовъ, то это лишь потому, что другъ другу противорѣчащія лжи взаимно уничтожаются, а согласныя истины выживаютъ. Виѣстъ съ тѣмъ желаніе не быть обманутымъ пересиливаетъ стремленіе обмануть.

Чтобы сдѣлать вѣрную оцѣнку степени правдивости даннаго общества, надо знать, какъ великъ процентъ людей неглущихъ среди тѣхъ, для кого ложь имѣетъ выгоду.

Свѣдѣнія все болѣе точныя и многочисленныя, которыя получаетъ цивилизованный челоуѣкъ изъ книгъ, газетъ, отъ друзей, знакомыхъ, составляютъ первичный матеріалъ для тѣхъ обманчивыхъ теоретическихъ или практическихъ силлетеній, въ которые запутывается масса людей; и чѣмъ богаче матеріалъ, тѣмъ обширнѣе сѣти. Но родъ челоуѣческой хоть и

жаждетъ свѣдѣній, фактовъ точныхъ и ясныхъ, но еще жаднѣе онъ до иллюзій, лестныхъ и успокоительныхъ; и ему всегда подаютъ то, чего онъ проситъ.

Надо замѣтить, что человекъ, особенно ребенокъ,—склонны въ одно и тоже время вѣрить всему, что ему скажутъ, и не говорить того, что онъ думаетъ. Эти два природенныхъ свойства удобны, какъ нельзя болѣе, для развитія лжи.

Ларошфуко сказалъ: «солнцу и смерти нельзя глядѣть прямо въ лицо». То же самое можно сказать и о правдѣ: ея свѣтъ страшенъ,—словно онъ ведетъ погибель личную или общественную.

Какъ будто для того, чтобы общество держалось въ извѣстномъ видѣ, необходимо извѣстное число иллюзій, которыя мѣняются со временемъ и мѣстностью, и которыя приходятся поддерживать и питать постояннымъ потокомъ наставленій, лекцій, газетныхъ статей,—словомъ всякаго рода подтвержденіями, или завѣдомо лживыми, или несомнѣнно ошибочными. Отсюда (мысль покажется парадоксальной) выводъ: когда заблужденіе падаетъ, рождается ложь и расчетъ, пока не измѣнятся многія существенныя условія жизни.

Возьмемъ, напримѣръ, шовинистовъ. Шовинизмъ—это патріотизмъ, входящій въ упадокъ, и чѣмъ ближе *часъ его паденія*, тѣмъ громче шовинисты кричатъ: да здравствуетъ отечество! Аналогичное явленіе—клерикализмъ. Чѣмъ замѣтно падаетъ то или иное вѣроученіе, тѣмъ громче и усерднѣе ревнители его кричатъ о себѣ и навязываются каждому. Аналогичное явленіе—радикализмъ въ политикѣ: предчувствуя смерть, онъ реагируетъ противъ скептицизма своимъ рѣзко выраженнымъ догматизмомъ. Шовинизмъ, клерикализмъ и радикализмъ—вотъ три современныхъ формы той странной смѣси шарлатанства и фанатизма на Западѣ, примѣры чего являла намъ не рѣдко и древность (вспомнимъ Пизагора).

Нынче исчезли многіе виды лжи, но они успѣшно замѣнены другими. У всѣхъ первобытныхъ народовъ мы встрѣчаемъ колдовство, потому что предсказанія; оракулы были не только у классическихъ народовъ, но и у Аптековъ, и т. д.

Въ VI вѣкѣ до Р. Х. нарождается орфизмъ. Въ средніе вѣка мы видимъ продажу поддѣльныхъ реликвій, затѣмъ торговлю индугенціями; успѣхъ лже-исидоровыхъ декреталій всѣмъ извѣстенъ. Итальянское возрожденіе имѣло астрологовъ и до конца XIX вѣка во Франціи были колдуны. Теперь процвѣтаютъ медіумы и хиромантики.

Намъ возразятъ: можетъ-ли быть, чтобы ложь и заблужденіе были въ обратномъ отношеніи другъ къ другу, вѣдь, заблужденіе порождаетъ ложь? Мы отрицаемъ, чтобы ложь рождала заблужденіе. Религіи, напр., магометанъ, буддистовъ и др. были основаны не обманщиками. Обманъ въ религіи играетъ роль при упадкѣ ея (и ускоряетъ упадокъ), а не при возникновеніи и развитіи ея: основатели и распространители религіи были по большей части энтузіасты, вполне вѣрующіе, искренніе; только вѣра рождаетъ вѣру.

И ложь является тогда, когда исчезаетъ энтузіазмъ для того, чтобы количество человѣческихъ иллюзій оставалось приблизительно всегда однимъ и тѣмъ-же. Что касается лжи, то она, вслѣдъ за мимолетнымъ успѣхомъ, порождаетъ скептицизмъ и недовѣріе къ себѣ. Вотъ почему общества, упоенныя обманомъ, теряютъ всякую вѣру, а общества терроризованныя ничего не ува-

жають. Въ соціальному строї между страхомъ и уваженіемъ существуетъ то же обратное отношеніе, что между ложью и заблужденіемъ. Деспотизмъ и жестокость не нужны правительству, если оно уважаемо; а уваженіе это имѣеть корень не въ жестокости, но въ долговременности власти правильной, охранительной и гордой своимъ могуществомъ.

И такъ: иллюзии, заблужденія необходимы для поддержанія общественнаго строя, но ложь противна ему, ибо способствуетъ развитію преступности. Источникъ иллюзій долженъ корениться не во лжи. Источникъ иллюзии — воображеніе, галлюцинація. Вотъ почему такъ неизмѣримо важна роль людей съ воображеніемъ при возникновеніи цивилизаціи.

Едва только какая-либо истина открыта учеными, сочтите сколько лжецовъ эксплуатируютъ ее, начиная съ промышленниковъ, которые пишутъ о ней въ своихъ рекламахъ, и кончая теоретиками, желающими во что бы то ни стало всунуть ее въ свою систему. Популяризація научныхъ истинъ имѣла-бы морализующее вліяніе, если бы способствовала развитію правдивости. Къ сожалѣнію, ея дѣйствію подпадаетъ самое малое количество людей: не промышленники, старающіеся извлечь изъ нея деньги, не романисты и поэты, ищущіе въ нихъ новыхъ ощущеній, но одни только ученые, которые пользуются наукой для пользы науки.

Соціальный организмъ старается защититъ себя отъ непріятныхъ истинъ, которыя осаждаютъ его со всѣхъ сторонъ, подобно тому, какъ живой организмъ борется противъ внѣшнихъ невзгодъ и физическихъ силъ. Соціальный организмъ въ то-же время чувствуетъ потребность въ истинѣ, въ правдѣ, подобно тому, какъ физическій организмъ нуждается во всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, противъ которыхъ онъ ведетъ неустанную борьбу и безъ которыхъ онъ погибаетъ.

Общество живетъ истинами и знаніями, вѣчно обновляющимися; оно поглощаетъ и ассимилируетъ то, что предлагаютъ ему ученые и философы. Ученые и философы стоятъ на границѣ міра соціальнаго; ихъ обязанность, приводить этотъ міръ въ соприкосновеніе со всей вселенной; они играютъ роль тѣхъ ячеекъ кожи и тканей глаза, которыя получаютъ впечатлѣніе отъ волнъ эфира, чтобы передать ихъ внутрь тѣла, гдѣ эти вибраціи распадаются и преломляются на тысячи ладовъ.

Соціальная потребность въ иллюзіи, объясняющая обратное отношеніе лжи и заблужденія, а также повышеніе и пониженіе утонченной преступности, — основаны, и это заставляетъ насъ предполагать ее безсмертной, — на потребностяхъ соціальной организаціи, т. е. на логическомъ согласіи (accord logique) въ общественномъ смыслѣ слова. Какъ въ отдѣльномъ индивидуумѣ, такъ и въ обществахъ, логическое согласіе заключается въ образованіи группы сужденій и намѣреній, сходящихся въ одномъ фокусѣ; причемъ уничтожаются тѣ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ большинствомъ.

Въ индивидуумѣ тѣ сужденія и желанія, которыя нужно логически согласовать, заключены въ немъ самомъ, а въ общественномъ организмѣ эти различныя сужденія и желанія олицетворены въ отдѣльныхъ личностяхъ. И такъ, для отдѣльнаго лица желаніе быть логичнымъ составляетъ часть желанія быть правдивымъ; отвращеніе къ разладу съ самимъ собой въ дѣлахъ и мысляхъ идетъ объ руку съ отвращеніемъ ко лжи. Когда идея или планъ

приходить въ столкновѣніе съ другими болѣе сильными, то уничтожается, и внутренній міръ приходитъ въ равновѣсіе. Но въ общественномъ организмѣ борьба происходитъ между людьми, олицетворяющими разныя идеи, а людей уничтожать нельзя, ихъ надо взять убѣжденіемъ или хитростью. Стремленіе къ какому-нибудь матеріальному благу (земельное владѣніе, наслѣдство, рука любимой женщины) способствуетъ логическому согласію всѣхъ желаній одного лица, но съ общественной точки зрѣнія всѣ эти стремленія разъединяютъ людей и ставятъ общество на почву нелогичности, т. е. разлада. Коммунистическое владѣніе землями, стадами, рабами,—было возможно только въ первобытномъ состояніи, и раздѣленіе ихъ стало предметомъ всеобщаго недовольства. Отсюда явилась необходимость создать какое-нибудь воображаемое благо (мистическое небо, слава, красота, искусство), въ которомъ какъ въ фокусѣ слились и пришли въ логическое согласіе въ мірѣ идеала всѣ желанія и стремленія, несомвѣстимыя на землѣ.

Со многими соображеніями Тарда нельзя согласиться. Чѣмъ, напр., можно доказать положеніе, что лживость возрастаетъ съ успѣхами цивилизаціи? Имѣемъ ли мы какія либо научныя основанія утверждать это? Гдѣ статистическія данныя для этого, напр., изъ древней или средневѣковой исторіи?—Затѣмъ, можно-ли, говоря о лжи, ставить въ одномъ ряду, какъ это дѣлаетъ Тардъ скрываніе истины изъ любви къ ближнему и своекорыстную ложь. Врачъ, напр., скрываетъ отъ умирающаго его близкую смерть; отъ матери скрываютъ смерть ея любимаго единственнаго сына, чтобы приготовить ее къ печальному извѣстію. Развѣ можно подобные факты «лжи» сопоставить съ своекорыстною ложью и клеветою. То-же надо сказать и о той лжи, которая вызывается деликатностью. Если сумма лжи растетъ въ эту сторону, то бѣда еще не такъ велика, и нѣтъ основанія смотрѣть на цивилизацію слишкомъ мрачно. Если съ успѣхами ея преступность избираетъ все болѣе и болѣе утонченныя формы мошенничества вмѣсто прежняго прямого насилія и разбоя, то, полагаемъ, для общества, все-таки, легче имѣть дѣло съ «лживыми» мошенниками, посягающими на собственность людей, чѣмъ съ шайками «правдивыхъ» разбойниковъ, отнимающихъ у людей не только ихъ имущество, но и самое дорогое для нихъ—ихъ жизнь. Фактъ, неподлежащій сомнѣнію, что съ успѣхами цивилизаціи возрастаетъ количество несомнѣнныхъ истинъ (въ области знанія), а жизнь и имущество становятся обезпеченнѣе. Это доказано исторіей.

Е. Ч.-Д.

Торжество науки.

Научныя основы цвѣтной фотографіи.

(Альфонса Берже).

Для того, чтобы было понятно основаніе приѣмовъ цвѣтной фотографіи, нужно напомнить читателю сущность взглядовъ, принятыхъ въ настоящее время всѣми физиками, на свѣтотыя явленія.

Послѣ работъ Френеля всѣми признается, что свѣтъ есть результатъ волнообразнаго движенія. Примѣромъ подобныхъ движеній можетъ служить колебательныя движенія воды, напр., въ прудѣ, когда на спокойной его поверхности появится рядъ расширяющихся круговъ, вслѣдъ за брошеннымъ въ него камнемъ. Круги все увеличиваются и увеличиваются, и кажется, будто вода переносится изъ центра колебательныхъ движеній къ берегу пруда, между тѣмъ подобнаго передвиженія вовсе нѣтъ: если на поверхности пруда плаваетъ какой-нибудь предметъ, напр., кусокъ дерева, то можно замѣтить, что онъ не перемѣняетъ своего мѣста, а при проходѣ волны только приподнимается, въ сторону движенія волны. Скоростью распространения волны называется пространство, которое она пробѣгаетъ по поверхности бассейна въ единицу времени.

Такъ какъ частицы воды остаются на мѣстѣ, то въ виду распространения движенія слѣдуетъ признать, что эти частицы эластичны, упруги, что при этомъ происходитъ то-же, что съ бильярдными шарами, которые, будучи поставлены въ рядъ, бокъ о бокъ, всѣ остаются на мѣстѣ, кромѣ послѣдняго, если ударите шаромъ въ первый; каждый изъ нихъ, оставаясь на мѣстѣ, передаетъ движеніе слѣдующему. Волнообразное движеніе передается отъ частицы къ частицѣ, при этомъ въ равныя промежутки времени волна проходитъ равныя разстоянія. Если причина, произведшая колебаніе, устранена, напр., если камень брошенъ въ воду только разъ, то волны становятся все меньше и меньше. Если-же поверхность будетъ колебаться періодически, напр., когда мы помѣстимъ надъ поверхностью воды стальную вибрирующую пластинку, которая будетъ при каждомъ колебаніи касаться воды, тогда волны будутъ непрерывно слѣдовать одна за другою, сохраняя одинаковую напряженность, и волнообразное колебаніе станетъ вибрирующимъ. Типическимъ примѣромъ подобныхъ колебаній является звукъ. Каждый звукъ есть результатъ вибраціи какого-нибудь тѣла твердаго, жидкаго или газообразнаго, при чемъ распространеніе звука идетъ послѣдовательными волнами, какъ въ случаѣ круговъ на водѣ; только вмѣсто плоскости распространеніе идетъ по всей окружающей атмосферѣ; такимъ образомъ волны являются не кругами, а сферами (шаровыми поверхностями), гдѣ центръ есть вибрирующая точка. Пространство, пробѣгаемое волной въ секунду, называется скоростью распространения, которая для звука въ воздухѣ равняется 330 метрамъ въ секунду.

Чрезвычайно важно въ физикѣ знать пространство, пробѣгаемое волной не въ секунду, но въ продолженіи одной vibraціи; это называется длиной волны.

Всякій звукъ распространяется съ одинаковой скоростью, поэтому піесу музыкальную въ оркестрѣ можно слушать и вблизи и вдали. Длина же волнъ не одинакова; у высокыхъ звуковъ волны короче, чѣмъ у низкихъ, такъ какъ короткія волны чаще пробѣгаютъ свое пространство, то общая скорость распространенія звука будетъ та-же, что для высокыхъ и низкихъ. Многіе факты заставили Френеля принять гипотезу существованія особаго упругаго вещества эфира, колебанія котораго являются причиной свѣтовыхъ явленій; эфиръ наполняетъ и пустое пространство, межпланетное; онъ проникаетъ черезъ прозрачныя тѣла. Скорость распространенія его 300 тысячъ километровъ въ секунду. Какъ звуки, распространяясь съ одинаковой быстротой, различаются числомъ колебаній и длиной волны, такъ точно тѣ или другіе цвѣта предметовъ соотвѣтствуютъ различному числу колебаній эфирныхъ частицъ; красный цвѣтъ соотвѣтствуетъ 497 миллиардамъ колебаній въ секунду, а фіолетовый—728 миллиардамъ. Такъ какъ число колебаній свѣта очень значительно, то длина соотвѣтствующихъ волнъ очень мала; длина красной волны составляетъ 620 десяти тысячныхъ части миллиметра, а длина фіолетовой 423 десяти тысячныхъ части миллиметра.

Сложный цвѣтъ какъ и сложный звукъ представляетъ явленіе суммированія волнъ: звукъ напр. la на виолончели не есть простой; въ немъ присутствуетъ основное la, но въ сопровожденіи другихъ гармоничныхъ съ нимъ тоновъ, которые вмѣстѣ съ нимъ даютъ одинъ звукъ, имѣющій известную окраску (тембръ), свойственную виолончели; ощущение la отъ флейты будетъ отлично отъ предыдущаго, такъ какъ гармоничные тоны уже не тѣ. Сложный цвѣтъ такимъ-же точно образомъ происходитъ изъ простаго основнаго цвѣта. Фонографъ Эдиссона представляетъ матеріальное осуществленіе подобнаго суммированія колебательныхъ движеній: одна пластинка можетъ одновременно колебаться въ унисонъ и съ голосомъ человѣка и съ цѣлымъ оркестромъ; когда заставляють фонографъ воспроизвести звукъ, то колебаніе одной этой пластинки даетъ ощущеніе первоначальныхъ звуковъ съ соотвѣтственнымъ тембромъ, такъ какъ элементарные звуки, слагаясь въ отмѣткахъ цилиндра фонографа, вполне точно передаются колебаніями пластинки.

Призма обладаетъ способностью раздѣлять цвѣта одинъ отъ другаго; соединеніе-же всѣхъ простыхъ цвѣтовъ радуги или солнечнаго спектра составляютъ бѣлый цвѣтъ. Выдѣляя изъ цвѣтовъ радуги какой нибудь цвѣтъ, напр. красный, и собирая остальные, получаемъ уже не бѣлый цвѣтъ, а зеленый, т. е. бѣлый безъ краснаго; онъ есть дополнительный краснаго; вмѣстѣ они составляютъ бѣлый. Черный есть отсутствіе всякаго свѣта.

Итакъ, когда волна свѣта распространяется безпрепятственно, то каждая частица эфира не передвигается, а только выходитъ изъ своего положенія равновѣсія и опять въ него возвращается, заставляя сосѣдную частицу такъ-же колебаться около своего положенія равновѣсія. Когда волна встрѣтитъ препятствіе, то она отразится, какъ шаръ бильярдный отъ борта; тогда каждая частица должна подвергнуться прямому и отраженному дѣйствию. Когда оба колебанія сообщаютъ частицѣ скорость въ одномъ направленіи, тогда частица будетъ двигаться энергичнѣе, а если на нее дѣйствуютъ двѣ

скорости въ противоположномъ направленіи, то частица можетъ вовсе не выходить изъ положенія равновѣсія; такимъ образомъ, два звука, суммируясь могутъ иногда дать въ результатѣ отсутствіе звука, такъ-же, какъ свѣтъ со свѣтомъ могутъ дать темноту. Это замѣчательное явленіе называется *интерференціей*. Чтобы произошло оно въ данномъ пунктѣ, нужно, чтобы разница двухъ вибрацій равнялась длинѣ полуволны или нечетному числу полуволнъ, если же разница будетъ цѣлое число волнъ, тогда произойдетъ удвоеніе звука или свѣта. Если провести изъ звучащей трубы къ перепонкѣ, усыпанной порошокомъ, нить, то окажется, что песокъ въ иныхъ мѣстахъ остался въ покоѣ, а въ другихъ сильно возмущенъ; первыя мѣста соотвѣтствуютъ отсутствію звука въ трубѣ, вторыя его усиленію; первыя называются *узлами*, вторыя—*пучностями*; разстояніе между двумя узлами и двумя пучностями, равняется длинѣ полуволны, разстояніе-же между пучностью и узломъ составляетъ одну четверть длины волны.

Такое-же явленіе интерференціи происходитъ и при отраженіи свѣта отъ плоской зеркальной поверхности; отраженная волна интерферируетъ съ прямой и получаются свѣтлыя и темныя плоскости соотвѣтственно узламъ и пучностямъ покоящихся или дѣятельныхъ частицъ эфира. Мыльный пузырь представляетъ намъ такія явленія. Сначала онъ безцвѣтенъ, потомъ, когда отъ испаренія воды стѣнки его утоньшатся, онъ станетъ краснымъ, оранжевымъ, зеленымъ, потомъ синимъ и фіолетовымъ, послѣ чего, когда уже стѣнки совсѣмъ утончились, онъ лопнетъ. Что-же тутъ происходитъ? Лучъ свѣта, встрѣчая стѣнку пузыря, частью входитъ, частью отражается отъ передней поверхности; проникнувъ въ стѣнку и пройдя ее, лучъ свѣта снова встрѣчаетъ внутреннюю поверхность стѣнки и частью пройдетъ, частью отразится; такимъ образомъ мы имѣемъ два отраженные луча: отъ передней и задней стѣнки; первый лучъ опережаетъ второй, такъ какъ онъ раньше отразился, а второй опоздалъ на двойную толщину стѣнки, пройдя ее разъ туда и разъ обратно. Все будетъ теперь зависеть отъ величины этой разницы: если она будетъ равна полуволнѣ или нечетному числу полуволнъ, будетъ интерференція или темная полоса, въ противномъ случаѣ будетъ увеличеніе яркости цвѣта, который соотвѣтствуетъ этой длинѣ волны. Пока стѣнка толще, разница соотвѣтствуетъ длинѣ красного цвѣта, а потомъ съ утонченіемъ стѣнки разница будетъ соотвѣтствовать болѣе короткимъ волнамъ—зеленымъ, голубымъ, фіолетовымъ.

Основываясь на этихъ данныхъ, профессоръ Липпманъ произвелъ слѣдующій опытъ, служащій основой цвѣтной фотографіи.

Представимъ себѣ плоское металлическое зеркало, покрытое слоемъ чувствительнымъ къ свѣту. Приготовленное такимъ образомъ зеркало мы поставимъ въ фотографическую камеру и бросимъ на него изображеніе какого-нибудь одноцвѣтнаго предмета, напр., желтаго четырехугольника. Тогда прямая волна свѣта будетъ интерферировать съ отраженной, и передъ зеркаломъ пространство раздѣлится на параллельныя участки то темныя, то свѣтлыя соотвѣтственно узламъ и пучностямъ; только въ плоскостяхъ пучностей чувствительный слойъ будетъ подѣйствіемъ свѣта, гдѣ произойдетъ его удвоеніе, въ узловыхъ-же плоскостяхъ будетъ темно. Если мы проявимъ и фиксируемъ пластинку обыкновенными приемами фотографіи, то получимъ рядъ

параллельныхъ плоскостей изъ частицъ металлическаго серебра *); разстояние между этими плоскостями равно полуволнѣ; двѣ плоскости составляютъ тонкую пластинку такой толщины, которая отражаетъ по закону интерференціи цвѣтъ, имѣющій такую-же длину волны; рассматривая пластинку въ отраженномъ свѣтѣ мы увидимъ появленіе желтаго четырехугольника. Такъ какъ длина волны величина очень незначительная, то въ чувствительномъ слое будетъ множество такихъ плоскостей.

Если, вмѣсто желтаго четырехугольника, поставить красный, произойдетъ то же, только серебряные слои будутъ болѣе удалены, чѣмъ для желтаго цвѣта. Такимъ образомъ, если на чувствительную пластинку мы бросимъ настоящий солнечный спектръ, то получимъ серебряныя пластинки, промежутокъ между которыми будутъ измѣняться отъ фіолетоваго до краснаго, а въ отраженномъ свѣтѣ мы увидимъ изображеніе спектра со всеми цвѣтами. Таковъ принципъ цвѣтной фотографіи.

Для практическаго его осуществленія Липпманъ бралъ плоскій стеклянный ящикъ, внутреннюю стѣнку котораго дѣлалъ онъ чувствительнымъ слоемъ, а для зеркальности наполнялъ ящикъ ртутью; ящикъ ставилъ въ фокусъ объектива, т. е. въ томъ мѣстѣ фотографическаго аппарата, гдѣ сходятся лучи отъ изображаемаго предмета и даютъ изображеніе (обратный негативъ).

Чувствительный слой, состоящій изъ коллодіума и альбумината, содержитъ въ себѣ хлористый, іодистый или бромистый калий; его погружаютъ въ растворъ азотнокислаго серебра (10 на 100).

Теперь вопросъ,—сколько времени держать пластинку. Вѣдь, не всѣ части спектра обладаютъ одинаковою химическою энергіей. Фіолетовая и голубая часть дѣйствуютъ почти мгновенно, между тѣмъ какъ красная мало дѣятельна, такъ что даже красные фонари употребляютъ фотографы для своихъ манипуляцій; фотографъ уноситъ негативъ въ темную комнату, которая освѣщается во время работы краснымъ свѣтомъ, химически не дѣятельнымъ, такимъ образомъ если времени для дѣйствія фіолетовой части будетъ достаточно, красная вовсе не подѣйствуетъ; если-же держать столько времени, чтобы подѣйствовала красная часть, тогда фіолетовая передержится.

Для избѣжанія этого можно ставить цвѣтные экраны, которые будутъ перенимать всѣ цвѣта исключая того, который требуется въ данный моментъ; тогда можно будетъ держать для каждаго цвѣта соответственное количество времени.

Впрочемъ, Липпманъ, обрабатывая извѣстнымъ образомъ чувствительную пластинку, достигъ того, что она становилась одинаково чувствительна какъ къ красному, такъ и голубому цвѣту; такимъ образомъ, не прибѣгая къ окрашеннымъ средамъ въ шесть минутъ получается полный солнечный спектръ. Понятно, что, вынувъ изъ камеръ-обкуры изображеніе, мы не увидимъ его окрашеннымъ.

Для этого нужно проявить цвѣта, что достигается погруженіемъ въ пирогалловую кислоту и углекислый аммоній, а для фиксированія, т. е. закрѣп-

*) Безцвѣтная серебряная соль подъ дѣйствіемъ свѣта чернѣетъ, т. е. выдѣляетъ мелкія частицы серебра, которыя даютъ впечатлѣніе чернаго цвѣта.

ленія погружаютъ въ сѣрнокислый натръ (150 граммъ на литръ); послѣ промывки и сушки появляются цвѣта.

Открытие цвѣтной фотографіи есть торжество научнаго знанія, такъ какъ профессоръ Липпманъ пришелъ къ нему не эмперическимъ путемъ, не случайно, а строго-логическимъ выводомъ изъ научныхъ теорій свѣта, разработанныхъ Френелемъ и другими учеными. *Ст. Я—ко.*

Какъ происходитъ правильная оцѣнка нашихъ чувственныхъ впечатлѣній.

Проф. Гельмгольца.

Прежніе философы и психологи были весьма склонны подводить подъ понятіе воспріятія (перцепціи) и считать непосредственнымъ продуктомъ извѣстнаго устройства нервной системы все то, что въ нашихъ чувственныхъ образахъ рождается безъ размышленій, мгновенно и одинаково у всѣхъ людей, при чемъ участіе низшихъ психическихъ процессовъ памяти и припоминанія совершенно игнорировалось.

Что, дѣйствительно, ясное пониманіе часто повторяющихся воспріятій (перцепцій) можетъ являться съ неизмѣнной точностью мгновенно и безъ малѣйшаго размышленія — доказательствомъ этого можетъ служить усвоеніе роднаго языка, но несомнѣнно, что мы его выучиваемъ при помощи упражненій, т. е. часто повторяющагося опыта, стало быть, такое знаніе не есть врожденное. Дитя нашего народа, родившись и выросши внѣ своего отечества, среди людей съ чуждымъ намъ языкомъ, усвоить себѣ этотъ послѣдній въ такомъ же совершенствѣ, какъ мы—нашъ. А вѣдь вполне развитый языкъ цивилизованнаго народа представляетъ такое богатство средствъ для выраженія самыхъ разнообразныхъ и тонкихъ оттѣнковъ мысли, что въ этомъ отношеніи можетъ быть сравненъ съ многообразіемъ тѣлесныхъ формъ окружающихъ насъ предметовъ.

Примѣръ языка поучителенъ и въ томъ отношеніи, что даетъ намъ возможность уяснить себѣ, какимъ образомъ достигается такое согласное пониманіе системы знаковъ, которую каждый наблюдатель выбиралъ совершенно произвольно, такъ что не всегда и филологъ въ состояніи найти связь между отдѣльными корнями словъ. Родной языкъ усваивается путемъ упражненія. Дитя слышитъ, какъ произносятъ названіе предмета, на который ему указжутъ, и замѣчаетъ связь между словомъ и извѣстнымъ измѣненіемъ во внѣшнемъ мірѣ.

Въ его памяти тѣмъ крѣпче связывается слово съ предметомъ, чѣмъ чаще это повторяется. Повтореніе однако относится не всегда къ одному

предмету: одно названіе можетъ приурочиваться къ цѣлому классу схожихъ предметовъ или явленій.

Такимъ образомъ развиваются названія понятій цѣлаго класса предметовъ или явленій, при чемъ объемъ значеній, въ какомъ употребляется слово, утверждается также при помощи употребленія и только изрѣдка подтверждается посредствомъ опредѣленія.

При этомъ процессѣ, извѣстномъ намъ изъ ежедневнаго опыта и который остается тѣмъ же и для усвоенія чужаго языка, изучаемаго нами позже, значеніе каждаго слова вѣдряется въ насъ тѣмъ тверже, чѣмъ чаще мы его употребляемъ. Бромѣ того, только въ началѣ мы можемъ удержать въ памяти тѣ случаи, когда мы его услышали; впоследствии, когда число такихъ случаевъ станетъ слишкомъ велико, чтобы можно было перечислить, при какихъ обстоятельствахъ и когда мы ихъ слышали, въ насъ остается лишь конечный результатъ нашихъ опытовъ, по которому мы можемъ опредѣлить, что данное слово обнимаетъ именно этотъ рядъ схожихъ предметовъ; но при какихъ обстоятельствахъ и почему мы пришли къ такому его значенію, и почему мы не рѣшимся употребить его въ другомъ значеніи,— мы уже не можемъ показать.

Изъ этого можно заключить, что частымъ повтореніемъ одинаковыхъ опытовъ мы достигаемъ того, что регулярно наступающая связь между двумя различными воспріятіями (перцепціями), напр., между звукомъ слова и зрительнымъ или чувственнымъ его образомъ, можетъ все болѣе и болѣе укрѣпляться, хотя бы между ними первоначально и не было никакой естественной связи и когда это, наконецъ, случится, то мы не можемъ сказать, какимъ образомъ мы пришли къ такому познанію и на какихъ наблюденіяхъ оно основывается.

Наконецъ, мы находимъ, что не только для роднаго, но и чужаго языка можно достигъ извѣстнаго навыка, при которомъ мы, не думая, мгновенно улавливаемъ смыслъ рѣчи, слѣдя за самыми тонкими разнообразными измѣненіями его. Когда же мы захотимъ дать себѣ отчетъ, какимъ образомъ мы этого достигли, то можемъ сказать только въ общихъ выраженіяхъ, что мы постоянно встрѣчали слово именно въ этомъ значеніи.

Но это можно подвести подъ общее правило дѣятельности памяти, что одинаковымъ образомъ часто повторяющіяся впечатлѣнія, при прочихъ равныхъ условіяхъ, оставляютъ болѣе длительный слѣдъ и скорѣе возвращаются въ наше сознаніе, чѣмъ такіа, которыя являются въ случайной и измѣнчивой связи.

Это правило подтверждается на массѣ другихъ случаевъ.

Если два явленія подчиняются извѣстному закону природы, который опредѣляетъ ихъ одновременное появленіе или правильно послѣдовательное, то, наблюдая ихъ, мы и будемъ имѣть постоянную связь.

Если же эта одновременность или послѣдовательность вызывается просто случаемъ, то и связь будетъ также случайная; можно представить себѣ также, что тѣ и другіе случаи перемѣшиваются, затемняя связь, основанную на извѣстномъ законѣ, случайными связями въ такой степени, что случайная связь является такою же постоянной, какъ и основанная на законѣ. Когда мы изучаемъ языкъ, то явленія, представляющіяся намъ закономѣрными, подчиняются правилу, установленному самимъ человѣкомъ, въ

чемъ мы не можемъ усмотрѣть прочности и неизмѣнности законовъ природы. Отъ этого и происходитъ то, что обозначенія для одинаковыхъ предметовъ не всегда похожи другъ на друга; напротивъ, мы встрѣчаемся тутъ съ совершенно неожиданными и совершенно не подчиняющимися никакому правилу различіями. Нечего поэтому удивляться, если, подъ вліяніемъ многочисленныхъ и согласныхъ наблюденій надъ отношеніемъ тѣлъ въ природѣ между собой и къ нашимъ чувствамъ, мы приходимъ къ болѣе полному познанію истиннаго отношенія этихъ тѣлъ и проявленія ихъ свойствъ въ различныхъ положеніяхъ, чѣмъ это можетъ представить намъ языкъ. Для вполне достаточнаго описанія различныхъ чувственныхъ впечатлѣній, которыя получаютъ наши глаза и руки отъ какого-нибудь предмета при нѣсколько неправильномъ и запутанномъ очертаніи его, языкъ нашъ является слишкомъ бѣднымъ, и словесное описаніе такого впечатлѣнія было бы очень утомительной и долгой работой, къ которой мы не прибѣгли бы, есlibы захотѣли напечатлѣть образъ этого предмета.

Въ этомъ случаѣ, равно какъ и въ томъ, когда невозможно никакое словесное описаніе, съ насъ довольно самого впечатлѣнія, которое поможетъ намъ узнать вновь предметъ, напр., черты человѣческаго лица, черезъ большую промежутку времени и послѣ самаго мимолетнаго взгляда. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ мы удерживаемъ въ памяти чувственное впечатлѣніе тысячи особенностей лица, чтобы по прошествіи длиннаго промежутка времени отличить опредѣленную индивидуальную фізіономію отъ другихъ лицъ.

Если мы носимъ въ себѣ такой образъ предмета, который обязанъ своимъ происхожденіемъ только чувственному впечатлѣнію, то мы назовемъ это знаніе нѣмецкимъ словомъ *Kenntniss*, въ отличіе отъ другаго научнаго логическаго знанія, обозначаемаго нѣмецкимъ словомъ *Wissen*. Знаніе перваго рода не ограничивается однимъ перспективнымъ образомъ предмета, но соединяетъ въ единое цѣлое перспективные образы предмета, являющаго съ различныхъ точекъ зрѣнія. На самомъ дѣлѣ мы и носимъ въ себѣ относительно хорошо извѣстныхъ предметовъ такое представленіе ихъ тѣлесной формы, которое является совокупностью отдѣльныхъ перспективныхъ образовъ, получающихся при различныхъ точкахъ зрѣнія. Вооруженные такимъ знаніемъ, мы можемъ ясно представить себѣ совокупность перспективныхъ формъ предмета, глядя только на одну его сторону, и тотчасъ чувствуемъ недоумѣніе, когда съ перемѣной положенія, мѣняется и форма его. Стоитъ вспомнить только, какъ тонко замѣчаетъ внимательный наблюдатель каждый промахъ въ рисункахъ, представляющихъ человѣка или лошадь, или ошибки перспективныхъ построеній въ архитектурныхъ чертежахъ.

Весьма нерѣдко случается замѣтить ничтожный промахъ въ перспективномъ изображеніи, тогда какъ болѣе крупную ошибку, напр., въ очертаніи прямого угла, составляющаго часть рисунка, мы не замѣтимъ, если этотъ уголокъ явится отдѣльно. На самомъ дѣлѣ, тѣлесная форма какого-нибудь предмета представляетъ величину, которая даетъ болѣе разнообразныя постоянныя отношенія между его различными частями или протяженіями, чѣмъ одинъ перспективный образъ его, и изъ нея при извѣстныхъ измѣненіяхъ положенія можно легко вывести измѣненіе каждаго перспективнаго изображенія, такъ какъ оно выводится изъ впечатлѣнія пространственныхъ образовъ, которые представляютъ постоянный результатъ отдѣльныхъ плоско-

стныхъ образовъ, между тѣмъ какъ отдѣльный перспективный образъ не даетъ достаточно данныхъ для того, чтобы составить себѣ надежное представленіе о формѣ цѣлаго и его различнаго вида съ разныхъ сторонъ.

Представленіе, которое опирается на эту прочную и простую законность, оказывается именно такимъ, какое образуется путемъ тщательнаго разсмотрѣнія. Съ особенной очевидностью выступаетъ такое отношеніе при разсмотрѣніи стереоскопическихъ картинъ. Если имѣются передъ глазами двѣ стереоскопическія фигуры съ нѣсколькими спутаннымъ чертаніемъ линій, напр. правильнаго многогранника или модели кристалла, то долго не удастся привести эти два изображенія въ одно тѣлесное, особенно въ началѣ, потому что глаза скользятъ по такимъ линіямъ на двухъ картинахъ, которыя не соотвѣтствуютъ одна другой; когда же достигнуто правильное тѣлесное представленіе изображаемаго предмета, тогда глаза быстро и вѣрно скользятъ по всѣмъ частямъ фигуры.

Такимъ образомъ тутъ подтверждается на фактѣ, что совокупное познаніе тѣлесныхъ формъ служить какъ бы указателемъ, куда нужно направлять зрительныя оси, чтобы должное время останавливаться на соотвѣтственныхъ пунктахъ двухъ рисунковъ.

Въ какой степени такія знанія относительно значенія зрительныхъ образовъ сначала собираются маленькими дѣтьми, легко видѣть, наблюдая ихъ за игрушками, которыя они подолгу разсматриваютъ со всѣхъ сторонъ, щупаютъ, переворачиваютъ, засовываютъ въ ротъ, пока не бросятъ или не разобьютъ.

Нельзя сомнѣваться, что тутъ цѣлая школа, въ которой научаются познавать естественныя отношенія окружающихъ предметовъ и при помощи руки разумѣть перспективные образы.

Наблюденіе надъ маленькими дѣтьми показываетъ, что въ первыя недѣли жизни они не обладаютъ такими знаніями. Если-бы имъ врождено было какое-нибудь изъ этихъ познаній, то можно было-бы ожидать, что у дитяти прежде всего явилось-бы познаніе образа материнской груди и тѣхъ движеній, при помощи которыхъ можно къ ней повернуться. Но совершенно очевидно, что подобнаго познанія не достаетъ. Видно, какъ дитя оживляется, когда его приставать къ мѣсту сосанія и какъ оно спокойно поворачиваетъ голову туда и сюда, чтобы найти грудь, и въ началѣ обращаетъ лицо одинаково часто какъ къ груди, такъ и въ противоположную сторону, хотя могло бы свободно увидѣть ее.

Ясно, что въ этотъ ранній возрастъ оно еще не умѣетъ понять ни зрительнаго образа, ни направлять своихъ движеній. Точно такъ-же можно видѣть, какъ ребенокъ одно или двухъ-недѣльный, передъ которымъ держатъ свѣчку, становится беспокойнымъ и поворачиваетъ голову туда и сюда, съ явнымъ намѣреніемъ смотрѣть на яркое пламя. Какъ только онъ найдетъ правильное положеніе глазъ, то начинаетъ слѣдить за нимъ медленнымъ взоромъ. Но онъ въ началѣ не умѣетъ уловить взглядомъ пламя, когда оно находится нѣсколько сбоку поля зрѣнія. Черезъ двѣ или три недѣли удается ему это производить сравнительно быстро, а уже значительно позже удается также ему схватывать руками замѣченный предметъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что значеніе самыхъ простыхъ и важныхъ зрительныхъ образовъ, должно быть изучено ребенкомъ, а не дано ему врожденной организацией безъ

всякаго опыта. Въ какой степени такой вывод распространяется на новорожденныхъ животныхъ, мы не можемъ рѣшить; быть можетъ, душевная жизнь животныхъ ограничена болѣе узкими рамками, благодаря инстинкту, такъ что въ болѣе тѣсной области животное можетъ двигаться съ большей ловкостью, чѣмъ человѣкъ съ свободнымъ выборомъ, для котораго въ его дальнѣйшемъ развитіи врядъ-ли была бы выгодна такая предопредѣленность.

Здѣсь не были-бы такъ подробно разобраны предыдущія отношенія, если бы не случилось слышать довольно упорное и широко распространенное предубѣжденіе, которое кажется кроется въ неправильномъ взглядѣ на понятія: думать (*denken*) и *anschauen* (созерцать или разсматривать).

Терминъ размышлять, думать, относится главнымъ образомъ къ такой связи представленій, при которой разсматриваютъ отдѣльныя предложенія, оцѣниваютъ степень ихъ надежности и затѣмъ присоединяютъ заключеніе. Напротивъ того, терминомъ «смотрѣть» (разсматривать) обозначается такое возникновеніе представленій, при которомъ воспринимаются только чувственные впечатлѣнія, и представленіе о предметѣ очутится въ сознаніи безъ промежуточныхъ представленій. И дѣйствительно, совершенно умѣстно прибѣгать къ такому различенію при точномъ опредѣленіи промежуточныхъ членовъ мысли, когда дѣло идетъ о построеніи логики въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. изслѣдовать, какимъ образомъ нужно построить послыки, чтобы онѣ служили основой заключенія. Такая задача дѣйствительно сводится къ тому, чтобы всѣ послыки извѣстнаго заключенія были ясно сознаны и оцѣнены критически, а такіе члены цѣпи представленій, которыя недоступны подобному анализу, не принимаются во вниманіе при логической оцѣнкѣ или считаются за аксіомы, которые извлекаются изъ запасовъ нашей памяти на вѣру. Но было бы совершенно невѣрно утверждать, что всѣ наши знанія проистекаютъ изъ такихъ, которыя образовались логическимъ путемъ изъ чувственныхъ воспріятій. Вышеприведенные примѣры изученія языка, навыка и все возрастающаго пониманія зрительныхъ образовъ, на самомъ дѣлѣ показываютъ, что такія знанія родились безъ всякаго намѣреннаго обдумыванія, и что они обладаютъ полною надежностью и тонкостью, при чемъ нѣтъ возможности провѣрить справедливость такой индукціи воспоминаніемъ о тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, которые бы показали, гдѣ и когда сдѣланы соотвѣтственные наблюденія; послѣднія, кромѣ того, не поддаются словесному описанію, но вполне удовлетворительно могутъ быть переданы воспоминаніемъ о болѣе раннихъ чувствительныхъ впечатлѣніяхъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что образы чистыхъ чувственныхъ впечатлѣній нашей памяти могутъ послужить элементами мысли, при чемъ нѣтъ необходимости и даже невозможно описать ихъ словами и вполне уяснить себѣ ихъ.

Очевидно, что большая часть эмпирическихъ знаній объ отношеніяхъ окружающихъ насъ предметахъ, такимъ образомъ въ насъ и возникаютъ. Мнѣ кажется, что упомянутое выше смѣшеніе многихъ перспективныхъ образовъ для образованія представленій о тѣлесной формѣ предметовъ по тремъ измѣреніямъ даетъ особенно наглядный примѣръ, уясняющій внутреннюю природу подобныхъ умственныхъ процессовъ. И въ самомъ дѣлѣ—живое представленіе тѣлесной формы вытѣсняетъ всѣ перспективные образы, такъ что требуется сильное геометрическое воображеніе, чтобы ихъ опять вывести изъ тѣлесной формы. Даже до сихъ поръ неясное представленіе о томъ, какъ эта форма мо-

жетъ получиться изъ различныхъ поперечныхъ разрѣзовъ путемъ наложенія, можно вывести какъ слѣдствіе нашего взгляда. Съ другой стороны, если мы спросимъ себя объ истинномъ смыслѣ представленія нашего о тѣлѣ съ тремя измѣреніями, то мы не можемъ найти ничего другаго, какъ представить рядъ зрительныхъ образовъ, полученныхъ о тѣлѣ, съ случайнымъ представленіемъ его въ разрѣзѣ.

Въ этомъ смыслѣ мы можемъ утверждать, что представленіе о стереометрическихъ формахъ тѣлеснаго предмета играетъ ту-же роль, какую играетъ понятіе, выведенное изъ цѣлаго ряда наблюденныхъ образовъ, при чемъ это понятіе для своего удержанія не требуетъ словесныхъ опредѣленій, какъ это могутъ сдѣлать геометры своимъ построеніемъ, а только живое представленіе закона, по которому перспективные образы смѣняются другъ друга.

Я старался показать, что такое легкое созерцаніе ряда не случайно связанныхъ между собой воспріятій достигается путемъ чрезвычайно богатаго опыта.

Итакъ, мы видѣли, что этотъ процессъ, который въ своихъ существенныхъ чертахъ, поскольку мы можемъ познать, совершается, благодаря безсознательной и невольной работѣ памяти, можетъ однако порождать такіа соединенія представленій, которыя въ главныхъ чертахъ согласуются съ сознательнымъ мышленіемъ. Какъ уже упомянуто, часто и одинаковымъ образомъ повторяющіяся чувственные впечатлѣнія взаимно укрѣпляютъ другъ друга, а случайныя и неправильно мѣняющіяся отступаютъ на задній планъ и обыкновенно вовсе угасаютъ, если только какой нибудь аффектъ (сильное чувство), съ ними связанный, не выдвинетъ ихъ впередъ и не укрѣпитъ. Какъ сказано, съ теченіемъ времени всѣ тѣ части воспринятыхъ явленій окрѣпнутъ, которыя протекаютъ подъ вліяніемъ законовъ природы. Представленіе о томъ, что явленія, наблюдаемыя въ ихъ начальныхъ стадіяхъ, продолжатся въ томъ-же направленіи, которое мы замѣтили раньше, будетъ тѣмъ прочнѣе въ насъ, чѣмъ чаще и постояннѣе мы прежде наблюдали подобное теченіе.

Такое ожиданіе соответствуетъ заключенію *индукции*. Послѣдняя можетъ только тогда обмануть насъ, когда основана на недостаточномъ числѣ наблюденій.

Что животныя также выводятъ подобныя заключенія и чаще человѣка невѣрныя, видно изъ ихъ поступковъ, когда, напримѣръ они, пугаются какаго-нибудь предмета, который похожъ на то, что причинило имъ обжогъ.

Уже въ сочиненіи «Руководство фізіологической оптики» этотъ родъ индуктивныхъ заключеній, которыя построены на знаніи правильныхъ отношеній окружающихъ насъ предметовъ, былъ обозначенъ именемъ «безсознательныхъ заключеній», каковой нахожу и нынѣ до извѣстной степени пригоднымъ и выразительнымъ, потому что эти ассоціаціи воспріятій начинаются большей частью такъ, что во время ихъ возникновенія ихъ не замѣчаютъ, а когда о нихъ думаютъ, то всегда какъ о чемъ-то давно знакомомъ. Развѣ что при первыхъ повтореніяхъ нѣкоторыхъ наблюденій такого рода воспоминаніе о прежнихъ случаяхъ съ ихъ побочными обстоятельствами выступитъ яснѣе, такъ что психическій процессъ тогда представляетъ большую аналогію съ сознательнымъ мышленіемъ.

Индуктивныя заключенія никогда не бываютъ такъ надежны, какъ строго обдуманныя заключенія сознательнаго мышленія. Сознательное научное мыш-

леніе отличается отъ познанія предметовъ и процессовъ, накопленнаго благодаря частому опыту, тѣмъ, что при немъ стараются сдѣлать возможно полное обзорѣніе всѣхъ случаевъ, принимаемаго въ соображеніи при составленіи вывода, будь то сдѣлано путемъ собиранія письменныхъ документовъ или путемъ свода новыхъ наблюденій и опытовъ; при чемъ полезно изслѣдовать преимущественно такіе случаи, которые отличаются отъ всѣхъ ранѣе наблюденныхъ. Достигаемая черезъ это полнота знаній различныхъ условій, при которыхъ тѣ или другія имѣли мѣсто, обыкновенно не достижима при беспорядочной случайности повседнежнаго опыта, а если и бываетъ, то въ такихъ случаяхъ, которые представляются въ огромномъ числѣ повтореній и съ сравнительно незначительными отступленіями и запутанностью.

Неправильныя индукціи при оцѣнкѣ нашихъ воспріятій мы называемъ *обманомъ чувствъ*, который происходитъ обыкновенно отъ неполноты индукціи; наиболѣе частымъ поводомъ къ ней слѣдуетъ считать то, что мы предпочитаемъ большею частью извѣстный способъ употребленія нашихъ органовъ чувствъ,—именно тотъ, при которомъ мы думаемъ получить наиболѣе надежное заключеніе о наблюдаемомъ предметѣ, его формѣ, пространственныхъ отношеніяхъ и свойствахъ.

Такъ, мы стараемся при разсматриваніи предмета, поразившаго наше вниманіе, помѣстить его на два мѣста наилучшаго видѣнія обоихъ глазъ, при чемъ взглядомъ скользимъ по выдающимся точкамъ и линіямъ, посредствомъ чего мы изучаемъ рядъ всѣхъ особенностей и оберегаемъ глазъ отъ образованія двойныхъ изображеній. Существуетъ при движеніяхъ глаза извѣстная методичность, которая не вызывается ни нервнымъ, ни мышечнымъ строеніемъ, и можетъ быть по произволу замѣнена другой, когда наблюдатель постарается усвоить себѣ другую соотвѣтственную иннервацію*). Отсюда слѣдуетъ, что мы придерживаемся извѣстной методичности движеній по привычкѣ, но не подъ давленіемъ тѣлесной организаціи; во всякомъ-же случаѣ она глубоко вкореняется въ насъ и нелегко отъ нея отстать. Движенія, уклоняющіяся отъ нормы, требуютъ гораздо болѣе напряженія и скорѣе утомляютъ. Но это общее свойство всѣхъ непривычныхъ движеній нашихъ мускуловъ, такъ какъ эти движенія обыкновенно вызываются безцѣльными и другъ другу противорѣчащими, а потому напряженными иннерваціями, что не имѣетъ мѣста при привычныхъ и искусныхъ движеніяхъ.

При непривычныхъ положеніяхъ и движеніяхъ нашихъ органовъ чувствъ являются соотвѣтственныя непривычныя воспріятія, для которыхъ мы не выработали умѣнья понимать ихъ смыслъ. Тогда возникаютъ неправильныя толкованія ихъ; можно поставить общимъ правиломъ, что при неправильныхъ положеніяхъ и движеніяхъ органовъ чувствъ возстаютъ видѣнія кажущихся предметовъ, какія возникли-бы при нормальныхъ воспріятіяхъ съ тѣмъ-же самымъ направленіемъ зрительныхъ осей. Подъ это же правило подходятъ образы, являющіеся тогда, когда свѣтовые лучи, прежде чѣмъ попасть въ глаза, уклоняются отъ прямолинейнаго направленія, что случается при отраженіяхъ и преломленіяхъ; только мы создаемъ подобный обманъ чувствъ; но образъ, возникающій при этомъ, принадлежитъ такому предмету

*) Движеніе мускуловъ, вызванное извѣстною системою нервовъ.

или кажущемуся распространению свѣта, которое имѣло-бы мѣсто при безпрепятственномъ прямолинейномъ паденіи свѣта въ наши глаза. Что касается до степени такого обмана чувствъ при этомъ, то она можетъ быть очень разнообразна. Стоитъ только подумать, напр., объ изображеніяхъ, которыя получаются отъ хорошихъ плоскихъ стѣнныхъ зеркалъ; тутъ происходитъ такой полный оптическій обманъ, какой только можно себѣ представить, такъ что даже животныя вводятся ими въ заблужденіе; дѣти смотря въ этихъ случаяхъ на заднюю сторону зеркала и забавляются, глядя на изображеніе въ зеркалѣ, но сравнительно скоро постигаютъ этотъ обманъ и научаются различать какъ зеркальное изображеніе, такъ и свой портретъ. Чтобы иллюзію продлить нѣкоторое время, нужно скрыть края зеркала и стараться, чтобы наблюдатель не видѣлъ себя самого.

Большинство другихъ обмановъ чувствъ обыкновенно открывается скоро, такъ какъ наблюдателю извѣстно, какъ обратить непривычный родъ наблюденія въ нормальный, гдѣ иллюзія пропадаетъ и какъ таковая распознается. Только при краткости времени наступаетъ настоящая иллюзія, которая не скоро пропадаетъ, напр., при блескѣ молніи.

Конечный выводъ приведенныхъ размышленій и наблюденій сводится къ слѣдующему.

1. У человѣка рефлекторныя движенія и склонности (чувство удовольствія къ однимъ впечатлѣніямъ и неудовольствія къ другимъ) является какъ слѣдствіе врожденной организаціи.

2. При образованіи зрительныхъ образовъ играютъ выдающуюся роль индуктивныя заключенія, получающіяся путемъ безсознательной работы памяти.

3. Сомнительно, чтобы у взрослыхъ людей эмпирическія знанія происходили-бы другимъ путемъ.

Ст. Я—ко.

О возстановленіи чистоты русскаго языка.

Въ общественномъ собраніи педагоговъ въ Петербургѣ нѣкоторыми его членами возбужденъ вопросъ объ образованіи у насъ особаго литературно-педагогическаго общества подъ названіемъ «Союзъ любителей русскаго слова», главною цѣлю котораго должно быть возстановленіе чистоты русскаго языка, — прежде всего, конечно, въ учебникахъ и народныхъ книгахъ. Къ этому дѣлу примкнуло много и другихъ, постороннихъ для собранія лицъ, сочувствующихъ стремленіямъ этого еще только возникающаго общества.

Поводомъ къ этому движенію, отразившемуся и въ современной печати, послужили два чтенія Л. Н. Модзалевскаго на тему: «О мѣрахъ къ возстановленію чистоты русскаго языка» въ связи съ вопросомъ объ общемъ народномъ обученіи. Программа этихъ чтеній была слѣдующая:

1) Общенародное образованіе составляетъ ближайшую, очередную задачу нашего времени. 2) Призваніе педагогическаго сословія, какъ общественной силы, обязываетъ его и съ своей стороны оказать посильное содѣйствіе къ правильному разрѣшенію этой задачи. 3) Чистый и общепонятный русскій языкъ, какъ *главнѣйшее образовательное средство*, можетъ много содѣйствовать скорѣйшему распространенію образованія въ народѣ. 4) Русскій языкъ во всей его чистотѣ, полнотѣ и коренныхъ свойствахъ имѣетъ огромныя преимущества предъ другими, иностранными языками и великую будущность. 5) Заимствованіе излишнихъ иностранныхъ словъ, окончаній и оборотовъ рѣчи дѣлаетъ нашъ современный литературный языкъ малопонятнымъ для большинства читателей, вредитъ его образовательному значенію и, слѣдовательно, тормозитъ распространеніе знаний въ населеніи. 6) Собраніе педагоговъ можетъ содѣйствовать очищенію русскаго языка отъ чуждой для него примѣси образованіемъ въ своей средѣ особаго «Союза любителей русскаго слова» на чисто нравственныхъ началахъ. 7) Кромѣ нравственнаго соглашенія между собою (избѣгать лишнихъ иностранныхъ словъ и выраженій), члены такого «Союза» могли бы присылать въ правленіе собранія карточки съ обозначеніемъ на нихъ какъ излишнихъ иностранныхъ, такъ и соответствующихъ имъ русскихъ словъ, формъ и оборотовъ рѣчи, принимая такія карточки и отъ своихъ знакомыхъ, 8) Весь запасъ такихъ карточекъ могъ бы быть, подъ руководствомъ свѣдущаго языковѣда, разобранъ, провѣренъ, приведенъ въ азбучный порядокъ и изданъ въ видѣ отдѣльнаго словаря, какъ пособія для лицъ, уже отвыкшихъ говорить и писать на чистомъ русскомъ языкѣ.

Такъ какъ чтенія по возбужденному г. Модзалевскимъ вопросу заняли не менѣе 4 часовъ времени и затѣмъ вызвали обмѣнъ мнѣній на двухъ состоявшихся по поводу чтеній педагогическихъ бесѣдахъ, то мы можемъ въ настоящее время вкратцѣ передать ихъ содержаніе.

Самыя чтенія были вызваны радостнымъ для русскаго общества ожиданіемъ близкаго наступленія того времени, когда весь русскій народъ будетъ призванъ къ образованію на здоровыхъ, религиозно-нравственныхъ началахъ. Признаки близости этого, столь давно ожидаемаго событія можно видѣть въ болѣе и болѣе проявляющемся стремленіи къ просвѣщенію со стороны самого народа, который, не находя правильнаго удовлетворенія этому стремленію, давно ищетъ свѣта и истины въ расколахъ и — не находитъ. Мнѣнія самыхъ

опытных и свѣдущихъ русскихъ педагоговъ подтверждаютъ насущную и неотложную необходимость всеобщаго народнаго просвѣщенія, но только безъ принужденія, безъ нѣмецкаго Schul-Zwang'a: для образованія должны быть даны только средства; а народъ самъ пойдетъ къ нему на встрѣчу. Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія еще въ началѣ 60-хъ годовъ были разработаны правила для постепеннаго введенія этой важной мѣры (А. С. Вороновъ), а въ началѣ 80-хъ годовъ снова переработаны и напечатаны (К. Бантакузинъ и К. К. Сентилеръ). Политическое состояніе Россіи и внѣшнее и внутреннее, а равно и положеніе государственнаго хозяйства представляютъ въ настоящее время благопріятныя условія. Молодой Государь Императоръ явно выражаетъ сочувствіе дѣлу просвѣщенія нашего народа. Надо быть готовыми къ этому великому дѣлу; но—готовы ли мы въ отношеніи самаго главнаго проводника знаній въ народъ—учебнаго и литературнаго языка?

Оказывается, что языкъ нашъ засоренъ множествомъ иностранныхъ словъ, формъ и оборотовъ, чуждыхъ нашему народу, непонятныхъ для него и лишь затемняющихъ его здравый смыслъ и притупляющихъ, а не развивающихъ умъ учащихся и читателей, не имѣвшихъ счастья учиться, и то больше на казенный, (т. е. на народный) счетъ, разнымъ иностраннымъ языкамъ, древнимъ или новымъ, а иногда и тѣмъ и другимъ. А такихъ читателей уже и теперь миллионы, а въ близкомъ будущемъ будутъ цѣлыя десятки миллионовъ. На какомъ смѣшанномъ греко-латино-французско-нѣмецко-русскомъ языкѣ мы говоримъ и пишемъ? Это и не русскій и не иностранный языкъ, а какой-то искусственный, дѣланный въ родѣ волапука. Отрѣшившись отъ народа, отказавшись отъ самобытности русскаго языка, мы сами заклеили себя прозвищемъ «интеллигенціи», перестали понимать народъ, а онъ пересталъ понимать насъ. Многія коренныя русскія слова совершенно вытѣснены изъ обращенія и даже позабыты; идетъ и дальнѣйшее упраздненіе языка изъ щегольства, изъ тщеславія, и этому явленію пора положить предѣлъ.

Въ этомъ отношеніи наше педагогическое сословіе, а на первый разъ наше педагогическое собраніе, состоящее изъ представителей самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія, должно и съ своей стороны оказать содѣйствіе и народу, и государству. Занявшись очищеніемъ русскаго языка въ учебникахъ и въ преподаваніи, педагоги должны внушить юношеству уваженіе къ своему отечественному языку, къ его природнымъ правамъ и самобытному развитію изъ собственныхъ корней, какъ совѣтуетъ нашъ лучшій языковѣдъ, проф. А. И. Соболевскій. Педагогамъ больше, чѣмъ кому-либо, извѣстно образовательное значеніе роднаго языка, такъ какъ въ немъ почти каждое коренное слово есть вмѣстѣ и образъ, производящій впечатлѣніе и на воображеніе, и на художественное чувство (напр., погромъ, крушеніе—катастрофа, судоходство—навигация и т. под.). Иностранное слово ничего не говоритъ ни воображенію, ни чувству человѣка, незнакомаго съ языкомъ того народа, который его создалъ когда-то подъ живымъ впечатлѣніемъ отъ предмета. Это навязанное слово часто не соответствуетъ и звуковымъ свойствамъ того языка, въ который оно втиснуто, а потому народъ коверкаетъ его по своему и становится только смѣшнымъ и жалкимъ въ нашихъ глазахъ (выраженія: вертикальныя обстоятельства, онъ дѣлаетъ это только для блезіру, пушаетъ мораль и т. д.) А кто-же какъ не мы сами прививаемъ народу эти непонятныя для него слова, имѣя соответствующія имъ русскія? Народъ уже

начинает фриштикать вм. завтракать мерсикать вм. благодарить, а скоро, если такъ продолжится, будетъ тринкать, манжавать и еще щеголять подобной нелѣпостью.

Это щегольство иностранными словами дѣйствуетъ на народъ не только притупляющимъ, но еще и развращающимъ образомъ. Оно порождаетъ высокомеріе и неосновательныя притязанія. Разбогатѣвшій купецъ называетъ себя уже *комерсантомъ* и важничаетъ, ростовщикъ или мѣняла—*банкиромъ*; стачники устраиваютъ *синдикатъ*; кляузникъ, пустивъ въ ходъ *касацію* или *апелляцію* (sic) въ глазахъ народа уже *аблакатъ*; даже портниха, научившись словамъ *патронъ* (выкройка), *кутюра* (шовъ) и др., величается *модисткой* и поднимаетъ цѣны. Дѣло, знаніе, замѣняются пустыми словами, бессмысленными даже для самихъ щеголяющихъ ими. Самая наука во многихъ учебникахъ превратилась лишь въ собраніе разныхъ «терминовъ», усвоиваемыхъ одною памятью и въ послѣдствіи производящихъ одну путаницу и словъ и понятій. Отецъ педагогіи Коменскій говоритъ, что «слово безъ внутренняго смысла, безъ предметнаго представленія есть тоже, что скорлупа безъ ядра, ножны безъ меча, тѣло безъ души». Пироговъ признаетъ, что раннее изученіе многихъ иностранныхъ языковъ лишаетъ умъ глубины и самостоятельности. Дѣйствительно, способность памяти при усвоеніи разныхъ звуковыхъ представленій имѣетъ свои предѣлы, работаетъ въ ущербъ другимъ духовнымъ способностямъ, и не обогащаетъ новыми предметными понятіями: chien, Hund canis,—все также собака. Упрядняя чисто русскія слова, замѣняя ихъ безъ нужды иностранными (доказательство—аргументъ. подробности—детали, отѣнки—нюансы и т. д.) и навязывая народу, всегда склонному къ подражанію образованнымъ слоямъ общества, мы подкапываемъ корни того многовѣковаго дерева, плодами котораго сами питались духовно. Языкъ и народъ такъ тѣсно связаны между собою, что наши славянскіе предки отождествляли эти понятія: языкъ, т. е. народъ (нашествіе двенадцати *языковъ*). Съ паденіемъ языка падаетъ и народъ, какъ самобытный членъ общечеловѣческой семьи (наши западные славяне), и наоборотъ. Не убивать, а поддерживать надо въ народѣ его самосознаніе, которое уже утратила наша такъ называемая «интеллигенція», составляющая оторванную часть и отъ народа, и отъ просвѣщеннаго русскаго общества.

Наши великіе писатели всегда цѣнили сокровища русскаго языка, какъ неопѣненное народное достояніе, и съ негодованіемъ относились къ его порчѣ ненужной иностранщиной. Еще Сумароковъ боролся съ современнымъ ему наплывомъ такихъ словъ, какъ *аманта*, *эложъ*, *эдюкація*, *манификъ* и друг., общими усиліями русскихъ писателей изгнанныя изъ нашего языка. Фонвизинъ вооружается въ «Бригадирѣ» противъ щегольства словами индифферантъ, менажировать, диссимюляція и др. Карамзинъ укоряетъ русскихъ, что они не хотятъ трудиться надъ обработкой собственнаго языка и ставятъ въ примѣръ англичанъ, которые предпочитаютъ «свистѣть и шипѣть» по англійски, чѣмъ прибѣгать къ чужому языку. Пушкинъ находилъ, что «для словесности языкъ славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими», и что «лѣнность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, потому что тутъ все готово». Ушинскій, какъ педагогическій писатель, замѣтилъ, что если мы будемъ брать готовые иностранныя названія (термины), то русскій литературный языкъ никогда не разовьется. Шопен-

гауеръ приводитъ мысль, что «когда языкъ увеличивается безъ увеличенія понятій, то это доказываетъ лишь духовную нищету народа», а мы уже около двухъ вѣковъ отмѣняемъ собственныя слова (конница—кавалерія, торговля—комерція, складъ—депо, прошеніе—петиція и т. д.) и замѣняемъ ихъ иностранными. Тредьяковскій и Сумароковъ создали русскія слова для грамматическихъ понятій (существительное, прилагательное, глаголъ, спряженіе, склоненіе и т. д.), а нынѣ даже въ начальныхъ школахъ дѣтямъ навязываютъ «суффиксы и флексіи», безмысленныя для ребенка. Бѣлинскій называлъ безвкусіемъ и безмыслицей употребленіе такихъ словъ, какъ «утрировать» вмѣсто преувеличивать. Гоголь и Тургеневъ высказываютъ самыя восторженные отзывы о коренныхъ свойствахъ и совершенствахъ русскаго языка сравнительно съ иностранными, но всѣхъ ихъ превосходитъ французъ Просп. Меримэ, который въ 60-хъ годахъ высказалъ, что «русскій языкъ, безспорно, лучшій изъ европейскихъ, не исключая и греческаго», что «только совмѣстныя средства французскаго, латинскаго и греческаго языковъ могутъ дать понятіе о богатствѣ и силѣ языка, на которомъ писалъ Гоголь». Французскій языковѣдъ Поль Пасси говоритъ: «Моему французскому чувству *рѣчи* встрѣтить французское слово въ иностранномъ сочиненіи не менѣе противно, какъ и иностранное въ французскомъ; это чужое слово мнѣ кажется какъ-бы запечатаннымъ и обезчещеннымъ» и приводитъ заглавіе «Illustrirtes Mode-Journal».

Не смотря на эти уроки и собственныхъ великихъ писателей, и ученыхъ, и иностранцевъ, мы не только сохраняемъ всѣ наши *кассаціи* и *апелляціи*, *таксаціи* и *фальсификаціи*, *шантажи* и *ажіотажи*, *цейхаузы* и *ордонансхаузы*, но и продолжаемъ упразднять даже существующія слова и замѣнять ихъ чужими съ такимъ усердіемъ, что г. Мартыновскій насчиталъ уже 150 тысячъ чужихъ словъ, вошедшихъ въ его словарь, необходимый при чтеніи «русскихъ» книгъ и повременныхъ изданій. Пора всѣмъ русскимъ, любящимъ свой народъ и свой языкъ и вѣрящимъ въ ихъ великую будущность, составить *духовный союзъ* и дать отпоръ этой безумной «модѣ», пора поработать на благо того поколѣнія, которому мы передаемъ это, уже отчасти промотанное нами наслѣдство—нашъ собственный народный языкъ.

Таковъ въ общемъ духъ чтеній, состоявшихся въ собраніи педагоговъ.

Л. Р. С.

Нѣсколько словъ о „Кружкѣ ревнителей русскаго слова“.

Теперь, кажется, уже все стало известно, что въ Петербургѣ, въ помѣщеніи Собранія педагоговъ, г. Модзалевскій, въ продолженіи нѣсколькихъ вечеровъ, по утвержденной программѣ дѣлалъ какія-то сообщенія о русскомъ языкѣ и этими сообщеніями всякій разъ со стороны присутствовавшихъ вызывалъ собесѣдованія по поводу особенностей настоящаго книжнаго языка русскаго. Но о чемъ именно сообщалъ г. Модзалевскій, и въ чемъ выражались подробности собесѣдованій, объ этомъ, какъ можно судить по многимъ даннымъ, мало кому известно. Этимъ, по моему, а ничѣмъ инымъ, и объясняется, почему многіе помѣстили въ газетахъ свои неблагопріятные отзывы какъ о самихъ собесѣдованіяхъ, такъ и о той дѣятельности, которую предполагаютъ взять на себя все присутствовавшіе во время собесѣдованій. Мнѣ думается, если бы каждый, писавшій въ газетахъ о кружкѣ (въ газетахъ «о союзѣ») любителей русскаго слова, ближе познакомился съ собесѣдованіями, то съ нимъ, по всей вѣроятности, случилось бы то же, что и съ пишущимъ эти строки. О бесѣдахъ, предложенныхъ въ собраніи педагоговъ, я узналъ изъ газетъ и, не скрою, разсмѣялся, когда прочиталъ, что собравшіеся на бесѣду будутъ слушать докладъ г. Модзалевскаго объ очищеніи языка русскаго отъ иностранныхъ словъ. Я невольно какъ-то при этомъ подумалъ, что въ Петербургѣ, вѣроятно, есть еще немало наслѣдниковъ Шишкова, которымъ послѣдній оставилъ духовное завѣщаніе относительно своихъ идей и затѣй. Помню, явилось тогда сильнѣйшее желаніе пойти непременно въ собраніе педагоговъ и полюбопытствовать, чѣмъ это гг. собравшіеся будутъ заниматься во время своихъ бесѣдъ, съ г. Модзалевскимъ во главѣ.

Черезъ нѣсколько дней, вечеромъ въ 8 часовъ, не помню, какого числа, я былъ въ собраніи и до 11 часовъ провелъ тамъ время среди собравшихся. Какъ я подозрительно ни относился, въ этотъ разъ, ко всему, происходившему вокругъ меня, но никакъ не могъ найти тамъ матеріала, годнаго для осмѣянія, и я нѣсколько измѣнилъ мое мнѣніе о собравшемся кружкѣ. Послѣ же 2-го и 3-го собесѣдованія, когда узналъ я о серьезныхъ задачахъ и благородныхъ стремленіяхъ кружка, то уже готовъ былъ присоединиться къ нему и съ своей стороны оказывать посильную помощь дѣлу кружка, хотя не скрою, что о нѣкоторыхъ сторонахъ будущей дѣятельности кружка я пока еще имѣю свое особое мнѣніе.—Что же касается того, какіе члены войдутъ въ составъ кружка: студенты ли, или другія самыя обыкновенныя, непрославленныя, лица, то на это я не обратилъ вниманія, потому что, по моему, то дѣло, за которое берутся члены кружка, посильно для всякаго мыслящаго порядочнаго чело-вѣка. 1) Члены кружка не думаютъ создавать никакого новаго языка; 2) не думаютъ они учить издателей или ихъ сотрудниковъ чему-либо; равно также не думаютъ они привлекать кого-нибудь къ суду за воровство или злоупотребленіе въ языкѣ, а предполагаютъ они только лишь слѣдить въ печати за тѣми, которые безъ нужды будутъ носить маски, скрывающія ихъ настоя-

щее, природное лицо. Таковыя маски кружокъ думаетъ замѣчать и при помощи печати показывать и предлагать читающей публикѣ на благоусмотрѣніе. Понятно, что для такой скромной дѣятельности членамъ кружка не нужно быть какими-нибудь *особенными* людьми.

Снова повторяю, что о подробностяхъ собесѣдованій кружка любителей русскаго слова мало кому извѣстно, и такая неизвѣстность порождаетъ много ложныхъ толковъ.

Въ настоящей моей замѣткѣ я именно и хочу восполнить этотъ пробѣлъ относительно подробностей, насколько эти послѣднія я уяснилъ себѣ во время моего посѣщенія собесѣдованій. Виѣсть съ этимъ я передамъ и мое личное мнѣніе о нѣкоторыхъ сторонахъ будущей дѣятельности кружка.

Въ теченіе трехъ бесѣдъ, Л. Н. Модзалевскій сообщаетъ собравшимся слушателямъ очень много данныхъ, касающихся русскаго языка. Эти данныя прежде всего убѣдили, что чисто русскій языкъ отличается своимъ богатствомъ и со стороны музыкальности и художественности. Другими словами, кружокъ собравшихся пришелъ къ тому заключенію въ своихъ выводахъ, къ какому въ свое время пришелъ знатокъ языковъ Н. М. Карамзинъ, сказавшій: «Языкъ русскій выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой и живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богаче гармоніей, нежели французскій; онъ способенѣе для изліянія души въ тонахъ и представляетъ болѣе, чѣмъ другой языкъ, аналогическихъ словъ, т. е. сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ,—выгода, которую имѣютъ одни коренные языки» (О любви къ отечеству).

Затѣмъ, другія данныя, представленныя г. Модзалевскимъ, убѣдили, что языкъ русскій съ каждымъ днемъ все въ большемъ и большемъ количествѣ переполняется иностранными словами и оборотами, чрезъ что книжный языкъ дѣлается положительно непонятнымъ для большинства русскихъ, а въ частности для учащейся молодежи и простаго народа, нуждающагося въ развитіи.

Вотъ эти-то два положенія и послужили основаніемъ для образованія «Кружка любителей (или ревнителей) русскаго слова». Собравшіеся слушатели, по большей части, преподаватели, зная по опыту тотъ вредъ, какой приноситъ языку русскому вторженіе въ него иностранныхъ словъ и оборотовъ, согласились образовать «Кружокъ любителей русскаго слова» и общими силами, по мѣрѣ возможности, предохранять языкъ русскій отъ порчи всякаго рода, находя, что этимъ можно принести существенную пользу для Россіи. 1) *Можно сдѣлать вообще языкъ книжный понятнымъ для большинства.* Чрезъ это, съ одной стороны, можно значительно поднять образованіе въ Россіи, въ чемъ она, безспорно, нуждается; съ другой—больше сблизить по языку разнородныя сословія народа русскаго между собою и тѣмъ самымъ увеличить мощь цѣлой страны; съ третьей—можно избавить учащуюся молодежь, да и многихъ другихъ, отъ неудобствъ при пользованіи современными изданіями всякаго рода. Теперь, какъ извѣстно, чтобы читать книгу или повременное изданіе и понимать написанное, надо напередъ заучить много иностранныхъ словъ, не нужныхъ для ежедневнаго обихода, или же всегда носить съ собою толковый словарь и тратить время на разясненіе словъ при помощи этого послѣдняго. Что же касается простаго необразованнаго народа, то для него современная печать представляется совершенно недоступною. Возьметъ ли онъ газету, журналъ, или какую-нибудь книжку, въ которой раскрывается, не

говора уже о научной, бытовая или историческая сторона жизни народа, онъ всюду встрѣчаетъ затрудненіе со стороны языка, который нынѣ употребляется въ печати.

2) По мнѣнію кружка, *съ устраненіемъ изъ русской рѣчи ненужныхъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, можно достигнуть большей ясности и точности въ собственныхъ выраженіяхъ и рѣчи русскаго народа.* «Тогда-то и утвердится русскій языкъ въ полной силѣ своей, красотѣ и богатствѣ», какъ сказалъ Ломоносовъ.

Пока кружокъ любителей видитъ благопріятныя послѣдствія предполагаемой своей дѣятельности только лишь въ указанныхъ сторонахъ. Но мнѣ кажется, что этого мало: по моему мнѣнію, если кружокъ серьезно возьмется за дѣло и твердо поставитъ его, то, при намѣченныхъ задачахъ, онъ окажетъ великую услугу не для отдѣльныхъ только членовъ, но и для цѣлаго государства. Онъ сохранитъ самобытность народа, а вмѣстѣ съ этимъ отчасти и его долговѣчность политическую, при другихъ, конечно, благопріятныхъ условіяхъ.

Всѣмъ извѣстно, что языкъ вообще служитъ средствомъ для выраженія мыслей и чувствъ человѣка. А если такъ, то онъ долженъ быть выразителемъ особенностей духовной природы говорящаго. Наблюденія надъ отдѣльными личностями и цѣлымъ обществомъ или государствами дѣйствительно убѣждаютъ насъ въ этомъ. Мы постоянно и на каждомъ шагѣ можемъ встрѣтить примѣры, доказывающіе намъ наглядно, что даже съ незначительною переменою въ языкѣ замѣчается нѣкоторое измѣненіе человѣка со стороны его особенностей духовныхъ. Но если человѣкъ, въ силу какихъ-нибудь обстоятельствъ, совсѣмъ забудетъ свой родной языкъ и начнетъ выражать свои мысли и чувства другимъ языкомъ, то въ духовной природѣ такого человѣка произойдетъ большая перемена. Возьмемъ хотя такой примѣръ: допустимъ мы, что въ Россію пріѣхалъ на жительство какой-нибудь турокъ со своими особенностями. Въ силу нѣкоторыхъ условій онъ позабылъ свой родной языкъ и выучился говорить по-русски. Спрашивается, будетъ-ли этотъ турокъ имѣть тѣже особенности въ духовной природѣ своей, съ какими онъ былъ до перемены въ языкѣ? По моему, нѣтъ, или же если будетъ имѣть нѣкоторые изъ особенностей, свойственныхъ турецкому племени вообще, то только такія, которыя объясняются физическою стороною этого турка, сходною съ турецкимъ племенемъ вообще. На другомъ примѣрѣ, пожалуй, можно лучше видѣть значеніе языка въ духовной природѣ человѣка. Возьмемъ мы нашего деревенскаго крестьянина съ его особенностями въ языкѣ и поставимъ его въ такія условія, чтобы онъ усвоилъ себѣ языкъ другого сословія. Спрашивается, останется ли въ духовной природѣ этого крестьянина все прежнее, деревенское? Можно смѣло утверждать, что слишкомъ мало, или даже совсѣмъ ничего не останется и, кромѣ того, у него будетъ замѣтно нѣкоторое недружелюбное отношеніе во всему прежнему, бывшему для него роднымъ.

Точно тоже можетъ впоследствии произойти и съ цѣлымъ народомъ русскимъ, если онъ, постепенно усвоивая себѣ иностранныя слова, формы и обороты, отвыкнетъ отъ своего родного русскаго языка.

Мнѣ кажется, подобныя явленія и факты извѣстны всѣмъ. Равно также извѣстно и то, почему сравнительно долго жили, съ сохраненіемъ своихъ отличительныхъ особенностей, народы древней Греціи и Рима, и почему у нихъ языкъ и литература были доведены до высокаго совершенства. Если мы

обратимъ вниманіе на то, какъ эти народы оберегали чистоту языка своего, то мы, не обинуясь, быть можетъ, скажемъ, что среди другихъ условій, благопріятствовавшихъ возвышенію народа въ умственномъ и политическомъ отношеніи, сохраненіе языка страны было чуть ли не главнымъ.

Словомъ, для меня представляется вполне яснымъ, что сохраненіе языка поддерживаетъ самобытность народа, а порча языка постепенно обезличиваетъ народъ среди другихъ и подготавливаетъ его къ полной потерѣ самобытности. Поэтому я не сомнѣваюсь, что кружокъ любителей своєю заботою о сохраненіи языка русскаго въ его чистотѣ можетъ оказать услугу Отечеству и вызвать, навѣрно, сочувствіе и поддержку со стороны всѣхъ, уважающихъ русскій народъ.

Задачи для себя кружокъ намѣтилъ, какъ мнѣ пришлось уяснить себѣ, такія: 1) не всякое иностранное слово, встрѣчающееся въ языкѣ русскомъ, замѣнять русскимъ, а только лишь предохранять родной языкъ отъ такихъ словъ иностранныхъ и оборотовъ, безъ которыхъ онъ можетъ обходиться; 2) содѣйствовать всѣми возможными мѣрами тому, чтобы русскій языкъ книжный въ своихъ выраженіяхъ и оборотахъ отличался вообще ясностью, точностью и правильностью; 3) въ частности обратить исключительное вниманіе на языкъ учащейся молодежи и всѣми зависящими отъ кружка мѣрами содѣйствовать, чтобы учащіеся усвоили себѣ привычку выражать мысли свои вполне правильно на языкѣ русскомъ, безъ примѣси иностранныхъ словъ и оборотовъ, вполне замѣнимыхъ чисто русскими.

Что же касается того, какому языку, при стремленіяхъ кружка любителей, надо будетъ отдавать предпочтительное право господства: книжному ли языку, или языку, въ которомъ проявляются особенности говора или нарѣчія, то объ этомъ будетъ окончательное сужденіе послѣ. Пока же было высказано неодинаковое мнѣніе по возбужденному вопросу: одни, напримѣръ, высказывали, что слѣдуетъ книжный языкъ упростить и сдѣлать его, въ нѣкоторомъ родѣ, простонароднымъ; другіе, наоборотъ, говорили, что языкъ необразованныхъ людей съ ихъ говорами и нарѣчіями надо поднять до уровня языка образованнаго человѣка. При этомъ какъ первые, такъ и послѣдніе, представляли съ своей стороны довольно серьезныя основанія въ защиту своихъ мнѣній.

Пишущій эти строки высказалъ бы такое мнѣніе съ своей стороны по этому вопросу: не слѣдуетъ, по моему, препятствовать развиваться и существовать ни языку образованнаго человѣка, ни языку, въ которомъ замѣчаются особенности говора или нарѣчій. Съ одной стороны въ такомъ разнообразіи можетъ въ большей степени отразиться духъ всего русскаго народа съ его особенностями, а съ другой, — по моему, никогда невозможно достигнуть, чтобы всѣ русскіе выражали мысли свои одинаковыми словами и формами. Извѣстно, что выраженіе мысли и чувствъ, проявляющееся въ языкѣ, соответствуетъ извѣстной степени развитія человѣка и его многимъ другимъ особенностямъ. А люди имѣютъ неодинаковое развитіе и особенности другія, — поэтому и внѣшнее выраженіе мыслей и чувствъ посредствомъ языка должно быть различное. Такимъ образомъ, по моему, было бы насиліемъ, если бы кто потребовалъ, чтобы образованный человѣкъ выражалъ свои мысли языкомъ крестьянина или мѣщанина, и наоборотъ. Иное дѣло, если между различными частями народа русскаго будетъ происходить обмѣнъ, или заимствованія въ словахъ и оборотахъ рѣчи. Такой обмѣнъ можно привѣтствовать и способствовать ему,

но не осуждать, какъ теперь иногда это дѣлается. Обмѣнъ такой будетъ нѣсколько напоминать обмѣнъ въ торгово-промышленномъ отношеніи. Какъ мужикъ, напр., дастъ сырье въ видѣ ржи, пшеницы, конопли, шерсти и т. п. фабрикантамъ, а отъ нихъ получаетъ болѣе воздѣланныя произведенія тѣхъ же самыхъ предметовъ,—такъ и въ языкѣ можетъ быть нѣчто подобное: иногда образованный человѣкъ будетъ заимствовать у простаго народа корни словъ, самыя слова и обороты, чтобы при помощи этого заимствованнаго точнѣе и яснѣе выразить мысль свою, а иногда будетъ заимствовать простой народъ у первыхъ ихъ слова и обороты. Само собою понятно, что чѣмъ болѣе будетъ понятенъ языкъ образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе будетъ доступенъ и воспринимаемъ необразованными.

Послѣ всего сказаннаго мнѣ остается коснуться приемовъ, при помощи которыхъ кружокъ предполагаетъ достигать своихъ цѣлей. Но объ этомъ въ данное время преждевременно говорить, такъ какъ онъ не выработалъ еще строго опредѣленныхъ для себя приемовъ, и вопросъ объ этомъ отложенъ до одного изъ слѣдующихъ засѣданій.

Въ настоящее время въ комиссіи, выбранной на общемъ собраніи кружка, идетъ подготовительная работа къ составленію устава для кружка. Когда эта комиссія изготovitъ проектъ устава, тогда будетъ назначено общее собраніе для всесторонняго обсуждения и утвержденія его. Послѣ того уставъ будетъ представленъ на утвержденіе правительства.

Закончу мои строки небольшимъ замѣчаніемъ относительно кружка. 1) По моему, слѣдуетъ выработать такой уставъ, который бы точно опредѣлялъ дѣятельность кружка и удерживалъ бы членовъ отъ увлеченій, проявленныхъ въ свое время послѣдователями Шишкова. 2) Слѣдуетъ кружку смѣлѣе приступать къ своей дѣятельности. По моему, если въ кружкѣ будетъ поставлено дѣло серьезно, и будутъ выработаны приемы разумныя, то кружокъ, навѣрно, найдетъ поддержку не только во всѣхъ сочувствующихъ росту Россіи, но и въ правительствѣ, которое обыкновенно приходитъ на помощь всякому благому дѣлу. Если же найдутся такія лица, которыя съ недовѣріемъ будутъ относиться къ дѣятельности кружка и глумиться, то на это не слѣдуетъ кружку обращать никакого вниманія... имѣя въ виду всѣмъ извѣстную дѣятельность если кто захочетъ, то онъ будетъ смѣяться надъ всѣмъ всего, даже: со святого.

Ив. Красовскій.

Изъ жизни и литературы

Х Р О Н И К А.

Торжественный актъ С.-Петербур. городскихъ начальныхъ училищъ.—Отчетъ о Спб. городскихъ училищахъ.—Городск. начальн. училища въ Москвѣ.—Всѣобщее начальное обученіе.—Церковная школа.—Высшее женское образованіе.—Народное образованіе въ Сибири.—Свѣту, больше свѣту!

Торжественный актъ городскихъ начальныхъ училищъ.

Александровская зала Городской Думы имѣла 30-го мая торжественно праздничный видъ. Украшенная національными флагами и гирляндами растений, она вмѣщала до трехъ тысячъ дѣтей, бойкихъ и ликующихъ по случаю окончанія курса въ начальныхъ школахъ. Праздникъ дѣтей привлечь почетныхъ гостей, въ числѣ которыхъ находились попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа М. Н. Капустинъ, директоръ пріюта принца Ольденбургскаго Н. П. Ильяшевичъ, директоръ народныхъ училищъ В. А. Латышевъ, товарищъ предсѣдателя постоянной комиссіи по техническому образованію А. А. Савурскій и много другихъ лицъ. Актъ начался молебствіемъ. Преосвященный Никандръ, епископъ нарвскій, обратился къ дѣтямъ съ привѣтственнымъ словомъ. Пѣлъ дѣтскій хоръ. По окончаніи молебствія оркестръ пріюта принца Ольденбургскаго, приглашенный на актъ, съ обычнымъ умѣньемъ исполнилъ «Болъ славенъ». Городской голова В. А. Ратьковъ-Рожновъ, преосвященный Никандръ и члены думской училищной комиссіи заняли мѣста на эстрадѣ, на которой возвышался бюстъ Петра Великаго, убранный зеленью. Предсѣдатель училищной комиссіи М. М. Стасюлевичъ прочелъ съ кафедръ отчетъ о начальномъ образованіи въ Петербургѣ въ 1894—95 учебномъ году. (Отчетъ слѣдуетъ за этой замѣткой).

Затѣмъ Городской голова въ краткой рѣчи благодарилъ учащій персоналъ школы. Дѣтскій хоръ исполнилъ актовую пѣсню Главача. Актъ закончился параднымъ гимномъ, исполненнымъ дѣтьми совместно съ оркестромъ воспитанниковъ пріюта принца Ольденбургскаго. Свидѣтельства окончившихъ были розданы на руки учащему персоналу (Нов.).

Отчетъ, прочтенный М. М. Стасюлевичемъ на актѣ Городскихъ училищъ.

Истекшій учебный годъ, по словамъ г. Стасюлевича, счастливѣе многихъ предыдущихъ: въ этомъ году открыто вдвое болѣе училищъ, не 10, а 20. Городъ имѣетъ въ настоящее время 320 училищъ.

Побужденіемъ къ открытію такого двойного противъ нормы числа училищъ послужила необходимость принять серьезныя мѣры противъ крайняго переполненія учащимися существующихъ школъ, гдѣ, во избѣжаніе отказовъ и по трудности отказывать ищущимъ хотя бы одной грамотности, приходилось допускать до 60 и выше того дѣтей въ классѣ, который правильно можетъ помѣщать въ своихъ стѣнахъ не болѣе 50. Въ предшествовавшемъ учебномъ году въ 300 училищахъ вмѣсто 15.000 дѣтей обучалось до 15.400, т.-е. 400 были приняты сверхъ комплекта. Открытіе двойного числа школъ въ нынѣшнемъ году нисколько не помогло въ этомъ отношеніи, и переполненіе классовъ еще увеличилось: вмѣсто прежнихъ 400 сверхкомплектныхъ теперь оказалось ихъ около 700, такъ какъ въ 320 училищахъ въ началѣ учебнаго года числилось 16.668 дѣтей, вмѣсто нормальнаго числа ихъ 16.000. Дѣти, принятые сверхъ комплекта, могли, такимъ образомъ, воспользоваться начальнымъ образованіемъ, но тѣ школы, гдѣ оказалось переполненіе, представили большія неудобства въ гигиеническомъ отношеніи, вредно отражающіяся на здоровьѣ какъ учащихся, такъ и учащихся, вслѣдствіе недостаточности воздуха. Такова общая картина положенія училищнаго дѣла по отношенію къ начальному образованію. Хотя оно мало удовлетворительно по сравненію съ дѣйствительною потребностью въ немъ; по положенію народнаго образованія, разсматриваемаго во всей его совокупности, какъ въ начальныхъ, такъ и въ городскихъ четырехклассныхъ училищахъ, служащихъ довершеніемъ первыхъ, слѣдуетъ признать еще менѣе удовлетворительнымъ. Городъ имѣетъ для довершенія начальнаго образованія всего только 8 мужскихъ четырехклассныхъ городскихъ училищъ по положенію 1872 г. (7 отъ дирекціи народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи и 1 министерское при учительскомъ институтѣ) и 5 женскихъ двухклассныхъ приходскихъ училищъ; всѣ они содержатся на счетъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ начальныхъ училищахъ цифра учащихся приближается къ 17.000 дѣтей (мальчиковъ выше, 9,000 и дѣвочекъ около 7.600); между тѣмъ, въ городскихъ 4-хъ и 2-хъ классныхъ училищахъ обучаются въ настоящее время не болѣе 1.800 (1,400 мальчиковъ и 400 дѣвочекъ). Изъ сопоставленія такихъ цифръ видно, что отношеніе числа начальныхъ училищъ къ городскимъ училищамъ, служащимъ какъ бы завершеніемъ полнаго цикла народнаго образованія, весьма далеко отъ того, чтобы быть признаннымъ нормальнымъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать извѣстія о томъ, что нынѣшнею осенью дирекція народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи открываетъ еще два новыхъ 4-хъ-классныхъ городскихъ училища въ тѣхъ частяхъ города, которыя до сихъ поръ были вовсе лишены подобныхъ училищъ. Въ самое послѣднее время на помощь этому важному дѣлу явилась частная самодѣятельность. Городъ имѣетъ нынѣ два частныхъ женскихъ 4-хъ-классныхъ училища, изъ которыхъ одно поддерживается

субсидією отъ города. При сравненіи 320 начальныхъ училищъ съ 12 министерскими 4-хъ-классными и 2-хъ-классными училищами получится одно 4-хъ-классное училище на 26 начальныхъ училищъ или на 1,300 учащихся въ нихъ.

Составъ учащихся въ начальныхъ училищахъ по сословіямъ, вѣроисповѣданію, возрасту, полу и школьной зрѣлости, остается съ года на годъ почти одинаковымъ. Первое мѣсто принадлежитъ крестьянскому сословію, 43 проц. всего числа учащихся; за нимъ слѣдуютъ дѣти нижнихъ воинскихъ чиновъ—23 проц.; остальные 34 проц. принадлежатъ различнымъ городскимъ сословіямъ. По вѣроисповѣданію главную массу составляютъ православные—около 96 проц.—и 4 проц. иновѣрцевъ. По возрасту въ послѣднее время замѣчается уменьшеніе числа дѣтей 7 и 12-ти-лѣтнихъ; увеличивается число дѣтей, кончающихъ курсъ ранѣе 12-ти-лѣтняго возраста. Замѣчается за послѣдніе годы повышеніе числа учащихся дѣвочекъ. Оно достигло въ отчетномъ году уже 45½ проц. общаго числа учащихся. По степени школьной зрѣлости учащіяся были распределены такъ: въ младшемъ отдѣленіи было около 6,400; въ среднемъ—съ небольшимъ 6,900 и въ старшемъ, предназначенномъ къ выпуску, свыше 3,300—на 250 болѣе предшествующаго года. Изъ числа выпускныхъ къ экзамену было представлено не болѣе 2,733; остальные же, около 600, были взяты родителями, которые часто находятъ, что ихъ дѣти уже достаточно грамотны, въ льготѣ по отбываніи воинской повинности или въ свидѣтельствѣ объ окончаніи курса не нуждаются,—или по неуспѣшности и крайней молодости остались еще на годъ. Всѣ представленные къ экзамену—2,733 дѣтей съ успѣхомъ выдержали испытаніе. Большинство кончили курсъ 11—12 лѣтъ, т. е. въ такомъ возрастѣ, когда опасно оставлять дѣтей въ праздности, давъ имъ предварительно нѣкоторое умственное развитіе, которымъ они, предоставленные самимъ себѣ, могутъ скорѣе воспользоваться во вредъ, нежели въ пользу, а примѣнить силы дѣтей къ физическому труду въ такомъ нѣжномъ возрастѣ запрещаетъ и разумъ и законъ. Концомъ же «народнаго» образованія, началомъ котораго служатъ начальныя училища, являются городскія 4-хъ-классныя училища. Если допустить, что половина всѣхъ кончившихъ въ начальныхъ школахъ, т. е. около 1,350 дѣтей, пожелали бы продолжать ученіе, а съ другой стороны представить, что и въ 4-хъ-классныхъ училищахъ число вакансій удвоилось—достигнетъ 300, то несоразмѣрность двухъ вышеприведенныхъ цифръ, какъ 1,350 и 300, очевидна сама по себѣ и указываетъ на необходимость дальнѣйшаго развитія 4-хъ-классныхъ училищъ.

Изъ 320 училищъ не болѣе 11 помѣщаются въ 5 городскихъ домахъ, а 309—въ частныхъ домахъ, съ постояннымъ нарушеніемъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, требованій нормы по отношенію квадратнаго и кубическаго измѣренія на 50 учащихся. Еще въ 1892 г. комиссія вошла въ Думу съ подробнымъ докладомъ по вопросу о постройкѣ собственныхъ помѣщеній для начальныхъ училищъ, съ обезпеченіемъ капитала, необходимаго на такую постройку квартирою платою за помѣщеніе училищъ въ частныхъ домахъ, которая въ отчетномъ году приблизилась къ 230,000 руб. ежегодно расхода (что сдѣлала Дума съ этимъ докладомъ, г. Стасюлевичъ умолчалъ). Въ санитарномъ отношеніи внутренняя жизнь училищъ въ отчетномъ году прошла благоприятно для учащихся, но не для учащихся. По

случаю появленія заразныхъ болѣзней ученіе прекращалось въ 21 училищѣ; въ прошломъ 1893 году—въ 29 училищахъ, а въ 1892 г.—въ 40 училищахъ. Заболѣванія же самихъ учащихся выразились цифрой 4,100 пропущенныхъ по болѣзни дней—по 12 дней на каждого учащаго.

Расходы города на предметы вообще образованія относятся не только къ начальнымъ народнымъ училищамъ, но имѣютъ въ виду также и завершеніе начального образованія двумя путями: путемъ дальнѣйшаго общаго образованія въ 4-классныхъ и 2-классныхъ училищахъ, и путемъ образованія профессиональнаго.

Изъ общей израсходованной по смѣтѣ въ 1894 г. суммы 646,000 руб., пришлось: 1) на содержаніе городомъ 320 начальныхъ училищъ—608,970 руб.; 2) на субсидію двумъ 4-класснымъ училищамъ—5,000 руб.; 3) на субсидію 16 професіон. школ.—15,474 руб.; 4) на содержаніе 4 безпл. читал.—11,994 р., и 5) на содержаніе 16 воскресныхъ школъ—5,132 р.

Въ ближайшемъ будущемъ комиссія, въ виду того, что, несмотря на крупныя размѣры матеріальнаго пожертвованія со стороны городской Думы, училища оказываются постоянно переполненными и за тѣмъ остается еще довольно значительная часть дѣтей, лишенныхъ начального образованія,—предполагаетъ, въ видѣ опыта, съ новаго учебнаго года, рядомъ съ новыми училищами открыть при одномъ изъ прежнихъ училищъ еще два класса, такъ что въ одномъ училищѣ соединятся въ первый разъ 3 класса съ 150 учащимися по той же формѣ, 50 на классъ, и съ тремя преподающими.

Этотъ опытъ одобренъ городскою Управою.

Нельзя сказать, чтобы дѣло городскихъ школъ являлось у насъ въ Петербургѣ въ благопріятномъ свѣтѣ. Въ нынѣшнемъ 1895 году открыто вновь 20 училищъ; принято въ нихъ тысяча дѣтей, а въ то же время число сверхкомплектныхъ увеличилось до 700; стало быть, потребность населенія въ школьномъ обученіи далеко не была удовлетворена: число отказовъ въ приѣмъ въ прошломъ году превышало три тысячи. Такимъ образомъ Дума, открывъ въ настоящемъ учебномъ году только 20 новыхъ училищъ, не сочла нужнымъ удовлетворить одну изъ самыхъ насущнѣйшихъ потребностей столичнаго населенія. Въ будущемъ году предполагается открыть всего только десять школъ, тогда какъ существуетъ надобность по меньшей мѣрѣ въ 60-ти школахъ! Печально! Столица, такимъ образомъ, далеко не удовлетворяя потребности своего населенія въ обученіи, подаетъ дурной примѣръ провинціи. («Нов. Вр.»)

Городскія начальныя училища въ Москвѣ.

Здѣсь будетъ кстати съ этимъ отчетомъ о петербургскихъ городскихъ школахъ сопоставить недавно изданную «Вѣдомость о начальныхъ училищахъ города Москвы», съ которою знакомить своихъ читателей «Русск. Вѣдом.». Изъ этой вѣдомости видно, что къ началу текущаго года городскихъ начальныхъ школъ въ Москвѣ было 90, изъ нихъ 47—мужскихъ и 43—женскихъ. При 29 училищахъ организованы параллельныя отдѣленія, благодаря чему классовъ и отдѣленій насчитывалось въ училищахъ 306. Во всѣхъ городскихъ школахъ обучалось до 13.000 дѣтей (7.000 мальчиковъ и 6.000 дѣ-

вочекъ),—почти на 600 болѣе противъ предыдущаго года. По классамъ учащіяся въ городскихъ школахъ распределяются крайне неравномѣрно. Почти половина учащихся (49 проц.) приходится на долю перваго класса, ученики средняго класса составляютъ не болѣе $\frac{1}{3}$, а старшаго—лишь $\frac{1}{6}$ общаго числа учащихся. Это явленіе объясняется тѣмъ, что изъ московскихъ городскихъ школъ ежегодно выбываетъ до окончанія курса весьма значительное число дѣтей. Возрастъ учащихся городскихъ училищъ колеблется отъ 7 до 16 лѣтъ, но главный контингентъ составляютъ дѣти въ возрастѣ отъ 9 до 11 лѣтъ. На эту возрастную группу приходится до 68 проц. дѣвочекъ и до 90 проц. мальчиковъ. Среди учащихся преобладаютъ дѣти крестьянъ (44 проц.) и мѣщанъ (33 проц.); учащіяся изъ остальныхъ сословій составляютъ не болѣе 23 проц. всего ихъ числа. За обученіе въ городскихъ школахъ, какъ извѣстно, взимается плата по 3 руб. въ годъ, но попечителямъ и попечительницамъ предоставлено право освобождать отъ платы бѣднѣйшихъ учениковъ. Въ прошломъ году отъ платы освобождено до 1.800 дѣтей. Интересно отмѣтить, что число бесплатныхъ учениковъ, по сравненію съ 1893 годомъ, уменьшилось слишкомъ на 300. Недостатокъ существующаго числа городскихъ школъ сказался въ прошломъ году такъ сильно, какъ и въ прежніе годы. Оказывается, что въ городскія школы не было принято до 2.300 дѣтей! Такимъ образомъ, для помѣщенія всѣхъ дѣтей, желавшихъ учиться въ городской школъ, необходимо было открыть не менѣе 25 новыхъ училищъ. Кромѣ названныхъ 90 школъ, на средства городского управленія существуютъ вечерніе и воскресные классы; затѣмъ городъ участвуетъ въ содержаніи казенныхъ начальныхъ училищъ и классовъ технического рисованія Общества распространенія техническихъ знаній. Въ 10 вечерне-воскресныхъ классахъ обучалось 680 учениковъ, въ 7 казенныхъ училищахъ—до 380, а въ классахъ технического рисованія—до 600 человекъ. Кромѣ начальныхъ городскихъ школъ, въ Москвѣ учреждено Думою 3 четырехклассныхъ училища по положенію 1872 года. Въ эти училища поступаютъ обыкновенно прошедшіе курсъ трехклассной городской школы. Въ прошломъ году обучалось 409. Въ заключеніе замѣтимъ, что на начальное образованіе городскимъ управленіемъ израсходовано въ 1894 году 498.000 руб., что составляетъ не болѣе 5,5 проц. всѣхъ городскихъ расходовъ. Тоже не особенно утѣшительно.

Всеобщее начальное обученіе.

«Сам. газета» посвящаетъ нѣсколько передовыхъ статей вопросу всеобщаго обученія, и приводитъ нѣсколько интересныхъ данныхъ. «Когда въ 1876 году министръ народнаго просвѣщенія гр. Толстой собралъ свѣдѣнія относительно всеобщаго обученія отъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, онъ пришелъ къ выводу, что для введенія его «потребовалось бы такое напряженіе экономическихъ силъ населенія, которое было бы для него крайне отяготительнымъ». И дѣйствительно, въ расчетахъ, присланныхъ въ министерство, были выставлены огромныя цифры. Такъ одновременный расходъ на устройство новыхъ школъ въ 11-ти уѣздахъ Харьковской губ. былъ исчисленъ въ 10 милл. р., въ трехъ губерніяхъ Юго-Западнаго края — въ 22 милл. руб. Крупныя цифры расхода были получены, благодаря неправильному вычисленію количества дѣтей школьнаго возраста, было принято, что возрастъ, въ который

дѣти должны обязательно посѣщать начальную школу, начинается въ 7 и оканчивается въ 14 лѣтъ. Ту же ошибку повторилъ въ 1884 г. и Центральный статистическій комитетъ, вычислившій, что число сельскихъ школъ, существующихъ въ Россіи, при всеобщемъ обученіи надо увеличить въ 13 разъ. «Но,—говоритъ г. Вахтеровъ, въ цитированной уже нами въ прошлый разъ статьѣ, — теперь намъ кажется страннымъ, почему тогда никому не приходили въ голову слѣдующія простыя соображенія. Въ Западной Европѣ курсъ народной школы продолжается 6, 7 и болѣе лѣтъ, у насъ же курсъ начального училища длится два-три года, а церковно-приходской школы только два года*). Данныя обследованія, на которыя ссылается Центральный статистическій комитетъ, показываютъ только то, что дѣти поступаютъ въ наши школы въ различномъ возрастѣ—одни 7—8 лѣтъ и остаются въ ней до 11, а другія 11 лѣтъ и остаются до 14; но эти данныя совсѣмъ не указываютъ на то, что будто-бы каждый ребенокъ поступаетъ въ школу 7 лѣтъ и остается въ ней до 14». На основаніи сказаннаго, г. Вахтеровъ приходитъ къ выводу, что расходы на всеобщее обученіе не должны оказаться чрезмѣрными. Признавая, что обязательное обученіе дѣвочекъ было бы нежелательно для ближайшаго времени, въ виду несочувственнаго отношенія населенія, г. Вахтеровъ получаетъ для введенія въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи всеобщаго обученія для мальчиковъ и городскихъ дѣвочекъ сравнительно скромную цифру въ 11 милліоновъ рублей. Содержаніе новыхъ школъ въ городахъ г. Вахтеровъ предлагаетъ отнести цѣликомъ на городскія средства, а расходы на сельскія школы, которые должны составить, по его расчету, 8,400.000 руб., распределить между казной, земствомъ и сельскими обществами, въ той пропорціи, какая существуетъ въ настоящее время. «Можно привести много вѣскихъ замѣчаній къ тому, говоритъ названный авторъ, чтобы казна взяла на себя большую часть расходовъ по начальному образованію; но гораздо практичнѣе выдѣлить вопросъ о всеобщемъ обученіи отъ всѣхъ остальныхъ, не имѣющихъ съ нимъ непосредственной связи. Чтобы мысль о всеобщемъ обученіи нашла возможно больше дѣятельныхъ сторонниковъ, не слѣдуетъ связывать этого вопроса ни съ реформой въ распределеніи источниковъ содержанія, ни съ преобразованіями выработаннаго самою жизнью типа начальной школы, ни даже съ реформами по завѣдыванію училищами».

Мы не можемъ согласиться съ приведеннымъ мнѣніемъ. Вопросъ о распределеніи расходовъ, вызываемыхъ всеобщимъ обученіемъ, представляется намъ связаннымъ чрезвычайно тѣсно съ вопросомъ о введеніи всеобщаго обученія. Финансовыя средства земствъ и сельскихъ обществъ напряжены до крайней степени, такъ что всякое замѣтное увеличеніе смѣтъ было бы чрезмѣрно отяготительно для плательщиковъ, а часто и прямо невозможно.

*) «Простыя соображенія» г. Вахтерова не приходили тогда никому въ голову совершенно естественно: тогда думали не о пародіи народнаго образованія, а о настоящемъ народномъ просвѣщеніи,—тогда понимали, что обучить мальчугана 7—8-ми лѣтняго въ два года почти ничему нельзя; затѣмъ думали, что и народный учитель долженъ кое что знать и имѣть право на человѣческое существованіе. А г. Вахтеровъ, увлекшись яко-бы легкостью ввести у насъ всеобщее обученіе,—обо всемъ этомъ не думаетъ.

По расчету г. Вахтерова, который, какъ мы покажемъ ниже, долженъ оказаться ниже дѣйствительныхъ расходовъ, земскія смѣты на народное образованіе увеличились бы въ среднемъ въ полтора раза, а для отдѣльныхъ земствъ, гдѣ дѣло народнаго образованія сравнительно мало развито, увеличеніе смѣтъ было бы, конечно, еще значительнѣе. То же самое можно сказать и относительно сельскихъ обществъ. Въ бюджетахъ сельскихъ обществъ расходы на образованіе занимаютъ въ настоящее время сравнительно небольшое мѣсто, и введеніе всеобщаго обученія увеличило бы для многихъ селъ и деревень расходы по этой статьѣ до размѣровъ, совершенно недоступныхъ. Что же касается городовъ, то среди нихъ далеко неимного такихъ, которые располагали бы достаточными средствами для содержанія всѣхъ необходимыхъ школъ. Несмотря на замѣчаемый въ послѣднее время ростъ нашихъ городскихъ центровъ, большая часть русскихъ городовъ влечетъ жалкое существованіе, не отличаясь часто отъ крупныхъ торговыхъ селъ и мѣстечекъ и даже уступая имъ. Наконецъ, вопросъ о средствахъ для введенія всеобщаго обученія тѣсно связанъ съ существующей у насъ общей финансовой системой. Давно уже и настойчиво указывалось, что введеніе подоходнаго налога представляется необходимымъ для исправленія нашей финансовой системы, сохранившей, во многихъ отношеніяхъ, пережитки дореформеннаго времени, когда существовала разнижа между податными и неподатными сословіями. Правительство не разъ принималось за разработку проектовъ подоходнаго налога, но до сихъ поръ не нашло еще возможнымъ его практическое осуществленіе. Надо думать, что расширеніе потребностей государственной жизни приведетъ и къ осуществленію этой давно ожидаемой мѣры. Если введеніе подоходнаго налога совпадетъ съ установленіемъ всеобщаго обученія, то это не будетъ означать, что на обученіе крестьянскихъ дѣтей станутъ затрачиваться средства, собираемыя съ состоятельныхъ классовъ. Участіе низшихъ классовъ въ уплатѣ государственныхъ сборовъ будетъ и при такихъ условіяхъ все же значительно выше и абсолютнѣе, и относительно, чѣмъ всѣхъ остальныхъ, т. е. будетъ не только покрывать расходы на спеціальныя нужды этихъ классовъ, но и на общегосударственныя потребности и даже на потребности культурной части населенія. Такимъ образомъ, наиболѣе рациональнымъ, по нашему мнѣнію, было бы отнесеніе расходовъ на всеобщее обученіе на обще-государственныя средства. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ земства и сельскія общества и могли бы увеличить свои расходы на народное образованіе, то они все-таки сдѣлали бы это въ ущербъ другимъ не менѣе насущнымъ потребностямъ данной мѣстности, какъ, напр., санитарному, врачебному, пожарному дѣлу и т. д. Выше мы замѣтили, что расчеты г. Вахтерова исчислены ниже дѣйствительныхъ. Онъ предполагаетъ, что расходы на содержаніе одной сельской школы должны составить 332 р. въ годъ (245 р. на жалованье преподавателямъ, 53 р. на наемъ и содержаніе помѣщенія и 34 р. на учебныя пособия, награды учителямъ и проч.)*). Не говоря уже о томъ, что указанное

*) Цифры эти до такой степени произвольны, что не слѣдовало-бы имъ придавать никакого серьезнаго значенія: поставлено нищенское вознагражденіе учителю; не принято во вниманіе, что онъ можетъ быть семейный и на 20 рублей въ мѣсяцъ не прокормится, забыто, что надо имѣть при школѣ сторожа, что нужно подумать о пенсіяхъ и, какъ будто въ насмѣшку, 34 рубля въ годъ положено на учебныя пособия и награды учителямъ (!!).

жалованье учителямъ, хотя и встрѣчающееся фактически въ настоящее время, далеко нельзя считать достаточной нормой при надлежащей постановкѣ школьнаго дѣла, мы видимъ, что въ предположеніяхъ г. Вахтерова пропущенъ такой крупный расходъ, какъ постройка училищныхъ зданій и подготовка достаточнаго количества учителей. Затѣмъ количество учениковъ, исчисляемое г. Вахтеровымъ для одной школы (45 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ въ сельскихъ школахъ и 57 учащихся обоаго пола въ городскихъ), также едва ли будетъ соответствовать дѣйствительности. Въ уѣздахъ съ рѣдкимъ населеніемъ, гдѣ деревни и незначительны по размѣрамъ и разбросаны другъ отъ друга на далекое разстояніе, число школъ при обязательномъ обученіи придется устроить больше, чѣмъ сколько приходилось бы по расчету г. Вахтерова, а слѣдовательно, въ соответственной мѣрѣ увеличатся бы и расходы.

Но какъ бы то ни было, при нашемъ миллиардномъ бюджетѣ вопросъ обученія справедливо замѣчаетъ газета, не представляется неразрѣшимымъ. Гораздо болѣе важнымъ и существеннымъ препятствіемъ является бѣдность крестьянъ, не допускающая устраненія отъ домашнихъ работъ дѣтей школьнаго возраста. Поэтому наиболѣе рациональнымъ, наиболѣе соответствующимъ условіямъ нашей современной экономической дѣйствительности разрѣшеніемъ поставленнаго вопроса было бы признаніе обязательности всеобщаго обученія лишь въ принципѣ, какъ болѣе или менѣе отдаленной задачи, къ которой слѣдуетъ стремиться рядомъ постепенно расширяемыхъ мѣръ. Нужно прежде всего позаботиться объ увеличеніи количества школъ до возможнаго большаго, при данныхъ условіяхъ, объема, открывая такимъ образомъ населенію свободный, легкій и удобный доступъ къ образованію, и уже впоследствии, когда явится возможность, не ставя населеніе въ невыгодныя матеріальныя условія, привлечь къ школамъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, сдѣлать обученіе обязательнымъ. При такомъ разрѣшеніи вопроса оказывается возможнымъ и постепенное увеличеніе количества учащихся дѣвочекъ, что, по общему признанію, является крайне необходимымъ въ общихъ культурныхъ интересахъ народа.

Церковная школа.

Въ июньской книжкѣ «Русскаго Обзорнія» напечатана статья извѣстнаго дѣятеля въ области народной школы, С. А. Рачинскаго, озаглавленная «Церковная школа». Со взглядами автора на значеніе церковно-приходской школы говорятъ «Русск. Вѣд.», всѣ интересующіеся вопросомъ давно знакомы. Въ названной статьѣ авторъ не высказываетъ ничего новаго, не приводитъ почти никакихъ фактовъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, а ограничивается лишь краткимъ, почти догматическимъ изложеніемъ послѣднихъ. Авторъ ссылается на свой опытъ въ школьномъ дѣлѣ, ограниченный, по его словамъ, небольшимъ райономъ. Статья эта послужила темой для цѣлаго фельетона въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», причемъ авторъ фельетона, излагая взгляды г. Рачинскаго, пропускаетъ нѣкоторыя существенныя подробности, вносящія важныя ограниченія въ основныя положенія автора статьи.

Признавая, что завѣдываніе низшей школой составляетъ призваніе духовенства, г. Рачинскій указываетъ на неудовлетворительное состояніе терпешнихъ порядковъ въ самой духовной школѣ и говоритъ: «Система во-

питанія нашего духовенства, несмотря на неоднократныя, во многомъ неосторожныя ломки, до сихъ поръ не пришла въ состояніе удовлетворительное. Страдаетъ въ особенности часть воспитательная. Многіе пороки, и, прежде всего, лживость и пьянство, свили себѣ въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ прочное гнѣздо. Великій грѣхъ въ этомъ отношеніи лежитъ на нашихъ духовныхъ академіяхъ, снабжающихъ всѣ прочія духовно-учебныя заведенія преподавателями и начальствующими лицами. Весь внутренній складъ и самое наименованіе этихъ академій есть ложь. Можно назвать ихъ академіями богословскими, но отнюдь не духовными. Огромное большинство своихъ воспитанниковъ онѣ навсегда отвращаютъ отъ духовнаго званія... (Съ особенною радостію спѣшу отмѣтить значительный поворотъ къ лучшему, нынѣ совершающійся въ академіи московской, подъ влияніемъ ея почтеннаго ректора, отца-архимандрита Антонія). Можно себѣ представить, какъ мало поддержки своимъ духовнымъ стремленіямъ получаютъ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній отъ наставниковъ, питающихъ презрѣніе къ ясѣ...» «Затѣмъ, по большей части, слѣдуетъ періодъ учительства, безо всякаго руководства и надзора, при обстоятельствахъ стѣснительныхъ и трудныхъ; бракъ, часто поспѣшный, и поэтому нерѣдко несчастный, и священство».

Но, не смотря на такія неблагоприятныя условія въ школѣ и въ жизни, вѣстакъ за послѣднія 25 лѣтъ, по словамъ г. Рачинскаго, замѣтно увеличивается число «учительныхъ» священниковъ: г. Рачинскій съ очень многими изъ нихъ состоитъ въ перепискѣ и судить о нихъ по ихъ письмамъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить заявленіе г. Рачинскаго по поводу предположеній, какія возникали въ нѣкоторыхъ земствахъ о полной передачѣ всѣхъ школъ въ вѣдѣніе духовенства. Убѣжденный сторонникъ школы церковно-приходской, г. Рачинскій говоритъ объ этомъ: «Такая огульная передача до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, совершилась лишь въ одномъ уѣздѣ (Вольскомъ). Полагаю, что въ большинствѣ уѣздовъ она пока преждевременна. Гораздо разумнѣе была-бы передача въ духовное вѣдомство отдѣльныхъ школъ, въ тѣхъ приходахъ, въ коихъ священникъ отличается усердіемъ, умѣlostью, нравственнымъ авторитетомъ».

Но,—замѣтимъ мы отъ себя, говоритъ газета,—тамъ, гдѣ священникъ отличается усердіемъ, умѣlostью, нравственнымъ авторитетомъ, онъ, и безъ всякой передачи школы въ его вѣдѣніе, пользуется полнымъ влияніемъ, какъ законоучитель, о чемъ говоритъ и самъ авторъ статьи, который, въ силу именно этого несомнѣннаго влиянія хорошаго законоучителя въ министерской или въ земской школѣ, и признаетъ, что въ области начальной школы «ни въ какомъ спѣхѣ, ни въ какой ломкѣ существующаго не представляется ни малѣйшей нужды».

Такимъ образомъ, статья г. Рачинскаго въ цѣломъ вовсе не даетъ той рѣзкой постановки вопроса, которую выдвигаетъ впередъ фельетонистъ «Московскихъ Вѣдомостей», намѣренно или ненамѣренно умалчивающій объ ограниченіяхъ и оговоркахъ, находящихся въ статьѣ С. А. Рачинскаго».

Высшее женское образованіе.

Въ № 5 «Русскаго Богатства» сопоставляются и комментируются послѣднія извѣстія, общающія новые успѣхи высшаго женскаго образованія.

Крупнѣйшій фактъ въ этой области, конечно, ожидаемое учрежденіе въ Петербургѣ женскаго медицинскаго института.

«Со времени закрытія высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, бывшихъ сначала при медико-хирургической академіи, а потомъ при Николаевскомъ госпиталѣ, — говоритъ журналъ, — вопросъ объ ихъ возобновленіи не сходилъ съ очереди. Онъ поднимался и въ печати, и въ земствахъ, и въ петербургской Думѣ и въ административныхъ сферахъ. Частныя лица вносили значительныя пожертвованія для облегченія его осуществленія. Медицинскіе курсы прекратили свое существованіе въ 1887 году и немедленно возникло движеніе въ пользу возобновленія ихъ въ той или иной формѣ».

Отмѣчая извѣстныя газетныя сообщенія о судьбѣ министерскаго проекта, «Русское Богатство» говорить:

«Измѣненія, внесенныя въ министерскій проектъ департаментомъ государственнаго совѣта, можно только отъ души привѣтствовать. Возстановленіе опущенныхъ каедръ и пятилѣтняго срока изученія снова сравниваютъ женщину-врача, по получаемому медицинскому образованію, съ врачами-мужчинами, а требованіе аттестата зрѣлости уравниваетъ и общее образованіе мужскаго и женскаго медицинскаго персонала. Такое полное уравниеніе обѣихъ категорій врачей по общему и спеціальному образованію не требуетъ-ли логически и уравниенія въ правахъ? И прежде всего — въ правѣ полученія ученыхъ степеней, въ которыхъ до сихъ поръ женщинамъ отказывали, преимущественно ссылаясь на недостаточность ихъ общаго образованія. На это обстоятельство департаментъ государственнаго совѣта, повидимому, не обратилъ вниманія, но онъ сдѣлалъ шагъ къ уравниенію правъ врачей, мужчинъ и женщинъ, допустивъ и послѣднихъ къ судебной экспертизѣ. Завѣдываніе же больницами, котораго еще лишены женщины-врачи, тѣсно связано съ вопросомъ объ ихъ ученыхъ степеняхъ, потому что старшій врачъ долженъ быть докторомъ медицины».

Журналъ находитъ, что нѣкоторыя подробности устава женскаго медицинскаго института вызываютъ возраженія; но самый фактъ возобновленія въ Россіи высшаго женскаго медицинскаго образованія представляетъ такое важное и первостепенное значеніе, которое заслоняетъ подробности».

Наконецъ, почти одновременно съ этими извѣстіями въ газетахъ было передано, что возникла мысль о возстановленіи закрывшихся въ 1887 году высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ. Повторяя этотъ слухъ, «Русское Богатство» говорить:

«При всѣхъ своихъ недостаткахъ съ точки зрѣнія серьезно-научнаго преподаванія, высшіе женскіе курсы представляютъ такое серьезное общеобразовательное начинаніе, что ихъ распространеніе и развитіе должно, конечно, привѣтствовать самымъ искреннимъ образомъ».

Въ другихъ городахъ, какъ Харьковъ, Тифлисъ и др., также время отъ времени возникала мысль объ устройствѣ такихъ же курсовъ.

«Русск. Вѣд.» полагаютъ, что, въ виду существующей и повсемѣстно заявляемой потребности въ этихъ курсахъ, самымъ лучшимъ и цѣлесообразнымъ средствомъ для этого было-бы вновь разрѣшить, въ видѣ общей мѣры, устройство высшихъ женскихъ курсовъ, какъ это и проектировала министерская комиссія подъ предсѣдательствомъ товарища министра кн. Волконскаго.

Можно надѣяться,—по мнѣнію газеты,—что теперь, послѣ благопріятнаго разрѣшенія вопроса о женскомъ медицинскомъ институтѣ, не будетъ оставленъ безъ вниманія и вопросъ объ общемъ научномъ образованіи для женщинъ.

Народное образованіе въ Сибири.

Въ ноябрѣ текущаго 95 года, на всероссійской сельско-хозяйственной выставкѣ въ Москвѣ, говорятъ «Спб. Вѣд.», московскимъ комитетомъ грамотности будетъ устроенъ отдѣлъ по народному образованію въ Россіи, цѣль котораго освѣтить современное состояніе этой важнѣйшей стороны народной жизни, подвести итоги всему сдѣланному до сихъ поръ какъ правительствомъ и общественными учрежденіями, такъ и частными лицами въ дѣлѣ развитія просвѣщенія среди массы народа и намѣтить дальнѣйшій путь работъ въ этомъ направленіи.

Для Сибири эта выставка могла-бы сыграть очень крупную роль и оказать нашей далекой и невѣжественной окраинѣ весьма цѣнныя услуги. Но для этого необходимо наше энергичное и живое отношеніе къ прекрасной задачѣ московскаго комитета грамотности. Необходимо, чтобы всѣ думающіе о благѣ своей родины сибиряки и сочувствующія ей лица пришли комитету на помощь доставленіемъ ему матеріаловъ, свѣдѣній и отчетовъ, которые могли-бы дать хотя общее представленіе о современномъ состояніи народнаго просвѣщенія въ Сибири, его кровныхъ нуждахъ, а также средствахъ и путяхъ для дальнѣйшей борьбы съ нашимъ глубокимъ сибирскимъ невѣжествомъ...

Всѣмъ, безъ сомнѣнія, извѣстно,—въ какомъ жалкомъ положеніи у насъ находится дѣло народнаго просвѣщенія, какъ ничтожно число и нерадостна обстановка нашихъ сельскихъ народныхъ школъ, какъ не велика и разрозненна жалкая по своей численности, армія тружениковъ народной школы, учительницъ и учителей. А незавидное и несамостоятельное общественное положеніе послѣднихъ, убогая матеріальная обстановка ихъ, а тяжелый ежедневный трудъ, вознаграждаемый во многихъ случаяхъ только полугодовымъ существованіемъ изо дня въ день, безъ малѣйшаго обезпеченія на случай болѣзни и старости?—не заливаются-ли все это краской стыда лица тѣхъ, кто хотѣлъ-бы видѣть свою родину не безсильной и невѣжественной, а могучей и просвѣщенной, способной защитить себя отъ случайныхъ невзгодъ жизни, и завоевать себѣ тѣ матеріальныя и духовныя блага, которыми владѣютъ болѣе просвѣщенные и сильные народы западной Европы, или даже нашей сибирской восточной сосѣдки Японіи, этой страны «Восходящаго солнца», значительно опередившей въ дѣлѣ просвѣщенія не только Сибирь, но, пожалуй, и Европейскую Россію.

Мы далеки, конечно, отъ мысли дѣлать какой нибудь упрекъ нашимъ многочисленнымъ пока представителямъ живыхъ общественныхъ силъ, или тѣмъ или инымъ учрежденіямъ, призваннымъ къ развитію у насъ просвѣщенія... Въ предѣлахъ наличныхъ силъ и средствъ всѣ эти лица и учрежденія дѣлаютъ свое дѣло, но дѣло это по своимъ результатамъ, въ конечномъ и общемъ итогѣ, всетаки въ высшей степени жалко и ничтожно!.. Для этого стоятъ только указать на то, что процентъ грамотныхъ въ Сибири не пре-

вышаетъ и 10, въ Енисейской губерніи, напр., онъ выражается, если не ошибаеся, всего 6 проц., т. е. изъ 100 человѣкъ населенія только 6 человѣкъ оказываются грамотными, остальные же 94 безграмотны.

Чтобы понять всю глубину нашего сибирскаго невѣжества и безграмотности, укажемъ на замѣтку, напечатанную въ февралѣ нынѣшняго 95 года въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», о грамотности въ Германіи. «Государство въ такой степени,—говоритъ авторъ замѣтки, заботилось о народномъ образованіи, что даже въ самомъ отсталомъ округѣ Германской имперіи, Мариенверденскомъ, въ настоящемъ году насчитывалось *не болѣе 2¹/₂ проц. неграмотныхъ.*

Впрочемъ, сибирская грамотность не выдерживаетъ сколько нибудь серьезнаго сравненія и съ земскою Европейскою Россіей, гдѣ дѣло народнаго образованія стоитъ несравненно выше, благодаря неустанной и плодотворной дѣятельности земскихъ учреждений. Безъ послѣднихъ Сибирь не выбьется изъ своего невѣжества, и значительное измѣненіе условій экономическаго быта и хозяйства сибирскаго крестьянства, которое, несомнѣнно, явится съ окончаніемъ нашей желѣзной дороги, захватить наше населеніе совершенно не подготовленнымъ къ новымъ условіямъ жизни.

Вопросъ о введеніи въ Сибири земскихъ учреждений уже много разъ поднимался и мѣстной и столичной печатью и, надо надѣяться, недалеко уже то время, когда изъ области благожеланій онъ перейдетъ на почву дѣйствительнаго и практическаго его разрѣшенія. Пока же мы считаемъ необходимымъ лишній разъ указать на настоятельность его разрѣшенія въ интересахъ борьбы съ тѣмъ глубокимъ невѣжествомъ сельскаго населенія Сибири, успешная и сколько нибудь серьезная борьба съ которымъ *безъ земскихъ учреждений* намъ не представляется возможной.

Въ виду предстоящей всероссійской сельско-хозяйственной выставки въ Москвѣ въ ноябрѣ текущаго 95 года, на которой, какъ мы выше видѣли, московскимъ комитетомъ грамотности предполагается организація отдѣла по народному образованію, мобилизація всѣхъ свѣдѣній о современномъ состояніи народнаго образованія въ Сибири представляется не только желательной, но должна явиться нравственной обязанностью всей сибирской интеллигенціи, къ которой и обращается нынѣ московскій комитетъ грамотности съ просьбой о сообщеніи ему свѣдѣній о состояніи сибирскихъ сельскихъ школъ, бібліотекъ, читаленъ, народныхъ чтеній, профессиональныхъ школъ и вообще всего, что имѣетъ отношеніе къ характеристикѣ народнаго образованія въ Сибири.

Свѣту, больше свѣту!

Закончимъ нашу хронику обычнымъ нашимъ припѣвомъ: свѣту, больше свѣту нашему темному народу!» Къ крайнему сожалѣнію, у насъ все еще смотрятъ какъ-то опасно на настоящее просвѣщеніе,—все думаютъ, что народу достаточно одной грамотности и церковности. Это—печальная ошибка. Народу нужно то просвѣщеніе, которое пробуждаетъ разсудокъ, заставляетъ человѣка разсуждать. Иначе онъ извратитъ религію и самую церковность обратить въ суевѣріе.

Хорошей иллюстраціей этого можетъ служить слѣдующій фактъ.

«Недавно сообщалось, читаемъ въ «Недѣлѣ», что безграмотная крестьянка Блипикова проповѣдывала о божественности о. Іоанна кронштадскаго. Теперь,

по словамъ «Пет. Газ.», оказывается такихъ проповѣдницъ масса въ Кронштадтѣ. Онѣ, увлеченныя невѣжественнымъ фанатизмомъ, проповѣдуютъ, что о. Иоаннъ есть Спаситель и не открываетъ своего инкогнито единственно потому, что избѣгаетъ гоненія «антихристовъ», подъ которыми богомолки разумѣютъ остальное священство и представителей власти. Богопочтеніе, воздаваемое о. Иоанну, богомолки перенесли и на портретъ его, который во многихъ квартирахъ ставится на ряду съ образами и на него молятся. О. Иоаннъ неоднократно срываетъ свой портретъ со стѣны, разбивая объ полъ и, разсерженный, уѣзжалъ, не отслуживъ молебна. Тѣ-же почести воздаются шляпѣ пастыря, шубѣ, калошамъ и т. д. Большую роль въ этомъ играютъ содержательницы страннопримныхъ домовъ. По окончаніи молебна, содержательница квартиры обыкновенно приступаетъ къ батюшкѣ съ просьбою благословить три стакана чая, который потомъ раздѣляется между богомолками, пріѣзжимъ-же часто продается наравнѣ съ виноградомъ, фружтами, деревяннымъ масломъ и т. п. Такимъ образомъ, фанатизмъ идетъ рука объ руку съ торгашествомъ.

Къ вопросу объ ученическихъ экскурсіяхъ и прогулкахъ.

К о п о р ь е.

За послѣднее время у насъ много пишутъ и говорятъ о пользѣ и необходимости лѣтнихъ ученическихъ прогулокъ, т. е. небольшихъ путешествій, предпринимаемыхъ учащейся молодежью въ сопровожденіи ихъ воспитателей. Ближайшая и простая цѣль этихъ прогулокъ—подышать чистымъ воздухомъ, полюбоваться зелеными лѣсами и широкими полями нашей родины и, уставши отъ хотѣбы, поѣсть хорошенько и заснуть здоровымъ, крѣпкимъ сномъ, въ какой-нибудь крестьянской избѣ на душистомъ сѣнѣ.

Недалеко отъ Петербурга есть мѣсто, которое можетъ служить прекрасною, полезною цѣлью небольшого путешествія для учениковъ, на которое почему-то экскурсанты до сихъ поръ не обращаютъ вниманія,—это старинная русская крѣпость Копорье.

Теперь Копорье—небольшая слобода въ 87-ми верстахъ отъ Петербурга и въ 12-ти отъ берега финскаго залива, но когда-то это была значительная крѣпость, и ея стѣны и башни сохранились до сихъ поръ.

Чтобы осмотрѣть эти развалины, я предприняла лѣтнюю прогулку туда съ моими ученицами,—прогулку, которая оказалась очень занимательной, и я хочу описать ее здѣсь.

Дѣвочки не могли, конечно, пройти пѣшкомъ всего разстоянія, и мы отправились на почтовыхъ. До Новаго Петергофа доѣхали по желѣзной дорогѣ, а тамъ взяли на почтовомъ дворѣ бричку и отправились. Все интересно въ такой поѣздкѣ—и почтовая станція, и ямщикъ въ старой-старой

шлягѣ съ какими-то прутиками вмѣсто павлиннхъ перьевъ, который ни за что не хотѣлъ пѣть, какъ мы ни просили его объ этомъ... Удобная бричка вовсе не трясеть и ѣхать въ ней очень удобно и пріятно. Вокругъ, до слѣдующей станціи, все поля, раскинувшіяся на огромномъ пространствѣ, и городскому жителю новымъ и величественнымъ кажется такой обширный кругозоръ. Все совершенно плоско; по обѣ стороны дороги—поля, засѣяныя рожью, овсомъ, гречихой. Это поля настоящія, не то, что узенькія и жалкія полоски хлѣба, которыя видны изъ оконъ вагона, везущаго на дачу, или на задворкахъ этихъ самихъ дачъ. И деревни здѣсь настоящія, — избы разбросаны прихотливо и крыты большею частью соломой. Есть крошечныя и бѣдныя избенки, черныя, покосившіяся, съ обвалившимися углами и дырявой крышей, а рядомъ съ ними стоитъ красивый, крытый тесомъ и даже желѣзомъ, съ рѣзными украшениями и пестрыми ставнями, домъ деревенскаго богача—кулака. Чаще всего это постоялый дворъ.

Отъ Петербурга до первой станціи, Порожки, 20 верстъ. Тутъ всегда есть лошади, и черезъ десять минутъ уже можно ѣхать дальше. Новый ямщикъ охотно рассказываетъ намъ обо-всемъ, что мы встрѣчаемъ новаго и интереснаго. Отъ него мы узнаемъ, что крестьяне здѣсь занимаются приготовленіемъ корзинокъ изъ ивовыхъ прутьевъ и намъ навстрѣчу попадаютъ возы съ такими корзинами. Въ четырехъ верстахъ отъ Порожекъ находится имѣніе «Гостилцы», принадлежавшее Потемкину, замѣчательное своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и прекраснымъ дворцомъ; но оно лежитъ въ сторонѣ отъ дороги, и намъ видна только бѣлая церковь. Дальше дорога дѣлается все болѣе и болѣе живописной, приходится то спускаться съ горы, то подниматься на другую, въ лоцинѣ, между горами течетъ рѣка, извилистая, какъ змѣйка; на крутомъ берегу ея разбитъ тѣнистый паркъ. Вдали отъ дороги виднѣется узкая полоса воды, — это большое озеро, версты три въ длину, но оно очень далеко и кажется совсѣмъ маленькимъ. Такъ мы ѣдемъ, любуясь красивыми видами, часа полтора. Вотъ и станція — Лопухинка. Здѣсь есть что посмотреть, мы велимъ поставить самоваръ и располагаемся пить чай. Станціонный домъ только что выстроенъ; все въ немъ чисто и ново: комната для проѣзжающихъ большая и свѣтлая; на дворѣ отличный сѣновалъ. У хозяйки можно достать яицъ и молока. Послѣ чаю мы отправляемся гулять, насъ ведетъ маленький сынъ смотрителя, шустрый мальчикъ лѣтъ 9-ти.

Въ Лопухинкѣ были когда-то минеральныя воды и лечебница. Зданіе ея стоитъ и теперь, но въ немъ никто не живетъ. Оно выстроено на берегу небольшого озера, на днѣ глубокаго оврага. Рядомъ другое озеро, также очень красивое, но поменьше, на немъ устроена мельница. Все это окружено густымъ и высокимъ лѣсомъ. Спускъ въ оврагъ очень крутой и весь склонъ поросъ лѣсомъ, такъ что приходится идти зигзагами по очень узкимъ тропинкамъ. Наверху выстроена хорошенькая часовня, полная образцовъ, и чья-то заботливая рука украшаетъ ее каждый день свѣжими цвѣтами.

Мы гуляли долго, такъ что пришлось переночевать въ Лопухинкѣ. Намъ принесли много сѣна въ комнату, и мы отлично провели ночь. На другой день, чуть свѣтъ мы были уже на ногахъ и пустились въ путь. Версты четыре дорога идетъ лѣсомъ, дальше лѣсъ недавно вырубленъ, и свѣжкіе

ни производить грустное впечатлѣніе, а оставшіеся тамъ и сямъ молодыя березки перегнулись дугой до самой земли, точно оплакиваютъ своихъ погибшихъ товарищей. Потомъ опять поля, лѣса смѣняются деревнями и селами, попадаются чухонскія ратки, почтовые брички, изящные экипажи помѣщиковъ, ѣдутъ крестьяне, а иногда версты четыре и никого не встрѣтишь... До Копорья ѣзды часа три, такъ какъ дорога здѣсь земская, не шоссе и порядочно размыта дождями. Мы пріѣхали туда утромъ, въ день ярмарки (16-го Августа), на которую собираются жители всѣхъ окрестныхъ деревень. Село имѣетъ оживленный и нарядный видъ. Дѣвушки въ русскихъ рубашкахъ и яркихъ сарафанахъ, съ пестрыми бусами на шеѣ и длинными лентами въ косѣ, группами сидятъ на скамейкахъ у избъ, щелкаютъ орѣхи, поютъ или разговариваютъ. Всѣ высыпали на улицу, всѣ пріодѣлись по праздничному; всюду шумно и весело. На улицѣ стоятъ телѣги съ разными товаромъ, вокругъ каждой толпятся покупатели и любопытные.

Населеніе здѣсь смѣшанное, и какъ и вездѣ въ такихъ случаяхъ русскіе держатся особнякомъ отъ чухонъ и рѣзко отличаются отъ нихъ костюмомъ и наружностью. Такъ какъ Копорье лежитъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, то, не смотря на близость къ столицѣ, здѣсь сохранились старинные обычаи не то русскіе, не то финскіе. Въ этотъ день въ селѣ была русская свадьба, а на другое утро мы были свидѣтелями страннаго обряда: мы пили чай, когда услышали вдругъ звонъ бубенчиковъ, выглянули въ окно и видимъ ѣдетъ верхомъ не то баба, не то мужикъ, въ полшубкѣ, на головѣ фуражка, а сверху платокъ повязанъ подъ подбородокъ, какъ у женщинъ, на шеѣ вмѣсто бусъ нитка бубенчиковъ, къ колѣнамъ тоже привязаны бубенчики; въ рукѣ длинный шестъ, на немъ пучъ соломы и ленты. Оказалось, что это родственникъ жениха, свать, ѣдетъ къ родителямъ невѣсты приглашать ихъ на обѣдъ къ молодымъ.

На почтовой станціи въ Копорьѣ нѣтъ комнаты для проѣзжающихъ, такъ что мы остановились въ домѣ лавочника, который любезно уступилъ намъ свои чистыя комнаты, гдѣ мы очень удобно устроились. Главной нашей прогулкой, конечно, была крѣпость, находящаяся какъ разъ противъ лавки, по другую сторону дороги. Она расположена на высокомъ холмѣ, у самаго края его, а съ другой стороны крѣпостныхъ стѣнъ вырытъ очень глубокой и широкой ровъ, на днѣ котораго течетъ рѣчка. Почва здѣсь глинистая и изъ пластовъ этой глины, плиты и камня сдѣланы стѣны крѣпости; землю, взятую изъ рва и употребляли на возведеніе стѣнъ. Черезъ ровъ перекинутъ мостъ, бывшій прежде подъемнымъ, по обѣ стороны крѣпостныхъ воротъ стоятъ высокія круглыя башни съ амбразурами, направленными на мостъ. Такія же башни есть и по угламъ стѣнъ. Изнутри на нихъ легко взобраться и сверху открывается прекрасный видъ на море съ одной стороны, а съ другой, на безконечныя поля и луга. Въ широкихъ стѣнахъ есть проходы, а въ башняхъ подземелья. Внутри крѣпости не сохранилось никакихъ старинныхъ зданій, теперь тамъ кладбище и новая православная церковь, а за ней пустое пространство, распаханное подъ огороды. Стѣны и башни сохранились прекрасно, только въ одномъ мѣстѣ не хватаетъ куска стѣны, — это брешь, сдѣланная русскими орудіями при взятіи крѣпости. Но стѣны только кажутся прочными; на самомъ дѣлѣ всходить на нихъ опасно, и въ воротахъ крѣпости прибито предостереженіе.

Въ башняхъ и проходахъ между ними не слѣдуетъ также кричать и громко разговаривать, такъ какъ отъ сотрясенія воздуха можетъ обрушиться часть постройки. Въ отвердѣвшихъ слояхъ глины на крѣпостныхъ стѣнахъ мы находили много окаменѣлостей, большею частью червей и гадовъ; но ихъ трудно отбить, такъ какъ они легко ломаются. Интересно также спуститься въ ровъ и снизу взглянуть на стѣны, которыя кажутся отсюда чрезвычайно высокими, такъ какъ сторона рва, прилегающая къ крѣпости совершенно отвѣсна, и представляетъ какъ бы продолженіе стѣны. На другой сторонѣ рва, болѣе отлогой, много ключей, къ одному изъ нихъ придѣланъ жолобъ, по которому течетъ широкая струя воды; надъ ней приврѣпленъ образъ; тутъ же, рядомъ узкая струйка въ палецъ толщины, пробиваясь прямо изъ земли, падаетъ отвѣсно на аршинъ высоты. Рѣчка, протекающая по дну рва, вѣроятно, была запружена недалеко отъ крѣпости и наполняла ровъ водою, когда это было нужно. Вообще, крѣпость эта была устроена со всеми усовершенствованіями, извѣстными въ то время, и представляетъ прекрасный образецъ старинныхъ крѣпостей.

Въ заключеніе скажу о томъ, какъ и когда было основано Копорье, и какъ оно перешло къ русскимъ.

Въ XIII столѣтіи нѣмцы въ своемъ стремленіи на востокъ старались захватить берега Финскаго залива и, не встрѣчая большого сопротивленія среди племенъ, населявшихъ эти берега и уже платившихъ дань Новгороду, строили тамъ укрѣпленія. Въ 1240 г. имъ удалось склонить на свою сторону Чудь, и они впервые перешли за Нарву и Лугу и построили крѣпость въ Копорьи погостѣ, но въ слѣдующемъ же году Александръ Невскій разорилъ крѣпость, а гарнизонъ ея привелъ въ Новгородъ.

Нѣмцы не оставили, конечно, своихъ притязаній на побережье Финскаго залива, и вотъ, чтобы обороняться отъ нихъ сынъ Александра Невскаго, Дмитрій самъ срубилъ деревянную крѣпость въ томъ же погостѣ въ 1279 году, а въ слѣдующемъ году опять ѣздивъ туда со своей дружиной и вмѣсто деревянной заложилъ каменную. Однако Новгородцамъ не понравилось, что Дмитрій считалъ Копорье своею собственностью, произошелъ разладъ между княземъ и новгородцами, окончившійся борьбою подъ стѣнами новой крѣпости.

Новгородцы одержали верхъ и разрыли крѣпость. Сто лѣтъ спустя Іоаннъ III обратилъ особое вниманіе на Ингрію и Ливонію, которымъ угрожали теперь новые враги—Шведы. Онъ велѣлъ возобновить всѣ укрѣпленія и заложилъ на границѣ Ливоніи новую каменную крѣпость съ высокими башнями и назвалъ ее по своему имени Иванъ-Городомъ. Іоаннъ IV всю жизнь стремился укрѣпить за Москвой Ливонію, но его военныя дѣйствія были неудачны и Копорье, вмѣстѣ съ Иванъ-Городомъ и Ямью отошли къ Шведамъ. При его преемникахъ русскіе опять получили было эти города, но не надолго: настало смутное время и Шведы взяли не только Ливонію, но и самый Новгородъ. Такъ переходило Копорье изъ рукъ въ руки и шведы и русскіе то разоряли его, то опять укрѣпляли. Но послѣ смуты въ Россіи шведы удержали его цѣлые сто лѣтъ и въ это время отстроили и укрѣпили его такъ, что русскіе при Петрѣ Великомъ съ трудомъ могли взять его. Въ концѣ Мая 1703 года Шереметевъ, послѣ сдачи крѣпости, писалъ царю: «Музыка твоя хорошо играетъ: шведы горазды танцовать и

фортеции отдавать, а если бы не бомбы, Богъ знаетъ, что бы дѣлать». Это была послѣдняя борьба подъ стѣнами Копорья и до сихъ поръ эта крѣпость стоитъ въ томъ видѣ, какъ ее оставили тогда русскіе войска. Прогулка наша въ Копорье и обратно прошла очень весело въ живой бесѣдѣ обо всемъ, что останавливало вниманіе дѣтей и они остались ею весьма довольны.

А. П.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Торжественное закрытіе первой всероссійской выставки печатнаго дѣла происходило 15-го іюня, въ присутствіи с.-петербургскаго градоначальника, главнаго командира кронштадскаго порта, предсѣдателя Императорскаго русскаго техническаго Общества, экспонентовъ и многихъ приглашенныхъ лицъ. По этому случаю, въ часть дня, въ большой аудиторіи Солянаго Городка отслужено молебствіе, съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому; послѣ чего состоялось торжественное собраніе распорядительнаго комитета выставки. Собраніе было открыто предсѣдателемъ Императорскаго русскаго техническаго Общества, который, по порученію Великаго Князя Константина Константиновича, передалъ сожалѣніе Его Императорскаго Высочества о невозможности лично присутствовать на закрытіи выставки. Затѣмъ секретарь экспертной коммисіи сообщилъ о присужденныхъ экспонентамъ наградахъ, а почетный секретарь выставки ознакомилъ присутствовавшихъ съ результатами ея. Выставка была открыта 108 дней и привлекла свыше 42,000 посѣтителей, среди которыхъ находилось: почетныхъ гостей 642, членовъ Императорскаго русскаго техническаго Общества—1,172, платныхъ посѣтителей—34,340, учащихся—2,011, наборщиковъ и служащихъ—4,412. Приходъ по выставкѣ выражается слѣдующими цифрами: входной платы получено 13,201 руб. 45 коп., за мѣста экспонентовъ—16,584 руб. и другихъ поступленій—7,404 руб. 84 коп. Въ общемъ, доходъ по выставкѣ превысилъ расходъ на сумму до 3,000 руб., которые пойдутъ въ пользу школы печатнаго дѣла. Въ заключеніе, по предложенію предсѣдателя Императорскаго техническаго Общества, собраніе постановило выразить глубокую благодарность Великому Князю Константину Константиновичу за благосклонное участіе и вниманіе, оказанное Его Императорскимъ Высочествомъ первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла (Пр. Вѣстн.).

Общество школьныхъ дачъ. 27-го апрѣля, въ 3 часа пополудни, состоялось годовое собраніе общества школьныхъ дачъ для с.-петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. На собраніи присутствовалъ почетный членъ общества, Министръ Народнаго Просвѣщенія. Изъ отчета, прочитаннаго сек-

ретаремъ, видно, что мальчиковъ прошлымъ лѣтомъ на школьной дачѣ въ деревнѣ Куоккала находилось 68 и дѣвочекъ въ Ораніенбаумѣ—35. Израсходовано на дачу для мальчиковъ 4.257 руб. 29 коп., на дачу для дѣвочекъ (въ даровомъ помѣщеніи)—1.447 руб. 90 коп. Общій приходъ за 1894 годъ достигъ 21.538 руб. 92½ коп., въ томъ числѣ 1.500 руб., поступившіе на стипендіи отъ Ея Высочества Принцесы Елены Георгіевны Саксенъ-Альтенбургской. Израсходовано 13.155 руб. 19 коп. Въ остаткѣ состоитъ неприкосновеннаго капитала 2.500 рубл. и оборотнаго 5.883 руб. 73¼ коп. (въ томъ числѣ на постройку дачи для мальчиковъ 1.883 руб.). Предсѣдателемъ общества прочитано въ засѣданіи заявленіе графа В. А. Стенбокъ-Фермора, въ которомъ онъ проситъ совѣтъ общества, въ виду намѣренія построить собственную дачу «въ память Императора Александра III» для мальчиковъ, принять пять десятинъ земли на берегу Финскаго залива, близъ Лисьяго Носа, въ безвозмездное пользованіе подъ постройку школьныхъ дачъ, до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ существовать. Затѣмъ происходили выборы членовъ совѣта. Въ почетные члены избраны: гр. В. А. Стенбокъ-Ферморъ и пасторъ голландской церкви Г. Гиллотъ, доставившій въ теченіе 12 лѣтъ болѣе 5.000 руб. отъ голландской церкви на содержаніе дачъ.

Годовое собраніе с.-петербургскаго общества содѣйствія физическому развитію, состоявшееся 28-го апрѣля, въ зданіи Солянаго Городка, было посвящено обзору дѣятельности общества со времени его возникновенія (7-го ноября 1893 г. по 1-е января 1895 г.) Въ 1-му январю текушаго года общество уже насчитывало въ своемъ составѣ 391 лицо въ томъ числѣ 304 дѣйствительныхъ, 86 соревнователей и одну сотрудницу. Въ первый же годъ своего существованія общество было осчастливлено особымъ вниманіемъ со стороны Его Величества Государя Императора, бывшаго тогда Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, соизволившаго назначить на нужды общества единовременное пособіе въ 500 руб. изъ Собственныхъ средствъ. Для преслѣдованія своей главной цѣли—содѣйствовать физическому развитію дѣтей—общество устроило особый катокъ для безвозмезднаго пользованія учащихся въ городскихъ училищахъ, а также учредило подвижныя игры для дѣтей въ манежѣ Стараго Адмиралтейства, залѣ городской думы и павильонахъ Императорскаго русскаго техническаго общества. Въ теченіе отчетнаго времени на катокъ сдѣлано дѣтьми свыше 10.500, а на игры—7.600 посѣщеній. Съ наступленіемъ лѣта дѣятельность общества расширилась устройствомъ игръ въ Александровскомъ саду, два раза въ недѣлю, подъ руководствомъ опытныхъ лицъ. Кромѣ того, обществомъ организовано 9 загородныхъ прогулокъ, въ которыхъ принимали участіе болѣе 1.800 дѣтей. Нѣкоторые изъ членовъ общества дѣлали на общихъ собраніяхъ доклады, относящіеся къ физическому воспитанію и образованію, а также читали общедоступныя лекціи по тому же предмету. За короткое время своего существованія, общество успѣло вызвать къ себѣ сочувствіе въ провинціи, и правленіе его получило уже изъ разныхъ городовъ просьбы объ устройствѣ филиальныхъ отдѣленій. Денежныя средства общества пока весьма скромны: со времени его основанія поступило на приходъ всего 4.600 руб. 33 коп., израсходовано—3.284 руб. 19 коп.

Актъ въ Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ. 26 мая, состоялся выпускной актъ семи здѣшнихъ женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Въ 8-й Рождественской гимназіи актъ происходилъ отдѣльно. Въ 7-ми гимназіяхъ окончили курсъ 391 воспитанница, изъ нихъ 21 награждены золотыми и 36 серебряными медалями. Въ Маріинской гимназіи окончили курсъ 83 воспитанницы, въ Коломенской—75, Литейной—69, Петровской—39, Васильевской—38, Александровской—52 и Екатерининской—33. Актъ всѣхъ этихъ гимназій происходилъ въ старѣйшей Маріинской гимназіи, куда въ 11 ч. утра собрались всѣ выпускники. Въ 12-мъ часу было отслужено молебствіе, которое совершалъ протоіерей Н. И. Розановъ въ сослуженіи съ законоучителями, пѣлъ стройный хоръ воспитанницъ Маріинской гимназіи. На молебствіи и актѣ присутствовали: главноуправляющій вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи графъ Пратасовъ-Бахметевъ, начальникъ гимназій, т. е. Соколовъ, инспектора и начальницы гимназій, а также родители и родственники выпускныхъ воспитанницъ. Графъ Пратасовъ-Бахметевъ раздавалъ медали и дипломы.

Условія приѣма на высшіе женскіе курсы. Не мало есть въ числѣ оканчивающихъ курсъ провинціальныхъ женскихъ гимназій такихъ лицъ, которыя собираются поступить въ Петербургъ на высшіе женскіе курсы. Къ сожалѣнію, условія приѣма на эти курсы воспитанницъ провинціальныхъ гимназій зачастую неизвѣстны этимъ воспитанницамъ. Нерѣдко имъ приходится совершенно напрасно тратить на безполезную поѣздку въ столицу для того только, чтобы тамъ узнать условія приѣма и возвращаться домой для хлопотъ, требуемыхъ этими условіями. Вотъ почему мы и считаемъ умѣстнымъ въ настоящее время, когда приближается время поступленія, напомнить, что прошенія о приѣмѣ на курсы подаются съ *мѣста жительства* заблаговременно и должны сопровождаться обязательно *свидѣтельствомъ о состоятельности*, т. е. объ имѣніи у просительницы средствъ для своего содержанія въ столицѣ, и раньше полученія оффиціального отвѣта на прошеніе, который весьма скоро доставляется просительницамъ, незачѣмъ и ѣздить въ Петербургъ.

Ботаника на высш. женск. курсахъ. На физико-математическомъ факультетѣ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ (на химическомъ отдѣленіи) разрѣшено ввести преподаваніе ботаники. Комплектъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ разрѣшено увеличить до шестисотъ человѣкъ.

Художественная школа въ Казани. Съ будущаго учебнаго года въ Казани учреждается художественная школа. Цѣль ея—содѣйствовать художественному развитію мѣстнаго населенія, а также образованію и подготовкѣ художниковъ-живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ для поступленія въ высшее художественное училище при Императорской Академіи Художествъ. Предметы, входящіе въ составъ учебнаго курса школы, раздѣляются на художественные и общеобразовательные и будутъ преподаваться по программамъ и планамъ, утвержденнымъ Академіею Художествъ. Обученіе распределено между четырьмя общими, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, и 3 специальными художественными классами. (Н. В.)

Съездъ естествоиспытателей. Министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило образованіе въ Кіевѣ предварительнаго комитета по устройству очереднаго съезда естествоиспытателей и врачей. Въ составъ комитета войдутъ представители физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ. Предсѣдательство въ комитетѣ возложено на заслуженнаго профессора К. М. Теофилактова. Комитету предоставлено присоединить къ своему составу и представителей мѣстныхъ ученыхъ обществъ и, вообще, учреждений, могущихъ принести пользу дѣлу съезда. Съездъ естествоиспытателей и врачей окончательно рѣшено созвать въ Кіевѣ въ августѣ 1896 года. Такимъ образомъ, очередному всероссійскому съезду общества врачей въ память Н. И. Пирогова придется устроить свой съездъ или весною, или, какъ и раньше устраивали съезды врачей, въ декабрѣ того-же года.

Конгрессъ физиологовъ. Въ сентябрѣ этого года (съ 9-го по 13-е по новому стилю) соберется въ Швейцаріи, въ Бернѣ, третій международный конгрессъ физиологовъ. По поводу этого конгресса будетъ устроена выставка физиологическихъ приборовъ. Мѣстомъ конгресса и выставки будутъ физиологическій институтъ профессора Кронеккера.

Педагогическіе курсы въ г. Черниговѣ. По примѣру прошлаго года въ Черниговѣ предполагается открыть съ 20 іюня по 20 іюля педагогическіе курсы для народныхъ учительницъ и учителей. Руководить курсами будутъ—извѣстный педагогъ Д. И. Лубенецъ и г. Вгоровъ.

Книжный складъ въ г. Черниговѣ. Губернское земство озабочено въ настоящее время организаціей центральнаго склада учебныхъ книгъ, пособій и письменныхъ принадлежностей для земскихъ народныхъ школъ Черниговской губерніи. Цѣль склада—удешевленіе требующагося для школъ матеріала и своевременная доставка его.

Какъ платять жалованье сельскимъ учителямъ. Директоръ народныхъ училищъ Курской губерніи, ревизуя недавно народныя школы, убѣдился, что жалованье учителямъ и учительницамъ означенныхъ училищъ, а также деньги на содержаніе училищъ отпускаются земствами, городскими и сельскими обществами крайне неисправно. Выяснено, что бывають случаи, когда заслуженное жалованье не выдается учителямъ по году и болѣе. Въ виду такихъ обстоятельствъ, учителя народныхъ училищъ принуждены бывають ѣздить въ городъ по нѣсколько разъ, тщетно добиваясь полученія жалованья, и въ то же время должны оставлять школы въ учебное время на произволъ судьбы. Въ то же время министерство внутреннихъ дѣлъ установило, чтобы суммы, слѣдующія на содержаніе училищъ и жалованье учителямъ, высылались заблаговременно въ волостныя правленія, и чтобы жалованье учителямъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ выдавалось непремѣнно ежемѣсячно, въ опредѣленные сроки, не позже перваго числа каждаго мѣсяца. По доведеніи курскимъ губернаторомъ объ этомъ до свѣдѣнія министра, состоялось распоряженіе, чтобы земскія и городскія управы выдавали учителямъ и учительницамъ жалованье каждаго перваго числа, причемъ учителямъ сельскихъ училищъ—непремѣнно черезъ волостныя правленія.

Пожертвованія на образованіе.

Пожертвованіе на женское училище. Москва всегда отличалась щедрой благотворительностью, представляя этимъ сильный контрастъ съ Петербургомъ. Московскія газеты сообщаютъ о новомъ весьма крупномъ пожертвованіи. Наслѣдники С. А. Капцова пожертвовали, въ память недавно скончавшейся ихъ матери, капиталъ въ 170,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы 70,000 руб. были израсходованы на постройку и устройство въ Москвѣ женскаго училища имени К. В. Капцовой, а остальные 100,000 рублей составили неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго должны идти на содержаніе училища (Нед.).

Пожертвованіе на бібліотеку въ Витебскѣ. «Мѣстное общество взаимнаго вспоможенія витебскихъ купеческихъ приказчиковъ и лавочныхъ сибѣльцевъ въ общемъ собраніи своемъ, 8-го апрѣля, единогласно постановило: учредить въ память высокаторжественнаго дня бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ бібліотеку съ читальней для приказчиковъ и ихъ семействъ, ассигновавъ на первоначальное устройство 500 р., и ежегодно на расходы 200 р., о чемъ войти съ ходатайствомъ къ надлежащимъ властямъ» (Нов.).

Техническое училище въ Вильнѣ. Изъ Вильны пишутъ въ газету «Новости»: «Вопросъ объ учрежденіи въ Вильнѣ технического училища вступилъ въ новый фазисъ и близокъ уже къ окончательному разрѣшенію. На послѣднемъ засѣданіи думы рѣшено открыть профессиональное училище средняго разряда для образованія химиковъ и техниковъ, для чего пожертвовать одновременно 100 тысячъ рублей и городской плацъ съ тѣмъ, чтобы знаніе составляло собственность города и, въ случаѣ упраздненія училища— вновь перешло къ городу. Въ училище будутъ приниматься дѣти лицъ всѣхъ сословій, безъ различія національности. Въ случаѣ ограниченнаго числа вакансій, преимущество будетъ отдаваться жителямъ виленской губерніи».

Учрежденіе новаго начальнаго училища. Кронштадская городская дума, желая почтить память въ Бозѣ почившаго Государя Императора, постановила учредить въ г. Кронштадтѣ начальное училище съ присвоеніемъ ему имени Императора Александра III. Для этой цѣли дума приняла на себя обязательство отпускать изъ своихъ средствъ по 1,800 рублей въ годъ на содержаніе училища при готовомъ помѣщеніи.

Народная бібліотека въ Нѣжинѣ. По духовному завѣщанію скончавшагося недавно нѣжинскаго купца г. Кириленка отказано на устройство въ городѣ Нѣжинѣ народной бібліотеки и читальни его имени 14,000 руб.

Пожертвованія въ комитетъ грамотности. По свѣдѣніямъ газ. «Новости», за апрѣль поступило въ комитетъ грамотности на народныя читальни 1,089 р. 35 к., всего къ 1-му мая состоитъ 25,714 руб. 47 коп. и на читальни не земскія 1,751 р. 80 к.

Школа въ память Н. В. Гоголя. Полтавскому уѣздному земству разрѣшено ассигновать 8,780 руб. на устройство въ селѣ Васильевкѣ школы въ память Н. В. Гоголя и сельской бібліотеки его имени. Съ своей стороны

жители Васильевки собрали по подпискѣ 800 р. на устройство Н. В. Гоголю небольшого памятника, который и предполагено поставить на площади передъ школою.

Пожертвованіе Ахматова. Оставленные по завѣщанію тайнаго совѣтника Ахматова юридическому факультету казанскаго университета 168 тысячъ рублей предназначаются для учрежденія пятнадцати стипендій, а также для платы за слушаніе лекцій.

КЪ СТАТИСТИКѢ ОБРАЗОВАНІЯ.

Грамотность въ Европѣ. Какіе успѣхи сдѣлала Европа въ дѣлѣ народнаго образованія и какъ все-таки великъ еще процентъ безграмотныхъ въ нѣкоторыхъ изъ европейскихъ государствъ, видно изъ статьи доктора Якоби, помѣщенной въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ за текущій годъ. Данныя для своей статьи докторъ Якоби черпалъ отчасти изъ трудовъ Мишлера, а отчасти изъ тщательно изученныхъ брачныхъ записей, рекрутскихъ списковъ и всеобщихъ народныхъ переписей, начиная съ 1840 по 1894 годъ. Изъ собранныхъ такимъ путемъ данныхъ оказывается, что самой безграмотной страной въ Европѣ слѣдуетъ считать Румынію, въ которой въ 1882 г. насчитывалось 79 проц. не знающихъ грамоты. Меньше-же всего безграмотныхъ оказывается въ Даніи (0,36 проц. всего числа жителей) и въ Баденѣ, гдѣ въ 1883 году приходилось только 0,02 проц. безграмотныхъ (1 на 5.000 ж.)

По степени безграмотности всѣ европейскія государства могутъ быть раздѣлены на 3 группы. Въ первой принадлежатъ страны, въ которыхъ больше половины населенія не умѣютъ ни читать, ни писать. Сюда относятся: Румынія (79,60 проц. безграмотныхъ), Сербія (79,32 проц.), Россія (78,80 проц.), Португалія (72,01 проц.) и Испанія (62,66 проц.).

Вторую группу составляютъ страны, въ которыхъ проц. безграмотныхъ колеблется отъ 50 до 10. Сюда относятся: Венгрія (50,80 проц.), Италия (49,01 проц.), Австрія (38,90 проц.), Ирландія (20,80 проц.), Бельгія (15,99 проц.), Франція (14,91 проц.) и наконецъ Англія (13,20 проц.).

Въ государствахъ 3-ей группы количество безграмотныхъ не превышаетъ 10 проц. Сюда входятъ: Голландія (10,40 проц.), Шотландія (6,85 проц.), Швеція (2,50 проц.) и Германія (1,59 проц.).

Сравнивая успѣхи, сдѣланные за послѣднія десятилѣтія въ дѣлѣ народнаго образованія, мы видимъ, что первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Ирландіи, въ которой безграмотность среди населенія уменьшилась въ теченіе 18 лѣтъ на 26 проц.; т. е. въ среднемъ на $1\frac{1}{4}$ проц. въ годъ. Такъ, въ 1865 году въ ней насчитывалось 46 проц. безграмотныхъ, а въ 1883 году число безграмотныхъ не превышало 20 проц. Непосредственно за

Ирландіей слѣдуетъ Италія, въ которой за послѣднія 10 лѣтъ безграмотность уменьшается ежегодно на 1 проц. Въ 1865 году безграмотные составляли 72 проц. всего населенія, въ 1883 году число ихъ уменьшилось до 61 проц., а по даннымъ 1894 года ихъ насчитывалось 49 проц. Что касается Франціи и Англіи, относительно которыхъ имѣются статистическія данныя по интересующему насъ вопросу за довольно длинный промежутокъ времени, то въ нихъ ежегодное уменьшеніе безграмотности не превышаетъ 0,6 проц. Такъ, въ 1840 году количество безграмотныхъ въ Англіи достигало 40 проц., въ 1870 году оно равнялось 23 проц., а въ 1882 г. не превышало 13,20 проц. Во Франціи въ 1846 году числилось 40 проц. безграмотныхъ, въ 1865 году—34,2 проц., въ 1875 году—25,4 проц., а въ 1883 г.—14,91 проц.

Смѣта на 1895 г. Херсонскаго губернскаго земства на народное образованіе.

Въ № 1 за 1895 г. «Сборника Херсонскаго земства» находимъ подробную смѣту расходовъ губернскаго земства на народное образованіе. Группируя отдѣльныя статьи по роду расходовъ, получаемъ слѣдующіе результаты.

На стипендіи	12.650 р.	— > —	11,3%	—	11,3%
» нужды народнаго образованія начальнаго	20.507 >	50 к.	—	18,2—	} 38,7—
» низшее профессиона. и ремесл. образованіе	22.920 >	66 >	—	20,5—	
» средне-учебныхъ заведеній общеобразовательныхъ	8.750 >	— >	—	7,9—	} 50,0—
» среднія профессиональныя учебныя заведенія	47.125 >	— >	—	42,1—	
	10,2%	4,0%	111953 р. 16 к.	100,0	100,0—

Всѣ обязательные расходы губернскаго земства исчислены въ 534.483 р. 17 коп. необязательные — въ 560.838 руб. 83 коп., а всего 1.095.322 р. Такимъ образомъ расходы губернскаго земства на нужды народнаго образованія (111.953 р. 16 к.) составляютъ 10,2% всего земскаго бюджета.

Стипендіи назначаются почти исключительно на пособія учащимся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, такимъ образомъ, оказывается, что на нужды *собственно народнаго образованія* низшаго общаго и низшаго профессиональнаго, назначено нѣсколько менѣе $\frac{2}{3}$ всего бюджета (38,7%); все же остальное, т. е. гораздо болѣе половины всего бюджета, именно $\frac{2}{3}$, идетъ на потребности средняго и высшаго образованія общаго и профессиональнаго.

Народно-издательская дѣятельность за 1894 г.

По свѣдѣніямъ газеты «Новости» народно-издательская дѣятельность разныхъ издательскихъ фирмъ выразилась въ прошломъ году изданіемъ книгъ для народнаго чтенія въ количествѣ всего 7.390,690 экземпляровъ, изъ которыхъ интеллигентными издательскими фирмами, каковы: «Посредникъ», с.-петербургскій и московскій комитеты грамотности и т. п., изданы 2.899,390 экз., а остальные 4.491,300 экз. выпущены дубочными издателями.

Во что обходится казнѣ и земству низшее и среднее сельско-хозяйственное образованіе въ Херсонской губерніи.

Изъ послѣдняго отчета по народному образованію въ Херсонской губ. за 1892-93 уч. годъ *) видно, что для сельско-хозяйственного образованія въ губерніи существуютъ два спеціальныя училища: *Нижшая земская сельско-хозяйственная школа 1-го разряда имени Ямчитскаго* и среднее учебное заведеніе, а именно: *Херсонское земское сельско-хозяйственное училище 2-го разряда*.

Въ первомъ изъ нихъ состояло всего 33 учащихся: въ I кл.—18, во II—6, въ III—9; пригготовительный классъ былъ закрытъ за отсутствіемъ поступающихъ. На содержаніе школы поступило изъ суммы губерн. земства 7.404 р. 25 к., пособія отъ министер. земледѣлія 3.000 руб., а съ платой за ученіе и другими доходами всего 14742 руб. 21 коп. Израсходовано 14.206 р. 40 коп. Если изъ расхода исключить суммы, переведенныя въ губернскую управу и уплаченныя въ счетъ расходовъ за предшествовавшій учебный годъ, то окажется, что на 1 учащагося приходится расходовъ 375 р. 70 коп., а 1 окончивающій курсъ обходится въ 1.377 р. 55 к. (!).

Въ Херсонскомъ земскомъ сельско-хозяйственномъ училищѣ 2-го разряда учащихся въ 6-ти классахъ и практикантовъ состояло 166, которые распредѣлялись по классамъ такъ: въ I—34, II—32, III—39, IV—22, V—17, VI—12 и практикантовъ 10. Такимъ образомъ, до выпуска доходитъ только около одной трети поступившихъ (!). На содержаніе училища изъ суммы губернскаго земства поступило 43.226 р. 46 к.; ассигновано министерствомъ земледѣлія 9.979 р. 60 к., а съ платой за ученіе и прочими доходами всего получено 76.750 р. 61 к. Израсходовано 72.006 р. 55 к. Въ среднемъ одинъ учащійся обошелся въ 433 р. 77 к., а одинъ окончившій курсъ въ 7.200 р. (!).

Весьма любопытно сравнить эти результаты съ цифрами, относящимися къ низшему спеціальному же образованію, но по другой профессіи, именно медицинскій, въ томъ же Херсонскомъ земствѣ, содержащемъ земскую фельдшерскую школу при херсонскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ. Въ школѣ 4 класса, въ 1893 году было въ I классѣ 29 уч., во II—13, въ III—20 и въ IV—21, всего 83 ученика. На содержаніе школы израсходовано 10.117 р. 71 к. Одинъ ученикъ обошелся въ 121 руб. 88 коп., а одинъ окончившій курсъ—въ 481 руб. 76 коп.

По поводу этихъ цифръ отчетъ говоритъ: «При незначительныхъ затратахъ на 1 учащагося и окончившаго курсъ, сравнительно съ подобными же расходами двухъ предъидущихъ училищъ, и принимая во вниманіе, что ученики фельдшерской школы остаются вѣрными своей спеціальности и аккуратно по исполненію принимаемыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ земству—фельдшерская школа очень выгодно выдѣляется изъ другихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на земскій счетъ».

*) «Сборн. Херс. земства. 1895 г. № 1».

Народное образование въ Херсонской губерніи въ 1893 г.

По отчету о «*дѣятельности земства Херсонской губерніи за 1893 годъ*»; *) состояние народнаго образованія въ губерніи въ отношеніи числа начальныхъ школъ городскихъ и сельскихъ и числа учащихся, можетъ быть резюмировано въ слѣдующихъ таблицахъ:

У ѣ з д ы:	Въ городахъ.				Въ селеніяхъ.				Номера уѣздовъ.
	Школъ.	Учащихся.			Школъ.	Учащихся.			
		мальч.	дѣвочекъ.	итого.		мальч.	дѣвочекъ.	итого.	
1. Александровскій	6	287	132	419	155	8161	1185	9346	1
2. Елизаветградскій	27	1610	699	2309	191	9562	1900	11462	2
3. Анапьевскій	2	169	37	206	107	4126	1055	5181	3
4. Тираспольскій	15	605	239	844	100	4162	2100	6262	4
5. Одесскій	9	381	171	552	149	6215	3744	9959	5
6. Херсонскій	107	2932	1317	4249	265	10581	4289	14870	6
Итого	166	5984	2595	8579	967	42807	14273	57080	—
Процентныя отношенія	—	69,6	30,4	100	—	75	25	100	—

Общее же число школъ и учащихся въ городахъ и поселеніяхъ показано въ слѣдующей таблицѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ дано и отношеніе числа учащихся мальчиковъ къ числу учащихся дѣвочекъ:

У ѣ з д ы.	Число школъ.	Учащихся.			%		% въ уѣзд.
		мальч. чик.	дѣвоч. воч.	итого.	мальч. чик.	дѣвоч. воч.	
Александровскій	161	8448	1317	9765	86,2	13,3	15,0
Елизаветградскій	218	11172	2599	13771	81,0	19,0	20,7
Анапьевскій	109	4295	1092	5387	79,5	20,5	8,2
Тираспольскій	115	4767	2339	7106	67,1	32,9	10,8
Одесскій	158	6596	3915	10511	62,9	37,1	16,1
Херсонскій	372	13513	5606	19119	70,7	29,3	29,2
Итого	1133	48791	16868	65659	74,2	25,8	100,0

Въ эти таблицы вошли и церковно-приходскія школы на основаніи свѣдѣній сообщенныхъ отцами предсѣдателями отдѣленій училищнаго совѣта. Не вошли въ таблицы существующіе въ Херсонской губерніи два сельскохозяйственныхъ училища: одно низшее, а другое среднее и фельдшерская школа. Но это послѣднее обстоятельство почти не повліяетъ на результатъ, такъ какъ число учащихся во всѣхъ трехъ училищахъ было всего 279.

Сопоставляя число учащихся съ общимъ числомъ жителей по каждому уѣзду получаемъ слѣдующіе показатели образованія по уѣздамъ и для цѣлой губерніи, а также на сколько душъ населенія приходится одна школа и одинъ учащійся въ городахъ, селеніяхъ и вообще въ губерніи:

*) «Сборникъ Херсонскаго Земства 1895. № 1. Январь, Херсонъ 1895 г.»

У ъ з д Ы.	Показатель образования.	На сколько душ населения приходится					
		Одна школа			Одинъ учащійся		
		въ го- род.	въ по- селен.	въ об- щемъ.	во го- род.	въ по- селен.	въ об- щемъ.
Александровскій	2,74	4240	2133	2212	60	35	36
Елисаветградскій	Σ 5,58	8792	2256	2446	44	37	39
Ананьевскій	2,31	7484	2036	2136	72	42	43
Тираспольскій	3,27	2795	1749	1886	49	27	30
Одесскій	5,25	2076	1218	1267	33	18	19
Херсонскій	4,36	1095	1211	1178	25	21	22

Въ губерніи 3,32 1931 1713 1748 37 29 30

Въ 1886 года показатель образования для Херсонской губерніи былъ 2,80 и одна школа приходилась на 2344 жителя. Такимъ образомъ, за 7 лѣтъ произошло замѣтное хотя и не очень значительное улучшение.

Въ Херсонской губерніи есть много селеній нѣмецкихъ колонистовъ. Въ такихъ селеніяхъ учатся всѣ дѣти школьнаго возраста. Показатели образования въ уѣздахъ съ нѣмецкимъ населеніемъ значительно повышены вслѣдствіе большаго развитія школьнаго дѣла въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Чтобы обнаружить, какъ сильно маскируется нѣмецкими училищами дѣйствительное обезпеченіе населенія школами, приводимъ слѣдующую таблицу, въ которой нѣмецкія школы и нѣмецкое населеніе исключены:

У ъ з д Ы	Число школъ	Учащихся.		Показатель образования.	Населе- ніе въ уѣздахъ.	Приходится населенія на	
		мальч.	дѣвоч.			одну школу.	одного учен.
Елисаветградскій	188	9488	1833 11321	2,6	429252	2283	38
Ананьевскій	103	4080	907 4987	2,4	209103	2030	42
Тираспольскій	73	2776	728 3504	2,2	156559	2144	45
Одесскій	94	3159	1113 4272	3,3	127728	1359	30
Херсонскій	216	9403	3262 12665	4,1	307492	1423	24

Уѣзды, стоявшіе до выдѣленія нѣмецкихъ школъ и населенія на первомъ мѣстѣ, теряютъ его или даже, какъ Тираспольскій уѣздъ, уходятъ на послѣднее.

Данныя относительно средствъ содержанія школъ Херсонской губерніи имѣютъ относительно 1045 школъ, въ которыхъ училось 47537 мальчиковъ и 16427 дѣвочекъ, а всего 63964 учащихся, т. е. относительно громаднаго большинства школъ и учащихся (92,2 проц. школъ и 97,3 проц. учащихся) и, слѣдовательно, могутъ дать весьма близкое понятіе о дѣйствительномъ распредѣленіи суммъ по различнымъ источникамъ ихъ полученія. На содержаніе школъ отпускалось:

Изъ казны	36641 р. 65 к. т. е.	7,2 проц.
» земства	167153 » 78 » » »	32,7 »
» сельскихъ обществъ	127883 » 04 » » »	25,0 »
» городскихъ обществъ	81958 » 55 » » »	16,0 »
» епархіальн. учил. совѣта	3157 » 92 » » »	0,6 »
» церквей	10117 » 47 » » »	1,9 »

» причтовъ	2338	» 73	» » » 0,5
» платы за учене	27092	» 11	» » » 5,3
Остатковъ отъ 1892 г.	9988	» 53	» » » 1,9
Разныхъ поступленій	45477	» 17	» » » 8,9

Всего поступило 511803 < 95 > 100,0 >

Группируя однородные источники вѣстѣ, получаемъ:

Отъ казны	7,2 проц.
Отъ самого населенія	79,0 >
Разныхъ поступленій	8,9 >
Отъ духовенства и церквей	3,0 >
Остатковъ отъ 1892 г.	1,9 >

100,0 проц.

Такимъ образомъ значительнѣйшая доля расхода на народное образованіе именно $\frac{4}{5}$ поступаетъ отъ самаго населенія. Духовенство и церкви участвуютъ въ расходахъ на народное образованіе лишь 3 проц. Достойно замѣчанія, что, не смотря на крайнюю недостаточность школъ въ Херсонской губерніи, ухитряются получать отъ ассигнованій на народное образованіе довольно значительный остатокъ, составляющій около 10000 руб. или почти 2 проц. всего бюджета. Повидимому, это явленіе не случайное, такъ какъ и въ 1893 году получился остатокъ отъ смѣты на народное образованіе, а именно ассигновано было 511803 р. 95 к. а израсходовано 494234 руб. 61 коп. т. е. на 17569 р. 34 к. сумму еще значительно превышающую неизрасходованный остатокъ 1892 года и составляющую уже не 2, и 3, а 4 проц. общаго итога.

Изъ общей суммы расхода въ 494234 р. 61 к. упадаетъ:

Н А У Ъ З Д Ы:	Рублей.	Проц.	Въ среднемъ на	
			1 школу.	1 ученика.
Александровскій	59.045,11	12,0	366,74	6,05
Елисаветградскій	99.405,55	20,1	460,21	7,23
Анаѣевскій	34.786,94	7,0	319,14	6,45
Тираспольскій	48.695,19	9,8	446,74	7,04
Одесскій	100.058,74	20,2	633,27	9,52
Херсонскій	152.243,68	30,9	521,39	8,62

Въ общемъ 494.234,61 100,0 472,94 7,72

Средняя цифра стоимости содержанія одной школы въ Херсонской губ. 473 р. показываетъ, какъ ошибочны расчеты тѣхъ, которые думаютъ устроить обязательное обученіе расходуя на школу отъ 300 до 350 р. Отчетъ Херсонскаго Земства (Сбор. Херс. Земства. 1895 г. № 1. стр. 165) констатируетъ, что и при такой сравнительно значительной цифрѣ средней стоимости содержанія школы, качественная сторона обученія оставляетъ желать очень много.

Распрежденіе школьнаго бюджета по различнымъ статьямъ расхода было таково:

На наемъ школьныхъ помѣщеній	5.086,20 т. е. 1,0 проц.
» содержаніе школьныхъ помѣщеній	64.969,99 > > 13,2
» жалованье учителямъ	376.011,29 > > 76,1

» книги и учебныя пособія	25.872,15	»	5,2
» пособіе учащимся	2.093,26	»	0,4
» награды учителямъ	3.741,00	»	0,8
» прочіе расходы	16.460,82	»	3,3

Итого 494,234,61 т. е. 100,0

Кромѣ начальныхъ училищъ, земствомъ израсходовано въ отчетномъ году 96.330 р. 60 к. на содержаніе специальныхъ училищъ (два сельско-хозяйственныхъ училища и фельдшерская школа), 53.154 р. 39 к. на субсидіи среднимъ учебнымъ заведеніямъ и 10.120 р. 50 к. на стипендіи и пособія учащимся. Въ общемъ расходы земства на народное образованіе въ 1893 г. составили 324.917 р. 27 к.

Собственно на начальные школы	50,9	проц.
На специальные училища	29,6	»
» субсидіи среднимъ учебнымъ заведеніямъ	16,4	»
» стипендіи и пособія учащимся	3,1	»

Итого 100,0 проц.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ЗНАНІЙ.

Значеніе народнаго образованія. Въ недавно напечатанной по-русски книгѣ Леббока, заглавіе которой мы выписали, заслуживаетъ вниманія гл. VI, носящая заглавіе «Народное образованіе». «Еще не такъ давно думали,—говоритъ Леббокъ, что съ одной стороны бѣдные, а съ другой, знатные люди не нуждаются въ образованіи... Теперь мы защищаемъ образованіе не только, для того, чтобы сдѣлать человѣка хорошимъ работникомъ, но и для того, чтобы сдѣлать работника возможно хорошимъ человѣкомъ». По выраженію В. Гюго «тотъ, кто открываетъ школу, закрываетъ тюрьму». Авторъ приводитъ весьма интересные цифры изъ уголовной статистики Англіи, подтверждающія, насколько былъ правъ В. Гюго. Вотъ эти цифры: «1870 г., когда прошелъ «образовательный актъ», былъ самой важной эпохой въ общественной исторіи Англіи. Въ то время число дѣтей въ англійскихъ начальныхъ школахъ было 1.400.000; теперь ихъ болѣе 5.000.000. Какія же это дало послѣдствія? Возьмемъ сперва уголовную статистику. До 1887 г. число заключенныхъ въ тюрьмахъ выказывало склонность къ довышенію; въ этомъ году общее число ихъ было 20.800. Съ тѣхъ поръ оно постоянно убывало, и теперь ихъ только 13.000. Слѣдовательно, въ круглыхъ числахъ оно уменьшилось на одну треть. Но мы должны помнить, что населеніе постоянно возрастало и съ 1870 г. прибавилось на одну треть. Еслибы число преступниковъ увеличивалось въ томъ же отношеніи, то ихъ было бы 28.000 вмѣсто 13 000, т. е. болѣе, чѣмъ вдвое. Въ такомъ случаѣ, на полицію и тюрьмы пришлось бы расходовать, по крайней мѣрѣ, 8.000.000 ф. стерл., вмѣсто 4.000.000. Относительно малолѣтнихъ преступниковъ замѣчается убыль еще болѣе благоприятная. Въ

1856 г. число несовершеннолѣтнихъ, обвинявшихся въ наказуемыхъ преступкахъ, было 14.000. Въ 1866 г. оно упало до 10.000; въ 1876—до 7.000.

Къ психологіи русскаго человѣка. Въ «Кіевлянинѣ» напечатана статья профессора Кіевскаго университета Сикорскаго о психологіи русскаго человѣка. Профессоръ, между прочимъ, проводитъ интересныя параллели между европейцемъ и русскимъ по отношенію къ акту самоубійства.

Въ Европѣ самоубійство возрастаетъ съ каждымъ годомъ въ ужасающей пропорціи, тогда какъ среди русскихъ оно держится на сравнительно ничтожномъ уровнѣ. По словамъ г. Сикорскаго, на 1 миллионъ жителей приходится самоубійствъ: въ Саксоніи 311, Франціи—210, Пруссіи—133, Австріи—130, Баваріи—90, Англии—66, Россіи—30.

Разсматривая число самоубійствъ въ Россіи и Европѣ за длинный промежутокъ времени, проф. Сикорскій устанавливаетъ еще одинъ поразительный фактъ: число самоубійствъ въ Россіи остается почти безъ всякаго увеличенія за послѣднія 30 лѣтъ, между тѣмъ какъ у всѣхъ народовъ Европы число самоубійствъ возросло за это время почти на 30—40 проц.

Не менѣе рѣзкое различіе между Россіею и Западною Европою наблюдается также и по отношенію къ преступности.

Число осужденныхъ за убійство въ 1887 году на 1 миллионъ было: въ Италіи 96, Испаніи—55, Австріи—22, Франціи—15, Россіи—10, Германіи—9, Англии—6.

Осужденныхъ за тѣ преступленія противъ нравственности, которыя по словамъ Монтескье, скорѣе приводятъ къ гибели государства, нежели самое нарушеніе законовъ, на 1 миллионъ жителей приходится: во Франціи 21,7, Италіи—7,4, Россіи—3,7.

Вообще всѣ выводы проф. Сикорскаго, построенные на научныхъ основаніяхъ, указываютъ на то, что русскій человѣкъ по своимъ душевнымъ качествамъ, особенно же по терпѣнью и величію духа среди несчастій,—значительно выше европейца. Одно отрицательное качество проф. Сикорскій все же находитъ—это нерѣшительность, слабость характера.

Сущность этой психологической черты состоитъ въ выжиданіи, въ опасеніи сказать слово или совершить дѣйствіе, недопускающее возврата. Очевидно, что эта черта имѣетъ тѣсное соотношеніе съ тонко-развитымъ чувствомъ славянъ и составляетъ послѣдствіе преобладающаго значенія чувства въ душевномъ строѣ.

Возможность заразы отъ книгъ. Возможность передачи заразы при посредствѣ книгъ признается въ настоящее время всеми врачами, поэтому было-бы не лишне принять въ библіотекахъ мѣры къ предупрежденію подобнаго распространенія заразы. Въ Единбургѣ уже приняты на этотъ счетъ мѣры предосторожности, къ которымъ не мѣшало-бы прибѣгнуть и въ другихъ городахъ. Ежедневно директора библіотекъ получаютъ изъ городского санитарнаго управленія вѣдомость о заразныхъ болѣзняхъ, съ обозначеніемъ мѣстожительства заболѣвшихъ и, такимъ образомъ, имѣютъ возможность собрать свѣдѣнія о томъ, находятся-ли книги, изъ ихъ библіотеки въ томъ домѣ, гдѣ есть заразные больные. Если да, то книги эти немедленно поступаютъ въ вѣдѣніе санитаровъ, которые и производятъ тщательную дезин-

фекцію этихъ книгъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ книги эти, однако, безжалостно уничтожаются; такъ, наприимѣръ, если имъ пользовались оспенные больные.

Въ настоящее время принимаются мѣры для того, чтобы ввести такое правило и во всѣхъ лондонскихъ бібліотекахъ.

Мнѣніе науки о велосипедномъ спортѣ. «Военно-Медицинскій Журналъ» сообщаетъ мнѣніе парижскаго доктори Пти, о велосипедной ѣздѣ, который констатируетъ, что ѣзда на велосипедѣ, между прочимъ, вызываетъ слѣдующія разстройства:

«1) появленіе припадковъ грудной жабы (и истеріи) у лицъ, ранѣе этимъ не страдавшихъ; 2) ожесточеніе воспаленій или иныхъ пораженій сердца, легкихъ, почекъ и т. д. Нѣкоторыя другія заболѣванія можно прямо объяснить требуемыми велосипедомъ мышечными усиліями и чрезмѣрнымъ утомленіемъ. Поэтому отъ этого упражненія должны воздерживаться, подѣ страхомъ серьезной опасности, слѣдующія лица: одержимыя уже перечисленными болѣзнями, а особенно старики, страдающіе склерозомъ сердца, артерій, почекъ и пр.; очень нервныя женщины, у которыхъ всегда можно подозрѣвать скрытую истерію, и др. Наконецъ, молодые люди обоого пола худощавые и высокаго роста должны слѣдить за своею посадкою на велосипедѣ во избѣжаніе возможныхъ искривленій позвоночнаго столба».

Любители велосипедной ѣзды должны обратить вниманіе на эти указанія компетентнаго лица.

Вліяніе землетрясенія на животныхъ. По поводу происходившаго въ Лайбахѣ землетрясенія, въ газетахъ сообщаютъ, что нѣкоторыми проживающими тамъ лицами, въ числѣ которыхъ находился и одинъ натуралистъ, сдѣланы наблюденія надъ животными въ промежутки между подземными ударами. Лошади, рогатый скотъ, собаки, кошки и, въ особенности, птицы обнаруживали какое-то необычайное волненіе. Одинъ желѣзнодорожный сторожъ, еще передъ началомъ землетрясенія обратилъ вниманіе на жалобный пискъ находившейся въ его сторожкѣ ручной совы. Лѣсничіе рассказываютъ, что тотчасъ послѣ перваго подземнаго толчка, они видѣли зайцевъ, бѣжавшихъ въ страхѣ изъ лѣсныхъ чащъ, какъ будто за нимъ гнались сабаки. Многіе замѣтили, что передъ каждымъ подземнымъ ударомъ, голуби отчаянно кружились вокругъ голубятенъ. Особенное волненіе обнаруживали лошади; задолго до землетрясенія многія изъ нихъ дрожали, а нѣкоторыя падали на землю. Собаки выли всю ночь и наводили еще большій ужасъ на обывателей. Передъ каждымъ новымъ колебаніемъ почвы, вой ихъ становился все жалобнѣе и давалъ полное основаніе заключить, что эти животные, точно также какъ лошади и птицы, заранѣе предчувствовали приближеніе подземныхъ ударовъ.

Открытіе элемента гелія на нашей планетѣ. Неожиданное открытіе въ земной атмосферѣ аргона повлекло за собою открытіе новаго для земнаго шара элементарнаго тѣла—гелія. До послѣдняго времени гелій наблюдали только въ спектроскопѣ въ выступахъ и пятнахъ солнца. Онъ характеризуется яркой желтой линіею, которую ранѣе не замѣчали въ спектрахъ извѣстныхъ понынѣ элементовъ, и всѣ попытки отыскать гелій въ какомъ-либо соеди-

ненія на землѣ ни къ чему не привели. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, химикъ Гиллебрандъ, случайно занимаясь кипяченіемъ рѣдкаго минерала клевета съ крѣпкою сѣрною кислотою, замѣтилъ газъ, выдѣлявшійся изъ минерала, и принялъ его за азотъ. Объ этомъ недавно узналъ химикъ В. Рамзай. Онъ подвергъ разложенію значительное количество клевета, собралъ выдѣлявшійся неизвѣстный газъ, смѣшалъ его съ кислородомъ и пропустилъ электрическую искру. Получились два газа: одинъ со спектромъ аргона, а другой—со спектромъ, не оставляющимъ, по словамъ Рамзая, никакого сомнѣнія въ томъ, что, онъ принадлежитъ гелію. При этомъ обнаружилось, что въ спектрѣ аргона, добытаго изъ клевета, отсутствуютъ нѣсколько фіолетовыхъ линій, имѣющихся во вновь открытомъ атмосферномъ аргонѣ, что, въ свою очередь, привело къ новому открытію: атмосферный аргонъ оказывается, такимъ образомъ, сложнымъ тѣломъ, и надо, слѣдовательно, ожидать его дальнѣйшаго разложенія на новыя тѣла. Открытіе гелія на нашей планетѣ произвело еще большее впечатлѣніе въ мірѣ ученыхъ, чѣмъ даже открытіе аргона. Это безспорно одно изъ величайшихъ открытій въ области химіи въ текущемъ столѣтіи. Извѣстный химикъ Бертелло обратилъ вниманіе на замѣчательное сходство спектровъ аргона и сѣвернаго сіянія.

Новыя изслѣдованія коровьяго молока. Американскіе доктора Эрнсъ и Петерсъ въ Бостонѣ занялись обстоятельнымъ изслѣдованіемъ весьма важнаго съ санитарной точки зрѣнія вопроса о томъ: дѣйствительно ли бацилла Коха можетъ содержаться въ молокѣ туберкулезныхъ коровъ, вымя которыхъ кажется здоровымъ? Журналъ «*Médecine moderne*» сообщаетъ, что Эрнсъ и Петерсъ подвергали многократнымъ изслѣдованіямъ подъ микроскопомъ молоко подозрительныхъ коровъ, производили впрыскиванія его различнымъ животнымъ, изслѣдовали образчики поступающаго въ продажу молока и наводили справки у докторовъ о встрѣчавшихся въ ихъ практикѣ случаяхъ зараженія людей отъ туберкулезныхъ коровъ. Изъ 120 микроскопическихъ изслѣдованій, произведенныхъ названными американскими докторами, бациллы бугорчатки найдены въ молокѣ 12 коровъ изъ 36, удой которыхъ былъ подвергнутъ изслѣдованію. Изъ 88 морскихъ свинокъ, которымъ впрыскивали это молоко, 12 заразились бугорчаткой; наиболѣе же воспримчивыми оказались поросята; изъ 100 поросятъ 50 заболѣли бугорчаткой, а изъ 100 телятъ—33. Изъ 35 молочныхъ пробъ, взятыхъ въ Бостонѣ, бациллы бугорчатки найдены только въ одной. Наведенныя Эрнсомъ и Петерсомъ справки у докторовъ дали слѣдующіе результаты: 893 доктора отвѣтили, что не наблюдали случаевъ заболѣванія бугорчаткою отъ коровьяго молока, а 12—что за время ихъ практики подобные случаи встрѣчались. Изъ ветеринаровъ, 14 наблюдали многообразные случаи зараженія бугорчаткою отъ молока коровъ, вымя которыхъ не носило никакихъ признаковъ туберкулезнаго процесса.

Воспримчивость къ цвѣтовымъ впечатлѣніямъ. Профессоръ офтальмологіи въ Бреславлѣ, Гуго Магнусъ, напечаталъ въ физиологическихъ трудахъ факультета естественныхъ наукъ іенскаго университета, подъ заглавіемъ: «*Die Entwicklung des Farbensinnes*», пространную статью, въ которой проводитъ ту мысль, что впечатлительность органовъ зрѣнія къ цвѣтовымъ эффектамъ не только не одинакова у людей, но и въ извѣстной

степени даже пропорціональна уровню ихъ цивилизаціи. Въ первобытныя времена, какъ утверждаетъ профессоръ Магнусъ, сѣтчатая оболочка человѣческаго глаза не обладаетъ способностью различать цвѣта, кромѣ чернаго и бѣлаго. До сихъ поръ еще существуютъ люди, не различающіе цвѣта, что Магнусъ относитъ къ явленіямъ, такъ называемаго, «атавизма». Впослѣдствіи, какъ поясняетъ тотъ же нѣмецкій ученый люди стали отличать красный цвѣтъ отъ желтаго, т.-е. цвѣта, соответствующія самымъ длиннымъ и самымъ сильнымъ цвѣтовымъ волнамъ; но, кромѣ ихъ, другихъ они не знали. Нѣмецкій ученый выводитъ это заключеніе изъ того, что, по его словамъ, ни въ древнихъ гимнахъ Веды, ни въ Зендъ-Авестѣ, нигдѣ не говорится о лазуревыхъ небесахъ. Подобный же пробѣлъ г. Магнусъ усматриваетъ и въ твореніяхъ Гомера, въ которыхъ не упоминается ни о голубомъ сводѣ небесномъ, ни о синемъ морѣ, ни о зеленѣющихъ лѣсахъ и рощахъ, а часто говорится о желтомъ и красномъ цвѣтахъ. Магнусъ доказываетъ, что способность различать синій, зеленый и фіолетовый цвѣта не была присуща ни первобытнымъ людямъ, ни длинному ряду послѣдующихъ поколѣній, и проявилась съ теченіемъ вѣковъ по мѣрѣ умственного развитія людей и успѣховъ цивилизаціи. Къ подобнымъ же выводамъ пришелъ и бывший секретарь парижскаго географическаго общества Фробельвилъ, много лѣтъ изучавшій южно-африканскія нарѣчія и пришедшій къ заключенію, что африканскія дикари способны различать только черный, бѣлый, красный и желтый цвѣта, такъ какъ въ ихъ языкахъ не имѣется словъ, обозначающихъ прочіе цвѣта.

Пожарные костюмы. Въ Монреалѣ (Канада) недавно былъ продемонстрированъ пожарный костюмъ, сдѣланный изъ асбеста. Произведенные опыты показали, что костюмы прекрасно выполняютъ свою роль. Пожарный, наряженный въ такой костюмъ, вошелъ въ объятый пламенемъ домъ, привязалъ куда слѣдуетъ веревку, сдѣланную изъ асбеста, и спустился внизъ, не получивъ никакихъ ожоговъ. Костюмъ покрываетъ пожарнаго съ головы до ногъ; для защиты глазъ сдѣланы пластинки изъ слюды.

ПО П Р А В К А .

Въ апрѣльскомъ №, въ статьѣ «Школьные лѣтнія поѣздки» вкралась случайная ошибка. На стр. 209-ой получился пропускъ: послѣ 24-ой строки сверху слѣдуетъ сдѣлать вставку отрывка, начинающагося на стр. 212-ой, съ 9-ой строки снизу и оканчивающагося на 218-ой стр., 17-ой строкой снизу.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ,

научно-популярныхъ, учебниковъ, учебныхъ пособій, книгъ для чтенія дѣтей и народа.

А. Научно-популярныя книги, учебники, учебныя пособія.

Абрамовъ, Я. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 2-е, дополненное. Ставрополь. 1894. 8 д., 85+VI стр.

R a s t i n, I. Chrestomathie littéraire. Morceaux de lecture ou exercices de conversation, de narration et de mémoire. 8-е édition. Спб. 1895. 8 д., VII+268+138 стр., ц. 1 руб.

Гюнтеръ, Г., пасторъ. Пѣтушокъ. Русская азбука и первая книжка для чтенія. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправленное. Въ Юрьевѣ. 8 д., 64+4 стр.

Диккенсъ, Чарльзъ. Скрыга Скруджъ. Святочный рассказъ. Съ портретомъ автора. Переводъ Л. А. Мея. Спб. 1895. 8 д., 85 стр., ц. 9 к. (Изд. С.-Петербургскаго комитета грамотности).

Кириличниковъ А. и Гиляровъ. Этимология русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію). Исправлено и дополнено по «руководству» Имп. академіи наукъ. Изд. 29-е книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1895. 8 д., 87 стр., ц. 40 коп.

Киселевъ, А. Элементарная алгебра. Изд. 6-е, улучшенное, содержащее курсъ классическихъ гимназій и 6-ти классовъ реальныхъ училищъ. Изд. книж. магазина В. Думнова. Москва. 1895. 8 д., VII+302 стр., ц. 1 р. 25 к.

Киселевъ, А. Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ большаго количества упражненій и статьи: главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Изд. 3-е, исправленное, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1895. 8 д., VIII+IV+299+IV стр. ц. 1 р. 25 коп.

Раевскій, Н. Географія, какъ наука и учебный предметъ (методика географіи). Изд. 3-е. Спб. 1895. 8 д., 95 стр. ц. 75 коп.

Страховъ, Н. Философскіе очерки,

Спб. 1895. 8 д., XV+530 стр. ц. 1 р. 50 коп.

Тивольскій, Н. Дѣтскій мірокъ. Сборникъ дѣтскихъ пѣсенокъ, съ приложеніемъ поздравительныхъ, для голоса съ аккомпаниментомъ фортепіано. Изд. А. Югансовъ. Спб. Нотопечатня Г. Шмидта. 4 д., 44 стр., ц. 1 р. 30 коп.

Барановъ, А. Книга для класнаго чтенія, примѣненная къ обученію родному языку въ начальныхъ школахъ. 2-й и 3-й годъ обученія. Книга эта представляетъ собой продолженіе первой части «Нашего Родного», которая назначается для перваго года обученія въ начальной школѣ. Изд. 30-е. Д. Подубояринова. Спб. 1894. 8 д., 174+2 стр., ц. 45 коп.

Егоровъ, О. И. Руководство ариметики для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Изд. 2-е, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1895. 8 д., 3+224 стр., ц. 60 коп.

Козьминъ, К. Русская хрестоматія для среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Курсъ II. Орфографія согласна съ «Руководствомъ» акад. Грота. Изд. 8-е, книжн. маг. М. Наумова. Москва. 1895. 8 д., IV+352 стр., ц. 75 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей, Биографическая бібліотека Ф. Павленкова Л. Н. Толстой, его жизнь и литературная дѣятельность. Биографическій очеркъ Евгенія Соловьева. Съ портретомъ Л. Толстого, гравиров. Гедономъ. Спб. 1894. 8 д., 160 стр., ц. 25 к.

Некрасовъ, Н. Я. Практическій курсъ правописанія съ матеріаломъ для упражненія въ изложеніи мыслей. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ, въ двухъ выпускахъ. Выпускъ II. Изд. 4-е, (Петербургскій учебный магазинъ). Спб. 1895. 8 д., 64 стр., ц. 10 к.

Б. Книги для дѣтей и народа.

Андерсенъ, Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Томъ 4-й. Выпускъ XIII (Сказка моей жизни). Спб. 1894. 8 д., 128 стр.

Бильдерлингъ, П. А. Бесѣда по земледѣлію (Отд. оттиски изъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений при журналѣ «Нива» за январь 1895 г.). Спб. 1895. 8 д. Стр. съ 86 по 163.

Богдановъ, М. Н., проф. зоологии с.-петерб. университета. Мірскіе захребетники. Очерки изъ быта животныхъ, селадщихся около человѣка. Изд. 4-е. Съ портретомъ автора и 25-ю рисунками. Спб. 1895. 8 д., 2+184 стр., ц. 1 р.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстрированные романы въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой. Робертъ графъ Парижскій. Съ 12 рисунками. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895. 8 д., 98 стр., ц. 40 коп.

Двѣнадцать братьевъ лебедей или царевна золотая звѣзда. Сказка. Москва. 1895. 16 д., 35 стр.

Исторія о храбромъ рыцарѣ Францызъ Венеціанѣ и о прекрасной королевнѣ Ренцвейнѣ. Москва. 1895. 16 д., 30 стр.

Лабуле. Петруша. Сказка съ картинками. Изд. 4-е. Москва. 1895. 16 д., 32 стр., ц. 5 коп.

Маленькій вѣтошникъ (Съ англійскаго). Изд. 6-е. Москва. 1895. 16 д., 24 стр., ц. 5 коп.

Марко-Вовчокъ. Козачка. Одарка. Горпина. Рассказы. Спб. 1895. 8 д., 40 стр., ц. 4 коп. (Изд. с.-петербургскаго комитета грамотности).

Марко-Вовчокъ. Саша. Рассказъ. Спб. 1895. ц. 3 коп. (Изд. с.-петербургскаго комитета грамотности).

Марко-Вовчокъ. Сестра Ледашая. Рассказы. Изъ с.-петербургскаго комитета грамотности. Спб. 1895. 8 д., 46 стр., ц. 4 к.

Медеръ, Н. Б. О томъ, какого вида земля и какъ она велика. Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима. Два чтенія для народа, произнесенныя въ аудиторіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Изд. 5-е, дополненное. Спб. 1895. 8 д., 36 стр., ц. 20 к.

Семь Симеоновъ, родныхъ братьевъ. Старинная сказка. Изд. 9-е. Москва. 1894. 16 д., 29 стр.

Сказка о Петрѣ Королевичѣ и объ Ивашкѣ — медвѣжьемъ ушкѣ. Москва. 1895. 16 д., 29 стр.

Сказка о Щелкунчикѣ и Мышиномъ Королѣ. Переводъ З. Н. Журавской. Рисунки Т. И. Никитина. Изд. М. Ледерле и К^о. Спб. 1894, 8 д., 100 стр.

Сказки братьевъ Гриммовъ, пересказанныя дядею Павломъ. Съ 10-ю оригинальн. раскраш. картинками художн. В. С. Крюкова. Спб. 8 д., 405 стр.

Тхоржевскій, К. Кавалеръ. Рассказъ. (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е. В. Березовскаго. Спб. 8 д., 76 стр.

Тхоржевскій, К. Красавецъ солдатъ. Рассказъ. (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е. В. Березовскаго. Спб. 8 д., 15 стр.

Тхоржевскій, К. На медвѣдя. Рассказъ (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е. В. Березовскаго. Спб. 8 д., 16 стр.

Тхоржевскій, К. Рождественск. ночь. Рассказъ (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е. В. Березовскаго. Спб. 8 д., 16 стр.

Тхоржевскій, К. Солдатскій праздникъ. Рассказъ (Чтеніе для солдатъ и народа). Изд. 1-е. В. Березовскаго. Спб. 8 д., 27 стр.

Брамъ, А. Жизнь животныхъ. Популярное изданіе (75 выпусковъ, 6 полутомовъ, 1.200 иллюстр. въ текстѣ, 1 карта), Полудомъ П. Вып. 18. Грызуны—Неполнозубы. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія подъ ред. д-ра зоологии С. М. Перяславцевой. Одесса. 1884. 8 д., стр. съ 547 по 578, ц. 25 к.

Вернь, Жюль. Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водою. Романъ. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками Ріу. Москва. 1895. Изд. и тип. товар. И. Д. Сытина. 8 д., 413+II стр., ц. 2 р.

Горбуновъ, Н. Какъ и чѣмъ пахать, бороновать, и укапывать. Съ 6-ю рисунками. IX-е изданіе. Спб. 1895. 8 д., 16 стр., ц. 10 к.

Два богатства. Арабская сказка. Москва. 1895. 16 д., 35 стр., 282-е изданіе Имп. одесскаго общества исторіи и древностей 11-го января 1895. Одесса. 8 д., 8 стр.

Деркачевъ, И. Среди животныхъ. Съ рисунокъ художн. И. С. Панова. Москва. 1895. 8 д., 96 стр., ц. 70 к.

Клейнъ, Г. Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ, звѣзды, туманности. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1895. 8 д., 290 стр., ц. 2 р.

неизвѣстна. Его маленькое сердечко сѣяетъ всѣми своими мускулами; оно наверстааетъ потерянное въ болѣе взрослыя лѣта, но въ первые годы жизни оно отдается все, съ удивительной щедростью. И никакой противовѣсъ воли, никакое разсужденіе не останавливаетъ этой крайней щедрости изліяній, этой потребности нарождающейся души, которая составляетъ пока, такъ сказать, одно неразрывное съ тѣломъ. Почти всегда существуетъ несоразмѣрность между испытанными впечатлѣніями и способностью ихъ выраженія. Но въ зрѣломъ возрастѣ выраженіе слабѣе дѣйствительности, а въ дѣтствѣ оно ее превосходить. Ребенокъ цѣлуетъ больше, чѣмъ любитъ; онъ кричитъ и плачетъ сильнѣе, чѣмъ страдаетъ; онъ улыбается больше, чѣмъ забавляется; а когда онъ научится говорить, то станетъ говорить больше, чѣмъ думаетъ. Впрочемъ, его крики, улыбки, слезы, движенія получаютъ значеніе не съ перваго-же дня. Прежде чѣмъ сдѣлаться выразительными движеніями, они бывають только импульсивными. Мы доказали уже это относительно криковъ, теперь докажемъ по отношенію къ улыбкамъ, смѣху и слезамъ. Одно и то-же движеніе можетъ быть одновременно и простымъ рефлексомъ, и автоматическимъ дѣйствіемъ, и произвольнымъ знакомъ и, наконецъ, произвольнымъ выраженіемъ того или другого состоянія души. Конечно, внимательный наблюдатель могъ-бы отмѣтить въ самомъ движеніи, смотря по тому, какъ оно проходитъ различные фазисы развитія, довольно чувствительную разницу; онъ бы замѣтилъ, напримѣръ, что крики ребенка не одинаковы, когда они ничего не выражаютъ, или когда выражаютъ ощущение, волненіе, голодъ, гнѣвъ; что и улыбка не одинакова, что она измѣняется, даже физически, когда выражаетъ чувство. Но эти оттѣнки трудноуловимы, и родители часто въ нихъ ошибаются, благодаря своему предрасположенію видѣть осмысленные знаки тамъ, гдѣ есть только простой автоматизмъ.

Даже поэты и философы постоянно разукрашиваютъ это дѣло. Мы уже говорили о выраженіи Виктора Гюго: «сладкая улыбка» ребенка. Поль Жане въ прекрасныхъ словахъ привѣтствуетъ первую улыбку, какъ начало духовной жизни, «*расцветъ разумной души*». Все это, правду сказать, справедливо: и энтузіазмъ поэта, и толкованіе философа. Но, чтобы имѣть право приписать улыбку эту художественную прелесть, или это высокое нравственное значеніе, нужно выбрать моментъ; нужно выждать, пока постепенное развитіе сдѣлаетъ улыбку гѣмъ, чѣмъ она не есть еще. Разсматриваемая съ прозаической точки зрѣнія, улыбка есть только автоматическое или рефлексивное движеніе. Она подчиняется общему закону, по которому бессознательная жизнь предшествуетъ разумной, и чисто механическія дѣйствія мало-по-малу получаютъ нравственное значеніе. Когда торжествующая мать, къ концу второго или третьяго мѣсяца, вскрикиваетъ: «Онъ улыбнулся! Она смѣется!», то приходится ей сказать: въ этой первой улыбкѣ нѣтъ еще ничего сознательнаго, ни даже чувства удовольствія. Эта первая улыбка есть только тѣло безъ души. Это только случайная гримаса, или простое движеніе мускуловъ лица. Мы видимъ только внѣшнюю сторону улыбки, но не видимъ ея сущности. Дарвинъ

замѣчаетъ: «Кто ухаживаетъ за маленькими дѣтьми, тотъ хорошо знаетъ, какъ трудно съ точностью опредѣлить, выражается-ли что-нибудь движеніемъ губъ, т. е. узнать, дѣйствительно-ли ребенокъ смѣется *). Доказательствомъ, что улыбка и смѣхъ могутъ быть вызваны причинами чисто физическими, не имѣющими ничего общаго съ чувствомъ, можетъ служить то, что щекотанье вызываетъ у ребенка неумѣренные взрывы смѣха, а вмѣстѣ съ тѣмъ судороги всего его маленькаго тѣла. «Какъ много времени нужно было, пишетъ Гюйо, для проявленія этого перваго признака любви,—улыбки! Ее считаютъ естественной, произвольной; кто знаетъ, сколько понадобилось ребенку соединенныхъ усилій, настойчивости, воли, чтобы произвести на свѣтъ эту чудную улыбку, которая есть уже признакъ безкорыстія. Прослѣдите глазами нравственную жизнь ребенка, отраженную на его лицѣ: вы увидите, какъ постепенно этотъ признакъ получаетъ тысячи оттѣнковъ, тысячи новыхъ цвѣтовъ; но какъ медленно! Никакая картина Рафаэля не могла стоять столько трудовъ. (Guylau, Education et hérédité, p. 63).

Выразительная улыбка, обличающая или маленькія радости ребенка или его первыя привязанности, которая, полуоткрывая ротъ, даетъ блескъ глазамъ и освѣщаетъ все лицо, не появляется такъ скоро. Она подобно плачу и слезамъ, обуславливается постепеннымъ развитіемъ; и прежде чѣмъ стать дѣйствительною улыбкой, она является только какъ-бы наброскомъ, очеркомъ, полуулыбкой, четвертью улыбки.

По Дарвину, улыбка—это только уменьшенный смѣхъ, смѣхъ ослабленный, какъ-бы осадокъ и остатокъ у ребенка привычки, приобрѣтенной нашими предками, долгимъ рядомъ поколѣній, улыбкой выражать радость. Впрочемъ, кромѣ различія въ степени, между улыбкой и смѣхомъ существуетъ, очевидно, еще и другая разница, такъ какъ они выражаютъ не одно и то-же чувство: улыбка есть признакъ умѣреннаго чувства удовольствія или привязанности; смѣхъ соотвѣтствуетъ сильной радости у ребенка, а у взрослоаго вызывается болѣе сложными причинами. И въ самомъ дѣлѣ, смѣхъ, какъ и слезы, вытекаютъ не изъ однихъ и тѣхъ-же причинъ у ребенка и взрослоаго; и если психологи нѣсколько затрудняются въ опредѣленіи происхожденія человѣческаго смѣха, то, конечно, всетаки легче объяснить причину дѣтскаго смѣха, который всегда, или почти всегда, служитъ простымъ выраженіемъ пріятныхъ ощущеній души. Дѣти смѣются чаще и легче, чѣмъ взрослые. Ихъ игры часто составляютъ одинъ только сплошной смѣхъ. Достаточно малѣйшаго повода, чтобы вызвать этотъ неутомимый смѣхъ. А между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ возрастѣ количество смѣшныхъ предметовъ малочисленнѣе, чѣмъ позже: ребенокъ вовсе не знаетъ насмѣшливаго смѣха,—смѣха,

*) Дарвинъ, L'Expression des émotions, 237. См. Прейера, стр. 244: «По большей части первую улыбку неправильно истолковываютъ... Какъ у ребенка, такъ и у взрослоаго, недостаточно, для наличности улыбки, простаго движенія губъ: необходимо чувство удовольствія или пріятная мысль. Нужно, чтобы то и другое было достаточно сильно, чтобы вызвать раздраженіе личныхъ нервовъ.

вызваннаго неожиданностью, живымъ и рѣзкимъ контрастомъ, который скорѣе заставитъ его плакать.

По словамъ г-жи Некеръ-де-Сосюръ, смѣхъ появляется приблизительно въ шестинедѣльномъ возрастѣ, а улыбка — раньше. Дарвинъ впервые замѣтилъ настоящую улыбку у двухъ дѣтей на сорокъ пятый день; еще у одного — немного раньше. Но это — явленія только мимолетныя и рѣдкія, и улыбка, въ два мѣсяца, не стала еще привычкой.

Въ первыхъ своихъ проявленіяхъ улыбка, такъ сказать, сосредоточена на самой себѣ: она не относится ни къ кому. Ребенокъ улыбается отъ удовольствія, насытившись молокомъ, отъ общаго благосостоянія послѣ пира. «Я видѣлъ, говоритъ Прейеръ, какъ мой сынъ, на десятый день, насытившись молокомъ, дѣлалъ во снѣ губами движенія, совершенно похожіе на улыбку. Ямочки щекъ обрисовались очень ясно и, не смотря на закрытые глаза, выраженіе лица его было прелестно. Позднѣе ребенокъ улыбается своей матери; еще позднѣе, — забавляющимъ его предметамъ, игрушкамъ. Эти различныя улыбки не похожи одна на другую. Физиономія ребенка, улыбающагося своей матери на третьемъ мѣсяцѣ, отличается легко по самому направленію взгляда, отъ невольной улыбки насытившагося ребенка. Кто-бы сталъ слѣдить и съ точностью отмѣчать послѣдовательныя отгѣнки улыбки, тотъ нашель-бы въ нихъ краткую исторію дѣтской души: прежде всего простыя матеріальныя наслажденія маленькаго сытаго животнаго; затѣмъ чувство благодарности грудного ребенка къ тѣмъ, кто его кормитъ, бережетъ и ласкаетъ; далѣе, — и уже въ большей степени, чувство симпатіи, любовь, безкорыстная нѣжность; наконецъ, когда проснется разумъ, тонкій и пронизательный умъ, способный уловить забавное соотношеніе между предметами: ее вызываетъ интересный разговоръ.

Улыбка, подобно смѣху, происходитъ только отъ особыхъ причинъ, дѣйствующихъ въ самый моментъ ея появленія: она въ связи со здоровьемъ, съ общимъ состояніемъ тѣла и души. Ребенокъ захворалъ: пока онъ страдалъ, — улыбка исчезла; она возвратилась по мѣрѣ укрѣпленія физическихъ силъ. У ребенка, гораздо въ большей степени, чѣмъ у взрослога, улыбка и смѣхъ зависятъ отъ общаго состоянія всего организма. Какъ-же объяснить иначе, если не общимъ благосостояніемъ и довольствомъ, этотъ неумолкаемый смѣхъ ребенка, которому нѣтъ конца, и который, повидимому, не имѣетъ опредѣленной причины?

Это еще вовсе нерѣшенный вопросъ, появляется-ли выразительная улыбка произвольно на губахъ ребенка, или-же ее нужно вызвать, есть-ли она только подражаніе или, во всякомъ случаѣ, отвѣтъ на другую улыбку. Гюйо, не колеблясь, говоритъ: «ребенокъ улыбается, потому-что видитъ улыбку». Это заявленіе слишкомъ рѣшительно. Разумѣется, чаще всего ребенокъ улыбается потому, что ему даютъ въ этомъ примѣръ, *ridentibus arrirent* (смѣвающимся смѣются)... Возбужденный ласковымъ голосомъ и улыбающимся лицомъ, грудной ребенокъ барахтается, шевелитъ ручками, точно хочетъ встать, и вмѣстѣ съ тѣмъ все его личико озаряется радостью. Но къ четвер-

тому или пятому мѣсяцу, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, дитя начинаетъ смѣяться по своему собственному почину. Въ этомъ возрастѣ, ребенокъ, лежа въ постели, съ большимъ удовольствіемъ разсматриваетъ занавѣсъ съ красными цвѣтами; онъ говоритъ съ нимъ на своемъ языкѣ, улыбается ему. Въ шесть мѣсяцевъ тотъ-же ребенокъ уже не ждетъ моей улыбки, чтобы мнѣ улыбнуться, — онъ смѣется первый, раньше меня. Конечно, подражаніе, — этотъ великій двигатель воспитанія, имѣетъ неоспоримое вліяніе въ дѣлѣ развитія какъ выразительныхъ знаковъ, такъ и другихъ сторонъ постепеннаго душевнаго развитія. Однако, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что улыбка, наслѣдственная или врожденная, есть естественная прелесть ребенка. Съ ней происходитъ то-же, что и со всѣмъ остальнымъ: сначала отраженіе, такъ сказать, реакція и отвѣтъ; затѣмъ личная инициатива. Даже, если у ребенка родители мрачные и меланхоличныя, среди нахмуренныхъ лицъ, онъ улыбается, не такъ часто, можетъ быть, но все-таки онъ веселитъ своей радостной и прелестной улыбкой этихъ печальныхъ и несчастныхъ людей.

Какъ только улыбка стала привычкой, — ребенокъ не разучится ей, даже самый болѣзненный, самый немощный; потому-что у него всегда будутъ, даже среди большихъ страданій, проблески благосостоянія, относительнаго удовольствія, вслѣдствіе которыхъ на его губахъ расцвѣтетъ улыбка подобно солнечному лучу, пронизывающему тучи. Съ другой стороны, въ сердцѣ ребенка всегда есть достаточно нѣжности, чтобы вызвать у него безкорыстную улыбку, какъ выраженіе чистой симпатіи, свободной отъ какого-бы то ни было чувства благодарности, или воспоминанія о пріятныхъ ощущеніяхъ. Въ четыре мѣсяца ребенокъ улыбается отцу почти столько-же, какъ и своей матери, хотя его видъ не напоминаетъ еще ему ни о какомъ удовольствіи.

Смѣхъ во всѣхъ своихъ видахъ: смѣхъ умѣренный, взрывъ смѣха, безумный смѣхъ — это, такъ сказать, созрѣвшая улыбка, тогда какъ сама улыбка есть только знакъ удовольствія. Только по недостатку силъ, счастливый и довольный малютка не раздражается шумнымъ смѣхомъ. Уже у двухмѣсячнаго ребенка улыбка сопровождается звуками, предвѣстниками смѣха; «нѣчто вродѣ овечьяго блѣянія», говоритъ Дарвинъ, и прибавляетъ: «Въ возрастѣ ста тринадцати дней, эти легкіе звуки мѣняютъ характеръ: они дѣлаются болѣе отрывисты и неровны, точно рыданіе — это и есть начало смѣха».

Съ плачемъ происходитъ то-же, что съ улыбкой и смѣхомъ: онъ подлежитъ тоже постепенному развитію. «Необходимо, говоритъ Дарвинъ, нѣкоторое упражненіе для плача, какъ и для развитія обыкновенныхъ тѣлодвиженій, напримѣръ, — хожденія *)». Прежде чѣмъ сдѣлаться выраженіемъ горя, слезы представляютъ явленіе чисто физическое, лишенное всякаго нравственнаго значенія.

*) Слѣдуетъ замѣтить, однако, что дѣти очень различны по отношенію къ плачу, очень рѣдкому у однихъ, и очень частому у другихъ. Докторъ Сикорскій долго анализировалъ причины такъ называемой «слезливости»: болѣзна, дурной уходъ, условія рожденія и т. д. *Revue phil.*, t. XIX, p. 248 et suivantes.

Каждый раз, говорит Дарвинъ, какъ сильно сокращаются глазные мускулы, чтобы защитить глазъ, сжимая при этомъ кровяные сосуды,—появляется слезотеченіе, иной разъ на столько обильное, что слезы текутъ по щекамъ. Это явленіе наблюдается подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ душевныхъ движеній, а равно и *при полномъ отсутствіи волненія*. Слезы могутъ быть вызваны впечатлѣніями чисто физическими, не затрагивающими чувствительности.

Достаточно кожицы лука, чтобы выжать слезы даже у взрослого. Но у ребенка вскорѣ къ слезамъ присоединяются крики, если онъ страдаетъ, жалуется; они становятся признакомъ физическихъ страданій, прежде чѣмъ сдѣлаться, въ высшей степени своего развитія, естественнымъ выразителемъ огорченія и нравственнаго страданія.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что крики новорожденнаго не сразу сопровождаются слезами. Время появленія первыхъ слезъ очень различно. Дарвинъ дѣлалъ наблюденія надъ дѣтьми своими и своихъ друзей. У однихъ—глаза оросились слезами только къ тремъ или четыремъ мѣсяцамъ; у другихъ слезы появлялись къ концу третьей недѣли. Преьеръ увѣряетъ, что онъ видѣлъ слезы у дѣтей и раньше этого срока и, отъ имени нѣмецкихъ дѣтей, онъ заявляетъ, что у нихъ, по крайней мѣрѣ, слезы составляютъ болѣе раннее явленіе: «Я видѣлъ, говоритъ онъ, какъ на двадцать третій день жизни, слезы текли изъ глазъ моего сына» *).

Не станемъ заниматься этими противорѣчіями по поводу нѣсколькихъ дней или, самое большее, нѣсколькихъ недѣль. Но что вполнѣ установлено и внѣ всякаго сомнѣнія,—это порядокъ постепеннаго развитія причинъ, вызывающихъ слезы, съ того самого дня, какъ они приобрѣли уже извѣстное значеніе: онѣ выражаютъ сначала физическое страданіе, затѣмъ волненія другого порядка, гнѣвъ, капризъ, огорченіе; позднѣе уже—нравственное страданіе. И нужно замѣтить, что у взрослого сохраняется только послѣдняя степень. Во всякомъ случаѣ, если не у женщины, то у мужчины, слезы станутъ появляться все рѣже и рѣже и не будутъ уже вызваны физическимъ страданіемъ: только нравственное страданіе заставитъ его плакать **).

Впрочемъ, можемъ установить фактъ, что къ слезамъ присоединяется, для выраженія тягостнаго состоянія души, извѣстное количество лицевыхъ движеній, подобно тому какъ смѣхъ тоже не есть только движеніе однихъ губъ, но пополняется совокупностью и другихъ знаковъ. Дарвинъ, подобно Лебрюну, съ точностью описалъ фizioномію плачущаго ребенка: нахмуренныя брови, опущеніе угловъ губъ, и т. п. Плачущій ребенокъ одновременно съ этимъ и кричитъ, и два англійскіе глагола: *to weep* и *to cry* (плакать и кричать) составляютъ синонимы. Нахмуренныя брови, морщины на лбу являются

*) «Увѣреніе Дарвина, что грудныя дѣти не проливаютъ обыкновенно слезъ раньше второго или четвертаго мѣсяца, не можетъ быть примѣнимо къ нѣмецкимъ дѣтямъ». Preyer, p. 253.

**) Смѣхъ, говоритъ Дарвинъ, похожъ на слезы, которыя у взрослого текутъ подъ вліяніемъ нравственнаго страданія, тогда какъ у ребенка вызываются всякимъ страданіемъ, физическимъ или нѣтъ, а также испугомъ и гнѣвомъ.

впрочемъ, и сами по себѣ, и не всегда сопровождаются криками и слезами; Прейеръ наблюдалъ эти явленія уже на второй день. Мать одного ребенка, видя его нахмуренныя брови, сказала: «Онъ думаетъ о серьезныхъ вещахъ!» Нѣтъ, какъ и всѣ прочія, эти движенія приобрѣтаютъ нравственное значеніе только позднѣе и вначалѣ не происходятъ отъ психическихъ причинъ.

Прибавимъ къ этому, что какъ слезы, такъ и смѣхъ, даже въ такомъ возрастѣ, когда они уже составляютъ выразительные знаки, не всегда связаны со страданіемъ. Доказательствомъ тому, что въ смѣхѣ часто проявляется только избытокъ жизни, взрывъ излишней нервной силы, служитъ то, что иногда достаточно пустого предлога, бездѣлицы, чтобы разсмѣшить ребенка, а затѣмъ довести до слезъ и обратно. Иногда слезы выражаютъ радость, удовольствіе. Ребенку часто случается плакать во время сосанія. У взрослога бывають также слезы радости*).

Крики, улыбки, слезы не исчерпываютъ всего естественнаго языка чувствительности. Въ минуты радости или живаго удовольствія, волнуется все его тѣло; члены двигаются, ребенокъ хлопаетъ руками; позднѣе онъ будетъ прыгать отъ радости. Въ гнѣвѣ ребенокъ сильно краснѣетъ; отъ страха блѣднѣетъ. Мало вѣроятія, чтобы краска покрывала лицо ребенка по тѣмъ-же причинамъ, какъ у взрослога. «Кажется, говоритъ Дарвинъ, что умственные способности ребенка еще недостаточно развиты, чтобы онъ могъ краснѣть**). Не говоря уже о душевныхъ способностяхъ, достовѣрно, что чувства, чаще всего вызывающія красноту,—стыдъ, оскорбленное самолюбіе,—очень рѣдки у дѣтей. Впрочемъ, Дарвинъ приводитъ въ примѣръ двухъ дѣвочекъ, которыя уже краснѣли въ два или три года, и четырехлѣтняго ребенка, «который краснѣлъ, когда его упрекали въ какой-нибудь провинности».

Многочисленность душевныхъ движеній ребенка лучше всего можетъ быть доказана изученіемъ его фізіономіи. Униженіе или отвага, чувство слабости или силы, неожиданность, удивленіе, восторгъ живо рисуются на его лицѣ и выражаются его движеніями. Что можетъ быть выразительнѣе гримасы, надуванія губъ, этого признака дурнаго расположенія духа. Можно-бы написать цѣлую книгу на эту тему, а также нарисовать цѣлую галерею портретовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе уже сняты съ дѣтей кричащихъ и плачущихъ; на этихъ портретахъ мы изобразили бы то, что такъ мимолетно, что, благодаря своей непрестанной подвижности, не поддается самому

*) Если смѣхъ свойственъ только человѣку, то нельзя сказать того-же о слезахъ, «Извѣстно, говоритъ Дарвинъ, что индійскій слонъ иногда плачетъ. Сиръ Е. Теннетъ, описывая схваченныхъ въ плѣнъ слоновъ на Цейлонѣ, говоритъ такъ: нѣкоторые изъ нихъ оставались неподвижны, сидящими на заднихъ ногахъ, и проявляли свои страданія только слезами, непрерывно текущими изъ ихъ глазъ» (Darvin, L'Expression des emotions, p. 180).

**) Краснѣть, говоритъ Дарвинъ, есть самое человѣческое выраженіе. Щекотаніемъ мы можемъ вызвать смѣхъ, ударомъ—слезы и нахмуриваніе бровей, но краснѣнія мы не можемъ вызвать никакими физическими средствами.. Нужно произвести нравственное впечатлѣніе.

быстрому наблюденію, самому усердному вниманію, и что, наконецъ, показывается этимъ самымъ главнѣйшую черту дѣтской чувствительности: вѣчное непостоянство чувствъ причудливыхъ и легкомысленныхъ.

ГЛАВА VI.

Память до и послѣ пріобрѣтенія рѣчи.

1. Мнѣнія Руссо и г-жи Кампанъ. — Къ какому времени восходятъ наши первые воспоминанія? — Почему не помнимъ мы ничего изъ нашихъ первыхъ лѣтъ? — Развитие дѣтской памяти. — Необходима продолжительность или по крайней мѣрѣ повтореніе впечатлѣній для установленія воспоминанія. — Вслѣдствіе чего воспоминаніе о случайныхъ фактахъ сглаживается. — Многочисленность впечатлѣній и особенно отсутствіе координаціи обуславливаютъ слабость первыхъ воспоминаній. — Идея «я» — необходимое связующее звѣно, еще не существуетъ. — Невозможность установить воспоминанія по времени и мѣсту. — Пассивный характеръ дѣтской памяти. — Присутствіе предметовъ необходимо для пробужденія воспоминаній. — Безличная память ребенка и память органическая. — Память предшествуетъ нѣкоторымъ образомъ сознанию. — Узнаваніе. — Ассоціація идей и языкъ. — 2. Дальнѣйшее развитіе памяти. — Способность дѣтской памяти къ пріобрѣтенію. — Причины физиологическія. — Причины психологическія. — Загроможденія памяти у взрослого вредятъ пріобрѣтенію новыхъ идей. — Другой характеръ памяти у дѣтей. — Дѣтя не умѣютъ забывать. — Воспоминанія дѣтства особенно живы; въ болѣзненныхъ разстройствахъ памяти, они исчезаютъ послѣдними. — Недостатки дѣтской памяти: она буквальная и механическая. — Память у слабыхъ. — Неравенство и различные виды памяти. — Важное значеніе памяти.

I.

«Память развивается лишь къ тремъ годамъ», писала г-жа Кампанъ. Ж. Ж. Руссо еще рѣшительнѣе заявляетъ, что дѣти, не будучи способны еще къ сужденію, не владѣютъ настоящей памятью. *) Повидимому, въ этой оцѣнкѣ есть что-то необыкновенное и ложное, но это легко объяснить, если мы примемъ во вниманіе не то, что говорятъ названные авторы, а то, что они разумѣютъ подъ этимъ. Если Руссо отказываетъ въ памяти ребенку, такъ это потому, что онъ разумѣетъ только память идей, память открытую, которая въ состояніи слѣдить и за нитью долгаго разсужденія. Онъ первый утверждаетъ, что «дѣти удерживаютъ звуки, лица, ощущенія», слѣдовательно признаетъ, что они вспоминаютъ все, что могутъ чувствовать и понимать; отвлеченныя же идеи еще недоступны ихъ пониманію.

Что касается до г-жи Кампанъ, то она признаетъ тотъ общій фактъ, что человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ не помнитъ о первыхъ

*) Руссо. Эмилъ, книга II: хотя память и разсужденіе — двѣ способности существенно различныя одна отъ другой; однакоже обѣ онѣ развиваются совмѣстно. До появленія разума ребенокъ получаетъ только образы, а не идеи.

годах своей жизни. «Самое отдаленное воспоминание, если не ошибаюсь, относится къ четыремъ или пяти годамъ...» такъ начинаются мемуары ребенка, г-жи Мишле *).

«Мои первыя воспоминанія, говоритъ Дарвинъ, начинаются съ четырехъ лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. **)

По другимъ свидѣтельствамъ, память начинается иногда нѣсколько раньше. Особа 35 лѣтъ говорила мнѣ, что она замѣчательно ясно помнитъ во всѣхъ подробностяхъ зрѣлища, на которыхъ она присутствовала, еще не имѣя 3-хъ лѣтъ отъ роду: церемонію крещенія въ деревнѣ, шумную ярмарку въ Парижѣ. Мой сынъ помнитъ лежавшаго въ креслѣ больного дѣда, котораго онъ лишился, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, а ребенку было тогда только два года. Пьерръ Лоти указываетъ на воспоминаніе, аналогичное по времени:» Какъ будто это было вчера, я вспоминаю, какъ однажды вечеромъ, (я уже ходилъ нѣкоторое время) я постигъ искусство бѣгать и прыгать и до того наслаждался этимъ чуднымъ отертыемъ, что даже падалъ. Это было въ началѣ моей второй зимы ***).

Но большая часть воспоминаній относится къ болѣе позднему возрасту. Я роюсь въ моихъ собственныхъ воспоминаніяхъ, и единственный фактъ, который выплываетъ изъ темной пропасти, поглотившей мои первые годы, относится къ шестому году: это провозглашеніе республики 1848 года. Какъ будто во снѣ, я еще слышу важный голосъ друга моего отца, пришедшаго съ вѣстью о паденіи Луи-Филиппа въ то время, какъ мы всѣ сидѣли за семейнымъ столомъ: я вижу вечеромъ на бульварѣ маленькаго города, гдѣ я жилъ взволнованныя группы людей и продолжительныя сходы.

Несомнѣнно, различныя причины измѣняютъ для каждаго чело-вѣка время, съ котораго начинается его прошлое: во первыхъ, особенныя наклонности, раннее развитіе; но главнымъ, образомъ, обстоятельство, характеръ извѣстныхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ рано былъ ребенокъ, и которыя поразили его своей новизной и важностью, и, такъ сказать, выпукло обрисовываются на обычномъ фонѣ жизни. Мы вспоминаемъ катастрофу, большое несчастье, даже сильный ушибъ, случившійся уже при первыхъ шагахъ, и забываемъ въ тоже время обыкновенные случаи жизни правильной и однообразной. Но, не взирая на эти легко объяснимые варианты, общій фактъ таковъ: существуетъ предѣлъ, за которымъ мы уже ничего не помнимъ****). Темное покрывало скрываетъ отъ насъ наши первые годы. Было бы вполне естественно, если-бы воспоминанія, относящіяся до начала нашей

*) Мемуары ребенка, г-жи Мишле. 1867-я

**) Руссо говоритъ тоже самое. Не знаю, что было до 5 или 6 лѣтъ; не знаю, какъ я научился читать. (Исповѣдь, кн. I).

***) М. Р. Loti, le roman d'un enfant. стр. 4 Съ своей стороны Пэрэ сказываетъ что «онъ сохранилъ ужасное впечатлѣніе грубой и невѣжественной няньки, которая, когда ему было два года, высунула его изъ окна и держала минуту на воздухѣ, какъ будто желая выбросить его на улицу».

****) «Обыкновенно думаю, что память взрослого чело-вѣка не восходитъ раньше четвертаго года» Прейеръ, стр. 295.

жизни, были неясны; но дѣло въ томъ, что ихъ нѣтъ совсѣмъ. Правда, намъ всегда нѣсколько трудно посредствомъ воспоминаній возстановить прошлое даже нашей юности или зрѣлаго возраста. Въ окрѣпшей памяти, наиболѣе вѣрной, все-таки есть пробѣлы, частичныя забвенія. Но когда рѣчь идетъ о первыхъ годахъ нашей жизни, то является полное ослабленіе памяти (amnèsie), аналогичное съ тѣмъ, которое слѣдуетъ за опьянѣніемъ или обнаруживается въ извѣстныхъ болѣзняхъ,—амнезія сверхъ того естественная и нормальная. Въ нашемъ сознаніи не остается ничего изъ видѣннаго, пережитаго нами: ни первыхъ нашихъ радостей, ни первыхъ страданій. Ни одинъ лучъ воспоминанія не освѣщаетъ эти годы, потерянные для насъ, по крайней мѣрѣ для нашей памяти, и въ теченіе которыхъ ничто не напоминаетъ намъ, что мы жили.

Разрѣшеніе этой маленькой печальной задачи слѣдуетъ искать прежде всего въ исторіи развитія памяти. Не слѣдуетъ объяснять ее тѣмъ, что если мы ничего не помнимъ, слѣдовательно, ничего и не случилось, и что вездѣ, гдѣ отсутствуетъ сознаніе, память теряетъ свои права. Несомнѣнно, что сознаніе пробуждается очень рано, что ребенокъ переживаетъ ощущенія страха, удивленія, радости, которыя, хотя и обуславливаются маловажными причинами, тѣмъ неменѣе проявляются во всей своей силѣ и живости.

Возьмемъ одинъ примѣръ, какимъ образомъ мы не сохраняемъ воспоминанія о томъ актѣ, который, казалось-бы, долженъ приковывать къ себѣ всѣ силы души ребенка, я хочу сказать о первыхъ попыткахъ ходить. Въ этомъ случаѣ на лицо всѣ тѣ существенныя условія, которымъ приписываютъ силу памяти: сильное ощущеніе, вниманіе. Ребенокъ, который учится ходить, видимо внимателенъ; онъ явно веселъ, когда впервые начинаетъ овладѣвать пространствомъ. Какимъ образомъ это важное событіе перваго года не оставляетъ ни у кого изъ насъ ни малѣйшаго отпечатка въ памяти?

Наилучшій способъ объясненія фактовъ заключается въ ихъ опредѣленіи. Начнемъ съ того, что память ребенка упражняется по своему, и рассмотримъ, при какихъ условіяхъ это происходитъ. Уже съ первыхъ мѣсяцевъ, грудной ребенокъ научается узнавать лицо своей матери, и тѣхъ, кто ухаживаетъ за нимъ или ласкаетъ его. Въ этомъ узнаваніи, которое не затемняется даже отсутствіемъ нѣсколькихъ недѣль, сила памяти обнаруживается во всемъ блескѣ. Перъ беретъ въ примѣръ ребенка, (правда, годовалаго) возвращавшагося въ родительскій домъ послѣ мѣсячнаго отсутствія: «Какъ только онъ увидѣлъ старую служанку, и раньше, чѣмъ она назвала его по имени, онъ улыбался ей, и съ радостными движеніями протягивалъ руки» *). Прейеръ говоритъ о 17 мѣсячной дѣвочкѣ, узнавшей свою няню послѣ шестидневнаго отсутствія **). Въ этомъ отношеніи способности новорожден-

*) Перъ. Первые три года жизни ребенка. стр. 87.

**) Прейеръ говоритъ также, «что его семимѣсячный сынъ не узналъ няни послѣ 4 недѣльнаго отсутствія». Память въ этомъ отношеніи ясно устанавливается только къ году.

наго превышаютъ таковыя у животныхъ,—у собакъ, напримѣръ, которыя быстро узнаютъ руку, которая ихъ ласкаетъ или бьетъ. Съ другой стороны, все, что ребенокъ посредствомъ своихъ чувствъ узнаетъ о предметахъ,—о томъ, что видитъ и слышитъ, къ чему прикасается руками, вся эта маленькая житейская наука, такъ быстро приобретаемая въ нѣсколько мѣсяцевъ, предполагаетъ уже значительное упражненіе памяти. Тоже самое и съ приобретениемъ рѣчи; всякое новое слово, которое выучиваетъ ребенокъ, представляетъ усиліе или по крайней мѣрѣ актъ памяти.

Многочисленныя наблюденія показываютъ, что легкія и быстрыя приобретенія дѣтской памяти въ то-же время бываютъ непрочныя: они исчезаютъ, сглаживаются, если что-нибудь прерываетъ ходъ представленій, которыя ихъ вызвали и продолжительность которыхъ необходима, чтобы удержать ихъ въ умѣ *).

Лейбницъ указываетъ на ребенка, ослѣпнушаго 2 или 3 года и не помнишаго ничего изъ своихъ зрительныхъ впечатлѣній.

Лаура Бриджменъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ владѣла своими чувствами до тѣхъ поръ, пока скарлатина не лишила ее слуха, зрѣнія и голоса; съ этого момента она уже ничего не помнила изъ того, чему научилась во время своей нормальной жизни.—Маленькая дѣвочка, по рассказамъ Преьера, совершенно ослѣпла отъ слишкомъ яркаго солнечнаго свѣта; въ 17 лѣтъ къ ней вернулось зрѣніе; но она подобно ребенку должна была снова учиться называть цвѣта; по недостатку упражненія, она забыла все, что въ теченіе 7 лѣтъ выучила о разстояніи и величинѣ предметовъ **).

Изъ этихъ и многихъ другихъ фактовъ, которые можно было-бы привести, слѣдуетъ, что повтореніе, частое и почти непрерывное возобновленіе впечатлѣній необходимо для укрѣпленія памяти перваго года. Ребенокъ легко научается родному языку только потому, что онъ безпрестанно слышитъ одни и тѣ же слова. Онъ узнаетъ предметы и лица потому, что видитъ ихъ каждый день. Перенесите его въ другую среду, вывезите его съ его родины въ 2 или 3 года: изъ его памяти изгладятся навсегда особенные, мѣстные признаки впечатлѣній его прежней родины.

Память ребенка подобна нѣжной живописи, по которой кисть должна пройти нѣсколько разъ для того, чтобы поддерживать непрочноя и готовыя исчезнуть краски. Теперь понятно, почему впечатлѣніе, бѣгло промелькнувшее въ сознаніи ребенка, минутное ощущеніе, случайный фактъ не могутъ запечатлѣться въ умѣ. Память ребенка подобна сыпучему песку на берегу моря. Когда убѣгаетъ волна, вы можете замѣтить на немъ отпечатокъ вашихъ слѣдовъ; но вновь вернувшаяся волна все сравниваетъ и сглаживаетъ. Если

*) Въ началѣ память есть не что иное, какъ продолженіе одного и того-же впечатлѣнія. «Первая степень настоящей и сознательной памяти, заключается во вторичномъ возбужденіи чувствительнаго нерва, которое, пока продолжается, непрерывно передается сензоріуму. Какъ примѣръ привожу постоянство впечатлѣній на ретину, боль, слѣдующую за ударомъ и т. д.

**) Преьеръ, стр. 553.

повтореніе полезно для укрѣпленія памяти во всякомъ возрастѣ, то оно является безусловно необходимымъ для впечатлѣній неглубокихъ, слегка касавшихся сознанія ребенка *).

Прибавимъ, что множество новыхъ впечатлѣній всякаго рода, осаждающихъ мозгъ новорожденнаго, есть, конечно, одна изъ причинъ слабости памяти. Слишкомъ много вещей сразу обременяють умъ ребенка. Его маленькая память гнется подъ массой ощущеній. Съ нимъ происходитъ то-же, что со слѣпымъ, который много забываетъ, потому что сразу долженъ былъ учиться многому.

Кромѣ того, подвижность его вниманія, похожаго, по прекрасному выраженію Фенелона, «на зажженную свѣчу, поставленную на вѣтрѣ, пламя которой постоянно колеблется»,—не даетъ отдѣльнымъ ощущеніямъ времени, чтобы окрѣпнуть. Умъ ребенка не останавливается на предметахъ: онъ идетъ, бѣжитъ непрерывно, и, перелетая съ предмета на предметъ, не можетъ удержать ни одного изъ нихъ, такъ какъ касается ихъ слегка, мимоходомъ.

Однако-же, мы еще не указали настоящей существенной причины, обуславливающей короткость памяти перваго возраста: это отсутствіе координаціи среди послѣдовательныхъ представленій. Нѣтъ того, что Льюисъ называетъ «сцѣпленіемъ, таинственнымъ союзомъ воспоминаній». «Разсѣянное сознаніе ребенка, въ непрерывномъ рядѣ ощущеній, которыя не имѣютъ никакой связи одно съ другимъ, и, которыя, будучи чужды, такъ сказать, моего я, лишены личнаго характера,—сознаніе ребенка не сосредоточивается. Внутренняя жизнь еще не организована, и эта внутренняя жизнь именно и позволяетъ взрослымъ сохранять точное и вѣрное воспоминаніе о событіяхъ, въ которыхъ они участвовали. Размышляя, углубившись въ самихъ себя, мы думаемъ снова о томъ, что мы дѣлали наканунѣ, недѣлю, мѣсяцъ тому назадъ. Фактъ, на которомъ сосредоточивается наша мысль, быть можетъ, не возобновится снова, но если не будетъ настоящаго новаторенія, мы замѣнимъ его умственнымъ. Однимъ словомъ, взрослый человѣкъ перевариваетъ свои воспоминанія, усваиваетъ ихъ. И разъ пробудилось сознаніе моего я, всякое новое приобрѣтеніе памяти занимаетъ въ сознаніи опредѣленное мѣсто рядомъ съ другими впечатлѣніями, прежде или послѣ другихъ воспоминаній; оно составляетъ часть цѣлаго; оно, такъ сказать, вѣзано и скрѣплено въ умственной постройкѣ нашей совѣсти, какъ камни въ стѣнѣ. Напротивъ, у ребенка мимолетныя впечатлѣнія, раздѣльныя и неизмѣющія связи другъ съ другомъ, подобно несцѣпляющимся пылинкамъ, не могутъ прочно укрѣпиться. Потокъ внутренней жизни еще не опредѣлился,

*) Сравните у Преера (стр. 296). «Мы никакъ не можемъ припомнить въ послѣдующіе годы жизни о прежнемъ нашемъ безсиліи держать прямо голову, садиться, стоять, ходить и т. д. Но иначе бываетъ съ тѣмъ, что приобрѣтается позднѣе. Мой сынъ, достигши 3 лѣтняго возраста подсмѣивался надъ собой, припоминая то время, когда онъ не могъ говорить, неправильно выговаривалъ, исполнялъ разные фокусы, выученные няней... Ребенокъ въ 3—4 года вспоминаетъ объ отдѣльныхъ опытахъ втораго года, но, прибавляетъ Прееръ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему чаще объ этомъ напоминали».

воспоминанія разсѣваются и испаряются подобно водамъ, которыхъ еще не соединили каналами.

Тѣ же причины, которыя объясняютъ намъ исчезновеніе для взрослого воспоминаній, относящихся до перваго періода жизни, выясняютъ намъ нѣкоторыя особенности дѣтской памяти: напримѣръ, невозможность (локализовать) опредѣлить во времени и пространствѣ даже самыя недавнія впечатлѣнія. Картина запечатлѣвается въ его воображеніи, но рамка исчезаетъ *).

Онъ отчетливо вспоминаетъ видѣнные имъ предметы, но не знаетъ, гдѣ и когда. Полная память умѣетъ опредѣлять время, къ чему ребенокъ не способенъ, такъ какъ это опредѣленіе предполагаетъ координацію воспоминаній. Кто не слышалъ, что баба разсказываетъ, какъ о вчерашнемъ событіи, о происшествіи, которому онъ былъ свидѣтелемъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Ребенокъ, позавтракавшій два или три часа назадъ, уже проситъ обѣдать, потому что не имѣетъ никакого представленія объ истекшемъ времени **).

Память ребенка по преимуществу изобрѣтательная: она еще не нашла въ идеѣ о я, въ идеѣ о времени тѣхъ солидныхъ началъ, на которыхъ зиждется обдуманная память взрослого.

Представленія ребенка въ его кажутся ему въ началѣ находящимися какъ бы на одномъ и томъ же планѣ, и онъ не можетъ съ точностью размѣстить ихъ въ пространствѣ, такъ точно и внутри и его воспоминанія и впечатлѣнія сосуществуютъ съ нимъ, такъ сказать, и онъ не въ состояніи выстроить ихъ въ прямую линію, и распредѣлить ихъ во времени. Для новорожденнаго нѣтъ глубины въ пространствѣ, нѣтъ перспективы прошедшаго, нѣтъ совсѣмъ прошедшаго. Послѣдовательно прибрѣтенные имъ образы перемѣшиваются въ смутномъ хаосѣ. Чтобы имѣть сознаніе времени и раньше, чѣмъ дойти до сознанія о его продолжительности, нужно побѣдить иллюзіи. Необходимо, чтобы образы, мало-по-малу группируются и ассоцируются въ правильномъ порядкѣ, опредѣляли бы идею я, связанную съ идеей времени, такъ точно представленія внѣшняго міра составляли бы мало-по-малу понятіе о пространствѣ, а слѣдовательно и о томъ, что не я.

Другой характеръ дѣтской памяти—это ея пассивность; она нуждается въ постоянной поддержкѣ внѣшними возбужденіями и присутствіемъ предметовъ. Дѣтскія воспоминанія не вызываются сами собой. Его маленькій умъ поглощенъ настоящимъ; онъ не много думаетъ о будущемъ и забылъ о прошедшемъ. Нельзя просить его припомнить прошедшіе мѣсяца, какъ то можно требовать отъ памяти

*) «Послѣдняя степень развитія памяти, говорятъ Роменсъ (l'Evolution и т. д. стр. 111) замѣчается тогда, когда умъ опредѣляетъ въ прошедшемъ моментъ, къ которому относится событіе, сохранившееся въ памяти»...

**) Ребенокъ, видимо, смѣшиваетъ настоящее съ прошедшимъ: мальчикъ двухъ съ половиной лѣтъ уронилъ съ балкона шаръ; онъ его нашелъ и сто разъ игралъ уже въ него, но все-таки онъ подводитъ меня къ балкону и жалобнымъ тономъ разсказываетъ, что онъ здѣсь потерялъ его. (Guyau, Education et hérédité, стр. 147).

взрослага челоуѣка. Его память похожа на животную, безъ самодѣтельности, подчиненную реальнымъ ощущеніямъ. Конечно, лошадь въ конюшнѣ не думаетъ,—если она способна думать о чемъ-нибудь,—о сдѣланномъ ею наканунѣ пути, и однако-же на другой день, если ей предстоитъ тотъ-же самый путь, она своимъ безошибочнымъ чутьемъ узнаетъ ту дорогу, по которой ей придется ѣхать.

Это возбуждающее вліяніе уже видѣнныхъ предметовъ, подтверждается извѣстными фактами, приведенными Рибо *) и которые доказываютъ, что при особенныхъ условіяхъ память первыхъ лѣтъ, повидимому, изгладившаяся, можетъ вновь оживиться при появленіи предметовъ, давно забытыхъ и удаленныхъ отъ нашихъ глазъ. Аберкромби приводитъ примѣръ одной дамы, которая уже 40 лѣтъ отъ роду поспѣтила снова ту комнату, въ которой еще ребенкомъ и не умѣя говорить въ послѣдній разъ видѣла свою умирающую мать. Дама почувствовала, что изъ глубины ея памяти поднялось воспоминаніе о тѣхъ отдаленныхъ ощущеніяхъ. «Я ясно помню, что была раньше въ этой комнатѣ; въ томъ углу лежала дама очень больная и плакала, наклонившись надо мной». Карпентеръ рассказываетъ про челоуѣка съ живымъ воображеніемъ, который 16-ти мѣсяцевъ отъ рожденія былъ въ одномъ замкѣ; онъ былъ привезенъ туда на ослѣ; послѣ долгихъ лѣтъ, пріѣхавъ въ тотъ же замокъ, онъ ясно и живо почувствовалъ, что видѣлъ его когда-то. «Ему представилось, что онъ видѣлъ подъ аркой осла, на которомъ пріѣхалъ **»»...

Возобновленіе прежнихъ впечатлѣній, даже послѣ долгаго промежутка, достаточно, чтобы въ подобныхъ случаяхъ потрясти до глубины нервныя клѣточки, возобновить въ мозгу особенныя движенія и, такимъ образомъ, вызвать къ жизни соответственныя воспоминанія, которыя были какъ-бы зарыты.

Иногда болѣзненный случай, припадокъ горячки, производитъ тоже дѣйствіе. Аберкромби приводитъ случай съ 4-хъ лѣтнимъ мальчикомъ, который вслѣдствіе перелома черепа, былъ подвергнутъ трепанаціи. Онъ не сохранилъ, повидимому, никакого воспоминанія о происшествіи, о которомъ ему никто не говорилъ. Пятнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ въ горячешномъ бреду онъ рассказывалъ матери объ операціи съ самымъ точнымъ описаніемъ всѣхъ мелкихъ подробностей.

Въ памяти есть много складокъ и тайныхъ изгибовъ. Послѣдовательныя событія жизни накопляютъ слои воспоминаній, и эта работа начинается съ дѣтства. Часто полное забвеніе покрываетъ большую часть этихъ впечатлѣній, которыя мы безсознательно носимъ въ себѣ, и которыя могутъ ожить только подъ вліяніемъ необыкновенныхъ обстоятельствъ.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что память, какъ-бы ни сглаживались результаты ея дѣйствія, никоимъ образомъ не чужда душѣ ребенка. Да какъ же можетъ быть иначе, если она развита даже у

*) Рибо, Болѣзни памяти, стр. 143.

**) Карпентеръ, основ. фізіол. ума, стр. 431.

животныхъ? По мнѣнію Эггера, «память зарождается съ перваго года для фактовъ, часто возобновляющихся, позднѣе для фактовъ случайныхъ» *). Только на пятнадцатомъ мѣсяцѣ Эггеръ замѣтилъ проявленіе памяти въ этой послѣдней формѣ: «Въ этомъ возрастѣ, Эмиль завладѣлъ игрушкой, которую онъ спряталъ подъ кресло; чрезъ четверть часа я спрашиваю у него игрушку; онъ прямо находитъ ее и подаетъ мнѣ». Мы думаемъ, однако, что воспоминаніе объ ощущеніи отдѣльномъ, даже случайномъ можетъ проявиться гораздо раньше; и самъ Эггеръ подтверждаетъ нашу мысль: шестимѣсячный Эмиль слегка обжегъ себѣ руку, прикасаясь къ горячей мискѣ: если ему даютъ ее, онъ отнимаетъ руку съ очевиднымъ намѣреніемъ избѣгнуть боли. «То же наблюдалось по отношенію къ предметамъ жесткому для осазанія, и впечатлѣніе котораго было непріятно Эмилю» **). Въ этихъ непосредственныхъ и основанныхъ на одномъ опытѣ заключеніяхъ проявляется, очевидно, сила особенныхъ воспоминаній.

Память ребенка не похожа на бочку Данаидъ, которая опорожняется по мѣрѣ наполненія. Если безъ памяти не возможенъ никакой умственный процессъ, то тѣмъ болѣе невозможно безъ нея какое практическое дѣйствіе. Въ кормленіи, играхъ, въ хожденіи нельзя обойтись безъ воспоминаній; только эти воспоминанія, немедленно утилизируемныя и достаточныя для правильнаго развитія ума и дѣятельности, не составляютъ еще прочныхъ элементовъ для личной памяти. Они составляютъ, такъ сказать, часть той безличной памяти, которая характеризуетъ ребенка нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и которой предшествовала память органическая, безсознательная. Если память въ зрѣломъ возрастѣ предполагаетъ сознаніе, если вѣрно, что мы помнимъ только то, что въ данную минуту представляется нашему уму, то за то нельзя не утверждать, что сознаніе, въ своемъ первоначальномъ развитіи происходитъ частью изъ той неясной памяти, которая является только привычкой, усвоенной нервами и мускулами. Мы уже говорили, что ребенокъ только постепенно доходитъ до сознанія въ такомъ чисто-автоматическомъ дѣйствіи, какимъ въ началѣ бываетъ сосаніе. Такой переходъ отъ безсознательнаго къ сознательному объясняется тѣмъ, что каждое повтореніе одного и того же дѣйствія оставляетъ послѣ себя осадокъ и отпечатываетъ въ нервной системѣ все болѣе и болѣе глубокіе слѣды, которые, ассоціируясь и накопляясь, готовятъ путь къ сознанію.

Память часто представляли въ формѣ привычки, и въ этомъ смыслѣ именно опредѣляется память наследственная и безличная привычка. Но тотъ фактъ, что ощущеніе, которое, повторяясь, является уже не новымъ и не чуждымъ для сознанія, словомъ, фактъ «признаванія» — вотъ что отличаетъ память сознательную и личную въ ея дальнѣйшемъ развитіи...

Мы не будемъ стараться приписывать объясненіе «узнаванію», такъ какъ это одинъ изъ фактовъ, неподдающихся анализу. Но мы

*) Эггеръ—стр. 11.

**) Тамъ же, стр. 10.

можемъ утверждать, что ребенокъ, благодаря опыту, скоро узнаетъ ощущенія, напримѣръ, особенный вкусъ молока, которымъ онъ пьетъ. Послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ дѣйствій сосанія, грудной ребенокъ, очевидно, помнитъ вкусъ молока и замѣтитъ перемену, если таковая произойдетъ. Ребенка, не попробовавшаго молока матери или кормилицы, гораздо легче выкормить искусственно на рожкѣ.

Въ первомъ періодѣ развитія памяти есть только повторяющіяся ощущенія, которыя, въ силу таинственнаго дара, узнаютъ другъ друга или же замѣчаютъ различія, если таковыя окажутся. Не можетъ быть и рѣчи о вмѣшательствѣ разума, который опредѣлилъ бы ихъ сходство и различіе. Этотъ разумъ еще не сформированъ, а слѣдовательно нѣтъ и настоящей памяти, пробуждающейся въ промежуткахъ между ощущеніями, и стремящейся въ силу ассоціаціи идей къ соединенію и восстановленію тѣхъ воспоминаній, между которыми она уловила сходство. «Тогда, какъ весьма вѣрно замѣчаетъ Роменсъ, является не только воспоминаніе о минувшемъ ощущеніи, (которое спитъ, пока его не пробудитъ другое подобное же ощущеніе или совершенно различное), но есть воспоминаніе по крайней мѣрѣ о двухъ вещахъ и воспоминаніе объ отношеніи, которое было уже ранѣе подмѣчено между ними. Но для достиженія этого необходимо, помимо естественнаго прогресса ума,—того, что англійскіе психологи называютъ «идеаціей» необходимо еще одно существенное условіе—это приобрѣтеніе рѣчи. Если дѣйствительно слова необходимы для образованія общихъ идей, то они также необходимы, чтобы точно опредѣлить и продолжить воспоминанія о самихъ представленіяхъ. Изъ всѣхъ причинъ, изложенныхъ нами для объясненія слабости памяти въ первые мѣсяцы, отсутствіе языка, безъ сомнѣнія, составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ.

2.

До сихъ поръ мы говорили о приговорительномъ періодѣ развитія мнемоники, когда дѣйствуютъ ошущью, наугадъ,—періодѣ быстрыхъ исчезаній, когда память какъ бы спотыкается на каждомъ шагу, работая изо дня въ день, не имѣетъ твердости и выдержки, и на нее находятъ минуты оцѣпленія. Напримѣръ, ребенокъ, которому удалось очень рано произнести столь желанный слогъ *na*, не можетъ повторить его опять и забываетъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Эти первые факты развитія памяти далеко не безразличны для ея будущаго усовершенствованія. Способность узнавать людей и предметы уже составляетъ нѣчто *). Даже языкъ, какъ условіе дальнѣйшаго и окончательнаго прогресса памяти, приобрѣтается съ помощью той же нарождающейся дѣтской памяти.

Несомнѣнно, память въ собственномъ смыслѣ слова появляется только тогда, когда ребенокъ начинаетъ говорить. Тогда, дѣйствительно, онъ не только приобрѣтаетъ минимумъ маленькихъ необходимыхъ зна-

*) «До двухъ лѣтъ ребенокъ ясно помнитъ вещи, обиходныя съ его точки зрѣнія: кнутъ, лошадка, кошечка, собачка, игрушка, ласка, поцѣлуй и т. д.

ній, но и въ состоянїи запомнить, что ему рассказываютъ, интересоваться рассказами, и, наконецъ, прїобрѣтать идеи, не подтвержденныя его опытами.

Прославленіе дѣтской памяти, особенно ея удивительной легкости усвоенія—сдѣлалось почти общимъ мѣстомъ. «Наблюдайте внимательно за ребенкомъ, и вы откроете въ немъ поразительную способность воспрїятія и усвоенія, которыя не встрѣчаются ни въ какомъ другомъ возрастѣ... Умъ ребенка подобенъ втягивающей воду губкѣ. И это понятно. Въ этой способности поглощенія лежатъ причины физиологическія. Прежде всего слѣдуетъ указать на состояніе мозга». У маленькихъ дѣтей, говоритъ Льюисъ, мозговые клѣточки гибки и дѣвственны». Кромѣ того, мозговое вещество находится въ постоянной работѣ на пути къ органическому развитію; новые элементы непрерывно прибавляются къ старымъ. Позднѣе мозговое вещество лишается прежней гибкости и пластичности; наступаетъ періодъ утомленія и насыщенности. Мозгъ останавливается въ своемъ ростѣ и не открываетъ больше новыхъ клѣтокъ. Мы видимъ теперь, какія благоприятныя условія для развитія памяти представляетъ мозгъ въ дѣтствѣ. Тогда мозгъ по своей свѣжести и воспримчивости похожъ на очень чувствительную фотографическую пластинку, принимающую всѣ мельчайшіе оттѣнки предметовъ; это такой моментъ, когда, такъ сказать, домъ еще не отстроенъ, одинъ этажъ взводятъ на другой, и, такимъ образомъ, всегда есть мѣсто для новыхъ прибавленій.

Но и психологическія причины неменѣе ясны. Въ зрѣломъ возрастѣ накопленію воспоминаній мѣшаютъ, во-первыхъ, личное размышленіе, внутренняя работа, а также страсти, которыя отвлекаютъ насъ отъ наблюденій надъ предметами. Сосредоточенный въ самомъ себѣ, находя въ своей мысли необходимый матеріаль для духовной жизни, взрослый человѣкъ и даже юноша не такими глазами смотрятъ на вишній міръ, какъ ребенокъ. Съ другой стороны, загроможденная воспоминаніями память взрослого менѣе гибка, менѣе подвижна. Засоренъ путь къ новымъ прїобрѣтеніямъ. Мѣсто занято: новое воспоминаніе, чтобы укрѣпилось въ умѣ, должно смѣстить старое. Если есть предѣлъ возможнымъ прїобрѣтеніямъ памяти, то естественно, что прїобрѣтенія эти наиболѣе легки въ этомъ возрастѣ, когда мозгъ дальше всего отъ этого предѣла.

Новое прїобрѣтеніе часто тревожитъ у взрослого предразсудки и предвзятія вѣрованія. Мы относимся не съ полнымъ вниманіемъ къ идеямъ, впервые представившимся намъ: нѣчто въ родѣ инстинктивнаго отвращенія отдаляетъ насъ отъ нихъ. Мы далеки отъ того состоянія наивной искренности, съ какой умъ нашъ принимаетъ все, увлекается всѣмъ. Сила вниманія въ 15 лѣтъ больше, нежели въ 10; въ 10 лѣтъ больше, чѣмъ въ четыре или пять лѣтъ; съ возрастомъ укрѣпляются и улучшаются условія для прїобрѣтенія воспоминаній. Но не нужно забывать, что недостатки вниманія у ребенка замѣняются драгоценными качествами: вниманіе его длится, правда, недолго, но всегда въ движеніи; оно пытлиное и всегда настрожѣ къ новымъ впечатлѣніямъ.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что ребенокъ, который все видитъ, слышитъ, схватываетъ предметы во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, можетъ быстро пріобрѣтать массу воспоминаній. 4-хъ съ половиной лѣтъ Жоржъ рассказываетъ мнѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ видѣлъ рисунокъ, изображающій упражненіе на конькахъ; ничто не ускользнуло отъ его вниманія, даже собачка, фигурировавшая на снѣгу, онъ помнилъ даже число дамъ и мужчинъ, прогуливавшихся въ саяхъ... Вотъ чѣмъ объясняется невыносимая порой болтовня ребенка, который не забываетъ ни малѣйшей бездѣлицы и рассказываетъ все какъ важное, такъ и второстепенное. Если вѣрно, что забвеніе, по мнѣнію Рибо, есть условіе памяти, и что упражненіе ея было-бы невозможно, если для того, чтобы воспроизвести какое-нибудь отдаленное воспоминаніе, нужно было-бы пройти пѣлый рядъ степеней, насъ отдѣляющихъ отъ нихъ, то именно этого условія—забвенія и не достаётъ памяти ребенка, который, зная немного, не умѣетъ забывать ничего.

Ребенокъ не забываетъ ничего изъ того, что недавно выучилъ, особенно того, что его живо тронуло. Память такъ-же, какъ и вниманіе, воображеніе и разныя другія способности, или формы разума, зависятъ частію отъ чувствительности. Вотъ почему воспоминанія дѣтства, я говорю о тѣхъ, которыя начинаются съ четвертаго или пятаго года, такъ особенно живучи и сопровождаютъ насъ всю жизнь. Безъ сомнѣнія, они имѣютъ надъ болѣе поздними воспоминаніями преимущественное первенство. Воспоминаніе, пріобрѣтенное въ первые годы, имѣетъ болѣе шансовъ для укрѣпленія въ умѣ, чѣмъ всякое другое. Но ощущеніе, особенно поразившее ребенка въ то время, когда всѣ его впечатлѣнія новѣе, много способствуетъ прочности его первыхъ воспоминаній. Этимъ объясняется та прелесть воспоминаній о событіяхъ и ощущеніяхъ дѣтства особенно въ зрѣломъ возрастѣ, когда приближающаяся старость, какъ-бы темнымъ покровомъ ночи, закрываетъ все отъ насъ: вспоминается намъ и отрывокъ пѣсни, которую напѣвала мать,—пѣсни, мотивъ которой какъ-бы раздаётся въ ухахъ, и уголокъ роднаго пейзажа, озареннаго яркимъ солнцемъ, такъ ослѣпляющимъ глаза ребенка.

Изученіе душевныхъ болѣзней и потери памяти лучше всего указываютъ на глубину и стойкую жизненную силу воспоминаній юнаго возраста. Огромное число наблюденій устанавливаетъ тотъ фактъ, что въ ненормальныхъ состояніяхъ, обусловливающихъ прогрессивное расстройство памяти, воспоминанія дѣтства исчезаютъ послѣдними. Они образуютъ первый слой, сопротивляющійся и живучій, который уже послѣ всего захватывается болѣзнію. «Клянясь къ упадку, память, по мнѣнію Льюиса, теряетъ свои воспоминанія въ точно такомъ-же хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ она ихъ пріобрѣла».

Но и нормальный человекъ, здоровый тѣломъ и умомъ, скорѣй всего можетъ воспроизвести въ своемъ сознаніи воспоминанія ранняго возраста. «По мѣрѣ того, какъ я стараюсь, говорилъ Руссо, я чувствую, какъ возрождаются мои дѣтскія воспоминанія, а другія ускользаютъ отъ меня». Конечно, и воображеніе играетъ роль во

взглядѣ старика на его прошлое, а съ воображеніемъ, извѣстный эгоизмъ, и личная нѣжность къ тому возрасту, когда мы были молоды и сильны. Сомнѣваюсь, чтобы всѣ воспоминанія дѣтства у знаменитыхъ писателей были точны и вѣрны. Въ этихъ разсказахъ они уступаютъ желанію прослыть маленькимъ чудомъ и приписать своему дѣтству мысли и чувства великихъ людей. Они уступаютъ естественной склонности воображенія преобразовать и украсить все, что далеко отъ насъ.

Всякій наблюдатель, пишетъ Донданъ, что воспоминанія дѣтства и юности, по мѣрѣ приближенія къ старости, принимаютъ характеръ чего-то идеальнаго... Наши тогдашнія впечатлѣнія, вызываемыя часто маловажными предметами, отличались необыкновенной живостью, но изъ отдаленной перспективы жизни, возвращаясь къ давноминувшему времени, мы увеличиваемъ предметы соразмѣрно съ тѣми впечатлѣніями, о которыхъ мы сохранили воспоминаніе... Мы представляемъ себѣ чудесное зрѣлище объ исчезнувшихъ дняхъ, чтобы привести ихъ въ соотношеніе съ глубиною волновавшихъ насъ тогда чувствъ. И блескъ солнца и природы волновали тогда безумною радостью весну нашей жизни, и, мысленно возвращаясь къ этимъ днямъ, мы видимъ и небо яснѣе и природу величественнѣе, чѣмъ это казалось намъ раньше.

Мы всѣ испытали эти иллюзіи памяти, превращающія и идеализирующія предметы на извѣстномъ разстояніи. Лица, которыя мы знали въ нашемъ дѣтствѣ, представляются нами тѣнями; неясный паръ заволакиваетъ ихъ контуры.

Но, однако-же, проникая въ воспоминанія четвертаго и пятаго года, дѣлая усилія надъ мыслью, можно найти нѣчто болѣе смутныхъ впечатлѣній и припомнить обстоятельства очень ясныя и точныя. Если память въ самомъ дѣлѣ особенно сильна при пробужденіи и послѣ обѣда (обѣда, разумѣется, умѣреннаго), когда физическія силы освѣжены сномъ или пищею, то естественно, что на зарѣ жизни, когда душа проснется впервые во всей своей юности и свѣжести, способность воспоминанія развивается съ необыкновенною силой. Мы не согласны съ мнѣніемъ тѣхъ, которые, подобно Эггеру, утверждаютъ, что ребенокъ удерживаетъ только «впечатлѣнія», а не «точныя наблюденія» *).

Напротивъ, опытъ показываетъ, что у ребенка очень развито замѣчаніе въ собственномъ смыслѣ слова, то есть точное представленіе о свойствахъ предметовъ и ихъ знакахъ. Жоржъ въ 4 года считаетъ съ удивительной легкостью; онъ, не колеблясь, называетъ число до тысячи и дальше. «Въ пять съ половиной лѣтъ Эмиль, говоритъ самъ Эггеръ, больше всего интересуется цифрами и легче всего заучиваетъ ихъ». Сошлемся также на замѣчательную легкость, съ которой ребенокъ выучивается азбукѣ. И наконецъ, такое быстрое пріобрѣтеніе словъ рѣшительно указываетъ на то, что память ребенка способна воспринимать и не одни впечатлѣнія.

*) М. Egger, стр. 36.

Дѣтская память буквальная и механическая, и въ этомъ ея главный недостатокъ *). Она есть не болѣе, какъ точное воспроизведеніе образовъ, полученныхъ чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ.

Память словъ, имѣющая такое важное значеніе для всякаго возраста, является преобладающей у ребенка. Требовать отъ него припоминанія впечатлѣній, значило-бы предполагать въ немъ сумму внутреннихъ чувствъ, которыхъ у него еще быть не можетъ. Онъ не способенъ также вспоминать отвлеченныя и общія идеи, которыхъ онъ не понимаетъ и сохраняетъ лишь одно устное ихъ выраженіе. Отсюда его нетерпѣніе, если перемѣняютъ хоть одно слово въ знакомомъ ему разсказѣ, который онъ слышитъ въ десятый разъ. Онъ останавливаетъ разсказчика при малѣйшемъ измѣненіи текста, который является для него какъ-бы священнымъ, при малѣйшей поправкѣ онъ кричитъ: «Не такъ!» и требуетъ текстъ. Було разсказывали исторію Іоны: «Іона былъ хорошій человекъ...»—«Ахъ, нѣтъ, возразилъ Будо, это начинается такъ: Былъ однажды ..»

Дѣтская память имѣетъ всѣ недостатки, какъ зависящіе отъ слабости сужденія и рассужденія, такъ и во всякомъ случаѣ отъ обладанія автоматическихъ способностей надъ размышленіемъ.

Она имѣетъ сходство съ памятью людей обиженныхъ природой и обреченныхъ идиотизму, и часто переживаетъ разрушеніе всѣхъ прочихъ умственныхъ способностей: «Память идиотовъ, говоритъ д-ръ Соллье, часто очень развита, но при внимательномъ наблюденіи замѣчаешь, что они всегда передаютъ факты въ томъ порядкѣ, въ которомъ они или заучили, и не понимаютъ ихъ смысла. Малѣйшее нарушеніе порядка ихъ разсказа, малѣйшій перерывъ ихъ останавливаетъ... Это уже чистый автоматизмъ. Сколько-бы разъ ни заставляли ихъ повторить разсказъ, они одинаково будутъ передавать его. Если они выучили дни недѣли, на примѣръ, съ четверга, то уже будутъ не въ состояніи перечислить ихъ съ понедѣльника **).

Изъ всѣхъ умственныхъ способностей, память больше всего зависитъ отъ организма и для каждаго индивида она представляетъ много различій какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ.

Впрочемъ не только у человека наблюдаются поразительныя различія въ памяти. Сэръ Джонъ Леббокъ разсказываетъ, что онъ наблюдалъ у пчелъ: «Нѣкоторые изъ пчелъ научились входить въ улей чрезъ маленькое отверстіе въ нѣсколько уроковъ, другія достигали этого съ трудомъ. Одну пчелу я выучилъ входить въ отверстіе по нѣскольку разъ въ теченіе 10 дней, но она никогда не могла найти дверцу и т. д. ***) Тоже самое и у дѣтей.

*) Эта страсть къ буквальной точности, дѣлающая изъ памяти ребенка нѣчто вроде клише, замѣчается только въ началѣ. Напротивъ, къ 5—6 годамъ, ребенокъ, одаренный небольшимъ воображеніемъ, любитъ пополнять разсказъ своими поправками и дополненіями. Эггеръ замѣтилъ это (см. выше, стр. 89) и въ этомъ незначительномъ фактѣ онъ усматриваетъ объясненіе происхожденія легенды, всякій новый разсказчикъ, измѣняя текстъ, безсознательно замѣняетъ истину вымыслами.

***) Д-ръ Соллье, стр. 225.

***) Приведено Роменсомъ, въ его *l'Intelligence des animaux*, т. I, стр. 142.

Какое разнообразіе природныхъ наклонностейъ проявляется и въ легкости заучиванія и прочности памяти! Какія неровности въ различныхъ формахъ памяти даже у одного и того-же ребенка! Память, дѣйствительно, способноеть недѣлимая, она заключаетъ въ себѣ различные свойства, соотвѣтствующія или каждому изъ пяти чувствъ, или различнымъ умственнымъ процессамъ. Видовъ памяти больше чѣмъ внѣшнихъ чувствъ, потому что можно съ точностью припомнить формы и быть нечувствительнымъ къ цвѣтамъ.

Но память разнообразится въ своихъ видахъ и въ степени проявленія, а также она присуща хотя и въ различной мѣрѣ всякаго рода умственнымъ способностямъ.

Она, такъ сказать, есть первое условіе всякаго пониманія, всякаго развитія ума. Послѣдовательныя представленія приобрѣтаютъ важное значеніе по столько, по сколько сохраняеть ихъ память и дѣлаеть возможнымъ сравненіе между ними и слѣдующими за ними новыми представленіями. Вопросъ въ томъ, составляетъ-ли представленіе, какъ первоначальный, основной фактъ, проявленіе умственной дѣятельности въ высокомъ смыслѣ слова. Мы серьезно склонны отвѣтить на это отрицательно. Навязанное нѣкоторымъ образомъ внѣшней средой хотя представленіе и сознательно, но оно не выражаетъ еще умственной дѣятельности.

Но совсѣмъ иначе бываетъ, когда, благодаря памяти, можетъ возникнуть сравненіе прошедшаго съ настоящимъ. Тогда изъ сближенія двухъ психическихъ фактовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не имѣлъ-бы никакого значенія для развитія ума, проявляется, собственно говоря, первый актъ умственной жизни, сужденіе по сравненіи, первое кольцо той цѣли, звенья которой, непрерывно накаплиаясь, образуютъ человѣческой умъ.

Глава VII.

Различные виды воображенія.

Воспріятія впечатлѣнія (перцепція), память, воображеніе.—Воображеніе воспріязводительное и активное.—Особенный характеръ образовъ.—Даже репродуктивное воображеніе неполнѣ пассивно.—Трудность подмѣтить у маленькаго ребенка первые признаки воображенія.—Сны.—Роль воображенія въ истолкованіи рисунковъ.—Воображеніе у ребенка, начинающаго говорить или понимать чужую рѣчь.—Сказки.—Какимъ образомъ ребенокъ, въ свою очередь, становится рассказчикомъ.—Воображеніе творческое.—Сходство умственнаго состоянія ребенка съ мифологическимъ періодомъ первобытныхъ народовъ.—Ребенокъ одушевляетъ, олицетворяетъ неодушевленные предметы.—Различные виды этой наклонности.—Ребенокъ и самъ не вполне вѣритъ своимъ выдуманнымъ рассказамъ.—Вымыслы его часто составляютъ только игру.—Поэтический инстинктъ ребенка проявляется въ драматической формѣ.—Творческое воображеніе ребенка не нуждается въ матеріальной подкладкѣ и часто обходится безъ нея.—Чувство изящнаго.—Оно не существуетъ у ребенка.—Почему воображеніе ребенка склонно къ преувеличенію размѣра вещей?—Причины дѣятельности воображенія у ребенка.

Представленіе, память, воображеніе—вотъ три точки, три послѣдовательные и соотносительные момента умственнаго развитія. Ребенокъ помнить только въ предѣлахъ познанаго имъ, для дѣйствія способности памяти нужно, чтобы способность пониманія приобрѣла нѣкоторую силу. Воображеніе, въ свою очередь, предполагаетъ память. Образы выдѣляются изъ точныхъ и ясныхъ воспоминаній. Впрочемъ, въ самомъ воображеніи слѣдуетъ различать двѣ послѣдовательныя степени, связанныя одна съ другой: во-первыхъ, простое представленіе уже видѣнныхъ и познанныхъ предметовъ; во-вторыхъ, сочетаніе, болѣе или менѣе оригинальное, новыхъ образовъ, не точно соответствующихъ дѣйствительности. Чтобы умъ могъ выполнить эту работу комбинаціи, творчества, активнаго воображенія, онъ долженъ, очевидно, располагать большимъ количествомъ чувственныхъ представленій.

Въ первую-же зиму въ своей жизни ребенокъ уже видѣлъ снѣгъ; конечно, какъ только снѣгъ исчезъ, онъ уже объ немъ не думаетъ. Но когда зима возвращается, а съ нею и снѣгъ, онъ узнаетъ эти бѣлые хлопья, которые уже вторично поражаютъ его взглядъ; является память, и, если онъ уже знаетъ это слово «снѣгъ», то каждый разъ, какъ оно будетъ произнесено въ его присутствіи, онъ вспомнитъ снѣгъ, видѣнный имъ въ садахъ, на улицѣ, въ полѣ. И отъ повторяемости этого воспоминанія мало-по-малу выяснится самый образъ снѣга,—этой бѣлой и холодной массы, ковромъ покрывающей всю землю. Съ другой стороны, ребенокъ видѣлъ горы,—онъ сохраняетъ

ихъ образъ и воспоминаніе о нихъ; когда-же позднѣе въ его присутствіи станутъ говорить о снѣговыхъ горахъ, то отчетливыя представленія, различныя образы, уже составившіеся въ его умѣ, соединятся въ одно и дадутъ, первымъ усиленіемъ творческаго воображенія, почти полное понятіе объ этомъ скопленіи обледенѣлаго снѣга полярнаго полюса, котораго онъ никогда не видѣлъ, и, вѣроятно, никогда не увидитъ. Если-же мы пойдемъ по этому пути нѣсколько дальше, то наступитъ моментъ, когда ребенокъ, съ помощью творческаго воображенія, не только представитъ себѣ снѣговую гору, ледникъ, но, соединяя съ этимъ единичнымъ представленіемъ другія, полученныя путемъ личнаго опыта (испытанный холодъ, паденіе на скользкой поверхности), вызоветъ въ своихъ мечтахъ представленіе о страданіяхъ и опасностяхъ, которымъ подвергаются моряки, затерявшіеся въ полярныхъ пустыняхъ.

Иначе говоря, если повторяемость представленій создаетъ воспоминаніе, то отъ повторяемости воспоминаній въ свою очередь создается образъ. Воображеніе отличается отъ памяти не только большей живостью образовъ, болѣе отчетливымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, наконецъ, — болѣе живописностью. Оно особенно создаетъ въ душѣ чисто умственный образъ, независимый отъ предметовъ, идеальный рисунокъ, внутреннее представленіе видѣнныхъ или испытанныхъ вещей, — однимъ словомъ, оно стремится создать концепцію единственно только усилями ума. У маленькаго ребенка, какъ мы видѣли, память упражняется только тогда, когда передъ нимъ вновь появляются предметы, уже видѣнные имъ раньше. Воспоминаніе не есть еще, какъ это будетъ впоследствии, только умственное воспроизведеніе, которое можетъ появляться даже въ отсутствіи самихъ предметовъ. Необходимо извѣстное время, чтобы изъ этихъ проявленій памяти, возобновляющихся каждый разъ, какъ только одинъ и тотъ-же предметъ или лицо вновь попадаютъ на глаза, вполне субъективное представленіе видѣлось, укрѣпилось въ умѣ и стало-бы образомъ: образъ, то есть составныя части этого внутренняго музея, который всякій человекъ съ воображеніемъ носить самъ въ себѣ, можетъ его созерцать, даже съ закрытыми глазами, такъ какъ онъ *«носитъ ихъ въ глазахъ»* in oculis fert, какъ говорила латиня, когда хотѣли выразить, что думаютъ о любимой особѣ.

Воспроизводительное воображеніе само по себѣ не представляетъ явленія вполне пассивнаго. Ассимилировать образы со слѣдами шаговъ на выбучемъ пескѣ, или съ буквами, награвированными на листѣ бумаги печатной машиной, значило-бы дѣлать совершенно аналогичное сравненіе: полная ассимиляція была-бы совершенно ошибочна. Активная душа сказывается уже даже въ явленіяхъ и внѣшнихъ образахъ, полученныхъ ею, повидимому, пассивно, подобно мягкому воску. Одно дѣло — отпечатокъ, другое дѣло — впечатлѣніе; образъ, въ свою очередь, резюмируетъ и стущаетъ въ себѣ массу впечатлѣній. Напрасно, слѣдовательно, говорятъ о воображеніи и отвлеченіи (абстракціи), какъ о двухъ враждебныхъ и соперничающихъ между собою силахъ. Правду говоря, въ воображеніи есть уже начало отвле-

ченія; и дѣйствительно, въ картинѣ заключается не весь предметъ,— она есть только ракурсивъ, въ нѣкоторомъ родѣ абстракція, такъ какъ умъ сохраняетъ въ ней изъ числа различныхъ послѣдовательныхъ понятій только известное количество свойствъ, общихъ всѣмъ этимъ понятіямъ *). Нѣтъ ни одного случая репродуктивнаго (воспроизводительнаго) воображенія, который-бы былъ точнымъ воспроизведеніемъ: мы всегда что-нибудь измѣняемъ, пропускаемъ, дополняемъ въ образахъ предметовъ, и вымыселъ, личная конструкція является уже даже въ первыхъ опытахъ воспроизводительнаго воображенія, хотя наша воля еще и не участвуетъ въ этихъ измѣненіяхъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, мы заключаемъ, что воображеніе, хотя оно и сильно у ребенка, какъ это всѣ утверждаютъ, является однако, даже въ своей простѣйшей формѣ, не такъ рано, какъ кажется. Если-бы можно было вскрыть мозгъ новорожденнаго къ пяти или шести мѣсяцамъ и прочесть въ немъ то, чего его собственное сознание еще не можетъ разобрать, мы не увидѣли-бы въ немъ, пожалуй, начертаній тѣхъ фотографій, которыя называются образами. Для того, чтобы воображеніе, даже исключительно воспроизводительное, пришло въ дѣйствіе, нужно, чтобы внутреннія душевныя силы, или,—переводя ту-же мысль на физиологическій языкъ,—нужно, чтобы мозговые центры достигали той степени развитія, до которой еще далеко ребенку этого возраста. Хотя воображеніе, въ своихъ первыхъ проявленіяхъ, представляетъ только копію, снимокъ чувственныхъ предметовъ, но это превращеніе, создающее духовный, идеальный міръ наряду съ міромъ реальнымъ, не есть дѣло одного дня.

Не станемъ-же искать у крошечнаго ребенка примѣровъ воображенія. Пока онъ не говоритъ, очень трудно проникнуть въ его еще нѣмую душу, чтобы подмѣтить въ ней зачатки воображенія. Новорожденный имѣетъ возможность показать, что онъ уже понимаетъ и помнитъ, но насколько эти понятія и воспоминанія происходятъ отъ работъ воображенія,—этого мы угадать не можемъ.

Можетъ-быть, во снѣ, при появленіи сновидѣній, ребенокъ яснѣе проявитъ дѣятельность своего нарождающагося воображенія?.. Неоспоримо, не смотря на всю туманность этого вопроса, что у ребенка очень рано появляются сновидѣнія **), однако доказать это невозможно. Эггеръ справедливо замѣчаетъ, что, «хотя ребенокъ видитъ сны раньше, чѣмъ можетъ удостовѣрить это свдѣмъ рассказомъ, но никогда нельзя сказать съ точностью, когда именно впервые происхо-

*) Воображеніе и память это не одно и то-же. Въ моемъ умѣ существуетъ идея о горѣ, которую я ежедневно вижу изъ окна, когда провожу дѣто въ Пиринейяхъ: частное явленіе памяти; всѣ подробности запечатлѣлись въ моемъ сознаніи: большія зеленыя деревья, луга, освѣщенные восходящимъ солнцемъ, форма и очертанія вершинъ... Но вообразить себѣ гору—дѣло другого рода: это значило-бы совокупностью воспоминаній представить себѣ идеальную гору, идеальную не потому, что она прекраснѣе дѣйствительности, но потому, что она есть *идея*, различная отъ подготовившихъ ее понятій.

**) На четвертомъ мѣсяцѣ сынъ Тидемана, *дѣлалъ во снѣ движеніе губами, точно онъ сосалъ.*

дить это явленіе». За отсутствіемъ свидѣтельства самого ребенка, приходится довольствоваться внѣшними признаками, которые показываютъ у спящаго ребенка внутреннюю его ажитацію. Вотъ фактъ, рассказанный Эггеромъ: «Я видѣлъ, какъ ребенокъ, начиная со второго года жизни, просыпался внезапно, съ криками, вызванными, безъ сомнѣнія, какимъ-нибудь тягостнымъ видѣніемъ. Точно также девяти-мѣсячный ребенокъ, насосавшись и заснувъ на колѣняхъ своей матери, возобновляетъ движенія и подпрыгиванія, которыя сейчасъ только производилъ; очевидно, онъ видитъ во снѣ, что сосетъ и собираетъ сосать. Позднѣе ребенокъ будетъ видѣть во снѣ свои игры; онъ станетъ смѣяться и улыбаться во снѣ. Или-же онъ будетъ стонать, если станетъ испытывать какой-нибудь воображаемый страхъ. Аргіогі, можно было-бы заключить, по аналогіи съ тѣмъ, что происходитъ у животныхъ, что маленькій ребенокъ можетъ видѣть сны. Лукрецій уже замѣтилъ, что собаки видятъ сны: «Собаки въ глубокомъ снѣ внезапно разбрасываютъ ноги; громко и радостно лаютъ; онѣ сжимаютъ и раздуваютъ ноздри, точно обоняніемъ почуяли какой-нибудь слѣдъ» *)...

Однако Тидеманъ противоположнаго мнѣнія: «Маленькія дѣти, говоритъ онъ, дѣлаютъ движенія во снѣ, издаютъ звуки, точно имъ что-нибудь грезится, хотя, вѣроятно, имъ не снится ничего; они просто шевелятся, вслѣдствіе простой раздражаемости своего тѣла... Кормилицы, матери обыкновенно видятъ въ этомъ сновидѣнія; но онѣ не различаютъ тутъ механической стороны отъ душевнаго движенія; онѣ смѣшиваютъ явленія чисто органическія съ психическими, проявляющимися обыкновенно только у взрослого»...

Есть кое-что справедливаго въ разумныхъ замѣчаніяхъ Тидемана и не слѣдуетъ слишкомъ торопиться видѣть доказательства памяти или воображенія во всѣхъ движеніяхъ спящаго ребенка. Смутныя ощущенія, не вполне изглаживаемыя сномъ, какъ, напр., недомоганія, вызванныя или неудобнымъ положеніемъ или внутреннею болью, часто объясняютъ эти внѣшніе признаки сновидѣній.

Но вернемся къ жизни наяву. Было-бы преувеличеніемъ утверждать, что ребенокъ проявляетъ воображеніе только тогда, когда выучится говорить. Когда онъ плачетъ, призываетъ мать или оставившую его кормилицу, то не вѣроятно-ли, что онъ можетъ уже себѣ представить отсутствующія лица? Когда, при видѣ приготовленій своей няни къ прогулкѣ, онъ выказываетъ нетерпѣніе скорѣе отправиться, не вѣроятно-ли, что онъ уже возбужденъ смутнымъ представленіемъ о предыдущихъ прогулкахъ и объ испытанныхъ при этомъ удовольствіяхъ?

Умѣніе узнавать предметы по рисунку или картинѣ есть уже начало воображенія: между тѣмъ ребенокъ несомнѣнно можетъ объяснить

*) Lucrèce, de Natura rerum, I. IV, перев. Andre Lefevre. По вопросу о снахъ у животныхъ современные наблюдатели высказываются вполне утвердительно. Роменсъ (Evolution, p. 141). Не только собака, но даже и лошадь видитъ сны, что доказывается ея вздрагиваньемъ во снѣ. «У скаковой лошади сонъ, вѣроятно, относится къ воображаемому бѣгу, подобно тому, какъ у охотничьей собаки къ преслѣдованію и воображаемой охотѣ».

и оцѣнить картинки, показанныя ему въ книжкѣ. «Я видѣла, говоритъ М-ше Некеръ-де-Сосюръ, какъ одиннадцатимѣсячный ребенокъ узналъ на гравюрѣ очень маленькую собачку. Послѣ года всѣ они забавляются эстампами. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что разсматриваніе картинокъ на бумагѣ или полотнѣ очень содѣйствуетъ развитію воображенія у дѣтей. Изображеніе карандашомъ или кистью представляетъ въ сущности уменьшенную дѣйствительность; слѣдовательно, оно помогаетъ аналогичной работѣ, которую совершаетъ умъ, чтобы перейти отъ познанія реальныхъ предметовъ къ созданію умственного образа.

Когда-же ребенокъ начинаетъ говорить, когда понимаетъ уже смыслъ словъ, тогда наконецъ дѣятельность воображенія проявляется совершенно очевидными знаками. Оно проявляется, напримѣръ, въ томъ интересѣ, съ которымъ ребенокъ слушаетъ сказки. «Удовольствіе, доставляемое ребенку самыми простыми разсказами, зависитъ отъ живости его воображенія. Вызванныя такимъ образомъ картины въ его внутреннемъ сознаніи, можетъ быть, болѣе блестящи и ярки, чѣмъ реальныя предметы. Разсказъ производитъ на нихъ дѣйствіе волшебнаго фонаря. (М-ше Некеръ-де-Сосюръ)». Это, можетъ-быть, нѣсколько сильно сказано. Мы не рѣшаемся никакъ вѣрить, что воспроизводительное воображеніе обладаетъ уже у дѣтей такимъ-же могуществомъ колорита, тою-же интенсивностью духовнаго зрѣнія, которая присущи только поэтамъ и художникамъ. Въ томъ очарованіи, которое сказки производятъ на вниманіе ребенка, играетъ большую роль удовлетворенное любопытство и притягательная сила неизвѣстнаго. Если уже въ зрѣломъ возрастѣ мы находимъ такое живое наслажденіе проникнуть въ новыя идеи, представляющіяся впервые нашему уму, то какъ съ точностью измѣрить, въ какой степени доставляетъ удовольствіе новый разсказъ ребенку, для котораго все ново? Замѣйте при этомъ, что ребенокъ любитъ особенно разсказы о немъ самомъ, напоминающіе ему личныя впечатлѣнія его собственной жизни, а это тоже доказываетъ относительную слабость воображенія и, во всякомъ случаѣ, его ограниченныя предѣлы. И еще замѣйте, что, когда ему повторяютъ, даже въ десятый разъ, уже знакомую сказку, онъ требуетъ ее точную, въ неизмѣнной редакціи, точно его воображенію, еще хрупкому и слабому, необходимо нѣсколько приемовъ, чтобы углубиться даже въ самыхъ простыхъ и доступныхъ ему сказкахъ, въ смыслъ того, что онъ заставляеть повторять себѣ съ такой ненасытной жадностью.

Не одно только воспроизводительное воображеніе способствуетъ мыслительной работѣ, совершающейся въ умѣ ребенка, когда онъ точно прикованъ къ губамъ разсказчика. Ему необходимо уже маленькое усиліе творческаго воображенія, чтобы понять, даже въ самыхъ привычныхъ разсказахъ, выраженія, не точно соответствующія его опыту: напр. «пустыня», «океанъ». Эпитеты, сопровождающіе эти слова, объясненія, данныя ему по этому поводу, напр., «пустыня есть ровная, голая, песчанная страна; океанъ есть обширное пространство воды», все это, чтобы быть понятнымъ, предполагаетъ въ ребенкѣ способность комбинировать, обобщать различныя единичныя образы, обо-

значенные этими терминами, чтобы, наконец, хотя бы кое-какъ, составить приблизительное представление о пустынь или океанъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ.

Дѣятельность воображенія, такъ сказать, внушена внѣшнимъ раздраженіемъ при выслушиваніи разсказа, а позднѣе личнымъ чтеніемъ ребенка. Но и само собой воображеніе можетъ также довольно рано проявить свою дѣятельность. Когда ребенокъ въ свою очередь дѣлается разсказчикомъ, то чувствуется по точности его описаній, по опредѣленности нагроможденныхъ деталей, что онъ умственно созерцаетъ то, что описываетъ. Очевидно, что къ двумъ и тремъ годамъ ребенокъ думаетъ преимущественно образами. Ему незнакомо еще могущество отвлеченнаго размышленія, которое даетъ возможность взрослому играть словами, какъ алгебраическими знаками, не представляя себѣ обозначенныхъ предметовъ. Каждое слово, слышанное или же произнесенное имъ самимъ, вызываетъ въ немъ цѣлый рядъ образовъ. Когда-же онъ, благодаря продолжительной привычкѣ, поупражняетъ свое воображеніе воспроизведеніемъ сценъ, на которыхъ онъ присутствовалъ или о которыхъ ему разсказывали, тогда уже онъ и самъ становится способенъ къ оригинальному вымыслу.

Трехъ или четырехлѣтній ребенокъ, говоритъ Ж. Сюлли, который уже слышалъ множество исторій, можетъ самъ изъ нихъ состряпать новыя». Тотъ же авторъ приводитъ примѣръ маленькой дѣвочки пяти лѣтъ и девяти мѣсяцевъ, которая нашла камень съ пробитой дыркой; на этомъ она сейчасъ же построила цѣлую волшебную сказку: камень былъ волшебный; дырочка представляла прекрасные апартаменты, обитаемые феями... *)

Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, воображеніе становится творческимъ, съ помощью подражанія чужимъ вымысламъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ способностяхъ, произвольность не полная, но, можетъ быть, въ большихъ размѣрахъ. Дѣйствительно, способность воображенія больше другихъ способностей соотвѣтствуетъ природѣ существа, лишеннаго еще разума и опыта. Мы не разъ бывали испуганы легкостью, съ какой можно заставить ребенка бредить, возбуждая и питая его воображеніе, переходя отъ одной мечты къ другой. Но ребенокъ и самъ предается беспорядочнымъ и страннымъ вымысламъ. Ж. Сюлли говоритъ о трехлѣтнемъ ребенкѣ, который обыкновенно высказывалъ желаніе жить въ водѣ, подобно рыбамъ, или блистать на небѣ, какъ звѣзда.

Тѣмъ справедливо замѣчаетъ: «Умственное состояніе маленькихъ дѣтей во многомъ сходно съ состояніемъ первобытныхъ народовъ въ миеологическомъ и поэтическомъ періодѣ. Если-бы ребенку не мѣшало, и если-бы образование не обуздало его фантазій, то онъ бы создалъ цѣлую новую миеологию. Разумѣется, мы сами часто содѣйствуемъ его предразсудкамъ; мы внушаемъ ему заблужденія. Но полное довѣріе, трогательная ясность и невинность, съ которыми онъ слушаетъ сказки, доказываютъ его естественное предрасположеніе жить въ

*) См. Эггеръ, стр. 50.

міръ чудеснаго. Несомнѣнно, что ребенокъ даетъ произвольно просторъ этой миеологической склонности, одному изъ первобытныхъ инстинктовъ человѣческой природы. Онъ надѣляетъ жизнью и чувствомъ неодушевленные предметы: онъ ихъ олицетворяетъ; иной разъ и обожествляетъ, точно такъ же, какъ станетъ очеловѣчивать животныхъ и вполне вѣрить сказкамъ Лафонтена.

Приведемъ нѣсколько фактовъ. Трехлѣтняя дѣвочка, наблюдаемая Тенонъ, когда ей говорили «луна отправилась спать», спрашивала: «А гдѣ-же няня луны?» Правда, здѣсь воображеніе ребенка только слушалось внушенія, заключеннаго уже въ самомъ фигуральномъ выраженіи, которымъ съ нею говорили. Но другія наблюденія болѣе доказательны. Тидеманъ рассказываетъ, что его сынъ, отыскивая среди тучъ радугу,—онъ видѣлъ ее нѣсколько дней до того,—и, не находя ея, сталъ повторять: «Радуга теперь спитъ!» Недостаточность рѣчи, скажутъ намъ, чистая метафора! Нѣтъ, мы думаемъ, что тутъ есть нѣчто большее: своего рода ассимиляція. Тотъ же ребенокъ, не видя на горизонтѣ солнца, говоритъ: «Солнце легло въ постельку; завтра оно встанетъ и будетъ ѣсть тартинку съ масломъ!»

Ребенокъ охотно разговариваетъ со своими игрушками. Для него кукла—лицо дѣйствительно живое. Онъ также охотно станетъ говорить: «Моя коляска не хочетъ идти; она злая». А когда ему говорить о животномъ или знакомомъ предметѣ: «Что говорить кроликъ?—Что говорить большое дерево?»

Если двѣнадцатилѣтній ребенокъ, воспитанный согласно законамъ природы и по *Эмилу Руссо*, могъ, какъ это рассказываетъ Сентени, стать въ саду на колѣни передъ восходящимъ солнцемъ, которое онъ обожалъ, то не очевидно-ли отсюда, что маленькій ребенокъ, воображеніе котораго еще не контролируется суровымъ опытомъ, долженъ естественно уступать аналогичному внушенію, предаваться миеологическимъ вымысламъ, и разсматривать предметы по своему собственному образу, съ помощью своего рода наивнаго антропоморфизма.

Жоржъ Зандъ рассказываетъ, что вся ея дѣтская жизнь была жизнью воображенія. Она прокликаетъ день, когда впервые усомнилась въ существованіи Рождественскаго дѣда, таинственнаго раздавателя игрушекъ. Она оспариваетъ ригоризмъ Руссо и всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ съ помощью позитивныхъ объясненій погасить пламя дѣтскаго воображенія. «Отнимая чудесное изъ жизни ребенка, говоритъ она, вы дѣйствуете противъ законовъ природы. Ребенокъ совершенно естественно живетъ въ средѣ, такъ сказать, сверхестественной; въ немъ самомъ все чудо, и все, что внѣ его, должно ему на первый взглядъ тоже казаться чудеснымъ».

Тидеманъ очень вѣрно объясняетъ причины антропоморфическихъ воззрѣній ребенка. Во-первыхъ, говоритъ онъ, по законамъ своего разума, онъ не можетъ представить себѣ неизвѣстное иначе, какъ по образцу извѣстнаго. А такъ какъ ребенокъ прежде всего знаетъ свои ощущенія, свои эмоціи, случаи своей жизни, то отсюда и вытекаетъ естественное предрасположеніе воображать, что другія существа и вещи живутъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ въ тѣхъ-же условіяхъ,

какъ и самъ онъ, что у луны есть няня, что солнце завтракаетъ. Сверхъ того, и это тоже довольно важная причина, ребенокъ, чтобы симпатизировать вещамъ, долженъ вѣрить, что онъ въ извѣстной степени одушевленъ. Когда ребенокъ, упоминаемый М-ше Неккеръ, при видѣ разбитой чашки вскрикиваетъ: «Эта бѣдная чашка, которую я такъ любилъ!» и затѣмъ начинаетъ плакать, то этотъ крикъ не похожъ на крикъ хозяйки, теряющей болѣе или менѣе цѣнную вещь; это отчасти иллюзія симпатической чувствительности, все оживляющая и олицетворяющая. Дикіе народы повинуются тому же воображаемому чувству, когда они мечтаютъ о раѣ, въ которомъ будетъ мѣсто не только для нихъ самихъ, но также и для предметовъ, служившихъ имъ въ жизни, для ихъ стрѣлъ, челноковъ.

Если-бы современный позитивизмъ не давилъ ребенка со всѣхъ сторонъ, то, безъ сомнѣнія, были бы еще часты примѣры этихъ иллюзій, которыя не всегда, какъ думала М-ше Неккеръ, произвольны, но часто служатъ доказательствомъ заблужденія наивнаго и полного. Въ нихъ очень живо проявляется этотъ инстинктъ чудеснаго, изъ котораго произошли суевѣрныя вѣрованія младенцествующихъ народовъ; въ этомъ отношеніи самый утонченный маленькій парижанинъ равенъ маленькому дикарю; это между прочимъ доказываетъ, что природа сильнѣе наследственности.

Предыдущія замѣчанія требуютъ однако нѣкоторыхъ оговорокъ. Природа ребенка не менѣе «разнообразна», чѣмъ природа взрослога; и если, въ большинствѣ случаевъ, ребенокъ вполне поддается фикціямъ своего воображенія, если онъ возобновляетъ въ этихъ химерическихкихъ вѣрованіяхъ предрасудки идолопоклонства и фетишизма, то по большей части онъ поддается иллюзіи только вполнину. Подобно поэту, онъ наслаждается химерой, не вѣря въ нее. Поэтъ, живущій въ мірѣ своихъ твореній, не вѣритъ, конечно, реальности своихъ героевъ; но онъ говоритъ о нихъ такъ, точно они существуютъ; онъ видитъ ихъ передъ собой во плоти и крови; онъ слышитъ выраженіе и звукъ ихъ голоса. Не будучи поэтами, всѣ мы испытываемъ въ театрѣ зачатки подобныхъ иллюзій; хотя мы и не вполне обманываемся событіями, разыгранными на нашихъ глазахъ въ драмѣ, но все таки обманываемся ими на половину; мы интересуемся персонажами пьесы, точно живыми, хотя и знаемъ, что они не существуютъ. Ребенокъ, о которомъ уже было сказано, что онъ родится поэтомъ *), находится въ томъ же состояніи ума. Онъ самъ творецъ своихъ иллюзій; онъ сочиняетъ ложь, которая его восхищаетъ; онъ играетъ со своими вымыслами и притворяется, что имъ вѣритъ, находя въ этой игрѣ безконечное удовольствіе. «Онъ знаетъ, что это мечта, говоритъ Г. Дрозъ, но испытываетъ настоящее счастье разыгрывая передъ самими собой эту комедію». Наблюденія по этому воп-

*) Наблюдайте ребенка, говоритъ Г. Дрозъ, и вы откроете въ немъ богатство воображенія, близкое къ чуду, и которое не повторяется уже затѣмъ ни въ какомъ возрастѣ жизни. Въ мозгу этихъ прелестныхъ крошекъ заключается больше поэзіи, чѣмъ въ двадцати эпическихкихъ поэмахъ.

росу многочисленны. Марсель, начиная съ двухъ лѣтъ, дѣлаетъ *бай-бай* всѣмъ попадающимъ ему предметамъ, карандашу, медали. Его спрашиваютъ о часѣ; онъ кладетъ руку на сердце и говоритъ: «два часа»; шутя устанавливая соотношеніе между тиканіемъ часовъ и своего сердца. Жоржъ въ четыре года разыгрываетъ сцену въ лицахъ съ помощью трехъ свинцовыхъ шариковъ; одинъ—кухарка, другой няня; самый большой—хозяйка дома. Затѣмъ онъ сочиняетъ діалоги между этими лицами: «Теперь, говоритъ хозяйка, не угодно ли вамъ пойти за водой?» Точно также сынъ Тидемана: «29 октября (ребенку было два года) онъ взялъ нѣсколько кочерыжекъ капусты и разыгрывалъ различныхъ лицъ, которыя всѣ восхваляли его достоинства».

Эспинасъ собралъ слѣдующія наблюденія: «Маленькій ребенокъ требуетъ, когда ему предлагаютъ супъ, чтобы его дали прежде маленькой деревянной лошади, грубо вырѣзанной ножомъ, но которую онъ любитъ. Онъ отлично знаетъ, что лошадь не ѣстъ, и потому-то именно ему и нравится эта церемонія: это для него игра, фикція. Всѣмъ дѣтямъ очень рано нравится фикція, чему доказательствомъ служатъ вѣчныя шутки кормилицъ, которыя или сами прячутся, или прячутъ ребенка, чтобы затѣмъ торжественно открыть при громкихъ взрывахъ смѣха. Мы видѣли, какъ двое дѣтей, только, что начинающихъ говорить, сидя за столомъ одинъ противъ другого, по пятнадцати минутъ занимались показываніемъ другъ другу хлѣбныхъ корокъ, называя ихъ именами различныхъ животныхъ; даже когда не было никакого сходства, хотя бы самого отдаленнаго, между формой предмета и названнаго животнаго: каждый изъ партнеровъ внимательно разсматривалъ представленный ему предметъ и, очевидно, находилъ большое удовольствіе въ этомъ вызываніи измышленныхъ образовъ.

Вотъ еще примѣръ: «Для моего ребенка двухъ съ половиной лѣтъ, говоритъ Гюйо, всякій фруктъ былъ яблокомъ, всякій привлекающій его глаза цвѣтъ—краснымъ, потому что красный—самый яркій цвѣтъ. Лежа въ постельѣ, онъ сказалъ, указывая въ ея глубину, а затѣмъ на края: «Это—дорога, а это канава». Онъ самъ все это выдумываетъ, хотя съ нимъ никогда такъ не играли. Это потому, что онъ увлеченъ наружнымъ сходствомъ съ такой силой, что вскорѣ перестаетъ замѣчать разницу. Я убѣжденъ, что, засыпая, онъ вѣритъ, что лежитъ среди большой дороги, съ канавами направо и налево»...

Драматическій инстинктъ поэзій, свойственный воображенію ребенка, особенно часто проявляется. Эггеръ приводитъ характеристичное и раннее тому доказательство: «Двадцатимѣсячный ребенокъ знаетъ, узнаетъ и очень хорошо помнитъ нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ онъ часто видитъ въ Люксембургскомъ саду, напр., няню и ребенка, котораго она ведетъ. Однажды онъ насъ оставилъ, произнося неясно слова: Люксембургъ, няня, ребенокъ. Онъ отправляется въ сосѣднюю комнату, показываетъ видъ, что здороваается съ этими двумя лицами, затѣмъ возвращается и такъ же просто рассказываетъ, что сейчасъ только дѣлалъ. Разумѣется, въ сосѣдней комнатѣ ничто не напоминаетъ, ни Люксембурга, ни его привычныхъ посѣтителей. Это и есть именно явленіе драматическаго воображенія, это *драма* въ зародышѣ.

Въ этихъ воображаемыхъ сценахъ ребенокъ оставляетъ за собой главную роль. Онъ воображаетъ, или показываетъ видъ, что воображаетъ себя взрослымъ лицомъ. Маленькія дѣвочки разыгрываютъ маменокъ; маленькіе мальчики играютъ въ солдаты, кучера и добровольно продолжаютъ эту фикцію. «Къ четыремъ годамъ Феликсъ, рассказываетъ Эггеръ, играетъ въ кучера; тѣмъ временемъ Эмиль возвращается домой. Чтобы заявить о приходѣ брата, Феликсъ не говоритъ: «Эмиль возвратился», но докладываетъ: «братъ кучера».

Для упражненія своего изобрѣтательнаго воображенія ребенокъ чаще всего нуждается въ маленькой внѣшней махинаціи. Онъ беретъ исходной точкой какой-нибудь предметъ, который, съ помощью *аллигии воображенія* тотчасъ же преобразуется. Ему достаточно самой малости. Онъ ѣдетъ на палькѣ; опрокинутая табуретка—это лодка или кабриолетъ; если она стоитъ на ногахъ—это лошадь или столъ *). Картонная коробка становится домомъ, шкафомъ, телѣгой и наконецъ всѣмъ, чѣмъ только вздумается воображенію ребенка сдѣлать ее.

Случается, что онъ обходится безъ всякихъ вещественныхъ символовъ: доказательство—маленькая дѣвочка, о которой говоритъ Эггеръ, забавлявшаяся съ совершенно фантастической подругой: «Когда я играю съ моей маленькой Жанной, говорила она, то это вовсе не на самомъ дѣлѣ»; и еще, по словамъ М-ше Неккеръ,—этотъ ребенокъ, которому правилось кормить воображаемыми зернами воображаемыхъ домашнихъ птицъ **). Онъ настойчиво просилъ, чтобы не закрывали двери, ведущей въ комнату, гдѣ находились будто-бы эти птицы. Если-же случайно закрывали, онъ сейчасъ принимался плавать и кричать: «Не дають выйти моимъ бѣднымъ уткамъ и курамъ!»

Во всѣхъ этихъ случаяхъ ребенокъ, какъ мы уже видѣли, самъ дѣлается соучастникомъ своего воображенія: онъ имъ играетъ больше, чѣмъ самъ ему поддается. Есть здѣсь и доля искренней иллюзіи. Доказательство—его дѣйствительное волненіе. Ребенокъ проливаетъ настоящія слезы надъ предполагаемыми несчастьями своей куклы. Ему будетъ тяжело на сердцѣ, или же онъ разсердится, если вы станете ему противорѣчить, мѣшать ему въ его любимыхъ фикціяхъ.

Если понимать подъ эстетическими способностями просто только умѣніе создавать образы, нѣкоторымъ образомъ творить, то отрицать эти способности у ребенка—невозможно. Но если эстетическое чув-

*) Нѣтъ необходимости въ хоршей работѣ игрушечныхъ животныхъ; она даже стѣсняетъ воображеніе дѣтей, ограничиваетъ его полетъ.. Двѣ зимы подрядъ ребенокъ, оставляемый каждое утро одинъ въ комнатѣ, прекрасно забавлялся стульями. Онъ ставилъ ихъ въ различномъ порядкѣ, и они изображали то суда, то поѣздъ, то запряженную карету. Нужно было видѣть, съ какимъ серьезнымъ видомъ онъ погружалъ съ высоты одного изъ стульевъ шесть (то есть свою трость) въ глубину воды, или правилъ локомотивомъ, или же стегалъ воображаемыхъ лошадей, причемъ большое кресло представляло козлы, а два болѣе низкіе стула—лошадей. Каждое утро онъ проводилъ цѣлыя часы въ этомъ занятіи. Дѣйствительная карета съ прекрасной лошадей, конечно, забавляла-бы его меньше, чѣмъ эти стулья, которые правились его воображенію. Espinas, p. 388).

**) См. по этому вопросу М-ше Неккеръ де Сосюръ, а также М. Antoine, стр. 182 и слѣдующія.

ство есть чувство прекраснаго, вкусъ и пониманіе прекраснаго, то бесполезно даже ставить этотъ вопросъ. Ребенокъ, конечно, любитъ цвѣта, звуки, которые впоследствии станутъ для артиста элементами красоты зрительной и музыкальной. Но ему нравятся всѣ цвѣта; всѣ звуки его радуютъ. Чувство гармоніи, мѣры, порядка, прогрессіи— всѣ эти утонченности отъ него ускользаютъ. Онъ остается равнодушнѣе къ красотамъ природы. Картины интересуютъ его тогда только, если изображаютъ реальныя сцены, знакомые предметы: собакъ, на-рѣмѣръ, животныхъ, солдатъ или сраженія. Но можно-ли этому удивляться, если вникнуть въ условія развитія, требуемыя выработкой эстетическихъ способностей, такихъ утонченныхъ, такихъ рѣдкихъ даже у взрослыхъ людей! И дѣйствительно, сколько взрослыхъ остаются въ этомъ отношеніи навсегда дѣтьми! Не достаточно-ли посмотрѣть на яркіе и безвкусные костюмы нашихъ крестьянокъ, увидѣть равнодушіе нашихъ крестьянъ къ красотамъ природы, чтобы понять, что и ребенокъ также не способенъ къ чувствамъ, которыя могутъ быть только результатомъ продолжительнаго и постепеннаго умственнаго развитія?

Перэ, въ своей психологіи первыхъ трехъ лѣтъ ребенка, посвятилъ цѣлую главу занимающему насъ вопросу *). Но онъ и самъ вынужденъ признать, что «музыкальное образованіе не начинается раньше пяти или шести лѣтъ», что слово *красивый*, такъ часто появляющееся на устахъ ребенка, есть синонимъ всего новаго, блестящаго, пріятнаго, что при выборѣ игрушекъ перевѣсъ дается большимъ, блестящимъ и новымъ; что «картинки Эпиналя сводятъ его съ ума, даже въ три года, но что полотна настоящихъ мастеровъ оставляютъ его равнодушнымъ»; однимъ словомъ, что ребенокъ не имѣетъ и не можетъ имѣть чувства красоты. Изъ этого слѣдуетъ сдѣлать только исключеніе въ пользу пѣнія и музыки, которыя довольно рано имѣютъ уже для него нѣкоторую привлекательность. Начиная съ пятаго мѣсяца сынъ Тидемана сопровождалъ пѣніе своей матери знаками удовольствія, двигая руками и ногами. Можно было бы привести множество подобныхъ наблюденій.

Слѣдовало-бы выяснитъ и другія стороны тайны дѣтскаго воображенія. Напримѣръ, остается открытымъ вопросъ, не поддается-ли ребенокъ обману чувствъ въ своемъ стремленіи пополнить вещи, преувеличить ихъ, хотя это во всякомъ случаѣ есть признакъ воображенія. Слѣпой Чезельденъ считалъ вещи, которыя только что начиналъ видѣть, необыкновенно большими. Нѣтъ-ли и въ глазахъ

*) Perez, les trois premières années de l'enfant, 4 partie ch. II. Вотъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, приведенныхъ Перэ. Трехлѣтній ребенокъ, при видѣ итальянской картины такъ выразилъ свое восхищеніе: «Это очень красиво, папа, здѣсь много золота, много краснаго и голубого; да кромѣ того тамъ есть папа и мама, но нѣтъ маленькаго ребенка». Другой ребенокъ, трехъ лѣтъ, при видѣ горы, говорилъ: «О чудесная гора!», но онъ оправдывалъ свой энтузіазмъ тѣмъ, что гора была почти въ четыре раза больше дома. Перэ посвятилъ толстую, можетъ быть, даже слишкомъ толстую книгу, тому же предмету: *l' Art et la poésie chez l'enfant*, 888.

ребенка подобнаго-же оптическаго обмана? Когда мы, уже взрослые, возвращаемся въ городъ, который покинули трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду, намъ кажется, что въ немъ все уменьшилось, что дома и памятники понизились. Является-ли это потому, что ростъ нашъ увеличился, а городъ остался тотъ-же? Такое предположеніе трудно допустить, и мы скорѣе склонны думать, что предметы въ дѣтствѣ намъ кажутся больше, чѣмъ впоследствии, потому-что мы еще не проходили большихъ разстояній, не сравнивали различныхъ высотъ; точно также, какъ справедливо замѣтилъ П. Жане, часы кажутся длиннѣе тому, кто мало жилъ, и короче для тѣхъ, кто уже далеко ушелъ по жизненному пути.

Исходя изъ точнаго познания и созерцанія дѣйствительности, воображеніе съ самыхъ раннихъ лѣтъ начинаетъ уже создавать себѣ маленькій міръ химеръ, противорѣчащій своему началу, и тѣмъ болѣе склонный создавать сказки, чѣмъ болѣе онъ почерпнетъ матеріалъ изъ дѣйствительной жизни для своихъ дѣйствій и для сокровищницы своихъ образовъ. Психологическое развитіе полно этихъ контрастовъ. Въ своемъ естественномъ развитіи, способности приносятъ цвѣты и плоды, которыхъ никакъ нельзя было ожидать, судя по стеблю и корнямъ. Слѣдствія не только различны отъ причинъ, но даже находятся въ полномъ противорѣчій съ создавшими ихъ причинами. Будучи въ началѣ рабомъ реальныхъ понятій, воображеніе дѣлается потомъ самой свободной душевной способностью, когда оно уже получило тотъ полетъ, который больше всего удаляетъ насъ отъ истины, когда оно эмансипируется со свойственной ему смѣлостью. Не вслѣдствіе-ли подобнаго-же противорѣчія сердечная чувствительность и любовь къ другому происходятъ у ребенка, такъ сказать, отъ эгоизма, отъ любви къ своему я? Справедливо-ли, чего нельзя и оспаривать, что чѣмъ больше ребенокъ любитъ свои собственныя удовольствія, тѣмъ больше онъ любитъ тѣхъ, кто ему ихъ доставляетъ; что живость его дружескихъ чувствъ пропорціональна его стремленію къ эгоистическимъ удовольствіямъ; что характеры сухіе, лишенные нѣжности, съ жесткимъ сердцемъ суть именно тѣ, которые въ молодости не увлекались страстно своими личными удовольствіями?

Мы видимъ воображеніе въ играхъ дѣтей, въ маленькихъ практическихъ изобрѣтеніяхъ, въ которыхъ проявляется его инициатива. Но съ этихъ поръ мы уже убѣждаемся, что воображеніе у ребенка дѣйствительно активно, не только воображеніе произвольное, но также и намѣренное; и это потому, что оно находится въ условіяхъ для себя самыхъ благоприятныхъ.

Матеріалы, которыми оно располагаетъ, несомненно многочисленны, но они удивительно удобны для работы воображенія. «Избытокъ воображенія у ребенка, какъ и у первобытныхъ народовъ, замѣчаетъ Гюйо, во многомъ зависитъ отъ ясности понятій, которыя, по его волѣ, легко вытекаютъ одни изъ другихъ. Можно видѣть, что угодно, въ неясныхъ очертаніяхъ тучъ... Ребенокъ не различаетъ ясно ни времени, ни мѣста, ни лицъ. И потому исходная точка воображенія дѣтей есть смѣшеніе образовъ, вызванное ихъ взаимнымъ притяже-

СОДЕРЖАНИЕ

I-го тома (№№ 1—6)

ЖУРНАЛА

„ОБРАЗОВАНИЕ“

за 1895 годъ.

I. Правительственныя распоряженія.

- А. По Собствен. Е. И. В. Канцеляріи по учрежд. Имп. Маріи. Стр. 1, 11, 15 11.
Б. По Министерству Народнаго Просвѣщенія.
1. Опредѣленія ученаго комитета. Стр. 5, 7, 16, 23.
2. Извѣстія объ открытіи новыхъ училищъ. Стр. 6, 18, 26.

I-ый ОТДѢЛЪ

Статьи по вопросамъ педагогическимъ и психологическимъ.

1. Педагогическіе идеалы и взгляды. К. Д. Ушинскаго. П. Каптерева	№ 1.	1— 27
2. Обязательность и всеобщность начальнаго образованія. А. Страннолюбскаго (3 статьи)	—	28— 56
	№ 2.	144—169
	№ 4.	343—374
3. Воображеніе и его видоизмѣненія у дѣтей. Д-ра Ф Кейра. Перев. Е. Максимовой. 5 статей)	№ 1.	57— 63
	№ 2.	170—179
	№ 3.	163—270
	№ 4.	375—385
	№№ 5— 6.	519—547
4. Умственная и нравственная гигиена дѣтей. Д-ра А. С. Вирениуса	№ 1.	64— 83
5. Учитель словесности. Этюдъ. Виктора Острогорскаго.	—	83— 87
6. Дѣти и театръ. Е. Чебышевой-Дмитріевой	—	88— 93
7. Народное міровоззрѣніе и школа. Н. И. Коробна	№ 2.	105—117
8. Общее образованіе (по взглядамъ Кондорсе). Е. Литвиновой.		118—135
9. Новыя педагогическія движенія на западѣ. Е. С.		136—143

10. Гигієніческа обстановка закритыхъ учебныхъ заведеній (преимущественно женскихъ). Д-ра А. С. Виреиуса (3 статьи)	№ 2.	180—188
	№ 3.	271—281
	№ 4.	396—408
11. Воспитаніе женщины	№ 2.	188—191
12. Роль исторіи въ образованіи. Н. Л.		192—198
13. Изъ памятной книжки сельскаго учителя. И. Губкина		199—202
14. Школьная былина. (Изъ воспоминаній о школахъ 50-хъ годовъ). Вл. Михневича.	№ 3	217—230
15. Значеніе духовенства въ исторіи народнаго образованія въ Россіи. (Историческій очеркъ). О. Крыжановскаго (2 статьи)	№ 3	131—249
	№№ 5—6.	470—498
16. Общество попеченія о юношахъ во Франціи. Н. Леонтьевой		282—287
17. Очерки начальнаго народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. (Данія). Е. Страннолюбской		288—303
18. Начальное образованіе въ Америкѣ. Поспѣловой	№ 3	250—263
	№№ 5—6.	499—518
19. Общеобразовательное значеніе рисованія В.		304—307
20. Думы интеллигентной матери. Юліи Марковой	№ 4.	317—323
21. Изъ Пешта въ Вѣну. (Педагогическія замѣтки). Ольги Матаф- тиной		324—342
22. О чтеніи вслухъ. Перев. Н. Леонтьевой		388—395
23. Необходимость просвѣщенія для рабочаго люда А. Ядрова	№№ 5—6.	413—432
24. Профессиональное образованіе по Кондорсе Е. Литвиновой		433—446
25. Что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ въ дѣлѣ народнаго обра- зованія. Екатерина Янжуль		447—458
26. Распространеніе университетскаго образованія въ Англіи. Е. Д.		459—469
27. Обученіе грамотѣ въ семьѣ и школахъ. А. Глазуновой		556—554
28. Къ исторіи звуковаго метода. Маріи Холоднякъ		555—559
29. Школьные приюты и столовыя при нихъ. М. Синозерскаго		559—566

Критика и библиографія.

Книги научно-популярнаго содержанія, учебники и учебныя пособія.

1. Декартъ, Альфреда Фулье. А. Н.—2. Вильгельмъ Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ д-ра П. Н. Розенбаха. А. Н. 3. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. С. Ньюкомба и Р. Энгельмана дополн. Г. Фогелемъ. Н. Р. 4. Д. Роменсъ. Наслѣдственность. Вейсмана. Рецензія Н. Р-на. 5. Наука о жизни. Общедоступная физиологія человѣка. Сост. В. Лункевичъ. Н. Р. 6. Основаніе теоретической химіи Лотара Мейера Н. Р.	№ 1.	94—100
2. Н. Страховъ. Философскіе очерки. А. Нечаева. 2. Н. Страховъ. Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физиологіи. Его-же. 3. Н. И. Карѣевъ. Историко-философскіе и социологическіе этюды Его-же. 4. Ипполитъ Тэнъ. Объ умѣ и познаніи. Его-же	№ 2.	203—209
3. 1. Жюль Пэйю. Воспитаніе воли. М. Шишмаревой. А. Нечаевъ. 2. Учебникъ. Всеобщей исторіи. Составилъ Павелъ Виноградовъ профессоръ Московскаго Университета. Вл. Ф.	№ 3.	308—314
4. 1. Александръ Введенскій. О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. А. Нечаева. 2. Т. Рибо. Современная германская психологія. Его-же. 3. Фѣдоръ Шперкъ. Философія индивидуальности. Его-же. 4. С. И. Шоховъ-Троцкій. Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія требованій общаго образованія. Е. Литвиновой.	№ 4	406—416

5. 1. Л. Майковъ. «Историко-литературные очерки. В. В. С. 2. Русская исторія (въ связи съ исторіей великаго Княжества Литовскаго. Составилъ Ар. Турцевичъ. Вл. Федоровъ. 3. Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи. К. Д. Ушинскій. 4. Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Г. Парвилъ. 5. Научныя развлеченія. Составилъ д-ръ В. Буринскій. 6. Начальный учебникъ французскаго языка для семьи и школы. Метода Туссена и Лангеншейдта. № 5—6. 566—580

Для юношества и дѣтей.

1. 1. Голубыя сказки. Эдуарда Лабуэ. Н. П. 2. Темные люди. А. Луканина. Н. П. 3. Самородокъ. А. И. Морозова. Н. П. 4. Марраны. Р. А. Янтаревой. Н. П. № 1. 100—104
2. 1. Дѣтямъ. Изъ стихотвореній Александра Круглова. Н. П. 2. По средней Азии. Записки художника Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго. Путешествія по Туркестану, Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченки. Н. П. 3. Суета суетъ. С. М. Макаровой.—Какъ я была маленькой. В. П. Желиховской.—Ласточкино гнѣздо О. И. Роговой.—Ручеекъ. А. Б. Хвольсонъ. Н. П. 4. Соловки, Очерки В. И. Немировича-Данченка Н. П. 5. Злодѣй и Петъка. Повѣсть А. Ѳ. Погоскаго. Его-же. 6. Сказка про Яшу. Н. Б. Его-же. 7. Панорама для любознательныхъ дѣтей. Его-же. 8. Угли. Повѣсть Биллера. Его-же. 9. Скрыга Скрудъжъ. Чарльса Диккенса. Его-же. 10. Батрачка. Т. Г. Шевченка. Его-же. 11. Куль хлѣба и его похождения, рассказанныя С. Максимовымъ. Его-же. 12. В. Зелинскій. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. В. В. С. № 2. 209—216
3. 1. Женеврѣ. Маленькій разнощикъ. М. Гранстремъ. В. В. С. 2. Н. Дементьевой. Иоанна д'Аркъ. Историческая хроника В. В. С. 3. В. П. Авенариусъ. Во львиной пасти. В. В. С. 4. Е. Водозова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. 1. Турки. 2. Англичане. В. В. С. 5. Третій стѣнной календарь Петербургской весны. Сост. Дм. Кайгородовъ. С. № 3. 314—316
4. Сказка о Шелкунчикѣ и Мышиномъ Королѣ. 2 Сказки русскаго народа. 3. Упрямый козелъ. Сказка Мамина Сибиряка. 4. На маякѣ. Разказъ Лиди. Туганъ. 5. Кормилецъ—разказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка; Вольный человекъ Яшка—его же; «Михайло-Простота»—Болеслава Пруса; Счастливый уголокъ—(быль), Корсунскаго. 6. Къ свѣту В. В. Огаркова. 7. Приемышь. Разказъ ямщика. Н. Лухмановой. 8. Золотые деньки. С. Ф. Либровича. 9. Казачка, Одарка, Гортина. Разказы Марка-Вовчка. 10. Нашель, гдѣ не искалъ. Разказъ Ванъ-Дейка. 11. Фр. Шиллеръ В. Е. Миляева. 12. Государевъ Кречатникъ. Разказъ изъ быта сокольниковъ П. Н. Полевого 13. Въ странѣ золота. Приключенія маленькаго мальчика въ Калифорніи. Герорга Гаршнеръ. № 5—6. 575—580

П-ой ОТДѢЛЪ.

Научно-популярныя статьи и замѣтки по разнымъ вопросамъ.

1. Современный идеалъ служенія ближнимъ. Е. Л.	№ 1.	1— 11
2. Психологія Гербарта. А. Нечаева. (3 статьи)	№ 2.	11— 22
	№ 3.	73— 89
3. Въ области благихъ стремленій. И. О. Фесенко.	№ 3.	146—165
4. Ж. Массе. Е. С.		22— 28
5. Благотворное вліяніе школы на народъ въ Англіи. К. К—нъ.		28— 30
6. О смѣшанныхъ коллежахъ въ Америкѣ		30— 31
7. Введеніе и распространеніе книгопечатанія въ Россіи. А. Бах- тіарова.	№ 2.	32— 33
8. Свѣтъ и здоровье (Уарда). С. Г. Яковенко	№ 2.	55— 73
9. Источники пессимизма. В. В. С.		89— 97
10. Первобытная музыка. Марія Холоднякъ		95— 98
11. Результаты совѣщаній Сельско-Хозяйственнаго Совѣта по вопросамъ низшаго сельско-хозяйственнаго образованія. И. О. Ф.		99—102
12. Первая всероссійская выставка печатнаго дѣла въ Петер- бургѣ. А. Бахтіарова	№ 3.	103—110
13. Народность съ нравственной точки зрѣнія. В. В. С.	№ 3.	134—145
14. Вліяніе цивилизаціи на происхожденіе психическихъ бо- лѣзней		166— 168
15. Пыль при различныхъ производствахъ. С. Я.		168—172
16. Сѣздъ учителей церковно-приходскихъ школъ Кубанской об- ласти. Ф.		172—176
17. Заботы земствъ въ дѣлѣ матеріальнаго обезпеченія учите- лей. Ф.		182—183
18. С.-Петербургское Общество «Ясли». Н.		183—185
19. Физиологическое направленіе въ современной русской эсте- тикѣ. А. Нечаева		185—188
20. Школьные дѣтнія поѣздки. Е. Свѣшниковой	№ 4.	197—206
21. С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ. А. С.		207—214
22. Вопросникъ для психологическаго изслѣдованія о первыхъ воспоминаніяхъ дѣтства. Викторъ Анри		214—216
23. Учительскій трудъ и вознагражденіе. (Письмо въ редакцію).		216—217
24. Два юбилея. (В. Г. (Васильевскаго и А. Н. Веселовскаго). В. В. С.		217—219
25. О приютѣ для глухонѣмыхъ. (Письмо въ редакцію).		220—221
26. Право на трудъ. (Къ вопросу о женскомъ образованіи). Ю. Лавриновича	№ 5 - 6.	222—223
27. Виды психическаго разстройства съ педагогической точки зрѣнія. Н. Л.		№ 5 - 6. 343—347
28. Цивилизація и ложь. (Г. Тарда). Е. Ч.-Д.		347—354
29. Торжество науки. Научныя основы цвѣтной фотографіи. Аль- фонса Берже) Ст. Я—ко		355—361
30. О восстановленіи чистоты русскаго языка. Л. Р. С.		366—373
31. Нѣсколько словъ о «кружкѣ ревнителей русскаго слова» Ив. Красовскаго		374—377
32. Къ вопросу объ ученическихъ экскурсіяхъ и прогулкахъ (Копорье). А. П.		378—382
		395—399

Изъ жизни и литературы (хроника).

1. (Хроника). 1. Высочайшій указъ отъ 13-го января. 2. За минувшій годъ. 3. Итоги по народному образованію за 1894 г. 4. О предоставленіи духовенству права самостоятельнаго устройства народныхъ чтеній свѣтскаго содержанія. 5. Народная музыкальная школа въ Роменскомъ уѣздѣ Полтав. губ.	№ 1.	34—42
2. 1. Торжественное открытіе первой всероссійской выставки печатнаго дѣла. 2. Матеріальное обезпеченіе преподавателей. 3. Голосъ просвѣщеннаго дѣятеля. 4. Потребность въ школахъ и примѣры невѣжества. 5. Личность, достойная общественной памяти. 6. Отрадныя вѣсти	№ 2.	111—117
3. 1. Отрадныя вѣсти. 2. О женскихъ медицинскихъ курсахъ. 3. Навязываніе начальной школахъ утилитарныхъ цѣлей. 4. Къ вопросу о народныхъ чтеніяхъ. 5. Очищеніе русскаго языка. 6. Взглядъ «Недѣли» на очищеніе русскаго языка. 7. Солдатскія пѣсни	№ 3.	176—182
4. 1. Торжественное открытіе Ксеніинскаго института. 2. Потребность въ высшемъ женскомъ образованіи. — О провинціальномъ просвѣщеніи. — Къ вопросу объ обязательности начальнаго образованія.—Противъ тѣлесныхъ наказаній.—Общество школьныхъ дачъ для учениковъ	№ 4.	223—230
5. 1. Торжественный актъ С.-Петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. 2. Отчетъ о С.-Петербургскихъ городскихъ училищахъ. 3. Городскія начальныя училища въ Москвѣ. 4. Всеобщее начальное обученіе, 5. Церковная школа. 6. Высшее женское образованіе. 7. Народное образованіе въ Сибири. 8. Свѣту, больше свѣту	№ 5—6.	389—395

Разныя извѣстія и сообщенія.

1. 50-лѣтній юбилей А. О. Пуликовскаго. 2. Открытіе бесплатныхъ народныхъ читаленъ. 3. Народное образованіе въ Самарской губерніи. 4. Сообщенія газетъ о пожертвованіяхъ въ пользу школъ	№ 1.	47—49
2. 1. Памяти хорошаго человѣка. 2. По старому, но вѣчно свѣжему вопросу. 3. Хорошее дѣло, 4. О дѣятельности Одесскаго славянскаго общества на пользу народнаго просвѣщенія. 5. Игрушечныя библіотеки. 6. Духовный органъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. 7. Ожидаемое открытіе женскихъ медицинскихъ курсовъ	№ 2.	117—121
3. 1. Съѣздъ русскихъ дѣателей по печатному дѣлу. 2. Служи о школьной реформѣ. 3. Филологическій или агрономическій институтъ? 4. Необходимо-ли для врача классическое образованіе. 5. Переимѣна въ училищѣ Правовѣднія. 6. Школьные хозяйства	№ 3.	192—194
4. 1. Культура нравственности. 2. Кретинъ въ антропологическомъ обществѣ. 3. Пожертвованія на школы	№ 4.	235—238
5. 1. Торжественное закрытіе первой всероссійской выставки печатнаго дѣла. 2. Общество школьныхъ дачъ. 3. Годовое собраніе С.-Петербургскаго общества содѣйствія физическому развитію. 4. Актъ въ Петербургѣ ихъ женскихъ гимназіяхъ. 5. Условія приѣма на высшіе женскіе курсы.		

6. Ботаника на высшихъ женскихъ курсахъ. 7. Художественная школа въ Казани. 8. Съездъ естествоиспытателей. 9. Конгрессъ физиологовъ. 10. Педагогическіе курсы въ г. Черниговѣ. 11. Книжный складъ въ г. Черниговѣ. 12. Какъ платять жалованье сельскимъ учителямъ. 13. Пожертвованіе на женское училищѣ. 14. Пожертвованіе на бібліотеку въ г. Витебскѣ. 15. Техническое училище въ Вильнѣ. 16. Утвержденіе новаго начальнаго училища. 17. Народная бібліотека въ Нѣжинѣ. 18. Школа въ память Н. В. Гоголя. 19. Пожертвованіе Ахматова № 5—6. 399—404

Къ статистикѣ образованія.

1. 1. Статистика начальнаго образованія въ Баваріи за 1892—1894 гг. 2 Показатели начальнаго образованія въ учебныхъ округахъ С.-Петербургомъ, Киевскомъ и Кавказскомъ. 3. Развитие печатнаго дѣла въ С.-Петербургѣ. 4. Карточный бюджетъ въ Россіи. 5. Статистика начальныхъ школъ С.-Петербургскаго учебнаго округа за 1893 г. 6. Составъ народныхъ учителей Соликамскаго земства Пермской губерніи. 7. Первая всероссійская выставка печатнаго дѣла № 1. 43—47
2. 1. Пропорція университетовъ и студентовъ къ населенію различныхъ европейскихъ странъ. 2. Дѣятельность арміи спасенія генерала Бутса въ Англіи. 3. Статистика студентовъ Варшавскаго Университета въ 1894—95 уч. году. 4. Статистика державшихъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости въ С.-Петерб. Учебн. Округѣ въ 1894 г. 5. Бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1895 г. 6. С.-Петербургскій университетъ къ 1-му Январю 1895 г. 7. Московскій университетъ въ 1894—95 учебный годъ. 8. Статистика газетъ въ Великобританіи и у насъ. 9. Бѣдны ли мы пожертвованіями на общественныя нужды? № 2. 122—126
3. 1. Начальное образованіе въ Оренбургскомъ краѣ. 2. Последняя статистика неграмотныхъ во Франціи. № 3. 188--192
4. 1. Народное образованіе въ Канадѣ въ 1893—94 г. 2. Статистика народнаго образованія въ Орловской губерніи за 1894 г. 3. Національный союзъ учащихся въ Англіи. 4. Бюджетъ города С.-Петербурга на народное образованіе въ 1894 году. 5. Статистическія данныя о преступности № 4. 230—234
5. 1. Грамотность въ Европѣ. 2. Смѣта на 1895 г. Херсонскаго губернскаго земства на народное образованіе. 3. Народно-издательская дѣятельность за 1894 г. 4. Во что обходится казѣ и земству низшее и среднее сельско-хозяйственное образованіе въ Херсонской губ. 5. Народное образованіе въ Херсонской губ. 1893 г. № 5—6 404—407

Изъ области знаній.

1. Гигіена питьевой воды. 2. Продолжительность голоданія холонокровныхъ животныхъ. 3. Статистика почтовыхъ голубей во Франціи. 4. Примѣненіе собакъ въ таможенной службѣ. 5. Рыбныя богатства острова Сахалина. 6. Поглощеніе солнечныхъ лучей туманомъ. 7. Колебаніе земной оси и полюсовъ. 8. Приспособляемость животныхъ къ температурѣ. 9. Количество изслѣдованныхъ и изученныхъ видовъ растений. 10. Полезность яблокъ № 1. 50—54

2. 1. Чудеса печатнаго дѣла. 2. Наборная машина патера Календоли. 3. Воздушная экспедиція къ сѣверному полюсу. 4. Отсутствие мертвыхъ организмовъ въ морскихъ пучинахъ. 5. По поводу новооткрытаго газа «аргона». 6. Рабочая энергія пчель. 7. Новое теоретическое объясненіе сна. 8. Сопротивленіе воздуха движенію поѣздовъ. 9. Гигантскій мостъ. 10. Умственная работоспособность стариковъ. 11. Производство драгоценныхъ металловъ на всемъ земномъ шарѣ. 12. Производство желѣза во всемъ мірѣ и постепенный упадокъ его въ Великобританіи	№ 2.	126—132
3. 1. Воздухъ на высотахъ. 2. Заразительность психическихъ разстройствъ. 3. Улитки и лягушки, какъ съѣдобный продуктъ. 4. Рисъ, какъ продовольственный продуктъ. 3. Головная боль у дѣтей	№ 3.	194—196
4. 1. Вліяніе электрическаго свѣта на нервную систему. 2. Превращеніе морской воды въ прѣсную. 3. Новый способъ химической очистки воды. 4. Планета Марсъ. 5. Желѣзные дороги въ одинъ рельсъ. 6. Губительное дѣйствіе холода на рыбу. 7. Взрывчатые плоды. 8. Обработка камней сжатымъ воздухомъ. 9. Гигантскій дубъ. 10. Покровительство чибезамъ. 11. Электрическія швейныя машины	№ 4.	238—242
5. 1. Значеніе народнаго образованія. 2. Къ психологіи русскаго человѣка. 3. Пожарные костюмы. 4. Возможность заразы отъ книгъ. 5. Мнѣніе науки о велосипедномъ спортѣ. 6. Вліяніе землетрясенія на животныхъ. 7. Открытіе элемента гелія на нашей планетѣ. 8. Новая изслѣдованія коровьяго молока. 9. Восприимчивость къ цвѣтовымъ впечатлѣніямъ	№ 5—6.	410—441

Указатель вновь вышедшихъ книгъ во всѣхъ №№.

Листокъ объявленій во всѣхъ №№.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Умственное и нравственное развитіе ребенка. Комперэ. (Переводъ съ французскаго С. Исаевой и Л. Макухиной).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются
НОВЫЯ КНИГИ:

ЧТО ТАКОЕ
ПРАВСТВЕННОСТЬ?

Цѣна 50 коп.

Т. ЦИГЛЕРА,

проф. Страсбургскаго Университета.

Содержаніе: Задачи нравственной философіи. Происхожденіе нравственности. Что такое нравственность. Долгъ и добродѣтель. Высшее благо. Заключение.

Переводъ съ 2 нѣмецкаго изданія
Александра Острогорскаго.

Выписывающіе отъ переводчика (Спб. Басковъ пер. д. 22)
пользуются бесплатной пересылкой.

ЭТИКА

И

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

ФР. ІОДЛЯ,

Профессора Пражскаго Университета.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
Александра Острогорскаго.

Цѣна 20 коп.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 10 Іюля 1895 года.

10. **Разныя извѣстія и сообщенія:** 1. Торжественное закрытіе первой всероссійской выставки печатнаго дѣла. 2. Обществѣ школьных дачъ. 3. Годовое собраніе с.-петербургскаго общества содѣйствія физическому развитію. 4. Актъ въ Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ. 5. Условія приѣма на высшюу женскіе курсы. 6. Ботаника на высш. женск. курсахъ. 7. Художественная школа въ Казани. 8. Съѣздъ естествоиспытателей. 9. Конгрессъ физиологовъ. 10. Педагогическіе курсы въ г. Черниговѣ. 11. Книжный складъ въ г. Черниговѣ. 12. Какъ платять жалованье сельскимъ учителямъ. 13. Пожертванія на образованіе. 399—404
11. **Изъ статистикѣ образованія:** 1. Грамотность въ Европѣ. 2. Смета на 1895 г. Херсонскаго губернскаго земства на народное образованіе. 3. Народно-издательская дѣятельность за 1894 г. 4. Во что обходится казнѣ и Земству нившее и среднее сельско-хозяйственное образованіе въ Херсонской губерніи. 5. Народное образованіе въ Херсонской губерніи въ 1893 г. 404—410
12. **Изъ области знаній:** 1. Значеніе народнаго образованія. 2. Къ психологіи русскаго человѣка. 3. Пожарные костюмы. 4. Возможность заразы отъ книгъ. 5. Мнѣніе науки о велосипедномъ спортѣ. 6. Вліяніе землетрясенія на животныхъ. 7. Открытіе элемента гелія на нашей планетѣ. 8. Новыя изслѣдованія коровьяго молока. 9. Восприимчивость къ цвѣтовымъ впечатлѣніямъ. 410—414
13. **Указатель вновь вышедшихъ книгъ**
14. **ПРИЛОЖЕНИЕ.** Умственное и нравственное развитіе ребенка. Компере. (Пер. съ французскаго С. Исаевой и Л. Макухиной) 6 и 7-ой листы. 79—110

Напечатанныя въ 1893 и 94 г. статьи въ журналѣ «Образованіе» вышли отдѣльными изданіями:

„СЧАСТЬЕ“.

Популярные очерки по нравственной философіи:

Искусство работать. — Хорошія привычки. — Искусство имѣть время. — Мысли Эпиктета. — Идеализмъ въ практической жизни. — Счастье.

Н. ГИЛЬТИ,

Профессора Бернскаго Университета.

Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія и предисловіе
Александра Острогорскаго.

Готовится къ печати 3-ье изданіе

Складъ изданія у А. Я. Острогорскаго. (Спб. Басковъ пер., д. 22). — Выписывающіе изъ склада пользуются бесплатною пересылкой.

Цѣна 50 коп.

ПОДПИСКА

НА 1895 ГОДЪ

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„ОБРАЗОВАНІЕ“

педагогическій и научно-популярный журналъ,

посвященный вопросамъ женскаго и мужскаго воспитанія и обученія.

Программа журнала: 1. Правительственныя распоряженія. (По вопросамъ образованія женскаго и мужскаго, духовнаго и свѣтскаго.—2. Обще-педагогическія статьи.—3. Историко-педагогическіе очерки.—4. Воспоминанія о школьномъ времени.—5. Психологическія статьи.—6. Наблюденія надъ дѣтскою жизнью.—7. Свѣдѣнія о народной школѣ въ Россіи и за границей.—8. Новыя педагогическія движенія на Западѣ.—9. Обзоръ педагогической литературы и журналистики.—10. Хроника начальнаго народнаго и общаго средняго образованія въ Россіи.—11. Научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія.—12. Критика и библиографія.—13. Изъ жизни и литературы (хроника).—14. Научно-популярныя статьи и рефераты.—15. Разныя извѣстія и замѣтки (изъ области наукъ и педагогики).—16. Указатель новыхъ изданій, выходящихъ въ Россіи.—17. Приложенія (научно-популярныя сочиненія для учащихся и учащихся и педагогическія сочиненія). *Особенное вниманіе обращается на начальное народное образованіе.*

Въ редакціи принимаютъ дѣятельное участіе П. Э. Каптеревъ, В. Ц. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Страннолюбскій.

Сверхъ того участвуютъ А. Анастасіевъ, А. Александровъ, И. И. Боргманъ (проф.), Ф. А. Браунъ, А. И. Введенскій (проф.), А. С. Виреніусъ (д-ръ), В. А. Воскресенскій, З. Б. Вулихъ, В. В. Гориневскій (д-ръ), М. Г. Колоколова, Д. В. Корочевскій, О. П. Конради, Н. Л. Леонтьева, Е. Ф. Литвинова, Е. И. Мансимова, В. О. Михневичъ, А. Я. Острогорскій, І. И. Паульсонъ, О. М. Петерсонъ, С. Ф. Платоновъ (проф.), Н. И. Позняковъ, В. В. Пушкарева, Н. А. Рубакинъ, Е. П. Свѣшниковъ, М. М. Соколова, Е. И. Страннолюбская, Д. И. Тихоміровъ, И. О. Фесенко, Е. А. Чебышева-Дмитріева и мног. друг.

Журналъ выходитъ **ежемесячно** книжками около **восьми** печатныхъ листовъ каждая. За лѣтніе мѣсяцы журналъ выходитъ двумя двойными книжками: 5—6 №№ (май—іюнь) и 7—8 №№ (іюль—августъ).

Цѣна за годъ, т. е. за 12 №№, съ доставкой 5 р. (Для народныхъ учительницъ и учителей допускается вносить подписной платы въ два срока): Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются 10 проц. уступки.

ПОДПИСКА принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Гороховая ул., д. 18, училище глухонѣмыхъ, кв. директора); а также въ магазинѣ Фену (Невскій пр., д. Армянской церкви) и «Нов. Времени». *Изгородныхъ подписчиковъ редакціи проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору.*

Подписка на журналъ «Образованіе» за 1894 годъ прекращена за расходомъ всѣхъ экземпляровъ.

Подписка на 1895 г. принимается.

За 1892 и 1893 гг. имѣется въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ журнала «Образованіе»; приобрести можно по обычной цѣнѣ, т. е. по пяти рублей безъ приложенія. Подписчики на журналъ за 1895 г. могутъ получать экземпляры за означенные годы по четыре рубля.

Редакторъ-издатель **В. Сиповскій.**

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-8100

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
NEMARV001996

JUL 23 1996

CIRCULATION DEPT.

MAY 21 2002

YC 23069

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C056082785

